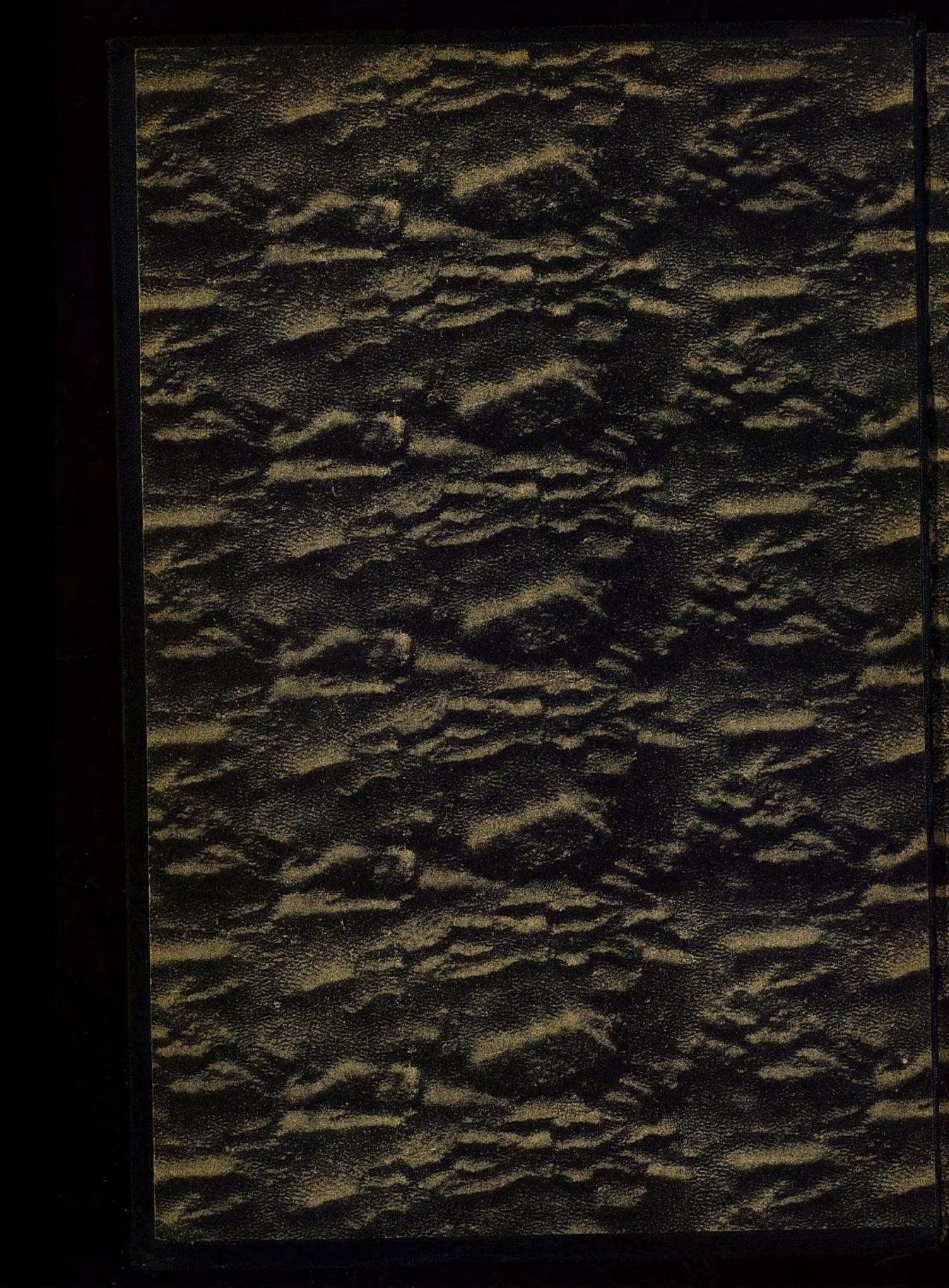
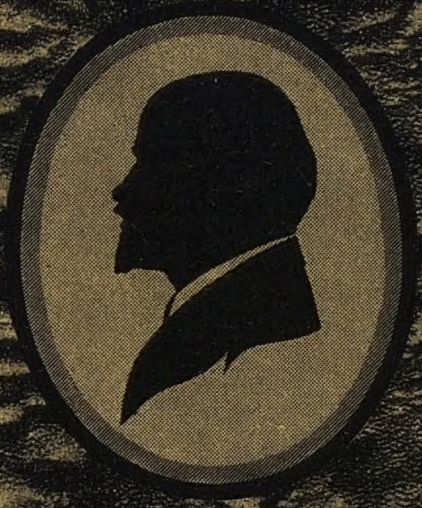
ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

VI





ЛЕНИН
СОЧИНЕНИЯ
ТОМ VI

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX СЪЕЗДА Р. К. П. (Б.)
И
II СЪЕЗДА СОВЕТОВ
С. С. С. Р.

Институт Ленина при Ц.К.В.К.П.(б.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:
Н. И. БУХАРИНА, В. М. МОЛОТОВА,
М. А. САВЕЛЬЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1·9·2·9 — ЛЕНИНГРАД

ЕДЗ
С653

ЛЕНИН

ТОМ
VI

1903-1904

6-й экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

К. П

ЕДЗ
С653

БИБЛИОТЕКА

79789 у

ОТ РЕДАКЦИИ.

Настоящий том, посвященный эпохе второго съезда и раскола, содержит произведения Ленина за время с июля 1903 года по конец 1904 года. На темы, не имеющие отношения к внутрипартийной борьбе, Лениным за этот период написано всего четыре статьи в «Искре» (против народников и против Бунда) и первомайское воззвание.

Из двух брошюр, написанных в конце 1904 года («Земская кампания и план Искры», «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией»), в том включена только вторая брошюра, хотя она написана почти на месяц позже «Земской кампании», отнесенной к следующему тому. Редакция сочла необходимым отступить в данном случае от принципа публикации произведений Ленина в хронологическом порядке, поскольку «Заявление», направленное против «примиренческого» Ц.К., завершает определенный, и притом весьма длительный, этап в развитии внутрипартийной борьбы, этап, начавшийся «разделением» на втором съезде на большинство и меньшинство и закончившийся созданием большевистского организационного центра в виде Бюро Комитетов Большинства и идейного — в виде газеты «Вперед». Что касается брошюры «Земская кампания», дающей резкую критику меньшевистской тактики по отношению к либерализму, то она по своему содержанию тесно примыкает к тому кругу вопросов, который был поднят революцией 1905 года, и поэтому включена в следующий, VII, том Сочинений.

По сравнению с первым изданием в том включено 30 новых произведений Ленина, преимущественно заметок, проектов резолюций, заявлений и т. п. Небольшие речи и замечания на II съезде партии, касающиеся сравнительно второстепенных вопросов и понятные только в контексте протоколов, а также речи, хотя и довольно значительные по своему объему, но недостаточно удовлетворительно записанные, как, например, речи Ленина на шведской (1904 г.) сессии Совета Партии, — как правило в том не включались. Воспроизведение этих речей в настоящем издании

должно быть отложено до окончания Институтом работы по восстановлению по подлинникам точного текста этих речей. После того, как подготовка текста настоящего тома в основном была закончена, вышел X «Ленинский Сборник», содержащий ряд произведений Ленина за 1903-1904 г.г. Поэтому эти работы не вошли в настоящий том.

В своих произведениях (сюда относятся и письма), написанных во второй половине 1903 года и начале следующего года в связи с различными моментами внутрипартийной борьбы, Ленин упоминает множество различных эпизодов и фактов, хорошо известных лишь непосредственным участникам II съезда и съезда Лиги и нуждающихся поэтому в обстоятельных разъяснениях. Необходимо, однако, иметь в виду, что исчерпывающую картину этой борьбы Ленин дал в написанной им несколько позже, в первых месяцах 1904 года, брошюре «Шаг вперед, два шага назад». Эта брошюра, являющаяся до известной степени сводом его более ранних работ, посвященных борьбе большинства с меньшинством, в то же время служит и комментарием к ним, вполне разъясняющим все то, что могло остаться неясным читателю при чтении первой части настоящего тома (до стр. 153). В силу этого научный аппарат настоящего тома сведен к минимуму и ограничивается лишь самыми необходимыми справками по вопросам, не освещенным в самом тексте.

Июнь 1929 года.

II СЪЕЗД Р. С.-Д. Р. П. [1]

30 (17) ИЮЛЯ — 23 (10) АВГУСТА 1903 г.

Речи впервые напечатаны в 1904 г., в женевском издании «Протоколов II Съезда Р. С.-Д. Р. П.»

Речи печатаются по тексту «Протоколов» и по рукописям

Россійская Соц.-Дем. Рабочая Партія.

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ. СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОЛНЫЙ ТЕКСТЪ

ПРОТОКОЛОВЪ.

Второй очередной СЪѢЗДЪ

Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партіи.

Изданіе

Центральнаго Ком.

Типографія Партіи. Genève, Coulouvrenière, 27.

Обложка книги: «Второй очередной съезд Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии» — 1904 г.

1.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О ДЕМОНСТРАЦИЯХ.

Съезд считает весьма важным средством политического воспитания рабочих масс устройство публичных демонстраций против самодержавия. Съезд рекомендует при этом, во-первых, стараться в особенности утилизировать для демонстраций такие моменты и такие условия, когда какое-либо безобразие царизма возбудило в особенно широких слоях населения чувство возмущения; во-вторых, направить больше всего усилия на привлечение широких *масс* рабочего класса к участию в демонстрации и на возможно лучшую *организацию* демонстраций как в их подготовлении, так и в распорядительстве на самой демонстрации и в руководстве отпором демонстрантов войску и полиции; в-третьих, начать подготовление вооруженных демонстраций, строго сообразуясь в этом отношении с указаниями Ц. К.

Съезд рекомендует также всем комитетам и остальным организациям партии подвергнуть всестороннему обсуждению вопрос о подготовлении вооруженного восстания и стараться всеми силами распространять в рабочих массах убеждение в необходимости и неизбежности восстания. Практические меры, которые уже теперь могут быть приняты к подготовлению восстания, возлагаются съездом исключительно и всецело на Ц. К.

Впервые напечатано в 1927 г. в «Ленинском Сборнике» VI.

Печатается по рукописи.

2.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О МЕСТЕ БУНДА В ПАРТИИ.

Принимая во внимание, что самое полное и самое тесное единство борющегося пролетариата безусловно необходимо как в целях скорейшего достижения его конечной цели, так и в интересах неуклонного ведения политической и экономической борьбы на почве существующего общества;

— что в частности полное единство еврейского и нееврейского пролетариата особенно необходимо кроме того и для успешной борьбы с антисемитизмом, этим гнусным раздуванием расовой особности и национальной вражды, производимым правительством и эксплуататорскими классами;

— что полное слияние с.-д. организаций еврейского и нееврейского пролетариата никоим образом и ни в чем не может стеснить самостоятельности наших еврейских товарищей в ведении пропаганды и агитации на том или ином языке, в издании соответствующей надобностям данного местного или национального движения литературы, в постановке таких лозунгов агитации и непосредственной политической борьбы, которые являлись бы применением и развитием общих и основных положений с.-д. программы о полной равноправности и полной свободе языка, национальной культуры и проч. и проч.;

— съезд решительно отвергает федеративный принцип устройства российской партии и подтверждает организационный принцип, положенный в основу устава 1898 г., т.-е. автономию национальных с.-д. организаций в делах, касающихся *)

Впервые напечатано в 1927 г. в «Ленинском Сборнике» VI.

Печатается по рукописи.

---

*) Здесь рукопись обрывается. *Ред.*

3.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ОБ ОТНОШЕНИИ К УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ.

Второй съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии приветствует оживление революционной самодеятельности среди учащейся молодежи, предлагает всем организациям партии оказать всяческое содействие этой молодежи в ее стремлениях организоваться и рекомендует всем группам и кружкам учащихся, во-первых, поставить на первый план в своей деятельности выработку среди своих членов цельного и последовательного социалистического миросозерцания, серьезное ознакомление, с одной стороны, с марксизмом, а с другой стороны, с русским народничеством и западно-европейским оппортунизмом, как главными течениями среди современных борющихся передовых направлений; во-вторых, остерегаться тех ложных друзей молодежи, которые отвлекают ее от серьезного революционного воспитания пустой революционной или идеалистической фразеологией и филистерскими сетованиями о вреде и ненужности резкой полемики между революционными и оппозиционными направлениями, ибо эти ложные друзья на деле распространяют только беспринципность и легкомысленное отношение к революционной работе; в-третьих, стараться при переходе к практической деятельности заранее заводить связи с социал-демократическими организациями, чтобы воспользоваться их указаниями и избегать, по возможности, крупных ошибок в самом начале работы.

Напечатано с некоторыми изменениями в 1904 г. в «Протоколах» II съезда. *Печатается по рукописи.*

4.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О ПАРТИЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

Съезд признает безусловную и настоятельную необходимость создания широкой популярной с.-д. литературы для всех слоев населения и в особенности для масс рабочего класса.

На первое место съезд ставит составление ряда брошюр (в 1 — 5 печатных листов) по каждому (теоретическому и практическому) пункту нашей партийной программы с подробным изложением и объяснением значения этого пункта; — а затем ряда листовок (1 — 8 печатных страниц) на те же темы для массового разбрасывания и раздачи в городах и в деревнях. Съезд поручает редакции Ц. О. немедленно принять все меры к исполнению этой задачи.

Что касается до издания особой, популярной газеты для народа или для широких слоев рабочего класса, то съезд, не отвергая этого плана в принципе, считает несвоевременным его немедленное осуществление.

Впервые напечатано в 1927 г. в «Ленинском Сборнике» VI.

Печатается по рукописи.

5.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ОБ ИЗДАНИИ ОРГАНА ДЛЯ СЕКТАНТОВ.

Принимая во внимание, что сектантское движение в России является во многих его проявлениях одним из демократических течений в России, II Съезд обращает внимание всех членов партии на работу среди сектантства, в целях привлечения их к социал-демократии. В виде опыта съезд разрешает тов. В. Бонч-Бруевичу издавать, под контролем редакции Ц. О., популярную газетку «*Среди сектантов*» и поручает Ц. К. и редакции Ц. О. принять необходимые меры к осуществлению этого издания и его успеху и к определению всех условий его правильного функционирования.

Напечатано с некоторыми изменениями в 1904 г. в «Протоколах» II съезда. *Печатается по рукописи.*

6.

ПРОЕКТЫ МЕЛКИХ РЕЗОЛЮЦИЙ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БОРЬБА.

Съезд признает безусловно необходимым поддерживать и развивать во всех случаях всеми мерами экономическую борьбу рабочих и их профессиональные союзы (преимущественно общерусские), закреплять с самого начала социал-демократический характер экономической борьбы и профессионального рабочего движения в России.

1 МАЯ.

Съезд подтверждает вошедшее уже в обычай празднование первого мая, обращая внимание всех организаций партии на выбор наиболее подходящих, при наших условиях, времени и способа чествования международного праздника освободительной борьбы пролетариата.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС.

Съезд поручает представительство Росс. С.-Д. Р. П. в международном социалистическом секретариате тов. Плеханову (взамен парижского постановления о совместном представительстве Плеханова и Кричевского).

Съезд поручает редакции Ц. О. и Ц. К. по соглашению между ними (или по решению Совета Партии) организовать представительство Росс. С.-Д. Р. П. на международном социалистическом конгрессе в Амстердаме в 1904 г.

ТЕРРОР.

Съезд решительно отвергает террор, т.-е. систему единичных политических убийств, как способ политической борьбы, в высшей степени нецелесообразный в настоящее время, отвлекающий лучшие силы от насущной и настоятельно необходимой организационной и агитационной работы, разрушающий связь революционеров с массами революционных классов населения, поселяющий и среди самих революционеров и среди населения вообще самые превратные представления о задачах и способах борьбы с самодержавием.

ПРОПАГАНДА.

Съезд обращает внимание всех членов партии на важность повышения теоретического уровня пропагандистов и создания разъездных общерусских групп лекторов для объединения пропагандистской работы.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СИЛ.

Съезд рекомендует всем, едущим из за-границы в Россию или из ссылки на место деятельности, товарищам, особенно, если они не имеют вполне прочных связей с каким-либо комитетом, стараться заблаговременно снестись с Ц. К. или его агентами для того, чтобы Ц. К. мог правильно и своевременно распределять революционные силы по России.

Впервые напечатано в 1927 г. в «Ленинском Сборнике» VI. *Печатается по рукописи.*

7.

ПРОЕКТ УСТАВА РОСС. С.-Д. Р. П. [2]).

ВАРИАНТ.

1. Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций.

2. Верховным органом партии является партийный съезд. Он созывается Ц. К. (по возможности не реже одного раза в два года). Ц. К. обязан созвать съезд, если этого требуют комитеты, или союзы комитетов партии, имевшие вместе $^1/_3$ голосов на последнем съезде, или если этого требует Совет партии. Съезд считается действительным, если на нем представлено более $^1/_2$ всех наличных в момент съезда (правоспособных) комитетов партии.

3. Представительство на съезде имеют: а) Ц. К., б) редакция Ц. О., в) все местные комитеты, не входящие в особые союзы, г) все союзы комитетов, признанные партией, и д) Заграничная Лига. Каждая из перечисленных организаций имеет на съезде по два решающих голоса. Новые комитеты и союзы комитетов получают представительство на съезде только при условии утверждения их не меньше как за $^1/_2$ года до съезда.

4. Партийный съезд назначает Ц. К., редакцию Ц. О. и Совет партии.

5. Ц. К. объединяет и направляет всю практическую деятельность партии и заведует центральной партийной кассой, а равно всеми общепартийными техническими учреждениями. Он разбирает конфликты как между различными организациями и учреждениями партии, так и внутри их.

6. Редакция Ц. О. руководит партией идейно, редактируя Ц. О. партии, научный орган и отдельные брошюры.

7. Совет партии назначается съездом из числа членов Ц. О. и Ц. К. в составе пяти лиц. Совет решает дела о пререканиях или разногласиях между редакцией Ц. О. и Ц. К. в области вопросов обще-организационных и тактических. Совет партии возобновляет Ц. К. в случае полного его провала.

8. Новые комитеты и союзы комитетов утверждаются Центральным Комитетом. Каждый комитет, союз, организация или группа, признанные партией, ведают делами, относящимися специально и исключительно к данной местности, к данному району, к данному национальному движению или к данной функции, особо

порученной этой группе, обязуясь, однако, подчиняться постановлениям Ц. К. и Ц. О. и давать средства в центральную партийную кассу в размерах, определенных Ц. К.

9. Каждый член партии и всякое лицо, имеющее какое-либо дело с партией, вправе требовать, чтобы его заявление в подлинном виде было доставлено в Ц. К. или в Ц. О. или партийному съезду.

10. Всякая партийная организация обязана доставлять и Ц. К. и редакции Ц. О. все средства для ознакомления со всей ее деятельностью и всем ее личным составом.

11. Все партийные организации и все коллегиальные учреждения партии решают дела простым большинством голосов и имеют право кооптации. Для кооптации новых членов и исключения членов требуется $^2/_3$ голосов.

12. Заграничная Лига русской революционной социал-демократии имеет целью пропаганду и агитацию за границей, а равно содействие русскому движению. Лига имеет все права комитетов, с тем только исключением, что поддержку русскому движению она оказывает не иначе, как через посредство лиц или групп, особо назначенных Центральным Комитетом.

Напечатано в 1904 г. в «Протоколах» II съезда.

Печатается по тексту «Протоколов».

8.

ПЕРВАЯ РЕЧЬ ПО ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ ДНЯ СЪЕЗДА 31 (18) ИЮЛЯ.

Я хочу сделать одно замечание. Говорят, что неправильно ставить на первое место вопрос о Бунде, так как на первом месте должны быть доклады, на втором месте программа, а на третьем — Бунд. Соображения за этот порядок не выдерживают критики. Сводятся они к тому, что партия в целом не столковалась еще о программе: может случиться, что именно по вопросу о программе мы разойдемся. Эти слова меня удивляют. Правда, у нас нет теперь принятой программы, но предположение о разрыве по вопросу о программе является до последней степени гадательным. В партии, поскольку вопрос идет о литературе ее, в последнее время отражавшей мнения партии наиболее полно, таких течений не замечалось. Мотивы для постановки вопроса о Бунде на первое место имеются и формальные, и моральные. Формально мы стоим на почве Манифеста 1898 года, а Бунд выразил желание изменить коренным образом организацию нашей партии. Морально многие другие организации выразили несогласие с Бундом по этому вопросу; таким образом возникли резкие разногласия, вызвавшие даже полемику. Нельзя, поэтому, приступить к дружной работе съезду, не устранив этих разногласий. Что касается докладов делегатов, то возможно, что вообще in pleno *) они и читаться не будут вовсе. Поэтому я поддерживаю порядок вопросов, одобренный Организационным Комитетом.

---

*) — на пленуме. *Ред.*

9.

ВТОРАЯ РЕЧЬ ПО ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ ДНЯ СЪЕЗДА 31 (18) ИЮЛЯ.

После того, как съезд решил вопрос о *первом* пункте в нашем порядке дня, единственным *оспоренным* вопросом относительно порядка дальнейших пунктов является вопрос о третьем пункте. Этот пункт гласит: «Создание Центрального Органа партии или утверждение такового». Некоторые товарищи находили, что этот пункт следует отодвинуть куда-либо дальше, ибо, во-первых, нельзя говорить о Центральном Органе, пока не вырешены вопросы об организации партии вообще и ее центра в частности и т. п., а, во-вторых, по существу этого вопроса многие комитеты уже высказались. Я нахожу неправильным последний довод, ибо заявления комитетов для съезда необязательны и формально решающего голоса на съезде не имеют. Другое возражение неправильно, ибо прежде, чем решать вопрос об организационных деталях, об уставе партии и проч., необходимо вырешить окончательно вопрос о направлении русской социал-демократии. Именно по этому вопросу мы были разделены так долго, и устранить все *разделяющие* нас разногласия по этому вопросу нельзя одним утверждением программы: этого можно достигнуть, *только* решив немедленно после вопроса о программе вопрос о том, какой Центральный Орган партии должны мы создать заново или какой именно утвердить старый с теми или иными изменениями. — Вот почему я поддерживаю тот порядок дня, который был утвержден Организационным Комитетом.

10.

РЕЧЬ ПО ВОПРОСУ О ДЕЙСТВИЯХ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА 31 (18) ИЮЛЯ [3]).

Я не могу согласиться с тов. Егоровым. Именно он нарушил устав съезда, именно он отрицает пункт об императивных мандатах. Я не сомневаюсь в существовании Организационного Комитета, как не сомневаюсь в существовании организации «Искры». У ней есть также своя организация и свой устав. Но, как только был доложен устав съезда, с ее стороны было заявлено ее делегатам, что они имеют полную свободу действия на съезде. В каком положении находимся мы, члены комиссии по проверке состава съезда, вчера выслушавшие двух членов Организационного Комитета, товарищей Штейна и Павловича, а теперь выслушивающие совсем новое предложение. Здесь есть опытные товарищи, не раз участвовавшие в международных конгрессах. Эти товарищи могли бы все рассказать вам, какую бурю негодования всегда вызывало такое явление, когда люди в комиссиях говорят одно, а на съезде другое.

11.

РЕЧЬ ПО ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПОЛЬСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ НА СЪЕЗДЕ 31 (18 ИЮЛЯ) [4]).

Комиссия в своем докладе находит присутствие на съезде польских товарищей желательным, причем лишь с правом совещательного голоса. По моему, это совершенно правильно, и мне кажется вполне резонным начать резолюцию комиссии именно с этого заявления. Очень желательно было бы также присутствие латышей и литовцев, но, к сожалению, это неосуществимо. Польские товарищи всегда могли бы заявить свои условия объединения, но это ими сделано не было. Организационный Комитет поэтому правильно поступал, будучи сдержан по отношению к ним. Прочитанное здесь письмо польской социал-демократии опять-таки не выясняет вопроса. В силу этого, предлагаю пригласить польских товарищей в качестве гостей.

79789.

12.

РЕЧЬ ПО ВОПРОСУ О МЕСТЕ БУНДА В Р.С.-Д.Р.П. 2 АВГУСТА (20 ИЮЛЯ) [5]).

Я коснусь прежде всего речи Гофмана и его выражения «компактное большинство». Тов. Гофман употребляет эти слова с упреком. По-моему, не стыдиться, а гордиться должны мы тем, что на съезде есть компактное большинство. И еще больше гордиться будем мы, если вся наша партия будет одним компактным и компактнейшим, на 90% большинством. *(Аплодисменты.)* Большинство поступило правильно, поставив вопрос о положении Бунда в партии на первое место: бундовцы тотчас же доказали эту правильность, внеся свой так называемый устав, а по сути предложив *федерацию*. Раз есть в партии члены, предлагающие федерацию, и члены отвергающие ее, то иначе и нельзя было поступить, как поставить вопрос о Бунде на первое место. Насильно мил не будешь, и нельзя говорить о внутренних делах партии, не решив твердо и неуклонно, хотим ли мы идти вместе или нет.

Суть спорного вопроса иногда не совсем правильно излагалась в прениях. Дело сводится к тому, что, по мнению многих членов партии, вредна *федерация*, федерация противоречит принципам социал-демократии в их применении к данной русской действительности. Федерация вредна, ибо она узаконяет особность и отчужденность, возводит их в принцип, в закон. Между нами действительно существует полная отчужденность, и мы не узаконять ее должны, не прикрывать фиговым листком, а бороться с ней, мы должны решительно признать и заявить необходимость твердо и неуклонно идти к *теснейшему* единству. Вот почему мы в принципе, с порога (по известному латинскому выражению) отвергаем федерацию, отвергаем *всякие* обязательные перегородки между нами. В партии всегда и без того будут разные группировки, группировки не вполне единомыслящих товарищей по вопросам и программы, и тактики, и организации, но пусть по всей партии будет *одно* деление на группы, т.-е. пусть все мыслящие одинаково соединяются в одну группу, а не так, чтобы сначала группы образовались в *одной части* партии, отдельно от группы в другой части партии, а потом соединялись между собой не группы разных взглядов и оттенков взглядов, а части партии, совмещающие разные группы. Повторяю: никаких *обязательных* перегородок мы не признаем, и потому федерацию в принципе отвергаем.

Перехожу к вопросу об автономии. Тов. Либер говорил, что федерация есть централизм, а автономия — децентрализм. Неужели тов. Либер считает членов съезда за шестилетних ребят, которых можно угощать такими софизмами? Неужели не ясно, что централизм требует *отсутствия* всяких перегородок между центром и самыми отдаленными, самыми захолустными частями партии? Наш центр получит безусловное право доходить непосредственно до каждого отдельного члена партии. Бундовцы посмеялись бы только, если бы им кто-либо предложил *внутри* Бунда такой «централизм», чтобы Ц. К. Бунда не мог сноситься со всеми ковенскими группами и товарищами *иначе, как* чрез посредство Ковенского Комитета. Кстати о комитетах. Тов. Либер восклицал с пафосом: «к чему говорить об автономии Бунда, как подчиненной одному центру организации? Ведь не дадите же вы автономию какому-нибудь Тульскому Комитету»? Ошибаетесь, тов. Либер: мы безусловно и непременно дадим автономию и «какому-нибудь» Тульскому Комитету, автономию в смысле свободы от мелочного вмешательства центра, при чем, разумеется, обязанность подчинения центру остается. Я взял слова «мелочное вмешательство» из бундовского листка: «Автономия или федерация?» [6]) — Бунд выставил эту свободу от «мелочного вмешательства», как пункт *условия*, как *требование* к партии. Выставление таких смешных требований само по себе показывает, до чего запутанным представляется спорный вопрос Бунду. Неужели Бунд думает, что партия допустит существование центра, который «*мелочно*» вмешивался бы в дела *какой бы то ни было* организации или группы партии? Неужели это не сводится именно к тому «организованному недоверию», о котором было уже говорено на съезде? Такое недоверие сквозит во всех предложениях и во всех рассуждениях бундовцев. В самом деле, разве, например, борьба за *полную* равноправность и даже за *признание* права наций на самоопределение не составляет *обязанности* всей нашей партии? Следовательно, если бы какая бы то ни было часть нашей партии не исполнила этой обязанности, то она безусловно подлежала бы осуждению в силу наших принципов, она безусловно должна бы была вызвать *поправку* со стороны центральных учреждений партии. И если бы эта обязанность не исполнялась сознательно и умышленно, несмотря на полную возможность ее исполнить, то неисполнение было бы *изменой*.

Далее тов. Либер патетически спрашивал нас: *как доказать*, что автономия в состоянии обеспечить движению еврейских рабочих безусловно необходимую для него самостоятельность? Странный вопрос! Как доказать, верен ли один из предлагаемых путей? Единственное средство — пойти по этому пути и испытать его на деле. На вопрос тов. Либера я отвечаю: *идите с нами*, и мы беремся доказать вам на деле, что все законные требования самостоятельности удовлетворяются вполне.

Когда идут споры о месте Бунда, мне всегда вспоминаются английские углекопы. Они превосходно организованы, лучше остальных рабочих. И они хотят за это провалить общее требование о 8-часовом рабочем дне, предъявляемое всеми пролетариями. Углекопы понимают единство пролетариата так же узко, как наши бундовцы. Пусть печальный пример углекопов послужит предостережением товарищам из Бунда.

13.

РЕЧЬ ПО ВОПРОСУ О ПРОГРАММЕ ПАРТИИ 4 АВГУСТА (22 ИЮЛЯ) [7]).

Прежде всего, я должен отметить чрезвычайно характерное смешение тов. Либером предводителя дворянства с слоем трудящихся и эксплуатируемых [8]). Это смешение знаменательно для всех дебатов. Везде смешивают отдельные эпизоды нашей полемики с установлением принципиальных базисов. Нельзя отрицать, как это делает тов. Либер, что возможен переход и *слоя* (того или иного) трудящегося и эксплуатируемого населения на сторону пролетариата. Вспомните, что в 1852 г. Маркс, имея в виду восстания французских крестьян, писал (в «18 Брюмера»), что крестьянство выступает то представителем прошедшего, то представителем будущего: к крестьянину можно апеллировать, имея в виду не только его предрассудок, но и его рассудок. Припомните дальше, что Маркс признавал совершенно правильным утверждение коммунаров, что дело коммуны есть также дело крестьянства [9]). Повторяю, нельзя сомневаться в том, что, при известных условиях, переход того или иного слоя трудящихся на сторону пролетариата отнюдь не невозможен. Все дело в том, чтобы точно определить эти условия. И в словах «переходят на точку зрения пролетариата» условие, о котором идет речь, выражено с полной точностью. Именно эти слова отграничивают нас, социал-демократов, самым решительным образом от всяких, якобы-социалистических, течений вообще и от так называемых социалистов-революционеров в особенности.

Перехожу к тому спорному месту из моей брошюры «Что делать?» *), которое вызвало здесь столько толкований [10]). Кажется, после всех этих толкований вопрос выяснился уже настолько, что мне остается добавить немногое. Очевидно, что здесь смешивалась принципиальная установка крупного теоретического вопроса (выработка идеологии) с одним эпизодом борьбы против экономизма. И притом эпизод этот передавался совершенно неверно.

В доказательство этого последнего положения, я могу сослаться прежде всего на говоривших здесь товарищей Акимова и Мартынова. Они показали наглядно, что именно об

*) См. IV том Сочинений, стр. 359. *Ред.*

эпизоде борьбы с экономизмом идет здесь речь. Они выступили с воззрениями, которые были уже названы (и справедливо названы) оппортунизмом. Они дошли и до «опровержения» теории обнищания и до «оспаривания» диктатуры пролетариата и даже до «Erfüllungstheorie», как выразился тов. Акимов [11]). Правда, я не знаю, что это значит. Не хотел ли тов. Акимов сказать об «Aushöhlungstheorie», о «теории опорожнения» капитализма, т.-е. об одной из самых популярных, ходячих идей бернштейнианской теории. Тов. Акимов в защите старых базисов экономизма выступил даже с таким, невероятно оригинальным, доводом, что у нас в программе слово пролетариат не стоит ни разу в именительном падеже. Самое большее — восклицал тов. Акимов — что пролетариат стоит у них в родительном падеже. Итак, оказывается, что именительный падеж самый почетный, а родительный стоит на втором месте по почетности. Остается только передать это соображение — может быть, через посредство особой комиссии — тов. Рязанову, чтоб он свой первый ученый труд о буквах [12]) дополнил вторым ученым трактатом о падежах...

Что же касается до прямых ссылок на мою брошюру «Что делать?», то мне очень не трудно доказать их вырванность из связи. Говорят: Ленин ни о каких противоборствующих тенденциях не упоминает, а абсолютно утверждает, что рабочее движение всегда «*идет*» к подчинению буржуазной идеологии. В самом деле? А не сказано ли у меня, что рабочее движение влечется к буржуазности *при благосклонном содействии* Шульце-Деличей *и им подобных* *)? И кто разумеется здесь под «подобными»? Не кто иной, как экономисты, не кто иной, как люди, говорившие, например, тогда, что буржуазная демократия в России есть фантом. Теперь легко так дешево говорить о буржуазном радикализме и либерализме, когда образцы их все видят перед собой. Но то ли было прежде?

Ленин не принимает вовсе во внимание, что и рабочие участвуют в выработке идеологии. В самом деле? А не говорится ли у меня много и много раз, что именно величайшим недостатком нашего движения является недостаток вполне сознательных рабочих, рабочих-руководителей, рабочих-революционеров? Не говорится ли там, что выработка таких рабочих-революционеров должна стать нашей очередной задачей **)? Не указывается ли там на важность развития профессионального движения и создания специальной профессиональной литературы ***)? Не ведется ли там отчаянная борьба против всяких попыток принизить уровень передовых рабочих до уровня массы или до уровня середняков?

---

*) См. IV том Сочинений, стр. 392. *Ред.*
**) См. IV том Сочинений, стр. 461 — 463. *Ред.*
***) См. IV том Сочинений, стр. 448 — 450, 477 — 478. *Ред.*

Закончу. Все мы знаем теперь, что экономисты согнули палку в одну сторону. Для выпрямления палки необходимо было согнуть палку в другую сторону, и я это сделал. Я уверен, что русская социал-демократия всегда будет с энергией выпрямлять палку, изгибаемую всяческим оппортунизмом, и что наша палка будет всегда поэтому наиболее прямой и наиболее годной к действию.

14.

ДОКЛАД ОБ УСТАВЕ ПАРТИИ 11 АВГУСТА (29 ИЮЛЯ)[13].

Ленин (докладчик) дает объяснение по поводу предложенного им проекта устава. Основной идеей устава является разделение *функций*. Поэтому, напр., деление на два центра не есть результат разделения этих центров по месту (Россия и заграница), а логическое следствие разделения по функциям. Центральному Комитету принадлежит функция практического руководства, Центральному Органу — идейного руководства. Для объединения же деятельности этих двух центров, для избежания разрозненности между ними и, отчасти, для разрешения конфликтов, необходим Совет, который вовсе не должен носить характера чисто третейского учреждения. Параграфы устава, касающиеся отношений между Центральным Комитетом и местными и определяющие сферу компетенции Центрального Комитета, не могут и не должны перечислять все пункты, в которых Центральный Комитет компетентен. Такое перечисление невозможно и неудобно, потому что немыслимо предвидеть все возможные случаи и, кроме того, неперечисленные пункты как будто бы не будут подлежать компетенции Центрального Комитета. Необходимо предоставить Центральному Комитету самому определять сферу своей компетенции, потому что во всяком местном деле могут быть затронуты общепартийные интересы, и необходимо предоставить Центральному Комитету возможность вмешаться в местные дела, вопреки, быть может, местным интересам, но в целях обще-партийных.

15.

ПЕРВАЯ РЕЧЬ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ 13 АВГУСТА (31 ИЮЛЯ) [14].

Укажу прежде всего на одну частность, выплывшую в дебатах. Тов. Егоров выражал сожаление по поводу того, что нет доклада, который мог бы значительно облегчить и направить все наши дебаты. В докладчики был предложен я, и по поводу отсутствия доклада мне приходится как бы защищаться. И я скажу в свою защиту, что доклад у меня есть: это мой ответ тов. Иксу *), который отвечает как раз на самые распространенные возражения и недоразумения, вызываемые нашей аграрной программой, и который был роздан всем делегатам съезда. Доклад не перестает быть докладом от того, что он печатается и раздается делегатам, а не читается перед ними.

Перейду к содержанию речей ораторов, которые, к сожалению, не принимали во внимание именно этого моего доклада. Тов. Мартынов, например, не принял во внимание даже более ранней литературы о нашей аграрной программе, когда он опять и опять говорил об исправлении исторической несправедливости, о напрасном возвращении за 40 лет назад, об уничтожении феодализма не современного, а феодализма, бывшего в 60-х годах, и т. д. Приходится повторяться, отвечая на эти доводы. Если бы мы опирались *только* на принцип «исправления исторической несправедливости», — мы руководились бы одной демократической фразой. Но мы ссылаемся на *существующие* вокруг нас пережитки крепостничества, на современную действительность, на то, что сейчас стесняет и задерживает освободительную борьбу пролетариата. Нас обвиняют в возвращении к седой старине. Это обвинение показывает только незнание самых общеизвестных фактов о деятельности соц.-дем. всех стран. Везде и повсюду они выставляют и осуществляют задачу: *завершить то, чего не доделала буржуазия*. Именно это делаем мы. А чтобы делать это, необходимо приходится возвращаться к прошлому, и соц.-дем. каждой страны делают это, возвращаясь всегда к *своему* 1789, к *своему* 1848 году. Русские соц.-дем. точно так же *не могут не возвращаться* и к *своему* 1861 году и возвращаться тем энергичнее и тем чаще, чем меньшую долю демократических

*) См. V том Сочинений, стр. 325. *Ред.*

преобразований осуществила наша крестьянская, с позволения сказать, «реформа».

Что касается тов. Горина, то он равным образом делает обычную ошибку, забывая о реально-существующей крепостнической кабале. Тов. Горин говорит, что «надежда на отрезки насильственно удерживает мелкого крестьянина в антипролетарской идеологии». Но ведь на деле-то не «надежда» на отрезки, а *теперешние* отрезки насильственно удерживают крепостническую кабалу, и нет иного выхода из этой кабалы, из этой крепостнической аренды, кроме превращения якобы-арендаторов в свободных собственников.

Наконец, тов. Егоров поставил авторам программы вопрос о ее значении. Является ли программа, спрашивал он, выводом из наших основных понятий об экономической эволюции России, научным предвосхищением возможного и неизбежного результата политических преобразований (в этом случае тов. Егоров мог бы согласиться с нами). Или же наша программа является практически агитационным лозунгом, и тогда нам не побить рекорда перед социалистами-революционерами, тогда эта программа должна быть признана неправильной. Я должен сказать, что не понимаю этого различия, проводимого тов. Егоровым. Если бы наша программа не удовлетворяла первому условию, то она была бы неверна, и мы не могли бы принять ее. Если же программа верна, то она не может не дать практически пригодного лозунга для агитации. Противоречие между двумя дилеммами тов. Егорова лишь кажущееся: его не может быть на деле, ибо верное теоретическое решение *обеспечивает* прочный успех в агитации. А мы стремимся именно к прочному успеху и нисколько не смущаемся временными неудачами.

Тов. Либер равным образом повторял давно отвергнутые возражения, удивляясь «мизерности» нашей программы и требуя «радикальных реформ» и в аграрной области. Тов. Либер забыл о различии между демократической и социалистической частями программы: он принял за «мизерность» отсутствие чего-либо социалистического в демократической программе. Он не заметил, что социалистическая часть нашей аграрной программы находится в другом месте, именно в рабочем отделе, который относится и к сельскому хозяйству. Только социалисты-революционеры с характеризующей их беспринципностью могут смешивать и смешивают постоянно демократические и социалистические требования, а партия пролетариата обязана строжайшим образом отделять и различать их.

16.

ВТОРАЯ РЕЧЬ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ 14 (1) АВГУСТА.

Прежде чем перейти к деталям, хочу возразить на некоторые общие положения, и прежде всего тов. Мартынова. Тов. Мартынов говорит, что мы должны бороться не с тем феодализмом, который был, а с тем, что теперь есть. Это справедливо, но я напомню ответ мой Иксу. Тот сослался на Саратовскую губернию, я взял данные той же Саратовской губернии, и оказалось: размер отрезков равен там 600.000 десятин, т.-е. $^2/_5$ всей земли, находившейся во владении крестьян при крепостном праве, а аренда равна 900.000 десятин; следовательно, $^2/_3$ арендной земли — отрезки. Значит, мы на $^2/_3$ восстановляем землепользование. Мы, значит, боремся не с привидением, а с реальным злом. Мы пришли бы к тому, что и в Ирландии, где понадобилась современная крестьянская реформа, превращающая фермеров в мелких собственников. На аналогию между Ирландией и Россией уже указывалось в экономической литературе народников. Тов. Горин говорит, что предлагаемая мной мера не лучшая, что лучше перевести в состояние свободных арендаторов. Но он ошибается, думая, что перевод полусвободных арендаторов в свободные лучше. Мы не выдумываем переход, а предлагаем такой, где юридическое землепользование делается соответствующим фактическому, и этим уничтожаем современные кабальные отношения. Мартынов говорит, что мизерны не наши требования, а мизерен тот принцип, из которого они вытекают. Но это похоже на доводы, которые приводят против нас социалисты-революционеры. В деревне мы преследуем две качественно-различные цели: во-первых, мы хотим создать свободу буржуазных отношений, во-вторых, вести борьбу пролетариата. Задача наша, вопреки предрассудкам социалистов-революционеров, — указать крестьянам, где начинается революционно-пролетарская задача крестьянского пролетариата. Поэтому несостоятельны возражения тов. Кострова. Нам говорят, что крестьянство не удовлетворится нашей программой, что оно пойдет дальше; но мы не боимся этого, для этого у нас есть наша социалистическая программа, и потому мы не боимся и передела земли, так пугающего товарищей Махова и Кострова.

Заканчиваю. Товарищ Егоров назвал химерой нашу надежду на крестьян. Нет! Мы не увлекаемся, мы достаточно скептики,

мы поэтому и говорим крестьянскому пролетарию: «Ты сейчас борешься заодно с крестьянской буржуазией, но ты должен быть всегда готов к борьбе с этой самой буржуазией, и эту борьбу ты поведешь совместно с городскими промышленными пролетариями».

В 48 году Маркс сказал, что у крестьян есть не только предрассудок, но и рассудок. И, указывая теперь крестьянской бедноте на причину ее бедноты, мы можем рассчитывать на успех. Мы верим, что ввиду того, что социал-демократия выступила теперь на борьбу за крестьянские интересы, мы в будущем будем считаться с фактом, что крестьянская масса привыкнет смотреть на социал-демократию, как на защитницу ее интересов.

17.

ТРЕТЬЯ РЕЧЬ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ 14 (1) АВГУСТА.

Тов. Либер напрасно удивляется. Он требует от нас одной общей мерки, но такой мерки не существует. Приходится выдвигать один раз одно, другой раз — иное. У нас нет шаблонов. Либер указывает, что наше требование об уничтожении крепостничества совпадает с требованиями либералов. Но либералы не говорят о том, как это требование будет проведено. Мы же говорим, что оно должно быть проведено не бюрократией, а угнетенными классами, а это есть уже путь революции. В этом наше коренное отличие от либералов, которые своими рассуждениями о преобразованиях и реформах «испакощивают» народное сознание. Если бы мы стали конкретизировать все требования об уничтожении крепостничества, то у нас получились бы целые томы. Поэтому-то мы указываем только на важнейшие формы и виды закрепощения. А наши комитеты в различных местностях, в развитие общей программы, выставят и разработают свои частичные требования. Указание Троцкого, что мы не можем касаться местных требований,— неверно в том отношении, что вопрос о хизанах и временно-обязанных не только местный вопрос [15]). К тому же о нем известно в аграрной литературе.

18.

ЧЕТВЕРТАЯ РЕЧЬ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ 14 (1) АВГУСТА.

Тов. Либер предлагает уничтожить пункт об отрезках на том только основании, что ему не нравятся крестьянские комитеты [16]). Это странно. Раз мы сошлись на основном вопросе о том, что отрезки закабаляют крестьян, то учреждение комитетов является частностью, из-за которой нелогично отвергать весь пункт. Странен также вопрос, как мы будем влиять на крестьянские комитеты. Надеюсь, социал-демократы тогда с меньшими трудностями смогут устраивать съезды и на них сговорятся, как действовать в каждом данном случае.

19.

РЕЧЬ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ УСТАВА ПАРТИИ 15 (2) АВГУСТА.

Я прежде всего хотел бы сделать два замечания частного свойства. Во-первых, по поводу любезного (говорю это без иронии) предложения Аксельрода «сторговаться». Я охотно последовал бы этому призыву, ибо вовсе не считаю наше разногласие таким существенным, чтобы от него зависела жизнь или смерть партии. От плохого пункта устава мы еще далеко не погибнем! Но раз уже дошло дело до выбора из *двух* формулировок, то я никак не могу отказаться от своего твердого убеждения, что формулировка Мартова есть *ухудшение* первоначального проекта, ухудшение, которое *может* принести партии, при известных условиях, не мало вреда. Второе замечание относится к тов. Брукэр. Совершенно естественно, что, желая провести повсюду выборный принцип, тов. Брукэр принял мою формулировку, которая одна только определяет сколько-нибудь точно понятие *члена* партии. Мне непонятно поэтому удовольствие тов. Мартова по поводу согласия со мной тов. Брукэра. Неужели тов. Мартов в самом деле за *руководство* для себя признает обратное тому, что говорит Брукэр, без разбора его мотивов и аргументов? Переходя к существу дела, я скажу, что тов. Троцкий совершенно не понял основной мысли тов. Плеханова и поэтому обошел в своих рассуждениях всю суть вопроса. Он говорил об интеллигентах и рабочих, о классовой точке зрения и о массовом движении, но не заметил одного основного вопроса: суживает или расширяет моя формулировка понятие члена партии? Если бы он задал себе этот вопрос, он легко увидал бы, что моя формулировка суживает это понятие, а Мартовская расширяет, отличаясь (по верному выражению самого Мартова) «эластичностью». И именно «эластичность» в такой период партийной жизни, как переживаемый нами, несомненно раскрывает двери для всех элементов разброда, шатания и оппортунизма. Чтобы опровергнуть этот простой и очевидный вывод, надо доказать, что таких элементов нет, а тов. Троцкий и не подумал сделать это. Да и нельзя доказать этого, ибо все знают, что таких элементов не мало, что есть они и в рабочем классе. Охрана твердости линии и чистоты принципов партии становится именно теперь делом тем более настоятельным, что восстановленная

в своем единстве партия примет в свои ряды очень много неустойчивых элементов, число которых будет расти по мере роста партии. Тов. Троцкий очень неправильно понял основную мысль моей книги «Что делать?», когда говорил, что партия не есть заговорщическая организация (это возражение делали мне и многие другие). Он забыл, что я предлагаю в своей книге целый ряд различных типов организаций, начиная от самых конспиративных и самых узких и кончая сравнительно широкими и «свободными» (lose) *). Он забыл, что партия должна быть лишь передовым отрядом, руководителем громадной массы рабочего класса, который весь (или почти весь) работает «под контролем и руководством» партийных организаций, но который не входит весь и не должен входить весь в «партию». Посмотрите, в самом деле, какие выводы получает тов. Троцкий в силу основной своей ошибки. Он говорил нам здесь, что если бы ряды и ряды рабочих арестовывались и все рабочие заявляли о своей непринадлежности к партии, то странной была бы наша партия! Не наоборот ли? Не странно ли рассуждение тов. Троцкого? Он считает печальным то, что всякого сколько-либо опытного революционера могло бы лишь радовать. Если бы сотни и тысячи арестуемых за стачки и демонстрации рабочих оказывались не членами партийных организаций, это доказало бы только, что наши организации хороши, что мы выполняем свою задачу — законспирировать более или менее узкий круг руководителей и привлечь к движению возможно более широкую массу.

Корень ошибки тех, кто стоит за формулировку Мартова, состоит в том, что они не только игнорируют одно из основных зол нашей партийной жизни, но даже освящают это зло. Состоит это зло в том, что в атмосфере почти всеобщего политического недовольства, при условиях полной скрытности работы, при условиях сосредоточения большей части деятельности в тесных тайных кружках и даже частных свиданиях, нам до последней степени трудно, почти невозможно, отграничить болтающих от работающих. И едва ли найдется другая страна, в которой бы смешение этих двух категорий было так обычно, вносило такую тьму путаницы и вреда, как в России. Не только в интеллигенции, но и в среде рабочего класса, мы страдаем от этого зла жестоко, и формулировка тов. Мартова узаконяет это зло. Формулировка эта неизбежно стремится *всех и каждого* сделать членами партии; тов. Мартов сам должен был признать это с оговоркой — «если хотите, да», сказал он. Именно этого-то и не хотим мы! Именно поэтому мы и восстаем так решительно против формулировки Мартова. Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии (действительные

*) См. IV том Сочинений, стр. 452. *Ред.*

работники за чинами не гонятся!), чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии. Вот принцип, который мне кажется неопровержимым и который заставляет меня бороться против Мартова. Мне возражали, что прав-то членам партии мы никаких не даем, и поэтому и злоупотреблений быть не может. Такое возражение совершенно несостоятельно: если у нас не указано, какие именно особые права получает член партии, то заметьте, что у нас не приведено и никаких указаний об ограничении прав членов партии. Это, во-первых. А во-вторых, и это главное, независимо даже от прав, нельзя забывать, что всякий член партии ответственен за партию и *партия ответственна за всякого члена.* При наших же условиях политической деятельности, при зачаточном состоянии настоящей политической организованности, было бы прямо опасно и вредно давать не членам организации право членства и возлагать ответственность на партию за таких людей, которые в организацию не входят (и не входят, может быть, умышленно). Тов. Мартов приходил в ужас по поводу того, что на суде не член партийной организации не в праве будет, несмотря на свою энергичную работу, назвать себя членом партии. Меня это не пугает. Серьезным вредом было бы, наоборот, если бы на суде заявил себя с нежелательной стороны человек, который называет себя членом партии, не принадлежа ни к одной из партийных организаций. Невозможно опровергнуть, что такое лицо работало под контролем и руководством организации, невозможно именно в силу расплывчатости термина. Фактически — в этом не может быть сомнения — слова «под контролем и руководством» приведут к тому, что *не будет ни контроля, ни руководства.* Никогда Ц. К. не в силах будет распространить настоящий контроль на всех работающих, но не входящих в организации. Наша задача — дать *фактический* контроль в руки Ц. К. Наша задача — оберегать твердость, выдержанность, чистоту нашей партии. Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше, — и поэтому я против формулировки Мартова.

20.

РЕЧЬ ПРИ ВЫБОРАХ РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ» 20 (7) АВГУСТА [17]).

Прошу у съезда разрешения ответить Мартову *).

Тов. Мартов говорил, что данным вотумом наложено пятно на его политическую репутацию. Выборы ничего общего не имеют с оскорблением политической репутации. *(Крики: «неверно! неправда!» Плеханов и Ленин протестуют против перерывов. Ленин просит секретарей занести в протокол, что товарищи Засулич, Мартов и Троцкий его прерывали, и просит записывать, сколько раз его прерывали.)* Встать на эту точку зрения — значит отрицать право съезда на новые выборы, на всяческое изменение состава должностных лиц, на переборку уполномочиваемых им коллегий. Какую путаницу вносит такая постановка вопроса, видно хотя бы из примера Организационного Комитета. Мы выразили ему полное доверие и благодарность съезда, но мы в то же время осмеяли самую мысль о том, что съезд не вправе разобраться во внутренних отношениях О. К., мы в то же время отстранили всякое предположение о том, что старый состав О. К. стеснит нас в «петоварищеской» переборке этого состава и в образовании из любых элементов *нового* Ц. К. Повторяю еще раз: в воззрениях тов. Мартова на допустимость выборов *части* прежней коллегии проявляется величайшее смешение политических понятий. — Я перейду теперь к вопросу о «двух тройках». Тов. Мартов сказал, что весь этот проект «двух троек» есть дело одного лица, одного члена редакции (именно мой

*) В первоначальной записи начало речи изложено следующим образом: «Речь Мартова была настолько странная, что я вижу себя вынужденным решительно восстать против его постановки вопроса. Я понимаю прежде всего, что протест Мартова против выборов редакции, отказ его и его товарищей от участия в имеющей быть выбранной редакции, находится в вопиющем противоречии с тем, что говорили все мы (и Мартов в том числе), когда партийным органом была объявлена «Искра». Нам возражали тогда, что такое признание не имеет смысла, ибо нельзя утверждать одного заголовка без утверждения редакции, и сам же тов. Мартов разъяснял возражателям, что *это неправда*, что утверждается определенное политическое направление, что состав редакции не предрешается ничем, что выбор редакторов предстоит еще впереди, по пункту 18 нашего порядка дня. Поэтому тов. Мартов не имел теперь *решительно никакого права* говорить об ограничении признания «Искры». *Ред.*

проект), и что никто больше за него не ответствен. Я *категорически протестую* против этого утверждения и заявляю, что оно *прямо неверно*. Я напомню тов. Мартову, что за несколько недель до съезда я прямо заявил ему и еще одному члену редакции, что я буду *требовать* на съезде *свободного выбора* редакции. Я отказался от этого плана лишь потому, что *сам тов. Мартов* предложил мне вместо него более удобный план выбора *двух троек*. Я формулировал тогда этот план на бумаге и послал его *прежде всего* самому тов. Мартову, который вернул мне его с исправлениями, — вот он, у меня этот самый экземпляр, где исправления Мартова записаны красными чернилами [18]). Целый ряд товарищей видел затем этот проект десятки раз, видели его и все члены редакции, и *никто никогда* не протестовал против него формально. Говорю «формально», ибо тов. Аксельрод однажды, если я не ошибаюсь, бросил как-то частное замечание о несочувствии его этому проекту. Но само собою разумеется, что для протеста редакции требовалось не частное замечание. Редакция недаром приняла даже перед съездом формальное решение пригласить определенное *седьмое* лицо [19]) для того, чтобы, в случае необходимости выступить на съезде с каким-либо коллективным заявлением, можно было принять непоколебимое решение, столь часто не достигавшееся в нашей коллегии из шести. И *все члены редакции знают*, что пополнение шестерки седьмым постоянным членом редакции составляло уже очень и очень давно предмет наших постоянных забот. Таким образом, повторяю, выход в виде выбора «двух троек» был совершенно естественным выходом, который я и ввел в свой проект *с ведома и согласия* товарища Мартова. И тов. Мартов вместе с тов. Троцким и другими много и много раз после того защищали эту систему выбора «двух троек» на целом ряде частных собраний «искряков». Исправляя заявление Мартова о частном характере двух троек, я и не думаю, однако, затрагивать этим утверждения того же Мартова о «политическом значении» того шага, который мы сделали, не утвердив старой редакции. Напротив, я вполне и безусловно согласен с тов. Мартовым в том, что этот шаг имеет крупное политическое значение — только не то, какое приписывает ему Мартов. Он говорил, что это есть акт борьбы за влияние на Ц. К. в России. Я пойду дальше Мартова. *Борьбой* за влияние была до сих пор вся деятельность «Искры», как частной группы, а теперь речь идет уже о большем, об *организационном закреплении* влияния, а не только о борьбе за него. До какой степени глубоко мы расходимся здесь *политически* с тов. Мартовым, видно из того, что он ставит мне *в вину* это желание влиять на Ц. К., а я ставлю себе *в заслугу* то, что я стремился и стремлюсь закрепить это влияние организационным путем. Оказывается, что мы говорим даже на разных языках.

К чему была бы вся наша работа, все наши усилия, если бы венцом их была все та же старая борьба за влияние, а не полное приобретение и упрочение влияния. Да, тов. Мартов совершенно прав: сделанный шаг есть, несомненно, *крупный политический шаг,* свидетельствующий о выборе одного из наметившихся теперь направлений в дальнейшей работе нашей партии. И меня нисколько не пугают страшные слова об «осадном положении в партии», об «исключительных законах против отдельных лиц и групп» и т. п. По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, мы обязаны создавать «осадное положение», и весь наш устав партии, весь наш утвержденный отныне съездом централизм есть не что иное, как «осадное положение» для столь многочисленных источников *политической расплывчатости.* Против расплывчатости именно и нужны особые, хотя бы и исключительные законы, и сделанный съездом шаг правильно наметил политическое направление, создав прочный базис для *таких* законов и *таких* мер.

ПРОТИВОРЕЧИЯ И ЗИГЗАГИ МАРТОВА [20]).

1. Разбивал Организационный Комитет за его шатания и скачки, за quasi-искровство, — а потом вводил шатающихся и quasi-искровцев в Ц. К.

2. Защищал всегда организационные идеи Искры («Что делать?» *)) — и провел жоресистский первый пункт устава.

3. Соглашался на обновление редакции путем тройки, — а потом боролся на съезде за шестерку quand même **).

4. Боролся против так-называемого «демократизма» — и отстаивал «свободу» при кооптации в центры.

Написано в конце августа 1903 г.
Впервые напечатано в 1927 г. в «Ленинском Сборнике» VI.

Печатается по рукописи.

---

*) См. IV том Сочинений, стр. 359. *Ред.*
**) — во что бы то ни стало. *Ред.*

ПИСЬМО А. М. КАЛМЫКОВОЙ [21]).

Получил сейчас Ваше письмо и спешу ответить. Да, я вижу, что Вы уже осведомлены и что сумма сведений, давших эту осведомленность, окрашена, — как и не могло, конечно, не быть, определенным цветом. Я понимаю также, что происшедшее не может не терзать Вас.

Но одно дело знать, другое — понять, справедливо пишете Вы, и я глубоко убежден, что нельзя понять происшедшего с точки зрения «влияния страшного нервного переутомления». Нервное переутомление могло лишь вызвать острое озлобление, бешенство и безрассудное отношение к результатам, но самые-то результаты совершенно неизбежны, и наступление их давно было лишь вопросом времени.

«Шпана» и «преторианцы» — говорите Вы. Это не так. Политическая группировка была im Grossen und Ganzen *) такова: 5 бундовцев, 3 рабочедельца, 4 южнорабоченца, 6 «болота» или нерешительных, 9 искровцев мягкой линии (или Zickzackkurs'a **)) и 24 искровца твердой линии: это решающие голоса и приблизительные, конечно. Бывали случаи, когда все перепутывалось иначе, но à vol d'oiseau ***), в итоге, группы именно таковы. Самый крупный случай перетасовки (равноправие языков), когда попятилось много искровцев, оставил за нами не менее 23 (из всего числа 33 искровцев) и даже из этих 23 «мартовцы» были в меньшинстве. А знаете ли Вы результаты вота в собрании 16? 16-ти *членов организации Искры*, а не «шпаны», не «преторианцев»? Знаете ли, что и здесь Мартов *был в меньшинстве* и по вопросу о лице, бывшем яблоком раздора, *и по вопросу о списках?*

Меньшинство искровцев мягкого или зигзагового курса разбило большинство (на вопросе об уставе, и не раз) коалицией бунда + болота + южнорабоченцев. А когда Бунд и Рабочее Дело ушли, большинство искряков взяли реванш. Voilà tout ****). И ни один человек не сомневается в том, что, не уйди бунд, Мартов

*) — в общем и целом. *Ред.*
**) — движение по ломаной, зигзаговой линии. *Ред.*
***) — с высоты птичьего полета, с точки зрения процесса в целом. *Ред.*
****) — вот и все. *Ред.*

разбил бы нас на центрах. И из такого финала вывести оскорбление, обиды, раскол партии! Это безумие. Сочиняют, что «преторианцы» вышибали за клеветническое обвинение в оппортунизме, что пятнали и устраняли деловых людей etc. Пустое все это, плод обиженной фантазии, rien de plus *). Никого, абсолютно никого не «пятнали» и не устраняли от работы, от участия в деле. Устраняли только кое-кого от *центра* — за это обижаться? за это рвать партию? из-за этого конструировать теорию гипер-централизма? из-за этого кричать о ежовых рукавицах etc.? Никогда и ни на минуту не сомневался и не могу усомниться в том, что тройка редакторов есть *единственная* истинно-деловая тройка, ничего не разбивающая, а приспособляющая старую «семейную» коллегию к роли *должностного* лица. Именно семейность шестерки терзала нас все 3 года, *Вы-то это отлично знаете,* и с того момента, как Искра стала партией и партия стала Искрой, мы *должны* были, *обязаны* были порвать с 6-кой, порвать с семейностью. Именно поэтому я уже перед съездом заявил, что буду требовать свободы выбора редакции — respective **) тройки, которая есть единственный базис и для дельной кооптации.

Разрыв с «семейностью» был безусловно необходим для дела, и я уверен, что шестерка вся мирно приняла бы эту тройку, если бы не сопутствующие драки из-за 1 §-фа и из-за Ц. К. *Только* эти драки окрасили в их глазах 3-ку в этот «ужасный» абсолютно неверный цвет. «Ужасного» ровно ничего, а стеснение Zickzackkurs'a было необходимо, и большинство *искряков* (и на съезде и внутри организации «Искры») это прекрасно понимало.

Нет, повторяю, финал не есть «непредвиденная напасть», финал не есть «дробление целого». Неверно. Неверно, что можно проклясть день «повышения в чине»—или вся наша старая работа навсегда осталась бы мукой Тантала. И в партии, на ее формальном базисе, при подчинении *всего* уставу ***) (из-за которого мы не даром отчаянно дрались, за все до мелочи дрались с Мартовым, который тут *победил*), в такой партии старая семейная редакция (за 3 года *ни разу* — факт — не собравшаяся в числе 6) была *невозможна,* тем более, что в партию тут же вошли, по праву, на формальном основании вошли кучей неискровцы. И это требовало именно твердой линии и последовательной, а не зигзаговой политики. К старому нет возврата, и только расстроенное воображение может рисовать картину, что Мартова ведут на заклание, а не для совместной работы с

*) — ничего больше. *Ред.*

**) — то-есть. *Ред.*

***) Вот почему «конституции промежду собя» *невозможны* теперь, безусловно невозможны ни юридически, ни морально.

товарищами, из коих каждый имеет оттенок политической линии. De facto, скажу еще, решающим, политически решающим (а не литературным) центром была эта тройка и *всегда раньше, все эти 3 года, в 99 случаях из ста.*

Мне смешны теперь жалобы «их» на шпану, на преторианцев, сетования о «кристалле» редакции Искры, — после того, как Мартов *бил* большинство искряков союзом с Бундом, и *приготовил все* для побития их сим союзом и в вопросе о центрах. Союзом бил, говорю, а не сделкой, я и не думаю обвинять их в *сделке* с болотом и с Бундом, ничего подобного. Когда «они» толкуют, что против них распускали «позорящие слухи» (союзники, де, бундистов), «они» повторяют свою обычную ошибку смешения личного и политического. Сделка была-бы лично некрасива. Союз зависел *не от их воли,* союз их определился их ошибкой; не они пошли с Бундом + Болотом, а Бунд + болото + Южный Рабочий etc. пошли за ними, сразу смекнув, кого из искровцев надо поддержать с точки зрения анти-искровцев. Бунд + болото etc. политически *обнаружили* только организационную и тактическую ошибку Мартова.

Кто знает все факты съезда и в особенности распределение искровских голосов (и на съезде и в тайной организации Искры), для того не может быть сомнения, что возврата назад нет. *Искряки* разошлись, а Искра не могла же вне искряков быть. И, повторяю, *среди искряков* Мартов был в безусловном меньшинстве, и *раскол* в партии (к которому Мартов идет *фатально,* с каждым днем все больше) окажется восстанием меньшинства, и юридически, и *еще более по существу дела* неправого.

Мы за ошибку ни Мартова, ни кого другого не «пятнаем», а *всех* их зовем к работе.

Насчет «материальных средств», о которых Вы упоминаете, неважны наши дела теперь, спору нет, и источники калифорнийские ухнули. Но, в случае чего, вынесем и крайнюю нужду, лишь бы не дать ломать *из-за недовольства составом центров* (ибо объективно *только* к этому и сводится «их» недовольство) всей многолетней работы.

«Делить и ведро, что ли?» спрашиваете Вы. Я вряд ли мог бы ответить на этот вопрос, ибо на беспристрастие в «дележе» претензий не имею, а пристрастного ответа Вам не надобно. Я убежден, что «дробных частей» никаких нет, а есть безумная *попытка* раздробить, разнести и разбить целое (раскладывать новый очаг по Вашему выражению) из-за поражения *по одному* вопросу, в котором пораженные искряки были архи-неправы.

Жму руку.

Написано 7 сентября (25 августа) 1903 г.
Впервые напечатано в 1927 г. в «Ленинском Сборнике» VI.

Печатается по копии, переписанной рукой Н. К. Крупской.

ПИСЬМО А. Н. ПОТРЕСОВУ.

Я пробовал побеседовать с Юлием Осиповичем на днях, когда атмосфера надвигающегося раскола выяснилась уже вполне, и хочу еще попробовать побеседовать с Вами, надеясь, что Вы, так же, как и Юлий Осипович, были бы не прочь сделать попытку объясниться. Если эта надежда неосновательна, Вы, конечно, мне это сообщите, а я все же пока сделаю, что̀ считаю нужным.

Отказ от редакции Мартова, отказ от сотрудничества его и других литераторов партии, отказ работать на Ц. К. целого ряда лиц, пропаганда идеи бойкота или пассивного сопротивления, — все это неминуемо приведет, даже против воли Мартова и его друзей, приведет к расколу партии. Если даже Мартов будет удерживаться на лояльной почве (на которую он так решительно встал на съезде), то другие не удержатся, — и указанный мною исход будет неизбежен (недаром же, кстати, и тетка пишет о «раскладывании нового очага»).

И вот я спрашиваю себя: из-за чего же, в самом деле, мы разойдемся так на всю жизнь врагами? Я перебираю все события и впечатления съезда, я сознаю, что часто поступал и действовал в страшном раздражении, «бешено», я охотно готов признать *пред кем угодно* эту свою вину, — если следует назвать виной то, что естественно вызвано было атмосферой, реакцией, репликой, борьбой etc. Но, смотря без всякого бешенства теперь на достигнутые результаты, на осуществленное посредством бешеной борьбы, я решительно не могу видеть в результатах ничего, ровно ничего вредного для партии и абсолютно ничего обидного или оскорбительного для меньшинства.

Конечно, обидно не могло не быть уже то, что пришлось остаться в меньшинстве, но я категорически протестую против мысли о том, чтобы мы «пятнали» кого-либо, чтобы мы *хотели* оскорбить или унизить кого-либо. Ничего подобного. И не след допускать, чтобы политическое расхождение вело к истолкованию событий посредством обвинения другой стороны в недобросовестности, прохвостничестве, интриганстве и прочих милых вещах,

о которых все чаще и чаще слышишь в атмосфере надвигающегося раскола. Не след допускать этого, ибо это, по меньшей мере, до nec plus ultra *) неразумно.

Мы политически (и организационно) разошлись с Мартовым,— как расходились с ним десятки раз. Будучи побежден на вопросе о § 1 устава, я не мог не стремиться со всей энергией к реваншу на том, что у меня (и у съезда) оставалось. Я не мог не стремиться, с одной стороны, к строго искровскому Ц.К.,—с другой, к редакционной тройке, устраняющей самую почву наших старых, безвыходных драк, соединяющей людей, из коих каждый имеет свою политическую линию, из коих каждый решает и будет решать всегда «не взирая на лица», а по своему крайнему убеждению. Я говорил (во время нашего с Вами и с Юлием Осиповичем разговора о тройке перед съездом), что больше всего считаю вредным для дела присутствие в шестерке одного вечно отсутствующего члена [22]), я возмущался и тогда еще, сугубо возмущался непомерно личным отношением Засулич (хотя Юлий Осипович и забыл это), я совершенно определенно сказал (когда Вы назвали *вероятнейшую* выборную тройку), что и я считаю ее самой вероятной и что я не вижу ничего худого в том, если бы даже она *осталась и одна,* не сойдясь ни на какой кооптации (хотя тогда и намечали мы одну из возможных кооптаций). Юлий Осипович забыл и это последнее мое заявление, которое я очень хорошо помню. Но спорить тут, конечно, бесполезно. Важно не это, важно то, что при такой тройке ни одна из тех мучительных, затяжных, безвыходных драк, с которых мы начали работу Искры в 1900 году и которые повторялись не раз, *месяцами* лишая нас работоспособности,—*ни одна такая* драка была бы невозможна. И вот почему я считаю эту тройку *единственно* способной быть должностным учреждением, а не коллегией, основанной на семейственности и халатности, единственным настоящим центром, в котором, повторяю, каждый и всегда вносил бы и отстаивал свою партийную точку зрения, *ни на волос больше* и irrespective **) от всего личного, от *всяких* соображений об обиде, об уходе.

Эта тройка, после событий на съезде, несомненно, узаконяла политическую и организационную линию, *в одном отношении* направленную против Мартова. Несомненно. Из-за этого рвать? Из-за этого ломать партию?? А разве по вопросу о демонстрациях не были Мартов и Плеханов против меня? А разве по вопросу о программе не был я и Мартов против Плеханова? Разве *всякая* 3-ка не обращена *всегда* одной своей стороной против каждого участника? Если большинство искряков и в организации

*) — до последней степени. *Ред.*
**) — независимо. *Ред.*

Искры и на съезде нашло ошибочным вот этот специальный оттенок мартовской линии в организационном и политическом отношении, неужели не безумны, в самом деле, попытки объяснить это каким-то «подстраиванием» да «натравливанием» и т. п.? Неужели не безумно было бы отговориться от этого факта, *обругавши* это большинство «шпаной»?

Повторяю: я, как и большинство искряков съезда, глубоко убежден, что Мартов взял неверную линию и что его надо было поправить. Строить обиду из-за этой поправки, выводить отсюда оскорбление etc. — неразумно. Никого и ни в чем мы не «пятнали», не пятнаем и не устраняем *от работы*. А из-за устранения *от центра* поднимать раскол было бы непостижимым для меня безумием.

Написано 13 сентября (31 августа) 1903 г.

Напечатано, в неполном виде, в 1904 г. в брошюре В. И. Ленина: «Шаг вперед, два шага назад», полностью — в 1927 г. в «Ленинском Сборнике» VI.

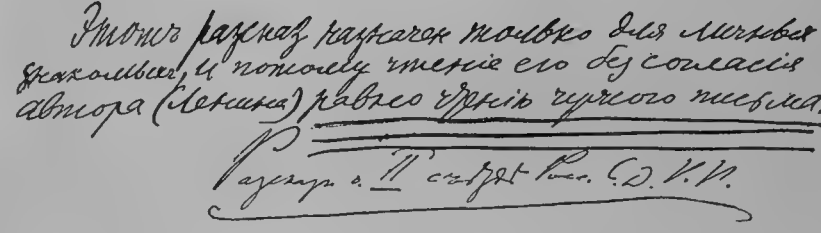
Печатается по копии, переписанной рукой Н. К. Крупской.

РАССКАЗ
О II СЪЕЗДЕ Р. С.-Д. Р. П. [23])

Написано в первой половине сентября 1903 г.

Впервые напечатано в 1927 г. в «Ленинском Сборнике» VI

Печатается по рукописи



Первая страница рукописи В. И. Ленина: «Рассказ о II съезде Рос. С.-Д. Р. П.» — 1903 г.

Уменьшено

Этот рассказ назначен только для личных знакомых, и потому чтение его без согласия автора (Ленина) равно чтению чужого письма.

Для понимания дальнейшего скажу прежде всего о составе съезда, хотя это и будет отчасти забеганием вперед. Решающих голосов на съезде было 51 (33 делегата с 1 голосом и 9 с двумя, 9 «двуруких»). Совещательных голосов, если я не ошибаюсь, 10, всего значит 52 человека. Политическая группировка этих голосов, как она выяснилась в течение *всего* съезда, такова: решающие голоса — 5 бундовских, 3 рабочедельских (2 от Союза Русских Социал-Демократов заграницей и 1 от Питерского Союза Борьбы), 4 южнорабоченца (2 от группы Южный Рабочий и 2 от Харьковского Комитета, вполне солидарного с Южным Рабочим), 6 нерешительных, колеблющихся («болото», как звали их в шутку, конечно,— *все* искряки), затем около 33 искровцев, более или менее твердых и последовательных в своем искрянстве. Эти 33 искровца, которые, будучи едины, всегда решали судьбу всякого вопроса на съезде, раскололись, в свою очередь, на 2 подгруппы, раскололись окончательно лишь в конце съезда: одна подгруппа, приблизительно в 9 голосов искровцев «мягкой», вернее, «зигзаговой» линии (или женской линии, как острили, и не без основания, некоторые шутники), искровцев, стоявших (как ниже будет видно) за справедливость, за равнодействующую etc., и около 24 голосов искровцев твердой линии, отстаивавших последовательный искризм и в тактике и в личном составе центральных учреждений партии.

Повторяю, такая группировка окончательно сложилась и вполне выяснилась лишь post factum *), в конце съезда (имевшего до 40 заседаний!), и я забегаю вперед, очерчивая эту группировку вначале. Оговорюсь также, что группировка эта дает лишь *приблизительное* число голосов, ибо по отдельным мелким вопросам (а однажды, в вопросе о «равноправии языков», о чем ниже, и по крупному поводу) голоса нередко разбивались, часть воздерживалась, группировки смешивались и т. д.

*) — впоследствии. *Ред.*

Состав съезда определен был предварительно Организационным Комитетом, который имел право, по уставу съезда, приглашать на съезд кого найдет нужным, с совещательным голосом. На съезде была выбрана, с самого начала, комиссия для проверки мандатов, в которую (комиссию) перешло все и вся, относящееся к составу съезда. (В скобках сказать, и в эту комиссию вошел бундист, который измором брал всех членов комиссии, задержав их до 3-х часов ночи и оставшись все же «при особом мнении» *по каждому вопросу.*)

Начался съезд при мирной и дружной работе всех искряков, между которыми оттенки в мнениях были, конечно, всегда, но наружу эти оттенки, в качестве политических разногласий, не выступали. Кстати заметим наперед, что раскол искряков был одним из главных политических результатов съезда, и желающему ознакомиться с делом надо обратить поэтому особое внимание на все эпизоды, связанные, хотя бы отдаленно, с этим расколом.

Довольно важным актом в самом начале съезда был выбор *бюро* или *президиума*. Мартов стоял за выбор 9 лиц, которые бы на каждое заседание выбирали по 3 в бюро, причем в состав этих 9-ти он вводил даже бундиста. Я стоял за выбор только трех на весь съезд, и притом трех для «держания в строгости». Выбраны были: Плеханов, я и товарищ Т (о нем часто будет идти речь ниже — искровец твердой линии, член О. К.). Этот последний прошел, впрочем, небольшим большинством голосов против одного южнорабоченца (тоже члена О. К.). Разногласие между мною и Мартовым по вопросу о бюро (разногласие, характерное с точки зрения всего дальнейшего) не повело, однако, ни к какому расколу или конфликту: дело уладилось как-то мирно, само собою, «по семейному», как улаживались большею частью вообще дела в организации Искры и в редакции Искры.

К началу же съезда относится (тайное и неформальное, конечно) заседание организации Искры по вопросу о ее мандатах на съезде. Заседание пришло равным образом к мирному, «полюбовному» решению вопроса. Я отмечаю это заседание лишь потому, что считаю характерным, во-1-х, дружную работу искряков в начале съезда, а, во-2-х, их решение прибегать, в случаях сомнительных и спорных, к авторитету организации Искры (вернее, членов организации Искры, присутствовавших на съезде), причем, конечно, обязательного значения голосования этих собраний не имели, ибо правило: «императивные мандаты отменены», каждый может и обязан вотировать на съезде по своему личному, свободному убеждению, без всякого подчинения какой бы то ни было организации, — это правило, говорю я, всеми искряками признавалось, и в начале чуть-ли не каждого заседания Искры громко провозглашалось председателем.

Далее. Первым инцидентом на Съезде, который вскрыл, что не все обстоит ладно среди искряков, и который послужил «завязкой» финальной драмы (или трагикомедии?), явился пресловутый «*инцидент с О. К.*». На этом инциденте надо остановиться подробно. Он имел место еще тогда, когда съезд занят был своим собственным конституированьем, когда обсуждался еще регламент съезда (поглотивший, кстати сказать, тьму времени в силу обструкции бундистов, не упускавших случая намеренно и ненамеренно затормозить где можно и чем можно). Суть инцидента с О. К. состояла в том, что О. К., с одной стороны, отклонил еще до съезда протест «Борьбы» (группы Борьбы), требовавшей допущения на съезд, и поддержал это отклонение в комиссии по проверке мандатов, а, с другой стороны, тот же О. К. внезапно заявил *на съезде*, что он приглашает с совещательным голосом Рязанова. Разыгрался этот инцидент следующим образом.

Еще до начала заседаний съезда Мартов сообщил мне конфиденциально, что член организации Искры и член О. К. (назовем это лицо буквой N) решил настаивать в О. К. на приглашении с совещательным голосом на съезд одного лица, которое сам Мартов не мог характеризировать иначе, как термином «перебежчик»[24]). (Лицо это, действительно, склонялось одно время к Искре, с тем, чтобы впоследствии и притом через несколько недель, перейти на сторону Рабочего Дела, хотя и находившегося уже тогда в стадии полнейшего упадка.) Мы поговорили об этом с Мартовым, оба возмущенные тем, что член организации Искры делает такой шаг, сознавая, конечно (ибо Мартов предупреждал товарища N), что этот шаг есть прямой удар в лицо Искре, и не считая тем не менее нужным посоветоваться с организацией. N действительно внес свое предложение в О. К., но это предложение было отклонено благодаря горячему протесту товарища Т, обрисовавшего всю переменчивую политическую фигуру «перебежчика». Характерно, что Мартов не мог уже тогда, по его словам, даже говорить с N, несмотря на прежние хорошие личные отношения: настолько поражен он был этим шагом. Стремление N бросать палки под колеса Искре выразилось еще и в принятом при его поддержке выговоре редакции Искры со стороны О. К., — выговоре, который касался, правда, очень мелкого случая, но тем не менее возбудил сугубое негодование Мартова. Сообщения из России, переданные мне тоже Мартовым, указывали к тому же на тенденцию N пускать слухи о розни между искровцами заграничными и русскими. Все это настраивало искровцев самым недоверчивым образом по отношению к N, а тут еще подоспел такой факт. О. К. отклонил протест «Борьбы», члены О. К. (Т и *N*), приглашенные в комиссию проверки мандатов, равным образом высказались оба *(и N в том числе!!!)* против «Борьбы» самым решительным образом.

*

Тем не менее О. К. устроил внезапно, во время перерыва одного утреннего заседания съезда, свое заседание у «окошка» и решил на этом заседании пригласить с совещательным голосом Рязанова! *N был за приглашение.* Т, конечно, безусловно против, заявляя притом о незаконности такого решения О. К. после того, как вопрос о составе съезда передан уже в особую, съездом выбранную, комиссию по проверке мандатов. Конечно, южнорабоченские члены О. К. + бундист + N провалили товарища Т, и решение О. К. состоялось.

Т известил об этом решении редакцию Искры, которая (не в полном составе, но с участием Мартова и Засулич), конечно, постановила единогласно выступить на борьбу с О. К. на съезде, ибо многие искряки уже высказались публично на съезде против «Борьбы», и отступать в этом вопросе было невозможно.

Когда О. К. (в послеобеденном заседании) заявил съезду о своем решении, Т заявил в свою очередь о своем протесте. Южно-рабоченский член О. К. обрушился тогда на Т, обвиняя его в нарушении дисциплины (!), ибо О. К. постановил на съезде этого не раскрывать (sic!). Понятно, что мы (Плеханов, *Мартов* и я) обрушились тогда со всей энергией против О. К., обвиняя его в восстановлении императивных мандатов, в нарушении суверенности съезда и т. д. Съезд встал на нашу сторону, О. К. был разбит, была принята резолюция, отнимающая у О. К. в качестве коллегии право влиять на состав съезда.

Таков был «инцидент с О. К.». Во-1-х, он окончательно подорвал у многих искряков политическое доверие к N (и укрепил доверие к Т), во-2-х, он не только доказал, но и *показал* воочию, как шатко еще искровское направление даже в таком центральном, архи-будто бы-искровском, учреждении, как О. К. Стало ясно, что кроме бундиста, в О. К. есть еще 1) южнорабочепцы с их особой политикой; 2) «искровцы, стыдящиеся быть искровцами», и только *частью* (3) искровцы, сего не стыдящиеся. Когда южно-рабоченцы пожелали объясниться с редакцией Искры (приватно, конечно) по поводу этого печального инцидента — *товарищ N, очень важно заметить это, не выразил тогда никакого желания объясниться,* — то редакция объяснялась с ними, причем я прямо сказал южнорабоченцам, что съезд вскрыл окончательно этот крупный политический факт: наличность в партии многих искровцев, стыдящихся быть искровцами, и способных, просто в пику Искре, выкинуть такое коленце, как приглашение Рязанова. Со стороны N меня так возмутило это коленце, после речи N в комиссии *против* Борьбы, что я публично на съезде сказал: «товарищи, бывавшие на заграничных конгрессах, знают, какую бурю возмущения вызывают всегда там люди, говорящие в комиссиях одно, а на съезде другое». Такие «искровцы», которые боялись бундовских «упреков», что они «ставленники Искры»,

и *из-за этого только* выкидывали *политические коленца* против Искры, не могли, разумеется, вызывать доверия к себе.

Общее недоверие искровцев к N возросло в громадной степени, когда попытка Мартова объясниться с N привела к *заявлению N о выходе его, N, из организации Искры!!* С этого момента «дело» об N переходит в организацию Искры, члены которой были возмущены *таким* выходом, и организация имела *4 заседания* по этому вопросу. Заседания эти, особенно последнее, чрезвычайно важны, ибо в них окончательно сформировался раскол внутри искряков по вопросу, *главным образом*, о составе Ц. К.

Но прежде чем перейти к рассказу об этих (приватных и не формальных, повторю еще раз) заседаниях организации Искры, скажу о работах съезда. Работы эти велись дружно тем временем, в смысле единого выступления всех искряков, и по 1-му пункту порядка дня (место бунда в партии) и по 2-му (программа) и по 3-му (утверждение Ц. О. партии). Согласие искровцев обеспечивало крупное сплоченное большинство на съезде (компактное большинство, как выражались бундовцы с огорчением!), причем «нерешительные» (или «болото») и южнорабочецы и тут не раз проявляли себя в мелочах своей полной неустойчивостью. Политическая группировка не вполне искровских элементов съезда выяснялась все более и более.

Возвращаюсь к заседаниям организации Искры. На первом заседании было решено попросить у N объяснений, предоставив этому N указать, в каком составе организации Искры он, N, хочет с ней объясняться. Я решительно протестовал против такой постановки вопроса, требуя отделения политического вопроса (о недоверии искряков к N на данном съезде в политическом отношении) и личного вопроса (назначить комиссию для расследования причин странного поведения N). На 2-ом заседании было доложено, что N хочет объясняться *без T*, хотя N намерен, де, не говорить ничего лично о T. Я протестовал вторично, отказываясь от участия в таком объяснении, когда не член организации устраняет, хотя бы на секунду, члена, говоря однако не о нем; я видел в этом недостойную игру, и пощечину, наносимую N-ом организации: N не доверяет организации даже на столько, чтобы ей предоставить определить условия объяснения! В 3-ем заседании имело место «объяснение» N, объяснение, которое *не удовлетворило* большинство участников объяснения. 4-ое заседание произошло при полном составе всех искряков, но этому заседанию *предшествовал* ряд важных эпизодов съезда.

Во-первых, стоит отметить эпизод с «равноправием языков». Дело шло о принятии программы, о формулировке требования равенства и равноправности в отношении языков. (Каждый пункт программы обсуждался и принимался отдельно, бундисты

чинили тут *отчаянную* обструкцию и чуть-ли не $^2/_3$ съезда, по времени, ушло на программу!). Бундистам удалось здесь поколебать ряды искряков, внушив части их мысль, что Искра не хочет «равноправия языков», — тогда как на деле редакция Искры не хотела лишь этой, неграмотной, по ее мнению, несуразной и лишней формулировки. Борьба вышла отчаянная, съезд разделился *пополам*, на *две равные половины* (кое-кто воздерживался): на стороне Искры (и редакции Искры) было около 23-х голосов (может быть 23 — 25, не помню точно), и столько же против. Вопрос пришлось отложить, сдать в комиссию, которая нашла формулу, принятую всем съездом *единогласно*. Инцидент с равноправием языков важен тем, что он вскрыл еще и еще раз шаткость искризма, вскрыл окончательно шаткость и перешительных (которых именно тогда, если не ошибаюсь, и именно искровцы мартовского толка *сами* прозвали *болотом*!) и южнорабоченцев, которые все были против Искры. Страсти разгорелись отчаянно и *резкие* слова бросались *без числа* против южнорабоченцев искряками, *особенно мартовцами*. Один «лидер» мартовцев чуть до скандала не дошел с южнорабоченцами во время перерыва, и я поспешил тогда возобновить заседание (по настоянию Плеханова, боявшегося драки). Важно отметить, что и из этих, наиболее стойких, 23 искряков, мартовцы (т.-е. позднее пошедшие за Мартовым искряки) были в *меньшинстве*.

Другой эпизод — борьба из-за § 1 «устава партии». Это был уже п. 5-ый Tagesordnung'а *), близко к концу съезда. (Принята была, по п. I, резолюция против федерализма; по п. 2 — программа; по п. 3-му признание Искры центральным органом партии **), по п. 4-му выслушаны «делегатские доклады», часть их, а остальная сдана в комиссию, ибо выяснилось, что у съезда не остается уже времени (денежные средства и личная сила были исчерпаны).

Пункт 1-ый устава определяет понятие члена партии. В моем проекте это определение было таково: «Членом Российской Социал-

*) — порядка дня. *Ред.*

**) Очень важно иметь в виду, что в Tagesordnung съезда, принятом, по моему докладу *в О. К.* и *утвержденном съездом*, стояли 2 отдельных пункта: *п. 3.* «Создание Ц. О. партии или утверждение такового» и *п. 24.* «Выборы центральных учреждений партии». Когда один рабочеделец спросил (по п. 3), кого мы утверждаем, заголовок, что ли? редакции мы не знаем даже!, то *Мартов* взял слово и объяснил, что утверждается *направление* Искры, независимо от состава лиц, что состав редакции этим отнюдь не предрешается, ибо выборы центральных учреждений предстоят по п. 24, и всякие императивные мандаты отменены.

Эти слова Мартова (по п. 3, *до раскола искряков*) очень и очень важны.

Разъяснение Мартова вполне соответствовало *общему* нашему пониманию значения п. 3 и п. 24 Tagesordnung'а.

После 3-го пункта Мартов в речах не раз даже употреблял на съезде выражение: *бывшие* члены редакции Искры.

Демократической Рабочей Партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным *участием в одной из партийных организаций*». Мартов же вместо подчеркнутых слов предлагал сказать: *работой под контролем и руководством одной из партийных организаций*. За мою формулировку стал Плеханов, за мартовскую — остальные члены редакции (за них говорил на съезде Аксельрод). Мы доказывали, что необходимо *сузить* понятие члена партии для отделения работающих от болтающих, для устранения организационного хаоса, для устранения такого безобразия и такой нелепости, чтобы могли быть организации, состоящие из членов партии, но не являющиеся партийными организациями, и т. д. Мартов стоял за *расширение* партии и говорил о широком классовом движении, требующем широкой — расплывчатой организации и т. д. Курьезно, что почти все сторонники Мартова ссылались, в защиту своих взглядов, на «Что делать?»! *) Плеханов горячо восстал против Мартова, указывая, что его жоресистская формулировка открывает двери оппортунистам, только и жаждущим этого положения в партии и вне организации. «Под контролем и руководством» — говорил я — означают на деле не больше и не меньше, как: *без всякого контроля и без всякого руководства*. Мартов одержал тут *победу:* принята была (большинством около 28 голосов против 23 или в этом роде, не помню точно) его формулировка, *благодаря* Бунду, который, конечно, сразу смекнул, где есть щелочка, и всеми своими *пятью* голосами провел «что̀ похуже» (делегат от Рабочего Дела именно так и мотивировал свой вотум за Мартова!). Горячие споры о § 1 устава и баллотировка еще раз выяснили политическую группировку на съезде и показали наглядно, что бунд + Рабочее Дело могут *решить судьбу* любого решения, поддерживая меньшинство искровцев против большинства.

После споров и баллотировки § 1 устава имело место *последнее* (4-ое) заседание организации Искры. Разногласие между искряками по вопросу о личном составе ЦК выяснилось уже вполне и вызвало раскол в их рядах: одни стояли за искровский ЦК (в виду распущения организации Искры и Группы Освобождение Труда и необходимости доделать искровское дело), другие — за допущение и южнорабоченцев и за преобладание искровцев «зигзаговой линии». Одни были безусловно против кандидатуры N, другие за. Чтобы последний раз попытаться столковаться, и собрали это *собрание 16-ти* (членов организации Искры, причем считались, повторяю, и совещательные голоса). Голосование дало такие результаты: против N — 9 голосов, за — 4, остальные воздержались. Затем большинство, не желая все же

*) См. IV том Сочинений, стр. 359. *Ред.*

войны с меньшинством, предложило список примирения, из 5 лиц, в том числе 1 южнорабоченец (угодный меньшинству) и один боевой член меньшинства, остальные же искровцы последовательные (из коих — это важно — один участвовал в съездовой драке лишь в конце ее, и был собственно беспристрастен, двое же не участвовали в драках вовсе и были в личном вопросе абсолютно беспристрастны)[25]. За этот список поднялось 10 рук (потом прибавился еще один и стало 11), против — 1 (только один Мартов!), остальные воздержались! Примирительный список, следовательно, был сорван *Мартовым*. После этого вотировались еще 2 «боевых» списка той и другой стороны, но оба собрали лишь меньшинство голосов.

Итак, в последнем собрании организации Искры мартовцы *по обоим вопросам остались в меньшинстве*, и тем не менее они объявили войну, когда один член большинства (беспристрастный или председатель) пошел к ним после собрания, чтобы сделать последнюю попытку соглашения.

Рассчет мартовцев был ясен и *верен:* бундовцы и рабочедельцы, несомненно, поддержали бы список *зигзаговой линии*, ибо за месяц заседаний съезда все вопросы так выяснились, все личности так обрисовались, что *ни единый* член съезда не затруднился бы выбрать: что лучше или какое из зол меньше. А для Бунда + Рабочее Дело, разумеется, зигзаговые искровцы были меньшим злом и всегда им будут.

После собрания 16-ти, когда искровцы окончательно разошлись и война между ними была объявлена, начинаются собрания двух партий, на которые раскололся съезд, т.-е. частные, неоффициальные свидания всех единомышляющих. Искровцы последовательной линии собирались сначала в числе 9 (9 из 16), потом 15, наконец *24*, считая *решающие голоса, а не лиц*. Такой быстрый рост объяснялся тем, что списки ЦК стали уже ходить и списки мартовцев отталкивали громадное большинство искряков сразу и бесповоротно, как списки дряблые: кандидаты, проводимые Мартовым, зарекомендовали себя на съезде с безусловно отрицательной стороны (вилянье, невыдержанность, бестактность etc.). Это, во-1-х; во-2-х, разъяснение искрякам того, что происходило в организации Искры, привлекало их в массе случаев на сторону большинства, и неуменье Мартова выдержать определенную политическую линию выяснилось для всех и каждого. Поэтому 24 голоса сплотились легко и быстро на последовательной искровской тактике, на списке в ЦК, на выборе тройки в редакцию (вместо утверждения старой, неработоспособной и расплывчатой шестерки).

Съезд в это время кончил обсуждение устава, причем Мартов и К° еще раз (и даже не раз, а несколько раз) *победили* большинство искряков *при благородном содействии Бунда + Рабо-*

чего Дела — напр., по вопросу о кооптации в центры (вопрос этот решен был съездом *в духе Мартова).*

Несмотря на эту порчу устава, весь устав в целом был принят всеми искряками и всем съездом. Но после общего устава перешли к уставу Бунда, и съезд отверг *подавляющим* большинством голосов предложение Бунда (признать Бунд *единственным* представителем еврейского пролетариата в партии). Кажется, один Бунд стал здесь почти против всего съезда. Тогда *бундисты ушли со съезда, заявив о выходе из партии.* У мартовцев убыло пять их верных союзников! Затем и рабочедельцы ушли, когда заграничная Лига русской революционной социал-демократии была признана *единственной* партийной организацией за-границей. У мартовцев убыло еще 2 их верных союзника! Получилось всего на съезде 44 (51 — 7) решающих голоса, и из них *большинство* последовательных искряков (24); коалиция же мартовцев с южнорабочецами и с «болотом» вместе давала лишь 20 голосов.

Зигзаговой линии искровцев предстояло подчиниться,— как подчинялись, без единого слова, искровцы твердой линии, когда их *бил* и разбил Мартов коалицией с Бундом. Но мартовцы зарвались уже до того, что вместо подчинения пошли на скандал и на раскол.

Скандалом было возбуждение вопроса об утверждении старой редакции, ибо достаточно заявления хоть одного редактора, чтобы съезд обязан был *рассмотреть* весь целиком вопрос о составе ЦО, не ограничиваясь простым утверждением. Шагом к расколу был *отказ* от выбора ЦО и ЦК.

Сначала о выборе редакции. В Tagesordnung'е стояло, как уже было указано выше, по п. 24: *выбор* центральных *учреждений* партии. А в *моем* комментарии к Tagesordnung (комментарий этот был известен *в с е м искрякам задолго до съезда* и *всем членам* съезда) стояло на полях: выбор *3-х л и ц в Ц О* и 3-х в ЦК. Следовательно не подлежит никакому сомнению, что из недр редакции вышло требование выбирать тройку и *никем* из редакции опротестовано оно не было. Даже Мартов и другой лидер мартовцев защищали эти «две тройки» перед *целым рядом делегатов* еще до съезда.

Я лично, за несколько недель до съезда, заявил Староверу и Мартову, что потребую на съезде *выбора* редакции; я согласился на выбор 2-х троек, причем имелось в виду, что редакционная тройка *либо* кооптирует 7 (а то и больше) лиц, *либо* останется одна (последняя возможность была специально оговорена мною). Старовер прямо даже сказал, что тройка значит: Плеханов + Мартов + Ленин, и я *согласился* с ним,— до такой степени для всех и всегда было ясно, что только такие лица в руководители и могут быть выбраны. Надо было озлиться,

обидеться и потерять голову после борьбы на съезде, чтобы приняться задним числом нападать на целесообразность и дееспособность тройки. Старая шестерка до того была недееспособна, что она *ни разу за три года* не собралась в полном составе — это невероятно, но это факт. *Ни один* из 45 номеров Искры не был составлен (в редакционно-техническом смысле слова) кем-либо кроме Мартова или Ленина. И *ни разу* не возбуждался *крупный* теоретический вопрос никем кроме Плеханова. Аксельрод не работал вовсе (0=ноль статей в Заре и 3—4 во всех 45-ти №№ Искры). Засулич и Старовер ограничивались сотрудничеством и советом, *никогда* не делая чисто редакторской работы. Кого следует выбрать в *политические руководители*, в *центр*, — это было ясно как день для всякого члена съезда, после месячных его работ.

Перенесение на съезд вопроса об утверждении старой редакции было *нелепым провоцированием на скандал*.

Нелепым,— ибо оно было бесцельно. Если бы даже утвердили шестерку,— один член редакции (я, например) потребовал бы переборки коллегии, разбора внутренних ее отношений, и съезд обязан был бы начать дело сначала.

Провоцированием на скандал,— ибо *неутверждение* должно было быть понято *как обида*,— тогда как выбор заново ровнехонько ничего обидного в себе не включал. Выбирают ЦК,— пусть выберут и ЦО. Нет речи об утверждении ОК,— пусть не будет речи и об утверждении старой редакции.

Но понятно, что, *потребовав* утверждения, мартовцы *вызвали* этим протест на съезде, протест был воспринят как *обида*, оскорбление, *вышибание*, отстранение...

Редакция ушла со съезда на время обсуждения вопроса о выборе или утверждении. После отчаянно-страстных дебатов *съезд решил: старая редакция не утверждается* *).

Только после этого решения *бывшие* члены редакции вошли в залу. Мартов встает тогда и отказывается от выбора *за себя* и за своих коллег, говоря всякие страшные и жалкие слова об «осадном положении в партии» (для невыбранных министров?) об «исключительных законах против отдельных лиц и групп» (в роде лиц, от имени Искры подносящих ей Рязанова и говорящих в комиссии одно, на съезде другое?).

Я отвечал ему, указывая *невероятное смешение политических понятий*, приводящее к протесту против выбора, против переборки съездом коллегий должностных лиц партии.

Выборы дали: Плеханов, Мартов, Ленин. *Мартов опять отказался*. Кольцов (имевший 3 голоса) тоже отказался. Съезд

*) Один мартовец держал *такую* речь при этом, что один делегат закричал после нее секретарю: вместо точки поставь в протоколе слезу! Защищали старую редакцию особенно горячо наиболее «*болотные*» люди.

принял тогда резолюцию, поручающую двум членам редакции ЦО кооптировать себе 3-го, *когда они найдут подходящее лицо.*

После этого выбраны три члена ЦК *и только один из них назван съезду* счетчиком записок,— а также выбран (тайно, записками) пятый член Совета Партии.

Мартовцы и все «болото» за ними *не подавали записок* и подали об этом письменное заявление в бюро.

Это был явный шаг к расколу, к *сорванию съезда,* к непризнанию партии. Но когда один южнорабочепец прямо и заявил, что *сомневается* (sic!) в законности решений съезда, то Мартов устыдился и опроверг его, *заявив публично, что в законности решений не сомневается.*

К сожалению, этим хорошим и лояльным словам Мартова не соответствовали его (и мартовцев) дела и поступки...

Съезд сдал затем в «протокольную комиссию» вопрос об опубликовании протоколов и принял 11 резолюций тактических:

1) о демонстрациях.
2) » профессиональном движении.
3) » работе среди сектантства.
4) » » » учащейся молодежи.
5) » поведении на допросах.
6) » фабричных старостах.
7) » международном конгрессе 1904 г. в Амстердаме.
8) » либералах (Старовера).
9) » либералах (Плеханова).
10) » социалистах-революционерах.
11) » партийной литературе.

Затем съезд был закрыт председателем после краткой речи, напоминающей всем об обязательности решений съезда.

Рассматривая поведение мартовцев после съезда, их отказ от сотрудничества *(о коем редакция ЦО их оффициально просила),* их *отказ* от работы на ЦК, их пропаганду бойкота,— я могу только сказать, что это безумная, недостойная членов партии попытка разорвать партию... из за чего? *Только* из за недовольства составом центров, ибо *объективно т о л ь к о* на этом мы разошлись, а субъективные оценки (в роде обиды, оскорбления, вышибания, отстранения, пятнания etc. etc.) *есть плод обиженного самолюбия и больной фантазии.*

Эта больная фантазия и обиженное самолюбие приводят прямо к позорнейшим *сплетням,* когда, *не зная и не видя еще деятельности новых центров,* распространяют слухи об их «недееспособности», об «ежовых рукавицах» Ивана Ивановича, о «кулаке» Ивана Никифоровича и т. д.

Доказывание «недееспособности» центров *посредством бойкота их* есть невиданное и неслыханное нарушение *партийного долга,* и никакие софизмы не могут скрыть этого: *бойкот есть шаг к разрыву партии.*

Русской социал-демократии приходится пережить последний трудный переход к *партийности* от кружковщины, к *сознанию революционного долга от* обывательщины, к *дисциплине* от действования путем сплетен и кружковых давлений.

Кто ценит партийную работу и *дело* на пользу социал-демократического рабочего движения, тот не допустит таких жалких софизмов, как «правомерный» и «лояльный» бойкот центров, тот не допустит, чтобы дело страдало и работа останавливалась из за недовольства десятка лиц на то, что в центр попали не те лица, которых имели в виду они, тот не допустит, чтобы на должностных лиц партии воздействовали приватно и тайно путем угрозы не-сотрудничать, путем бойкота, путем пресечения денежных средств, путем сплетен и лживых россказней.

СОРВАЛОСЬ!..[26])

— Ну, а если ваши громогласные, велеречивые и пышные уверения вызовут недоверие именно самым своим характером?

— Я желал бы посмотреть, кто посмеет усомниться в моих словах!

— Ну, однако же, если все-таки усомнятся?

— Повторяю, что я не позволю усомниться в словах революционера, я не остановлюсь ни перед чем, я пойду до конца, я потребую либо прямого выражения недоверия, либо прямого отступления, я...

— А если ваше требование прямого выражения недоверия будет удовлетворено?

— Что такое?

— Если вам скажут прямо и определенно, что вам не верят?

— Я назову того, кто решится сказать это, гнусным клеветником, я буду клеймить перед всем светом его беспримерный поступок...

— А если вам, в ответ на это, систематически начнут доказывать, что все ваше поведение давно уже не позволяет относиться к вам с доверием?

— Я соберу тогда отовсюду протесты против этой братоубийственной полемики, я обращусь ко всем с прочувствованным словом о правде-истине и правде-справедливости, о кристальной чистоте, загрязненной нечистыми руками, о грубой и грязной коре мелкого самолюбия, об очистительном пламени, которое наполняет мою душу беззаветным энтузиазмом, я сравню своих врагов с Понтийским Пилатом...

— А если по поводу таких речей вас сопоставят с Тартюфом?

— Тогда я потребую третейского суда!

— Вам немедленно ответят, что охотно принимают вызов и предлагают прежде всего согласиться о том, чтобы суд рассмотрел вопрос, имел ли ваш противник право усомниться в достоверности ваших заявлений.

— Тогда... тогда... тогда я заявлю, что «*после всего происшедшего*» смешно и говорить о каком-то «*соглашении*» между какими-то «*сторонами*»!

* * *

Такова была «беспримерная, по выражению «Революционной России», кампания по делу второго апреля». Почтеннейшей газете очень не хочется, по весьма понятным причинам, сознаться, что эта история была действительно такова. Почтеннейшая газета прячется за целый ряд отговорок, которые нам приходится рассмотреть подробно.

«Рев. Рос.» удивляется, во-первых, почему «вместо организованной русской социал-демократии», к которой обращались товарищи Балмашева, отвечает редакция «Искры». Товарищи Балмашева, — говорят нам, — «не имеют ответа на свое вполне определенное предложение, направленное по вполне определенному адресу».

Неверно это, господа. Вам, как и всем и каждому, прекрасно известно, что именно представляет из себя организованная русская социал-демократия, каковы именно *все* наши организации. За одну ночь у нас, не в пример кое-каким людям, новых организаций не вырастает. У нас есть комитеты партии, есть «Искра», есть О. К., который давно готовит второй съезд партии. По какому же это «определенному адресу» вы обращались? По адресу второго съезда? по адресу О. К.? Нет; вопреки вашим словам об *определенном* адресе, вы *абсолютно ничем* этого адреса не определили. Вы сами отметили, что «Искра» признана большинством комитетов, и вам поэтому никто не мог ответить, кроме «Искры». Если второй съезд нашей партии признает «Искру» органом партии, тогда ответ «Искры» окажется ответом партии. Если нет, — тогда вы будете иметь дело с другим органом. Это такая простая вещь, что ее мог бы понять и шестилетний ребенок.

«Рев. Рос.» «удивляется, почему вместо прямого ответа на прямое предложение товарищей Балмашева» (предложение, будто бы, дать возможность социал-демократии познакомиться с действительным существом дела второго апреля) «нам предлагают, чтобы они признали себя и «Искру» двумя сторонами, между которыми после всего происшедшего возможны какие-то предварительные переговоры, «соглашения» о «постановке вопроса»». Итак, «Рев. Рос.» утверждает теперь, что нам предлагали не третейский суд, а предлагали лишь дать возможность познакомиться. Это неверно. «Заявление» в № 27 «Р. Р.» говорит буквально о «непроверенном обвинении («Искры») в клеветничестве», о *проверке* обвинения, о *предоставлении* «одному лицу, на добросовестность и конспиративность которого могли бы равно положиться и мы,

и центральный орган (это заметьте!) русской социал-демократии, следующего ряда доказательств». «Проверка обвинения», «рассмотрение доказательств» лицом, на которого полагаются и обвинитель и обвиняемый, — это не есть третейский суд? Это есть лишь предложение познакомиться?? Комики вы, господа. После того, как вы уже предложили согласиться о выборе добросовестного лица, вы заявляете теперь, с неподражаемо-гордым видом пойманного Ноздрева, что никакие соглашения невозможны!

«Рев. Рос.» «спрашивает далее, над кем смеется «Искра», когда говорит о соглашении в постановке вопроса, одновременно с тем декретируя свою постановку и категорически заявляя, что другой постановки вопроса быть не может». Перед судом всякий категорически заявляет свое мнение и утверждает, что оно — единственно-правильное. Вместо того, чтобы дать и свою *определенную* постановку вопроса, наш горделивый противник начинает хорохориться и бла-ародные слова говорить!

Похорохорившись, «Рев. Рос.» соблаговоляет однако сделать несколько замечаний и о нашей постановке вопроса. По ее мнению, «Искра» прибегает к увертками и отступает. Вопрос заключается, де, не в том, «что Боевая Организация покушалась на право «Искры» свободно мыслить (!), оценивать со своей точки зрения различные политические факты и даже (sic!) внутренно сомневаться в чем бы то ни было». Это «внутренно сомневаться», поистине, бесподобно. «Боевая организация» так необыкновенно либеральна, что готова (теперь, после более чем годичной борьбы!) разрешить нам *даже* сомневаться, — но только внутренно, т.-е., вероятно, так, чтобы никто, кроме самого сомневающегося, не знал об этом... Может быть, и «свободно оценивать» эти боевые люди разрешают нам только про себя?

«Можно подумать, — говорит «Рев. Рос.», — что только отказ «Искры» подчиниться такому требованию был поводом для обвинения «Искры» в клевете». Следуют цитаты из статьи «Тартюфы революционной морали» и замечание, что «здесь говорится не о каких-то скромных и неопределенных сомнениях, а об очень нескромных и очень определенных обвинениях».

Приглашаем читателя припомнить некоторые общеизвестные факты. В № 20 «Искры» (от 1 мая 1902 г.) мы оцениваем акт Балмашева, понятия не имея ни о какой боевой организации. Эта последняя пишет нам письмо, требуя, чтобы мотивов решения Балмашева мы искали в ее официальных заявлениях. Мы молча бросаем это письмо неведомой организации в корзину для ненужной бумаги. Письмо печатается в № 7 «Рев. Рос.» (июнь 1902 г.), редакция которой по поводу одного только нашего молчания вопит уже о набрасывании тени на моральную сторону, об умалении значения акта и т. п. Мы отвечаем статьей:

«Вынужденная полемика» (№ 23 «Искры», от 1 августа 1902 г.), в которой смеемся над сердитым Юпитером, отстаиваем свою оценку акта 2 апреля и заявляем, что для нас принадлежность Балмашева к «боевой организации» «более чем сомнительна». Тогда гг. соц.-рев., добившись от нас внешнего выражения нашего внутреннего сомнения, поднимают истерические вопли о «беспримерном поступке» и говорят уже не больше и не меньше, как о «грязи» и об «инсинуации» (№ 11 «Рев. Рос.», сентябрь 1902 г.).

Таковы, в самых кратких чертах, основные моменты нашего литературного спора. Человек, превосходно знающий, что противник относится к его словам с молчаливым недоверием, приступает публично с ножом к горлу, требуя открытого выражения либо доверия, либо недоверия, и, получив последнее, бьет себя в грудь и жалуется urbi et orbi *), какое благородное существо и как гнусно было обижено. Что это, не поздревщина? не революционное бреттерство? не заслужено было таким человеком название Тартюфа?

Откуда берет «Рев. Рос.», что мы отступаем, не желая отвечать за статью и за статьи о Тартюфах? Из того, что в нашей постановке вопроса не включены тезисы этих статей? Но разве нам предлагали суд по поводу каких-нибудь определенных статей, а не по поводу всего отношения «Искры» к уверениям «партии соц.-рев.»? Разве в самом начале заявления товарищей Балмашева в № 27 «Рев. Рос.» не цитируется именно исходный пункт всего спора, — слова № 23 «Искры», что принадлежность Балмашева к «боевой организации» для нее более чем сомнительна? Смеем уверить «Рев. Рос.», что мы отвечаем за *все* наши статьи, готовы дополнить наши вопросы для суда ссылками на *любой* номер «Искры», готовы доказывать перед кем угодно, что мы имели полное нравственное право и все разумные основания охарактеризовать, как Тартюфов, тех публицистов в «Рев. Рос.», которые договорились до приведенных нами выше выражений по поводу нашего дерзновенного сомнения в достоверности ее слов.

«Отступления и увертки», на самом деле, только с чьей стороны? Не со стороны ли тех, кто *теперь* великодушно готов признать за нами право свободно оценивать и внутренно сомневаться и кто *более года* упражнялся в отвратительно-напыщенной декламации по поводу того, что «Искра» продолжала упорно сомневаться и доказывала обязанность всякого серьезного человека сомневаться в революционной беллетристике. Когда вы увидали, что чувствительные слова о честности высокой вызывают действительно уже смех, а не рыдания аудитории [27]), — вам захотелось новой сенсации, и вы выступили с требованием суда. Над-

*) — на весь мир. *Ред.*

кая до скандала часть заграничной колониальной публики потирала от удовольствия руки и оживленно шепталась: «они вызвали их на суд... наконец-то! Теперь мы увидим». И теперь они увидели — последнюю сцену водевиля, герой которого с неописуемо-обиженным видом благородного человека заявил, что «после всего происшедшего» невозможны никакие соглашения о постановке вопросов для суда.

Продолжайте спокойно в том же духе, господа! Но помните, что никакие потоки жалких слов не помешают нам исполнять нашу обязанность: разоблачать фразерство и мистификацию, где бы они ни проявлялись, в «программах» ли революционных авантюристов, в блестках ли их беллетристики, или в возвышенных предиках*) о правде-истине, об очистительном пламени, о кристальной чистоте и о многом прочем.

«Искра» № 48, 15 сентября 1903 г.

---

*) — проповедях. *Ред.*

ПИСЬМО А. М. КАЛМЫКОВОЙ.

...Вы пишете: «слишком долго на свете жила, чтобы не знать, что в таких случаях правда не на одной только стороне, а на обеих.» Допускаю вполне. Беда только в том, что та «сторона» не реализует себе нового положения, нового базиса и требует того, что по старому достигалось легко (хотя бы и после месячных драк), а теперь неосуществимо. Базис стал *иной*, это fait accompli *); а они все еще руководятся больше всего тем, как оскорбительно то-то и то-то на съезде вышло, до чего бешено держал себя Ленин etc. Было дело, слов нет, и я прямо признал свое «бешенство» в письме к Староверу **). Но в том-то и суть, что достигнуты «бешеной» борьбой результаты *ничуть не бешеные*, а та сторона воюет и воюет из-за бешенства против самих результатов, против неизбежных и необходимых результатов. Вы-то, ведь, давно уже знаете, к чему дело шло. Вы знаете, как Вы выражали свое твердое убеждение о помехе со стороны некоторых «стариков», и Вы, конечно, не усомнитесь, что злосчастная «тройка» не подвох, не якобинский переворот, а прямой, естественный и *лучший*, ей богу, лучший выход из трехлетнего «раздирательства». Тройка на 3 угла построена и всякую почву раздирательства устраняет. Вы знаете, до чего доводила впечатлительность и «личное» (вместо политического) отношение к делу Мартова + Старовера + Засулич, когда они, например, совсем было «засудили» человека *политически* за историю чисто личного свойства [28]). Вы тогда, не обинуясь, встали на сторону «живодеров и извергов». А, ведь, это случай совсем, совсем типичный. Ведь и теперь — корень тот же, то же смешение личного и политического, то же заподозривание нас в желании *запятнать* лично, хотя мы только отодвигаем (и передвигаем) политически. И когда Вы мне напоминаете: вина *должна* быть и у Вас, — я отвечаю: личной не думаю и отрицать, по

*) — совершившийся факт. *Ред.*
**) См. настоящий том, стр. 41. *Ред.*

корректива *политического* требовать за сие не доводится. Именно в том и безвыходность, полная безвыходность положения, что за сумму личных обид, личных недовольств составом центров они требуют корректива политического. Tout ce que voulez, mais pas de ça! *) А если причиной считать (как иные хотят) *политическое* расхождение, то не смешно ли тогда *требовать* для «мира» кооптации бо́льшего числа или хотя равного числа *политических* противников... Смешно до nec plus ultra! **)

И приведенный мной выше маленький случай из большого ряда раздирательств типичен не только по существу, но и по форме исхода. Знаете Вы, как мы тогда взяли верх? *Нас было меньшинство,* а взяли мы упорством, угрозой вынесения «на всех». Вот они и думают: мы теперь так же. Беда только, что *теперь* не есть *тогда.* Теперь формальный базис *неустраним.* Не будь этого формального базиса,— отчего бы и не шесть, ежель уже люди дошли до белого каления? Маялись 3 года, помаемся еще 3; решали не голосами, а упорством,— будемте и теперь упорством решать. Но этого *теперь* нельзя — в том-то и суть. И этой перемены упорно не хотят видеть и понимать. Это-то и делает положение безвыходным. Теперь дилемма стоит неумолимо: *либо* расхождение в вопросе о лицах, тогда смешно из-за этого политический скандал делать и работу бросать. *Либо* расхождение политическое — тогда еще более смешно «поправлять» его называнием определенных лиц иного, скажем, нюанса.

Они берут теперь (будто бы берут) второе. Тогда входи Мартов в тройку и *докажи* пред партией ошибки *2-х твоей* коллегии: иначе, как участием в коллегии, ты не можешь добыть данных для изобличения этих ошибок и предостережения от них партии. Иначе твои обвинения — пустой Parteiklatsch ***) в счет будущего.

Берешь первое — тогда не простирай своей обиды до забрасывания работы, а работа быстро заставит забыть «бешенство». Нет безвыходнее тупика, как тупик отстранения от работы.

Написано 30 (17) сентября 1903 г.
Впервые напечатано в 1927 г. в «Ленинском Сборнике» VI.

Печатается по копии, переписанной рукой Н. К. Крупской.

---

*) — все, что хотите, но не это! *Ред.*
**) — до последней степени! *Ред.*
***) — партийная дрязга. *Ред.*

МАКСИМУМ БЕЗЗАСТЕНЧИВОСТИ И МИНИМУМ ЛОГИКИ.

В № 46 мы перепечатали резолюцию V съезда Бунда о положении Бунда в Р. С.-Д. Р. П. [29]) и дали свою оценку ее [30]). Загр. Ком. Бунда отвечает нам весьма подробно и зело сердито в листке своем от 9/22 сентября [31]). Самой существенной частью этого сердитого ответа является следующее феноменальное открытие: «*Кроме устава-максимум* (sic!), *пятый съезд Бунда выработал еще устав-минимум*», и сей минимум полностью и приводится, причем в двух примечаниях поясняется, что «отвержение автономии» и требование согласия Ц. К. Бунда на обращение к еврейскому пролетариату со стороны других входящих в партию частей «*должно быть выставлено, как ультиматум*». Так решил V съезд Бунда.

Не правда ли, как это... красиво? Съезд Бунда выработал *сразу* два устава, определяя сразу — и максимум и минимум своих желаний или требований. При этом минимум благоразумно (о, в высшей степени благоразумно!) прячется в карман. Опубликовывается (в листке от 7/20 августа) только максимум и при этом *публично*, прямо и ясно заявляется, что этот максимальный проект устава «должен быть предложен II-му съезду Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии, как *базис* для обсуждения (это заметьте!) вопроса о положении Бунда в партии». Оппоненты нападают, конечно, на этот максимум с особенной яростью именно потому, что это — максимум, что это — «последнее слово» *) направления, ими осуждаемого. Тогда *через месяц*, люди, не испытывая ни

*) Кстати. Чрезвычайно характерно для бундовской полемики, что за это выражение «Последние Известия» особенно на нас обрушились. Почему последнее слово, когда оно (требование федерации) больше двух лет тому назад сказано? «Искра» рассчитывает на беспамятство читателя!.. Успокойтесь, успокойтесь, господа: последним словом ваш устав-максимум назван автором статьи именно потому, что *это слово* было сказано два дня (примерно) перед № 46 «Искры», а не два года тому назад.

малейшего смущения, вытаскивают из кармана «минимум» и грозно добавляют: «*ультиматум*»!

Это уже не «последнее слово», а настоящая *крайняя цена*... Только крайняя ли, господа? Нет ли у вас в другом кармане минимального минимума? Не выступит ли он на свет божий еще эдак, примерно, через месяц?

Мы сильно опасаемся, что бундовцам вся «красота» этих максимума и минимума плохо понятна. Запросить втридорога, затем сбавить 75% и заявить: «последняя цена»,—да разве иначе торговать можно? Да разве между торгашеством и политикой есть разница?

Есть, господа, смеем вас уверить, что есть. Во-первых, в политике некоторые партии проводят систематически известные *принципы*, а из-за принципов торговаться неприлично. Во-вторых когда люди, причисляющие себя к одной партии, рассматривают некоторые свои требования, как ультиматум, т.-е. как условие самой принадлежности к партии, то политическая честность требует, чтобы это обстоятельство не скрывалось, не пряталось «*на время*» в карман, а, напротив, выдвигалось открыто и определенно с самого начала.

Мы давно уже проповедуем бундистам эти нехитрые истины. Еще в феврале (№ 33) мы писали, что играть в прятки неумно и недостойно, что Бунд выступил отдельно (с заявлением об О. К.), ибо хотел выступить, *как сторона*, ставящая всей партии *условия* *). За такую оценку дела нас обдали тогда целым ушатом специфически-бундовских (можно сказать с равным правом: специфически-базарных) ругательств [32]), а между тем *события показали теперь, что мы были правы*. Именно *стороной* выступает Бунд в решениях V съезда, ставя всей партии прямые ультиматумы! Именно такой постановки вопроса добивались мы всегда от бундовцев, доказывая, что она неизбежно вытекает из занятой ими позиции: бундовцы сердито протестовали, уклонялись и увертывались, а в конце концов должны-таки были показать свой «минимум».

Это курьезно, но еще гораздо курьезнее то, что Бунд продолжает увертываться и теперь, продолжает говорить о «лживости» «старого, всем известного искровского измышления о том, что Бунд хочет вступить в федеративный союз с Росс. Партией». Лживо это измышление потому, дескать, что в § 1 устава, предлагаемого Бундом, прямо сказано о желании Бунда быть частью партии, а не состоять с нею в союзе.

Очень хорошо, господа! Но не говорится ли в том же параграфе, что Бунд есть *федеративная* часть партии? не говорится ли во всем уставе-максимум о договаривающихся сторонах? не

*) См. V том Сочинений, стр. 236. *Ред.*

говорит ли устав-минимум об *ультиматуме* и об изменении «основных пунктов» лишь с взаимного согласия входящих в партию частей, при чем ни местные, ни районные организации частями партии в этом отношении не признаются? Вы сами говорите, что договаривающейся стороной не может быть ни местная, ни районная организация, а исключительно «сплоченная часть такого же характера как Бунд». Вы сами для примера указываете, что такой сплоченной частью могли бы быть «социал-демократия польская, литовская, латышская», «*если бы они находились в партии*», как вы благоразумно добавляете. Ну, а если они не находятся в партии? и если федерация национальных организаций, желательная для вас, не признается желательной и решительно отвергается всей остальной партией? Ведь вы прекрасно знаете, что дело обстоит именно так, вы сами прямо заявляете, что требование построить всю партию на базисе федерации национальностей вами уже не выдвигается. Спрашивается, *к кому* же обращаетесь вы с *ультиматумом?* Не очевидно ли, что ко всей партии, кроме Бунда? Вместо того, чтобы доказать лживость искровского измышления, вы только обнаруживаете минимум логики в ваших увертках.

Но, позвольте, — возражают нам бундовцы, — ведь мы даже и федерацию выкидываем из своего устава-минимум! Это устранение «страшного» слова, действительно, самый интересный эпизод в пресловутом переходе от максимума к минимуму. Нигде, может быть, беззаботность Бунда насчет принципов не выразилась так наивно. Вы — догматики, безнадежные догматики, вы ни за какие блага в мире не хотите признать федеративного «принципа организации». Но мы же ведь не догматики, мы «ставим вопрос на чисто-практическую почву». Вам не нравится какой-то там принцип? Чудаки! Так мы обойдемся вовсе без принципа, мы «формулируем § 1 так, чтобы он не являлся декларацией определенного принципа организации». «Центр тяжести вопроса не в принципиальной формулировке, предпосланной уставу, а в конкретных пунктах его, выведенных из рассмотрения потребностей еврейского рабочего движения, с одной стороны, и движения в целом — с другой» (стр. 1 листка от 9/22 сентября).

Это рассуждение до того прелестно по своей наивности, что так и хочется расцеловать его автора. Бундист всерьез поверил тому, что догматики боятся только некоторых страшных слов, и решил, что если эти слова удалить, то догматик в конкретных-то пунктах ничего не поймет! И вот бундист трудится в поте лица своего, составляет максимум, запасает (на черный день) минимум, готовит ультиматум № 1, ультиматум № 2... Oleum et operam perdidisti, amice! Друг мой, ты напрасно теряешь время и труд. Несмотря на хитрое (о, удивительно хитрое!) удаление вывески, догматик усматривает федеративный принцип и в «конкретных

пунктах» минимума. Этот принцип виден и в требовании не ограничивать часть партии никакими районными рамками, и в притязании на «единственное» *) представительство еврейского пролетариата, и в требовании «представительства» в Ц. К. партии, и в отнятии у Ц. К. партии права вступать в сношения с частями Бунда без согласия Ц. К. Бунда, и в требовании признать основные пункты изменяемыми лишь с согласия *частей* партии.

Нет, господа. Центр тяжести того вопроса о положении Бунда в партии, который стоит перед нами, лежит именно в декларации определенного принципа организации, а отнюдь не в конкретных пунктах. Центр тяжести — в *выборе* пути. Узаконить ли особность Бунда, исторически сложившуюся, или отвергнуть ее в принципе и стать открыто, определенно, решительно и честно на путь большего и большего, теснейшего и теснейшего сближения и слияния со всей партией. Сохранить обособленность или *повернуть к слиянию.* Такова дилемма.

Решение этой дилеммы зависит от доброй воли Бунда, ибо «насильно мил не будешь», как говорили мы еще в № 33. Если вы *хотите* повернуть к слиянию, тогда вы отвергнете федерацию и примете автономию. Тогда вы поймете, что автономия гарантирует такую постепенность процесса слияния, при которой переорганизация произошла бы с минимальной ломкой и притом так, чтобы еврейское рабочее движение ничего не теряло, а все выигрывало от этой переорганизации и от этого слияния.

Не хотите повернуть к слиянию, — тогда вы будете стоять за федерацию (в максимальной или в минимальной ее форме, с декларацией или без декларации), тогда вы будете бояться «майоризирования», тогда вы превратите печальную обособленность Бунда в фетиш и станете по поводу уничтожения обособленности кричать об уничтожении Бунда, тогда вы станете искать обоснования своей обособленности и в этих поисках то хвататься за сионистскую идею еврейской «*нации*», то прибегать к демагогии и к сплетням.

Теоретически обосновать федерализм можно только националистическими идеями, и нам странно было бы доказывать бундовцам, что не случайно декларация федерализма приходится на тот самый IV-ый съезд, который вынес декларацию о существовании еврейской нации.

Практически дискредитировать идею слияния можно только посредством науськивания несознательных и робких элементов

*) «Это слово значения не имеет», уверяет нас теперь Бунд. Странно! К чему бы это вставлять не имеющие значения слова и в минимум и в максимум? В русском языке это слово имеет вполне определенное значение. В данном случае оно включает в себя именно «декларацию» и федерализма и национализма. Рекомендуем подумать над этим бундовцам, которые не видят связи национализма и федерации.

против «чудовищного», «аракчеевского» организационного плана «Искры», желающей «остричь под одну скобку» комитеты и не позволять им «ни шагу делать без приказания свыше». Какие ужасы! Мы не сомневаемся, что теперь все комитеты поспешат взбунтоваться против ежовых рукавиц, аракчеевского кулака и проч.... Но откуда вы взяли, господа, сведения об этом свирепом организационном плане? Из литературы? Отчего же вы ее не цитируете? Из рассказов досужих партийных кумушек, которые самым достоверным образом знают все, ну решительно все подробности насчет этой аракчеевщины? Последнее предположение пожалуй, вероятнее, ибо даже при минимуме логики нелегко было бы смешать в одну кучу такое необходимое требование, чтобы Ц. К. «*имел возможность* дойти до последнего человека в партии» *), и такое заведомо сплетническое пугало, что Ц. К. будет «все делать» и «все регламентировать». Или еще: что за пустяки это насчет того, что «между периферией и центром» будут «lose Organisationen»? **) Мы догадываемся: наши добрые бундовцы слышали звон, да не поняли, откуда он. Как-нибудь при случае придется им разъяснить это подробно.

Хуже всего, однако, то, что взбунтоваться придется не только местным, но и центральному комитету. Правда, он еще не родился [33]), но кумушки доподлинно знают не только день рождения, а всю судьбу новорожденного. Оказывается, что это будет Ц. К., «*направляемый группой литераторов*». Не правда ли, какой это испытанный и дешевый прием борьбы? Бундовцы тут не первые и, наверное, не последние. Чтобы изобличить в какой-либо ошибке этот Ц. К. или О. К., надо найти доказательства. Чтобы изобличить людей в том, что они действуют не по собственному убеждению, а *направляемые* чужой рукой, надо иметь мужество выступить открытым обвинителем и взять на себя перед всей партией ответственность за такое обвинение! Это все — слишком дорого, во всех смыслах дорого. А кумушкины россказни дешевы... Может быть, и клюнет. Ведь так неприятно прослыть человеком (или учреждением), которого «направляют», которого водят на помочах, который является пешкой, креатурой, ставленником «Искры»... Бедный наш, бедный будущий Ц. К.! У кого будет он искать защиты от гнета аракчеевщины? Разве вот у «самодеятельных» и чуждых всякой «подозрительности» бундовцев?

«Искра» № 49, 1 октября 1903 г.

---

*) См. настоящий том, стр. 19. *Ред.*

**) — широкие, свободные организации. *Ред.*

ПИСЬМО РЕДАКЦИИ Ц. О.— Ю. О. МАРТОВУ [34].

Товарищу Мартову от редакции Ц.О. Росс. С.-Д.Р.П.

Уважаемый товарищ! Редакция Ц.О. считает долгом официально выразить свое сожаление по поводу Вашего отстранения от участия в Искре и в Заре (№ 5 Зари в настоящее время готовится к печати [35]). Несмотря на многократные приглашения сотрудничать, — которые мы делали и тотчас после II съезда партии, перед № 46 Искры, и повторяли неоднократно после того,— мы не получили от Вас ни одного литературного произведения.

Мало того. Даже выпуск в свет второго издания Вашей брошюры «Красное Знамя» задерживается много недель, вследствие недоставления конца рукописи.

Редакция Ц.О. заявляет, что она считает Ваше отстранение от сотрудничества ничем с ее стороны невызванным.

Какое-либо личное раздражение не должно, конечно, служить препятствием к работе в центральном органе партии.

Если же Ваше отстранение вызвано тем или иным расхождением во взглядах между Вами и нами, то мы считали бы чрезвычайно полезным в интересах партии обстоятельное изложение таких разногласий. Более того. Мы считали бы чрезвычайно желательным, чтобы характер и глубина этих разногласий были как можно скорее выяснены перед всей партией именно на страницах редактируемых нами изданий.

Наконец, в интересах дела мы еще раз ставим Вам на вид, что мы и в настоящее время готовы кооптировать Вас в члены редакции Ц.О. для того, чтобы дать Вам полную возможность оффициально заявлять и отстаивать все свои взгляды в высшем партийном учреждении.

Женева, 6 октября 1903 г.

Впервые напечатано полностью в 1927 г. в «Ленинском Сборнике» VI.

Печатается по копии, переписанной рукой Н. К. Крупской.

ПИСЬМО Г. Д. ЛЕЙТЕЙЗЕНУ.

Дорогой Лейтейзен! Получил Ваше письмо и отвечаю, по Вашей просьбе, немедленно. Будет ли съезд и когда, я не знаю. Я слышал, что здешние три члена администрации Лиги высказались большинством против съезда, что решено запросить двух отсутствующих членов, Вас и Вечеслова; таким образом решение вопроса отложено [36]).

Что до меня касается, я лично против съезда. Вы полагаете, что Лига должна высказаться и что раскол в ней все равно неизбежен, что лучше две активные борющиеся части, чем единая бездействующая Лига. Но дело в том, что раскол в Лиге не только неизбежен, *а почти уже покончен;* две активные борющиеся части уже образовались и, покуда не произошел раскол *партии*, эти борющиеся части неизбежно останутся в единой Лиге. С другой стороны, съезд партии совершенно перевернул весь организационный базис Лиги: старый ее устав, который Вам хорошо известен, конечно, в сущности отпадает сам собой после съезда партии. Лига должна обновиться и будет, конечно, обновлена на новых началах, будет обновлена Центральным Комитетом партии, которому поручено дело организации комитетов партии и всех вообще партийных учреждений.

Следовательно, съезду собственно остается, можно сказать, *сойтись, чтобы разойтись*. В двух смыслах разойтись: в смысле руготни между нами и «мартовцами» и в смысле ликвидации старой Лиги. Стоит ли для этого сходиться?

«Раскола» (верней, будирующего отстранения) этим не залечить, а только еще озлобить тех и других. К чему это?

К чему турнир речей, когда тоже сейчас почти несомненно, что около 35 членов Лиги из всего числа сорока уже заняты позицией?

Разве что вот — устроить *«генеральную репетицию»?* т.-е. примерно посмотреть, как это драться мы будем, если дойдет до раскола в партии?

Этого значения съезда я отрицать не могу, но *такая* овчинка не стоит выделки.

Узнать окончательное распределение остальных пяти (или около пяти) членов Лиги можно много проще.

Работа же Лиги за границей все равно пойдет на новых началах, которые будут созданы Центральным Комитетом партии. Съезд Лиги теперь даст все для драки и ничего для дела, т.-е. для работы за границей.

Написано 10 октября (27 сентября) 1903 г.

Впервые напечатано в 1907 г. в «Ленинском Сборнике» VI.

Печатается по копии, переписанной неизвестной рукой.

ПРОЕКТ ОБРАЩЕНИЯ Ц.К. И РЕДАКЦИИ Ц.О. К ЧЛЕНАМ ОППОЗИЦИИ[37]).

ВАРИАНТ.

Ц.К. партии и редакция Ц.О. считают своим долгом обратиться к вам, после ряда неудачных попыток отдельных личных объяснений, с официальным сообщением от имени партии, которую они представляют. Отказ от редакции и от сотрудничества в Искре тов. Мартова, отказы бывших членов редакции Искры от сотрудничества, враждебное отношение нескольких товарищей-практиков к центральным учреждениям нашей партии создает совершенно ненормальные отношения этой так-называемой «оппозиции» ко всей партии. Пассивное отстранение от партийной работы, попытки «бойкота» центральных учреждений партии (выразившиеся, например, как в прекращении сотрудничества в Искре с № 46, так и в уходе тов. Блюменфельда из типографии), резкие нападки на личный состав центров, утвержденный съездом, требование видоизменить этот состав как условие прекращения бойкота, в беседе с членом Ц.К.[38]) упорное наименование себя «группой», вопреки уставу партии — все это поведение не может быть признано соответствующим партийному долгу. Все это поведение стоит на границе прямого нарушения дисциплины и обращает в ничто принятое съездом (в партийном уставе) постановление, что распределение сил и средств поручено Центральному Комитету.

Ц.К. и редакция Ц.О. напоминают поэтому всем членам так-называемой «оппозиции» об их партийном долге. Недовольство личным составом центров, вытекает ли оно из личных раздражений или из разногласий, кажущихся тому или иному члену партии серьезными, не может и не должно вести к нелояльному образу действий. Если центры, по мнению тех или иных лиц, делают те или иные ошибки, то обязанность всех членов партии указывать на эти ошибки перед всеми членам партии и, прежде всего, указывать самим центрам. Ц.К. и редакция Ц.О. равным

образом обязаны, во имя партийного долга, рассмотреть все такие указания со всей тщательностью, независимо от кого бы они ни поступили. Между тем ни редакция Ц.О. ни Ц.К. не получили от так-называемой оппозиции никаких прямых и определенных указаний на ошибки или выражений неудовольствия и несогласия в чем бы то ни было; тов. Мартов отказывается даже занять место в редакции Ц.О. и в высшем Совете партии, хотя только на этом посту он мог бы вскрыть перед партией все усматриваемые им в деятельности центров ошибки.

Ц.К. и редакция Ц.О. твердо убеждены, что Росс. С.-Д.Р. Партия не позволит влиять на созданные ею учреждения незаконным, негласным (перед партией негласным) и нелояльным путем давлений и бойкотов. Ц.К. и редакция Ц.О. заявляют, что они во что бы то ни стало останутся на своем посту, пока партия не сместит их, что они исполнят свой долг и приложат все усилия к осуществлению всего, что им поручено. Попытки «бойкота» ни на волос не отклонят ни редакцию Ц.О. ни Ц.К. от того пути, по которому они идут, исполняя волю съезда, — эти попытки причинят только мелкие неприятности и крупные ущербы в отдельных отраслях партийной работы, эти попытки покажут только непонимание партийного долга и нарушение его тем, кто стал бы продолжать их.

Написано в первой половине октября 1903 г.
Впервые напечатано в 1927 г. в «Ленинском Сборнике» VI.

Печатается по рукописи.

ПОЛОЖЕНИЕ БУНДА В ПАРТИИ.

Под таким заглавием Бунд выпустил перевод статьи из № 34 «Arbeiterstimme»[39])*). Статья эта, присоединенная к решениям V съезда Бунда, является как бы официальным комментарием к ним. Здесь делается попытка систематически изложить все доводы, которые заставляют придти к выводу, что Бунд «должен быть федеративною частью партии». Интересно рассмотреть эти доводы.

Автор начинает с того, что самый жгучий вопрос, стоящий перед российской социал-демократией, это — вопрос об объединении. На каких основаниях может оно произойти? Манифест 1898 г. взял за основание принцип автономии. Автор разбирает этот принцип и находит, что он логически несообразен, внутренне противоречив. Если понимать под вопросами, специально касающимися еврейского пролетариата, только вопросы о способах агитации (применительно к особому языку, особой психологии, особой культуре евреев), то это будет техническая (?) автономия. Но такая автономия означает уничтожение всякой самостоятельности, ибо ею пользуется всякий комитет партии, а приравнение Бунда к комитетам есть отрицание автономии. Если же понимать под автономией автономию в некоторых программных вопросах, то нелепо лишать Бунд всякой самостоятельности в остальных программных вопросах; самостоятельность в программных вопросах непременно предполагает представительство Бунда, как такового, в центральных органах партии, т.-е. не автономию, а федерацию. Прочного базиса для положения Бунда в партии надо искать в истории еврейского революционного движения в России. Эта история показывает нам слияние всех организаций, ведущих работу среди еврейских рабочих, в один союз — Бунд и расширение его деятельности с Литвы на Польшу, а затем на юг России. История, следовательно, опрокинула все районные перегородки и выдвинула Бунд, как единственного представителя еврейского пролетариата. Вот принцип, который не есть плод досужего

*) — «Голос Рабочего». *Ред.*

ума (?), а является результатом всей истории еврейского рабочего движения: Бунд есть единственный представитель интересов еврейского пролетариата. А, разумеется, организация пролетариата целой национальности может войти в партию только при федеративном ее устройстве: еврейский пролетариат есть не только часть всемирной семьи пролетариев, но и часть еврейского народа, занимающего особенное положение среди других народов. Наконец, тесное единение между частями партии выражается именно в федерации, ибо основной признак этой последней — непосредственное участие в делах партии каждой составной ее части; все части партии чувствуют себя тогда равноправными. Автономия же предполагает бесправность частей партии, равнодушие к общим делам, взаимное недоверие, трения и столкновения.

Такова аргументация автора, изложенная нами почти исключительно в собственных его выражениях. Она сводится к трем пунктам: к соображениям общего свойства насчет внутренней противоречивости автономии и непригодности ее с точки зрения тесного единения частей партии; к урокам истории, которая выдвинула Бунд, как единственного представителя еврейского пролетариата, и, наконец, к ссылке на то, что еврейский пролетариат есть пролетариат целой национальности, занимающей особенное положение. Автор хочет опереться, следовательно, и на общие организационные принципы, и на уроки истории, и на идею национальности. Автор старается — надо отдать ему справедливость — рассмотреть вопрос со всех сторон. И именно поэтому его изложение так выпукло оттеняет позицию, занятую Бундом в волнующем всех нас вопросе.

При федерации, говорят нам, части партии равноправны и участвуют в общих делах непосредственно; при автономии они бесправны и, как таковые, в общепартийной жизни не участвуют. Рассуждение это относится целиком к области наглядных несообразностей, — оно похоже, как две капли воды, на те рассуждения, которые математики называют математическими софизмами и в которых, — строго логичным, на первый взгляд, путем, — доказывается, что дважды два пять, что часть больше целого и т. д. Существуют сборники таких математических софизмов, и учащимся детям они приносят свою пользу. Но людям, которые мнят быть единственными представителями еврейского пролетариата, неловко даже разъяснять столь элементарный софизм, как различное понимание «части партии» в двух половинах одного и того же рассуждения. Когда говорят о федерации, — под частью партии разумеют сумму организаций в разных местностях; когда говорят об автономии, под частью партии разумеют каждую отдельную местную организацию. Поставьте рядом в один силлогизм эти якобы тождественные понятия, и вы получите неизбежный вывод, что дважды два пять. И если бундовцам

все же неясна суть их софизма, то они могут заглянуть в свой собственный устав-максимум и увидеть там, что именно при федерации местные организации сносятся с центром партии посредственно, а при автономии непосредственно. Нет, лучше бы уже не говорить нашим федералистам о «тесном единении»! Опровергая то положение, что федерация означает *обособленность*, а автономия — *слияние* частей партии, можно только людей насмешить.

Немногим удачнее попытка доказать «логическую несообразность» автономии, производимая посредством разделения этой последней на программную и техническую. Самое уже это разделение в высшей степени несуразное. Почему вопросы о специальных способах агитации среди еврейских рабочих могут быть названы техническими? При чем тут техника, когда речь идет об особенностях языка, психологии, условий быта? Как можно говорить о самостоятельности в программных вопросах по поводу, например, требования гражданского равноправия евреев? Программа социал-демократии выставляет только основные требования, общие всему пролетариату, независимо от профессиональных, местных, национальных, расовых различий. Эти различия обусловливают то, что одно и то же требование полного равенства граждан перед законом порождает агитацию в одном месте против одного вида неравноправности, в другом месте или по отношению к другим группам пролетариата — против другого вида неравноправности и т. д. Один и тот же программный пункт применяется различно в зависимости от различия условий быта, различия культуры, различия соотношения общественных сил в разных областях страны и т. д. Агитация за одно и то же программное требование ведется различными способами, на разных языках применительно ко всем этим различиям. Автономия в вопросах, касающихся специально пролетариата известной расы, известной нации, известного района означает, следовательно, что определение специальных требований, выставляемых во исполнение общей программы, определение способов агитации предоставляется самостоятельному решению соответствующей организации. Партия в целом, ее центральные учреждения устанавливают общие основные принципы программы и тактики; различные же способы проведения на практике и в агитации этих принципов устанавливаются различными подчиненными центру организациями партии соответственно местным, расовым, национальным, культурным и т. д. различиям.

Спрашивается, неужели такое понятие автономии неясно? И не чистейшей ли схоластикой является разделение автономии в программных и в технических вопросах?

Посмотрите, как «логически разбирается» понятие автономии в рассматриваемой нами брошюре. «Из всей массы вопросов,

с которыми приходится иметь дело социал-демократии, — говорит эта брошюра по поводу принципа автономии, положенного в основу манифеста 1898 года, — выделяются (sic!!) некоторые вопросы, относительно которых признается, что они касаются специально еврейского пролетариата... Автономность Бунда кончается там, где начинается область общих вопросов... Отсюда вытекает двойственное положение Бунда в партии: в специальных вопросах он выступает, как Бунд... в общих вопросах он теряет свою физиономию и приравнивается к простому комитету партии»... Социал-демократическая программа требует полного равенства всех граждан перед законом. *Во исполнение* этой программы еврейский рабочий в Вильне выставляет одно специальное требование, а башкир, рабочий в Уфе, совершенно другое специальное требование. Значит ли это, что «из массы вопросов» «*выделяются* некоторые»? Если общее требование равноправности проводится в жизнь выставлением ряда специальных требований об уничтожении специальных видов неравноправности, то неужели специальные вопросы *выделяются* тут из общих вопросов? Специальные требования не выделяются из общих, а ставятся *во исполнение* общих требований программы. Выделяется то, что специально касается еврея в Вильне, от того, что специально касается башкира в Уфе. Обобщение их требований, представительство их *общих классовых интересов* (а не специальных, профессиональных, расовых, местных, национальных и т. п.) есть дело всей партии, дело партийного центра. Казалось бы, дело это довольно ясное! Запутали же его бундовцы потому, что вместо логического разбора еще и еще раз дали нам образчики логических несообразностей. Они абсолютно не поняли отношения общих требований социал-демократии к специальным. Они вообразили, что «из всей массы вопросов, с которыми приходится иметь дело социал-демократии, выделяются некоторые», тогда как на самом деле *каждый* вопрос, затрагиваемый нашей программой, есть обобщение целого ряда специальных вопросов и требований; *каждый* программный пункт является общим для *всего* пролетариата, подразделяясь в то же время на специальные вопросы в зависимости от различия профессий пролетариев, их условий, быта, языка и проч., и проч. Бундовцев смущает противоречивость и двойственность положения Бунда, состоящая, видите ли, в том, что в специальных вопросах он выступает, как Бунд, а в общих теряет свою физиономию. Небольшое размышление показало бы им, что такая «двойственность» существует в положении *безусловно всякого* рабочего социал-демократа, который в специальных вопросах выступает как представитель известной профессии, как член известной нации, как житель известной местности, а в общих вопросах «теряет свою физиономию» и приравнивается ко *всякому другому* социал-демократу.

Автономия Бунда, по уставу 1898 года, — явление совершенно однородное с автономией Тульского комитета; только пределы этой автономии несколько иные и несколько более широкие в первом случае, чем во втором. И ровно ничего, кроме вопиющей логической несообразности, не заключается в следующем положении, которым Бунд опровергает такой вывод: «Если Бунду предоставляется самостоятельность в некоторых *программных* вопросах, то на каком основании он лишается *всякой* самостоятельности в остальных программных вопросах?». Это противопоставление специальных вопросов общим, как «некоторых» — «*остальным*», есть бесподобный образчик бундовского «логического разбора»! Люди никак не могут понять, что это значит противопоставлять различный цвет, вкус и запах отдельных яблок *числу* «остальных» яблок. Смеем вас уверить, господа, что не только некоторые, а каждое яблоко имеет тот или иной специальный вкус, цвет и запах. Не только в «некоторых», а *во всех без исключения* программных вопросах предоставляется вам самостоятельность, господа, но именно постольку, поскольку речь идет о применении этих вопросов к специальным особенностям еврейского пролетариата. Mein teuerer Freund, ich rath' Euch drum zuerst Collegium logicum! *) [40])

Второй аргумент бундовцев состоит в ссылке на историю, которая будто бы выдвинула Бунд, как единственного представителя еврейского пролетариата.

Это положение, во-первых, неверно. Сам автор брошюры говорит, что «работа других организаций (кроме Бунда) в этом направлении (т.-е. работа среди еврейского пролетариата) или ничего не дала, или дала нестоящие внимания результаты». Значит, работа велась, по его собственному признанию, и, следовательно, *единственным* представителем еврейского пролетариата Бунд *не был;* в оценке результатов этой работы никто, конечно, не положится на суждение самого Бунда; наконец, небезызвестно, что Бунд *противодействовал* работе других организаций среди еврейского пролетариата (достаточно назвать известный эпизод борьбы Бунда против Екатеринославского комитета партии, осмелившегося выпустить прокламацию к еврейским рабочим)[41]),— следовательно, если бы даже результаты действительно были нестоящими внимания, то в этом есть доля вины самого Бунда.

Далее. Та доля истины, которая заключается в исторической справке Бунда, нисколько еще не доказывает правильности его аргументации. Факты, которые действительно имели место и которые имел в виду Бунд, говорят не за, а против него. Эти факты состоят в том, что Бунд существовал и развивался, —

*) — «Мой дорогой друг, советую вам, поэтому, прежде всего изучить логику». *Ред.*

в течение тех пяти лет, которые прошли со времени первого съезда, — совершенно самостоятельно и независимо от остальных организаций партии. Вообще между всеми организациями партии фактическая связь за это время была чрезвычайно слаба, но связь Бунда с остальными частями партии не только была еще гораздо слабее, чем связь между другими организациями, но и ослабевала все более. Что Бунд сам *ослаблял* эту связь, — прямо доказывается историей заграничных организаций нашей партии. В 1898 г. члены Бунда входили в одну общую партийную организацию за границей; к 1903 году они выделились в совершенно самостоятельную и независимую заграничную организацию. Самостоятельность и независимость Бунда не подлежит сомнению, равно как и постепенное их усиление.

Что же вытекает из этого несомненного факта? Для бундовцев — отсюда вытекает необходимость преклониться пред этим фактом, рабски подчиниться ему, превратить его в принцип, в единственный принцип, дающий прочный базис для положения Бунда, узаконить этот принцип в уставе, который должен признать Бунд единственным представителем еврейского пролетариата в партии. По нашему же мнению, такой вывод есть чистейший оппортунизм, «хвостизм» худшего сорта. Из пятилетней истории разброда надо делать вывод не об узаконении разброда, а о необходимости раз-на-всегда покончить с ним. А неужели может еще кто-нибудь отрицать, что это был действительно разброд? Самостоятельно и независимо развивались за это время *все* части партии, — не следует ли уже отсюда вывести «принцип» федерации между Сибирью, Кавказом, Уралом, югом и проч.?? Бундовцы сами говорят, что партия, в смысле организационного объединения частей, фактически не существовала, — как же можно из того, что сложилось при не-существовании партии, делать вывод по вопросу о *восстановлении* организационного единства? Нет, господа, ваша ссылка на историю разброда, создавшую обособленность, ровно ничего не доказывает, кроме ненормальности этого обособленного состояния. Выводить *организационный* «принцип» из нескольких лет партийной *дезорганизации* значит поступать подобно тем представителям исторической школы, которые, по известному саркастическому замечанию Маркса, готовы были защищать кнут на том основании, что это кнут исторический [12]).

Итак, ни «логический разбор» автономии, ни исторические справки решительно не могут дать ни тени «принципиального» обоснования бундовской обособленности. Зато несомненно принципиальный характер имеет третий аргумент Бунда, который состоит в апелляции к идее еврейской нации. К сожалению только, эта сионистская идея — совершенно ложная и реакционная по своей сущности. «Евреи перестали существовать как нация, немыслимая без определенной территории», — говорит один из самых

выдающихся марксистских теоретиков, Карл Каутский (см. № 42 «Искры» и отдельный оттиск из него: «Кишиневская резня и еврейский вопрос», стр. 3). И недавно, рассматривая вопрос о национальностях в Австрии, тот же писатель, пытаясь дать научное определение понятию национальности, устанавливает два основных признака этого понятия: язык и территорию («Die Neue Zeit» 1903, № 2) [43]). Слово в слово то же самое пишет один французский еврей, радикал Альфред Накэ, полемизируя с антисемитами и сионистами. «Если Бернару Лязару — говорит он про известного сиониста — угодно считать себя гражданином особого народа, это его дело; но я заявляю, что, хотя я и родился евреем,... я не признаю еврейской национальности... у меня нет другой национальности, кроме французской... Представляют ли из себя евреи особый народ? Хотя в очень давнем прошлом они несомненно были народом, тем не менее я отвечаю на этот вопрос категорическим *нет*. Понятие народа предполагает известные условия, которых в данном случае нет на-лицо. Народ должен иметь территорию, на которой бы он развивался, а затем в наше по крайней мере время, покуда мировая конфедерация не расширила еще этого базиса, народ должен иметь общий язык. У евреев нет уже ни территории, ни общего языка... Бернар Лязар, наверное, как и я, не знал ни слова по-еврейски и ему не легко было бы, если бы сионизм достиг своей цели, столковаться с своими сородичами (congénères) из других частей света» («La Petite République» *), 24 sept. 1903 г.). «Евреи немецкие и французские совсем не похожи на евреев польских и русских. Характерные черты евреев не имеют ничего такого, что носило бы на себе отпечаток (empreinte) национальности. Если бы позволительно было вместе с Дрюмоном признать евреев нацией, то это была бы искусственная нация. Современный еврей есть продукт противоестественного подбора, которому его предки подвергались в течение почти 18 столетий». Бундовцам остается разве только разработать идею особой национальности русских евреев, языком которой является жаргон, а территорией — черта оседлости.

Совершенно несостоятельная в научном отношении **) идея об особом еврейском народе реакционна по своему политическому значению. Неопровержимым практическим доказательством этого являются общеизвестные факты недавней истории и современной политической действительности. Во всей Европе падение средне-

*) — «Маленькая Республика». *Ред.*

**) Не только национальные, но даже и расовые особенности еврейства отвергаются современным научным исследованием, которое выдвигает на первый план особенности *истории* еврейства. «Вытекает ли особенность еврейства из его расового характера?» — спрашивает К. Каутский и отвечает, что мы даже не знаем в точности, что такое собственно раса. — «Нам нет никакой надобности прибегать к понятию расы, не даю-

вековья и развитие политической свободы шло рука об руку с политической эмансипацией евреев, переходом их от жаргона к языку того народа, среди которого они живут, и вообще несомненным прогрессом их ассимиляции с окружающим населением. Неужели мы опять должны вернуться к самобытным теориям и объявить, что именно Россия будет исключением, хотя освободительное движение евреев гораздо глубже и гораздо шире в России, благодаря пробуждению геройского самосознания среди еврейского пролетариата? Неужели можно объяснять случайностью тот факт, что именно реакционные силы всей Европы и особенно России ополчаются *против* ассимиляции еврейства и стараются закрепить его обособленность?

Еврейский вопрос *стоит* именно так: ассимиляция или обособленность? — и идея еврейской «национальности» носит явно реакционный характер не только у последовательных сторонников ее (сионистов [44])), но и у тех, кто пытается совместить ее с идеями социал-демократии (бундовцы). Идея еврейской национальности противоречит интересам еврейского пролетариата, создавая в нем прямо и косвенно настроение, враждебное ассимиляции, настроение «гетто»[45]). «Когда Национальное Собрание 1791 года декретировало эмансипацию евреев, — писал Ренан, — оно очень мало занималось вопросом о расе... Дело XIX столетия — уничтожение всех «гетто», и я не поздравлю тех, кто стремится к их восстановлению. Еврейская раса оказала миру величайшие услуги. Будучи ассимилирована с различными нациями, гармонически слитая с различными национальными единицами, она и в будущем окажет услуги, имеющиеся за ней в прошлом». А Карл Каутский, имея в виду специально русских евреев, выражается еще энергичнее. Враждебность к инородным слоям населения может быть устранена «только тем, что инородные слои населения перестанут быть чужими, сольются с общей массой населения. *Это единственно возможное разрешение еврейского вопроса, и мы должны поддерживать все то, что способствует устранению еврейской обособленности*». И вот, этому единственно возможному решению противодействует Бунд, не устраняя, а усиливая и узаконяя еврейскую обособленность распространением идеи еврейской «нации» и проекта федерации пролетариев еврейских с нееврейскими. Это — основная ошибка «бундизма», которая должна быть и будет исправлена последовательными представителями еврейской социал-демократии. Эта ошибка доводит бундовцев до

щему действительного ответа, а лишь подымающему новые вопросы. Достаточно проследить историю еврейского народа, чтобы выяснить причины его характера». И такой знаток этой истории, как Ренан, говорит: «Особые черты евреев и уклад их жизни гораздо более являются результатом социальных условий (nécessités sociales), влиявших на них в течение веков, чем расовым отличием (phénomène de race)».

такой невиданной в среде международной социал-демократии вещи, как возбуждение недоверия еврейских пролетариев к нееврейским, заподозревание этих последних, распространение неправды про них. Вот доказательство, взятое из той же брошюры: «Такая нелепость (чтобы организация пролетариата целой национальности была лишена представительства в центральных органах партии) может открыто проповедываться только (это заметьте!) по отношению к еврейскому пролетариату, которому в силу особенных исторических судеб еврейского народа еще приходится бороться за равноправное положение (!!) в семье всемирного пролетариата». Мы встретили недавно такую именно выходку в одном сионистском листке, авторы которого рвут и мечут против «Искры», видя в ее борьбе с Бундом нежелание признать «равноправность» еврея с нееврeем. И теперь бундовцы повторяют сионистские выходки! Распространяется прямая неправда, потому что мы не «только» по отношению к евреям, а и по отношению к армянам, грузинам и проч. «проповедывали» «лишение представительства», и по отношению к полякам призывали к сближению, единению, слиянию всего пролетариата, борющегося с царским самодержавием. Недаром же и громила нас П.П.С. (польская социалистическая партия) [46]! Называть свою борьбу за сионистскую *идею* еврейской нации, за федеративный *принцип* организации партии «борьбой за равноправное положение евреев *в семье всемирного пролетариата*» — значит низводить борьбу из области идей и принципов в область заподозрений, науськиваний, разжигания исторически сложившихся предрассудков. Это значит воочию показывать неумение действительно идейных и принципиальных оружий в своей борьбе.

* * *

Мы пришли таким образом к выводу, что ни логические, ни исторические, ни националистические доводы Бунда не выдерживают никакой критики. Период разброда, усилив шатания среди русских социал-демократов и обособленность отдельных организаций, сказался в том же направлении и еще даже сильнее на бундовцах. Вместо того, чтобы поставить своим лозунгом борьбу с этой исторически сложившейся (и разбродом усиленной) обособленностью, они возвели ее в принцип, ухватившись для этого за софизмы насчет внутренней противоречивости автономии, за сионистскую идею еврейской нации. Только решительное и прямое признание этой ошибки и провозглашение *поворота к слиянию* может свести Бунд с того ошибочного пути, на который он встал. И мы уверены, что лучшие представители социал-демократических идей среди еврейского пролетариата рано или поздно заставят Бунд повернуть с пути обособленности на путь к слиянию.

«Искра» № 51, 22 октября 1903 г.

II СЪЕЗД ЗАГРАНИЧНОЙ ЛИГИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ [47]

26 (13) — 31 (18) ОКТЯБРЯ 1903 г.

«Протоколы II очередного съезда Заграничной Лиги Русской Революционной Соц.-Демократии». Женева. 1904 г.

Печатается по тексту протоколов

1.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ДОКЛАДУ О II СЪЕЗДЕ Р.С.-Д.Р.П. 26 (13) ОКТЯБРЯ.

I.

Ленин делает предварительные замечания к своему докладу. Я предлагаю, во-первых, сохранить псевдонимы, употреблявшиеся на съезде, так как слишком привык к ним, и мне будет легче употреблять их, чем каждый раз соображать, от какой организации был делегат. Во-вторых, я думаю коснуться и заседаний организации «Искры», происходивших в промежутки между заседаниями съезда, так сказать, частным образом. Я думаю, что это можно сделать, во-первых, потому, что Лига являлась заграничным отделом организации «Искры», во-вторых, потому, что организация «Искры» теперь распущена, в-третьих, потому, что без этих данных мне будет труднее уяснить истинный смысл событий съезда партии.

II.

Тов. Мартов против того, чтобы касаться частных заседаний организации «Искры», так как на них не велось протоколов, но теперь нет еще и протоколов партийного съезда, и я на них также не могу ссылаться. Ведь тов. Мартов присутствует здесь; он сможет внести поправки, если вкрадутся какие-либо неточности. Если частные заседания «Искры» имеют значение для дела, то я вскрою их и перед более широкой публикой — все-равно, тов. Мартову скрыть их не удастся (*Ого!*). Я отлично помню, кого я не допустил на эти заседания, и кто с них вышел, и об этом я буду много говорить. Ошибки, конечно, могут быть, и всего на память я восстановить не могу. Самое важное — это политическая группировка лиц. По каждому отдельному голосованию, я, конечно, могу восстановить ее только приблизительно, но, в общем, она для меня совершенно ясна. Не в интересах дела скрыть от Лиги то, что касается организации «Искры», которая

уже распущена, и что стало уже достоянием партии. Что касается протокольных псевдонимов, то они, конечно, лучше, но я протоколов не читал и потому их не знаю.

III.

Тов. Мартов опасается, что, говоря о частных заседаниях «Искры», можно перейти в область сплетен. Я не собирался касаться области сплетен, и «мы будем посмотреть», кому удастся удержаться на высоте принципиального спора, и кто должен будет спуститься в эту мрачную область (*Ого!*). «Мы будем посмотреть», «мы будем посмотреть»! Я считаю себя вполне свободным касаться заседаний редакции и ничего не буду иметь против, если тов. Мартов будет тоже их касаться, но я все-таки должен заметить, что во время съезда у нас ни разу не было специально редакционного собрания.

IV.

Главная цель моего доклада — доказать, что тов. Мартов ошибался, но в его намеке относительно тов. Плеханова я вижу совершенно другое [18]). Напомню мою фразу, сказанную на партийном съезде, по одному поводу: «какую бурю негодования, обыкновенно, вызывают люди, которые в комиссии говорят одно, а на заседании — другое» *). Намекать на такое поведение — это уже значит не обсуждать политическое поведение, а переходить на личности. Относительно же заявления П. Б. Аксельрода, что Х. уехал совершенно неосведомленным, могу заявить, что это совершенно неверно. Он сам обратился ко мне с письмом, в котором сообщал мне, что, по его мнению, во всем этом разделении есть много личного и мало — принципиального. Из этого я заключаю, что он был уже осведомлен. И на его просьбу высказать свое мнение по поводу съезда, я тоже имел случай не раз писать ему.

---

*) См. настоящий том, стр. 16. *Ред.*

2.

ДОКЛАД О II СЪЕЗДЕ Р.С.-Д.Р.П. 27 (14) ОКТЯБРЯ.

Ленин прежде, чем приступить к докладу, останавливается на дебатах предыдущего заседания, относившихся к вопросу, насколько можно касаться частных заседаний искровцев, происходивших во время съезда партии. Вчерашнее решение съезда он толкует в том смысле, что докладчики должны касаться фактов незапротоколированных лишь в минимальной степени, и поэтому, рассказывая о собраниях членов организации «Искры», он намеревается касаться только результатов голосования [49]).

После этого введения он переходит к рассказу о периоде, непосредственно предшествовавшем партийному съезду. В Организационном Комитете, задача которого была подготовить съезд, преобладали искровцы, и деятельность его велась именно в искровском направлении. Но уже во время подготовки съезда обнаружилось, что в О. К. было далеко до полного единства. Прежде всего в состав его входил бундист, старавшийся пользоваться всяким поводом, чтобы затормозить дело созыва съезда искровского направления; этот член О. К. всегда вел свою собственную линию. Были еще в О. К. два члена «Южного Рабочего»; хотя они и считали себя искровцами и даже объявили о своем присоединении к «Искре», о чем очень долго велись переговоры, но признать их вполне таковыми все же было нельзя. Наконец, даже у самих искровцев, входивших в состав О. К., не было полного единства, между ними самими были несогласия. Важно еще отметить решение О. К. по вопросу об императивных мандатах. Этот вопрос возник задолго до съезда и был решен в том смысле, что императивные мандаты должны быть отменены. В том же смысле и самым определенным образом высказалась по этому вопросу и редакция. Решение это распространялось и на нее самое. Было постановлено, что на съезде, представляющем высшую инстанцию партии, никто из членов партии, а также и редакции не должен считать себя связанным какими-либо обязательствами перед организацией, которая его туда послала. Ввиду этого решения я и выработал проект Tagesordnung'a *) съезда с комментариями к нему, который я решил внести на съезд от своего имени. В этом

*) — порядок дня. *Ред.*

проекте, при пункте 23-м, на полях была сделана отметка о выборе трех лиц в редакцию и в Ц. К. В связи с этим пунктом стоит еще одно обстоятельство. Так как редакция состояла из 6-ти лиц, то по общему согласию было решено, в случае, если во время съезда придется устроить совещание редакции и голоса поделятся поровну, пригласить на совещание с решающим голосом тов. Павловича.

Задолго до начала съезда стали съезжаться делегаты. О. К. предоставил им возможность предварительно познакомиться с редакцией. Вполне естественно, что искровцы желали явиться на съезд солидарными, спевшимися, и с этой целью с приезжавшими делегатами велись частные беседы, а также устраивались собрания для выработки единства во взглядах. На этих собраниях физиономии некоторых делегатов выяснились с достаточной определенностью. Напр., на одном из таких собраний, когда я прочел реферат по национальному вопросу, делегат от горнопромышленного района высказался в духе П. П. С., обнаружив вообще крайнюю спутанность воззрений.

Таковы обстоятельства, предшествовавшие съезду.

Теперь объяснно, каким образом я оказался единственным делегатом от Лиги, тогда как последняя выбрала двух. Оказалось, что от русской организации «Искры», которая также должна была прислать двух делегатов, ни один не приехал на съезд. Тогда перед началом съезда, на состоявшемся собрании искровцев решено было, чтобы один из 2-х выбранных Лигой делегатов отказался бы от своего мандата, передав его другому делегату, а сам явился бы делегатом от организации «Искры», взяв себе два ее мандата, с тем чтобы, в случае приезда из России избранного делегата, он передал ему один из 2-х мандатов организации «Искры». И мне и Мартову, естественно, хотелось быть делегатом от «Искры», ввиду незначительности той роли, которую играла Лига. Спор этот мы решили путем метания жребия.

Первый предварительный вопрос — о выборе бюро съезда — вызвал некоторое, хотя и незначительное, разногласие между мной и Мартовым. Последний настаивал на выборе 9-ти лиц, внося в это число даже бундиста. Между тем, я считал необходимым выбрать такое бюро, которое могло бы проявить твердую, стойкую политику, а в случае надобности сумело бы даже применить и так называемые «ежовые рукавицы». Были выбраны: Плеханов, Ленин и Павлович.

Кроме пяти бундистов на съезде были два делегата от Заграничного Союза русских социал-демократов и почти всегда вотировавший вместе с ними делегат от петербургского «Союза Борьбы». Эти лица с самого начала сильно затягивали прения. Уже один регламент съезда отнял неимоверно много времени. Шли бесконечные споры о месте Бунда в партии, длившиеся несколько заседаний. Такие же проволочки производил бундист, попавший

в комиссию по проверке мандатов. Он на каждом шагу чинил обструкцию, ни по одному вопросу не соглашался с другими членами этой комиссии, в которую входил и я, и постоянно оставался при «особом мнении». На замечание, что таким образом может затянуться съезд, бундист ответил «и пусть затягивается», и изъявил готовность заседать в комиссии сколько угодно времени. Лишь далеко за полночь удалось закончить работы по проверке мандатов.

В первые же дни заседаний съезда произошел инцидент с О. К. По выработанному им уставу на съезд с совещательным голосом могли быть приглашены лишь «видные деятели партии»; комиссия по проверке мандатов отвергла просьбу группы «Борьба», чтобы от нее был допущен мандат. В этой комиссии участвовали два члена О. К., которые категорически высказывались против допущения на съезд представителя от «Борьбы». Когда докладчик от комиссии сообщил съезду это решение, возникли продолжительные дебаты «за» и «против» допущения, при чем одним из искровцев было высказано мнение, что представителя от «Борьбы» отнюдь не следует приглашать на съезд, так как эта группа занималась лишь интригами, старалась пролезть во всякие щели, всюду вносила раздор и пр. *(Троцкий: Напрасно не называете фамилии оратора, — это говорил я. П. Аксельрод: Повидимому, референт не считает это для себя выгодным.)* Действительно, это тов. Троцкий так резко характеризовал группу «Борьба». В самый разгар споров о допущении на съезд представителя от группы «Борьба» один из делегатов от «Южного Рабочего», опоздавший на съезд и только теперь явившийся сюда, попросил собрание сделать перерыв на 5 минут, чтобы ознакомиться со всеми обстоятельствами, относящимися к дебатируемому вопросу. Когда перерыв этот был разрешен, члены О. К. устроили совещание тут же у окна. Надо заметить, что еще до начала съезда у некоторых членов О. К. были некоторые неудовольствия против редакции. Так, член от «Бунда» в О. К. был крайне возмущен тем, что редакция свое пожертвование в 500 марок немецким социал-демократам для выборов обозначила как посланное от нее и от О. К., не получив на это предварительного разрешения от последнего. В этом невинном акте, вполне естественном при невозможности быстро сноситься с российскими товарищами, бундист усмотрел, что живущая за границей редакция распоряжается именем О. К., не спрашивая его об этом. В О. К. было внесено даже предложение сделать за это редакции выговор, каковой и был сделан, так как к бундисту присоединился тов. N. N., бывший членом организации «Искры». Когда я сообщил об этом Мартову, последний сильно вознегодовал, заявив, что это «гнусность». *(Мартов: Нет, слова «гнусность» я не употребил.)* Точного выражения я не помню. Мартов еще

добавил, что он «этого так не оставит». Я же убеждал его, что это не столь важно и что лучше смолчать, не придавая этому инциденту значения. Когда закончилось происходившее у окна совещание О. К., тов. Павлович, входивший в его состав, сообщил двум другим членам бюро, что по предложению запоздавшего делегата от «Южного Рабочего», также входившего в О. К., большинством голосов, за исключением его, Павловича, принято решение пригласить на съезд представителя от «Борьбы», Рязанова, с правом совещательного голоса. Тов. Павлович энергично восстал против этого решения и, ввиду отсутствия императивных мандатов, счел себя вправе протестовать на съезде против такого решения. Нас, членов бюро, а также редакцию и других искровцев в сильнейшей степени возмутило это постановление О. К. Член О. К., о котором я уже упоминал, т. N. N., в заседании комиссии по проверке мандатов сам высказывался против допущения представителя от «Борьбы» на съезд; теперь же, в совещании О. К., он, наоборот, согласился на его приглашение. Он теперь сам протаскивал Рязанова на съезд. Мы таким образом оказались в ловушке. Тогда мы решились на энергичную борьбу с этим возмутительным постановлением О. К. Против него говорили многие. Я в своей речи по этому поводу сказал следующее: «какую бурю негодования вызывают на европейских конгрессах те люди, которые говорят в комиссиях одно, а на съезде другое». Говоря это, я имел в виду N. N., члена организации «Искры». Когда тов. Павлович сообщил съезду о своем протесте против такого решения О. К., член из «Южного Рабочего» нашел в этом нарушение дисциплины, дезорганизационный прием и т. п. и требовал от съезда достойного наказания для тов. Павловича за такой поступок. Но мы разбили все эти доводы. Большинство О. К. оказалось побежденным. Была принята резолюция, что О. К., как коллегия, не имеет права влиять на состав съезда после того, как съезд выбрал комиссию по проверке мандатов. Предложение о приглашении Рязанова было отклонено. Но мне и после съезда приходилось слышать от некоторых искровцев сомнение, почему было не допустить на съезд члена «Борьбы». *(Дейч: Я и на съезде это же высказывал.)* Совершенно верно, да и по другим вопросам, о чем я еще буду говорить, тов. Дейч не всегда вотировал заодно со всеми искровцами, например, в вопросе о равноправности языков. Высказываются теперь некоторыми искровцами и такие в высшей степени странные взгляды, будто Ц. К. должен отражать в своей деятельности всякие шатания и примитивные воззрения в партии. В этом же духе говорили некоторые нетвердые, колеблющиеся искровцы и на съезде. Таким образом оказывается, что взгляд, будто все, причисляющие себя к искровцам, являются таковыми и на самом деле, совершенно неверен. Есть искровцы, стыдящиеся даже называть себя искровцами, это — факт. Есть

искровцы, борющиеся с «Искрой», ставящие ей разные препятствия, тормозящие ее деятельность. «Искра» стала популярна, сделалось модой называться искровцем, но это не мешает многим оставаться тем, чем они были раньше, до признания ее многими комитетами. Такие ненадежные искровцы принесли ей много вреда. Если бы они еще боролись с нею прямо, открыто... Но нет, они действуют исподтишка, из-за угла, незаметно, тайно.

Второй пункт Tagesordnung'а на партийном съезде был посвящен программе партии. Сторонники «Рабочего Дела», бундисты и разные отдельные делегаты, которым во время съезда дана была кличка «болото», делали непомерную обструкцию. Прения о программе невероятно растянулись. Одним Акимовым внесен был не один десяток поправок. Спорили буквально из-за отдельных слов, из-за того или другого союза. Один бундист, входивший в комиссию по просмотру проекта программы, совершенно основательно спросил, — чей же проект мы рассматриваем, предложенный редакцией «Искры» или внесенный Акимовым? — до того много поправок приходилось обсуждать. Поправки эти были ничтожны, и программа была принята решительно без сколько-нибудь серьезных изменений; тем не менее дебаты о ней потребовали около 20 заседаний. Вот до чего непроизводительны были работы съезда из-за той оппозиции, которую ей делали разные анти-искровские и quasi *)-искровские элементы.

Вторым крупным инцидентом, происшедшим на съезде после инцидента с О. К., был инцидент по поводу равноправия языков или, как его иронически называли на съезде, «о свободе языков». *(Мартов: Или «об ослах». Смех.)* Да, «и об ослах». Дело вот в чем. В проекте программы партии говорится о равноправности всех граждан, независимо от пола, национальности, религии и пр. Бундисты этим не удовлетворились и стали требовать, чтобы внесено было в программу право каждой национальности учиться на своем языке, а также обращаться на нем в разные общественные и государственные учреждения. В ответ на замечание одного многоречивого бундиста, указавшего, для примера, на государственное коннозаводство, тов. Плеханов заметил, что о коннозаводстве не может быть и речи, так как лошади не говорят, а «говорят лишь ослы». Бундисты на это обиделись, очевидно, приняв эту шутку на свой счет.

В вопросе о равноправии языков впервые проявился раскол. Кроме бундистов, рабочедельцев и «болота», за «свободу языков» высказались и некоторые из искровцев. Тов. Дейч своими вотами по этому вопросу вызывал в нас удивление, возмущение, негодование и пр.; он то воздерживался, то вотировал против нас.

*) — якобы. *Ред.*

В конце концов этот вопрос был решен полюбовно и единогласно.

Вообще в первой половине съезда все искровцы действовали заодно. Бундисты говорили, что против них заговор. Один бундист в своей речи характеризовал съезд, как «компактное большинство». В ответ на это я выразил желание, чтобы вся наша партия превратилась в одно компактное большинство.

Совершенно иную картину представляет вторая половина съезда. С этого времени начинается исторический поворот Мартова. Разногласия, проявившиеся между нами, были вовсе не незначительны. Они вытекали из неправильной оценки Мартовым настоящего момента. Тов. Мартов уклонился от той линии, которой он придерживался раньше.

Пятый параграф Tagesordnung'а был посвящен уставу. Из-за первого пункта его между мною и Мартовым возникли споры еще в комиссии. Мы отстаивали различные формулировки. Между тем, как я предлагал признать членом партии того, который, разделяя программу партии и оказывая ей материальную поддержку, входит в какую-нибудь партийную организацию, — Мартов находил достаточным, кроме двух первых условий, работу под контролем одной из партийных организаций. Я стоял за свою формулировку и указывал, что иного определения члена партии мы не можем сделать, не отступая от принципа централизма. Признать членом партии лицо, не входящее ни в какую партийную организацию, это значит высказаться против всякого контроля партии. Здесь Мартов вносил новый принцип, совершенно противоречащий принципам «Искры». Формулировка Мартова расширяла пределы партии. Он ссылался на то, что наша партия должна быть партией масс. Он открывал настежь двери всяким оппортунистам, расширял пределы партии до полной расплывчатости При наших же условиях это представляет большую опасность, так как установить границу между революционером и праздноболтающим очень трудно; поэтому нам необходимо было сузить понятие партии. Ошибка Мартова состояла в том, что он широко открывал двери партии всякому проходимцу, между тем, как обнаружилось, что даже на съезде целая треть принадлежит к числу подсиживающих. Мартов в данном случае проявил оппортунизм. Его формулировка вносила фальшивый диссонанс в устав: каждый член партии должен находиться под контролем организации так, чтобы Ц. К. имел возможность доходить до последнего члена партии. Моя формулировка давала стимул организоваться. Тов. Мартов принижал понятие «члена партии», оно же, по моему мнению, должно стоять высоко, очень высоко. На сторону Мартова перешли «Рабочее Дело», «Бунд» и «болото», с помощью которых он провел первый параграф устава.

Тогда Мартов стал говорить о «позорящих слухах», распро-

страняемых про него. В указаниях на то, с кем Мартов оказался в союзе, не было никакой обиды. Я сам подвергался тем же нареканиям, когда оказался в союзе с тов. Брукэр. И я нисколько не обиделся, когда Мартов послал мне записку, в которой говорил: «смотри, кто с тобой вотирует». Правда, мой союз с Брукэр был временный и случайный. Между тем союз Мартова с «Бундом» оказался прочным. Я был против формулировки Мартова, так как она являлась Versumpfung'ом *). Я предупреждал Мартова об этом, и противники наши, идя за Мартовым, как один человек, красноречиво иллюстрировали эту ошибку. Но самое опасное заключается не в том, что Мартов попал в болото, а в том, что, случайно попав в него, он не постарался выбраться из него, а погружался все больше и больше. Бундисты почувствовали, что они стали господами положения, и положили на устав партии свой отпечаток.

Во время второй половины съезда тоже составилось компактное большинство, но только оно уже состояло из коалиции мартовцев, плюс «болото», плюс компактное меньшинство из «Рабочего Дела» и «Бунда». И это компактное большинство стояло против искровцев. Один бундист, видя распри среди искровцев, сказал: «Приятно спорить, когда вожди дерутся». Мне непонятно, почему «Бунд» ушел при таких обстоятельствах. Он оказывался хозяином положения и мог бы провести многое. Вероятнее всего, у него был императивный мандат.

После того, как первый параграф устава был испорчен, мы должны были связать разбитую посудину как можно туже, двойным узлом. У нас естественно явилось опасение, что нас подсидят, подведут. Ввиду этого необходимо было ввести обоюдную кооптацию в центральные учреждения, чтобы обеспечить партии единство их действий. Из-за этого вопроса снова возникла борьба. Необходимо было сделать так, чтобы к III съезду партии не могло повториться того же самого, что произошло с О.К. Нужно было создать последовательное, честное искровское министерство. На этом пункте мы были опять побиты. Пункт о взаимной кооптации в центральные учреждения был провален. Ошибка Мартова, поддерживаемого «болотом», обнаружилась еще ярче. С этого момента коалиция сложилась вполне, и под угрозою поражения мы принуждены были зарядить свои ружья двойными зарядами. «Бунд» и «Рабочее Дело» сидели и своими голосами решали судьбу съезда. Отсюда возникла упорная, ожесточенная борьба.

Перейдем теперь к частным заседаниям организации «Искры». На этих заседаниях мы, главным образом, занялись вопросом о составе Ц. К. В течение всех четырех заседаний организации «Искры» велись дебаты около тов. N. N., которому часть искровцев

*) — превращение в болото, болотность. *Ред.*

хотела выразить политическое недоверие, но отнюдь не в буквальном смысле этого слова, ибо абсолютно ничего позорящего никто N. N. не приписывал, а в специальном значении пригодности N. N. для искровского министерства; из-за этого происходили отчаянные драки. На последнем заседании 16-ти, 9 человек высказалось против N. N., 4 — за, остальные воздержались. Здесь же решался вопрос о том, в каком составе провести теперь свое министерство.

Мартов и я предлагали различные «тройки», на них сойтись мы не могли. Не желая разбивать голоса на съезде, мы решили предложить компромиссный список. Мы шли на всякие уступки: я соглашался на список с двумя мартовцами. Меньшинство не пошло на это. Между прочим, член «Южного Рабочего» не желал стоять в нашем списке, соглашаясь в то же время находиться в списке мартовцев. «Южный Рабочий» — посторонний элемент — решал вопрос о Ц. К. После того, как искровцы раскололись, мы должны были собирать своих единомышленников и пустились в горячую агитацию. Неожиданный уход «Бунда» сразу изменил все положение. С его уходом снова образовалось компактное большинство и меньшинство. Мы оказались в большинстве и провели в Ц. К. уже тех, кого мы хотели.

Вот обстоятельства, приведшие к расколу. Крупною бестактностью со стороны Мартова было выносить на съезд вопрос об утверждении всех шестерых редакторов «Искры», когда он знал, что я буду настаивать на выборности редакции. Это значило свести вопрос о выборе редакции к выражению недоверия отдельным личностям из редакции.

В субботу, в 5 часов, кончились выборы. Мы приступили к обсуждению резолюций. Для этого у нас оставалось всего несколько часов. Вследствие тормозов и проволочек со стороны «болота», нам пришлось выбросить из Tagesordnung'а массу важных пунктов; так, нам совсем не осталось времени для обсуждения всех вопросов о тактике.

Отношение съезда к резолюциям было до того единодушно, что мы вынесли впечатление о наладившемся примирительном настроении; нам казалось, что из происшедших разногласий Мартов не делал государственного вопроса. Он даже заметил по поводу вопроса одного из «Южного Рабочего» о законности выборов, что меньшинство подчиняется всем постановлениям съезда. Все резолюции принимались мирно и дружелюбно; разногласия возникли только по поводу резолюции Старовера о либералах. Она страдает расплывчатостью, и в ней сказался опять оппортунизм; против нее мы боролись и добились проведения еще другой резолюции по этому же вопросу.

Общее впечатление о съезде получилось такое, что у нас велась борьба с подспиживанием. Мы были поставлены в невозможность работать. Вывод являлся такой: «упаси нас, господи, от та-

ких друзей», т.-е. quasi-искровцев. Мартов совершенно не понял этого момента. Он возвел свою ошибочную позицию в принцип. В вопиющем противоречии с действительными нуждами партии стоит утверждение Мартова об «осадном положении», созданном большинством. Чтобы сделать работу успешнее, необходимо было удалить тормозящие элементы и поставить их в положение, при котором они не могли бы портить партии; только в таком случае на следующем съезде нам удастся работать плодотворно. Вот почему нужно было установить полное единство между центральными учреждениями партии.

Первая половина съезда диаметрально противоположна второй. Кардинальные пункты всего съезда сводятся к четырем крупным моментам, а именно: 1) инцидент с О. К.; 2) дебаты по поводу равноправия языков; 3) дебаты по поводу первого пункта устава и 4) борьба из-за выборов в партийные центры.

В первой половине съезда мы вместе с Мартовым были против О. К., «Бунда», «Рабочего Дела» и «болота», во второй половине он попал случайно в болото. Из случайного Versumpfung'а теперь после съезда получается уже настоящий Versumpfung.

3.

РЕЧЬ ОБ УСТАВЕ ЛИГИ 30 (17) ОКТЯБРЯ.

Я остановлюсь, главным образом, на одном пункте, именно, на мысли докладчика о том, что Лига автономна в выработке своего устава. По моему мнению, это совершенно неправильно, ибо Ц.К., имеющий согласно § 6 партийного устава право организовать комитеты, — единственная инстанция, могущая заняться выработкой устава для Лиги; потому что организовать — значит прежде всего составить устав. И до тех пор, пока Ц.К. не утвердит устава Лиги, она, Лига, устава *не имеет*. Понятие об автономии сюда совершенно не применимо, ибо оно идет в разрез с партийным уставом. Я еще раз энергично подчеркиваю, что до утверждения Ц.К. Лига устава не имеет. Что же касается утверждения Лиги съездом партии, то это не за деятельность ее, а, пожалуй, скорее, вопреки всем ее дефектам, — исключительно за ее принципиальную выдержанность.

НЕПОДАННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ [50]).

29 октября 1903 г.

Товарищи! Я ушел вчера (28/X) с заседания съезда, потому что слишком омерзительно было присутствовать при том расковыривании грязных сплетен, слухов, частных разговоров, которые предпринял Мартов и проделал с истерическими взвизгиваниями, при ликовании всех и всяческих любителей скандала. Точно в насмешку над самим собой тот же Мартов 3-го дня красноречиво говорил о непристойности таких ссылок на частные разговоры, которые не могут быть проверены, которые провоцируют вопрос, кто из собеседников *солгал*. Буквально эту именно непристойность и показал нам Мартов, истерически допрашивавший вчера меня, *кто солгал*, я или он, при изложении пресловутого частного разговора о пресловутой тройке.

Этот прием вызывать на скандал такой постановкой вопроса: *кто солгал?* достоин только либо бреттера, ищущего дешевого случая к драке, либо истерически взвинченного человека, неспособного взвесить бессмысленности своего поведения. Со стороны политического деятеля, которого обвиняют в определенных политических ошибках, употребление подобного приема безошибочно свидетельствует об отсутствии иных средств защиты, о жалком перенесении политического разногласия в область дрязг и сплетен.

Спрашивается теперь, какие средства защиты могут быть вообще употреблены против этого приема всех бреттеров и скандалистов выдвигать *недоказуемые* обвинения на основании частных разговоров? Я говорю «недоказуемые» обвинения, ибо незапротоколированные частные беседы исключают, по самой своей сущности, *всякую* возможность доказательств, и обвинения на основании их ведут к простым повторениям и склонениям слова «ложь». Мартов вчера дошел в искусстве таких повторений до настоящей виртуозности, и я следовать его примеру не буду.

Я указал уже в своем вчерашнем заявлении *один* прием защиты и я настаиваю категорически на нем. Я предлагаю своему противнику издать немедленно отдельной брошюрой все его

обвинения против меня, которые он бросал в своей речи в виде бесконечных и бесчисленных темных намеков на ложь, интригантство и проч. и проч. Я *требую*, чтобы мой противник выступил именно перед *всей* партией за своей подписью, потому что он набрасывал тень на меня, как на члена редакции Ц. О. партии, потому что он говорил о невозможности для кое-каких лиц занимать ответственные места в партии. Я обязуюсь опубликовать *все* обвинения моего противника, ибо именно открытое переворачивание дрязг и сплетен будет, я прекрасно знаю это, лучшей защитой моей перед партией. Я повторяю, что, уклонясь от моего вызова, противник докажет этим, что его обвинения состоят из одних темных инсинуаций, порождаемых либо клеветничеством негодяя, либо истерической невменяемостью поскользнувшегося политика.

Я имею, впрочем, еще одно косвенное средство защиты. Я сказал в своем вчерашнем заявлении, что частный разговор en question*) передан Мартовым совершенно неверно. Я не буду возобновлять этого разговора именно вследствие безнадежности и бесцельности *недоказуемых* утверждений. Но пусть вдумывается всякий в тот «документ», который я вчера передал Мартову, прочитавшему его на съезде. Этот документ есть программа съезда и мой комментарий к ней,—комментарий, написанный *после* «частного» разговора, *посланный мной Мартову* и возвращенный им с поправками.

Этот документ представляет из себя *несомненную* квинтэссенцию нашего разговора, и мне вполне достаточно разобрать его точный текст, чтобы показать сплетнический характер Мартовских обвинений. Вот этот текст полностью:

«Пункт 23 (Tagesordnung'а съезда). *Выборы Ц.К. и редакции Ц.О. партии.*

Мой комментарий: «Съезд выбирает *3-х лиц* в редакцию Ц.О. и *3-х* в Ц.К. Эти шесть лиц *в м е с т е*, по большинству $^2/_3$, дополняют, если это необходимо, состав редакции Ц.О. и Ц.К. кооптацией и делают соответствующий доклад съезду. После утверждения этого доклада съездом дальнейшая кооптация производится редакцией Ц.О. и Центральным Комитетом отдельно».

Мартов уверял, что эта система принята была *исключительно* ради расширения редакционной шестерки. Этим уверениям *прямо* противоречат слова: «если это необходимо». Ясно, что и тогда уже предвиделась возможность, что такой необходимости не будет. Далее, если для кооптации требовалось согласие 4-х из 6-ти, то очевидно, что дополнение состава редакции *не могло бы состояться без согласия не-редакторов*, без согласия по меньшей мере одного члена Ц.К. Следовательно, расширение редакции было обусло-

*) — по данному вопросу. *Ред.*

влено мнением человека, о личности которого возможны были тогда (за месяц, если не за полтора, до съезда) лишь самые неопределенные гадания. Очевидно, следовательно, что редакционная шестерка, как таковая, признавалась *тогда* и Мартовым неспособной к *самостоятельному дальнейшему существованию*, если решающий голос в вопросе о расширении выборной тройки давался выборному же *не-редактору*. Без внешней, внередакционной, помощи и Мартов считал невозможным превращение старой редакции Искры в редакцию партийного центрального органа.

Пойдем дальше. Если бы все дело состояло *исключительно* в том, чтобы расширить шестерку, то к чему было бы говорить о тройке? Тогда достаточно было бы заменить единогласную кооптацию кооптацией тем или иным большинством. Тогда не к чему было бы вообще говорить о редакции, а достаточно было бы говорить о кооптации в партийные учреждения вообще или центральные партийные учреждения в частности. Ясно, следовательно, что исключительно об одном расширении дело не шло. Ясно также, что возможному расширению препятствовал *не* один член старой редакции, *а может быть два или даже три*, раз для *расширения* шестерки признавалось полезным *сократить* ее сначала до тройки.

Наконец. Сопоставьте «дополнение», расширение состава центров по теперешнему уставу партии, принятому на съезде, и по тому первоначальному проекту, который мы вместе с Мартовым запечатлели в вышеприведенном комментарии к п. 23 порядка дня. По первоначальному проекту требовалось согласие *четырех против двух* (для расширения *редакции Ц.О.* и Ц.К.), а по теперешнему уставу требуется, в последнем счете, согласие *трех против двух*, потому что окончательно решает теперь вопрос о кооптации в центры Совет и, если два члена редакции плюс один еще член Совета хотят расширения редакции, то они могли бы, следовательно, произвести это расширение против воли третьего.

Таким образом, не может подлежать ни малейшему сомнению (на основании точного смысла точного документа), что видоизменение состава редакции было предположено (мною и Мартовым, не опротестовано никем из членов редакции) задолго до съезда, при чем это видоизменение должно было состояться независимо от воли и согласия одного какого-либо, а может быть и двух-трех членов шестерки. Можно судить поэтому, какой вес имеют теперь жалкие слова о неформальном императивном мандате, связывавшем шестерку, о нравственных узах внутри ее, о значении незыблемой коллегии и тому подобные увертки, которыми изобиловала речь Мартова. Все эти увертки прямо противоречат недвусмысленному тексту комментария, требующего *обновления* состава редакции, обновления путем довольно сложного и, следовательно, тщательно обдуманного способа.

Еще более несомненно из этого комментария, что изменение состава редакции было обусловлено *согласием* не менее двух выбранных съездом русских товарищей, членов Ц. К. Несомненно значит, что и я и Мартов *надеялись убедить* этих будущих членов Ц. К. в необходимости определенного изменения состава редакции. Мы отдавали, значит, вопрос о составе редакции на решение неизвестных еще в точности центровиков. Мы шли, следовательно, на борьбу, *надеясь завоевать этих центровиков на свою сторону*, и если теперь большинство влиятельных русских товарищей высказалось на съезде за меня, а не за Мартова (по возникшим между нами разногласиям), то со стороны последнего является прямо неприличным и жалким приемом борьбы истерическое оплакивание своего поражения и возбуждение сплетен и дрязг, недоказуемых по самой своей сущности.

Н. Ленин (В. И. Ульянов).

Впервые напечатано в 1928 г. в «Ленинском Сборнике» VII.

Печатается по рукописи.

ПИСЬМО Г. В. ПЛЕХАНОВУ.

1/XI 03.

Дорогой Георгий Валентинович! Никак я не могу успокоиться по поводу волнующих нас вопросов. Это промедление, отсрочка решения — нечто ужасное, пытка...

Я, право же, вполне и вполне понимаю Ваши мотивы и соображения в пользу уступки мартовцам. Но я глубочайше убежден, что уступка в настоящий момент — самый отчаянный шаг, ведущий к буре и буче *гораздо вернее,* чем война с мартовцами. Это не парадокс. Я не только не уговаривал Курца уходить, а, напротив, убеждал остаться, но он (и Ру) безусловно отказывается работать теперь с мартовской редакцией. Что же получится? В России десятки делегатов уже все объехали, даже из Нижнего пишут, что многое Ц. К-том сделано, улажен транспорт, поставлены агенты, *печатается* извещение[51]), расселись для работы и Соколовский на западе и Берг в центре и Землячка и куча остальных. Теперь — отказ Курца. *Перерыв* на долгое время (съезда и совещания *всего* Ц. К., теперь, кажется, уже расширенного значительно). Потом либо борьба Ц. К. с мартовской редакцией либо отставка *всего* Ц. К. Тогда Вы + два мартовца в Совете должны *кооптировать новый Ц. К.*, и это без выбора съезда, при полном неодобрении *массы* россиян, при недоумении, ропоте и отказе этих разъехавшихся уже агентов. Да это будет полная компрометация съезда, полная смута и скандал *в России,* во сто тысяч раз страшнее и опаснее пасквильной заграничной брошюры.

Надоел разброд! вот что пишут и *вопят* из России. А отдать мартовцам — значит именно *узаконить* теперь разброд в России, ибо *в России* не было еще и тени неповиновения и бунта. Никакие мои и Ваши заявления не удержат теперь делегатов большинства на партийном съезде. Эти делегаты поднимут ужасное нечто.

Ради единства, ради прочности партии — не берите Вы на себя этой ответственности, не уходите и не отдавайте всего мартовцам.

Ваш Н. Ленин.

Впервые напечатано в 1926 г. в сборнике Группы «Освобождение Труда», IV.

Печатается по рукописи.

ЗАЯВЛЕНИЕ О СЛОЖЕНИИ С СЕБЯ ДОЛЖНОСТИ ЧЛЕНА СОВЕТА ПАРТИИ И ЧЛЕНА РЕДАКЦИИ Ц. О. [52])

Не разделяя мнения члена Совета Партии и члена редакции Ц.О., Г. В. Плеханова, о том, что в настоящий момент уступка мартовцам и кооптация шестерки полезна в интересах единства партии, я слагаю с себя должность члена Совета Партии и члена редакции Ц.О.

Н. Ленин.

1 ноября 1903 г.
Женева.

P. S. Во всяком случае я отнюдь не отказываюсь от посильной поддержки своей работой новых центральных учреждений Партии.

Подано Плеханову 1 XI 1903.

Напечатано в 1904 г. в брошюре Л. Мартова: «Борьба с осадным положением».

Печатается по рукописи.

ДВА ПИСЬМА Г. М. КРЖИЖАНОВСКОМУ [53]).

I.

Дорогой друг! Ты не можешь представить себе, какие вещи тут произошли, — это просто чорт знает что такое, и я заклинаю тебя сделать все, все возможное и невозможное, чтобы приехать вместе с Борисом, заручившись голосами остальных. Ты знаешь, я уже довольно опытен в партийных делах, и я категорически заявляю, что всякая отсрочка, малейшее промедление и колебание грозит гибелью партии. Вероятно, тебе расскажут подробно о всем. Суть — та, что Плеханов внезапно повернул, после скандалов на съезде Лиги, и подвел этим меня, Курца и всех нас отчаянно, позорно. Теперь он пошел, без нас, торговаться с мартовцами, которые, видя, что он испугался раскола, требуют вдвое и вчетверо, требуют не только шестерки, но и приема своих в Ц.К. (не говорят еще, скольких и кого), и двух своих в Совет и дезавуирования действий Ц.К. в Лиге (действий, совершенных целиком с согласия Плеханова). Плеханов жалко струсил раскола и борьбы! Положение отчаянное, враги ликуют и обнаглели, наши все в бешенстве. Плеханов грозит бросить все немедленно и способен сделать это. Повторяю, приезд необходим во что бы то ни стало.

Написано 4 ноября (22 октября) 1903 г.

Впервые напечатано в 1928 г. в «Ленинском Сборнике» VII. *Печатается по рукописи.*

II.

Смиту.

8/XI 03.

Дорогой друг! Еще раз настоятельно прошу приехать тебя, именно тебя, и затем еще одного-двух из Ц.К. Это безусловно и немедленно необходимо. Плеханов изменил нам, ожесточение в нашем лагере страшное; все возмущены, что из-за скандалов в Лиге Плеханов позволил переделать решения партийного съезда. Я вышел из редакции окончательно. Искра может остановиться. Кризис полный и страшный. Имей в виду, что я теперь борюсь не за редакцию Ц.О., я вполне мирюсь с тем, чтобы Плеханов составил 5-ку без меня. Но я борюсь за Ц.К., который мартовцы, обнаглев после трусливой измены Плеханова, тоже хотят захватить, требуя кооптации туда своих и не говоря даже, в каком числе!! Борьба за редакцию Ц.О. проиграна безвозвратно в силу измены Плеханова. Единственный шанс мира: попытать отдать им редакцию Ц.О. и отстоять за собой Ц.К.— Это очень не легко (может быть даже и это уже поздно), но надо попытать. Необходим здесь именно Смит и лучше всего еще *двое* русских из Ц.К., самых внушительных (не дам) (например Борис и доктор). Плеханов грозит уходом, если Ц.К. не уступит: ради бога, не верьте его угрозам; его надо дожать, пугнуть. Надо, чтобы Россия восстала твердо за Ц.К., успокоившись передачей редакции Ц.О. Здесь необходимы новые люди из Ц.К., ибо иначе абсолютно некому вести переговоры с мартовцами. Смит трижды необходим. Повторяю «условия» мартовцев: 1) переговоры от имени редакции Ц.О. и Ц.К., 2) 6 в редакции Ц.О., 3)? в Ц.К. Приостановка кооптации в Ц.К., 4) 2 места в Совете, 5) дезавуирование Ц.К. пасчет Лиги, признание ее съезда законным. Это ведь условия мира, предлагаемые победителями побежденным!!

Впервые напечатано в 1928 г. в «Ленинском Сборнике» VII. *Печатается по рукописи.*

НЕПОСЛАННОЕ ПИСЬМО М. Н. ЛЯДОВУ.

10/XI 03.

Дорогой Лидин! Хочется мне рассказать Вам о наших «политических новостях».

Вот для начала хронология последних событий. Среда (27. X или 28. X?)—третий день съезда Лиги. Мартов в истерике вопит на тему, что на нас «кровь старой редакции» (выражение Плеханова) и что со стороны Ленина было на съезде нечто в роде интриг и т. д. Я спокойно вызываю его письменно (заявлением в бюро съезда) выступить *открыто* перед всей партией с обвинениями против меня: я берусь *все* напечатать. Иначе, де, это простая Skandalsucht *). Мартов, конечно, «благородно ретируется», требуя (и теперь еще) третейского суда; я продолжаю требовать, чтобы он имел мужество открыто обвинять,—иначе я *игнорирую* все, как жалкие сплетни.

Плеханов отказывается говорить вследствие недостойного поведения Мартова. Десяток наших подают заявление в бюро съезда, клеймя «недостойное поведение» Мартова, перенесшего спор на почву дрязг, заподозреваний etc. В скобках сказать, моя двухчасовая речь об «историческом повороте тов. Мартова» на партийном съезде в сторону Versumpfung **) не вызвала даже у мартовцев *ни* одного протеста за перенесение вопроса на почву дрязг.

Пятница. Мы решаем ввести в Лигу 11 новых членов; вечером на частном собрании с этими «гренадерами» (как мы их в шутку звали) *Плеханов репетирует* все шаги, как мы разбиваем на голову мартовцев. Сцена. Гром аплодисментов.

Суббота. Ц. К. читает свое заявление о неутверждении устава Лиги и о незаконности собрания (заявление, раньше до тонкости, до буквы обсужденное с Плехановым). Все наши уходят со съезда при воплях мартовцев: «жандармы» etc.

---

*) — домогательство скандала. *Ред.*
**) — болотность. *Ред.*

Суббота вечером. Плеханов «сдал»: он не идет на раскол. Он требует начала мирных переговоров.

Воскресенье (I XI). Я подаю Плеханову свою отставку письменно (не желая участвовать в таком разврате, как переделка партийного съезда под влиянием заграничного скандала; я уже не говорю о том, что и с чисто стратегической точки зрения нельзя было глупее выбрать момента для уступок).

3 XI. Старовер письменно сообщает начавшему переговоры Плеханову условия мира с оппозицией: 1) переговоры ведет редакция Ц.О. и Ц.К. 2) восстановление старой редакции Искры. 3) кооптация в Ц.К. в числе, определяемом при переговорах. Прекращение кооптации в Ц.К. с момента начала переговоров. 4) 2 *места* (sic!) в Совете Партии и 5) признание законности съезда Лиги.

Плеханов не смущен. Он требует, чтобы Ц.К. уступил (!!!). Ц.К. отказывается и пишет в Россию. Плеханов заявляет, что уйдет, если Ц.К. не уступит. Я сдаю Плеханову (6. XI) *все* редакционные дела, убедившись, что Плеханов может отдать мартовцам не только газету, но и *весь Ц.К.* ни за что.

Положение дел: Искра едва ли выйдет в срок. Мартовцы ликуют по поводу их «победы». Все наши (кроме двух девиц Аксельрод, верных Плеханову даже в его Treulosigkeit *)) отстраняются от Плеханова и на собрании (6 или 7 XI) говорят ему горькие истины (на тему о «втором Исари»).

Неправда-ли, хорошо? Я не пойду в редакцию, но писать буду. Наши хотят отстаивать, елико возможно, Ц.К. и продолжать усиленную агитацию против мартовцев — план, по-моему, верный.

Пусть уходит Плеханов: тогда Совет Партии сдаст Искру комиссии и созовет экстренный съезд партии. Неужели, в самом деле, позволять заграничной Лиге большинством в 3—4 голоса *переделывать* партийный съезд?? Неужели прилично, доведя борьбу до величайшей огласки и почти разрыва, бить отбой и принимать диктуемые мартовцами условия мира??

Я бы хотел знать Ваше мнение.

Я думаю, что поступать à la Плеханов значит срывать партийный съезд и изменять его большинству. Я думаю, что мы всеми силами должны агитировать здесь и в России за подчинение партийному съезду, а не Лиговскому съезду.

Бойкот Искры (хотя бы и Мартовской), конечно, глупость. Да и не Мартовской, а пожалуй Плехановской она будет, ибо Засулич и Аксельрод быстро дадут Плеханову три голоса в пятерке. Это называется редакцией!! В дополнение к Вашему остроумному замечанию о Саровских мощах [51]), привожу маленькую

*) — вероломство. *Ред.*

статистику: в 45 номерах шестерочной Искры из статей и фельетонов написано Мартовым 39, мной 32, Плехановым 24, Старовером 8, Засулич 6 и П. Б. Аксельродом 4. Это за три года! *Ни один* № не был составлен (в редакционно-техническом смысле) кем-либо кроме Мартова или меня. И теперь — в награду за скандал, в награду за отрезание Старовером одного крупного денежного источника — взять их в редакцию! Они боролись за «принципиальные разногласия», — так выразительно превратившиеся в письме Старовера от 3 XI к Плеханову в подсчет, сколько местечек им надобно. И мы должны узаконить эту борьбу за местечки, заключить сделку с этой партией забракованных генералов или министров (grève générale des généraux *), как говорил Плеханов) или с партией истерических скандалистов!! К чему тогда партийные съезды, если дела вершатся заграничным кумовством, истерикой и скандалами??

Еще о пресловутой «тройке», в которой истерический Мартов видит центр моего «интриганства». Вы помните, верно, еще со времен съезда мою программу съезда и мой комментарий к этой программе. Я бы очень хотел, чтобы *все члены партии знали этот документ*, и потому еще раз привожу Вам его в точности. «п. 23 (Tagesordnung). *Выборы Ц.К. и редакции Ц.О. партии*».

Мой комментарий. «Съезд выбирает *3-х* лиц в редакцию Ц.О. и *3-х* в Ц.К. Эти 6 лиц *вместе*, по большинству $^2/_3$, дополняют, если это необходимо, состав редакции Ц.О. и Ц.К. кооптацией и делают соответствующий доклад съезду. После утверждения этого доклада съездом дальнейшая кооптация производится редакцией Ц.О. и Ц.К. отдельно.»

Неужели отсюда неясно, что тут проводится *обновление* редакции, *невозможное* без согласия Ц.К. (надо *4* из 6 для кооптации), при чем вопрос о расширении первоначальной 3-ки или оставлении ее *стоит открытым* (кооптируют «*если это необходимо*»)? Этот проект показан мною был *всем* (и Плеханову, конечно) до съезда. Разумеется, обновление было нужно в силу недовольства шестеркой (и особенно Плехановым, который фактически имел голос неучаствовавшего почти никогда П. Б. Аксельрода и податливой В. И. Засулич), разумеется в частном разговоре с Мартовым я *резко* выражал это недовольство, «ругал» и Плеханова (особенно) и Аксельрода и Засулич за капризы, предполагал (особенно) и расширить 6-ку до 7-ки и т. д. Но не истерика ли это — переворачивать теперь эти частные разговоры и вопить, что «тройка была направлена против Плеханова», что я ставил Мартову «ловушку» etc.?? Конечно, когда мы согласны с Мартовым, тройка была бы против Плеханова, а когда Плеханов с Мартовым (по вопросу о демонстрациях, например), то

*) — всеобщая стачка генералов. *Ред.*

против меня и т. д. Истерические вопли только прикрывают жалкую неспособность понять, что в редакции должны быть исключительно настоящие, а не фиктивные редакторы, что это должна быть деловая, а не обывательская коллегия, что в ней *каждый* должен иметь по *каждому* вопросу *свое* мнение (чего никогда не бывало с тройкой невыбранных).

Мартов *одобрил* мой план 2-х троек, а когда увидал, что он обернулся *в одном* вопросе против него, Мартова, тогда он впал в истерику и завопил об интриганстве! Не даром Плеханов назвал его в кулуарах съезда Лиги «жалким человеком»!

Да... поганая, заграничная склока, вот что осилило решение большинства русских работников. И Плеханов изменил, отчасти боясь заграничного скандала, отчасти чувствуя *(может быть)*, что в пятерке он сам-третей будет...

Борьба за Ц.К., за скорый (летом) новый съезд — вот что нам остается.

Тетрадку мою раздобудьте*). Она была послана Полетаевым (Бауманом) Вечеслову *только* и лично. Шергов мог взять ее только жульнически, *только с нарушением доверия*. Прочтите ее всем, кому хотите, на руки никому не давайте и верните мне.

Вечеслова Вам надо вытеснить со всех позиций. Возьмите письмо себе от Ц.К., заявите себя перед Parteivorstand'ом**) агентом Ц.К. и заберите *все* немецкие связи *целиком* в свои руки.

За брошюру Вашу очень виноват перед Вами [55]). Успел прочесть ее только раз. Она требует переделки, плана которой я не успел наметить.

Ваш Ленин.

Впервые напечатано в 1928 г. в «Ленинском Сборнике» VII.

Печатается по рукописи.

---

*) См. настоящий том, стр. 45. *Ред.*

**) — Центральным Комитетом (германской соц.-дем. партии). *Ред.*

НАРОДНИЧЕСТВУЮЩАЯ БУРЖУАЗИЯ И РАСТЕРЯННОЕ НАРОДНИЧЕСТВО[56].

Русские марксисты давно уже указывают на то перерождение старого русского, классического, революционного народничества, которое неуклонно происходит с восьмидесятых годов прошлого века. Тускнела вера в особый уклад крестьянского хозяйства, в общину, как зародыш и базис социализма, в возможность миновать путь капитализма посредством немедленной социальной революции, к которой готов уже народ. Политическое значение сохранили только требования всяческих мероприятий по укреплению крестьянского хозяйства и «мелкого народного производства» вообще. Это было уже, в основе своей, не более как буржуазное реформаторство; народничество расплывалось в либерализме; создавалось либерально-народническое направление, которое не хотело видеть или не могло видеть, что проектируемые мероприятия (все эти кредиты, кооперации, мелиорации, расширения землевладения) не выходят из рамок *существующего* буржуазного общества. Народнические теории гг. В. В., Николая —она и их многочисленных перепевателей служили только quasi-научным прикрытием этого неприятного, но несомненного факта. Марксистская критика разбила прикрытие, и влияние народнических идей на русскую революционную среду с поразительной быстротой пошло на убыль. Эти идеи становились уже и на деле исключительным достоянием того слоя, которому они были сродни, — русского либерального «общества».

Западно-европейское бернштейнианство было новой струей, подкрепившей и в то же время видоизменившей отмеченное течение. Недаром говорится, верно, — «несть пророк в отечестве своем». Бернштейну не посчастливилось на его родине, но зато его идеи «взяли в серьез» и применили на деле некоторые социалисты Франции, Италии, России, быстро проделавшие эволюцию в представителей буржуазного реформизма. Оплодотворенное этими идеями, наше либерально-народническое направление

приобрело себе новых сторонников из ex-марксистов *) и, вместе с тем, возмужало внутренне, освободившись от некоторых примитивных иллюзий и реакционных привесков. Бернштейнианство сослужило свою службу — не тем, что преобразовало социализм, а тем, что дало облик новой фазе буржуазного либерализма и сняло облик социализма с некоторых quasi-социалистов.

В высшей степени интересный и поучительный образчик сближения и слияния европейских оппортунистических и русских народнических идей дает статья г. Л. «К аграрному вопросу» в № 9 (33) «Освобождения». Это настоящая программная статья, добросовестно излагающая и общее credo автора и систематическое применение этого credo к определенной области вопросов. Эта статья оставит веху в истории русского либерализма, знаменуя крупный шаг вперед в его оформлении и упрочении.

Автор облекает свой буржуазный либерализм в костюм, сшитый по новейшей моде. Повторяя почти буквально слова Бернштейна, он с забавной серьезностью пытается уверить читателя, что «либерализм и социализм никоим образом нельзя отделять друг от друга или даже противопоставлять один другому: по своему основному идеалу они тождественны и неразрывны — социализм не угрожает опасностью либерализму, как этого опасаются многие, он приходит не разрушить, а исполнить заветы либерализма». Известное дело: чего хочется, тому верится, а г. Л. и присным его очень, очень хочется, чтобы социал-демократы не отделяли себя от либералов, чтобы они понимали социализм «не в смысле готовых догматов и застывших доктрин, которые претендуют наперед учесть весь ход исторического развития...» (и т. д., вполне в духе «Революционной России»)..., а «как общий этический идеал...» (относимый, как известно, всеми филистерами, и либералами в том числе, в область неосуществимого в сей земной юдоли, в область будущей жизни и «вещей в себе»).

Либералам, естественно, хочется — простите за вульгарное выражение! — показать товар лицом, отождествить политический либерализм в России с социально-экономическим демократизмом. Мысль эта весьма «добрая», но, вместе с тем, весьма путаная и весьма лукавая. Добрая, ибо выражает благое пожелание известной части либералов отстаивать широкие социальные реформы. Путаная, ибо покоится на противопоставлении демократического либерализма буржуазному (опять-таки совершенно в духе «Рев. России»!); автор, видимо, понятия не имеет о том, что во всяком капиталистическом обществе не могут не существовать известные *буржуазно*-демократические элементы, стоящие за широкие демократические и социально-экономические реформы; автору, как и всем русским Мильеранам, хочется приравнять *буржуазное* реформатор-

*) — бывших марксистов. *Ред.*

ство к социализму, понимаемому, конечно, «не в смысле готовых догматов» и т. д. Мысль эта, наконец, весьма лукавая, ибо автор уверяет себя и других, что сочувствие реформам — «заботы о народных нуждах и интересах, «народничество» в подлинном и прекрасном этическом смысле этого слова» — у известной части либералов в известный исторический момент есть или может быть постоянным свойством либерализма вообще. Это наивно до умилительности. Кто же не знает, что всякое буржуазное министерство в отставке, всякая «оппозиция Его Величества» всегда кричит о своем подлинном, прекрасном и этическом «народничестве», пока остается в оппозиции? Русская буржуазия играет в народничество (и искренно иногда играет) именно потому, что она находится в оппозиции, а не стоит еще у кормила власти. Русский пролетариат ответит на любовно-лукавые речи гг. освобожденцев: pas si bête, messieurs! Не так уж я глуп, господа, чтобы этому поверить.

От общих соображений насчет тождества либерализма и социализма г. *Л.* переходит к общей теории аграрного вопроса. На протяжении десяти строчек он уничтожает марксизм (паки и паки, в духе «Рев. России»), излагая его для этого, как водится, в вульгарно-упрощенном виде, объявляя его и несоответствующим опыту, и научно-недоказанным, и вообще неверным! Чрезвычайно характерно, что единственным подтверждением является ссылка на европейскую *социалистическую* (курсив г. Л.) литературу, — очевидно, на бернштейнианскую. Ссылка очень убедительная. Если европейские *(европейские!)* социалисты начинают думать и рассуждать по-буржуазному, то отчего бы русским буржуа не заявить себя и народниками и социалистами? Марксистское воззрение на крестьянский вопрос, — убеждает нас г. *Л.* — «если бы оно было бесспорным и единственно возможным, ставило бы всю земскую (sic!) Россию в ужасное, трагическое положение, обрекая ее на бездействие, ввиду доказанной невозможности прогрессивной аграрной политики и вообще разумной, целесообразной помощи крестьянскому хозяйству». Довод, как видите, непреоборимый: *mak kak* марксизм доказывает невозможность сколько-нибудь прочного процветания сколько-нибудь широких слоев крестьянства при капитализме, *то поэтому* он ставит в ужасное, трагическое положение «земскую» (не описка ли это вместо «землевладельческую?) Россию, т.-е. Россию, живущую именно насчет разорения и пролетаризации крестьянства. Да, да, в этом-то и состоит одна из всемирно-исторических заслуг марксизма, что он раз-на-всегда поставил в ужасное, траги-комическое положение идеологов буржуазии, наряжающихся в костюм народничества, социально-экономического демократизма и т. п.

Чтобы исчерпать теоретические упражнения г. *Л.*, нам остается еще привести следующий перл. «Здесь (т.-е. в сельском хозяй-

стве) — говорят нам — нет и не может быть того автоматического (!) прогресса, который возможен до известной степени в промышленности, в зависимости от объективного (!) развития техники». Это бесподобное глубокомыслие заимствовано целиком у гг. Каблуковых, Булгаковых, Э. Давидов и tutti quanti *), которые в «ученых» трудах оправдывают отсталость своих взглядов отсталостью земледелия в техническом, экономическом и социальном отношениях. Отсталость земледелия несомненна, давно признана марксистами и вполне объяснима, а вот «автоматический (хотя бы до известной степени) прогресс в промышленности» и объективное развитие техники — это уже совсем сапоги в смятку.

Однако, экскурсии в область науки — не более как архитектурное украшение статьи г. Л. Как настоящий реальный политик, он дает, на-ряду с величайшей путаницей в общих рассуждениях, в высшей степени трезвенную и деловую практическую программу. Правда, он скромно оговаривается — на своем казенно-русском языке — что отстраняет от себя предначертание программы и ограничивается изъявлением своего отношения, но это только скромничанье. На деле же, в статье г. Л. мы имеем чрезвычайно обстоятельную и полную аграрную программу русских либералов, которой недостает только стилистической редакции и рубрицирования по пунктам. Программа — последовательно выдержанная в либеральном духе: политическая свобода, демократическая податная реформа, свобода передвижения, крестьянско-демократическая аграрная политика, направленная к демократизации земельной собственности. В целях этой демократизации требуется свобода выхода из общины, превращение этой последней из принудительного в свободный союз, подобный всякому экономическому товариществу, создание демократического арендного права. «Государство» должно содействовать «переходу земель в руки трудящихся масс» посредством целого ряда мероприятий, как-то: расширение деятельности крестьянского банка, обращение в государственную собственность удельных земель, «создание мелких трудовых хозяйств на личных или кооперативных началах», наконец, принудительное отчуждение или обязательный выкуп необходимых для крестьян земель. «Конечно, этот обязательный выкуп должен быть поставлен на твердую почву законности и обставлен в каждом отдельном случае надежными гарантиями», но в некоторых случаях он должен быть проведен «почти (sic!) безоговорочно»,— например, по отношению к «отрезкам», создающим подобие крепостных отношений. С целью прекращения полукрепостных отношений, за государством должно быть признано право принудительного отчуждения и принудительного размежевания соответствующих участков.

*) — всех им подобных. *Ред.*

Такова аграрная программа либералов. Параллель между ней и социал-демократической аграрной программой напрашивается сама собою. Сходство проявляется в одинаковости ближайшей тенденции и в однородности большинства требований. Различие состоит в двух следующих, имеющих кардинальное значение, пунктах. Во-первых, устранение остатков крепостничества (прямо выдвигаемое, как цель, обеими программами) социал-демократы хотят совершить революционным путем и с революционной же решительностью, либералы — реформаторским путем и нерешительно. Во-вторых, социал-демократы подчеркивают, что очищаемый от остатков крепостничества строй есть буржуазный строй, разоблачают наперед уже и немедленно все его противоречия, стремятся также немедленно расширить, сделать более сознательной ту классовую борьбу, которая таится в недрах этого нового строя, прорываясь наружу уже в настоящее время. Либералы игнорируют буржуазный характер очищенного от крепостничества строя, затушевывают его противоречия, стремятся притушить таящуюся в его недрах классовую борьбу.

Остановимся на этих различиях.

Реформистский и нерешительный характер либеральной аграрной программы ясно виден, прежде всего, из того, что она не идет дальше «обязательного выкупа», да и то признаваемого лишь «почти» безоговорочно, — тогда как социал-демократическая аграрная программа требует безвозмездного отчуждения отрезков у их старых владельцев, выкуп же признает лишь в особых случаях, и притом выкуп насчет дворянского землевладения. И от экспроприации всей помещичьей земли социал-демократы, как известно *), не отказываются, считая лишь непозволительным и авантюристским включать это, не при всех условиях уместное, требование в программу. Социал-демократы с самого начала зовут пролетариат к первому революционному шагу вместе с зажиточным крестьянством, с тем, чтобы тотчас же идти дальше или с крестьянской буржуазией против помещичьего класса, или против крестьянской буржуазии, соединившейся с помещичьим классом. Либералы уже и тут, в борьбе с полукрепостническими отношениями, чураются классовой самодеятельности и борьбы. Они хотят поручить реформу «государству» (забывая о классовом характере государства) при помощи органов самоуправления и «нарочитых» комиссий, сопоставляя — это как нельзя более характерно — принудительное отчуждение отрезков с принудительным отчуждением земель под линии железных дорог!! Яснее выразить или, вернее, *выдать* свое сокровенное желание обставить новую реформу такими же «удобствами» для правящих

*) Смотри заявление Плеханова в № 4 «Зари» [57]) и мое в ответе Иксу (см. V том Сочинений, стр. 331. *Ред.*)

классов, какими обставлена бывает везде и всегда продажа земли железным дорогам, — наши либералы не могли бы. И это на-ряду с громкой фразой о смене сословно-аристократической аграрной политики крестьянско-демократическою! Чтобы осуществить такую смену на деле, надо апеллировать не к «общественному интересу», а к угнетенному сословию — крестьянскому, — против угнетающего, — дворянского, надо *поднимать* первое против второго, надо звать к революционной самодеятельности крестьянство, а не к реформаторской деятельности государство. Далее. Говоря о прекращении полукрепостных отношений, либералы закрывают глаза на то, какие же именно отношения они очищают от крепостничества. Г. Л., например, повторяет словечки гг. Николая —она, В. В. и проч. насчет «принципа признания права земледельцев на обрабатываемую ими землю», насчет «жизнеспособности» крестьянства, но скромно умалчивает о «принципе» буржуазного хозяйничанья и эксплуатации наемного труда этими жизнеспособными крестьянами. О том, что последовательное проведение демократизма в аграрной области означает неизбежное усиление и упрочение именно мелко-буржуазных представителей крестьянства, — буржуазные демократы не имеют и не хотят иметь представления. В пролетаризации крестьянства г. Л. отказывается (опять-таки вслед за народниками и в духе «Рев. России») видеть «тип развития», объясняя ее «переживаниями крепостного права» и «общим патологическим состоянием деревни»! Вероятно, у нас после конституции прекратится рост городов, бегство из деревень сельской бедноты, переход помещиков от отработочного хозяйства к батрацкому и т. д.! Изображая благодетельное влияние французской революции на французское крестьянство, г. Л. патетически говорит об исчезновении голодовок, о подъеме земледелия и его прогрессе, но о том, что это был буржуазный прогресс, основанный на образовании «прочного» класса сельско-хозяйственных наемных рабочих и на хронической нищете массы *низших* слоев крестьянства, об этом народничествующий буржуа не проронит, конечно, ни словечка.

Одним словом, различие аграрной программы г. Л. от социал-демократической аграрной программы с замечательной точностью воспроизводит в малом виде все общие отличия программ-минимум либеральной и пролетарской демократии. Возьмете ли вы эти программы в их теоретической постановке соответствующими идеологами или в их практическом проведении соответствующими партиями и направлениями, заглянете ли вы в историю, например, 1848 года, — вы увидите именно эти два коренные различия между либеральной и социал-демократической постановкой ближайших практических задач: с одной стороны, реформаторская половинчатость в борьбе с переживаниями крепостничества и затушевание классовых противоречий «современного» общества,

с другой — революционная борьба с остатками старины в целях расширения, развития и обострения борьбы классов на почве нового общества. Конечно, эти коренные отличия, свойственные самой природе развивающегося капиталистического общества, проявляются в весьма различных формах в разных национальных государствах и в разное время. Неуменье разглядеть за новыми и оригинальными формами «старую» буржуазную демократию составляет характерную черту ее последовательных и непоследовательных идеологов. К последним, например, мы не можем не отнести представителя «растерянного народничества» — г. П. Новобранцева (см. №№ 32 и 33 «Рев. России»), который иронически замечает по поводу нападок «Искры» на «Освобождение», как на классовое буржуазное издание: «Нечего сказать, нашла буржуазию». Г. Струве,—снисходительно поучает нас «Рев. Россия»,— представитель «интеллигенции», а не «буржуазии, как класса», ибо «никаких классов и сословий он не объединяет и не увлекает» [58]). Очень хорошо, господа! Но, немного вдумавшись в дело, вы увидали бы, что г. Струве — представитель *буржуазной* интеллигенции. Буржуазию же, как класс, русский пролетариат увидит перед собой на исторической сцене лишь при политической свободе, когда правительство будет почти непосредственно представлять из себя «комитет» того или иного слоя буржуазии. И только «социалисты по недоразумению» могут не знать того, что их долг — раскрывать глаза рабочему классу на буржуазию как в ее деятельности, так и в ее мышлении, как в ее зрелом виде, так и в ее юношески-мечтательном возрасте.

Что касается до мечтательности, то тут уже надо взять именно г. Новобранцева. Но наша статья так затянулась, а мировоззрение и аграрно-исторические взгляды г. Новобранцева представляют так много интересного, особенно параллельно с г. Л., что мы должны отложить беседу об этом до другого раза.

Написано в середине ноября н. ст. 1903 г.
Напечатано 14 (1) декабря 1903 г. в «Искре» № 54.
Подпись: Н. Ленин.

Печатается по тексту «Искры».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ИСКРЫ» [59]).

Статья «Чего не делать?» поднимает такие важные, такие насущные именно в данный момент вопросы нашей партийной жизни, что трудно удержаться от желания немедленно отозваться на любезное приглашение редакции гостеприимно открыть страницы своего органа, — особенно трудно постоянному участнику «Искры», особенно трудно в такой момент, когда опоздать с своим голосом на неделю, значит, может быть, вовсе отказаться от подачи голоса.

А мне хотелось бы подать свой совещательный голос, чтобы устранить некоторые возможные и едва ли не неизбежные недоразумения.

Скажу прежде всего, что автор статьи тысячу раз прав, по моему мнению, когда он настаивает на необходимости охранять единство партии и избегать новых расколов, — особенно из-за разногласий, которые не могут быть признаны значительными. Призыв к миролюбию, мягкости и уступчивости в высшей степени похвален со стороны руководителя вообще и в данный момент в особенности. Предать анафеме или исключать из партии не только бывших экономистов, но и группки социал-демократов, страдающих «некоторой непоследовательностью», было бы безусловно неразумно, неразумно до такой степени, что нам вполне понятен раздраженный тон автора статьи по отношению к представляющимся его уму прямолинейным, упрямым, глупым Собакевичам, способным стоять за исключение. Мы думаем даже больше: когда у нас будет партийная программа и партийная организация, мы должны не только гостеприимно открывать страницы партийного органа для обмена мнений, но и давать возможность систематически излагать свои, хотя бы и незначительные, разногласия тем группам или, по выражению автора, группкам, которые по непоследовательности защищают некоторые догмы ревизионизма и которые по тем или иным причинам настаивают на своей групповой особенности и индивидуальности. Именно для того, чтобы не быть слишком прямолинейным и по

Собакевически резким по отношению к «анархическому индивидуализму», необходимо, по нашему мнению, сделать все возможное — вплоть даже до некоторых отступлений от красивых схем централизма и от безусловного подчинения дисциплине — чтобы предоставить свободу высказаться этим грушкам, чтобы дать возможность всей партии взвесить глубину или незначительность разногласий, определить, где именно, в чем и *с чьей именно стороны* наблюдается *непоследовательность*.

Пора, в самом деле, решительно отбросить традиции сектантской кружковщины и — в партии, опирающейся на *массы* — выдвинуть решительный лозунг: *побольше света*, пусть партия знает *все*, пусть будет ей доставлен *весь, решительно весь материал* для оценки всех и всяческих разногласий, возвращений к ревизионизму, отступлений от дисциплины и т. д. Побольше доверия к самостоятельному суждению всей массы партийных работников: они и только они сумеют умерить чрезмерную горячность склонных к расколу грушек, сумеют своим медленным, незаметным, но зато упорным воздействием внушить им «добрую волю» к соблюдению партийной дисциплины, сумеют охладить пыл анархического индивидуализма, сумеют одним фактом своего равнодушия документировать, доказать и показать ничтожное значение разногласий, преувеличиваемых тяготеющими к расколу элементами.

На вопрос: «чего не делать?» (чего не делать вообще и чего не делать для того, чтобы не вызвать раскола) я ответил бы прежде всего: не скрывать от партии возникающих и нарастающих поводов к расколу, не скрывать ничего из тех обстоятельств и происшествий, которые являются такими поводами. Более того, не скрывать не только от партии, но, по возможности, и от сторонней публики. Я говорю «по возможности», имея в виду то, что необходимо скрыть в силу требований конспирации, — но в наших расколах обстоятельства такого рода играют самую ничтожную роль. Широкая гласность — вот самое верное и единственно надежное средство для избежания расколов, которых можно избежать, для уменьшения до minimum'а вреда от тех расколов, которые стали уже неизбежными.

В самом деле, вдумайтесь в те обязанности, которые налагает на партию то обстоятельство, что она имеет уже дело с *массой*, а не с кружками. Чтобы не на словах только стать партией масс, мы должны к участию во всех партийных делах привлекать все более и более широкие массы, постоянно поднимая их от политического безразличия к протесту и борьбе, от общего духа протеста к сознательному принятию социал-демократических воззрений, от принятия этих воззрений к поддержке движения, от поддержки к организационному участию в партии. Можно ли достигнуть этого результата, не внося самой широкой гласности

в дела, от решения которых зависит то или иное воздействие на массы? Рабочие перестанут понимать нас и покинут нас, как штаб без армии, в случае расколов из-за незначительных разногласий — говорит автор и говорит совершенно справедливо. И для того, чтобы рабочие *не могли* перестать понимать нас, для того, чтобы их опытность в борьбе и их пролетарское чутье *научили кое-чему и нас*, «руководителей», — для этого необходимо, чтобы организованные рабочие приучались следить за возникающими поводами к расколу (такие поводы всегда бывали и всегда будут возвращаться во всякой массовой партии), сознательно относиться к этим поводам, оценивать происшествия какого-нибудь русского или заграничного Пошехонья с точки зрения интересов всей партии, интересов всего движения в целом.

Автор трижды прав, когда он подчеркивает, что нашему центру многое будет дано и многое с него взыщется. Именно так. И именно поэтому необходимо, чтобы *вся партия* систематически, исподволь и неуклонно *воспитывала* себе подходящих людей в центре, чтобы она видела перед собой, как на ладони, *всю деятельность* каждого кандидата на этот высокий пост, чтобы она ознакомилась даже с их индивидуальными особенностями, с их сильными и слабыми сторонами, с их победами и «поражениями». Автор делает замечательно тонкие и, очевидно, основанные на богатом опыте, замечания о некоторых причинах подобных поражений. И именно потому, что эти замечания так тонки, надо, чтобы ими воспользовалась вся партия, чтобы она *всегда видела* каждое, хотя бы и частичное, «поражение» того или иного своего «руководителя». Ни один политический деятель не проходил своей карьеры без тех или иных поражений, и если мы серьезно говорим о влиянии на массы, о завоевании нами «доброй воли» масс, то мы должны всеми силами стремиться к тому, чтобы эти поражения не скрывались в затхлой атмосфере кружков и группок, чтобы они выносились на суд всех. Это кажется неловким с первого взгляда, это должно иногда представиться «обидным» для того или другого отдельного руководителя, — но это ложное чувство неловкости мы обязаны преодолеть, это наш долг перед партией, перед рабочим классом. Этим, и только этим, мы дадим возможность всей массе (а не случайному подбору кружка или группки) влиятельных партийных работников узнать своих вождей и *поставить каждого из них на надлежащую полочку*. Только широкая огласка направляет все прямолинейные, однобокие, капризные уклонения, только она превращает иногда нелепые и смешные «контры» «группок» в полезный и необходимый материал партийного самовоспитания.

Света, побольше света! Нам нужен громадный концерт; нам нужно выработать себе опыт, чтобы правильно распределить

в нем роли, чтобы одному дать сентиментальную скрипку, другому свирепый контрабас, третьему вручить дирижерскую палочку. Пусть же осуществится на деле прекрасный призыв автора к гостеприимству для всех мнений на страницах партийного органа и всех партийных изданий, пусть судят все и каждый о наших «спорах и вздорах» из-за какой бы то ни было «ноты», взятой слишком резко, по мнению одних, фальшивой, по мнению других, сорванной, по мнению третьих. Только из ряда таких открытых обсуждений и сможет выработаться у нас действительно спевшаяся коллегия руководителей, только при таком условии рабочие будут поставлены в такое положение, чтобы они *не могли* перестать понимать нас, только тогда наш «штаб» будет опираться действительно на *добрую* и *сознательную* волю армии, идущей за штабом и в то же время направляющей свой штаб!

Ленин.

«Искра» № 53, 8 декабря (25 ноября) 1903 г.

ПОЧЕМУ Я ВЫШЕЛ ИЗ РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»*)[60].

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ИСКРЫ».

Это — вовсе не личный вопрос. Это — вопрос об отношении большинства и меньшинства нашего партийного съезда. Я и обязан ответить на него немедленно и открыто, обязан не только потому, что делегаты из большинства осыпают меня запросами, но и потому, что статья «Наш съезд» в № 53-м «Искры» дала *совершенно неверное* освещение того не очень глубокого, но очень дезорганизующего разделения между искровцами, к которому привел съезд.

Статья излагает дело так, что никто и с лупой не усмотрит в ней *ни одной* действительно серьезной причины разделения, никто не увидит и тени объяснения такого явления, как изменение в составе редакции Ц. О., никто не найдет и подобия уважительных причин моего выхода из коллегии. Мы разошлись по вопросу об организации центров партии, — говорит автор статьи, — по вопросу об отношении Ц. О. и Ц. К., о способе проведения централизма, о пределах и характере возможной и полезной централизации, о вреде бюрократического формализма.

В самом деле? А не *разошлись* ли мы по вопросу о личном составе центров, по вопросу о том, допустим ли из-за недовольства выбранным на съезде составом бойкот этих центров, дезорганизация практической работы, переделка решений партийного съезда в угоду некоторому *кружку* заграничных социал-демократов, вроде большинства Лиги?

Вы прекрасно знаете, товарищи, что дело было именно так. Но громадное большинство наиболее влиятельных и наиболее деятельных партийных работников еще не знают этого, и я вкратце намечу основные факты, — вкратце потому, что вскоре будут опубликованы, судя по заявлению № 53 «Искры», полные материалы по истории нашего расхождения[61].

---

*) Это письмо в редакцию было послано мной в «Искру» тотчас после выхода № 53. Редакция отказалась поместить его в № 54, и я вынужден выступить с отдельным листком.

ПИСЬМО

въ редакцію „ИСКРЫ“

Н. Ленина.

ЖЕНЕВА
Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27.
Декабрь 1903 года.

Титульный лист брошюры В. И. Ленина: «Письмо в редакцию «Искры»» — 1903 г.

На нашем съезде, как справедливо указывают и автор занимающей нас статьи, и делегация Бунда в ее только что вышедшем отчете, было значительное большинство «искровцев», по моему счету около $^3/_5$ голосов даже до ухода делегатов Бунда и «Рабочего Дела». В первой половине съезда эти искровцы шли дружно вместе против всех анти-искровцев и непоследовательных искровцев. Особенно наглядно сказалось это на двух инцидентах первой половины съезда, важных для понимания нашего расхождения: на инциденте с О. К. и на инциденте с равноправием языков (в этом случае компактное большинство искровцев единственный раз понизилось с $^3/_5$ до $^1/_2$). Во второй половине съезда искровцы *начали* расходиться и *совсем* разошлись к концу его. Споры о параграфе 1 устава партии и о выборе центров показывают отчетливо характер этого расхождения: меньшинство искровцев (с Мартовым во главе) сплачивает вокруг себя постепенно большее и большее число неискровцев и перешительных элементов, противостоя большинству искровцев (среди которых были Плеханов и я). На параграфе 1 устава эта группировка еще не отлилась в окончательные формы, но все же голоса бундовцев и два из трех голосов рабочедельцев дают перевес искровскому меньшинству. На выборах центров искровское большинство (вследствие ухода со съезда пяти бундовских и двух рабочедельских голосов) становится большинством партийного съезда. И *только тут мы расходимся* в настоящем смысле слова.

Нас глубоко разделяет прежде всего состав Ц. К. Уже после инцидента с О. К., в самом начале съезда, искровцы горячо обсуждают кандидатуру разных членов *(и не-членов)* О. К. в Ц. К. и на неофициальных собраниях организации «Искры», после долгих и жарких дебатов, отвергают одну из поддерживаемых Мартовым кандидатур девятью голосами против четырех при трех воздержавшихся; принимают десятью голосами против двух при четырех воздержавшихся список пяти, в который введен, *по моему предложению,* один лидер неискровских элементов и один лидер искровского меньшинства. Но меньшинство настаивает на том, чтобы иметь трех из пяти, и в силу этого терпит полное поражение на партийном съезде. Так же кончается великий бой, завязавшийся на съезде по вопросу об утверждении старой шестерки или выборе новой тройки в ред. Ц. О. *).

*) Ввиду необъятного количества толков и кривотолков, возбужденных этой пресловутой «тройкой», замечу сейчас же, что еще задолго до съезда всем сколько-нибудь близко стоящим товарищам был известен мой комментарий к проекту Tagesordnung'а съезда. В комментарии этом, ходившем по рукам на съезде, значится: «Съезд выбирает трех лиц в редакцию Ц. О. и трех в Ц. К. Эти шесть лиц *вместе,* по большинству $^2/_3$ дополняют, если это необходимо, состав редакции Ц. О. и Ц. К. кооптацией и делают соответствующий доклад съезду. После утверждения съездом этого доклада дальнейшая кооптация производится редакцией Ц. О. и Ц. К. отдельно».

Только с этого момента расхождение становится настолько полным, что наводит на мысль о расколе; только с этого момента начинается невиданное дотоле на съезде воздержание меньшинства (которое превращается уже в настоящее «компактное» меньшинство) от голосования. Это расхождение все более обостряется после съезда. Недовольное меньшинство переходит к бойкоту, который тянется целые месяцы [62]). Что выросшие на этой почве обвинения в бюрократическом формализме, в требовании беспрекословного, механического повиновения и т. п. пустяки являются лишь попыткой свалить с больной головы на здоровую, это ясно само собою, и достаточно иллюстрируется хотя бы следующим типичным случаем. Новая редакция (т.-е. Плеханов и я) приглашает сотрудничать всех старых редакторов, приглашает, конечно, сначала без «формализма», словесно. Получает отказ. Тогда мы пишем «бумажку» (бюрократы!) к «уважаемым товарищам» и просим сотрудничать вообще и в частности *излагать свои разногласия на страницах редактируемых нами изданий*. Получаем формальное заявление о нежелании принимать *никакого участия в «Искре»*. Целые месяцы никто из не-редакторов и не работает в «Искре». Отношения становятся исключительно формально бюрократическими, — по чьей «инициативе»?

Начинается создание подпольной литературы, которая заполняет заграницу, пересылается по комитетам и начинает уже отчасти теперь возвращаться из России за границу. Доклад сибирского делегата, письмо ——на о лозунгах «оппозиции», «Еще раз в меньшинстве» Мартова полны забавнейших обвинений Ленина в «самодержавии», в создании робеспьеровского режима казней (sic!), в устройстве политических похорон старым товарищам (это невыбор в центры есть похороны!) и т. д. [63]). Оппозиция ходом вещей влечется к подыскиванию таких «принципиальных» разногласий по организационным вопросам, которые не допускают совместной работы. Особенно треплют при этом пресловутого «пятого члена» в Совете партии. Совет представляется во всех указанных произведениях дипломатией или фокусом Ленина, орудием подавления русского Ц.К. заграничным Ц.О. — точь-в-точь, как изображает дело и делегация Бунда в своем отчете о съезде. Нечего и говорить, что это принципиальное разногласие — такие же пустяки, как пресловутый бюрократический формализм: пятого члена выбирает съезд; следовательно, дело сводится к *личности*, заслуживающей наибольшего доверия большинства; а воля большинства партийного съезда всегда, при всякой организации партийных центров проявит себя подбором определенных лиц.

Как широко распространилась за границей вся этого рода литература, видно из того, что даже добрый Парвус пошел в поход против стремления соединять все нити в одной руке и «командовать» (sic!) рабочим из какой-нибудь Женевы (Aus der

Weltpolitik V. Jahrg. *) № 48, 30-XI-03). Пройдет месяц, другой, прочтет наш новый противник самодержавия протоколы партийного и лиговского съезда и убедится, что легко стать смешным, принимая за чистую монету всякий Parteiklatsch **).

Апогеем военных действий оппозиции против центров явился съезд Лиги. Из протоколов его читатели увидят, правы ли были те, кто назвал его ареной для сведения счетов по партийному съезду, было ли в натиске оппозиции нечто такое, что провоцировало Ц. К. на меры совершенно исключительные (как выразился сам Ц. К., когда изменение в составе редакции подало надежду на установление мира в партии)[64]. Резолюции этого съезда показывают, какой характер имеют «принципиальные» разногласия по вопросу о самодержавном бюрократизме.

Атмосфера раскола после съезда Лиги надвинулась так грозно, что Плеханов решил кооптировать старую редакцию. Я предвидел, что оппозиция не удовлетворится этим, и считал невозможным переделывать решение партийного съезда в угоду *кружку*. Но еще менее считал я позволительным становиться поперек дороги возможному миру в партии, и поэтому вышел из редакции после № 51 «Искры», заявив при этом, что от сотрудничества не отказываюсь и не настаиваю даже на опубликовании о моем выходе, если установится добрый мир в партии. Оппозиция потребовала (не изменения несуществующей системы бюрократизма, формализма, самодержавия, механизма и пр., а) восстановления старой редакции, кооптации представителей оппозиции в Центральный Комитет, двух мест в Совете и признания законным съезда Лиги. Центр. Ком. предложил обеспечить мир, согласившись на кооптацию двух в Ц. К., на передачу одного места в Совете, на постепенность реорганизации Лиги. Оппозиция отвергла и эти условия. Редакция была кооптирована, а вопрос о мире остался открытым. Таково было положение дел ко времени выхода № 53 «Искры».

Что партия хочет мира и положительной работы, в этом вряд ли позволительно сомневаться. А такие статьи, как «Наш съезд», препятствуют установлению мира, препятствуют тем, что поднимают намеки и обрывки вопросов, которые непонятны и не могут быть понятны вне полного изложения всех перипетий расхождения, препятствуют тем, что сваливают вину заграничного кружка на наш практический центр, который занят тяжелой и трудной работой фактического объединения партии и который без того уже встречал и встречает слишком много помех на пути проведения централизма. Русские комитеты ведут борьбу против тормозящей всю работу дезорганизаторской деятельности и бойкота

*) — Из мировой политики. V год издания. *Ред.*
**) — партийная дрязга. *Ред.*

меньшинства. Резолюции в этом смысле уже присланы комитетами Петербургским, Московским, Нижегородским, Тверским, Одесским, Тульским, Северным Союзом.

Довольно с нас заграничного Literatengezänk! *) Пусть послужит он теперь для практиков в России образчиком того, «*чего не делать*»! Пусть редакция Ц. О. партии призовет всех к прекращению всякого бойкота с какой бы то ни было стороны, к дружной работе под руководством Ц. К. партии!

* * *

А различие между оттенками искровцев? спросит читатель. Во-первых, ответим мы на это, различие состоит в том, что, по мнению большинства, можно и должно проводить свои взгляды в партии независимо от переделки личного состава центров. Всякий кружок, хотя бы рабочедельцев, имеет право, войдя в партию, требовать возможности высказывать и проводить свои взгляды, но ни один кружок, хотя бы и генералов, не вправе требовать представительства в центрах партии. Во-вторых, различие состоит в том, что, по мнению большинства, вина формализма и бюрократизма падает на того, кто своим отстранением от работы под руководством центров затруднил возможность неформалистического ведения дела. В-третьих, мне известно одно, и *только одно*, принципиальное разногласие по организационным вопросам, именно то разногласие, которое выразилось в прениях о параграфе 1 устава партии. Когда выйдут протоколы съезда, мы постараемся вернуться к этому вопросу. Мы покажем тогда, что формулировка Мартова была проведена неискровскими и quasi-искровскими элементами не случайно, а потому, что она делает шаг к оппортунизму, что этот шаг мы видим еще нагляднее в письме ——на и в «Еще раз в меньшинстве» **). Протоколы покажут фактическую неверность того мнения автора статьи «Наш съезд», будто «спор при обсуждении устава партии сконцентрировался почти исключительно на вопросе об организации центр. учреждений партии». Как раз наоборот. Единственным действительно принципиальным спором, разделившим сколько-нибудь определенно обе «стороны» (т.-е. большинство и меньшинство искровцев), был спор о параграфе 1 устава партии. Споры же о составе Совета, о кооптации в центры и т. п. оставались спорами между отдельными делегатами, между мной и Мартовым и т. п., споры эти касались сравнительно очень частных деталей, не вызывали

*) — дрязги литераторов. *Ред.*

**) Тогда мы попросим также объяснить, что̀ значат указания статьи «Наш съезд» на незаслуженное невнимание к неискровцам, на несоответствие строгих пунктов устава реальным отношениям сил в партии. К чему эти указания относятся?

никакой определенной группировки искровцев, которые своим голосованием поправляли увлечения то одного, то другого из нас. Сводить к этим спорам источник разногласий по вопросам о способах проведения централизма, его пределах, характере и т. п., значит просто-на-просто прикрашивать позицию меньшинства и приемы борьбы за изменение личного состава центров, которую оно вело и которая одна только вызвала между нами расхождение в полном смысле слова.

Написано в начале декабря 1903 г.
Напечатано в декабре 1903 г. отдельным листком.

Печатается по тексту листка.

---

*

ПИСЬМО Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. АДМИНИСТРАЦИИ ЗАГРАНИЧНОЙ ЛИГИ, ГРУППАМ СОДЕЙСТВИЯ ПАРТИИ И ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ, НАХОДЯЩИМСЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ [65]).

Товарищи! Окончательное объединение партии ставит теперь перед нами насущную и настоятельную задачу широко развить заграничную работу социал-демократии и прочно объединить всех действующих на этом поприще работников.

Согласно уставу партии (§ 13), вся заграничная работа партии разделяется на две крупные области, различные по типу организации. С одной стороны, дело пропаганды и агитации за границей непосредственно ведает и централизует в своих руках заграничная Лига. Ц.К. примет все меры, чтобы помочь полной централизации этого дела в руках Лиги и обеспечить ее автономию в этой функции. С другой стороны, содействие русскому движению она оказывает не иначе как через посредство лиц и групп, особо назначенных Центральным Комитетом.

Призывая всех членов Лиги, все группы содействия и всех членов партии, находящихся за границей, к всесторонней поддержке Лиги в ее работе пропаганды и агитации, Ц.К. намерен направить теперь все усилия к организации этих посредствующих групп, чрез которые должна производиться поддержка русского движения.

Задачи свои в этой области Ц.К. понимает следующим образом.

Поддержка русского движения из-за границы выражается главным образом 1) в отправке революционных работников в Россию; 2) в отправке собранных за границей денежных сумм в Россию; 3) в собирании за границей таких русских связей, сведений и указаний, которые должны быть тотчас сообщаемы в Россию в целях помощи действующим там товарищам, в целях предупреждения провалов и т. д.; 4) в отправке литературы в Россию и т. п.

Не претендуя на то, чтобы исчерпать этим перечнем всех форм непосредственной поддержки русского движения из-за гра-

ницы, мы думаем, однако, что пока достаточно наметить главные формы ее и сообразовать создаваемую организацию с этими формами. Опыт покажет, в какой мере необходимы будут изменения этой организации в дальнейшем будущем.

Начнем с отправки людей для работы в России. Желательно было бы, конечно, чтобы наибольшее число едущих сносилось непосредственно с главной агентурой Ц. К. за границей — именно с Женевской, получая от нее явки, пароли, деньги и необходимые указания. Но целый ряд едущих работать лиц не в состоянии, конечно, заезжать в Женеву, и потому Ц. К. намерен приступить к назначению своих агентов во всех сколько-нибудь важных заграничных центрах: Лондоне, Париже, Брюсселе, Берлине, Вене и др. Всякий, намеревающийся ехать в Россию для работы, приглашается обращаться к местному агенту Ц. К., и этот агент примет все меры к тому, чтобы едущий мог возможно скорее и безопаснее достигнуть места своего назначения, чтобы первые шаги едущего в Россию соответствовали общему плану Ц. К. относительно распределения сил и средств и т. д. Ц. К. надеется, что заграничная Лига окажет всяческое содействие этим агентам Ц. К. — например, путем ознакомления наибольшего количества заграничной публики с функциями этих агентов, с условиями сношения с ними, путем содействия возможно более конспиративной постановке этих сношений и т. д.

Так как отправка людей в Россию из крупных центров заграницы составляет очень большое дело и так как надлежащее ознакомление с отправляемыми не всегда под силу одному лицу, то Ц. К. будет назначать, по мере надобности, не одного агента, а группу агентов, согласно § 13 устава партии.

Далее. Что касается до отправки денег, то здесь всего более желательна полная централизация сбора денег по всей загранице в руках Лиги и передача сумм администрацией Лиги Центральному Комитету. Только в случаях необходимости придется, может быть, по указаниям опыта, передавать известные суммы непосредственно от местных секций Лиги местным агентам Ц. К., когда, например, экстренные обстоятельства требуют немедленной помощи побегу, отправке человека, посылке литературы и т. п. Ц. К. надеется, что администрация Лиги даст соответствующие указания секциям и выработает наилучшие формы отчетности в сборе и расходе денег.

Затем, всем известно, конечно, что очень часто лица, при езжающие из России за границу, сообщают такие известия, которые были бы очень важны для русских работников, — например, известия о размерах провалов, о необходимости предупредить таких-то товарищей в городе, отдаленном от места провала, о необходимости использовать в России такие-то связи, которые не успел или не мог использовать бежавший или уехавший

товарищ и т. д. Конечно, по мере окончательного объединения всей партийной работы под руководством Ц. К., все чаще будет представляться возможность собирать все эти связи и указания в России же, и это единственно нормальный и желательный путь. Но несомненно, что долго еще будут встречаться случаи, когда по разным причинам бежавшие или легально выехавшие из России товарищи не успели передать связей в России, так что необходимо будет воспользоваться для этого их заграничным пребыванием.

Наконец, дело транспорта литературы Ц. К. постарается, конечно, централизовать как можно полнее в руках особой транспортной группы, часть членов которой будет всегда находиться за границей. Особые агенты Ц. К. будут назначены, поэтому, для заведывания складами партийной литературы в разных заграничных центрах, для ведения сношений с границами и т. д. Но даже при самой лучшей постановке транспортного дела всегда останутся, конечно, такие пробелы в нем, которые придется пополнять экстренными оказиями, отправкой (может быть) чемоданов, утилизацией каких-нибудь благоприятных случаев торговых сношений, пароходных сообщений и т. д. По всем таким делам все сообщения, указания и справки должны равным образом направляться к агентам Ц. К., которые будут концентрировать все подобные дела и действовать сообразно общему плану Ц. К. и его указаниям.

Ц. К., сообщая о своем плане работы администрации Лиги, выражает свою уверенность, что Лига окажет в свою очередь всяческое содействие агентам Ц. К. за границей и в особенности примет меры к тому, чтобы эти агенты могли широко знакомиться с группами содействия, кружками молодежи и проч. и проч.

Написано в начале декабря 1903 г.

Впервые напечатано в 1928 г. в «Ленинском Сборнике» VII. *Печатается по рукописи.*

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Письмо къ товарищу

о нашихъ организаціонныхъ задачахъ

Н. Ленина

Изданіе Центральнаго Комитета Р. С.-Д. Р. Партіи.

ЖЕНЕВА
Типографія Партіи, Rue de la Coulouvreniere
1904

Обложка брошюры В. И. Ленина: «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» — 1904 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «ПИСЬМО К ТОВАРИЩУ О НАШИХ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ЗАДАЧАХ» [66]).

Перепечатываемое мною «Письмо к товарищу» *) написано было больше года тому назад, — если память мне не изменяет, в сентябре 1902 года. Сначала оно ходило у всех по рукам в кошиях и распространялось по России, как изложение искровских организационных взглядов. Затем Сибирский союз в июне прошлого года перепечатал это письмо и распространил в весьма значительном количестве экземпляров. Таким образом письмо сделалось уже вполне достоянием публики, и теперь нет никаких оснований задерживать его публикацию. То соображение, по которому я не печатал этого письма раньше, — именно его крайняя литературная необработанность, его совершенно «черновой» характер — отпадает, ибо именно в этом черновом виде с письмом ознакомились уже многие русские практики. Кроме того, еще более важным доводом за перепечатку этого письма в черновом виде (я сделал лишь самые необходимые стилистические исправления) является теперь его значение, как «документа» **). Новая редакция «Искры» выдвинула, как известно уже, в № 53 разногласия по *организационным* вопросам. К сожалению, в чем именно состоят эти разногласия, редакция не спешит указать определенно, ограничиваясь по большей части намеками на то, чего не ведает никто.

Надо постараться облегчить новой редакции ее трудную задачу. Пусть *старые* организационные взгляды «Искры» станут известными во всех деталях, вплоть даже до черновых набросков, — может быть, тогда новая редакция соберется, наконец, открыть «идейно руководимой» ею партии свои *новые* организа-

*) См. V том Сочинений, стр. 179. *Ред.*

**) После того, как мои оппоненты выражали не раз желание пользоваться этим письмом в качестве документа, я бы считал с своей стороны внесение каких-либо изменений при перепечатке прямо даже... как бы это помягче выразиться?.. неловким.

ционные взгляды. Может быть, тогда новая редакция поделится наконец с нами *точной формулировкой* тех коренных изменений, которые проектировались бы ею в нашем партийном организационном уставе. Ибо кто же не понимает, в самом деле, что именно этот организационный устав и воспринял в себя наши всегдашние организационные планы?

Сравнивая «Что делать?» и статьи в «Искре» по организационным вопросам с предлагаемым «Письмом к товарищу», а это последнее с уставом, который принят на втором съезде, читатели могут составить себе ясное представление о том, насколько последовательно проводилась нами, большинством искровцев и большинством партийного съезда, наша организационная «линия». А от новой редакции «Искры» мы будем ждать, и с великим нетерпением ждать, изложения ее новых организационных взглядов, ждать указания, в чем именно и с какого момента именно разочаровалась она и почему стала «сжигать то, чему поклонялась».

Н. Ленин.

Январь 1904 г.

Напечатано в 1904 г. в брошюре В. И. Ленина: «Письмо к товарищу о наших организационных задачах». Женева.

Печатается по тексту брошюры.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «ПИСЬМО К ТОВАРИЩУ О НАШИХ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ЗАДАЧАХ» [67]).

Редакция «Искры» говорит в № 55, что между Ц. К. и оппозицией «состоялось соглашение предать забвению» факты, упомянутые в моем «письме в редакцию «Искры» («Почему я вышел из редакции «Искры») *). Это заявление редакции представляет из себя «отписку», попытке уже формалистическую, бюрократическую и канцелярскую (выражаясь прекрасным слогом тов. Аксельрода). На самом деле такого соглашения *не было,* как прямо заявляет заграничный представитель Ц. К. в особом листке, выпущенном тотчас после выхода № 55 «Искры». Такого соглашения и *не могло быть,* как это должно быть ясно всякому внимательному читателю моего письма, ибо оппозиция *отвергла* «добрый мир», который был предложен Ц. К. и который, *наверное,* включал бы в себе условие предать забвению все то, что достойно забвения. Неужели редакция была так наивна, что, отвергнув мир и *начав в № 55 войну против пресловутого бюрократизма,* она надеялась на то, что противная сторона умолчит о *действительном* источнике этих сказок о бюрократизме?

Редакции очень и очень не понравилось, что я назвал действительный источник этих сказок *дрязгами* (Litteratengezänk — дрязги литераторов). Еще бы! Но ведь наговорить жалких слов по поводу этого действительно неприятного факта не значит еще опровергнуть факт.

Мы позволим себе задать почтеннейшей редакции два вопроса.

Первый вопрос. Отчего это *одному* кажутся только *забавными* самые яростные обвинения в самодержавии, в Робеспьеровском режиме, в совершении переворота, и пр. и пр., а *другим* кровно *обижает* спокойный рассказ о фактах и о фактически требовавшихся генеральских местах? Настолько обижает, что

*) См. настоящий том, стр. 124. *Ред.*

они говорят совсем «никчемушние» речи о «личностях», «моральной тени» и даже «низменных (откуда сие??) мотивах»? Отчего такая разница, — а, друзья мои? Уж не оттого ли, что «место» генерала «низменнее», чем место самодержца?

Второй вопрос. Отчего не объясняет читателям редакция, *почему* она (в те далекие времена, когда она принадлежала к оппозиции и на деле была «в меньшинстве») выражала желание *предать забвению* некоторые факты? Не находит ли редакция, что одна уже мысль о желании «предать забвению» *принципиальные* разногласия нелепа и не могла придти в голову ни одному здравомыслящему человеку?

Видите, как вы неловки, мои любезные «политические противники»! Вы хотели уничтожить меня обвинением, что *я* переношу принципиальный спор в область дрязг, а вместо этого вы *подтвердили* мое утверждение насчет действительного источника некоторых ваших «разногласий».

Далее. Признавши, по своей неловкости, что дрязги были, редакция не потрудилась объяснить читателям, где, по ее мнению, кончается принципиальное разногласие и где начинаются дрязги. Редакция обходит молчанием, что я в своем письме делаю попытку *совершенно точно* разграничить область того и другого. Я показываю там, что принципиальное разногласие (далеко не такое глубокое, чтобы вызывать действительное *расхождение*) обнаружилось по вопросу о § 1 устава и расширилось сближением искровского меньшинства с неискровскими элементами к концу съезда. Я показываю также, что речи о бюрократизме, формализме и проч. являются прежде всего простым *отзвуком* бывших *после съезда* дрязг.

Редакция, вероятно, не согласна с *таким* отграничением «принципиального» и «подлежащего забвению»? Почему же она не потрудилась сообщить *свое* мнение о «правильном» ограничении этих областей? Не потому ли, что эти области не размежевались еще (и не могут быть размежеваны) в ее сознании?

По фельетону уважаемого товарища Аксельрода в том же № 55 «Искры» читатели могут судить, к чему приводит эта... неразборчивость и во что превращается наш центральный партийный орган. О наших спорах по вопросу о § 1 устава тов. Аксельрод не говорит *ни слова* по существу, ограничиваясь абсолютно непонятными для небывшего на съезде человека намеками на «периферийные общества». Тов. Аксельрод забыл, вероятно, как долго и обстоятельно спорили мы о § 1! зато тов. Аксельрод создал себе «теорию», по которой «большинство искровцев, явившихся на съезд, пропитано было убеждением, что их главной задачей является... вести борьбу с внутренними врагами». «Перед этой миссией» для большинства «стушевывалась (по твердому убеждению уважаемого тов. Аксельрода) предстоящая положи-

тельная задача». «Перспектива положительной работы отодвигается в туманную даль неопределенного будущего»; перед партией стоит более неотложная «военная задача усмирения внутренних врагов». И тов. Аксельрод не находит слов, чтобы клеймить этот «бюрократический *) (или механический) централизм», эти «якобинские» (!!?) планы, этих «дезорганизаторов», которые кого-то «теснят и третируют, как крамольников».

Чтобы показать, какова истинная ценность этой теории,— вернее, этих обвинений большинства съезда в дезорганизаторских тенденциях теснить (*воображаемую*, должно быть) крамолу и в игнорировании положительной работы, мне достаточно будет напомнить забывчивому тов. Аксельроду *один* (для начала один) маленький факт. 6-го октября 1903 г. после многократных увещаний членов меньшинства о нелепости и дезорганизующем характере их бойкота, мы с Плехановым *официально* пригласили «крамольных» литераторов (и тов. Аксельрода в том числе) взяться за положительную работу, официально заявили им, что отказ от этой работы равно неразумен и с точки зрения личного раздражения и с точки зрения тех или иных разногласий (для изложения которых мы *открываем* страницы наших изданий).

Тов. Аксельрод забыл об этом. Он забыл, что ответил тогда решительным отказом без всяких объяснений причин. Он забыл, что для него тогда, в эти давно прошедшие времена, «положительная работа отодвигалась в туманную даль неопределенного будущего», каковое будущее только 26 ноября 1903 года стало желанным настоящим.

Тов. Аксельрод не только «забыл» это, но и желал бы вообще «предать забвению» подобные «личности», не так ли?

Указывать меньшинству на то, что оно *целые месяцы* дезорганизовало партию, забрасывало положительную работу, отвлекало своими дрязгами *тьму сил* у Ц. К., это «личности», это значит набрасывать моральную тень, это значит сводить борьбу тенденций на уровень дрязги. Этому не место на страницах Ц. О.

А обвинять большинство партийного съезда в том, что оно смело тратить время на увещания «крамольников», что оно дезорганизовало партию борьбой с *(воображаемыми)* дезорганизаторами — это принципиальные разногласия, для коих надо «приберечь» столбцы «Искры». Не так ли, уважаемый тов. Аксельрод?

Может быть, оглянувшись вокруг себя, тов. Аксельрод найдет и в настоящее время немало примеров тому, как «положительная работа» и для практиков меньшинства отодвигается в

*) Кстати. Обращаю внимание редакции, что моя брошюра выходит с «установленным заголовком». Как убежденный централист, я подчиняюсь «принципиальным» указаниям нашего Ц. О., открывшего в № 55 отдел обзора партийных изданий с точки зрения «заголовков» (во имя борьбы с формализмом) [68]).

туманную даль тоже желанного, но все еще неопределенного будущего?

Нет, знаете, выгоднее было бы вам не затрагивать вовсе вопроса об отношении большинства и меньшинства к положительной работе! Выгоднее бы не напоминать о том, о чем говорит, например, один заводский рабочий города —ва в следующем письме ко мне:

«*Дорогой товарищ!*

В последнее время, т.-е. после второго съезда партии, нам объявили, что Ц. К. не был выбран съездом единодушно, что съезд раскололся на две части по вопросу об отношениях Центрального Органа к Центральному Комитету и образовалось так называемое большинство и меньшинство. Все это, как тяжелый камень, обрушилось на нашу голову и придавило нас всей своей тяжестью, потому что самый вопрос об отношении Ц. О. к Ц. К. был для нас неожиданною новостью: ведь до самого съезда он не только не возбуждался ни в каких кружках и собраниях, но, насколько мне помнится, его обходили молчанием и в литературе. Вот это самое замалчивание его до съезда мне не понятно. Если предположить, что его совсем не существовало, то нужно признать, что товарищи, клавшие все свои силы на объединение партии, не представляли себе ясно ее организации, т.-е. ее устройства. Но второе совершенно невозможно, потому что вопрос, расколовший теперь партию, ясно показал, что взгляд на устройство партии был и был не у всех одинаков. А если это так, то почему его скрывали? Это первое. А второе — самый этот вопрос, когда приходится его решать, то я ставлю себе такой вопрос: какое устройство партии обеспечит ее ортодоксальное направление, и тут же рядом с ним у меня является мысль, что кроме устройства партии важен состав ее вождей, т.-е. если они ортодоксы, то и направление партии ортодоксальное, если — оппортунисты, то и партия такая же. Теперь, имея такие предположения и зная состав вождей партии, я безусловно высказываюсь за преобладание Ц. О. над Ц. К. в идейном руководстве партией. Высказаться за это еще больше заставляет русская действительность: как бы ни был Ц. К. ортодоксален, но он, находясь в России, не может быть застрахован от провала, а следовательно, и от потери ортодоксальности помимо своей воли, так как преемники не всегда-то соответствуют тем, кого они замещают. Кому из товарищей, работающих хоть немного в комитетах, не знакомы такие явления, что самый лучший комитет в силу одной из многих случайностей заменяется плохими и обратно. Совсем не то с Ц. О.: он стоит в иных условиях (принимая во внимание, что Ц. О. будет находиться за границей), которые обеспечивают ему более долговременное существование, а следовательно, и возможность приготовить себе достойных преемников. Но я не знаю, товарищ, можно ли решать этот вопрос раз-на-всегда, т.-е. или чтоб всегда преобладал Ц. О. над Ц. К. или — Ц. К. над Ц. О. Я думаю, что нельзя. Возьмем такое положение: вдруг состав Ц. О. изменился и из ортодоксального сделался оппортунистическим, как, например, «Вперед» в Германии; ну можно ли тогда дать ему преобладание в идейном руководстве? что бы стали делать мы, воспитанные в ортодоксальном духе, неужели должны бы соглашаться с ним? Нет, наша обязанность была бы отнять у него право на преобла-

дание и передать его в руки другого учреждения, и если бы этого не было сделано по какому-нибудь поводу, все равно будь то партийная дисциплина или еще что-нибудь, то все мы достойны бы были названия изменников рабочему социал-демократическому движению. Так я смотрю на это и никак не могу согласиться с решением раз-на-всегда, как это делают некоторые товарищи.

Теперь мне совсем непонятна та борьба, которая ведется теперь между большинством и меньшинством, и нам очень многим она кажется неправильной. Ну, скажите, товарищ! Естественно ли такое положение, когда все силы кладутся на разъезды по комитетам за тем только, чтобы поговорить о большинстве и меньшинстве. Я, право, не знаю. Неужели этот вопрос настолько важен, чтобы ему отдавать все силы и из-за него смотрели друг на друга, чуть ли как не на врага? И на самом деле так выходит, что если комитет подобран, предположим, из одного лагеря, то из другого туда уже никто не попадет, несмотря на всю свою пригодность для работы, даже если хотите, он не попадет и тогда, когда он необходим для работы, когда последняя много теряет от его отсутствия. Этим, конечно, я не хочу сказать, чтобы совсем бросили борьбу из-за этого вопроса: вовсе нет, только по-моему она должна носить другой характер, и из-за нее мы не должны забывать главной своей задачи, а именно пропаганды в массе социал-демократических идей, потому что, забывая это, мы тем самым обессиливаем нашу партию. Я не знаю, честно ли это, но когда приходилось видеть, что интересы дела топтались в грязь и совершенно забывались, то я называю всех их политическими интриганами. Как-то больно становилось и страшно за самое дело, когда видишь, что люди, стоящие во главе его, заняты чем-то другим. Глядя на это, думаешь: неужели наша партия осуждена на вечные расколы из-за таких мелочей, неужели мы неспособны в одно и то же время вести внутреннюю борьбу совместно с внешней. Для чего же тогда устраиваются съезды, когда их постановления не принимаются во внимание, и каждый делает, что ему вздумается, оправдываясь тем, что съезд, мол, неправильно решил, Ц. К. недееспособен и т. д. И это делают те, которые до съезда все время кричали про централизацию, про партийную дисциплину и проч., а теперь как будто хотят показать, что дисциплина нужна только простым смертным, а не им, людям верха. Они, должно быть, позабыли, что их пример страшно развращает мало-опытных товарищей, уже теперь слышится снова среди рабочих недовольство интеллигенцией, которая из-за раздоров между собою забывает их, уже теперь более горячие опускают руки, не зная, что делать. Пока что, а вся централизованная постановка дела теперь является пустым звуком. Остается только надеяться, что в будущем все изменится к лучшему» [69].

Написано в январе 1904 г.

Напечатано в 1904 г. в брошюре В. И. Ленина: «Письмо к товарищу о наших организационных задачах». Женева.

Печатается по тексту брошюры.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ, ВНЕСЕННЫЙ НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА ПАРТИИ 28 ЯНВАРЯ 1904 г.[70]).

Совет партии, имея в виду характер и формы проявления того расхождения между членами партии, которое связано со вторым очередным съездом, считает настоятельно необходимым энергично призвать всех членов партии к энергичной и дружной совместной работе под руководством обоих центральных учреждений партии: Ц.О. и Ц.К.

Исторический момент, который переживает Россия — громадное усиление революционного брожения внутри страны и международные затруднения, способные привести к войне, — возлагает особенно серьезные обязанности на партию сознательного пролетариата, борющегося в первых рядах за освобождение всего народа от ига самодержавия. Необходимость дружной совместной работы под руководством обоих центров партии над укреплением нашей организации, над развитием сознания и сплоченности возможно более широких масс рабочего класса, никогда не сказывалась так настоятельно, как в настоящее время.

Те или иные разногласия по самым различным вопросам всегда бывали и будут неизбежно обнаруживаться в партии, которая опирается на гигантское народное движение, которая ставит своей задачей явиться сознательной выразительницей этого движения, решительно отвергая всякую кружковщину и узко-сектантские взгляды. Но чтобы быть достойными представителями сознательного борющегося пролетариата, достойными участниками всемирного рабочего движения, члены нашей партии должны всеми силами стремиться к тому, чтобы никакие частные разногласия в понимании и способах проведения принципов, признанных нашей партийной программой, не мешали и не могли мешать дружной совместной работе под руководством наших центральных учреждений. Чем глубже и шире понимаем мы нашу программу и задачи международного пролетариата, чем больше ценим мы значение положительной работы над развитием пропаганды, агитации

и организации, чем дальше мы от сектантства, мелкой кружковщины и местнических счетов, — тем с большей энергией мы должны добиваться того, чтобы разногласия между членами партии обсуждались спокойно и по существу дела, чтобы эти разногласия не могли мешать нашей работе, не могли вносить дезорганизации в нашу деятельность, не могли тормозить правильного функционирования наших центральных учреждений.

Совет партии, как высшее учреждение партии, решительно осуждает всякие дезорганизаторские попытки, с чьей бы стороны они ни исходили, всякое отстранение от работы, всякое отстранение от материальной поддержки центральной партийной кассы, всякий бойкот, который способен только свести чисто идейную борьбу мнений, взглядов и оттенков до приемов грубо-механического воздействия, до какой-то недостойной свалки. Партия измучена раздорами, которые тянутся уже почти полгода, и настоятельно требует мира. Никакие разногласия между членами партии, никакое недовольство личным составом того или иного центра не могут оправдать бойкота и тому подобных приемов борьбы, свидетельствующих именно об отсутствии принципиальности и идейности, свидетельствующих о принесении в жертву интересов партии интересам кружка, интересов рабочего движения интересам узкого местничества. У нас есть, конечно, и в большой партии всегда будут случаи, когда то или другое число членов недовольно известным оттенком деятельности того или другого центра, известными чертами его направления, или его личным составом и т. п. Такие члены могут и должны выяснить причины и характер своего недовольства в товарищеском обмене мнений и в полемике на страницах партийных изданий, но было бы совершенно непозволительно и недостойно революционеров проявлять свое недовольство в бойкоте или отстранении от поддержки всеми своими силами всей положительной работы, объединяемой и направляемой обоими центрами партии. Поддержка обоих центров, дружная работа под их непосредственным руководством — есть наш общий и прямой партийный долг.

Такие нидейные, грубо-механические приемы борьбы, которые указаны выше, заслуживают безусловного осуждения, ибо они способны совершенно разрушить всю партию, сплачиваемую всецело и исключительно доброй волей революционеров. И Совет партии напоминает всем ее членам, что эта добрая воля выразилась уже с полной определенностью в нашем общем, никем не опротестованном, решении признать обязательным для всех членов партии все постановления второго съезда и все произведенные им выборы. Еще Организационный Комитет, заслуживший всеобщую благодарность за свою деятельность по созыву съезда, принял в § 18 устава II съезда такое решение, одобренное всеми комитетами партии:

«Все постановления съезда и все произведенные им выборы являются решением партии, обязательным для всех организаций партии. Они никем и ни под каким предлогом не могут быть опротестованы и могут быть отменены или изменены только следующим съездом партии».

Это решение, принятое всей партией до съезда и подтвержденное несколько раз на самом съезде, равносильно честному слову, которое дали себе по доброй воле все социал-демократы. Пусть же не забывают они этого честного слова! Пусть отбросят они скорее все взаимные мелкие счеты, пусть поставят раз навсегда идейную борьбу в такие рамки, чтобы она не вела к нарушениям устава, не тормозила практической деятельности и положительной работы.

Напечатано в 1904 г. в брошюре Н. Шахова: «Борьба за съезд». Женева.

Печатается по тексту брошюры, сверенному с текстом протоколов Совета.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ Ц. К. В СОВЕТЕ ПАРТИИ ПО ВОПРОСУ О РЕЗОЛЮЦИИ ПЛЕХАНОВА, ВНЕСЕННОЕ НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА 30 ЯНВАРЯ 1904 Г.

Представители Ц. К. глубоко убеждены, что эта резолюция не только не прекратит партийных раздоров, вносящих полный фактический раскол в партийную организацию, а, напротив, еще более усилит и разожжет их, сделав их хроническими, внесет дальнейшую дезорганизацию в положительную работу партии.

Эта резолюция, по своей сущности, представляет из себя не что иное, как выражение желания меньшинства партийного съезда изменить личный состав Ц. К., при чем игнорируется противоположное желание большинства партийного съезда.

Эта резолюция, по существу своему, является, по нашему твердому убеждению, продолжением извнутри Совета той политики, которой следовала оппозиция с самого партийного съезда, а эта политика была политикой бойкота, дезорганизации и анархии с целью добиться изменения состава центров, добиться таким путем, который не соответствует нормам сколько-нибудь правильной партийной жизни, который осужден теперь и общественным мнением революционной среды в виде резолюций большинства комитетов.

Эта резолюция выражает желание, чтобы Ц. К. опять начал переговоры с оппозицией. Переговоры тянутся уже 5 месяцев с лишним, внося полную деморализацию в партию. Ц. К. заявил уже, что сказал свое последнее слово, согласившись еще 25 ноября 1903 г. на кооптацию двух в доказательство товарищеского доверия.

Переговоры стоили уже громадных затрат денежных средств на поездки и еще несравненно более важных затрат сил и времени революционеров, отвлекаемых от своей работы.

Представители Ц. К. считают себя не в праве теперь снова возобновлять эти бесконечные переговоры, порождающие новое недовольство с обеих сторон, вызывающие новые местнические счеты, мешающие самым страшным образом положительной работе.

*

Мы обращаем самое серьезное внимание на то, что такие переговоры являются полным перерывом правильного течения партийной жизни. Мы заявляем, что Ц. К. возлагает всю ответственность за эти переговоры на меньшинство.

Мы заявляем, что решительно и безусловно не видим никакого иного способа честного и правильного выхода из настоящих партийных раздоров, иного способа прекратить эту недопустимую борьбу, из-за состава центров, кроме созыва немедленно партийного съезда.

Вместе с тем мы находим, что после принятия резолюции тов. Плеханова, наша, внесенная ранее, резолюция в сущности отрицается и становится совершенно бесполезной; поэтому мы берем ее обратно.

Напечатано в 1904 г. в брошюре Н. Шахова: «Борьба за съезд». Женева.

Печатается по тексту брошюры, сверенному с текстом протоколов Совета.

ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ УХОДА ИЗ РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ» [71]).

Женева, 20 февраля 1904 г.

Уважаемые товарищи!

Так как Вы касаетесь в своей брошюре обстоятельств, вызвавших мой выход из редакции «Искры», то я попрошу Вас дать место в приложении к Вашей брошюре моему ответу на письмо тов. Плеханова к Мартову от 29 янв. 1904 г., напечатанное в брошюре Мартова о борьбе с «осадным положением».

Тов. Плеханов находит *неточным* изложение мной дела в моем письме в редакцию. Однако *ни единого фактического* исправления он не дал и не мог дать. Он дополнил лишь мое изложение *неточной* передачей частного разговора между мною и им.

Говоря вообще, я считаю ссылки на частные разговоры верным признаком отсутствия серьезных аргументов. Я держусь и сейчас того мнения, которого недавно держался и тов. Плеханов по поводу ссылок на частные разговоры со стороны тов. Мартова (Протоколы Лиги, стр. 134), именно, что «точно воспроизвести» подобные разговоры вряд ли возможно и что «полемика» по поводу их «*не приведет ни к чему*».

Но раз уже тов. Плеханов привел наши частные разговоры, я считаю себя в праве пояснить и дополнить их, тем более, что разговоры эти имели место в присутствии третьих лиц.

Первый разговор, когда тов. Плеханов говорил о своем решении*) выйти в отставку в случае моего безусловного несогласия на кооптацию, имел место в день окончания съезда Лиги, вечером, и на другой день утром, в присутствии двух членов

---

*) Тов. Плеханов, в своем стремлении к точности, немножечко переусердствовал, замечая: Плеханов не имел права решить кооптировать, ибо кооптация единогласна по уставу. Это — не поправка, а придирка, ибо устав запрещает при отсутствии единогласия определенные организационные действия, а не решения, слишком часто принимаемые многими людьми только для виду и не переходящие в действия.

Совета партии. Разговор вращался около вопроса об уступках оппозиции. Плеханов настаивал на необходимости уступить, считая несомненным, что оппозиция не подчинится никакому постановлению Совета партии и что полный раскол партии может произойти немедленно. Я настаивал на том, что после происшедшего в Лиге, после принятых на ее съезде мер представителя Ц.К. (а тов. Плеханов участвовал в обсуждении каждой из этих мер и всецело одобрял их) — уступать анархическому индивидуализму невозможно, и что выступление особой литературной группы (которую я неоднократно в разговорах с Плехановым признавал вполне допустимой, вопреки его мнению) еще не обязательно, может быть, означает раскол. Когда разговор свелся к выходу в отставку одного из нас, то я тотчас сказал, что уйду я, не желая мешать Плеханову попытаться уладить конфликт, попытаться избежать того, что он считал расколом.

Тов. Плеханов так любезен ко мне теперь, что не может найти иных мотивов моего шага, кроме самой трусливой увертливости. Чтобы изобразить это мое свойство в самых живых красках, тов. Плеханов приписывает мне слова: «Всякий скажет: очевидно, Ленин неправ, если с ним разошелся даже Плеханов».

Краски наложены густо, что и говорить! Так густо, что выходит даже незамечаемая тов. Плехановым явная несообразность. Если бы я был уверен, что «всякий» найдет правым Плеханова (как Плеханов скромно думает про себя) и если бы я считал необходимым считаться с мнением этого всякого, то очевидно, что я никогда бы не решился разойтись с Плехановым, что я пошел бы за ним и в этом случае. Тов. Плеханов, желая представить мое поведение самым что ни на есть дурным и вытекающим из сквернейших мотивов, приписал мне мотив, лишенный *всякого смысла*. Я будто бы так боялся в чем бы то ни было разойтись с Плехановым, что — разошелся с ним. Некругло выходит это у тов. Плеханова.

На самом деле, моя мысль была: уж лучше я выйду, потому что иначе мое особое мнение послужит помехой *попыткам* заключить мир со стороны Плеханова. Попыткам я мешать не хочу; может быть мы сойдемся и на условиях мира, но отвечать за редакцию, которой *таким образом* навязывает кандидатов заграничная кружковщина, не считаю возможным.

Несколько дней спустя я действительно зашел к Плеханову, вместе с одним членом Совета, а разговор наш с Плехановым принял такой ход:

— Знаете, бывают иногда такие скандальные жены, — сказал Плеханов, — что им необходимо уступить во избежание истерики и громкого скандала перед публикой.

— Может быть, — ответил я, — но надо уступить так, чтобы сохранить за собой силу не допустить еще большего «скандала».

— Ну, а уйти — значит уже все уступить, — отвечал Плеханов.

— Не всегда, — возразил я, и сослался на пример Чемберлейна. Мысль моя была именно та, которую я выражал и печатно: если Плеханову удастся добиться мира, приемлемого и для большинства, в рядах которого Плеханов боролся так долго и так энергично, тогда я тоже войны не начну; если не удастся, — я сохраню за собой свободу действий, чтобы разоблачить «скандальную жену», если ее не успокоит и не утихомирит *даже* Плеханов.

В тот же разговор я сказал Плеханову (еще не знавшему условий оппозиции) о своем «решении» войти в Ц. К. (я мог «решить» это, но согласие должны были дать, разумеется, все члены Ц. К.). Плеханов вполне сочувственно отнесся к этому плану, как к последней попытке ужиться с «скандальной женой» хоть на каких бы то ни было началах. Когда в письме к Плеханову от 6 ноября 1903 г. я выразил мнение, что он, быть может, просто передаст редакцию мартовцам, то Плеханов отвечал (8 ноября)... «Вы, кажется, плохо выяснили себе мои намерения. Я объяснил их вчера еще раз тов. Васильеву» (члену Ц. К., бывшему на съезде Лиги). Этому же тов. Васильеву Плеханов писал от 10 ноября по вопросу об ускорении или задержке выхода № 52 «Искры» с извещением о съезде: ...«Напечатать сообщение о съезде значит: 1) или напечатать о том, что Мартов и другие не участвуют в «Искре», или 2) отказать в этом Мартову, — и тогда он напечатает об этом в особом листке. В обоих случаях это доводит до сведения публики о расколе, *а именно этого нам и надо теперь избегнуть*» (курсив мой. Н. Л.). 17 ноября Плеханов пишет тому же товарищу:... «Что думаете Вы о немедленной кооптации Мартова и др.? Я начинаю думать, что это был бы способ уладить дело с наименьшими затруднениями. *Без Вас я действовать не хочу...*» (курсив Плеханова).

Из этих отрывков ясно видно, что Плеханов старается действовать солидарно с большинством, желая кооптировать редакцию лишь для мира и при условии мира, отнюдь не для войны с большинством. Если вышло обратное, то это показало лишь, что телега анархического индивидуализма слишком разошлась в тактике бойкота и дезорганизации; самые сильные тормоза не подействовали. Это очень жаль, разумеется, и Плеханов, искренно желавший мира, оказался в неприятном положении; но сваливать вину за это на одного меня не доводится.

Что касается до слов Плеханова об уступке мной молчания за подходящий «эквивалент» и гордого заявления: «Я не нашел нужным покупать его молчание», то этот полемический прием производит лишь комическое впечатление при сопоставлении с цитированными мной выше словами из письма от десятого

ноября. Именно Плеханов придавал огромнейшую важность вопросу о молчании, о недоведении до сведения публики о расколе *). Что же естественнее, если я сообщаю ему о своем согласии и на это при условии мира? Разговоры об уступке «за эквивалент» и о «покупке» заставляют только ожидать, что следующий раз Плеханов сообщит публике о приготовлении Лениным фальшивых кредиток для подобного рода покупок. Бывало ведь это при эмигрантских препирательствах — атмосфера подходящая имеется.

Письмо тов. Плеханова невольно наводит на мысль: не приходится ли ему теперь *покупать* себе право быть в меньшинстве? Тактика меньшинства в нашем так называемом партийном органе уже определилась. Надо стараться заслонять спорные вопросы и факты, действительно приведшие к нашему расхождению. Надо стараться доказать, что Мартынов был гораздо ближе к «Искре», чем Ленин, — как именно, в чем именно и насколько именно, это еще долго будет разбирать запутавшаяся редакция новой «Искры». Надо фарисейски осуждать личности в полемике — и на деле сводить всю борьбу к походу против личности, не останавливаясь даже перед приписыванием «врагу» весьма несвязных зловредных качеств, от самой бесшабашной прямолинейности до самой трусливой увертливости. Лишь бы крепче выходило. И у наших новых союзников, тов. Плеханова и Мартова, выходит так крепко, что скоро они ни в чем не уступят знаменитым бундовцам с их знаменитым «поганьем». Союзники так усердно бомбардируют меня с своих броненосцев, что у меня является мысль: не заговор ли это двух третей ужасной тройки? Не прикинуться ли и мне обиженным? Не завопить ли об «осадном положении»? Ведь это иногда бывает так удобно и так выгодно...

Впрочем, для того, чтобы стать действительным сторонником меньшинства, тов. Плеханову придется еще, пожалуй, сделать два маленьких шага: во-первых, признать, что защищавшаяся тов. Мартовым и Аксельродом на съезде (и усердно замалчиваемая ими теперь) формулировка параграфа первого устава выражает собой не шаг к оппортунизму, не спасовавшие перед буржуазным индивидуализмом, а зерно новых, истинно социал-демократических Акимовски-Мартовских и Мартыновски-Аксельродовских организационных взглядов. Во-вторых, признать, что борьба после съезда с меньшинством была не борьбой против грубых нарушений партийной дисциплины, против агитационных

*) A propos (— кстати. *Ред.*). Именно Плеханов настаивал особенно энергично на неопубликовании протоколов Лиги и *конца* протоколов съезда партии, того конца, где Плеханов заявляет, что берет на себя всю нравственную ответственность за прямой вот против старой так называемой редакции, того конца, где он выражает надежду, что не оскудела партия литературными силами, — заявление, названное одним представителем меньшинства парадной фразой в ложноклассическом стиле [72]).

приемов, вызывающих только негодование, не борьбой против анархизма и анархической фразы (см. стр. 17, 96, 97, 98, 101, 102, 104 и много др. протоколов Лиги), а борьбой против «осадного положения», бюрократизма, формализма и проч.

Спорными вопросами этого рода мне придется подробно заняться в брошюре, подготовляемой теперь к печати. А пока... пока будем присматриваться к галлерее гоголевских типов, открытой нашим руководящим органом, принявшим за правило задавать читателям загадки. Кто похож на прямолинейного Собакевича, наступающего всем на самолюбие, то бишь на мозоли? Кто похож на увертливого Чичикова, покупающего вместе с мертвыми душами также и молчание? Кто на Ноздрева и на Хлестакова? на Манилова и на Сквозника-Дмухановского? Интересные и поучительные загадки... «Принципиальная полемика»...

Н. Ленин.

Напечатано в 1904 г. в брошюре «Комментарии к протоколам второго съезда Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии». Женева.

Печатается по тексту брошюры.

ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД

КРИЗИС В НАШЕЙ ПАРТИИ [73])

Написано в феврале — мае 1904 г.

Напечатано отдельной брошюрой в мае 1904 г. в Женеве

Печатается по тексту издания 1904 г., сверенному с текстом, напечатанным в сборнике: «Вл. Ильин — За 12 лет», 1908 г.

N. LENIN. Ein Schritt vorwärts, zwei Schritt rückwärts
(Über die Krise in unserer Partei)

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Н. ЛЕНИНЪ.

Шагъ впередъ, два шага назадъ

(Кризисъ въ нашей Партіи).

ЖЕНЕВА
Типографія Партіи. Rue de la Coulouvreniere, 27.
1904

Обложка брошюры В. И. Ленина: «Шаг вперед, два шага назад»— 1904 г.

Уменьшено

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Когда идет продолжительная, упорная, горячая борьба, то по истечении некоторого времени начинают обыкновенно вырисовываться центральные, основные спорные пункты, от решения которых зависит окончательный исход кампании и по сравнению с которыми все более и более отодвигаются на задний план все и всяческие мелкие и мелочные эпизоды борьбы.

Так обстоит дело и с нашей внутри-партийной борьбой, которая вот уже полгода приковывает к себе внимание всех членов партии. И именно потому, что мне пришлось в предлагаемом читателю очерке всей борьбы касаться многих мелочей, имеющих ничтожный интерес, многих дрязг, не имеющих в сущности никакого интереса, именно поэтому мне хотелось бы с самого начала обратить внимание читателя на два действительно центральных, основных пункта, которые представляют громадный интерес, которые имеют несомненное историческое значение и являются самыми насущными политическими вопросами на очереди дня в нашей партии.

Первый такой вопрос — вопрос о политическом значении того деления нашей партии на «большинство» и «меньшинство», которое сложилось на втором съезде партии и отодвинуло далеко назад все прежние деления русских социал-демократов.

Второй вопрос — вопрос о принципиальном значении позиции новой «Искры» [74]) по организационным вопросам, поскольку эта позиция является действительно принципиальной.

Первый вопрос есть вопрос об исходном пункте нашей партийной борьбы, об ее источнике, об ее причинах, об ее основном политическом характере. Второй вопрос есть вопрос о конечных результатах этой борьбы, об ее финале, о том принципиальном итоге, который получается по сложении всего, что относится к области принципов, и по вычитании всего, что относится к области дрязг. Первый вопрос решается анализом борьбы на партийном съезде, второй — анализом нового принципиального содержания новой «Искры». Тот и другой анализ, составляющий

содержание девяти десятых моей брошюры, приводит к выводу, что «большинство» есть революционное, а «меньшинство» — оппортунистическое крыло нашей партии; разногласия, разделяющие то и другое крыло в настоящее время, сводятся, главным образом, не к программным и не к тактическим, а лишь к организационным вопросам; та новая система воззрений, которая тем яснее вырисовывается в новой «Искре», чем больше старается она углубить свою позицию и чем чище становится эта позиция от дрязг из-за кооптации, есть оппортунизм в организационных вопросах.

Главным недостатком наличной литературы о нашем партийном кризисе является, в области изучения и освещения фактов, почти полное отсутствие анализа протоколов партийного съезда, а в области выяснения основных принципов организационного вопроса, отсутствие анализа той связи, которая несомненно существует между коренной ошибкой тов. Мартова и тов. Аксельрода в формулировке параграфа первого устава и в защите этой формулировки, с одной стороны, и всей «системой» (поскольку тут может быть речь о системе) теперешних принципиальных взглядов «Искры» по организационному вопросу. Нынешняя редакция «Искры», повидимому, даже не замечает этой связи, хотя значение споров о параграфе первом отмечалось уже много и много раз в литературе «большинства». В сущности, тов. Аксельрод и тов. Мартов только углубляют теперь, развивают и расширяют свою первоначальную ошибку по параграфу первому. В сущности, уже в спорах о параграфе первом стала намечаться вся позиция оппортунистов в организационном вопросе: и их защита расплывчатой, не сплоченной крепко партийной организации, и их вражда к идее («бюрократической» идее) построения партии сверху вниз, исходя из партийного съезда и из созданных им учреждений, и их стремление идти снизу вверх, предоставляя зачислять себя в члены партии всякому профессору, всякому гимназисту и «каждому стачечнику», и их вражда к «формализму», требующему от члена партии принадлежности к одной из признанных партией организаций, и их наклонность к психологии буржуазного интеллигента, готового лишь «платонически признавать организационные отношения», и их податливость к оппортунистическому глубокомыслию и к анархическим фразам, и их тенденция к автономизму против централизма, одним словом, все то, что расцветает теперь пышным цветом в новой «Искре», все более и более содействуя полному и наглядному выяснению сделанной первоначально ошибки.

Что касается до протоколов партийного съезда, то попытке незаслуженное невнимание к ним может быть объяснено только засорением наших споров дрязгами, да еще, пожалуй, слишком большим количеством слишком горькой правды в этих прото-

колах. Протоколы партийного съезда дают единственную в своем роде, незаменимую по точности, полноте, всесторонности, богатству и аутентичности, картину действительного положения дел в нашей партии, картину воззрений, настроений и планов, нарисованную самими участниками движения, картину существующих политических оттенков внутри партии, показывающую их сравнительную силу, их взаимоотношение и их борьбу. Именно протоколы партийного съезда и только эти протоколы показывают нам, насколько нам удалось в действительности смести все остатки старых, чисто кружковщинских связей и заменить их единой великой партийной связью. Каждый член партии, если он хочет сознательно участвовать в делах своей партии, обязан тщательно изучать наш партийный съезд, — именно: изучать, потому что одно чтение груды сырого материала, составляющей протоколы, еще не дает картины съезда. Лишь путем тщательного и самостоятельного изучения можно добиться (и должно добиваться) того, чтобы краткие конспекты речей, сухие экстракты из прений, мелкие стычки по мелким (повидимому, мелким) вопросам слились в нечто цельное, чтобы перед членами партии встала, как живая, фигура каждого выдающегося оратора, выяснилась вся политическая физиономия каждой группы делегатов партийного съезда. Пишущий эти строки будет считать свою работу не пропавшей даром, если ему удастся дать хотя бы толчок к широкому и самостоятельному изучению протоколов партийного съезда.

Еще одно слово по адресу противников социал-демократии. Они злорадствуют и кривляются, наблюдая наши споры; они постараются, конечно, выдергивать для своих целей отдельные места моей брошюры, посвященной недостаткам и недочетам нашей партии. Русские социал-демократы уже достаточно обстреляны в сражениях, чтобы не смущаться этими щипками, чтобы продолжать, вопреки им, свою работу самокритики и беспощадного разоблачения собственных минусов, которые непременно и неизбежно будут превзойдены ростом рабочего движения. А господа противники пусть попробуют представить нам картину *действительного* положения дел в их «партиях», хоть отдаленно приближающуюся к той, которую дают протоколы нашего второго съезда!

Н. Ленин.

Май 1904 года.

а) ПОДГОТОВКА СЪЕЗДА.

Существует изречение, что каждый имеет право в течение 24 часов проклинать своих судей. Наш партийный съезд, как и всякий съезд всякой партии, явился тоже судьей некоторых лиц, претендовавших на должность руководителей и потерпевших крушение. Теперь эти представители «меньшинства», с наивностью, доходящей до умилительности, «проклинают своих судей» и стараются всячески дискредитировать съезд, умалить его значение и авторитетность. Всего рельефнее, пожалуй, выразилось это стремление в статье Практика в № 57 «Искры», возмущающегося идеей о суверенной «божественности» съезда[75]). Это — такая характерная черточка новой «Искры», что ее нельзя обойти молчанием. Редакция, состоящая в большинстве своем из лиц, *отвергнутых* съездом, продолжает, с одной стороны, называть себя «партийной» редакцией, а, с другой стороны, открывает объятия лицам, утверждающим, что съезд — не божество. Это мило, не правда ли? Да, господа, съезд, конечно, не божество, но что следует думать о людях, начинающих «разносить» съезд *после того,* как они потерпели на нем поражение?

Припомните, в самом деле, главные факты по истории подготовки съезда *).

«Искра» с самого начала, в своем анонсе 1900 года, предшествовавшем выпуску газеты, объявила, что прежде чем объединяться, нам надо размежеваться. «Искра» постаралась превратить конференцию 1902 года в частное совещание, а не в партийный съезд **). «Искра» чрезвычайно осторожно действовала летом и осенью 1902 года, возобновляя выбранный на этой конференции Организационный Комитет. Наконец, дело размежевания кончилось, — кончилось по нашему общему признанию. Организационный Комитет конституировался в самом конце 1902 г. «Искра» приветствует его упрочение и заявляет, — в *редакционной* статье № 32, — что созыв партийного съезда дело *самой настоятельной,*

*) Два первых абзаца исключены в издании 1908 года. *Ред.*

**) См. протоколы второго съезда, стр. 20.

неотложной надобности *). Таким образом, нас всего уже меньше можно упрекнуть в торопливости по отношению к созыву второго съезда. Мы действовали именно по правилу: семь раз отмерь, один отрежь; мы имели полное нравственное право полагаться на товарищей, что после того, как отрезано, они не примутся плакаться и перемеривать **).

Орг. Ком. выработал чрезвычайно тщательный (формалистический и бюрократический, сказали бы люди, которые прикрывают теперь этими словечками свою политическую бесхарактерность) устав второго съезда, провел этот устав по всем комитетам и, наконец, утвердил его, постановив между прочим в § 18: «Все постановления съезда, и все произведенные им выборы являются решением партии, обязательным для всех организаций партии. Они никем и ни под каким предлогом не могут быть опротестованы и могут быть отменены или изменены только следующим съездом партии» ***). Не правда ли, как невинны сами по себе эти слова, принятые в свое время молча, как нечто само собою подразумевающееся, и как странно звучат они теперь, точно приговор, изрекаемый над «меньшинством»! С какой целью составлен был подобный параграф? Для соблюдения одной формальности? Конечно, нет. Это постановление казалось необходимым и было действительно необходимо, ибо партия состояла из ряда раздробленных и самостоятельных групп, от которых можно было ждать непризнания съезда. Это постановление выражало собою именно *добрую волю* всех революционеров (о которой так часто и так неуместно говорят теперь, эвфемистически характеризуя термином добрый то, что более заслуживает эпитета капризный). Оно равнялось взаимному *честному слову*, которое дали все русские социал-демократы. Оно должно было гарантировать, что громадные труды, опасности, расходы, связанные со съездом, не пропадут даром, что съезд не превратится в комедию. Оно заранее квалифицировало всякое непризнание решений и *выборов* съезда, как *нарушение доверия*.

Над кем же смеется новая «Искра», сделавшая новое открытие, что съезд не божество, и решения его не святыня? Содержит ли ее открытие «новые организационные взгляды» или только новые попытки замести старые следы?

6) ЗНАЧЕНИЕ ГРУППИРОВОК НА СЪЕЗДЕ.

Итак, съезд был созван после самой тщательной подготовки, на началах в высшей степени полного представительства. Общее

*) См. V том Сочинений, стр. 227. *Ред.*

**) Конец этого абзаца, начиная со слов: «мы имели», и два следующих абзаца исключены в издании 1908 года. *Ред.*

***) См. протоколы второго съезда, стр. 22—23 и 380.

признание правильности состава съезда и *безусловной* обязательности его решений нашло себе выражение и в заявлении председателя (стр. 54 протоколов) после конституирования съезда *).

В чем же состояла главная задача съезда? В создании *действительной* партии на тех принципиальных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны «Искрой». Что именно в этом направлении съезд должен был работать, это было предрешено трехлетней деятельностью «Искры» и ее признанием со стороны большинства комитетов. Искровская программа и направление должны были стать программой и направлением партии, искровские организационные планы должны были получить закрепление в организационном уставе партии. Но само собою разумеется, что такой результат не мог быть достигнут без борьбы: полнота представительства на съезде обеспечила присутствие на нем и таких организаций, которые вели решительную борьбу с «Искрой» (Бунд и «Рабочее Дело»), и таких, которые, признавая «Искру» руководящим органом на словах, на деле преследовали свои особые планы и отличались неустойчивостью в принципиальном отношении (группа «Южного Рабочего» и примыкающие к ней делегаты некоторых комитетов). При таких условиях, съезд не мог не превратиться в *арену борьбы за победу искровского направления*. Что съезд и был на самом деле такой борьбой, — это сразу станет ясно для всякого, кто сколько-нибудь внимательно прочтет его протоколы. Наша же задача теперь состоит в том, чтобы детально проследить главнейшие группировки, обнаружившиеся по разным вопросам на съезде, и восстановить, по точным данным протоколов, политическую физиономию каждой из основных групп съезда. Что именно представляли из себя те группы, те направления и те оттенки, которым предстояло на съезде слиться, под руководством «Искры», в единую партию? — вот что должны мы показать анализом прений и голосований. Выяснение этого обстоятельства имеет кардинальную важность и для изучения того, чем являются на деле наши социал-демократы, и для понимания причин расхождения **). Вот почему я в своей речи на съезде Лиги и в своем письме в редакцию новой «Искры» выдвигал на первый план именно анализ различных группировок. Мои оппоненты из представителей «меньшинства» (и Мартов во главе их) совершенно не поняли сущности вопроса. На съезде Лиги они ограничивались частичными поправками, «оправдываясь» от того обвинения в повороте к оппортунизму, которое было против них выдвинуто, и не пытаясь даже нарисовать, в противовес мне, *хоть какую-нибудь другую* картину группировок на съезде. Теперь в

*) Этот абзац в издании 1908 г. исключен. *Ред.*

**) Дальнейшая часть § 6 в издании 1908 года исключена. *Ред.*

«Искре» (№ 56) Мартов пытается выставить все попытки точно отграничить различные политические группы на съезде — простым «кружковым политиканством» [76]). Сильно сказано, тов. Мартов! Но сильные слова новой «Искры» имеют одно оригинальное свойство: стоит точно воспроизвести все перипетии расхождения, начиная со съезда, и все эти сильные слова обращаются *целиком и прежде всего* против теперешней редакции. Оглянитесь-ка на себя, гг. так называемые партийные редакторы, поднимающие вопрос о кружковом политиканстве!

Мартову до такой степени неприятны теперь факты нашей борьбы на съезде, что он старается совершенно затушевать их. «Искровец, — говорит он — это тот, кто на съезде партии и до него выражал свою полную солидарность с «Искрой», отстаивал ее программу и ее организационные взгляды и поддерживал ее организационную политику. На съезде таких искровцев было свыше сорока — столько голосов было подано за программу «Искры» и за резолюцию о признании «Искры» центральным органом партии». Откройте протоколы съезда, и вы увидите, что программа принята *всеми* (стр. 233), кроме воздержавшегося Акимова. Тов. Мартов хочет, таким образом, уверить нас, что и бундовцы, и Брукэр, и Мартынов *доказали* свою «полную солидарность» с «Искрой» и *отстаивали* ее организационные взгляды! Это смешно. Превращение *после* съезда *всех* его участников в равноправных членов партии (да и то не всех, ибо бундовцы ушли) смешивается здесь с той группировкой, которая вызывала борьбу *на* съезде. Изучение того, *из каких элементов* сложилось после съезда «большинство» и «меньшинство», подменивается официальной фразой: признали программу!

Возьмите голосование о признании «Искры» центральным органом. Вы увидите, что именно Мартынов, которому тов. Мартов со смелостью, достойной лучшего дела, приписывает теперь отстаиванье организационных взглядов и организационной политики «Искры», настаивает на отделении двух частей резолюции: голого признания «Искры» Ц. О. и признания ее заслуг. При голосовании первой части резолюции (признание заслуг «Искры», выражение *солидарности* с нею) за — подано *только 35 голосов*, два — против (Акимов и Брукэр) и одиннадцать воздержались (Мартынов, пять бундовцев и пять голосов редакции: по два у меня и у Мартова и один у Плеханова). Группа антиискровцев (пять бундовцев и три рабочедельца) обнаруживается, следовательно, с полной ясностью и здесь, на этом, самом выгодном для теперешних взглядов Мартова и им самим выбранном примере. Возьмите голосование за вторую часть резолюции — признание «Искры» Центральным Органом без всякой мотивировки и без выражения солидарности (страница 147 протоколов): *за* подано 44 голоса, которые и причисляются нынешним Мартовым

к искровцам. Всего был 51 голос; за вычетом пяти голосов воздерживавшихся редакторов остается 46; два голосовали *против* (Акимов и Брукэр); в число остальных 44 входят, следовательно, *все пять бундовцев*. Итак, бундовцы на съезде «выражали полную солидарность с «Искрой»» — так пишется официальная история официальной «Искрой»! Забегая вперед, объясним читателю истинные мотивы этой официальной правды: нынешняя редакция «Искры» могла бы быть и была бы партийной редакцией на деле (а не quasi-партийной, как теперь), *если бы бундовцы и рабочедельцы не ушли со съезда;* вот почему этих вернейших стражей теперешней так называемой партийной редакции и надо было возвести в «искровцев». Но об этом подробно после.

Спрашивается, далее: если съезд представлял из себя борьбу искровских и анти-искровских элементов, то не было ли промежуточных, неустойчивых элементов, которые колебались между теми и другими? Всякий, сколько-нибудь знакомый с нашей партией и с обычной физиономией всяких съездов, уже a priori *) склонен будет ответить на этот вопрос утвердительно. Тов. Мартову очень не хочется теперь вспоминать об этих неустойчивых элементах, и он изображает группу «Южного Рабочего» с тяготеющими к ней делегатами, как типичных искровцев, а разногласия наши с ними ничтожными и неважными. К счастью, теперь перед нами лежит полный текст протоколов, и мы можем разрешить этот вопрос — вопрос факта, разумеется, — на основании документальных данных. То, что мы сказали выше об общей группировке на съезде, конечно, не претендует на решение этого вопроса, а лишь на правильную постановку его.

Без анализа политических группировок, без картины съезда, как борьбы таких-то оттенков, нельзя ничего понять в нашем расхождении. Попытка Мартова смазать различие оттенков путем причисления даже бундовцев к искровцам есть простое уклонение от вопроса. A priori уже, на основании истории русской социал-демократии до съезда, намечаются (для дальнейшей проверки и детального изучения) три главные группы: искровцев, антиискровцев и неустойчивых, колеблющихся, шатких элементов.

в) НАЧАЛО СЪЕЗДА.—ИНЦИДЕНТ С ОРГАНИЗАЦИОННЫМ КОМИТЕТОМ.

Анализ прений и голосований на съезде всего удобнее вести в порядке заседаний съезда, чтобы последовательно отмечать все более и более обрисовывающиеся политические оттенки. Лишь тогда, когда это безусловно необходимо, будут делаться отступления от хронологического порядка для совместного рассмотрения

*) — заранее, до всякого опыта. *Ред.*

тесно связанных вопросов или однородных группировок. В интересах беспристрастия мы будем стараться отмечать *все* главнейшие голосования, опуская, конечно, массу вотировок по мелочам, которые заняли у нашего съезда непомерное количество времени (отчасти вследствие нашей неопытности и неумения распределить материал между комиссионными и пленарными заседаниями, отчасти вследствие проволочек, граничивших с обструкцией).

Первым вопросом, который вызвал дебаты, начинающие обнаруживать различие оттенков, был вопрос о постановке на первое место (в «порядке дня» съезда) пункта: «положение Бунда в партии» (стр. 29 — 33 протоколов). С точки зрения искровской, которую защищали Плеханов, Мартов, Троцкий и я, не могло быть никаких сомнений на этот счет. Уход Бунда из партии показал воочию правильность наших соображений: если Бунд не хотел идти вместе с нами и признать те организационные начала, которые разделяло, вместе с «Искрой», большинство партии, — то было бесполезно и бессмысленно «делать вид», что мы идем вместе, и только затягивать съезд (как затягивали его бундовцы). Вопрос был уже выяснен вполне в литературе, и для всякого сколько-нибудь вдумчивого члена партии было очевидно, что остается только открыто поставить вопрос и прямо, честно сделать выбор: автономия (идем вместе) или федерация (расходимся).

Уклончивые во всей своей политике, бундовцы пожелали уклониться и тут, оттягивая вопрос. К ним присоединяется тов. Акимов, выдвигающий сразу, видимо от лица всех сторонников «Рабочего Дела», организационные разногласия с «Искрой» (стр. 31 протоколов). На сторону Бунда и «Рабочего Дела» становится тов. Махов (два голоса Николаевского Комитета, незадолго перед тем выражавшего свою солидарность с «Искрой»!). Для тов. Махова вопрос совершенно неясен, а «больным местом» он считает и «вопрос о демократическом устройстве или, наоборот (это заметьте!), о централизме» — точь в точь, как большинство теперешней нашей «партийной» редакции, которое на съезде не заметило еще этого «больного места»! *)

Итак, против искровцев выступает Бунд, «Рабочее Дело» и тов. Махов, имеющие вместе как раз те десять голосов, которые и поданы были против нас (стр. 33). *За* подано *30 голосов* — цифра, около которой, как увидим ниже, часто колеблются голоса искровцев. Одиннадцать голосов, оказывается, воздержались — видимо, не становясь на сторону ни той, ни другой из борющихся «партий». Интересно отметить, что когда мы голосовали § 2 устава Бунда (отклонение этого § 2 вызвало уход Бунда из партии), то вотировавших за § 2 и воздержавшихся оказалось тоже десять

*) Конец абзаца, начиная со слов: «точь в точь», исключен в издании 1908 года. *Ред.*

голосов (стр. 289 протоколов), при чем воздерживались именно трое рабочедельцев (Брукэр, Мартынов и Акимов) и тов. Махов. Очевидно, что голосование по вопросу о *месте* вопроса о Бунде дало *не случайную* группировку. Очевидно, что не только по техническому вопросу о порядке обсуждения, а *и по существу* расходились с «Искрой» все эти товарищи *). Со стороны «Рабочего Дела» это расхождение по существу ясно для всякого, а тов. Махов бесподобно охарактеризовал свое отношение в речи по поводу ухода Бунда (стр. 289 — 290 прот.). На этой речи стоит остановиться. Тов. Махов говорит, что после резолюции, которая отвергла федерацию, «вопрос о положении Бунда в Р.С.-Д.Р.П. для него из вопроса принципиального становился вопросом реальной политики по отношению к исторически сложившейся национальной организации; здесь я — продолжает оратор — не мог считаться со всеми последствиями, какие могут явиться в результате нашего голосования, и потому вотировал бы за пункт второй в целом». Тов. Махов прекрасно усвоил себе дух «реальной политики»: принципиально он *уже* отверг федерацию, а *поэтому* на практике он *вотировал бы* за такой пункт устава, который проводит эту федерацию! И этот «практичный» товарищ поясняет свою глубоко-принципиальную позицию следующими словами: «Но (знаменитое, щедринское «но»!), так как то или иное мое голосование имело лишь принципиальный характер (!!) и не могло носить характера практического, ввиду почти единогласного голосования всех остальных участников съезда, то я предпочел воздержаться от голосования, чтобы принципиально»... (упаси нас, господи, от этакой принципиальности!)... «оттенить различие своей позиции в данном случае от позиции, защищаемой делегатами Бунда, голосовавшими за пункт. Обратно, я вотировал бы за этот пункт, если бы делегаты Бунда воздержались от голосования его, на чем они предварительно настаивали». Поймй, кто может! Принципиальный человек воздерживается от того, чтобы громко сказать: да, ибо это практически бесполезно, когда все говорят: нет.

Вслед за голосованием по вопросу о месте вопроса о Бунде, на съезде выплыл вопрос о группе «Борьба», приведший тоже к чрезвычайно интересной группировке, и тесно связанный с самым «больным» вопросом съезда, вопросом о личном составе центров. Комиссия по определению состава съезда высказывается против приглашения группы «Борьба», согласно *двукратному* решению Орг. Ком. (см. стр. 383 и 375 прот.) и докладу *его представителей в комиссии* (стр. 35).

Тов. Егоров, *член О. К.*, заявляет, что «вопрос о «Борьбе» (заметьте: о «Борьбе», а не о том или ином ее члене) для него

*) Конец абзаца, начиная со слов: «Со стороны», исключен в издании 1908 года. *Ред.*

повый», и просит перерыва. Каким образом для члена О. К. мог быть новым вопрос, дважды решенный О. К., остается покрытым мраком неизвестности. Во время перерыва происходит заседание О. К. (стр. 40 прот.) в том его составе, который случайно находился на съезде (несколько членов О. К. из старых членов организации «Искры» на съезде отсутствовало) *). Начинаются прения о «Борьбе». Рабочедельцы высказываются за (Мартынов, Акимов и Брукэр, стр. 36—38). Искровцы (Павлович, Сорокин, Ланге, Троцкий, Мартов и др.) — против. Съезд разделяется опять в знакомой уже нам группировке. Борьба из-за «Борьбы» завязывается упорная, и тов. Мартов выступает с особенно обстоятельной (стр. 38) и «боевой» речью, в которой указывает справедливо на «неравномерность представительства» русских и заграничных групп, на то, что едва ли «хорошо» было бы давать заграничной группе «привилегию» (золотые слова, особенно поучительные теперь, с точки зрения событий, бывших после съезда!), что не следует поощрять «организационного хаоса в партии, который характеризовался дроблением, не вызываемым никакими принципиальными соображениями» (не в бровь, а в глаз... — «меньшинству» нашего партийного съезда!) **). Кроме сторонников «Рабочего Дела» *никто* открыто и мотивированно не выступает за «Борьбу» вплоть до закрытия списка ораторов (стр. 40): надо отдать справедливость тов. Акимову и его друзьям, что они, по крайней мере, не виляли и не прятались, а открыто вели свою линию, открыто говорили о том, чего хотели ***).

После закрытия списка ораторов, когда *по существу* высказываться уже нельзя, тов. Егоров «настоятельно требует, чтобы было выслушано постановление О. К., принятое только что». Неудивительно, что члены съезда возмущены таким приемом, и тов. Плеханов, как председатель, выражает свое «недоумение, как может тов. Егоров настаивать на своем требовании». Казалось бы, одно из двух: или высказываться открыто и определенно по существу вопроса перед всем съездом, или не высказываться вовсе. Но дать закрыть список ораторов и затем, под видом «заключительного слова», преподнести съезду *новое* постановление О. К. — именно по обсуждавшемуся вопросу — это равносильно удару из-за угла!

Заседание возобновляется после обеда, и бюро, продолжающее недоумевать, решает отступить от «формальности» и прибегнуть к последнему, на съездах лишь в крайних случаях употребитель-

---

*) О заседании этом см. «Письмо» Павловича, члена О. К. и *единогласно* выбранного до съезда доверенным лицом редакции, ее седьмым членом (прот. Лиги, стр. 44). (Это примечание исключено в издании 1908 г. *Ред.*)

**) Слова в скобках исключены в издании 1908 года. *Ред.*

***) Конец абзаца, начиная со слов: «надо отдать», исключен в издании 1908 года. *Ред.*

ному средству «товарищеского объяснения». Представитель О. К., Попов, сообщает постановление О. К., принятое всеми его членами против одного, Павловича (стр. 43), и предлагающее съезду пригласить Рязанова.

Павлович заявляет, что он отрицал и *) отрицает законность собрания О. К., что новое постановление О. К. «*противоречит его прежнему решению*». Заявление производит бурю. Тов. Егоров, тоже член О. К. и член группы «Южного Рабочего», уклоняется от ответа по существу и хочет перенести центр тяжести на вопрос о дисциплине. Тов. Павлович будто бы нарушил партийную дисциплину (!), ибо О. К., обсудив протест Павловича, решил «не доводить до сведения съезда отдельное мнение Павловича». Дебаты переносятся на вопрос о партийной дисциплине, и Плеханов назидательно разъясняет тов. Егорову, при шумных аплодисментах съезда, что «*императивных мандатов у нас нет*» (стр. 42, сравни стр. 379, устав съезда, § 7: «Депутаты не должны быть ограничены в своих полномочиях императивными мандатами. В отправлении своих полномочий они совершенно свободны и независимы»). «Съезд есть самая высшая партийная инстанция», и, следовательно, нарушает партийную дисциплину и устав съезда именно тот, кто стесняет чем бы то ни было обращение любого делегата *прямо* к съезду по *всем*, без исключения и изъятия, вопросам партийной жизни. Спорный вопрос сводится, таким образом, к дилемме: кружковщина или партийность? Ограничение прав делегатов на съезде во имя воображаемых прав или уставов разных коллегий и кружков, или *полное*, не на словах только, а на деле, распущение *всех* низших инстанций и старых группок перед съездом впредь до создания действительно партийных должностных учреждений. Читатель видит уже отсюда, какую громадную принципиальную важность имел этот спор в самом начале съезда (третье заседание), поставившего себе целью фактически восстановить партию. На этом споре сконцентрировался, так сказать, конфликт старых кружков и группок (вроде «Южного Рабочего») с возрождающейся партией. И анти-искровские группы сейчас же обнаруживают себя: и бундовец Абрамсон, и тов. Мартынов, горячий союзник нынешней редакции «Искры», и наш знакомый тов. Махов — все они высказываются за Егорова и группу «Южного Рабочего» против Павловича. Тов. Мартынов, щеголяющий теперь [77]), наперерыв с Мартовым и Аксельродом, организационным «демократизмом», вспоминает даже... армию, где можно апеллировать к высшей инстанции только чрез посредство низшей!! Истинный смысл этой «компактной» анти-искровской оппозиции был совершенно ясен для всякого, кто был на съезде или кто следил внимательно за внутренней историей нашей партии до съезда. Задача

*). Слова: «отрицал и» исключены в издании 1908 года. *Ред.*

оппозиции (может быть, даже не всегда всеми ее представителями сознаваемая, а иногда отстаиваемая по инерции) состояла в том, чтобы оградить независимость, особность, приходские интересы мелких группок от поглощения их широкой партией, созидаемой на искровских началах.

Именно с этой точки зрения подошел к вопросу и тов. Мартов, тогда еще не успевший объединиться с Мартыновым. Тов. Мартов решительно ополчается, и справедливо ополчается, против тех, кто «в представлении о партийной дисциплине не идет дальше обязанностей революционера к той *группе низшего* порядка, в которую он входит». «Никакая *принудительная* (курсив Мартова) группировка внутри единой партии не допустима», разъясняет Мартов поборникам кружковщины, не предвидя того, как бичует он этими словами свое собственное политическое поведение в конце съезда и после него...*) Принудительная группировка недопустима для О. К., но допустима вполне для редакции. Принудительная группировка осуждается Мартовым, смотрящим из центра, и отстаивается Мартовым с того самого момента, когда он оказался недовольным составом центра...

Интересно отметить факт, что тов. Мартов, в своей речи, особенно подчеркнул, кроме «огромной ошибки» тов. Егорова, обнаруженную О. К. политическую неустойчивость. «От имени О. К. — справедливо негодовал Мартов — внесено предложение, *идущее в разрез* с докладом комиссии (основанным, добавим от себя, на докладе членов О. К.: стр. 43, слова Кольцова) и *с предыдущими предложениями О. К.*» (курсив мой). Как видите, Мартов ясно понимал *тогда*, до своего «поворота», что замена «Борьбы» Рязановым нисколько не устраняет полнейшей противоречивости и шаткости действий О. К. (из протоколов съезда Лиги, стр. 57, члены партии могут узнать, как представлялось дело Мартову после его поворота). Мартов не ограничился тогда разбором вопроса о дисциплине; он прямо спросил также О. К.: «что случилось нового, чтобы сделать нужной *переделку?*» (курсив мой). В самом деле, ведь О. К., внося свое предложение, не имел даже достаточно мужества, чтобы защищать свое мнение открыто, как защищали его Акимов и др. Мартов опровергает это (прот. Лиги, стр. 56), но читатели протоколов съезда увидят, что Мартов ошибается. Попов, вносящий предложение от имени О. К., *ни слова* не говорит о мотивах (стр. 41 прот. съезда партии). Егоров передвигает вопрос на пункт о дисциплине, а по существу говорит лишь: «у О. К. могли явиться новые соображения»... (но явились ли и какие? — неизвестно)... «он мог забыть внести кого-нибудь и т. д.». (Это «и т. д.» — единственное прибежище оратора, ибо О. К. не мог *забыть* дважды обсуждавшегося им

*) Вторая половина § в, начиная со слов: «Принудительная группировка», исключена в издании 1908 года. *Ред.*

до съезда и раз перед комиссией вопроса о «Борьбе»). «О. К. принял это решение не потому, что изменил свое отношение к группе «Борьба», но потому, что хочет устранить лишние камни на пути будущей центральной организации партии при первых шагах ее деятельности». Это — не мотивировка, а именно уклонение от мотивировки. Всякий искренний социал-демократ (а мы не допускаем и сомнения в искренности кого бы то ни было из участников съезда) заботится об устранении того, что *он считает* подводным камнем, об устранении *теми способами*, какие *он признает* целесообразными. Мотивировать значит объяснить и точно высказать свой взгляд на вещи, а не отделаться трюизмом. И мотивировать *нельзя бы было*, не «изменяя своего отношения к «Борьбе»», потому что прежние, противоположные решения О. К. тоже заботились об устранении подводных камней, но видели эти «камни» как раз в обратном. Тов. Мартов и напал чрезвычайно резко и чрезвычайно основательно на этот довод, назвав его «*мелким*» и вызванным желанием «*отговариваться*», дав совет О. К. «*не бояться того, что люди скажут*». Этими словами тов. Мартов превосходно охарактеризовал суть и смысл того политического оттенка, который сыграл громадную роль на съезде и который отличается именно несамостоятельностью, мелкостью, отсутствием своей линии, боязнью того, что скажут люди, вечным колебанием между обеими определенными сторонами, боязнью открытого изложения своего credo *), — одним словом «болотностью» **).

Эта политическая бесхарактерность неустойчивой группы привела, между прочим, к тому, что *никто*, кроме бундовца Юдина (стр. 53), так и не внес на съезд резолюции о приглашении одного из членов группы «Борьба». Вотировали за резолюцию Юдина пять голосов — очевидно, все бундовцы: колеблющиеся элементы еще раз переметнулись! Как велико было приблизительно число голосов средней группы, показали вотировки резолюций Кольцова и Юдина по этому вопросу: за искровцем шло 32 голоса (стр. 47), за бундовцем — 16, т.-е., кроме восьми антиискровских голосов, два голоса тов. Махова (стр. 46), четыре голоса членов группы «Южного Рабочего» и еще два голоса. Мы покажем сейчас, что такое распределение отнюдь нельзя

*) — символ веры. *Ред.*

**) У нас есть теперь в партии люди, которые, слыша это слово, приходят в ужас и кричат о нетоварищеской полемике. Странное извращение чутья под влиянием официальности..., не к месту применяемой! Едва ли хоть одна политическая партия, знающая внутреннюю борьбу, обходилась без этого термина, которым всегда обозначают неустойчивые элементы, колеблющиеся между берегами. И немцы, умеющие вдвигать внутреннюю борьбу в превосходно выдержанные рамки, не обижаются по поводу слова «versumpft» (— болотный. *Ред.*) и не приходят в ужас, не проявляют смешной официальной pruderie (— строгая моральность. *Ред.*).

считать случайным, но сначала отметим вкратце *теперешнее* мнение Мартова об этом инциденте с О. К. Мартов утверждал в Лиге, что «Павлович и другие раздували страсти». Достаточно справиться с протоколами съезда, чтобы видеть, что самые обстоятельные, горячие и резкие речи против «Борьбы» и О. К. принадлежат самому Мартову. Пытаясь свалить «вину» на Павловича, он только демонстрирует свою неустойчивость: до съезда именно Павловича он выбирал седьмым в редакцию, на съезде вполне присоединялся к Павловичу (стр. 44) против Егорова, а потом, потерпев поражение от Павловича, начинает обвинять его в «раздувании страстей». Это только смешно.

В «Искре» (№ 56) Мартов иронизирует по поводу того, что придается важное значение вопросу о приглашении икса или игрека. Ирония эта обращается опять против Мартова, ибо именно инцидент с О. К. послужил завязкой к спорам о таком «важном» вопросе, как приглашение икса или игрека в Ц. К. и в Ц. О. Нехорошо это — мерить на два разных аршина, смотря по тому, *своей* ли «группы низшего порядка» (по отношению к партии) касается дело или *чужой*. Это именно обывательщина и кружковщина, а не партийное отношение к делу. Простое сопоставление речи Мартова в Лиге (стр. 57) с речью на съезде (стр. 44) достаточно доказывает это. «Мне непонятно — сказал Мартов, между прочим, в Лиге — как это люди в одно и то же время ухитряются называть себя во что бы то ни стало искровцами и — стыдятся быть искровцами». Странное непонимание различия между «называть себя» и «быть», между словом и делом. Сам Мартов на съезде *называл себя* противником принудительных группировок, а после съезда *был* их сторонником...

г) РАСПУЩЕНИЕ ГРУППЫ «ЮЖНОГО РАБОЧЕГО».

Распределение делегатов в вопросе об О. К. могло бы показаться, пожалуй, случайным. Но такое мнение было бы ошибочным, и чтобы устранить его, мы отступим от хронологического порядка и рассмотрим сейчас же инцидент, имевший место в конце съезда, но самым тесным образом связанный с предыдущим. Инцидент этот — распущение группы «Южного Рабочего». Против искровских организационных тенденций — полного сплочения партийных сил и устранения дробящего силы хаоса — выступили здесь интересы *одной* из групп, которая делала полезное дело при отсутствии настоящей партии и которая стала излишней при централистической постановке работы. Во имя интересов кружка — группа «Южного Рабочего» с неменьшим правом, чем старая редакция «Искры», могла претендовать на сохранение «преемственности» и на свою неприкосновенность. Во имя интересов партии — группа эта должна была

подчиниться перемещению ее сил в «соответствующие партийные организации» (стр. 313, конец резолюции, принятой съездом). С точки зрения интересов кружка и «обывательщины» не могло не казаться «щекотливым» (выражение тов. Русова и тов. Дейча) распущение полезной группы, которая так же не хотела этого, как не хотела и старая редакция «Искры». С точки зрения интересов партии являлось необходимым распущение, «растворение» (выражение Гусева) в партии. Группа «Южного Рабочего» прямо заявила, что она «не находит нужным» объявить себя распущенной и требует, чтобы «съезд решительно заявил свое мнение» и притом «немедленно: да или нет». Группа «Южного Рабочего» прямо ссылалась на ту самую «преемственность», к которой стала апеллировать старая редакция «Искры»... после ее распущения! «Хотя все мы по одиночке составляем единую партию, — сказал тов. Егоров — но она все-таки состоит из целого ряда организаций, с которыми приходится считаться, *как с историческими величинами*... Если подобная организация *не вредна партии, то ее не к чему распускать*».

Таким образом, важный *принципиальный* вопрос был поставлен совершенно определенно, и все искровцы — покуда еще интересы их собственной кружковщины не выплывали вперед — решительно встали против неустойчивых элементов (бундовцы и двое из рабочедельцев в это время уже не были на съезде; они несомненно стояли бы горой за необходимость «считаться с историческими величинами»). Голосование дало *31 за*, пять против и пять воздержавшихся (четыре голоса членов группы «Южного Рабочего» и еще один, вероятно, Белова, судя по его прежним заявлениям, стр. 308). Группа в *десять голосов*, относящаяся резко отрицательно к последовательному организационному плану «Искры» и отстаивающая кружковщину против партийности, обрисовывается с полной определенностью. В дебатах искровцы ставят этот вопрос именно принципиально (см. речь Ланге, стр. 315), высказываясь против кустарничества и разброда, отказываясь считаться с «симпатиями» отдельных организаций, говоря прямо, что «если бы товарищи из «Южного Рабочего» держались более принципиальной точки зрения раньше, еще год или два тому назад, то дело объединения партии и торжество тех начал программы, которые мы здесь санкционировали, было бы достигнуто раньше». В этом духе высказываются и Орлов, и Гусев, и Лядов, и Муравьев, и Русов, и Павлович, и Глебов, и Горин. Искровцы из «меньшинства» не только не восстают против этих, неоднократно поднимавшихся на съезде, определенных указаний на недостаточно принципиальную политику и «линию» «Южного Рабочего», Махова и других, не только не делают каких-либо оговорок на этот счет, а напротив, в лице Дейча, решительно присоединяются к ним, осуждая «хаос» и привет-

ствуя «прямую постановку вопроса» (стр. 315) того самого тов. Русова, который *в этом же заседании* имел — о ужас! — дерзость «прямо поставить» и вопрос о старой редакции на чисто партийную почву (стр. 325) *).

Со стороны группы «Южного Рабочего» вопрос об ее распущении вызвал страшное возмущение, следы которого есть и в протоколах (надо не забывать, что протоколы дают лишь бледную картину прений, ибо, вместо полных речей, они приводят самые сжатые конспекты и экстракты). Тов. Егоров назвал даже «ложью» простое упоминание имени группы «Рабочая Мысль» наряду с «Южным Рабочим» — характерный образчик того, какое отношение к последовательному экономизму господствовало на съезде. Егоров даже гораздо позже, в 37-ом заседании, говорит о распущении «Южного Рабочего» с величайшим раздражением (стр. 356), прося занести в протокол, что при обсуждении вопроса об «Южном Рабочем» членов этой группы не спрашивали ни о средствах на издание, ни о контроле Ц. О. и Ц. К. Тов. Попов намекает во время прений о «Южном Рабочем» на компактное большинство, как бы предрешившее вопрос об этой группе. «*Теперь* — говорит он (стр. 316) — *все, после речей тов. Гусева и Орлова, ясно*». Смысл этих слов несомненен: теперь, когда искровцы высказались и предложили резолюцию, все ясно, т.-е. ясно, что «Южный Рабочий» будет распущен, вопреки его воле **). Представитель «Южного Рабочего» сам отделяет здесь искровцев (и при том таких, как Гусева и Орлова) от своих сторонников, как представителей разных «линий» организационной политики. И когда теперешняя «Искра» выставляет группу «Южного Рабочего» (а также, вероятно, Махова?) «типичными искровцами», то это лишь наглядно показывает забвение самых крупных (с точки зрения этой группы) событий съезда и желание новой редакции замести следы, указывающие, из каких элементов создалось так называемое «меньшинство».

К сожалению, на съезде не поднялось вопроса о популярном органе. Все искровцы чрезвычайно оживленно обсуждали этот вопрос и до съезда и во время съезда вне заседаний, соглашаясь в том, что в настоящий момент партийной жизни предпринимать издание такого органа или превращать в него один из существующих чрезвычайно нерационально. Анти-искровцы высказались на съезде в противоположном смысле, группа «Южного Рабочего» тоже в своем докладе, и только случайностью или нежеланием поднимать «безнадежный» вопрос можно объяснить, что за подписью десяти лиц не было внесено соответствующей резолюции.

*) Слова «того самого» и конец абзаца, начиная со слова: «который», исключены в издании 1908 года. *Ред.*

**) Конец § г, начиная со слов: «Представитель Южного Рабочего», исключен в издании 1908 года. *Ред.*

д) ИНЦИДЕНТ С РАВНОПРАВИЕМ ЯЗЫКОВ.

Вернемся к порядку заседаний съезда.

Мы убедились теперь, что еще до перехода к обсуждению вопросов по существу на съезде ясно обнаружилась не только совершенно определенная группа анти-искровцев (8 голосов), но и группа промежуточных, неустойчивых элементов, готовых поддержать эту восьмерку и увеличить ее приблизительно до 16—18 голосов.

Вопрос о месте Бунда в партии, обсуждавшийся на съезде чрезвычайно, чересчур подробно, свелся к решению принципиального тезиса, практическое же решение было отложено до обсуждения организационных отношений. Ввиду того, что в литературе до съезда довольно много места было уделено разъяснению относящихся сюда тем, на съезде обсуждение дало мало сравнительно нового. Нельзя не заметить только, что сторонники «Раб. Дела» (Мартынов, Акимов и Брукэр), соглашаясь с резолюцией Мартова, оговаривали, что признают ее недостаточность и расходятся в выводах из нее (стр. 69, 73, 83, 86).

От вопроса о месте Бунда съезд перешел к программе. Прения вращались здесь большей частью около частных поправок, представляющих мало интереса. Принципиально оппозиция анти-искровцев выразилась лишь в походе тов. Мартынова против пресловутой постановки вопроса о стихийности и сознательности. За Мартынова встали, конечно, бундовцы и рабочедельцы целиком. Неосновательность его возражений показали, между прочим, Мартов и Плеханов. Как курьез надо отметить, что теперь редакция «Искры» (подумав, должно быть) *) перешла на сторону Мартынова и говорит обратное тому, что говорила на съезде! Должно быть, это соответствует знаменитому принципу «преемственности»... [78]). Остается выждать, когда редакция разберется вполне и выяснит нам вопрос, в какой именно мере согласилась она с Мартыновым, в чем именно и с какого именно времени. В ожидании этого мы спросим только, видан ли где-нибудь такой *партийный* орган, редакция которого заговорила после съезда как раз обратное тому, что она говорила на съезде? **)

Минуя споры о признании «Искры» центральным органом (мы касались уже их выше) ***) и начало дебатов об уставе (их удобнее будет рассмотреть в связи со всем обсуждением устава), перейдем к обнаружившимся при обсуждении программы принципиальным оттенкам. Отметим прежде всего одну деталь чрез-

*) Слова, заключенные в скобки, исключены в издании 1908 года. *Ред.*

**) Конец абзаца, начиная со слов «Должно быть», исключен в издании 1908 года. *Ред.*

***) Фраза, заключенная в скобки, исключена в издании 1908 г. *Ред.*

вычайно характерного свойства: прения по вопросу о пропорциональном представительстве. Тов. Егоров из «Южн. Раб.» защищал внесение его в программу и защищал так, что вызвал справедливое замечание Посадовского (искровец из меньшинства) о «серьезном разногласии». «Несомненно, — сказал тов. Посадовский, — что мы не сходимся по следующему основному вопросу: *нужно ли подчинить нашу будущую политику тем или другим основным демократическим принципам, признав за ними абсолютную ценность*, или же *все демократические принципы должны быть подчинены исключительно выгодам нашей партии?* Я решительно высказываюсь за последнее». Плеханов «вполне присоединяется» к Посадовскому, восставая в еще более определенных и более решительных выражениях против «абсолютной ценности демократических принципов», против «отвлеченного» рассматривания их. «Гипотетически мыслим случай, — говорит он, — когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права. Буржуазия итальянских республик лишала когда-то политических прав лиц, принадлежавших к дворянству. Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права». Речь Плеханова встречена рукоплесканьями и *шиканьем*, и когда Плеханов опротестовывает Zwischenruf *) «вы не должны шикать» и просит товарищей не стесняться, то тов. Егоров встает и говорит: «раз такие речи вызывают рукоплескания, то я обязан шикать». Вместе с тов. Гольдблатом (делегатом Бунда) тов. Егоров высказывается против взглядов Посадовского и Плеханова. К сожалению, дебаты были закрыты, и выплывший по поводу них вопрос сошел тотчас со сцены **). Но напрасно старается теперь тов. Мартов ослабить и даже свести на-нет его значение, говоря на съезде Лиги: «Эти слова (Плеханова) вызвали негодование части делегатов, которого легко было бы избежать, если бы тов. Плеханов добавил, что, разумеется, нельзя себе представить такого трагического положения дел, при котором пролетариату для упрочения своей победы приходилось бы попирать такие политические права, как свободу печати... (Плеханов: merci)» (стр. 58 прот. Лиги). Это толкование *прямо* противоречит совершенно категорическому заявлению тов. Посадовского *на съезде* о «серьезном разногласии» и расхождении по «основному вопросу». По этому основному вопросу все искровцы высказались на съезде *против* представителей анти-искровской «правой» (Гольдблат) и съездовского «центра» (Егоров). Это факт,

*) — замечание с места во время речи оратора. *Ред.*

**) Дальнейшая часть этого абзаца в издании 1908 года исключена. *Ред.*

и можно смело ручаться, что если бы «центру» (надеюсь, это слово будет менее шокировать «официальных» сторонников мягкости, чем какое-либо другое...), если бы «центру» пришлось (в лице тов. Егорова или Махова) высказываться «*непринужденно*» по этому или аналогичным вопросам, то серьезное разногласие обнаружилось бы немедленно.

Оно *) обнаружилось еще рельефнее по вопросу о «равноправии языков» (стр. 171 и след. прот.). По этому пункту красноречивы не столько прения, сколько голосования: подсчитывая сумму их, получаем невероятное число — *шестнадцать*! Из-за чего? Из-за того, достаточно ли в программе оговорить равноправность всех граждан, независимо от пола и т. д. *и языка* или же необходимо сказать: «свобода языка» или «равноправие языков». Тов. Мартов на Лиге **) довольно верно охарактеризовал этот эпизод, сказавши, что «ничтожный спор о редакции одного пункта программы принял принципиальное значение, потому что половина съезда готова была свергнуть программную комиссию». Именно так***). Повод к столкновению был именно ничтожный, и тем не менее столкновение приняло действительно *принципиальный* характер, а потому и страшно ожесточенные формы вплоть до попытки «*свергнуть*» программную комиссию, вплоть до подозрений в желании «*подвести съезд*» (в этом заподозрил Егоров Мартова!), вплоть до обмена личными замечаниями самого... ругательного свойства (с. 178). Даже тов. Попов «выражал сожаление, что по поводу пустяков создается *такая атмосфера*» (курсив мой, с. 182), которая царила в течение трех заседаний (16, 17 и 18).

Все эти выражения в высшей степени определенны и категорически указывают на тот выразительный факт, что атмосфера «подозрений» и самых ожесточенных форм борьбы («свержение»), — в создании которой обвинялось потом, на съезде Лиги

---

*) В издании 1908 года: «Разногласие». *Ред.*

**) В издании 1908 года: «на съезде Лиги». *Ред.*

***) Мартов добавляет: «В этом случае нам сильно повредила острота Плеханова об ослах» (когда говорили о свободе языка, то один бундовец, кажется, упомянул среди учреждений учреждение коннозаводства, и Плеханов бросил про себя: «лошади не говорят, а вот ослы иногда разговаривают»). Я, конечно, не могу видеть в этой остроте особой мягкости, уступчивости, осмотрительности и гибкости. Но мне все же странно, что Мартов, признавши *принципиальное значение* спора, не останавливается совершенно на разборе того, в чем тут принципиальность и какие оттенки тут сказались, а ограничивается указанием на «вред» острот. Это уж вот поистине бюрократическая и формалистическая точка зрения! Резкие остроты действительно «сильно повредили на съезде» и не только остроты на счет бундовцев, но и на счет тех, кого иногда поддерживали и даже спасали от поражения бундовцы. Однако, раз признано принципиальное значение инцидента, нельзя отделываться фразой о «непозволительности» (стр. 58 прот. Лиги) некоторых острот. (Это примечание исключено в издании 1908 года. *Ред.*)

большинство искровцев!—на самом деле создалась *гораздо раньше, чем мы раскололись на большинство и меньшинство* *). Повторяю, это факт громадной важности, основной факт, непонимание которого приводит очень и очень многих к самым легкомысленным мнениям относительно искусственности большинства в конце съезда. С теперешней точки зрения тов. Мартова, уверяющего, что на съезде было $^9/_{10}$ искровцев, абсолютно необъяснимым и нелеп тот факт, что из-за «пустяков», из-за «ничтожного» повода могло произойти столкновение, получившее «принципиальный характер» и едва не доведшее до свержения съездовской комиссии. Было бы смешно отделываться от этого *факта* сетованиями и сожалениями по поводу «повредивших» острот. *Принципиального* значения столкновение не могло получить ни из-за каких резких острот, такое значение могло получиться исключительно в силу характера политических группировок на съезде. Не резкости и не остроты создали конфликт,— они были только *симптомом* того, что в самой политической группировке съезда есть «противоречие», есть все залоги конфликта, есть внутренняя неоднородность, которая с имманентной силой прорывается при каждом, *даже ничтожном,* поводе.

Напротив, с той точки зрения, с которой я смотрю на съезд и которую я считаю своим долгом отстаивать как известное политическое понимание событий, хотя бы это понимание и казалось кому-либо обидным,—с этой точки зрения **) вполне объяснимым и неизбежен отчаянно-резкий конфликт *принципиального* характера по «ничтожному» поводу. Раз у нас на съезде *все время* шла борьба искровцев с анти-искровцами, раз между ними стояли неустойчивые элементы, раз эти последние вместе с анти-искровцами составляли $^1/_3$ голосов (8+10=18 из 51, по моему счету, разумеется, приблизительному),—то совершенно понятно и естественно, что *всякое отпадение от искровцев хотя бы небольшого меньшинства их,* создавало возможность победы анти-искровского направления и вызывало, поэтому, «бешеную» борьбу. Это не результат неуместно резких выходок и нападок, а результат политической комбинации. Не резкости создавали политический конфликт, а существование политического конфликта в самой группировке съезда создавало резкости и нападки,— в этом противопоставлении заключается основное наше принципиальное расхождение с Мартовым в оценке политического значения съезда и результатов съезда.

В течение всего съезда было три наиболее крупных случая отпадения незначительного числа искровцев от большинства их,—

*) Средина абзаца со слов: «Повторяю» и кончая словами «на съезде», исключена в издании 1908 года. *Ред.*

**) Слово «Напротив» и фраза «и которую... с этой точки зрения» исключены в издании 1908 года. *Ред.*

равноправие языков, § 1 устава и выборы — и во всех этих трех случаях получалась ожесточенная борьба, приведшая в конце концов к теперешнему тяжелому кризису в партии. Чтобы политически осмыслить этот кризис и эту борьбу, надо не ограничиваться фразами о непозволительных остротах, а *) рассмотреть политические группировки оттенков, столкнувшихся на съезде. Инцидент с «равноправием языков» представляет поэтому двойной интерес с точки зрения выяснения причины расхождения, ибо здесь еще Мартов был (еще был!) искровцем и воевал едва ли не больше всех против анти-искровцев и «центра» **).

Война началась спором тов. Мартова с лидером бундовцев, тов. Либером (стр. 171 — 172). Мартов доказывает достаточность требования «равноправия граждан». «Свобода языка» отклоняется, но сейчас же выдвигается «равноправие языков», и вместе с Либером ополчается на бой тов. Егоров. Мартов заявляет, что это — фетишизм, «когда ораторы настаивают на равноправии национальностей и переносят неравноправность в область языка. Между тем, вопрос следует рассматривать как раз с другой стороны: существует неравноправность национальностей, которая выражается, между прочим, и в том, что люди, принадлежащие к известной нации, лишены права пользоваться родным языком» (стр. 172). Мартов был тогда совершенно прав. Действительно, каким-то фетишизмом являлась абсолютно несостоятельная попытка Либера и Егорова защитить правильность их формулировки и найти у нас нежелание или неумение провести принцип равноправия национальностей. На самом деле они, как «фетишисты», отстаивали именно слово, а не принцип, действовали не из боязни какой-либо принципиальной ошибки, а из боязни того, что скажут люди. Как раз эту психологию неустойчивости (а что если нас за это «другие» обвинят?), — отмеченную нами в инциденте с Орг. Ком., — проявил тут с полной ясностью и весь наш «центр». Другой представитель его, близко стоящий к «Южному Рабочему» горнозаводский делегат Львов, «считает вопрос об угнетении языков, выдвинутый окраинами, очень серьезным. Важно, чтобы мы, поставивши пункт об языке в нашей программе, удалили всякое предположение о русификаторстве, в котором могут подозревать социал-демократов». Вот замечательная мотивировка «серьезности» вопроса. Вопрос очень серьезен *потому*, что надо удалить возможные подозрения окраин! Оратор не дает ровно ничего по существу, он не отвечает на обвинения в фетишизме, а целиком подтверждает их, выказывая полное отсутствие своих доводов, отделываясь ссылкой на то, что скажут окраины. Все, что они *могли бы* сказать, *неверно*, — говорят ему. Вместо

*) Слова: «не ограничиваться... а» исключены в издании 1908 года. *Ред.*
**) Конец абзаца со слова «Инцидент» исключен в издании 1908 года. *Ред.*

разбора, верно это или неверно, он отвечает: «*могут подозревать*».

Такая постановка вопроса, с претензией на его серьезность и важность, действительно уже получает принципиальный характер, только вовсе не тот, который хотели найти тут Либеры, Егоровы, Львовы. Принципиальным становится вопрос: должны ли мы предоставить организациям и членам партии применять общие и основные положения программы, применяя их к конкретным условиям и развивая их в направлении такого применения, или мы должны, из простой боязни подозрений, заполнять программу мелкими деталями, частными указаниями, повторениями, казуистикой. Принципиальным становится вопрос о том, как могут социал-демократы в борьбе с казуистичностью усматривать («подозревать») попытки сужения элементарных демократических прав и вольностей. Да когда же, наконец, мы отучимся от этого фетишистского преклонения пред казусами? — вот мысль, которая мелькала у нас при виде борьбы из-за «языков» *).

Группировка делегатов в этой борьбе особенно ясна, благодаря обилию именных голосований. Их было целых три. Против искровского ядра горой стоят все время все анти-искровцы (8 голос.) и, с самыми небольшими колебаниями, весь центр (Махов, Львов, Егоров, Попов, Медведев, Иванов, Царев, Белов, — только два последние колебались в начале, то воздерживаясь, то голосуя с нами, и определились вполне лишь к третьему голосованию). От искровцев отпадает часть — главным образом, кавказцы (трое с шестью голосами) — и благодаря этому перевес, в конце концов, получает направление «фетишизма». При третьем голосовании, когда сторонники обеих тенденций наиболее выяснили свои позиции, от искровцев большинства отделились к противной стороне трое кавказцев с шестью голосами; от искровцев меньшинства отделились двое с двумя голосами — Посадовский и Костич; при двух первых голосованиях переходили к противной стороне или воздерживались: Ленский, Степанов и Горский из большинства искровцев, Дейч из меньшинства. *Отделение восьми искровских голосов (от всего числа 33) дало перевес коалиции анти-искровцев и неустойчивых элементов.* Это — именно тот *основной факт* съездовской группировки, который повторился (при отделении *других* только искровцев) и при голосовании § 1 устава и при выборах. Неудивительно, что потерпевшие поражение на выборах старательно закрывают теперь глаза на *политические причины* этого поражения, на *исходные пункты* той борьбы оттенков, которая все более вскрывала и все беспощаднее разоблачала перед партией неустойчивые и политически бесхарактерные элементы. Инцидент

*) Часть предыдущего абзаца, начиная со слов: «Мартов был», и весь настоящий абзац исключены в издании 1908 года. *Ред.*

с равноправием языков показывает нам эту борьбу тем рельефнее, что тогда еще и тов. Мартов не успел заслужить похвал и одобрения Акимова и Махова *).

е) АГРАРНАЯ ПРОГРАММА.

Принципиальная невыдержанность анти-искровцев и «центра» сказалась рельефно и на прениях об аграрной программе, которые заняли немало времени у съезда (см. стр. 190 — 226 прот.) и поставили немало чрезвычайно интересных вопросов. Как и следовало ожидать, поход против программы поднимает тов. Мартынов (после мелких замечаний тов. Либера и Егорова). Он выдвигает старый довод об исправлении «именно данной исторической несправедливости», чем будто бы косвенно мы «освящаем другие исторические несправедливости» и т. д. На его сторону становится и тов. Егоров, которому даже «неясно, каково значение этой программы. Есть ли это — программа для нас, т.-е. определяет ли она требования, которые мы выставляем, или мы хотим сделать ее популярной» (!?!?). Тов. Либер «хотел бы сделать те же указания, что и тов. Егоров». Тов. Махов выступает со свойственной ему решительностью, заявляя, что «большинство (?) из говоривших решительно не понимает, что из себя представляет выставленная программа и какие цели она преследует». Предлагаемую программу, видите ли, «трудно считать за соц.-дем. аграрную программу»; она... «несколько пахнет игрой в исправление исторических несправедливостей», на ней лежит «оттенок демагогии и авантюризма». Теоретическим подтверждением этого глубокомыслия является обычная утрировка и упрощение вульгарного марксизма: искровцы будто бы «с крестьянами хотят оперировать, как с чем-то единым по составу; а так как крестьянство уж давно (?) расслоено на классы, то выставление единой программы неизбежно ведет к тому, что программа становится в целом демагогической и при проведении в жизнь сделается авантюрой» (202). Тов. Махов «выбалтывает» здесь истинную причину отрицательного отношения к нашей аграрной программе со стороны многих социал-демократов, готовых признавать «Искру» (как признал ее и сам Махов), но совершенно не продумавших ее направления, ее теоретическую и практическую позицию. Именно вульгаризация марксизма в применении его к такому сложному и многостороннему явлению, как современный уклад русского крестьянского хозяйства, вызывала и вызывает непонимание этой программы, а вовсе не расхождение по отдельным частностям. И на такой вульгарно-марксистской точке зрения быстро сошлись лидеры анти-искровских элементов (Либер и Мартынов) и «центра» — Егоров и Махов. Тов. Егоров

*) Конец абзаца со слова «Неудивительно» исключен в издании 1908 года. *Ред.*

откровенно выразил также одну из характерных черт «Южного Рабочего» и тяготеющих к нему групп и кружков, именно — непонимание значения крестьянского движения, непонимание того, что не переоценка, а, наоборот, скорее недооценка этого значения (и недостаток сил для использования движения) составляла слабую сторону наших социал-демократов во время первых знаменитых крестьянских восстаний. «Я далек от увлечения редакции крестьянским движением, — сказал т. Егоров, — увлечения, после крестьянских волнений охватившего многих социал-демократов». Т. Егоров не потрудился только, к сожалению, познакомить съезд сколько-нибудь точно с тем, в чем же выразилось это увлечение *редакции*, не потрудился привести конкретных указаний на литературный материал, данный «Искрой». Он забыл, кроме того, что *все* основные пункты нашей аграрной программы были развиты «Искрой» еще в ее третьем номере*), т.-е. *задолго* до крестьянских волнений. Кто «признавал» «Искру» не на словах только, тому не грех было бы проявить немного больше внимания к ее теоретическим и тактическим принципам!

«Нет, в крестьянстве мы много сделать не можем!»—восклицает т. Егоров и объясняет далее это восклицание не в смысле протеста против того или другого отдельного «увлечения», а в смысле отрицания всей нашей позиции: «Это и значит, что наш лозунг не может конкурировать с авантюристским лозунгом». Прехарактерная формулировка беспринципного отношения к делу, сводящего все к «конкуренции» лозунгов разных партий! И это говорится после того, как оратор объявляет себя «удовлетворенным» теоретическими объяснениями, в которых указывалось, что мы стремимся к прочному успеху в агитации, не смущаясь временными неудачами, и что прочный успех (вопреки шумным крикам «конкурентов»... на минуту) невозможен без устойчивого теоретического базиса программы (с. 196). Какая путаница вскрывается этим уверением об «удовлетворенности» и немедленным повторением вульгарных положений, унаследованных от старого экономизма, для которого «конкуренция лозунгов» решала все вопросы не аграрной только, а всей программы и всей тактики экономической и политической борьбы. «Вы не заставите батрака — говорил т. Егоров — бороться рядом с богатым крестьянином за отрезки, которые уже в немалой части находятся в руках этого богатого крестьянина».

Опять то же упрощение, несомненно приходящееся сродни нашему оппортунистическому экономизму, который настаивал, что невозможно «заставить» пролетария бороться за то, что в немалой части находится в руках буржуазии и в еще большей части попадет в ее руки в будущем. Опять та же вульгаризация,

*) См. IV том Сочинений, стр. 100. *Ред.*

забывающая о русских особенностях общекапиталистического отношения между батраком и богатым крестьянином. Отрезки давят сейчас, давят на деле *и* батрака, которого нечего «заставлять» бороться за освобождение от кабалы. «Заставлять» приходится некоторых интеллигентов — заставлять пошире взглянуть на свои задачи, заставлять отказаться от шаблонов при обсуждении конкретных вопросов, заставлять считаться с исторической конъюнктурой, усложняющей и модифицирующей наши цели. Именно только предрассудок, что мужик глуп, — предрассудок, проскальзывавший, по справедливому замечанию т. Мартова (с. 202), в речах тов. Махова и других противников аграрной программы, — только предрассудок объясняет забвение этими противниками реальных условий быта нашего батрака.

Упростив вопрос до голого противоположения: рабочий и капиталист, представители нашего «центра» старались, как водится, свалить свою узость на мужика. «Именно потому, — говорил т. Махов, — что я считаю мужика в меру его узкой классовой точки зрения умным, я полагаю, что он будет стоять за мелкобуржуазный идеал захвата и раздела». Тут смешиваются явно две вещи: характеристика классовой точки зрения мужика, как мелкого буржуа, *и сужение* этой точки зрения, сведение *ее* к «узкой мере». Вот в этом-то сведении и заключается ошибка Егоровых и Маховых (точно так же, как в сведении к «узкой мере» точки зрения пролетария состояла ошибка Мартыновых и Акимовых). Между тем и логика, и история учат, что мелко-буржуазная классовая точка зрения может быть более или менее узкой, более или менее прогрессивной, именно ввиду двойственности положения мелкого буржуа. И наша задача никоим образом не может состоять в опускании рук по поводу узости («глупости») мужика или господства над ним «предрассудка», а, наоборот, в неустанном расширении его точки зрения, в содействии победе его рассудка над его предрассудком.

Вульгарно-«марксистская» точка зрения на русский аграрный вопрос нашла свое кульминационное выражение в заключительных словах принципиальной речи т. Махова, верного защитника старой редакции «Искры». Недаром встречены были эти слова аплодисментами... правда, пропическими. «Я не знаю, конечно, что называть бедой»,— говорит т. Махов, возмущенный указанием Плеханова, что движение в пользу черного передела нас нисколько не пугает, что не мы стали бы задерживать это прогрессивное (буржуазно-прогрессивное) движение. — «Но революция эта, если ее можно так назвать, будет не революционной. Я сказал бы правильнее, что это будет уже не революция, а реакция *(смех)*, революция вроде бунта... Подобная революция отбросит нас назад и потребует известное время для того, чтобы вновь придти к тому положению, которое мы теперь имеем.

А мы теперь имеем гораздо больше, чем во время французской революции *(иронические аплодисменты)*, мы имеем соц.-дем. партию *(смех)*»... Да, такая соц.-дем. партия, которая рассуждала бы по-Маховски, или имела центральные учреждения, опирающиеся на Маховых, действительно заслуживала бы только смеха... *).

Мы видим, таким образом, что и по чисто принципиальным вопросам, поднятым аграрной программой, сейчас же сказалась знакомая уже нам группировка. Анти-искровцы (8 голосов) идут в поход во имя вульгарного марксизма, за ними плетутся вожди «центра», Егоровы и Маховы, путаясь и сбиваясь постоянно на ту же узкую точку зрения. Совершенно естественно поэтому, что голосование некоторых пунктов аграрной программы дает цифры 30 и 35 голосов за (стр. 225 и 226), т.-е. как раз именно то приблизительное число, которое мы видели и при споре о месте обсуждения вопроса о Бунде, и на инциденте с О. К. и на вопросе о закрытии «Южного Рабочего». Стоит подняться вопросу, сколько-нибудь выходящему из рамок обычного и установленного уже шаблона, сколько-нибудь требующему самостоятельного приложения теории Маркса к своеобразным и новым (для немцев новым) социально-экономическим отношениям, — и тотчас же искровцев, умеющих стать на высоту задачи, оказывается лишь $^3/_5$ голосов, тотчас же весь «центр» поворачивает за Либерами и Мартыновыми. А тов. Мартов усиливается еще затушевать этот очевидный факт, боязливо обходя те голосования, где ясно обнаружились оттенки! **)

Из прений по аграрной программе ясно видна борьба искровцев против добрых двух пятых съезда. Кавказские делегаты занимали тут совершенно правильную позицию, — в значительной степени, вероятно, благодаря тому, что близкое знакомство с местными формами многочисленных остатков крепостничества предостерегало их от абстрактно-школьнических голых противоположений, удовлетворявших Маховых. Против Мартынова и Либера, Махова и Егорова ополчались и Плеханов, и Гусев (подтверждающий, что «такой неспиритический взгляд на нашу работу в деревне»... как взгляд тов. Егорова... ему «приходилось встречать нередко среди действовавших в России товарищей»), и Костров, и Карский, и Троцкий. Последний правильно указывает, что «благожелательные советы» критиков аграрной программы «слишком отдают *филистерством*». Надо заметить лишь к вопросу об изучении политических группировок на съезде, что в этом месте его речи (страница 208) едва ли правильно поставлен рядом с Егоровым и Маховым товарищ Ланге. Кто

*) Конец абзаца со слов: «Да, такая» исключен в издании 1908 года. *Ред.*
**) Конец абзаца со слов: «А тов. Мартов» исключен в издании 1908 года. *Ред.*

внимательно прочтет протоколы, тот увидит, что Ланге и Горин занимают совсем не ту позицию, какую занимают Егоров и Махов. Ланге и Горину не нравится формулировка пункта об отрезках, они понимают вполне идею нашей аграрной программы, пытаясь *иначе* провести ее в жизнь, работая положительно над тем, чтобы подыскать более безупречную, с их точки зрения, формулировку, внося проекты резолюций с тем, чтобы убедить авторов программы или встать на их сторону против всех не-искровцев. Достаточно сравнить, напр., предложения Махова об отклонении всей аграрной программы (стр. 212, за *девять*, против 38) и ее отдельных пунктов (стр. 216 и др.) с позицией Ланге, *вносящего* самостоятельную редакцию пункта об отрезках (стр. 225) [79]), чтобы убедиться в коренном различии между ними *) **).

Говоря дальше ***) о доводах, отдающих «филистерством», тов. Троцкий указал, что «в наступающий революционный период мы должны связать себя с крестьянством»... «Пред лицом этой задачи скептицизм и политическая «дальновидность» Махова и Егорова вреднее всякой близорукости». Тов. Костич, другой искровец меньшинства, очень метко указал на «неуверенность в себе, в своей принципиальной устойчивости» со стороны тов. Махова,— характеристика, попадающая не в бровь, а в глаз нашему «центру». «В пессимизме тов. Махов сошелся с тов. Егоровым, хотя между ними есть оттенки, — продолжал тов. Костич. — Он забывает, что уже в данное время социал-демократы работают в крестьянстве, уже руководят их движением в той мере, как это возможно. И этим своим пессимизмом они суживают размах нашей работы» (стр. 210).

Чтобы покончить с вопросом о программных прениях на съезде, стоит отметить еще краткие дебаты о поддержке оппозиционных течений. В нашей программе ясно сказано, что социал-демократическая партия поддерживает «всякое *оппозиционное* и революционное движение, *направленное против существующего в России общественного и политического порядка*». Казалось бы, эта последняя оговорка достаточно точно показывает, *какие именно* из оппозиционных течений мы поддерживаем. Тем не менее различие оттенков, давно уже сложившихся в нашей партии, сразу обнаружилось *и тут*, как ни трудно было предположить, что возможны еще «недоумения и недоразумения» по вопросу, до такой степени разжеванному! Дело было, очевидно, именно не в недоразумениях, а в *оттенках*. Махов, Либер и Мартынов сейчас же забили тревогу и опять-таки оказались в таком «компактном» меньшинстве, что тов. Мартову пришлось бы, по-

*) Ср. речь Горина, стр. 213.

**) Вторая половина абзаца, начиная со слов: «Надо заметить», исключена в издании 1908 года. *Ред.*

***) Слово «дальше» исключено в издании 1908 года. *Ред.*

жалуй, и здесь объяснять это интригой, подстраиванием, дипломатией и прочими милыми вещами (см. речь его на съезде Лиги), к которым прибегают люди, неспособные вдуматься в политические причины образования «компактных» групп и меньшинства и большинства *).

Махов начинает опять с вульгарного упрощения марксизма. «У нас единственный революционный класс — пролетариат, — заявляет он, и из этого справедливого положения делает сейчас же несправедливый вывод: — остальные так себе, с боку припека *(общий смех)*... Да, с боку припека и хотят только попользоваться. Я против того, чтобы их поддерживать» (с. 226). Бесподобная формулировка своей позиции тов. Маховым многих (из его сторонников) смутила, но по существу дела с ним сошлись и Либер и Мартынов, предлагая устранить слово «оппозиционное» или ограничить его добавлением «демократическое-оппозиционное». Против этой поправки Мартынова справедливо восстал Плеханов. «Мы должны критиковать либералов, — говорил он, — разоблачать их половинчатость. Это верно... Но, разоблачая узость и ограниченность всех других движений, кроме социал-демократического, мы обязаны разъяснять пролетариату, что, по сравнению с абсолютизмом, даже конституция, не дающая всеобщего избирательного права, есть шаг вперед и что поэтому он не должен предпочитать существующий порядок такой конституции». Товарищи Мартынов, Либер и Махов не соглашаются с этим и отстаивают свою позицию, на которую нападают Аксельрод, Старовер, Троцкий и еще раз Плеханов. Тов. Махов успел при этом еще раз побить самого себя. Сначала он сказал, что остальные классы (кроме пролетариата) «так себе» и он «против того, чтобы их поддерживать». Потом он смилостивился и признал, что, «будучи реакционной по существу, буржуазия часто бывает революционной, — когда, например, идет речь о борьбе с феодализмом и его остатками». «Но есть группы, — продолжал он, поправляясь еще раз из кулька в рогожку **), — которые всегда(?) реакционны, — таковы ремесленники». Вот до каких перлов в принципиальном отношении договаривались те самые лидеры нашего «центра», которые потом с пеной у рта защищали старую редакцию! Именно ремесленники даже в Западной Европе, где цеховое устройство было так сильно, проявляли, как и другие мелкие буржуа в городах, особенную революционность в эпоху падения абсолютизма. Именно русскому социал-демократу особенно нелепо повторять, не подумавши, то, что говорят западные товарищи про теперешних ремесленников в эпоху, отстоящую

*) Конец абзаца, начиная со слов: «и опять-таки», исключен в издании 1908 года. *Ред.*

**) Слова: «поправляясь... в рогожку» исключены в издании 1908 года. *Ред.*

на столетие и полустолетие от падения абсолютизма. В России реакционность ремесленников по сравнению с буржуазией в области политических вопросов является не более, как шаблонно-заученной фразой.

К сожалению, в протоколах не сохранилось никаких указаний на число голосов, которое собрали отвергнутые поправки Мартынова, Махова и Либера по данному вопросу. Мы можем сказать лишь, что лидеры анти-искровских элементов и один из лидеров «центра» *) сплотились и тут в знакомой уже нам группировке против искровцев. Подводя итог *всем* прениям о *программе*, нельзя не сделать того вывода, что не было *ни разу* сколько-нибудь оживленных, возбуждавших всеобщий интерес, дебатов, которые бы не обнаружили разницы оттенков, замалчиваемой ныне товарищем Мартовым и новой редакцией «Искры» **).

ж) УСТАВ ПАРТИИ. ПРОЕКТ Т. МАРТОВА ***).

От программы съезд перешел к уставу партии (мы минуем затронутый выше ****) вопрос о Ц. О. и делегатские доклады, которые, к сожалению, не могли быть представлены в удовлетворительном виде большинством делегатов). Нечего и говорить, что вопрос об уставе имел для всех нас громадное значение. В самом деле, ведь «Искра» выступила с самого начала не только в качестве литературного органа, но и в качестве *организационной* ячейки. В редакционной статье четвертого номера («С чего начать?») «Искра» выдвинула целый организационный план *****), и систематически, неуклонно проводила этот план в течение *трех лет*. Когда второй съезд партии признал «Искру» Центральным Органом, то в числе трех пунктов мотивировки соответствующей резолюции (стр. 147), два пункта были посвящены *именно этому*

*) Другой лидер той же группы, «центра» (слово «центра» вставлено в издании 1908 г. *Ред.*), тов. Егоров, высказался по вопросу о поддержке оппозиционных течений в другом месте, по поводу резолюции Аксельрода о социалистах-революционерах (стр. 359). Тов. Егоров усмотрел «противоречие» между требованием программы *поддерживать* всякое оппозиционное и революционное движение и *отрицательным* отношением и к социалистам-революционерам и к либералам. В иной форме и несколько с другой стороны подходя к вопросу, тов. Егоров обнаружил здесь то же узкое понимание марксизма и то же неустойчивое, полу-враждебное отношение к («признанной» им) позиции «Искры», как и товарищи Махов, Либер и Мартынов.

**) Этот абзац исключен в издании 1908 года. *Ред.*

***) Слова: «Проект т. Мартова» исключены в издании 1908 года. *Ред.*

****) Слова: «затронутый выше» исключены в издании 1908 года. *Ред.*

*****) В речи своей о признании «Искры» Центральным Органом тов. Попов, между прочим, говорил: «Я вспоминаю статью в 3 или 4 номере «Искры» — «С чего начать?». Многие из действующих в России товарищей нашли ее нетактичной; другим этот план казался фантастическим,

организационному плану и организационным идеям «Искры»: роль ее в деле руководства *практической* партийной работой и руководящая роль в объединительной работе. Совершенно естественно поэтому, что работа «Искры» и все дело партийной организации, все дело *фактического* восстановления партии *не могло* считаться оконченным без признания всей партией и формального закрепления определенных организационных идей. Выполнить эту задачу и должен был организационный устав партии.

Основные идеи, которые «Искра» стремилась положить в основу партийной организации, сводились в сущности к следующим двум. Первая, идея централизма, принципиально определяла способ решения всей массы частных и детальных организационных вопросов. Вторая — особая роль идейно руководящего органа, газеты, учитывала временные и особые нужды именно русского социал-демократического рабочего движения в обстановке политического рабства, при условии создания *первоначальной* операционной базы революционного натиска за границей. Первая идея, как единственно принципиальная, должна была пронизать собой весь устав; вторая, как частная, порождаемая временными обстоятельствами места и образа действия, выражалась в *кажущемся* отступлении от централизма, в создании *двух центров, Ц. О. и Ц. К.* Обе эти основные идеи искровской организации партии были развиты мной и в редакционной статье «Искры» (№ 4) «С чего начать?»*) и в «Что делать?»**) и, наконец, подробно разъяснены в виде почти что устава в «Письме к товарищу» ***). Оставалась только, в сущности, редакционная работа для того, чтобы сформулировать параграфы устава, который должен был воплотить в жизнь именно эти идеи, если признание «Искры» не оставалось на бумаге, не было только условной фразой ****). В предисловии к перепечатанному мной «Письму к товарищу» я уже указывал, что достаточно простого сличения устава партии с этой брошюрой для установления полного тожества организационных идей там и здесь *****).

По поводу редакционной работы формулировки искровских организационных идей в уставе мне приходится коснуться одного инцидента, поднятого тов. Мартовым. «...Фактическая справка вам покажет — говорил Мартов на съезде Лиги (стр. 58),—

и большинство (? вероятно, большинство окружавших тов. Попова лиц) объясняло его только честолюбием» (стр. 140). Как видит читатель, мне уже не привыкать стать к этому объяснению моих политических взглядов честолюбием, объяснению, подогретому теперь тов. Аксельродом и тов. Мартовым. (Это примечание исключено в издании 1908 года. *Ред.*)

*) См. IV том Сочинений, стр. 107. *Ред.*

**) См. IV том Сочинений, стр. 359. *Ред.*

***) См. V том Сочинений, стр. 199. *Ред.*

****) Дальнейшая часть § ж в издании 1908 года исключена. *Ред.*

*****) См. настоящий том, стр. 137 — 138. *Ред.*

насколько неожиданным было для Ленина мое впадение в оппортунизм по этому (т.-е. первому) параграфу. За $1^1/_2$ — 2 месяца до съезда я показал Ленину мой проект, где § 1 был изложен как раз так, как это было мной предложено на съезде. Ленин высказался против моего проекта, как слишком детального, и сказал мне, что ему нравится только идея § 1 — определение членства, которую он воспримет в свой устав с видоизменениями, ибо находит мою формулировку неудачной. Таким образом Ленин был знаком с моей формулировкой уже давно, он знал мои взгляды по этому вопросу. Вы видите, таким образом, что я поехал на съезд с открытым забралом, не скрывая своих взглядов. Я предупредил, что буду бороться с взаимной кооптацией, с принципами единогласия при кооптации в Центральный Комитет и Центральный Орган и так далее».

Насчет предупреждения о борьбе с взаимной кооптацией мы в своем месте увидим, как было дело. Теперь остановимся на этом «открытом забрале» Мартовского устава. Передавая в Лиге по памяти эпизод со своим неудачным проектом (который Мартов на съезде сам взял назад, как неудачный, а после съезда, со свойственной ему последовательностью, опять извлек на свет божий), — Мартов, как водится, многое перезабыл и поэтому опять напутал. Казалось бы, довольно уже было фактов, предостерегающих от ссылок на частные разговоры и на свою память (невольно вспоминают люди только то, что им выгодно!), — и все же тов. Мартов, за неимением другого материала, пользуется недоброкачественным. Теперь даже и тов. Плеханов начинает подражать ему — должно быть, дурной пример заразителен.

«Идея» первого параграфа в проекте Мартова не могла мне «нравиться», ибо *никакой идеи*, выплывшей на съезде, в его проекте и не было. Память ему изменила. Мне посчастливилось найти в бумагах проект Мартова, где *«первый параграф изложен как раз не так, как это было им предложено на съезде»!* Вот вам и «открытое забрало»!

§ 1 в проекте Мартова: «Принадлежащим к Российской Соц.-Дем. Раб. Партии считается всякий, кто, признавая ее программу, активно работает для проведения в жизнь ее задач под контролем и руководством органов (sic!) партии».

§ 1 в моем проекте: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций».

§ 1 в формулировке, предложенной Мартовым на съезде и принятой съездом: «Членом Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии считается всякий, признающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций».

Из этого сопоставления ясно видно, что в проекте Мартова именно нет никакой *идеи*, а есть только *пустая фраза*. Что члены партии работают под контролем и руководством *органов* партии, это ясно само собой, *это не может быть иначе*, об этом говорят только люди, любящие говорить, чтобы ничего не сказать, любящие наполнять «уставы» бездной словесной воды и бюрократических (т.-е. ненужных для дела и якобы нужных для парада) формул. *Идея* первого параграфа появляется лишь с постановкой вопроса: могут ли *органы партии* осуществлять *на деле* свое руководство над членами партии, *не входящими* ни в одну из *партийных организаций*. Этой идеи даже и следа нет в проекте тов. Мартова. Следовательно, *я не мог быть знаком* со «взглядами» тов. Мартова «по этому вопросу», ибо *никаких взглядов* по *этому вопросу* в проекте тов. Мартова *не имеется*. Фактическая справка тов. Мартова оказывается *путаницей*.

Наоборот, именно про тов. Мартова приходится сказать, что он из моего проекта «знал мои взгляды по этому вопросу» и не опротестовал, не опровергал их ни в редакционной коллегии, хотя мой проект был показан всем недели за 2 — 3 до съезда, ни перед делегатами, знакомившимися *только* с моим проектом. Мало того. Даже *на съезде*, когда я внес свой проект устава *) и защищал его *до выбора уставной комиссии*,— то тов. Мартов заявил прямо: «присоединяюсь к выводам тов. Ленина. *Только в двух вопросах я расхожусь с последним*» (курсив мой) — в вопросе о способе составления Совета и об единогласной кооптации (стр. 157). О *несогласии* по § 1 тут еще *не говорится ни слова*.

В своей брошюре об осадном положении тов. Мартов нашел нужным еще раз и с особенной подробностью вспомнить о своем уставе. Он уверяет там, что его устав, под которым он и теперь бы (февраль 1904 г. — неизвестно, что будет месяца через три) готов подписаться, за исключением некоторых второстепенных частностей, «достаточно ясно выражал его отрицательное отношение к гипертрофии централизма» (стр. IV). Невнесение этого проекта на съезд тов. Мартов объясняет *теперь*, во-1-х, тем, что

*) Кстати. Протокольная комиссия напечатала в приложении XI проект устава, «*внесенный на съезд Лениным*» (стр. 393). Протокольная комиссия тут тоже немножко напутала. Она смешала мой *первоначальный* проект, показанный всем делегатам (и очень многим до съезда), *с внесенным на съезд* проектом (см. настоящий том, стр. 12. *Ред.*) и *напечатала первый* под видом второго. Я ничего не имею, конечно, против опубликования своих проектов, *хотя бы и во всех стадиях их подготовки*, но путаницу вносить все же не следует. А путаница получилась, ибо Попов и Мартов (стр. 154 и 157) критикуют такие формулировки моего внесенного действительно на съезд проекта, *каких нет в проекте*, напечатанном протокольной комиссией (ср. стр. 394, §§ 7 и 11). При более внимательном отношении к делу легко было заметить ошибку из простого сличения указанных мною страниц.

«искровское воспитание внушило ему пренебрежительное отношение к уставам» (когда это правится тов. Мартову, тогда слово искровский означает уже для него не узкую кружковщину, а самое выдержанное направление! Жаль только, что искровское воспитание за три года не внушило тов. Мартову пренебрежительное отношение к анархической фразе, которою интеллигентская неустойчивость способна оправдывать нарушение сообща принятого устава). Во-2-х, видите ли, он, тов. Мартов, избегал «внесения какого бы то ни было диссонанса в тактику того основного организационного ядра, каким была «Искра». Это замечательно как связно выходит! В *принципиальном* вопросе об оппортунистической формулировке § 1 или о гипертрофии централизма тов. Мартов так боялся диссонанса (страшного только с самой узкой кружковой точки зрения), что не вынес своих разногласий даже и перед таким ядром, как редакция! По *практическому* вопросу о составе центров тов. Мартов от вотума большинства членов организации «Искры» (этого настоящего *основного организационного ядра)* апеллировал к помощи Бунда и рабочедельцев. «Диссонанса» в своих фразах, подсовывающих кружковщину в защиту quasi-редакции для отрицания «кружковщины» в оценке вопроса тем, кто наиболее компетентны, диссонанса этого тов. Мартов не замечает. В наказание ему мы приведем *полностью* его проект устава, отмечая с своей стороны, какие *взгляды* и какую *гипертрофию* он обнаруживает *):

«Проект устава партии. — I. Принадлежность к партии. — 1) Принадлежащим к Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии считается всякий, кто, признавая ее программу, активно работает для проведения в жизнь ее задач под контролем и руководством органов партии.— 2) Исключение члена из партии за поступки, несовместимые с интересами партии, постановляется Центральным Комитетом. [Мотивированный приговор об исключении сохраняется в архиве партии и сообщается, по требованию, каждому комитету партии. Решение Ц.К. об исключении подлежит апелляции съезда в случае требования двух или более комитетов]»... Скобками я буду обозначать *явно* бессодержательные положения Мартовского проекта, не содержащие в себе не только никакой «идеи», но и никакого определенного условия или требования,—вроде бесподобного указания в «уставе», *где именно* надо сохранять приговор, или ссылки на то, что решения Ц. К. об исключении (а не все вообще и всякие его решения?, подлежат апелляции съезда. Это именно гипертрофия фразы, или настоящий бюро-

*) Замечу, что я не мог найти, к сожалению, первого варианта Мартовского проекта, который состоял что-то из 48 параграфов, страдая еще более «гипертрофией» никчемного формализма.

кратический формализм в смысле сочинения лишних, заведомо бесполезных или волокитных, пунктов и параграфов. «...II. Местные комитеты.— 3) Представителями партии в ее местной работе являются комитеты партии...» (и ново и умно!) «...4) [Комитетами партии признается наличный в момент второго съезда состав представленных на съезде комитетов].— 5) Новые, сверх обозначенных в § 4, комитеты партии назначаются Центральным Комитетом [, который либо признает комитетом наличный состав данной местной организации, либо составляет местный комитет путем реформы последней].— 6) Комитеты пополняют свой состав путем кооптации.— 7) Ц. К. имеет право дополнить состав местного комитета таким количеством (известных ему) товарищей, чтобы оно составляло не более $^1/_3$ всего данного состава...» Образчик канцелярщины: почему не более $^1/_3$? к чему это? какой смысл в этом ограничении, ничего не ограничивающем, ибо *дополнение* может быть повторено много раз? «...8) [В случае, если местный комитет распался или разбит» (т.-е. не весь взят?) «преследованиями, Ц. К. восстановляет его»]... (уже не считаясь с § 7? А не находит ли тов. Мартов сходства между § 8 и теми российскими законами о благочинии, которые повелевают в будни работать, а в праздники отдыхать?) «...9) [Очередной съезд партии может поручить Ц. К. реформировать состав какого-либо местного комитета, если деятельность последнего признана несовместимой с интересами партии. В последнем случае комитет в данном составе признается распущенным и товарищи в месте его действий свободными от подчинения *) ему.]...» Правило, содержащееся в сем §, столь же высокополезно, как и имеющаяся до сих пор в русских законах статья, которая гласит: всем и каждому воспрещается пьянство. «...10) [Местные комитеты партии руководят всей местной пропагандистской, агитационной и организационной деятельностью партии и содействуют по мере сил Ц. К. и Ц. О. партии в выполнении лежащих на них общепартийных задач.]...» Уф! К чему это, ради всего святого?.. «...11) [Внутренние порядки местной организации, взаимные отношения между комитетом и подчиненными» (слышите, слышите, тов. Аксельрод?) «ему группами и пределы компетенции и автономии» (а разве пределы компетенции не одно и то же, что пределы автономии?) «этих групп устанавливаются самим комитетом и сообщаются к сведению Ц. К. и редакции Ц. О.]...» (Пробел: не сказано, где сохраняются эти сообщения). «...12) [Все подчиненные комитетам группы и отдельные члены партии имеют право требовать, чтобы их мнение или пожелание по любому

*) Обращаем внимание тов. Аксельрода на это словечко. Ведь это ужас что такое! Вот где корни-то «якобинства», доходящего даже... даже до изменения остава редакции...

вопросу было сообщено Ц. К. партии и ее центральным органам.]— 13) Местный комитет партии из своих доходов обязан отчислять в кассу Ц. К. долю, приходящуюся на него по раскладке, производимой Ц. К.— III. Организации для целей агитации на иных (кроме русского) языках.— 14) [Для целей агитации на одном из не русских языков и организации рабочих, среди которых такая агитация ведется, могут образовываться отдельные организации в тех пунктах, где представляется необходимость в специализировании такой агитации и выделении подобной организации].— 15) Решение вопроса о том, насколько такая потребность существует, предоставляется Ц. К. партии, а в спорных случаях — съезду партии...» Первая часть параграфа излишня, если принять во внимание дальнейшие постановления устава, а вторая часть насчет спорных случаев просто смехотворна... «16) [Местные организации, обозначенные в § 14, в своих специальных делах автономны, но действуют под контролем местного комитета и подчинены ему, при чем формы этого контроля и норма организационных отношений между данным комитетом и данной специальной организацией устанавливаются местным комитетом...» (ну, и слава богу! вот и видно теперь, что не к чему было и городить весь этот огород пустых слов). «...По отношению к общим делам партии такие организации действуют, как часть комитетской организации.]— 17) [Местные организации, обозначенные в § 14, могут образовывать автономный союз для успешного достижения своих специальных задач. Таковой союз может иметь свои специальные литературные и административные органы; при чем те и другие состоят под непосредственным контролем Ц. К. партии. Устав такого союза вырабатывается им самим, но утверждается Ц. К. партии.]— 18) [В состав обозначенного в § 17 автономного союза могут входить и местные комитеты партии, если они по местным условиям посвящают себя преимущественно агитации на данном языке. *Примечание.* Являясь частью автономного союза, такой комитет не перестает быть комитетом партии]...» (весь параграф чрезвычайно полезен и отменно умен, а примечание еще того больше)... «...19) [Местные организации, входящие в состав автономного союза, в своих сношениях с его центральными органами находятся под контролем местных комитетов.]— 20) [Центральные литературные и административные органы автономных союзов состоят к Ц. К. партии в тех же отношениях, как и местные комитеты партии.]— IV. Центральный Комитет и литературные органы партии.— 21) [Представителями партии в целом являются ее Ц. К. и литературные органы — политический и научный.]— 22) На Ц. К. лежит общее руководство всей практической деятельностью партии; забота о правильном использовании и распределении всех ее сил; контроль над деятельностью всех частей партии;

снабжение местных организаций литературой; постановка технического аппарата партии; созыв партийных съездов.— 23) На литературных органах партии лежит идейное руководство партийной жизнью; пропаганда партийной программы и научная и публицистическая разработка мировоззрения социал-демократии.— 24) Все местные комитеты партии и автономные союзы состоят в непосредственных сношениях, как с Ц. К. партии, так и с редакцией партийных органов, и периодически осведомляют их о ходе движения и организационной работы на местах.— 25) Редакция литературных органов партии назначается съездом партии и функционирует до следующего съезда.— 26) [Редакция автономна в своих внутренних делах] и может, в промежуток между двумя съездами, пополнять и изменять свой состав, о чем каждый раз сообщается Ц. К.— 27) Все заявления, исходящие от Ц. К. или получившие его санкцию, печатаются, по требованию Ц. К., в партийном органе.— 28) Ц. К., по соглашению с редакцией партийных органов, образует специальные литературные группы для тех или иных видов литературной работы.— 29) Ц. К. назначается на съезде партии и функционирует до следующего съезда. Ц. К. пополняет свой состав путем кооптации в неограниченном количестве, о чем он каждый раз доводит до сведения редакции центральных органов партии.— V. Заграничная организация партии.— 30) Заграничная организация партии заведует пропагандой среди проживающих за границей русских и организацией социалистических элементов среди них. Во главе ее стоит выборная администрация.— 31) Автономные союзы, входящие в состав партии, могут иметь свои отделения за границей для содействия специальным задачам этих союзов. Эти отделения входят, как автономные группы, в состав общей заграничной организации.— VI. Съезды партии.— 32) Высшей партийной инстанцией является ее съезд.— 33) [Съезд партии устанавливает ее программу, устав и руководящие принципы ее деятельности; контролирует работу всех партийных органов и разбирает конфликты между ними.] — 34) Представительство на съезде принадлежит: а) всем местным комитетам партии; б) центральным административным органам всех автономных союзов, входящих в состав партии; в) Ц. К. партии и редакции ее центральных органов; г) заграничной организации партии.— 35) Передача мандатов допускается, но с тем, чтобы один делегат не представлял более, чем три действительных мандата. Допускается раздел мандата между двумя представителями. Императивные мандаты не допускаются.— 36) Ц. К. предоставляется приглашать на съезд с совещательным голосом товарищей, присутствие коих может быть полезно.— 37) В вопросах об изменении программы или устава партии требуется большинство $^2/_3$ наличных голосов; прочие вопросы решаются простым большинством.— 38) Съезд считается

*

действительным, если на нем представлено более половины всех налличных в момент съезда комитетов партии.— 39) Съезд созывается — по мере возможности — раз в два года. [В случае независящих от воли Ц. К. помех к созыву съезда в этот срок, он за своей ответственностью откладывает его».]

Читатель, у которого хватило, в виде исключения, терпения дочитать до конца этот так называемый устав, наверное не потребует от нас особого рассмотрения нижеследующих выводов. Первый вывод: устав страдает трудно излечимой водянкой. Второй вывод: особого оттенка организационных взглядов в смысле отрицательного отношения к гипертрофии централизма открыть в сем уставе не представляется возможности. Третий вывод: тов. Мартов поступил в высокой степени благоразумно, когда скрыл от глаз света (и от обсуждения на съезде) свыше $^{38}/_{39}$ своего устава. Несколько оригинально лишь то, что по поводу этого скрытия говорится об открытом забрале.

з) ПРЕНИЯ О ЦЕНТРАЛИЗМЕ ДО РАСКОЛА ВНУТРИ ИСКРОВЦЕВ.

Прежде чем переходить к действительно интересному и несомненно вскрывающему различные оттенки взглядов вопросу о формулировке § 1 устава, остановимся еще немного на тех кратких общих прениях об уставе, которые заняли 14 заседание съезда и часть 15. Прения эти представляют известное значение потому, что они *предшествовали* полному расхождению организации «Искры» по вопросу о составе центров. Наоборот, позднейшие прения об уставе вообще, и кооптации в особенности, имели место *после* нашего расхождения в организации «Искры». Естественно, что *до* расхождения мы способны были высказывать свои взгляды более беспристрастно в смысле большей независимости соображений от взволновавшего всех вопроса о личном составе Ц. К. *) Тов. Мартов, как я уже отмечал **), *присоединился* (стр. 157) к моим организационным взглядам, оговорив только два несогласия по *частностям*. Напротив, и анти-искровцы, и «центр» сейчас же подняли поход против обеих *основных* идей всего организационного плана «Искры» (и, следовательно, всего устава): и против централизма, и против «двух центров». Тов. Либер назвал мой устав «организованным недоверием», усмотрел *децентрализм* в двух центрах (как и тов. Попов и Егоров).

*) Часть абзаца со слов: «Прения эти» до слов: «Тов. Мартов» исключена в издании 1908 года. *Ред.*

**) Слова: «как я уже отмечал» исключены в издании 1908 года. *Ред.*

Тов. Акимов выразил желание определить сферу компетенции местных комитетов шире, в частности предоставить им самим «право изменения своего состава». «Необходимо предоставить им бо́льшую свободу деятельности... Местные комитеты должны быть избираемы активными работниками данной местности, как избирается Ц.К. представителями всех активных организаций в России. Если же нельзя допустить и этого, то пусть будет ограничено число членов, назначаемых Ц.К. в местные комитеты...» (158). Тов. Акимов подсказывает, как видите, довод против «гипертрофии централизма», но тов. Мартов остается глух к этим авторитетным указаниям, пока еще поражение по вопросу о составе центров не побуждает его идти за Акимовым. Он остается глух даже тогда, когда тов. Акимов подсказывает ему *«идею» его же устава* (§ 7—ограничение прав Ц.К. вводить членов в комитеты)! Тогда еще т. Мартов не хотел «диссонанса» с нами и потому терпел диссонанс и с т. Акимовым, и с самим собой...*) Тогда еще против «чудовищного централизма» ратовали только те, кому явно был *невыгоден* централизм «Искры»: ратовали Акимов, Либер, Гольдблат, за ними *шли* осторожно, осмотрительно (так, чтобы всегда назад повернуть можно было) Егоров (см. стр. 156 и 272) и т. д. Тогда еще для громадного большинства партии было ясно, что именно приходские, кружковые интересы «Бунда», «Южного Рабочего» и т. д. вызывают протест против централизма. Впрочем, и теперь ведь для большинства партии ясно, что именно кружковые интересы старой редакции «Искры» вызывают ее протест против централизма...**)

Возьмите, например, речь т. Гольдблата (160 — 1). Он ропщет против моего «чудовищного» централизма, якобы ведущего к «уничтожению» низших организаций, «проникнутого насквозь стремлением предоставить центру неограниченную власть, право неограниченного вмешательства во все», предоставляющего организациям «одно лишь право — повиноваться безропотно тому, что будет приказано свыше» и т. д. «Создаваемый проектом центр очутится в пустом пространстве, вокруг него не будет никакой периферии, а лишь некая аморфная масса, в которой будут двигаться его исполнительные агенты». Ведь это точь-в-точь такое же *фальшивое фразерство,* которым после своего поражения на съезде стали угощать нас Мартовы и Аксельроды***). Смеялись над «Бундом», который, воюя против *нашего* централизма, сам *у себя* предоставляет центру *еще определеннее* очерченные неограниченные права (хотя бы, например, ввода и

*) Часть абзаца со слов: «Он остается» до слов: «Тогда еще» исключена в издании 1908 года. *Ред.*

**) Конец абзаца, начиная со слова «Впрочем», исключен в издании 1908 года. *Ред.*

***) Эта фраза исключена в издании 1908 года. *Ред.*

исключения членов, даже недопущения делегатов на съезды). Смеяться будут, разобрав дело, и над воплями *меньшинства*, которое кричит против централизма и против устава, когда оно в меньшинстве, и сейчас же опирается на устав, когда оно пробралось в большинство*).

По вопросу о двух центрах группировка тоже сказалась ясно: против *всех* искровцев стоят и Либер, и Акимов (первый затянувший любимую теперь аксельродовски-мартовскую песню о превалировании в Совете Ц. О. над Ц. К.)**), и Попов и Егоров. Из тех организационных идей, которые всегда развивала *старая* «Искра» (и которые были одобрены *на словах* тов. Поповыми и Егоровыми!), план двух центров вытекал сам собою. С планами «Южного Рабочего», с планами создания параллельного популярного органа и превращения его в фактически преобладающий орган, шла вразрез политика *старой* «Искры». Вот где лежит корень того странного на первый взгляд противоречия, что за один центр, т.-е. *за больший якобы централизм*, стоят все антиискровцы и все болото. Конечно, были (особенно среди болота) и такие делегаты, которые едва ли понимали ясно, к чему приведут и должны, в силу хода вещей, привести организационные планы «Южного Рабочего», но их толкала на сторону анти-искровцев самая уже их нерешительная и неуверенная в себе натура.

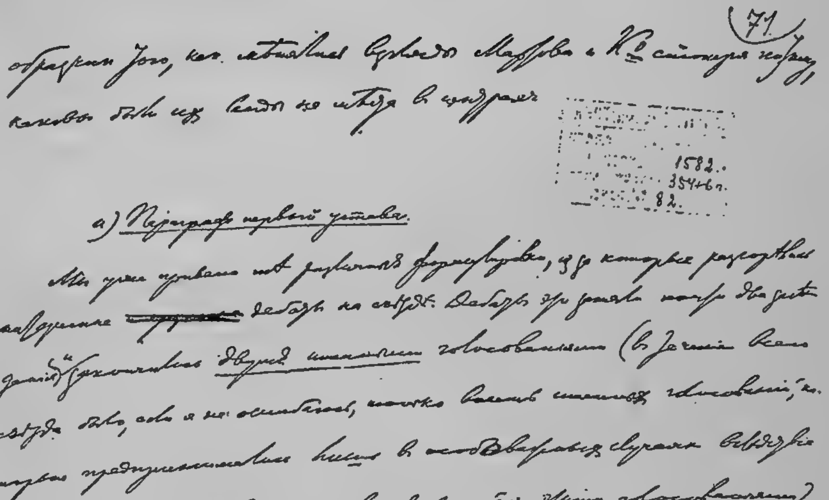
Из речей искровцев во время *этих* (предшествовавших расколу искровцев) дебатов об уставе особенно замечательны речи т.т. Мартова («присоединение» к моим организационным идеям) и Троцкого. Последний ответил т.т. Акимову и Либеру так, что этот ответ каждым словом изобличает всю фальшь послесъездовского поведения и послесъездовских теорий «меньшинства» ***). «Устав, говорил он (т. Акимов), определяет сферу компетенции Ц. К. недостаточно точно. Я не могу согласиться с ним. Наоборот, это определение точно и означает: поскольку партия есть целое, необходимо обеспечить ее контролем над местными комитетами. Т. Либер говорил, что устав есть, употребляя мое выражение, «организованное недоверие». Это верно. Но это выражение было употреблено мной по отношению к предложенному представителями «Бунда» уставу, который представлял «организованное недоверие» со стороны части партии ко всей партии. Наш же устав» (тогда этот устав был «наш», до поражения по вопросу о составе центров!) ****) «представляет организованное недоверие со стороны партии ко всем ее частям, т.-е. контроль над всеми местными,

*) Конец абзаца, начиная со слов: «Смеяться будут», исключен в издании 1908 года. *Ред.*

**) Слова, заключенные в скобки, исключены в издании 1908 года. *Ред.*

***) Конец фразы со слов: «что этот ответ» исключен в издании 1908 года. *Ред.*

****) Слова в скобках исключены в издании 1908 года. *Ред.*



образчик того, как [illegible] Мартова и К° [illegible]
[illegible]

а) Параграф первый устава.

Мы уже привели те различные формулировки, из-за которых разгорелись интересные ~~[illegible]~~ дебаты на съезде. Дебаты эти заняли почти два заседания и закончились двумя поименными голосованиями (во время всего съезда было, если я не ошибаюсь, только восемь поименных голосований, к которым прибегали лишь в особенно важных случаях вследствие громадной траты времени, вызываемой этими голосованиями). Вопрос затронут был, несомненно, принципиальный. Интерес съезда к дебатам был громадный. В голосовании участвовали все делегаты — явление редкое на нашем съезде (как и на всяком большом съезде) и свидетельствующее равным образом о заинтересованности спорщиков.

В чем же, спрашивается, заключалась суть спорного вопроса? Я сказал уже на съезде (с. 250) и повторял потом не раз, что „вовсе не считаю нашего расхождения (по § 1) таким существенным, чтобы от него зависела жизнь или смерть партии. От плохого пункта устава мы еще далеко не погибнем!“ (250 с.). Само по себе, это расхождение, хотя оно и вскрывает принципиальные оттенки, никоим обра-

71-я страница рукописи В. И. Ленина: «Шаг вперед, два шага назад.» — 1904 г.

Уменьшено

районными, национальными и другими организациями» (158). Да, *наш* устав охарактеризован *здесь* правильно, и мы почаще советовали бы вспоминать эту характеристику людям, которые теперь со спокойной совестью уверяют, что это злокозненное большинство придумало и ввело систему «организованного недоверия» или, что то же, «осадного положения». Достаточно сличить приведенную речь с речами на съезде Заграничной Лиги, чтобы получить образчик политической бесхарактерности, образчик того, как менялись взгляды Мартова и К°, смотря по тому, шла ли речь об их собственной или о чужой коллегии низшего порядка *).

и) ПАРАГРАФ ПЕРВЫЙ УСТАВА.

Мы уже привели **) те различные формулировки, из-за которых разгорелись интересные дебаты на съезде ***). Дебаты эти заняли почти два заседания и закончились *двумя именными* голосованиями (в течение всего съезда было, если я не ошибаюсь, только восемь именных голосований, которые предпринимались лишь в особо важных случаях вследствие громадной потери времени, вызывавшейся этими голосованиями). Вопрос затронут был, несомненно, принципиальный. Интерес съезда к дебатам был громадный. В голосовании участвовали *все* делегаты — явление редкое на нашем съезде (как и на всяком большом съезде) и свидетельствующее равным образом о заинтересованности споривших.

В чем же, спрашивается, заключалась суть спорного вопроса? Я сказал уже на съезде и повторял потом не раз, что «вовсе не считаю наше разногласие (по § 1) таким существенным, чтобы от него зависела жизнь или смерть партии. От плохого пункта устава мы далеко еще не погибнем»! (250) ****). Само по себе это разногласие, хотя оно и вскрывает принципиальные оттенки, никоим образом не могло вызвать такого расхождения (фактически, если говорить без условностей, того раскола), которое создалось после съезда. Но всякое *маленькое* разногласие может сделаться *большим*, если на нем настаивать, если выдвинуть его на первый план, если *приняться* за разыскание всех корней и всех ветвей этого разногласия. Всякое *маленькое* разногласие

*) Конец абзаца, начиная со слов: «Да, *наш* устав», исключен в издании 1908 года. *Ред.*

**) В издании 1908 года: «Приводим в примечании». *Ред.*

***) § 1 в моем проекте: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций».

§ 1 в формулировке, предложенной Мартовым на съезде и принятой съездом: «Членом Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии считается всякий, признающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций». (Примечание автора к изданию 1908 года. *Ред.*)

****) См. настоящий том, стр. 31. *Ред.*

может получить *огромное* значение, если оно послужит исходным пунктом *поворота* к известным ошибочным воззрениям и если эти ошибочные воззрения соединятся, в силу новых и добавочных расхождений, с *анархическими* действиями, доводящими партию до раскола.

Именно так обстояло дело и в данном случае *). Небольшое сравнительно разногласие по § 1 получило теперь громадное значение, ибо именно оно послужило поворотным пунктом к оппортунистическому глубокомыслию и к анархическому фразерству меньшинства (на съезде Лиги в особенности, а потом и на страницах новой «Искры»). Именно оно *положило начало* той коалиции искровского меньшинства с анти-искровцами и с болотом, которая окончательно отлилась в определенные формы ко времени выборов и без понимания которой *нельзя понять* и главного, коренного расхождения в вопросе о составе центров. Маленькая ошибка Мартова и Аксельрода по § первому представляла из себя маленькую щель в нашей посудине (как я выразился на съезде Лиги). Можно было связать посудину покрепче, мертвым *узлом* (а не мертвой петлей, как послышалось Мартову, находившемуся во время съезда Лиги в состоянии, близком к истерике). Можно было направить *все* усилия на то, чтобы сделать щель большой, чтобы расколоть посудину. Вышло, благодаря бойкоту и тому подобным анархическим мерам усердных мартовцев, именно последнее. Разногласие по параграфу первому сыграло немалую роль в вопросе о выборе центров, а поражение Мартова по этому вопросу привело его к «принципиальной борьбе» путем грубо-механических и даже скандальных (речи на съезде Заграничной Лиги Русск. Рев. Соц.-Дем.) средств.

Теперь, после всех этих происшествий, вопрос о § первом получил, таким образом, *огромное значение*, и мы должны дать себе точный отчет и в характере группировок на съезде при голосовании этого § и,—что еще несравненно важнее,—в действительном характере тех *оттенков в воззрениях*, которые наметились или начали намечаться по § первому. *Теперь*, после известных читателям происшествий **), вопрос *поставлен* уже таким образом: отразилась ли на формулировке Мартова, защищавшейся Аксельродом, его (или их) неустойчивость, шаткость и политическая расплывчатость, как выражался я на съезде партии (333), его (или их) уклонение в жоресизм и анархизм, как полагал Плеханов на съезде Лиги (102 и др. прот. Лиги)? Или на формулировке моей, защищавшейся Плехановым, отразилось неправильное, бюрократическое, формалистическое, помпадурское, не социал-

*) Этот абзац со слова: «Небольшое» и начало следующего абзаца до слова: «*Теперь*» исключены в издании 1908 года. *Ред.*

**) Слова: «после известных читателям происшествий» исключены в издании 1908 года. *Ред.*

демократическое понимание централизма? *Оппортунизм и анархизм или бюрократизм и формализм?* — так *поставлен* вопрос *теперь*, когда маленькое расхождение сделалось большим. И мы должны *иметь в виду* именно *эту*,—событиями навязанную нам всем,— исторически данную, сказал бы я, если б это не звучало слишком громко — *), постановку вопроса при обсуждении *по существу* доводов за и против моей формулировки.

Начнем разбор этих доводов с анализа съездовских прений. Первая речь, тов. Егорова, интересна только тем, что его отношение (non liquet, мне еще не ясно, я еще не знаю, где правда) очень характерно для отношения многих делегатов, которым не легко было разобраться в действительно новом, довольно сложном и детальном вопросе. Следующая речь, тов. Аксельрода, ставит уже сразу вопрос принципиально. Это—первая принципиальная, вернее даже сказать, вообще первая речь тов. Аксельрода на съезде, и трудно признать его дебют с пресловутым «профессором» особенно удачным. «Я думаю, что нам нужно,— говорил тов. Аксельрод,—разграничить понятия—партия и организация. А здесь эти два понятия смешиваются. Это смешение опасно». Таков первый довод против моей формулировки. Присмотритесь к нему поближе. Если я говорю, что партия должна быть *суммой* (и не простой арифметической суммой, а комплексом) *организаций* **), то значит ли это, что я «смешиваю» понятия партия и организация? Конечно, нет. Я выражаю этим совершенно ясно и точно свое пожелание, свое требование, чтобы партия, как передовой отряд класса, представляла собою нечто возможно более *организованное*, чтобы партия воспринимала в себя лишь такие элементы, которые *допускают хоть минимум организованности*. Наоборот, мой оппонент *смешивает* в партии организованные элементы с неорганизованными, поддающиеся руководству и неподдающиеся, передовые и неисправимо-отсталые,

*) Слова: «исторически... громко» исключены в издании 1908 года. *Ред.*

**) Слово «организация» употребляется обыкновенно в двух смыслах, широком и узком. В узком смысле оно означает отдельную ячейку человеческого коллектива, хотя бы в минимальной степени оформленного. В широком смысле оно означает сумму таких ячеек, сплоченных в одно целое. Например, флот, армия, государство представляют из себя в одно и то же время сумму организаций (в узком смысле слова) и разновидность общественной организации (в широком смысле слова). Учебное ведомство есть организация (в широком смысле слова), учебное ведомство состоит из ряда организаций (в узком смысле слова). Точно так же и партия есть организация, *должна быть* организацией (в широком смысле слова); в то же время партия должна состоять из целого ряда разнообразных организаций (в узком смысле слова). Поэтому тов. Аксельрод, говорящий о разграничении понятий—партия и организация, во-первых, не принял во внимание этой разницы в широком и узком значении слова организация, а во-вторых, не заметил того, что он сам *смешал* организованные и неорганизованные элементы в одну кучу.

ибо исправимо-отсталые могут войти в организацию. Вот *это смешение* действительно *опасно*. Тов. Аксельрод ссылается дальше на «строго конспиративные и централистические организации прошлого» («Земли и Воли» и «Народной Воли»): вокруг них де «группировался целый ряд лиц, не входивших в организацию, но так или иначе помогавших ей и считавшихся членами партии... Этот принцип должен быть еще более строго проведен в социал-демократической организации». Вот именно тут мы и подошли к одному из *гвоздей* вопроса: действительно ли «этот принцип» есть социал-демократический, — принцип, разрешающий называть себя членами партии тем, кто ни в одну из организаций партии не входит, а только «так или иначе помогает ей»? И Плеханов дал единственно возможный ответ на этот вопрос: «Аксельрод был неправ в своей ссылке на 70-ые г.г. Тогда существовал хорошо организованный и прекрасно дисциплинированный центр, существовали вокруг него созданные им организации разных разрядов, а что было вне этих организаций, было хаосом, анархией. Составные элементы этого хаоса называли себя членами партии, но дело не выигрывало, а теряло от этого. Нам нужно не подражать анархии 70-х годов, а избегать ее». Таким образом, «этот принцип», который тов. Аксельрод хотел выдать за социал-демократический, на самом деле есть *принцип анархический*. Чтобы опровергнуть это, надо показать *возможность* контроля, руководства и дисциплины вне организации, надо показать *необходимость* того, чтобы «элементам хаоса» было присваиваемо название членов партии. Защитники формулировки тов. Мартова не показали и не могли показать *ни того, ни другого*. Тов. Аксельрод для примера взял «профессора, который считает себя социал-демократом и заявляет об этом». Чтобы довести до конца мысль, заключающуюся в этом примере, тов. Аксельрод должен был бы сказать далее: признают ли сами организованные социал-демократы этого профессора социал-демократом? Не поставив этого дальнейшего вопроса, тов. Аксельрод бросил свою аргументацию на половине. В самом деле, одно из двух. Или организованные социал-демократы признают интересующего нас профессора социал-демократом, — и тогда почему бы им не включить его в ту или другую социал-демократическую организацию? Только при условии такого включения «заявления» профессора будут соответствовать его делам, будут не пустыми фразами (каковыми слишком часто остаются профессорские заявления). Или организованные социал-демократы *не* признают профессора социал-демократом, — и тогда нелепо, бессмысленно и *вредно* давать ему право носить почетное и ответственное звание члена партии. Дело сводится, таким образом, именно к последовательному проведению принципа организации или к освящению разброда и анархии. Строим ли мы

партию, исходя из того уже создавшегося и сплотившегося ядра *социал-демократов*, которое создало, скажем, партийный съезд и которое должно расширять и умножать всяческие партийные организации, или мы довольствуемся успокоительной *фразой*, что все помогающие суть члены партии? «Если мы примем формулу Ленина, — продолжал тов. Аксельрод, — то мы выбросим за борт часть людей, хотя бы и не могущих быть принятыми непосредственно в организацию, но являющихся тем не менее членами партии». Смешение понятий, в котором хотел обвинить меня тов. Аксельрод, выступает тут у него самого с полной ясностью: он принимает уже за данное, что все помогающие *являются* членами партии, тогда как из-за этого и идет спор, и оппоненты должны еще *доказать* необходимость и пользу такого толкования. Какое содержание этой страшной, на первый взгляд, фразы: выбросить за борт? Если членами партии признаются только члены организаций, признанных за партийные, то люди, не могущие «непосредственно» войти ни в одну партийную организацию, могут ведь работать в организации непартийной, но примыкающей к партии. О выбрасывании за борт в смысле отстранения от работы, от участия в движении не может быть, следовательно, и речи. Напротив, чем крепче будут наши партийные организации, включающие в себя *действительных* социал-демократов, чем меньше шаткости и неустойчивости будет *внутри* партии, тем шире, разностороннее, богаче и плодотворнее будет влияние партии на окружающие ее, руководимые ею элементы рабочих *масс*. Ведь нельзя же смешивать, в самом деле, партию, как передовой отряд рабочего класса, со всем классом. А именно в такое смешение (характерное для нашего оппортунистического экономизма вообще) впадает тов. Аксельрод, когда он говорит: «Мы создаем, конечно, прежде всего организацию наиболее активных элементов партии, организацию революционеров, но мы должны, раз мы партия класса, подумать о том, чтобы не оставить вне партии людей, сознательно, хотя быть может и не совсем активно, примыкающих к этой партии». Во-первых, в число активных элементов социал-демократической рабочей партии войдут вовсе не одни только организации революционеров, а *целый ряд* рабочих организаций, признанных за партийные. Во-вторых, по какой бы это причине, в силу какой логики из того факта, что мы — партия класса, мог следовать вывод о ненужности различия между *входящими* в партию и *примыкающими* к партии? Как раз напротив: именно в силу существования различий по степени сознательности и степени активности необходимо провести различие по степени близости к партии. Мы — партия класса, и потому *почти весь класс* (а в военные времена, в эпоху гражданской войны, и совершенно весь класс) должен действовать под руководством нашей партии, должен

примыкать к нашей партии, как можно плотнее, но было бы маниловщиной и «хвостизмом» думать, что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии, при капитализме, подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социал-демократической партии. Ни один еще разумный социал-демократ не сомневался в том, что при капитализме даже профессиональная организация (более примитивная, более доступная сознательности неразвитых слоев) не в состоянии охватить почти весь или весь рабочий класс. Только обманывать себя, закрывать глаза на громадность наших задач, суживать эти задачи — значило бы забывать о различии между передовыми отрядами и всеми массами, тяготеющими к нему, забывать о постоянной обязанности передового отряда *поднимать* все более и более обширные слои до этого передового уровня. Именно таким закрыванием глаз и забвением является стирание разницы между примыкающими и входящими, между сознательными и активными — и помогающими.

Ссылаться на то, что мы — партия класса, *в оправдание* организационной расплывчатости, *в оправдание* смешения организации и дезорганизации — значит повторять ошибку Надеждина, который смешивал «философский и социально-исторический вопрос о «корнях» движения в «глубине» с технически-организационным вопросом» («Что делать?», стр. 91) *). Именно это смешение, с легкой руки тов. Аксельрода, повторяли затем десятки раз ораторы, защищавшие формулировку тов. Мартова. «Чем шире будет распространено название члена партии, тем лучше» — говорит Мартов, не объясняя, однако, какая же польза от широкого распространения *названия,* не соответствующего содержанию. Можно ли отрицать, что контроль за невходящими в организацию партии членами есть фикция? Широкое распространение фикции вредно, а не полезно. «Мы можем только радоваться, если каждый стачечник, каждый демонстрант, отвечая за свои действия, сможет объявить себя членом партии» (стр. 229). В самом деле? *Каждый стачечник* должен иметь право *объявить себя членом партии?* Этим положением тов. Мартов сразу доводит свою ошибку до абсурда, *принижая* социал-демократизм до стачкизма, повторяя злоключения Акимовых. Мы можем только радоваться, если социал-демократии удается руководить каждой стачкой, ибо прямая и безусловная обязанность социал-демократии руководить всеми проявлениями классовой борьбы пролетариата, а стачка есть одно из глубочайших и наиболее могучих проявлений этой борьбы. Но мы будем хвостистами, если допустим *отождествление* такой первоначальной, ipso

*) См. IV том Сочинений, стр. 453. В издании 1908 года слова, заключенные в скобки, исключены. *Ред.*

facto *) не более, как тред-юнионистской формы борьбы с всесторонней и сознательной социал-демократической борьбой. Мы будем оппортунистически *узаконять заведомую фальшь*, если дадим право каждому стачечнику «объявлять себя членом партии», ибо такое «объявление» *в массе случаев* будет объявлением *ложным*. Мы станем убаюкивать себя манильовскими мечтами, если вздумаем уверять себя и других, что *каждый стачечник* может *быть* социал-демократом и членом социал-демократической партии при том бесконечном раздроблении, угнетении и отупении, которое при капитализме неизбежно будет тяготеть над очень и очень широкими слоями «необученных», неквалифицированных рабочих. Именно на примере «*стачечника*» особенно ясно видна разница между *революционным стремлением* социал-демократически руководить каждой стачкой и *оппортунистической фразой*, объявляющей членом партии *каждого* стачечника. Мы — партия класса, поскольку мы *на деле* социал-демократически руководим почти всем или даже всем классом пролетариата; но из этого только Акимовы могут делать вывод, что мы *на словах* должны отождествлять партию и класс.

«Я не боюсь заговорщической организации», говорил в той же речи тов. Мартов, — но, добавлял он, «заговорщическая организация для меня имеет смысл лишь постольку, поскольку ее облекает широкая социал-демократическая рабочая партия» (стр. 239). Надо было сказать, чтобы быть точным: поскольку ее облекает широкое социал-демократическое рабочее *движение*. И в такой форме положение тов. Мартова не только бесспорно, оно является прямым трюизмом. Я останавливаюсь на этом пункте лишь потому, что из трюизма тов. Мартова последующие ораторы сделали очень *ходкий и очень вульгарный* довод, что де Ленин хочет «ограничить всю сумму членов партии суммой заговорщиков». Этот вывод, способный вызвать лишь улыбку, делал и тов. Посадовский и тов. Попов, а когда его подхватили Мартынов и Акимов, то истинный его характер обрисовался уже вполне, именно характер оппортунистической фразы. В настоящее время этот же довод развивает в новой «Искре» тов. Аксельрод для ознакомления читающей публики с новыми организационными взглядами новой редакции. Еще на съезде, в первом же заседании, обсуждавшем вопрос о § 1, я заметил, что оппоненты хотят воспользоваться таким дешевым оружием, и потому предостерегал в своей речи (стр. 240): «Не надо думать, что партийные организации должны быть только из профессиональных революционеров. Нам нужны самые разнообразные организации всех видов, рангов и оттенков, начиная от чрезвычайно узких и конспиративных и кончая весьма широкими, свободными,

*) — тем самым; по существу. *Ред.*

lose Organisationen»[80]). Это — до такой степени самоочевидная, сама собою разумеющаяся истина, что на ней останавливаться я считал лишним. Но по нынешним временам, когда нас оттащили назад в очень и очень многом, приходится «повторять азы» и здесь. Для такого повторения приведу несколько выписок из «Что делать?» и из «Письма к товарищу» *):

... «Кружку корифеев, вроде Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябова, доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку их горячая проповедь встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе, поскольку их кипучая энергия подхватывается и поддерживается энергией революционного класса» **). Чтобы быть социал-демократической *партией*, надо добиться *поддержки* именно *класса*. Не партия должна облекать заговорщическую организацию, как думал тов. Мартов, а революционный класс, пролетариат, должен облекать партию, включающую в себя и заговорщические и незаговорщические организации.

... «Организации рабочих для экономической борьбы должны быть профессиональными организациями. Всякий социал-демократ рабочий должен по мере возможности оказывать содействие и активно работать в этих организациях... Но вовсе не в наших интересах требовать, чтобы членами цеховых союзов могли быть только социал-демократы: это сузило бы размеры нашего влияния на массу. Пусть в цеховом союзе участвует всякий рабочий, понимающий необходимость объединения для борьбы с хозяевами и с правительством. Самая цель цеховых союзов была бы недостижима, если бы они не объединяли всех, кому доступна хотя бы только одна эта элементарная ступень понимания, если бы эти цеховые союзы не были бы очень *широкими* организациями. И чем шире эти организации, тем шире будет и наше влияние на них, влияние, оказываемое не только «стихийным» развитием экономической борьбы, но и прямым, сознательным воздействием социалистических членов союза на товарищей» (стр. 86) ***). Кстати сказать, пример профессиональных союзов особенно характерен для оценки спорного вопроса о § 1. Что эти союзы *должны* работать «под контролем и руководством» социал-демократических организаций, — об этом не может быть двух мнений среди социал-демократов. Но *на этом основании* давать право всем членам таких союзов «объявлять себя» членами социал-демократической партии было бы явной нелепостью и грозило бы

*) Конец этого абзаца, начиная со слов: «Но по нынешним временам», следующие два абзаца и начало третьего до слов: «Я указывал» исключены в издании 1908 года. *Ред.*

**) См. IV том Сочинений, стр. 442. *Ред.*

***) См. IV том Сочинений, стр. 448. *Ред.*

принести двоякий вред: *сузить* размеры цехового движения и ослабить солидарность рабочих на этой почве, с одной стороны. С другой стороны, это открывало бы двери социал-демократической партии для расплывчатости и шаткости. Германская социал-демократия имела случай разрешать подобный вопрос в конкретной постановке, когда всплыл знаменитый инцидент с гамбургскими каменщиками, работавшими сдельно [81]). Социал-демократия ни минуты не колебалась признать штрейкбрехерство бесчестным с точки зрения социал-демократа поступком, т.-е. признать руководство стачками, поддержку их *своим* кровным делом, но в то же время она столь же решительно отвергла требование отождествить интересы партии с интересами цеховых союзов, *возложить на партию ответственность* за отдельные шаги отдельных союзов. Партия должна и будет стараться пропитать своим духом, подчинить своему влиянию цеховые союзы, но именно в интересах этого влияния она должна выделять вполне социал-демократические (входящие в социал-демократическую партию) элементы этих союзов от невполне сознательных и невполне политически активных, а не смешивать те и другие, как хочет тов. Аксельрод.

«... Централизация наиболее конспиративных функций организацией революционеров не обессилит, а обогатит широту и содержательность деятельности целой массы других организаций, рассчитанных на широкую публику и потому возможно менее оформленных и возможно менее конспиративных: и рабочих профессиональных союзов, и рабочих кружков самообразования и чтения нелегальной литературы, и социалистических, а также демократических кружков во *всех* других слоях населения и проч. и проч. Такие кружки, союзы и организации необходимы повсюду в *самом широком* числе, с самыми разнообразными функциями, но нелепо и вредно *смешивать* их с организацией *революционеров*, стирать грань между ними...» (стр. 96) *). Из этой справки видно, как не кстати напоминал мне тов. Мартов, что организацию революционеров должны *облекать* широкие рабочие организации. Я указывал на это еще в «Что делать?», а в «Письме к товарищу» развивал эту идею конкретнее. Заводские кружки — писал я там — «для нас особенно важны: ведь вся главная сила движения—в организованности рабочих на *крупных* заводах, ибо крупные заводы (и фабрики) включают в себя не только преобладающую по численности, но еще более преобладающую по влиянию, развитию, способности ее к борьбе часть рабочего класса. Каждый завод должен быть нашей крепостью... Заводской подкомитет должен стараться охватить весь завод, возможно большую долю рабочих сетью всевозможных кружков (или

*) См. IV том Сочинений, стр. 458. *Ред.*

агентов)... Все группы, кружки, подкомитеты и т. д. должны быть на положении комитетских учреждений или филиальных отделений комитета. Одни из них прямо заявят о своем желании войти в состав Рос. Соц.-Дем. Раб. Пар. и, *при условии утверждения* комитетом, войдут в ее состав, примут на себя (по поручению комитета или по соглашению с ним) известные функции, обяжутся повиноваться распоряжениям органов партии, *получат права всех членов партии*, будут считаться ближайшими кандидатами в члены комитета и т. д. Другие *не войдут* в Р. С.-Д. Р. П., будучи на положении кружков, устроенных членами партии, или примыкающих к той или иной группе партии и т. д.» (стр. 17—18) *). Из подчеркнутых мною слов особенно ясно видно, что *идея* моей формулировки § 1 вполне выражена уже в «Письме к товарищу». Условия вхождения в партию прямо указаны здесь, именно: 1) известная степень организованности и 2) утверждение комитета партии. Страницей дальше я указываю примерно и то, какие группы и организации и по каким соображениям должны (или не должны) быть вводимы в партию: «Группы разносчиков должны принадлежать к Р. С.-Д. Р. П. и знать известное число ее членов и ее должностных лиц. Группа, изучающая профессиональные условия труда и вырабатывающая виды профессиональных требований, не обязательно должна принадлежать к Р. С.-Д. Р. П. Группа студентов, офицеров, служащих, занимающихся самообразованием *при участии* одного-двух членов партии, иногда даже вовсе не должна знать о его принадлежности к партии и т. д.» (стр. 18—19) **).

Вот вам еще материал к вопросу об «открытом забрале»! В то время, как формула проекта тов. Мартова совершенно не затрагивает даже отношения партии к организации,—я указывал уже чуть ли не за год до съезда, что одни организации должны войти в партию, другие — нет. В «Письме к товарищу» ясно выступает уже идея, защищавшаяся мною на съезде. Дело наглядно могло бы быть представлено следующим образом ***). По степени организованности вообще и конспиративности организации в частности можно различать такие, примерно, разряды: 1) организации революционеров; 2) организации рабочих, возможно более широкие и разнообразные (я ограничиваюсь одним рабочим классом, предполагая само собою разумеющимся, что известные элементы других классов тоже войдут сюда, при известных условиях). Эти два разряда составляют партию. Далее, 3) организации рабочих, примыкающие к партии; 4) организации рабочих, не примыкающие к партии, но фактически подчиняющиеся ее контролю и руководству; 5) неорганизованные элементы рабочего

*) См. V том Сочинений, стр. 185, 187. *Ред.*

**) См. V том Сочинений, стр. 188. *Ред.*

***) Начало абзаца до слов: «По степени» исключено в издании 1908 года. *Ред.*

класса, которые отчасти тоже подчинятся, по крайней мере в случаях крупных проявлений классовой борьбы, руководству социал-демократии. Вот как, приблизительно, представляется дело, с моей точки зрения. Наоборот, с точки зрения тов. Мартова, граница партии остается совершенно неопределенной, ибо «каждый стачечник» может «объявлять себя членом партии». Какая польза от этой расплывчатости? Широкое распространение «названия». Вред ее — внесение *дезорганизующей* идеи о смешении класса и партии.

Для иллюстрации выставленных нами общих положений бросим еще беглый взгляд на дальнейшие прения на съезде по § 1. Тов. Брукэр высказывается (к удовольствию тов. Мартова) за мою формулировку, но *его* союз со мною оказывается, в отличие от союза тов. Акимова с Мартовым, основанным на недоразумении. Тов. Брукэр «несогласен со всем уставом и всем его духом» (стр. 239) и защищает мою формулу, *как основу демократизма*, желанного для сторонников «Рабочего Дела». Тов. Брукэр не поднялся еще на ту точку зрения, что в политической борьбе приходится иногда выбирать *меньшее из зол;* тов. Брукэр не заметил, что защищать демократизм на таком съезде, как наш, бесполезно. Тов. Акимов оказался прозорливее. Он совершенно верно поставил вопрос, признавши, что «т.т. Мартов и Ленин спорят, какая (формулировка) лучше достигает их общей цели» (стр. 252). «Я и Брукэр — продолжает он — хотим выбрать ту, *которая меньше достигает цели.* В этом отношении я выбираю формулировку Мартова». И тов. Акимов с откровенностью пояснил, что «самую цель их» (Плеханова, Мартова и мою — создание руководящей организации революционеров) он считает «неосуществимой и вредной»; он отстаивает, как и тов. Мартынов *), идею экономистов о ненужности «организации революционеров». Он «полон веры, что жизнь все же ворвется в нашу партийную организацию, независимо от того, загородите вы ей дорогу формулой Мартова или формулой Ленина». На этом «хвостистском» понимании «жизни» не стоило бы останавливаться, если бы мы не встретили его также у т. Мартова. Вторая речь т. Мартова (стр. 245) вообще настолько интересна, что ее стоит разобрать подробно.

*) Тов. Мартынов, впрочем, хочет отличаться от тов. Акимова, хочет доказать, что заговорщический будто бы не значит конспиративный, что за разницей этих слов скрывается разница понятий. Какая это разница, ни тов. Мартынов, ни идущий теперь по его стопам тов. Аксельрод так и не объяснили. Тов. Мартынов «делает вид», будто я, например, в «Что делать?» не высказался решительно (как и в «Задачах» (см. II том Сочинений, стр. 167. Ред.)) против «*сужения* политической борьбы до заговора». Тов. Мартынов хочет заставить слушателей *забыть*, что те, с кем я воевал, *не видели* надобности в *организации революционеров*, как не видит ее и сейчас товарищ Акимов.

Первый довод т. Мартова: контроль партийных организаций над не входящими в организации членами партии «осуществим, поскольку комитет, поручая кому-либо известную функцию, имеет возможность следить за ней» (стр. 245). Этот тезис замечательно характерен, ибо он «выдает», если можно так выразиться, *кому* нужна и кому будет *на деле* служить формулировка Мартова: интеллигентным ли одиночкам или рабочим группам и рабочим массам. Дело в том, что возможны два толкования формулы Мартова: 1) членом партии вправе «*объявлять себя*» (слова самого тов. Мартова) всякий, кто оказывает ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций; 2) членом партии всякая ее организация *вправе признать* всякого, кто оказывает ей регулярное личное содействие под ее руководством. Только первое толкование дает действительно возможность «каждому стачечнику» назваться членом партии, и *только оно*, поэтому, и завоевало сразу сердца Либеров, Акимовых и Мартыновых. Но это толкование является уже, очевидно, фразой, ибо тогда сюда подойдет весь рабочий класс, и сотрется различие между партией и классом; о контроле и руководстве за «каждым стачечником» можно говорить только «символически». Вот почему т. Мартов и сбился во второй своей речи сейчас же на второе толкование (хотя, в скобках сказать, *оно прямо отклонено съездом*, отвергшим резолюцию Костича, стр. 255) [82]: комитет будет поручать функции и следить за их выполнением. Такие специальные поручения никогда, конечно, не будут иметь места по отношению к *массе* рабочих, к *тысячам* пролетариев (о которых говорят т. Аксельрод и т. Мартынов),—они будут даваться зачастую вот именно тем *профессорам*, которых поминал т. Аксельрод, тем *гимназистам*, о которых заботился т. Либер и т. Попов (стр. 241), той *революционной молодежи*, на которую ссылался т. Аксельрод в своей второй речи (стр. 242). Одним словом, формула т. Мартова либо останется мертвой буквой, пустой фразой, либо она принесет пользу главным образом и почти исключительно «*интеллигентам, насквозь пропитанным буржуазным индивидуализмом*» и не желающим входить в организацию. *На словах* формула Мартова отстаивает интересы широких слоев пролетариата; *на деле* эта формула послужит интересам *буржуазной интеллигенции*, чурающейся пролетарской дисциплины и организации. Никто не решится отрицать, что *интеллигенция, как особый слой* современных капиталистических обществ, характеризуется, в общем и целом, *именно индивидуализмом* и неспособностью к дисциплине и организации (ср. хотя бы известные статьи Каутского об интеллигенции) [83]; в этом, между прочим, состоит невыгодное отличие этого общественного слоя от пролетариата; в этом заключается одно из объяснений интеллигентской дряблости и неустойчивости, так часто дающей себя чувствовать пролетариату; и это свойство

интеллигенции стоит в неразрывной связи с обычными условиями ее жизни, условиями ее заработка, приближающимися в очень и очень многом к условиям *мелко-буржуазного существования* (работа в одиночку или в очень мелких коллективах и т. д.). Не случайность, наконец, и то, что именно защитники формулы т. Мартова должны были выдвинуть примеры профессоров и гимназистов! Не поборники широкой пролетарской борьбы выступили, в спорах о § 1, против поборников радикально-заговорщической организации, как думали т.т. Мартынов и Аксельрод, а сторонники *буржуазно-интеллигентского индивидуализма* столкнулись с сторонниками *пролетарской организации и дисциплины.*

Тов. Попов говорил: «Всюду в С.-Петербурге, как в Николаеве или Одессе, по свидетельству представителей этих городов, есть десятки рабочих, которые распространяют литературу, ведут устную агитацию и которые не могут быть членами организации. Их можно приписать к организации, но считать членами нельзя» (стр. 241). Почему они не могут быть членами организации? это осталось тайной т. Попова. Я уже цитировал выше место из «Письма к товарищу», показывающее, что именно включение всех таких рабочих (сотнями, а не десятками) в организации и возможно и необходимо, при чем очень и очень многие из этих организаций могут и должны войти в партию.

Второй довод т. Мартова: «Для Ленина нет иных организаций в партии кроме партийных организаций»... Совершенно верно!.. «Для меня, напротив, такие организации должны существовать. Жизнь создает и плодит организации скорее, чем мы успеем включить их в иерархию нашей боевой организации профессиональных революционеров»... Это в двух отношениях неверно: 1) «жизнь» плодит гораздо меньше дельных организаций революционеров, чем нам нужно, чем требуется рабочим движением; 2) партия наша должна быть иерархией не только организаций революционеров, но и массы рабочих организаций... «Ленин думает, что Ц. К. утвердит в звании партийных только те организации, которые будут вполне надежны в принципиальном отношении. Но т. Брукэр хорошо понимает, что жизнь (sic!) возьмет свое и что Ц. К., чтобы не оставить вне партии множества организаций, должен будет их легализировать, несмотря на их вполне непадежный характер; поэтому т. Брукэр и присоединяется к Ленину»... Вот уже по-истине хвостистское понимание «жизни»! *) Конечно, если бы Ц. К. *обязательно* состоял из людей, руководящихся не своим мнением, а тем, что другие скажут (см. инцидент с О. К.) **), тогда «жизнь» взяла бы «свое» в том смысле, что наиболее отсталые элементы партии взяли

*) Эта фраза исключена в издании 1908 года. *Ред.*

**) Слова, заключенные в скобки, исключены в издании 1908 года. *Ред.*

бы верх *(как это и случилось теперь, когда составилось из отсталых элементов партийное «меньшинство»)**). Но ни одной *осмысленной* причины нельзя привести, которая бы заставила *толковый* Ц. К. вводить в партию «ненадежные» элементы. Именно этой ссылкой на «жизнь», которая «плодит» ненадежные элементы, т. Мартов и показывает воочию оппортунистический характер своего организационного плана!.. «Я же думаю,— продолжает он,— что если такая организация (не вполне надежная) согласна принять партийную программу и партийный контроль, то мы можем ввести ее в партию, не делая ее тем самым партийной организацией. Я бы считал большим торжеством нашей партии, если бы, например, какой-нибудь союз «независимых» определил, что он принимает точку зрения социал-демократии и ее программу и вступает в партию, что не значит, однако, что мы включаем союз в партийную организацию»... Вот до какой путаницы доводит формула Мартова: непартийные организации, входящие в партию! Представьте только себе *его* схему: партия = 1) организации революционеров + 2) организации рабочих, признанные партийными, + 3) организации рабочих, непризнанные партийными (преимущественно из «независимых») + 4) одиночки, исполняющие разные функции, профессора, гимназисты и т. д. + 5) «каждый стачечник». Рядом с этим замечательным планом можно поставить лишь слова т. Либера: «Наша задача не только организовать организацию (!!), мы можем и должны организовать партию» (стр. 241). Да, конечно, мы можем и должны сделать это, но для этого нужны не лишенные смысла слова об «организации организаций», а *прямое требование* от членов партии, чтобы они работали над *организацией* на деле. Говорить об «организации партии» и защищать прикрытие словом партия всякой неорганизованности и всякого разброда — значит говорить пустые слова.

«Наша формулировка — говорит т. Мартов — выражает стремление к тому, чтобы между организацией революционеров и массой был ряд организаций». Именно нет. Этого-то действительно обязательного стремления и *не выражает* формула Мартова, ибо она *не дает стимула организоваться,* не содержит требования организоваться, не отделяет организованного от неорганизованного. Она дает одно только *званье* **), и по этому

*) Слова, заключенные в скобки, исключены в издании 1908 года. *Ред.*

**) На съезде Лиги тов. Мартов выдвинул еще один довод в пользу своей формулировки, над которым стоит посмеяться. «Мы могли бы указать,— говорит он — что формула Ленина, понятая буквально, выключает из партии *агентов Ц. К.*, ибо последние не составляют организации» (стр. 59). Довод этот и на съезде Лиги был встречен *смехом*, как значится в протоколах. Тов. Мартов полагает, что указанное им «затруднение» разрешимо только тем, что агенты Ц. К. входят в «организацию Ц. К.». Но дело не в этом. Дело в том, что своим примером тов. Мартов наглядно

поводу нельзя не вспомнить слов т. Аксельрода: «Никакими декретами нельзя запретить им (кружкам революционной молодежи и проч.) и отдельным лицам называть себя социал-демократами» (святая истина!) «и даже считать себя частью партии»... вот это уже *безусловно неверно!* Запрещать называться социал-демократом нельзя и *не зачем,* ибо это слово выражает *непосредственно* лишь систему убеждений, а не определенные организационные отношения. Запрещать отдельным кружкам и лицам «считать себя частью партии» можно и должно, когда эти кружки и лица вредят делу партии, развращают или дезорганизуют ее. Смешно было бы говорить о *партии,* как целом, как политической величине, если бы она не могла «декретом запретить» кружку «считать себя частью» целого! И к чему бы тогда определять порядок и условия исключения из партии? Тов. Аксельрод наглядно привел к абсурду основную ошибку т. Мартова; он возвел даже эту ошибку в *оппортунистическую теорию,* когда добавил: «в формулировке Ленина § 1 является прямым принципиальным противоречием с самой сущностью (!!), с задачами социал-демократической партии пролетариата» (стр. 243). Это значит не больше и не меньше, как: предъявление более высоких требований к партии, чем к классу, есть принципиальное противоречие с самой сущностью задач пролетариата. Неудивительно, что Акимов горой встал за такую *теорию.*

Справедливость требует отметить, что тов. Аксельрод, *теперь* желающий превратить эту ошибочную, явно клонящую к оппортунизму, формулировку в зерно *новых* взглядов, — на съезде выразил, наоборот, готовность «поторговаться», сказавши: «Но я замечаю, что стучусь в открытую дверь»... (я замечаю также это и на новой «Искре»)... «потому что тов. Ленин со своими периферийными кружками, считающимися частями партийной

показал *свое полное непонимание идеи § 1,* показал чисто буквоедский образчик критики, действительно заслуживающий насмешки. *Формально,* достаточно было бы образовать «организацию агентов Ц. К.», составить *постановление* о включении ее в партию, и «затруднение», причинившее столько головоломной работы мысли тов. Мартову, сразу исчезло бы. *Идея* же § 1 в моей формулировке состоит в *стимуле*: «организуйтесь!», в *обеспечении реального* контроля и руководства. С точки зрения *существа дела* смешон самый вопрос о том, войдут ли в партию агенты Ц. К., ибо *реальный* контроль за ними обеспечен вполне и безусловно *уже тем, что они назначены в агенты,* уже тем, что их оставляют в должности агентов. Следовательно, о смешении организованного и неорганизованного (корень ошибки в формулировке тов. Мартова) здесь нет и речи. Негодность формулы тов. Мартова состоит в том, что всякий и каждый может *объявить себя* членом партии, всякий оппортунист, всякий праздноболтающий, всякий «профессор» и всякий «гимназист». Эту *ахиллесову пяту* своей формулировки тов. Мартов тщетно пытается *заговорить* посредством таких примеров, когда не может быть и речи о самозачислении себя в члены, об объявлении себя членом. (Это примечание исключено в издании 1908 года. *Ред.*)

организации, идет навстречу моему требованию»... (и не только с периферийными кружками, но и со всякого рода рабочими союзами: ср. стр. 242 прот., из речи тов. Страхова, и цитированные выше выписки из «Что делать?» и *) «Письма к товарищу»)... **). «Остаются еще отдельные лица, но и тут можно бы еще поторговаться». Я ответил тов. Аксельроду, что поторговаться, вообще говоря, не прочь, и должен пояснить теперь, в каком смысле было сказано это. Именно насчет отдельных лиц, всех этих профессоров, гимназистов и проч., всего менее согласился бы я на уступки; но если возбуждено было сомнение насчет рабочих организаций, то я согласился бы (несмотря на доказанную мною выше полную неосновательность этих сомнений) добавить к моему 1 § примечание вроде такого: «Рабочие организации, принимающие программу и устав Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии, должны быть в возможно большем числе включены в число партийных организаций». Конечно, говоря строго, такому пожеланию место не в уставе, который должен ограничиваться юридическими определениями, а в пояснительных комментариях, в брошюрах (и я уже указал, что в своих брошюрах я задолго до устава приводил такие пояснения), но такое примечание не содержало бы, по крайней мере, в себе ни тени *неверных,* способных вести к дезорганизации, мыслей, ни тени *оппортунистических* рассуждений ***) и «*анархических концепций*», несомненно входящих в формулировку тов. Мартова.

---

*) Слова: ««Что делать?» и» исключены в издании 1908 года. *Ред.*

**) См. V том сочинений, стр. 179. *Ред.*

***) К числу таких рассуждений, неизбежно всплывающих при попытках обоснования Мартовской формулы, принадлежит в особенности фраза тов. Троцкого (стр. 248 и 346), что «оппортунизм создается более сложными (или: определяется более глубокими) причинами, чем тот или другой пункт устава, — он вызывается относительным уровнем развития буржуазной демократии и пролетариата»... Не в том дело, что пункты устава могут создавать оппортунизм, а в том, чтобы сковать при помощи их более или менее острое оружие против оппортунизма. Чем глубже его причины, тем острее должно быть это оружие. Поэтому *оправдывать* «глубокими причинами» оппортунизма формулировку, открывающую ему двери, есть хвостизм чистейшей воды. Когда тов. Троцкий был против тов. Либера, он понимал, что устав есть «организованное недоверие» целого к части, передового отряда к отсталому отряду; а когда тов. Троцкий оказался на стороне тов. Либера, он уже забыл это и даже стал оправдывать *слабость* и шаткость нашей организации этого недоверия (недоверия к оппортунизму) «сложными причинами», «уровнем развития пролетариата» и т. п. Другой довод тов. Троцкого: «интеллигентной молодежи, так или иначе сорганизованной, гораздо легче *занести себя* (курс. мой) в списки партии». Именно. Поэтому страдает интеллигентской расплывчатостью та формулировка, в силу коей даже неорганизованные элементы *объявляют себя* членами партии, а не моя, *устраняющая* право «заносить *себя*» в списки. Тов. Троцкий говорит, что если Ц. К. «не признает» организации оппортунистов, то только из-за характера лиц, а раз эти лица известны, как политические индивидуальности, то они не опасны, их

Последнее, приведенное мною в ковычках, выражение принадлежит тов. Павловичу, который очень справедливо отнес к *анархизму* признание членов «*безответственных* и самих себя *зачисляющих* в партию». «В переводе на простой язык» — разъяснял тов. Павлович мою формулировку тов. Либеру — она означает: «раз ты хочешь быть членом партии, ты должен не только платонически признавать и организационные отношения». Как ни прост этот «перевод», он оказался, однако, не лишним (как показали события после съезда) не только для разных сомнительных профессоров и гимназистов, но и для самых доподлинных членов партии, для людей верха... *) Не менее справедливо указал тов. Павлович на противоречие между формулой тов. Мартова и тем бесспорным положением научного социализма, которое цитировал так неудачно тот же тов. Мартов. «Наша партия есть сознательная выразительница бессознательного процесса». Именно так. И именно поэтому неправильно тянуться за тем, чтобы «каждый стачечник» мог называть себя членом партии, ибо если бы «каждая стачка» была не только стихийным выражением могучего классового инстинкта и классовой борьбы, неизбежно ведущей к социальной революции, а *сознательным выражением* этого процесса, тогда... тогда всеобщая стачка не была бы анархической фразой, тогда наша партия сейчас же и сразу *покрыла бы собой* весь рабочий класс, а следовательно, сразу покончила бы и со *всем буржуазным обществом*... Чтобы быть *на деле* сознательной выразительницей, партия должна уметь выработать такие организационные отношения, которые бы *обеспечивали известный уровень* сознательности и систематически

можно удалить общепартийным бойкотом. Это верно лишь по отношению к тем случаям, когда нужно *удалить из партии* (да и то верно на половину, ибо организованная партия *удаляет* вотумом, а не бойкотом). Это совершенно неверно по отношению к гораздо более частым случаям, когда нелепо *удалять*, когда надо лишь *контролировать*. Для целей контроля Ц. К. *нарочно* может включить в партию на известных условиях, не совсем надежную, но работоспособную организацию с тем, чтобы испытать ее, чтобы попытаться *направить ее на путь истины*, чтобы своим руководством парализовать ее частичные уклонения и т. д. Такое включение не опасно, *если* не допускается вообще «*занесение себя*» в списки партии. Такое включение часто будет полезно для открытого и *ответственного*, подконтрольного, выражения (и обсуждения) ошибочных взглядов и ошибочной тактики. «Но если юридические определения должны соответствовать фактическим отношениям, то формула тов. Ленина должна быть отвергнута» — говорит тов. Троцкий и говорит опять, как оппортунист. Фактические отношения не мертвы, а живут и развиваются. Юридические определения могут соответствовать прогрессивному развитию этих отношений, но могут также (если эти определения плохи) «соответствовать» регрессу или застою. Этот последний случай и есть «случай» тов. Мартова.

*) Фраза: «Как ни прост... для людей верха» исключена в издании 1908 года. *Ред.*

поднимали этот уровень. «Уж если идти путем Мартова,— сказал тов. Павлович,— то прежде всего нужно выкинуть пункт о признании *программы*, ибо, чтобы принять программу, ее нужно усвоить и понять... Признание программы обусловливается довольно высоким уровнем политического сознания». Мы никогда не допустим, чтобы *поддержка* социал-демократии, чтобы *участие* в руководимой ею борьбе искусственно *ограничивалось* какими бы то ни было требованиями (усвоения, понимания и проч.), ибо самое это *участие* одним уже фактом своего проявления *поднимает* и сознательность и организационные инстинкты, но раз *мы соединились в партию* для планомерной работы, то мы должны позаботиться об обеспечении этой планомерности.

Что предостережение тов. Павловича насчет программы оказалось не лишним, это обнаружилось *тотчас же*, в течение *того же самого* заседания. Тов. Акимов и Либер, которые провели формулировку тов. Мартова *), *сейчас же* обнаружили свою истинную натуру, потребовав (стр. 254—5), чтобы и программу надо было (для «членства» в партии) признавать лишь платонически, лишь ее «основные положения». «Предложение тов. Акимова вполне логично с точки зрения тов. Мартова» — отметил тов. Павлович. К сожалению, мы не видим из протоколов, *сколько* голосов объединило это Акимовское предложение,— по всей вероятности, не менее семи (пять бундовских, Акимов и Брукэр). И как раз уход именно *семи* делегатов со съезда превратил «компактное большинство» (анти-искровцев, «центра» и мартовцев), начавшее складываться по § 1 устава, в компактное меньшинство! Как раз уход именно *семи* делегатов повел к провалу предложения об утверждении старой редакции, этого якобы вопиющего нарушения «преемственности» в ведении «Искры»! Оригинальная же *семерка* была единственным спасением и залогом искровской «преемственности»: эту семерку составляли бундовцы, Акимов и Брукэр, т.-е. как раз делегаты, вотировавшие против *мотивов* признания «Искры» центральным органом, как раз делегаты, оппортунизм которых десятки раз был признаваем съездом и признан, в частности, Мартовым и Плехановым по вопросу о *смягчении* § 1 насчет программы. «Преемственность» «Искры»,

---

*) За нее было подано 28 голосов, против 22. Из восьми анти-искровцев семь было за Мартова, один за меня. Без помощи оппортунистов тов. Мартов не провел бы своей оппортунистической формулы. (На съезде Лиги тов. Мартов очень неудачно пытался опровергнуть этот несомненный факт, ограничиваясь почему-то голосами одних бундовцев и забывая о тов. Акимове и его друзьях,— вернее, вспоминая о них *лишь* тогда, когда это могло свидетельствовать против меня — согласие со мной тов. Брукэра). (Фраза, заключенная в скобки, исключена в издании 1908 года. *Ред.*)

охраняемая анти-искровцами! — мы подходим тут к *завязке* послесъездовской трагикомедии *).

* *
*

Группировка голосов по § первому устава обнаружила явление совершенно того же типа, как и в инциденте с равноправием языков: отпадение от искровского большинства четвертой (приблизительно) его части дает возможность победы анти-искровцам, за которыми идет «центр» **). Конечно, и здесь есть отдельные голоса, нарушающие полную стройность картины, — в таком большом собрании, как наш съезд, неизбежно оказывается часть «диких», случайно попадающих то на ту, то на другую сторону, особенно по такому вопросу, как § первый, где истинный характер расхождения только еще намечался и многие прямо *не успевали разобраться* (при отсутствии предварительной разработки вопроса в литературе). От искровцев большинства отпало пять голосов (Русов и Карский по два голоса и Ленский с одним голосом); наоборот, к ним примкнули один анти-искровец (Брукэр) и трое из центра (Медведев, Егоров и Царев); получилась сумма в 23 голоса (24 — 5 + 4), на один голос меньше окончательной группировки по выборам. *Большинство дали Мартову анти-искровцы,* из которых 7 было за него и один за меня (из «центра» тоже семь было за Мартова, три за меня). Та коалиция меньшинства искровцев с анти-искровцами и с «центром», которая образовала компактное меньшинство в конце съезда и после съезда, *начала складываться.* Политическая ошибка Мартова и Аксельрода, сделавших *несомненный шаг к оппортунизму и к анархическому индивидуализму* в формулировке § первого и особенно в защите этой формулировки, обнаружилась тотчас же и особенно рельефно благодаря свободной и открытой арене съезда, обнаружилась тем, что наименее устойчивые и наименее принципиально-выдержанные элементы сразу двинули все свои силы для расширения той щели, той пробоины, которая оказалась во взглядах революционной социал-демократии. Совместная работа на съезде людей, которые открыто преследовали в организационной области *разные цели* (см. речь Акимова), тотчас же толкнула *принципиальных* противников нашего организационного плана и нашего устава к поддержке ошибки т. т. Мартова

*) Вторая половина этого абзаца, начиная со слов «К сожалению», исключена в издании 1908 года. *Ред.*

**) В издании 1908 г. далее идет следующее примечание автора:« Параграфы і, к, л, м выкинуты из настоящего издания, так как они содержат почти исключительно описание мелких споров о частностях устава или споров о личном составе центральных учреждений партии. Ни то, ни другое не представляет интереса для современного читателя, ни важности для уяснения разногласий между «меньшинством» и «большинством». Приводим только конец параграфам, касающийся одного затронутого еще на втором съезде тактического вопроса».

и Аксельрода. Искровцы, оставшиеся и в этом вопросе верными взглядам революционной социал-демократии, оказались *в меньшинстве*. Это — обстоятельство *громадной важности*, ибо без уяснения его совершенно нельзя понять ни борьбы из-за частностей устава, ни борьбы из-за личного состава Центрального Органа и Центрального Комитета *).

i) НЕВИННО ПОСТРАДАВШИЕ ОТ ЛОЖНОГО ОБВИНЕНИЯ В ОППОРТУНИЗМЕ.

Прежде чем переходить к дальнейшим прениям об уставе, необходимо, для выяснения нашего расхождения по вопросу о личном составе центральных учреждений, коснуться *частных* заседаний организации «Искры», происходивших во время съезда. Последнее и самое важное из этих четырех заседаний имело место *как раз после* голосования о § первом устава, — таким образом, происшедший на этом заседании раскол организации «Искры» явился и хронологически и логически предшествующим условием дальнейшей борьбы.

Частные заседания организации «Искры» **) начались вскоре после инцидента с О. К., который дал повод к обсуждению вопроса о возможных кандидатурах в Ц. К. Само собою понятно, что в силу отмены императивных мандатов эти заседания носили исключительно совещательный, никого не связывающий характер, но их значение тем не менее было огромно. Выбор в Ц. К. представлял значительные трудности для делегатов, не знавших ни конспиративных имен, ни внутренней работы организации «Искры», — организации, создавшей фактическое единство партии, осуществившей то руководство практическим движением, которое послужило одним из мотивов официального признания «Искры». Мы уже видели, что при единстве искровцев им было вполне обеспечено крупное, до $^3/_5$, большинство на съезде, и все делегаты прекрасно понимали это. Все искровцы имеено и ждали того, чтобы *организация «Искры»* выступила с рекомендацией определенного личного состава Ц. К., и ни один член этой организации не возразил ни словом против предварительного обсуждения в ней состава Ц. К., ни один не заикнулся об утверждении всего состава О. К., т.-е. превращения его в Ц. К., не заикнулся *даже о совещании* со всем составом О. К. относительно кандидатов в Ц. К. Это обстоятель-

*) Часть этого абзаца, начиная со слов: «Конечно, и здесь», исключена в издании 1908 года. *Ред.*

**) Я уже на съезде Лиги старался наметить по возможности узкие рамки изложения того, что было на частных собраниях, во избежание неразрешимых споров. Основные факты изложены и в моем «Письме в редакцию «Искры»» (с. 4). Тов. Мартов не опротестовал их в своем «Ответе».

ство тоже чрезвычайно характерно и его крайне важно иметь в виду, ибо *теперь* мартовцы *задним числом* усердно защищают О. К., доказывая этим только в сотый и тысячный раз свою политическую бесхарактерность *). Покуда еще раскол из-за состава центров не сплотил Мартова с Акимовыми, — для всех ясно было на съезде то, в чем легко убедится, из протоколов съезда и из всей истории «Искры», всякий беспристрастный человек, именно: что О. К. был *главным образом* комиссией по созыву съезда, комиссией, составленной нарочно из представителей разных оттенков вплоть до бундовского; действительную же работу *создания* организационного единства партии всецело вынесла на своих плечах организация «Искры» (надо иметь также в виду, что на съезде совершенно случайно отсутствовали *несколько* искровских членов О. К. как в силу арестов, так и по другим «независящим» обстоятельствам). Состав бывшей на съезде организации «Искры» приведен уже в брошюре т. Павловича (см. его «Письмо о II съезде», стр. 13) [81]).

Окончательным результатом жарких дебатов в организации «Искры» было два вотума, приведенных уже мной в «Письме в редакцию». Первый вотум: «отвергается одна из поддерживаемых Мартовым кандидатур девятью голосами против четырех при трех воздержавшихся». Казалось бы, что может быть проще и естественнее такого факта: с общего согласия всех шестнадцати бывших на съезде членов организации «Искры» обсуждается вопрос о возможных кандидатурах, и большинством отвергается одна из кандидатур т. Мартова (именно кандидатура т. Штейна, как выболтал уже теперь, не утерпев, и сам т. Мартов, стр. 69 «Осадного положения»)? Ведь на партийный съезд мы и собрались, между прочим, как раз для того, чтобы обсудить и решить вопрос о том, кому вручить «дирижерскую палочку» — и нашей общей партийной обязанностью было уделить этому пункту порядка дня самое серьезное внимание, решить этот вопрос с точки зрения *интересов дела*, а не «обывательских нежностей», как выразился потом совершенно справедливо т. Русов. Конечно, при обсуждении вопроса о кандидатах *на съезде* нельзя было не коснуться и известных личных качеств, нельзя было не высказать своего одобрения или неодобрения **), особенно в неофициальном и тесном

*) Представьте только себе хорошенько эту «картину нравов»: *делегат* организации «Искры» *на съезде* совещается *только* с нею *и не заикается* даже о совещании с О. К. После же поражения своего и в этой организации и на съезде, он начинает *жалеть* о неутверждении О. К., воспевать его задним числом и величественно игнорировать организацию, которая дала ему мандат! Можно ручаться, что не найдется аналогичного факта в истории ни единой действительно социал-демократической и действительно рабочей партии.

**) Тов. Мартов горько жаловался в Лиге на резкость моего неодобрения, не замечая, что из его жалоб получается вывод против него самого.

собрании. *И я уже на съезде Лиги предупреждал,* что неодобрение кандидатуры нелепо считать чем-то «позорящим» (с. 49 прот. Лиги), нелепо делать «сцену» и поднимать истерику из-за того, что входит в прямое выполнение партийной обязанности выбирать должностных лиц сознательно и осмотрительно. А, между тем, ведь для нашего меньшинства отсюда-то и загорелся сыр-бор, они стали кричать *после съезда* о «разрушении репутации» (с. 70 прот. Лиги) и уверять *печатно широкую публику,* что т. Штейн был «главным деятелем» бывшего О. К. и что его неосновательно обвиняли «в каких-то адских планах» (с. 69 «Осадное положение»). Ну, разве это не истерика, когда по поводу одобрения или неодобрения кандидатов кричат о «разрушении репутации»? Разве это не дрязга, когда, потерпев поражение и в частном собрании организации «Искры», и в официальном, высшем партийном собрании, на съезде, люди потом поднимают жалобы перед улицей и рекомендуют почтеннейшей публике забракованных кандидатов, как «главных деятелей»?—когда люди потом навязывают партии своих кандидатов путем раскола и требования *кооптации?* У нас до того смешались в затхлой заграничной атмосфере политические понятия, что т. Мартов не умеет уже отличить партийного долга от кружковщины и кумовства! Это, должно быть, бюрократизм и формализм — думать, что вопрос о кандидатах уместно обсуждать и решать *только* на съездах, где делегаты собираются для обсуждения, прежде всего, важных принципиальных вопросов, где сходятся представители движения, способные беспристрастно отнестись к вопросу о лицах, способные (и обязанные) *затребовать* и собрать все сведения о кандидатах для подачи решающего голоса, где уделение известного места спорам из-за дирижерской палочки естественно и необходимо. Вместо этого бюрократического и формалистического взгляда, у нас введены теперь иные нравы: мы будем, после съездов, говорить направо и налево о политических похоронах Ивана Ивановича, о разрушении репутации Ивана Никифоровича; кандидатов будут рекомендовать в брошюрах те или иные литераторы и при этом фарисейски уверять, бия себя в грудь: не кружок, а партия... Читающая публика из тех, кто охоч до скандалов, так

Ленин вел себя,— употребляя его же выражение,— бешено (с. 63 протоколов Лиги). Верно. Он хлопал дверью. Правда. Он возмутил своим поведением (на втором или третьем заседании орг. «Искры») оставшихся на собрании членов. Истина. Но что же отсюда следует? Только то, что мои доводы по существу спорных вопросов были убедительны и подтверждались ходом съезда. В самом деле, если со мной оказалось все же, в конце концов, девять из шестнадцати членов организации «Искры», то ясно, что это произошло *несмотря* на зловредные резкости, *вопреки* им. Значит, если бы не было «резкостей», то может быть еще больше, чем девять, было бы на моей стороне. Значит, тем более убедительны были доводы и факты, чем большее «возмущение» должны были они перевесить.

жадно будет упиваться этой сенсационной новостью, что вот такой-то был главным деятелем О. К., по уверению самого Мартова *). Эта читающая публика гораздо более способна обсудить и решить вопрос, чем формалистические учреждения вроде съездов с их грубомеханическими решениями по большинству... Да, большие еще Авгиевы конюшни заграничной дрязги предстоит очистить нашим настоящим партийным работникам!

Другой вотум организации «Искры»: «принимается десятью голосами против двух, при четырех воздержавшихся, список пяти (в Ц. К.), в который введен, по моему предложению, один лидер неискровских элементов и один лидер искровского меньшинства». Этот вотум крайне важен, ибо он ясно и неопровержимо доказывает всю лживость наросших потом, в атмосфере дрязги, россказней, будто мы хотели вышибать из партии или отстранять неискровцев, будто большинство выбирало только одной половиной съезда из одной половины и т. п. Все это — сплошная фальшь. Приведенный мной вотум показывает, что не только из партии, но даже и из Ц. К. неискровцев мы не устраняли, а давали своим оппонентам весьма значительное *меньшинство*. Все дело было в том, что они *хотели иметь большинство* и, когда это скромное желание не осуществилось, они подняли *скандал*, с полным отказом от участия в центрах. Что дело было именно так, вопреки утверждениям т. Мартова в Лиге, это видно из следующего *письма*, посланного нам, большинству искровцев (и большинству съезда, по уходе семи) меньшинством организации «Искры» вскоре после принятия 1 § устава на съезде (надо заметить, что собрание организации «Искры», о котором я говорил, было *последним:* после него *фактически* организация распалась, и обе стороны старались убедить в своей правоте остальных делегатов съезда).

Вот текст письма:

«Выслушав объяснения делегатов Сорокина и Саблиной по вопросу о желании большинства редакции и группы «Освобождение Труда» участвовать на собрании (такого-то числа) **) и установив с помощью этих

---

*) Я тоже проводил в организации «Искры» и тоже не провел, подобно Мартову, одного кандидата в Ц. К., относительно которого я тоже мог бы говорить о его великолепной, исключительными фактами доказываемой, репутации до съезда и в начале съезда. Но мне это не приходит в голову. Этот товарищ *достаточно уважает себя*, чтобы *не позволить* никому выдвигать после съезда печатно его кандидатуру или жаловаться на политические похороны, на разрушение репутации и т. д.

**) По моему расчету, дата, приведенная в письме, приходится на вторник. Собрание было во вторник вечером, т.-е. *после* 28-го заседания съезда. Эта хронологическая справка очень важна. Она *документально опровергает* мнение тов. Мартова, что мы разошлись по вопросу об организации центров, а не по вопросу об их личном составе. Она *документально доказывает* правильность моего изложения на съезде Лиги и

делегатов, что на предыдущем собрании читался, как якобы исходящий от нас список кандидатов в Ц. К., которым пользовались для неправильной характеристики всей нашей *политической* позиции, и имея в виду, что, во-первых, нам этот список приписан без всякой попытки проверить происхождение этого списка; что, во-вторых, это обстоятельство стоит в несомненной связи с распространяемым открыто обвинением большинства редакции «Искры» и группы «Освобождение Труда» в «оппортунизме»; и что, в-третьих, для нас совершенно ясна связь этого обвинения с имеющимся вполне определенным планом *изменения состава редакции «Искры»*,— мы находим данные нам объяснения о причинах недопущения на собрание неудовлетворяющими нас, а нежелание допустить на собрание — доказательством нежелания дать нам возможность рассеять вышеуказанные ложные обвинения.

«По вопросу о возможном соглашении между нами об общем списке кандидатов в Ц. К. мы заявляем, что единственным списком, который мы можем принять, как основу соглашения, является такой: Попов, Троцкий, Глебов, при чем подчеркиваем характер этого списка, как списка *компромиссного*, так как включение в этот список тов. Глебова имеет значение только уступки желаниям большинства, ибо, после выяснившейся для нас роли тов. Глебова на съезде, *мы не считаем тов. Глебова* удовлетворяющим требованиям, которые следует предъявлять к кандидату в Ц. К.

«Вместе с тем, мы подчеркиваем то обстоятельство, что, вступая в переговоры о кандидатурах в Ц. К., мы это делаем без всякого отношения к вопросу о составе редакции Ц. О., так как мы ни в какие переговоры по этому вопросу (о составе редакции) не согласны вступать.

За товарищей Мартов и Старовер».

Это письмо, точно воспроизводящее настроение спорящих сторон и положение спора, сразу вводит нас в «сердцевину» начинающегося раскола и показывает его действительные причины. Меньшинство организации «Искры», не пожелав согласиться с большинством, предпочтя свободную агитацию на съезде (имея на то, конечно, полное право), добивается, тем не менее, от «делегатов» большинства допущения на их частное собрание! Понятно, что забавное требование встретило в нашем собрании (письмо было, разумеется, прочтено на собрании) только улыбку и пожиманье плеч, а вскрикивания, переходящие уже в истерику, относительно «ложных обвинений в оппортунизме» вызвали прямо смех. Но разберем сначала, по пунктам, горькие жалобы Мартова и Старовера.

Им неправильно приписали список; их политическую позицию неправильно характеризуют. — Но как Мартов признает и сам (стр. 64 протоколов Лиги), я не подумал заподозрить правдивость его слов, что не он автор списка. Вопрос об авторстве

в «Письме в редакцию». *После 28-го* заседания съезда т.т. Мартов и Старовер усиленно толкуют о ложном обвинении в оппортунизме и *ни слова не говорят* о расхождении по вопросу о составе Совета или о кооптации в центры (о чем мы спорили в 25, 26 и 27 заседаниях).

вообще тут не при чем, и был ли список намечен кем-либо из искровцев или кем-либо из представителей «центра» и т. п.— это не имеет ровно никакого значения. Важно то, что список этот, сплошь состоящий из членов теперешнего меньшинства, циркулировал на съезде, хотя бы даже в качестве простой догадки или предположения. *Важнее всего*, наконец, то, что т. Мартову *приходилось* на съезде отбояриваться руками и ногами от *такого* списка, который он теперь *должен бы был* встретить с восторгом. Нельзя рельефнее обрисовать неустойчивость в оценке людей и оттенков, как этим прыжком за пару месяцев от воплей о «позорящем слухе» до навязывания партии в центр этих самых кандидатов позорящего, якобы, списка! *).

Этот список,— говорил т. Мартов на съезде Лиги,— «означал политически коалицию нашу и «Южного Рабочего» с Бундом, коалицию в смысле *прямого соглашения*» (стр. 64). Это неверно, ибо, во-первых, Бунд никогда не пошел бы на «соглашение» о списке, в коем не было ни единого бундовца; а, во-вторых, о прямом соглашении (которое казалось Мартову позорным) не было *и не могло быть речи* не только с Бундом, но и с группой «Южного Рабочего». Дело шло именно не о соглашении, а о коалиции, не о том, чтобы т. Мартов заключал сделку, а о том, что его *неизбежно должны были поддержать* те самые анти-искровские и шаткие элементы, с которыми он боролся в течение первой половины съезда и которые ухватились за его ошибку в § 1 устава. Письмо, приведенное мною, доказывает самым бесспорным образом, что *корень* «обиды» заключался именно в *открытом, да еще при том ложном, обвинении в оппортунизме*. «Обвинения» эти, из-за которых загорелся сыр-бор, и которые так тщательно обходит *теперь* т. Мартов, несмотря на мое напоминание в «Письме в редакцию», были двоякого рода: во-первых, во время прений о § 1 устава Плеханов прямо сказал, что вопрос о § 1 является вопросом об «отделении» от нас «всякого рода представителей оппортунизма» и что за мой проект, как оплот против их вторжения в партию, «уже по одному этому должны голосовать все противники оппортунизма» (стр. 246 протоколов съезда). Эти энергичные слова, несмотря на маленькое смягчение, которое я внес в них (стр. 250) **), вызвали сенсацию, ясно выразившуюся в речах т.т. Русова (стр. 247), Троцкого (стр. 248) и Акимова (стр. 253). В «кулуарах» нашего «парламента» тезис Плеханова живо комментировался и варьировался на тысячи ладов в бесконечных спорах о § 1. И вот, вместо того, чтобы защищаться по существу, наши дорогие

*) Предыдущие строки были уже набраны, когда мы получили сообщение об инциденте тов. Гусева и тов. Дейча. Мы рассмотрим этот инцидент особо в *приложении* (см. настоящий том, стр. 329. *Ред.*).

**) См. настоящий том, стр. 31—32. *Ред.*

товарищи ударились в смешную обиду вплоть до письменных жалоб на «ложное обвинение в оппортунизме»!

Психология кружковщины и поразительной партийной незрелости, неспособной выносить свежего ветерка открытых споров перед всеми, сказалась тут во-очию. Это — та знакомая российскому человеку психология, которая выражается старинным изречением: либо в зубы, либо ручку пожалуйте! Люди так привыкли к стеклянному колпаку тесной и теплой компанийки, что упали в обморок от первого же выступления, за своей ответственностью, на свободной и открытой арене. Обвинять, и кого же? Группу «Освобождение Труда», да еще большинство ее, в оппортунизме, — можете себе представить такой ужас! Либо партийный раскол из-за такого несмываемого оскорбления, либо замять эту «домашнюю неприятность» восстановлением «преемственности» стеклянного колпака — эта дилемма намечается уже довольно определенно в рассматриваемом письме. Психология интеллигентского индивидуализма и кружковщины столкнулась с требованием открытого выступления перед партией. Представьте себе только, чтобы в немецкой партии возможна была такая нелепость, такая дрязга, как жалоба на «*ложное* обвинение в оппортунизме»! Пролетарская организация и дисциплина давно отучили там от этой интеллигентской хлипкости. Никто не относится иначе, как с величайшим уважением, скажем, к Либкнехту, но как бы осмелли там *жалобы* на то, что его «открыто обвиняли в оппортунизме» (вместе с Бебелем) на съезде 1895 года, когда он оказался по аграрному вопросу в дурной компании заведомого оппортуниста Фольмара и его друзей [85]). Имя Либкнехта неразрывно связано с историей немецкого рабочего движения не потому, конечно, что Либкнехту довелось впасть в оппортунизм по такому сравнительно мелкому и частному вопросу, а несмотря на это. И точно так же, несмотря ни на какое раздражение борьбы, имя, скажем, т. Аксельрода внушает и всегда будет внушать уважение всякому русскому социал-демократу, но не потому, что т. Аксельроду случилось защищать оппортунистическую идейку на втором съезде нашей партии, случилось выкопать старую анархическую дребедень на втором съезде Лиги, а несмотря на это. Только самая заскорузлая кружковщина с ее логикой: либо в зубы, либо ручку пожалуйте, могла поднять истерику, дрязгу и партийный раскол из-за «ложного обвинения в оппортунизме большинства группы «Освобождение Труда»».

Другое основание этого ужасного обвинения связано с предъидущим самым неразрывным образом (т. Мартов тщательно пытался на съезде Лиги (стр. 63) обойти и затушевать *одну* из сторон этого инцидента). Оно относится именно к той *коалиции* анти-искровских и шатких элементов с т. Мартовым, которая *наметилась* по § 1 устава. Разумеется, никакого ни прямого, ни

косвенного соглашения между т. Мартовым и антиискровцами не было и быть не могло, и никто его в этом не подозревал: это ему только со страху показалось. Но его ошибка *политически* обнаружилась именно в том, что люди, несомненно тяготеющие к оппортунизму, стали образовывать вокруг него все более и более плотное «компактное» большинство (ставшее теперь меньшинством *только* благодаря «случайному» уходу семи делегатов). На эту «коалицию» мы указывали, конечно, тоже *открыто* тотчас же после § 1 и на съезде (см. отмеченное уже выше замечание т. Павловича, стр. 255 проток. съезда) и в организации «Искры» (особенно указывал на это, помнится, Плеханов). Это буквально то же самое указание и та же самая насмешка, которая падала и на Бебеля с Либкнехтом в 1895 году, когда Цеткина сказала им: «Es thut mir in der Seele weh, dass ich dich in der Gesellschaft seh'» (горько у меня на душе, что я вижу тебя — т.-е. Бебеля — в такой компании — т.-е. с Фольмаром и К⁰). Странно это, право, что Бебель с Либкнехтом не послали тогда Каутскому и Цеткиной истерического послания о ложном обвинении в оппортунизме...

Что касается до списка кандидатов в Ц. К., то письмо это показывает ошибку т. Мартова, утверждавшего в Лиге, что отказ столковаться с нами не был еще окончательный, — лишний пример того, как неразумно в политической борьбе пытаться воспроизводить на память *разговоры*, вместо справки с документами. На самом деле «меньшинство» было так скромно, что предъявляло «большинству» ультиматум: взять двух из «меньшинства» и одного (в виде компромисса и *только* для уступки собственно!) от «большинства». Это чудовищно, но это факт. И этот факт показывает воочию, как вздорны теперешние россказни, будто «большинство» одной половиной съезда выбирало представителей одной только половины. *Как раз наоборот:* мартовцы лишь для уступки предлагали нам одного из трех, желая, следовательно, в случае несогласия нашего на эту оригинальную «уступку», провести *всех* своих! Мы посмеялись, на нашем частном собрании, над скромностью мартовцев и составили себе список: Глебов — Травинский (выбранный потом в Ц. К.) — *Попов*. Этот последний был заменен нами (тоже на частном собрании 24-х) тов. Васильевым (выбранным потом в Ц. К.) *лишь потому*, что тов. Попов отказался идти в нашем списке, отказался сначала в частной беседе, а потом и на съезде открыто (стр. 338).

Вот как было дело.

Скромное «меньшинство» имело скромное желание быть в большинстве. Когда это скромное желание не было удовлетворено, «меньшинство» изволило вовсе отказаться и начать скандальчик. А теперь находятся еще люди, которые величественно-снисходительно толкуют о «неуступчивости» «большинства»!

«Меньшинство» предъявляло забавные ультиматумы «большинству», вдучи на рать свободной агитации на съезде. Потерпев поражение, *наши герои расплакались и закричали об осадном положении.* Voilà tout *).

Ужасное обвинение в том, что мы намерены изменить состав редакции, мы (частное собрание 24-х) встретили тоже улыбкой: все прекрасно знали с самого начала съезда и еще до съезда о плане *обновления* редакции путем выбора первоначальной тройки (подробнее я скажу об этом, когда будет речь о выборе редакции на съезде). Что «меньшинство» испугалось этого плана *после того,* как увидело, что прекрасным подтверждением правильности этого плана явилась коалиция «меньшинства» с анти-искровцами,—это нас не удивило, это было вполне естественно. Мы не могли, конечно, брать всерьез предложение превратиться, по доброй воле, до борьбы на съезде, в меньшинство, не могли брать всерьез всего письма, авторы которого дошли до такой невероятной степени раздражения, что говорили о «ложных обвинениях в оппортунизме». Мы твердо надеялись, что партийный долг возьмет очень быстро верх над естественным желанием «сорвать сердце».

к) ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРЕНИЙ ОБ УСТАВЕ. СОСТАВ СОВЕТА.

Дальнейшие пункты устава вызывали гораздо больше споров о частностях, чем о принципах организации. 24-ое заседание съезда целиком посвящено было вопросу о представительстве на партийных съездах, при чем решительную и определенную борьбу против общих всем искровцам планов вели опять-таки лишь бундовцы (Гольдблат и Либер, стр. 258—9) и т. Акимов, который с похвальной откровенностью признал свою роль на съезде: «Я каждый раз говорю с полным сознанием того, что я своими доводами не повлияю на товарищей, но, наоборот, повредю тому пункту, который я защищаю» (стр. 261). Это меткое замечание было особенно уместно тотчас же после § 1 устава; не совсем правильно только употреблено здесь выражение «наоборот», ибо т. Акимов умел не только вредить известным пунктам, но в то же время и тем самым также и «влиять на товарищей»... из числа очень непоследовательных искровцев, склонных к оппортунистической фразе.

В общем, § 3 устава, определяющий условия представительства на съезде, был принят большинством при 7 воздержавшихся (стр. 263), — очевидно, из числа анти-искровцев.

*) — Вот и всё. *Ред.*

Спор о составе Совета, занявший бо́льшую часть 25-го заседания съезда, обнаружил чрезвычайную дробность группировок вокруг громадного числа различных проектов. Абрамсон и Царев совсем отвергают план Совета. Панин упорно хочет сделать Совет исключительно третейским судом и потому вполне последовательно предлагает выкинуть определение, что Совет есть высшее учреждение и что его могут созывать любые два члена Совета *). Герц, Русов отстаивают разные способы составления Совета в дополнение к *трем* способам, предложенным *пятью* членами уставной комиссии.

Спорные вопросы сводились прежде всего к определению задач Совета: третейский суд или высшее учреждение партии? Последовательно за первое стоял, как я уже сказал, т. Панин. Но он был одинок. Т. Мартов решительно высказался против: «Предложение о том, чтобы вычеркнуть слова: «Совет есть высшее учреждение», я предлагаю отвергнуть: «наша формулировка» (т.-е. формулировка задач Совета, на которой мы сошлись в уставной комиссии) «умышленно оставляет возможность развития Совета в высшее партийное учреждение. Для нас Совет не только примирительное учреждение». Между тем состав Совета, по проекту т. Мартова, соответствовал всецело и исключительно характеру «примирительных учреждений» или третейских судов: по два члена от обоих центров и пятый, приглашаемый этими четырьмя. Не только такой состав Совета, но и тот, который принят съездом, по предложению т.т. Русова и Герца (пятый член назначается съездом), соответствует исключительно целям примирения или посредничества. Между таким составом Совета и назначением его стать высшим учреждением партии — противоречие непримиримое. Высшее учреждение партии должно быть постоянно в составе, а не зависеть от случайных (иногда в силу провалов) изменений в составе центров. Высшее учреждение должно находиться в непосредственной связи с партийным съездом, от него получая свои полномочия, а не от двух других, подчиненных съезду, партийных учреждений. Высшее учреждение должно состоять из лиц, известных партийному съезду. Наконец, *высшее* учреждение не может быть *организовано* так, что *самое его существование* зависит от случая: не сойдутся две коллегии в выборе пятого, и партия остается без высшего учреждения! Против этого возражали: 1) что при воздержании одного из пяти и при разделении остальных четырех на две пары положение тоже может оказаться безвыходным (Егоров). Это возражение несостоятельно, ибо невозможность *принять*

*) Т. Старовер, видимо, тоже склонялся к взглядам т. Панина, с тем только отличием, что последний знал, чего он хочет, и вполне последовательно вносил резолюции, превращающие Совет в чисто третейское, примирительное учреждение, тогда как т. Старовер не знал, чего он хочет, говоря, что Совет собирается, по проекту, «только по желанию сторон» (стр. 266). Это прямо неверно.

решение неизбежна иногда для *всякой* коллегии, но это совсем не то, что невозможность *составить* коллегию. Второе возражение: «если такое учреждение, как Совет, не сможет выбрать пятого члена, то это значит тогда, что учреждение вообще недееспособно» (Засулич). Но дело тут не в недееспособности, а в несуществовании *высшего* учреждения: без пятого члена *не будет* никакого Совета, не будет *никакого* «*учреждения*», и о дееспособности нельзя будет и говорить. Наконец, было бы еще поправимым злом, если бы возможны были случаи, когда не составляется одна из таких партийных коллегий, над которой стоит другая, высшая, ибо тогда эта высшая коллегия могла бы в экстренных случаях всегда пополнить пробел так или иначе. Но над Советом никакой коллегии, кроме съезда, *нет*, и поэтому оставить в уставе *возможность* того, что Совета нельзя будет *даже и составить*, — явная нелогичность.

Обе мои коротенькие речи на съезде по этому вопросу и были посвящены разбору (стр. 267 и 269) *только двух этих* неправильных возражений, которыми защищали проект Мартова он сам и другие товарищи [86]). Вопрос же о преобладании Ц. О. или Ц. К. в Совете *мной не был даже задет*. Вопрос этот затронул, *впервые* в смысле указания на опасность преобладания Ц. О., *т. Акимов* еще в 14-ом заседании съезда (стр. 157), и *только* за Акимовым пошли *после съезда* т.т. Мартов, Аксельрод и другие в создании нелепой и демагогической сказки о желании «большинства» превратить Ц. К. в орудие редакции. Касаясь этого вопроса в своем «Осадном положении», т. Мартов скромно обошел его настоящего инициатора!

Кто захочет познакомиться со *всей* постановкой вопроса о преобладании Ц. О. над Ц. К. на съезде партии, а не ограничиваться отдельными вырванными из связи цитатами, тот легко увидит извращение дела т. Мартовым. Еще в 14-ом заседании *никто иной, как т. Попов* начинает с полемики *против взглядов т. Акимова*, желающего «на вершине партии защищать «самую строгую централизацию», *чтобы ослабить влияние Ц. О.*» (стр. 154, курсив мой), «в чем собственно и заключается весь смысл такой (Акимовской) системы». «Такой централизации — добавляет т. Попов — я не только не защищаю, но я готов всячески с ней бороться, потому, что она — *знамя оппортунизма*». Вот где *корень* пресловутого вопроса о преобладании Ц. О. над Ц. К., и неудивительно, что т. Мартову *приходится* теперь замалчивать истинное происхождение вопроса. *Даже* т. Попов не мог не видеть *оппортунистического* характера этих Акимовских толков о преобладании Ц. О. *) и, чтобы хорошенько отделить себя от т. Аки-

*) Т. Акимова ни т. Попов, ни т. Мартов не стеснялись называть оппортунистом, они стали обижаться и возмущаться лишь тогда, когда *к ним*

мова, товарищ Попов *категорически* заявлял: «пусть в этом центре (Совете) три члена будут от редакции и два члена от Ц. К. *Это вопрос второстепенный* (курсив мой), важно же то, чтобы руководство, высшее руководство партией, шло из одного источника» (стр. 155). Т. Акимов возражает: «по проекту Ц. О. обеспечено превалирование в Совете уже потому, что состав редакции постоянный, а Ц. К. переменный» (стр. 157) — довод, относящийся лишь к «постоянству» *принципиального* руководства (явление нормальное и желательное), отнюдь не к «превалированию» в смысле вмешательства или посягательства на самостоятельность. И т. Попов, который еще тогда не принадлежал к «меньшинству», прикрывающему недовольство составом центров сплетничаньем о несамостоятельности Ц. К., отвечает товарищу Акимову совершенно резонно: «Я предлагаю считать его (Совет) руководящим центром партии, и тогда *совершенно не важен вопрос, будет ли в Совете большее число представителей от Ц. О. или от Ц. К.*» (стр. 158. Курсив мой).

Когда обсуждение вопроса о составе Совета возобновилось в 25-ом заседании, тов. Павлович, продолжая старые прения, высказывается за преобладание Ц. О. над Ц. К. «в виду устойчивости первого» (264), имея в виду именно *принципиальную* устойчивость, как и понял это тов. Мартов, который говорил сейчас же после тов. Павловича, находил неуместным «фиксировать перевес одного учреждения над другим» и указывал на возможность пребывания одного из членов Ц. К. за границей: «этим сохранится до известной степени принципиальная устойчивость Ц. К.» (264). Тут нет еще и тени демагогического *смешения* вопроса о *принципиальной* устойчивости и ее охране с охраной самостоятельности и независимости Ц. К. Это смешение, *после съезда* ставшее едва ли не главным козырем тов. Мартова, *на съезде* упорно проводил *только тов. Акимов*, который и говорил *тогда еще* об «аракчеевском духе устава» (268), о том, что «*если в Совете Партии окажутся три члена Ц. О., то Ц. К. превратится в простого исполнителя воли редакции* (курсив мой). Три лица, живущие за границей, получат право безгранично (!!) распоряжаться работой всей (!!) партии. Они обеспечены в смысле безопасности, и потому их власть пожизненна» (268). Вот против этих-то, совершенно вздорных и демагогических фраз, которые подменивают *идейное*

самим применили это название и применили справедливо за «равноправие языков» или за § 1. Т. Акимов, по стопам которого пошел т. Мартов, умел, однако, держать себя с бо́льшим достоинством и мужеством на партийном съезде, чем т. Мартов и К° на съезде Лиги. «Меня здесь, — говорил т. Акимов на съезде партии — называют оппортунистом; я лично считаю это слово бранным, оскорбительным, и думаю, что я его совершенно не заслужил; однако я против этого не протестую» (стр. 296). Может быть, т.т. Мартов и Старовер предлагали т. Акимову подписаться под их протестом против ложного обвинения в оппортунизме, но т. Акимов отказался?

руководство — вмешательством в работу всей партии (и которые после съезда доставили дешевенький лозунг тов. Аксельроду с его речами о «теократии») [87], — *против них* возражал опять товарищ Павлович, подчеркнувший, что он стоит «за прочность и чистоту тех принципов, представителем которых является «Искра». Давая перевес редакции Центрального Органа, я этим укрепляю эти принципы».

Вот как стоит на самом деле вопрос о пресловутом преобладании Ц. О. над Ц. К. Это знаменитое «принципиальное разногласие» т.т. Аксельрода и Мартова есть не что иное, как *повторение оппортунистических и демагогических фраз товарища Акимова*, фраз, истинный характер которых ясно видел даже товарищ Попов, видел тогда, когда еще не потерпел поражения по вопросу о составе центров!

* * *

Итог вопроса о составе Совета: вопреки попыткам тов. Мартова доказать в «Осадном положении» противоречивость и неправильность моего изложения в «Письме в редакцию», протоколы съезда ясно показывают, что вопрос этот *по сравнению* с § 1 действительно лишь *деталь*, что *полным извращением* было заявление статьи «Наш съезд» (№ 53 «Искры»), будто «почти исключительно» мы спорили об организации центральных учреждений партии. Извращение это тем более вопиющее, что автор статьи *вовсе обошел споры о § 1*. Далее, что определенной группировки искровцев по вопросу о составе Совета не было, это тоже подтверждают протоколы: именных голосований нет, Мартов расходится с Паниным, я схожусь с Поповым, Егоров и Гусев стоят особо и т. д. Наконец, последнее мое утверждение (на съезде Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии), что коалиция мартовцев с анти-искровцами крепла, *тоже подтверждается* видным теперь для всех поворотом товарищей Мартова и Аксельрода к т. Акимову и в этом вопросе.

л) КОНЕЦ ПРЕНИЙ ОБ УСТАВЕ. КООПТАЦИЯ В ЦЕНТРЫ. УХОД ДЕЛЕГАТОВ «РАБОЧЕГО ДЕЛА».

Из дальнейших прений об уставе (26-ое заседание съезда) стоит отметить лишь вопрос об ограничении власти Центрального Комитета, проливающий свет на характер *теперешних* нападок мартовцев на гиперцентрализм. Т.т. Егоров и Попов стремились к ограничению централизма с несколько большей убежденностью, независимо от их собственной или проводимой ими кандидатуры. Они предложили еще в уставной комиссии ограничить право Ц. К. на распущение местных комитетов согласием Совета

и, кроме того, случаями, особо перечисленными (стр. 272, прим. 1). Трое членов уставной комиссии (Глебов, Мартов и я) высказались против, и на съезде тов. Мартов защищал наше мнение (стр. 273), возражая Егорову и Попову, что «Ц. К. и без того будет обсуждать, прежде чем решится сделать такой серьезный шаг, как распустить организацию». Как видите, *тогда* еще тов. Мартов оставался глух ко *всяким* анти-централистическим поползновениям, и съезд отклонил предложение Егорова и Попова,— к сожалению, мы не узнаем только из протоколов, каким числом голосов.

На съезде партии тов. Мартов был также «против замены слова организует (Ц. К. организует комитеты и т. д. в § 6 устава партии) словом утверждает. Нужно дать право и организовать», говорил *тогда* тов. Мартов, не додумавшийся еще до замечательной, открытой лишь на съезде Лиги идеи, что утверждение не входит в понятие «организовать».

Кроме этих двух пунктов, вряд ли представляют интерес остальные, совершенно уже мелочные дебаты по частностям §§ 5—11 устава (стр. 273—276 протоколов). Параграф 12— вопрос о кооптации во все партийные коллегии вообще и в центры в частности. Комиссия предлагает повысить квалифицированное большинство, необходимое для кооптации, с $^2/_3$ до $^4/_5$. Докладчик (Глебов) предлагает *единогласную* кооптацию в Ц. К. Тов. Егоров, признавая нежелательным *шероховатости*, стоит за простое большинство при отсутствии мотивированного veto *). Тов. Попов не согласен ни с комиссией, ни с тов. Егоровым и требует либо простого большинства (без права veto), либо единогласия. Тов. Мартов не согласен ни с комиссией, ни с Глебовым, ни с Егоровым, ни с Поповым, высказываясь против единогласия, против $^4/_5$ (за $^2/_3$), *против «взаимной кооптации», т.-е. права редакции Ц. О. опротестовывать кооптацию в Ц. К. и обратно* («права взаимного контроля над кооптацией»).

Как видит читатель, группировка получается самая пестрая, и разногласия дробятся чуть ли не на «единогласные» особенности во взглядах каждого делегата!

Т. Мартов говорит: «Психологическую невозможность работать с лицами неприятными я признаю. Но нам важно также, чтобы наша организация была жизне- и дееспособна... Право взаимного контроля Ц. К. и редакции Ц. О. при кооптации не нужно. Я не потому против этого, что думаю, что они не компетентны один в области другого. Нет! Редакция Ц. О., например, могла бы дать Ц. К. хороший совет, следует ли господина Надеждина, напр., принять в Ц. К. Я восстаю потому, что не хочу создавать взаимно раздражающей волокиты».

---

*) — буквально: запрещаю; право своим голосом отклонить известное предложение. *Ред.*

Я возражаю ему: «Здесь два вопроса. Первый о квалифицированном большинстве, и я против предложения понизить с $^4/_5$ до $^2/_3$. Вводить мотивированный протест не расчетливо, и я против него. Неизмеримо важнее второй вопрос о праве взаимного контроля Ц. К. и Ц. О. над кооптацией. Взаимное согласие двух центров есть необходимое условие гармонии. Здесь вопрос идет о разрыве двух центров. Кто не хочет раскола, должен заботиться о том, чтобы была гармония. Из жизни партии известно, что бывали люди, вносившие раскол. Вопрос этот принципиальный, вопрос важный, от него может зависеть вся будущая судьба партии» (277). Таков полный текст записанного на съезде конспекта моей речи, которой придает особенно серьезное значение т. Мартов. К сожалению, придавая ей серьезное значение, он не потрудился поставить ее в связь со всеми прениями и со всем политическим моментом съезда, когда эта речь была произнесена.

Прежде всего, является вопрос: почему я в первоначальном своем проекте (см. страницу 394, § 11) *) ограничивался $^2/_3$ и не требовал взаимного контроля над кооптацией в центры? Т. Троцкий, говоривший после меня (с. 277), сейчас же и поднял этот вопрос.

Ответ на этот вопрос дает моя речь на съезде Лиги и письмо т. Павловича о II съезде. § 1 устава «разбил посудину», и ее надо было связать «двойным узлом» — говорил я на съезде Лиги. Это значило, во-1-х, то, что в чисто теоретическом вопросе Мартов оказался оппортунистом, и его ошибку *отстояли* Либер и Акимов. Это значило, во-2-х, то, что коалиция мартовцев (т.-е. ничтожного меньшинства искровцев) с антиискровцами давала им *большинство на съезде* при проведении личного состава центров. А я именно говорил здесь о *личном составе* центров, подчеркивая необходимость гармонии и *предупреждая от «людей, вносивших раскол»*. Предупреждение это получало действительно важное принципиальное значение, ибо организация «Искры» (несомненно, более компетентная в вопросе о личном составе центров, как наиболее близко знакомая со всеми делами на практике и со всеми кандидатами) организация «Искры» вынесла уже свой совещательный голос по этому вопросу, приняла известное нам решение относительно возбуждавших ее опасение кандидатур. И морально и по существу дела (т.-е. по компетентности вынесшего решение) организация «Искры» должна была иметь решающее значение в этом деликатном вопросе. Но *формально* т. Мартов имел, разумеется, полнейшее право апеллировать *против* большинства организации «Искры» к Либерам и Акимовым. А т. Акимов в своей блестящей речи о § 1 сказал замечательно ясно и умно, что когда он видит среди искровцев разногласие о способах достижения их общей, искровской, цели,

*) См. настоящий том, стр. 13. *Ред.*

то он сознательно и намеренно *вотирует за худший способ*, ибо его, Акимова, цели диаметрально противоположны искровским. Не могло подлежать, таким образом, *никакому сомнению*, что, независимо даже от воли и сознания т. Мартова, *именно худший состав центров* получит поддержку Либеров и Акимовых. Они *могут вотировать*, они должны вотировать (судя не по их словам, а по их *делам*, по их воту в § 1) именно за тот список, который может обещать присутствие «людей, вносивших раскол», вотировать именно *для того*, чтобы «внести раскол». Удивительно ли, что при такой ситуации я говорил о важном принципиальном вопросе (гармония двух центров), от которого может зависеть вся будущая судьба партии?

Ни один социал-демократ, сколько-нибудь знакомый с искровскими идеями, планами и историей движения, сколько-нибудь искренно разделявший эти идеи, не мог ни на минуту усомниться в том, что решение Либерами и Акимовыми спора внутри организации «Искры» о составе центров было формально правильно, но обеспечивало *наихудшие* возможные результаты. С этими наихудшими возможными результатами обязательно надо было *бороться*.

Спрашивается: как бороться? Мы боролись не истерикой и не скандальчиком, конечно, а такими средствами, которые *вполне лойяльны и вполне законны*: чувствуя, что мы в меньшинстве (как и по § 1), *мы стали ходатайствовать перед съездом об ограждении прав меньшинства*. И большая строгость квалификации при приеме членов ($^4/_5$ вместо $^2/_3$), и единогласие при кооптации, и взаимный контроль над кооптацией в центры,— все это мы стали отстаивать, *когда мы оказались в меньшинстве по вопросу о личном составе центров*. Этот факт постоянно игнорируют Иваны и Петры, охочие судить и рядить о съезде с-кондачка, после пары приятельских бесед, без серьезного изучения *всех* протоколов и всех «показаний» заинтересованных лиц. И всякий, кто захочет добросовестно изучить эти протоколы и эти показания, неизбежно придет к указанному мною факту: *корень* спора *лежит в данный момент съезда* именно в вопросе о *личном составе центров*, и более строгих условий контроля мы добивались именно потому, что были в меньшинстве, что хотели «двойным узлом связать посудину», разбитую Мартовым при ликовании и при ликующем участии Либеров и Акимовых.

«Если бы дело было не так,—говорит об этом моменте съезда т. Павлович, — то остается предположить, что, выставляя пункт об единогласии при кооптации, мы заботились о своих противниках, ибо для преобладающей партии в том или ином учреждении единогласие не только не нужно, но даже невыгодно» (с. 14 «Письма о II съезде»). Но в настоящее время слишком и слишком часто забывают хронологию событий, забывают,

что *в течение целого периода съезда* теперешнее меньшинство было большинством (благодаря участию Либеров и Акимовых) и что именно к этому периоду относится спор о кооптации в центры, подоплекой которого было расхождение в организации «Искры» из-за личного состава центров. Кто уяснит себе это обстоятельство, тот поймет и страстность наших дебатов, тот не будет удивляться и тому *кажущемуся* противоречию, что какие-то мелкие, детальные разногласия вызывают действительно важные, принципиальные вопросы.

Т. Дейч, говоривший в том же заседании (с. 277), был в значительной степени прав, когда заявил: «Несомненно, что это предложение рассчитано на данный момент». Действительно, только поняв *данный момент* во всей его сложности, можно понять истинное значение спора. И в высшей степени важно иметь в виду, что, когда *мы* были в меньшинстве, мы отстаивали права меньшинства *такими приемами*, которые признает законными и допустимыми любой европейский социал-демократ: именно, ходатайством перед съездом о более строгом контроле за личным составом центров. Точно также в значительной степени прав и т. Егоров, когда он говорил на съезде же, но в другом заседании: «Меня крайне удивляет, что я опять слышу в дебатах ссылку на принципы»... (Это говорится по поводу выборов в Ц. К., в 31-ом заседании съезда, т.-е., если я не ошибаюсь, утром в четверг, а 26-ое заседание, о котором сейчас идет речь, было вечером в понедельник)... «Кажется, для всех ясно, что в последние дни все дебаты вертелись не вокруг той или иной принципиальной постановки дела, а исключительно вокруг того, как обеспечить или воспрепятствовать доступ в центральные учреждения тому или иному лицу. Признаем, что принципы давно растеряны на этом съезде и будем называть вещи их настоящими именами. *(Общий смех. Муравьев: «Прошу занести в протокол, что т. Мартов улыбался»;* ст. 337)». Неудивительно, что и т. Мартов и все мы хохотали над жалобами т. Егорова, которые действительно смешны. Да, «*в последние дни*», очень и очень многое *вертелось* вокруг вопроса о личном составе центров. Это правда. Это действительно на съезде было *для всех ясно* (и только *теперь* меньшинство старается *затемнить* это ясное обстоятельство). Правда, наконец, и то, что следует называть вещи их настоящими именами. Но, ради бога, при чем же *тут* «растерянность принципов»?? Ведь мы и сошлись на съезд *для того* (см. с. 10, порядок дня съезда), чтобы *в первые дни* поговорить о программе, тактике, уставе и вырешить соответствующие вопросы и чтобы *в последние дни* (пункты 18—19 порядка дня) поговорить о личном составе центров и вырешить *эти* вопросы. Когда люди употребляют на борьбу из-за дирижерской палочки *последние дни* съездов,

это явление естественное и вполне, вполне законное. (Вот когда из-за дирижерской палочки дерутся *после съездов*, тогда это есть дрязга.) Если кто *на съезде* потерпел поражение в вопросе о личном составе центров (как товарищ Егоров), то говорить *после этого* о «растерянности принципов» *просто смешно*. Понятно поэтому, что над т. Егоровым все смеялись. Понятно также, почему т. Муравьев просил занести в протокол участие в этом смехе т. Мартова: *т. Мартов, смеясь над т. Егоровым, смеялся над самим собой*...

В дополнение к пронии т. Муравьева, не лишне, может быть, сообщить такой факт. *После съезда* т. Мартов, как известно, уверял направо и налево, что кардинальную роль в нашем расхождении играл именно вопрос о кооптации в центры, что «большинство старой редакции» было сугубо против взаимного контроля над кооптацией в центры. *До съезда*, принимая мой проект выбора двух троек, с обоюдной кооптацией в $^2/_3$, т. Мартов *писал мне об этом:* «*Принимая такую форму взаимокооптации*, следует подчеркнуть, что после съезда пополнение каждой коллегии будет совершаться на иных несколько началах (*я бы советовал так:* каждая коллегия кооптирует новых членов, заявляя о своем намерении другой коллегии: *последняя может заявить протест, и тогда спор решает Совет.* Дабы не было волокиты, эта процедура проделывается по отношению *к заранее намеченным кандидатам, по крайней мере для Ц. К.*, из которых уже пополнение может совершаться более скорым путем). Чтобы оттенить, что дальнейшая кооптация совершается в порядке, который будет предусмотрен уставом партии, надо прибавить в § 22 *): «...который и утверждает состоявшиеся решения» (Курсив мой).

Комментарии излишни.

Объяснив значение момента, когда шел спор о кооптации в центры, мы должны несколько остановиться на относящихся сюда *голосованиях* — на *прениях* не приходится останавливаться, ибо после приведенных мною речей тов. Мартова и моей следуют только краткие реплики, в которых принимает участие ничтожное число делегатов (смотри стр. 277—280 протоколов). По поводу голосований, тов. Мартов утверждал на съезде Лиги, что я сделал в своем изложении «величайшее извращение» (стр. 60

*) Речь идет о моем первоначальном проекте Tagesordnung'а съезда и комментарии к нему, известном всем делегатам. § 22 этого проекта говорил именно о выборе двух троек в Ц. О. и Ц. К., о «взаимокооптации» этой шестеркой по большинству $^2/_3$, об утверждении этой взаимокооптации съездом и о самостоятельной дальнейшей кооптации в Ц. О. и Ц. К.

протоколов Лиги), «когда представил борьбу около устава»... (тов. Мартов нечаянно сказал большую правду: после § 1 горячие споры шли именно *около* устава)... «как борьбу «Искры» с мартовцами, вступившими в коалицию с Бундом».

Присмотримся к этому интересному вопросу о «величайшем извращении». Тов. Мартов соединяет голосования по вопросу о составе Совета с голосованиями по вопросу о кооптации и приводит *восемь* голосований: 1) выбор в Совет по два от Ц. О. и Ц. К.—за 27 (М), против — 16 (Л), возд.— 7 *). (Заметим в скобках, что в протоколах, стр. 270, число воздержавшихся показано 8, но это мелочь.) — 2) Избрание пятого члена Совета съездом:—за 23 (Л), против 18 (М), возд. 7.— 3) Замещение выбывших членов Совета самим Советом — против 23 (М), за 16 (Л), возд. 12.— 4) Единогласие в Ц. К.— за 25 (Л), против 19 (М), возд. 7.— 5) Требование *одного* мотивированного протеста для непринятия члена — за 21 (Л), против 19 (М), возд. 11.— 6) Единогласие при кооптации в Ц. О.— за 23 (Л), против 21 (М), возд. 7.— 7) Допустимость вота о праве Совета кассировать решения Ц. О. и Ц. К. о непринятии нового члена — за 25 (М), против 19 (Л), возд. 7.— 8) Само предложение об этом — за 24 (М), против 23 (Л), возд. 4. «*Тут, очевидно,*— заключает тов. Мартов (стр. 61 протоколов Лиги),— *один делегат Бунда вотировал за предложение, остальные воздержались*» (Курсив мой).

Спрашивается, почему считает тов. Мартов *очевидным,* что бундовец вотировал *за него, Мартова,* когда нет именных голосований?

Потому что он берет во внимание *число вотировавших* и, когда это число указывает на *участие* Бунда в голосовании, то он, тов. Мартов, не сомневается, что *это участие* было в его, Мартова, пользу.

Где же тут «величайшее извращение» с моей стороны?

Всего голосов 51, а без бундовских 46, без рабочедельских 43. В *семи* голосованиях из восьми, приведенных тов. Мартовым, участвовало 43, 41, 39, 44, 40, 44 и 44 делегата, в *одном* участвовало 47 делегатов (вернее, голосов), и здесь сам тов. Мартов признает, что его поддерживал бундовец. Оказывается таким образом, что картина, нарисованная Мартовым (и нарисованная неполно, как мы сейчас увидим), *только подтверждает и усиливает мое изображение борьбы!* Оказывается, что в очень многих случаях число воздерживавшихся было *весьма велико:* это именно указывает на малый *сравнительно* интерес всего съезда к известным *деталям,* на отсутствие вполне определенной группировки искровцев по этим вопросам. Слова Мартова, что бун-

*) Буквы М и Л в скобках указывают, на какой стороне стояли я (Л) и Мартов (М).

довцы «своим воздержанием явно содействуют Ленину» (стр. 62 проток. Лиги), *как раз и говорят против Мартова:* значит, *только* при отсутствии бундовцев, или при воздержании их, я мог иногда рассчитывать на победу. Но всякий раз, когда бундовцы *считают стоющим* вмешиваться в борьбу, они поддерживают тов. Мартова, а такое вмешательство было *не только* в вышеприведенном случае участия 47 делегатов. Кто захочет справиться с протоколами съезда, тот увидит *весьма странную неполноту* картины тов. Мартова. Тов. Мартов *просто опустил еще целых три случая,* когда Бунд *участвовал* в голосованиях, при чем *во всех этих случаях* тов. Мартов, *разумеется,* оказался победителем. Вот эти случаи: 1) Принимается поправка тов. Фомина, понижающая квалифицированное большинство с $^4/_5$ до $^2/_3$. За 27, против 21 (стр. 278), значит, участвовало 48 голосов. 2) Принято предложение тов. Мартова об устранении взаимной кооптации. За 26, против 24 (стр. 279), значит, участвовало в голосовании 50 голосов. Наконец, 3) отклонено мое предложение о допустимости кооптации в Ц. О. и Ц. К. лишь с согласия всех членов Совета (стр. 280). Против 27, за 22 (было даже поименное голосование, к сожалению, не сохранившееся в протоколах), значит, число голосовавших — 49.

Итог: по вопросам о кооптации в центры бундовцы участвовали *только в четырех голосованиях* (три приведенных сейчас мной, с 48, 50 и 49 участниками, и *одно,* приведенное тов. Мартовым, с 47 участниками). *Во всех этих голосованиях* победителем оказался тов. Мартов. *Мое изложение оказывается правильным во всех пунктах,* и в указании на коалицию с Бундом, и в констатировании детального сравнительно характера вопросов (масса случаев с большим числом воздержавшихся), и в указании на отсутствие определенной группировки искровцев (нет именных голосований; крайне мало высказавшихся в прениях).

Покушение тов. Мартова найти в моем изложении противоречие оказывается покушением с негодными средствами, ибо тов. Мартов вырвал отдельные словечки, не потрудившись восстановить картины в целом.

Последний параграф устава, посвященный вопросу о заграничной организации, вызвал опять-таки прения и голосования, замечательно характерные с точки зрения съездовских группировок. Дело шло о признании Лиги заграничной организацией партии. Тов. Акимов, разумеется, тотчас же восстал, напомнил о заграничном Союзе, утвержденном первым съездом, указывая на принципиальное значение вопроса. «Оговорюсь прежде всего, — заявил он,— что я не придаю особенного практического значения тому или иному решению этого вопроса. Идейная борьба, которая

до сих пор велась в нашей партии, несомненно не закончена; но она будет продолжаться в иных плоскостях и при иной группировке сил... На § 13 устава отразилась еще раз и очень резко тенденция превратить наш съезд из партийного в фракционный. Вместо того, чтобы заставить всех социал-демократов в России преклониться пред решением партийного съезда во имя партийного единства, соединив все партийные организации, съезду предлагается уничтожить организацию меньшинства, заставить меньшинство исчезнуть» (281). Как видит читатель, «преемственность», которая стала так дорога тов. Мартову после его поражения в вопросе о составе центров, была не менее дорога и тов. Акимову. Но на съезде люди, прилагающие разные мерки к себе и к другим, восстали горячо против тов. Акимова. Несмотря на принятие программы, признание «Искры» и принятие почти всего устава, на сцену выдвигается именно тот «принцип», который «принципиально» отделял Лигу от Союза. «Если т. Акимов хочет ставить вопрос на принципиальную почву, — восклицает т. Мартов, — мы не имеем ничего против; особенно ввиду того, что т. Акимов говорил о возможных комбинациях в борьбе с двумя течениями. Не в том смысле надо *санкционировать победу одного направления* (заметьте, что это говорится на *27-м* заседании съезда!), чтобы раскланяться лишний раз по адресу «Искры», а в том, чтобы *раскланяться окончательно со всякими возможными комбинациями, о которых заговорил тов. Акимов*» (282. Курс. мой).

Картина: тов. Мартов, *после* завершения всех программных споров на съезде, продолжает еще *окончательно раскланиваться* со всякими возможными комбинациями... пока он еще не потерпел поражения по вопросу о составе центров! Т. Мартов «окончательно раскланивается» на съезде с той *возможной* «комбинацией», которую он преблагополучно осуществляет *на другой день после съезда.* Но тов. Акимов оказался *уже тогда* гораздо прозорливее тов. Мартова; тов. Акимов сослался на пятилетнюю работу «старой партийной организации, носящей по воле первого съезда имя комитета», и закончил прядовитым *провиденциальным* уколом: «Что же касается мнения тов. Мартова, что напрасны мои надежды на возникновение иного течения в нашей партии, то я должен сказать, что *даже он сам подает мне надежды*» (стр. 283).

Да, надо сознаться, т. Мартов блестяще оправдал надежды т. Акимова.

Т. Мартов пошел за т. Акимовым, убедившись в его правоте после того, как была нарушена «преемственность» старой партийной коллегии, которая числилась работающей три года. Не дорого же досталась т. Акимову его победа.

На съезде, однако, за т. Акимова встали — и последова-

тельно встали — только т.т. Мартынов, Брукэр и бундовцы (8 голосов), т. Егоров, как настоящий вождь «центра», занимает золотую середину: он согласен, видите ли, с искровцами, «сочувствует» им (стр. 282) и *доказывает* это сочувствие *предложением* (стр. 283) обойти вовсе поднятый принципиальный вопрос, *умолчать* и о Лиге и о Союзе. Предложение отклоняется 27 голосами против 15. Очевидно, кроме анти-искровцев (8) почти весь «центр» (10) вотирует с т. Егоровым (все число голосовавших 42, так что значительное число воздерживалось или *отсутствовало,* как это часто бывало при голосованиях, неинтересных и *несомненных* с точки зрения результата). *Как только заходит речь* о проведении *искровских принципов на деле,* сейчас же оказывается, что «сочувствие» «центра» чисто *словесное,* и за нами идет не больше тридцати или тридцати с небольшим голосов. Дебаты и голосования по предложению Русова (признать Лигу *единственной* заграничной организацией) еще нагляднее показывают это. Анти-искровцы и «болото» становятся прямо уже на *принципиальную* точку зрения, при чем защищают ее т.т. Либер и Егоров, объявляющие предложение т. Русова недопустимым к голосованию, незаконным: «Им умерщвляются все остальные заграничные организации» (Егоров). И оратор, не желающий участвовать в «умерщвлении организации», не только отказывается от голосования, но даже оставляет зал. Надо отдать, однако, справедливость лидеру «центра»: он проявил вдесятеро больше убежденности (в своих ошибочных принципах) и политического мужества, чем т. Мартов и К°, он заступался за «умерщвленную» организацию *не только тогда, когда дело шло о собственном кружке,* потерпевшем поражение в открытой борьбе.

Предложение т. Русова признается допустимым к голосованию 27 голосами против 15, и затем принимается 25 против 17. Прибавляя к этим 17 отсутствующего тов. Егорова, получаем *полный комплект (18) анти-искровцев и «центра».*

Весь § 13 устава о заграничной организации принимается только *31 голосом* против 12 при шести воздержавшихся. Это число, 31, показывающее нам приблизительную численность на съезде искровцев, т.-е. людей, последовательно отстаивающих *и на деле* проводящих взгляды «Искры», мы встречаем уже не менее как *шестой раз* в анализе голосований съезда (место вопроса о Бунде, инцидент с О.К., распущение группы «Южного Рабочего» и два голосования об аграрной программе). А т. Мартов хочет серьезно уверить нас, что нет никаких оснований выделять такую «узкую» группу искровцев!

Нельзя не отметить также, что принятие § 13 устава вызвало крайне характерные прения по поводу заявления т.т. Акимова и Мартынова об «отказе от участия в голосовании» (стр. 288).

Бюро съезда обсудило это заявление и признало — совершенно резонно, — что даже прямое закрытие Союза не давало бы никакого права делегатам Союза отказываться от участия в работах съезда. Отказ от голосований — вещь безусловно ненормальная и недопустимая, вот та точка зрения, на которую встал вместе с бюро весь съезд, в том числе и те искровцы меньшинства, которые в 28-ом заседании *горячо осуждали то, что сами проделывали в 31-м*! Когда т. Мартынов стал защищать свое заявление (стр. 291), против него восстали и Павлович, и Троцкий, и Карский, и Мартов. Т. Мартов особенно ясно сознавал обязанности недовольного меньшинства (покуда сам он не остался в меньшинстве!) и особенно назидательно ораторствовал насчет них. «Или вы члены съезда, — восклицал он по адресу т.т. Акимова и Мартынова — тогда вы *должны* участвовать во *всех* его работах» (курсив мой; тогда еще тов. Мартов не замечал формализма и бюрократизма в подчинении меньшинства большинству!), «или вы не члены, и тогда не можете оставаться на заседании... Своим заявлением делегаты Союза принуждают меня поставить два вопроса: члены ли они партии и члены ли они съезда?» (стр. 292).

Т. *Мартов поучает тов. Акимова обязанностям членов партии!* Но т. Акимов не даром уже сказал, что возлагает некоторые надежды на т. Мартова... Этим надеждам суждено было осуществиться, однако, лишь *после* поражения Мартова на выборах. Когда дело шло не о нем самом, а о других, т. Мартов оставался даже глух к страшному словечку «исключительный закон», *пущенному в ход впервые* (если я не ошибаюсь) *т. Мартыновым*. «Данные нам разъяснения — отвечает т. Мартынов тем, кто убеждал его взять назад свое заявление — не выяснили, было ли решение принципиальное или это была *исключительная мера* против Союза. В таком случае мы считаем, что Союзу нанесено оскорбление. Товарищ Егоров так же, как и мы, вынес впечатление, что это *исключительный закон* (курсив мой) против Союза, и потому даже удалился из залы заседания» (295). И т. Мартов, и т. Троцкий энергично восстают, вместе с Плехановым, против нелепой, *действительно нелепой*, идеи усматривать *оскорбление* в вотуме съезда, и т. Троцкий, защищая принятую съездом, по его предложению, резолюцию (что т.т. Акимов и Мартынов могут счесть себя вполне удовлетворенными), уверяет, что «резолюция имеет принципиальный, а не обывательский характер, *и нам нет дела до того, что кто-нибудь ею обиделся*» (стр. 296). Очень скоро оказалось, однако, что кружковщина и обывательщина слишком еще сильны в нашей партии, и подчеркнутые мной гордые слова оказались пустой звонкой фразой.

Т.т. Акимов и Мартынов отказались взять свое заявление назад и удалились со съезда, при общих восклицаниях делегатов: «совершенно напрасно!»

м) ВЫБОРЫ. КОНЕЦ СЪЕЗДА.

После принятия устава съезд принял резолюцию о районных организациях, ряд резолюций об отдельных организациях партии и, после крайне поучительных прений о группе «Южного Рабочего», анализированных мною выше, перешел к вопросу о выборах в центральные учреждения партии.

Мы уже знаем, что организация «Искры», от которой весь съезд ждал авторитетной рекомендации, раскололась по этому вопросу, ибо *меньшинство* организации пожелало испытать на съезде в открытой и свободной борьбе, не удастся ли ему завоевать себе *большинства*. Мы знаем также, что задолго до съезда и на съезде всем делегатам был известен план *обновления* редакции путем выбора двух троек в Ц. О. и в Ц. К. Остановимся на этом плане подробнее для уяснения прений на съезде.

Вот точный текст моего комментария к проекту Tagesordnung съезда, где был изложен этот план [*]): «съезд выбирает трех лиц в редакцию Ц. О. и трех в Ц. К. Эти шесть лиц *вместе*, по большинству $^2/_3$, дополняют, если это необходимо, состав редакции Ц. О. и Ц. К. кооптацией и делают соответствующий доклад съезду. После утверждения съездом этого доклада, дальнейшая кооптация производится редакцией Ц. О. и Ц. К. отдельно».

Из этого текста план выясняется с полнейшей определенностью и недвусмысленностью: он означает *обновление* редакции *при участии* самых влиятельных руководителей практической работы. Обе отмеченные мной черты этого плана сразу выступают для каждого, кто даст себе труд хоть сколько-нибудь внимательно прочитать приведенный текст. Но по нынешним временам приходится останавливаться на разъяснении даже самых азбучных вещей. План означает именно *обновление* редакции, не обязательное расширение и необязательное сокращение числа ее членов, а именно, обновление, ибо вопрос о возможном расширении или сокращении оставлен *открытым:* кооптация предусматривается лишь на тот случай, *если это необходимо*. Из числа предположений, высказывавшихся разными лицами по вопросу об этом обновлении, были и планы возможного сокращения и увеличения числа членов редакции до семи (семерку я лично всегда считал несравненно более целесообразной, чем шестерку) и даже увеличения этого числа до одиннадцати (я считал это возможным в случае мирного соединения со всеми социал-демократическими организациями вообще, в особенности с Бундом и с польской социал-демократией). Но самое главное, что обыкновенно упускают из виду люди, говорящие о «тройке», *это*

*) Смотри мое «Письмо в редакцию «Искры»», стр. 5, протоколы Лиги, стр. 53.

требование участия членов Ц. К. в решении вопроса о дальнейшей кооптации Ц. О. Ни единый товарищ из всей массы членов организации и делегатов съезда из «меньшинства», знавших этот план и одобрявших его (одобрявших либо специальным выражением своего согласия, либо своим молчанием), не потрудился объяснить значения этого требования. Во-первых, почему за исходный пункт для обновления редакции взята была именно тройка и только тройка? Очевидно, что это было бы *совершенно бессмысленно*, если бы имелось в виду *исключительно*, или, хотя бы, главным образом, *расширение* коллегии, если бы эта коллегия признавалась действительно «гармонической». Странно было бы для расширения «гармонической» коллегии *исходить* не из всей этой коллегии, а только от *ее части*. Очевидно, что *не все* члены коллегии признавались вполне пригодными для обсуждения и *решения* вопроса об обновлении ее состава, о превращении старого редакторского кружка в *партийное учреждение*. Очевидно, что даже тот, кто сам лично желал обновления в виде расширения, признавал старый состав негармоничным, несоответствующим идеалу партийного учреждения, ибо иначе незачем было бы для расширения шестерки *сначала* понижать ее до *тройки*. Повторяю: это ясно само собою, и только временное засорение вопроса «личностями» могло заставить забыть об этом.

Во-вторых, из текста, приведенного выше, видно, что даже *согласия всех трех членов Ц. О.* недостаточно было бы еще для расширения тройки. Это тоже всегда упускается из виду. Для кооптации нужно $^2/_3$ от *шести*, т.-е. *четыре* голоса; значит, стоило бы только трем выбранным членам Ц. К. сказать «veto» и *никакое расширение тройки не было бы возможно*. Наоборот, если бы даже двое из трех членов редакции Ц. О. были против дальнейшей кооптации, — кооптация все же могла бы состояться, при согласии на нее всех трех членов Ц. К. Очевидно, таким образом, что имелось в виду, при превращении старого кружка в партийное учреждение, дать *решающий* голос руководителям практической работы, выбираемым съездом. Какие товарищи приблизительно намечались нами при этом, видно из того, что редакция до съезда единогласно выбрала седьмым в свой состав т. Павловича, на случай, если придется на съезде выступать от имени коллегии; кроме товарища Павловича на место седьмого был предлагаем один старый член организации «Искры» и член О. К., *выбранный впоследствии в члены Ц. К.*

Таким образом, план выбора двух троек был рассчитан явным образом: 1) на обновление редакции, 2) на устранение из нее некоторых черт старой кружковщины, неуместной в партийном учреждении (если бы нечего было устранять, то незачем бы и придумывать первоначальной тройки!), наконец, 3) на устранение «теократических» черт литераторской коллегии (устранение по-

средством привлечения выдающихся практиков *к решению* вопроса о расширении тройки). Этот план, с которым ознакомлены были все редакторы, основывался, очевидно, на *трехлетнем опыте* работы и соответствовал *вполне* последовательно проводимым нами принципам революционной организации: в эпоху *разброда*, когда выступила «Искра», отдельные группы складывались часто случайно и стихийно, неизбежно страдая от некоторых вредных проявлений кружковщины. Создание партии предполагало устранение таковых черт и требовало их устранения; участие выдающихся практиков в этом учреждении было *необходимо*, ибо некоторые члены редакции *всегда* ведали организационные дела, и в систему партийных учреждений должна была войти не литераторская только коллегия, а коллегия политических руководителей. Предоставление съезду выбора первоначальной тройки было равным образом естественно, с точки зрения всегдашней политики «Искры»: мы до последней степени *осторожно* готовили съезд, выжидая *полного* выяснения спорных принципиальных вопросов программы, тактики и организации; мы *не сомневались*, что съезд будет *искровским* в смысле солидарности громадного большинства в этих основных вопросах (об этом свидетельствовали отчасти и резолюции о признании «Искры» руководящим органом); мы *должны были* поэтому предоставить товарищам, которые вынесли на своих плечах всю работу распространения идей «Искры» и подготовления ее превращения в партию, предоставить *им самим* решить вопрос о наиболее пригодных кандидатах в новое партийное учреждение. *Только* этой естественностью плана «двух троек», *только* его *полным соответствием* со всей политикой «Искры» и со всем тем, что знали про «Искру» сколько-нибудь близко стоящие к делу лица, *и можно объяснить* вообще одобрение этого плана, отсутствие какого бы то ни было конкурирующего плана.

И вот на съезде тов. Русов прежде всего и предложил выбрать *две тройки*. Сторонники Мартова, который *письменно уведомлял нас о связи этого плана с ложным обвинением в оппортунизме, и не подумали* однако свести спор о шестерке и тройке на вопрос о правильности или неправильности этого обвинения. *Ни один из них и не заикнулся об этом! Ни один из них не решился сказать ни слова* о принципиальном отличии оттенков, связанных с шестеркой и тройкой. Они предпочли более ходкий и дешевый прием — апеллировать к *жалости*, ссылаться *на возможную обиду*, притворяться, что *вопрос о редакции решен уже* назначением «Искры» центральным органом. Этот последний довод, выдвинутый тов. Кольцовым против товарища Русова, представляет из себя *прямую фальшь*. В порядок дня съезда были,—конечно, не случайно,—поставлены два особые пункта (см. стр. 10 протоколов): п. 4 — «Ц. О. Партии» и п. 18 — «Выборы Ц. К. и ред. Ц. О.». Это во-первых. Во-вторых,

при назначении Ц. О. *все* делегаты категорически заявляли, что этим *не* утверждается редакция, а лишь направление*), *ни одного протеста* против этих заявлений не последовало.

Таким образом, заявление, что, утвердив определенный орган, съезд уже в сущности тем самым утвердил и редакцию,—заявление, повторявшееся много раз сторонниками меньшинства (Кольцовым, с. 321, Посадовским, там же, Поповым, с. 322 и мн. друг.)—было *прямо фактически неверно*. Это был явный для всех *маневр*, прикрывающий *отступление* от позиции, занятой тогда, когда к вопросу о составе центров *все* могли еще относиться *действительно беспристрастно*. Отступление невозможно было оправдать ни принципиальными мотивами (ибо *на съезде* поднимать вопрос о «ложном обвинении в оппортунизме» было слишком *невыгодно* для меньшинства, которое *и не заикнулось* об этом), ни ссылкой на *фактические* данные относительно действительной работоспособности шестерки или тройки (ибо одно прикосновение к этим данным дало бы гору указаний против меньшинства). Пришлось отделываться *фразой* о «стройном целом», о «гармоническом коллективе», о «стройном и кристаллически-цельном целом» и т. п. Неудивительно, что такие доводы сейчас же и были названы настоящим именем: «*жалкие слова*» (с. 328). Самый план тройки ясно уже свидетельствовал о недостатке «гармоничности», а впечатления, собранные делегатами в течение более чем месячных совместных работ, очевидно, дали массу материала для *самостоятельного* суждения делегатов. Когда тов. Посадовский намекнул (неосторожно и необдуманно с его точки зрения: см. стр. 321 и 325 об «условном» употреблении им слова «шероховатости») на этот материал, то тов. Муравьев прямо заявил: «По моему мнению, для большинства съезда в настоящий момент вполне ясно видно, что такие**) шерохо-

---

*) См. стр. 140 протоколов, речь *Акимова*: «...мне говорят, что о выборах в Ц. О. мы будем говорить в конце», речь *Муравьева* против Акимова, «очень близко к сердцу принимающего вопрос о будущей редакции Ц. О.» (стр. 141), речь *Павловича* о том, что, назначив орган, мы получили «конкретный материал, над которым мы можем производить те операции, о которых так заботится тов. Акимов», и о том, что насчет «подчинения» «Искры» «решениям партии» не может быть и тени сомнения (стр. 142); речь *Троцкого*: «раз мы не утверждаем редакции, что утверждаем мы в «Искре»?.. Не имя, а направление... не имя, а знамя» (страница 142); речь *Мартынова*: «...я полагаю, как и многие другие товарищи, что, обсуждая вопрос о признании «Искры», как газеты известного направления, нашим центральным органом, мы сейчас не должны касаться способа выбора или утверждения ее редакции; об этом будет речь впоследствии, в соответственном месте порядка дня...» (стр. 143).

**) Какие именно «шероховатости» имел в виду тов. Посадовский, мы так и не узнали на съезде. Тов. же Муравьев в том же заседании (с. 322) оспаривал верность передачи его мысли, а во время утверждения протоколов прямо заявил, что он «говорил о тех шероховатостях, которые появи-

ватости несомненно существуют» (321). Меньшинство пожелало понять слово «шероховатости» (пущенное в ход Посадовским, а не Муравьевым) исключительно в смысле чего-то личного, не решившись поднять брошенной тов. Муравьевым перчатки, не решившись выдвинуть *ни единого* довода *по существу дела* в защиту шестерки. Получился прекомичный, по своей бесплодности, спор: большинство (устами тов. Муравьева) заявляет, что ему *вполне ясно видно* настоящее значение шестерки и тройки, а меньшинство упорно не слышит этого и уверяет, что «мы *не имеем возможности* входить в разбор». Большинство не только считает возможным входить в разбор, но уже «вошло в разбор» и говорит о *вполне ясных* для него результатах этого разбора, а меньшинство, видимо, *боится разбора*, прикрываясь одними «жалкими словами». Большинство советует «иметь в виду, что наш Ц. О. не есть только литературная группа», большинство «хочет, чтобы во главе Ц. О. стояли *лица, вполне определенные, известные съезду, лица, удовлетворяющие требованиям*, о которых я говорил» (т.-е. именно требованиям не только литературным, стр. 327, речь тов. Ланге). Меньшинство опять-таки не решается поднять перчатки и ни слова не говорит о том, кто пригоден, по его мнению, для коллегии не только литературной, кто является «вполне определенной и известной съезду» величиной. Меньшинство по-прежнему прячется за пресловутую «гармоничность». Мало того. Меньшинство вносит даже в аргументацию такие доводы, которые абсолютно неверны принципиально и потому вызывают по справедливости резкий отпор. «Съезд, — видите ли, — не имеет ни нравственного, ни политического права перекраивать редакцию» (Троцкий, стр. 326), «это слишком щекотливый (sic!) вопрос» (он же), «*как должны отнестись неизбранные члены редакции к тому, что съезд не желает более их видеть в составе редакции?*» (Царев, страница 324) *).

Такие доводы всецело уже переносили вопрос на почву *жалости и обиды*, будучи прямым признанием банкротства в области аргументов действительно принципиальных, действительно политических. И большинство сейчас же характеризовало эту постановку вопроса *настоящим* словом: *обывательщина* (тов. Русов). «На устах революционеров, — справедливо сказал тов. Русов, — раздаются такие странные речи, которые находятся в резкой дисгармонии с понятием партийной работы, партийной этики. Основной довод, на который стали противники выбора троек,

---

лись в прениях съезда по разным вопросам, шероховатостях принципиального характера, существование которых в настоящий момент представляет уже, к сожалению, факт, которого никто не будет отрицать» (с. 353).

*) Ср. речь тов. Посадовского: «...Выбирая из шести лиц старой редакции трех, вы этим самым трех других признаете ненужными, лишними. А вы для этого не имеете ни права, ни основания».

сводится на *чисто обывательский взгляд на партийные дела*» (курсив везде мой)... «Становясь на эту не партийную, а *обывательскую* точку зрения, мы при каждом выборе будем стоять перед вопросом: а не обидится ли Петров, что не его, а Иванова выбрали, не обидится ли такой-то член О. К., что не его, а другого выбрали в Ц. К. Куда же, товарищи, нас это приведет? Если мы собрались сюда *не для взаимно приятных речей, не для обывательских нежностей*, а для создания партии, то мы не можем никак согласиться на такой взгляд. Мы стоим перед вопросом *выбора должностных лиц*, и тут не может быть вопроса о недоверии к тому или иному невыбранному, а *только вопрос о пользе дела и соответствии выбранного лица с той должностью, на которую он выбирается*» (стр. 325).

Мы бы посоветовали всем, кто хочет самостоятельно разобраться в причинах партийного раскола и доискаться *корней* его на съезде, *читать и перечитывать* речь тов. Русова, доводы которого меньшинство не только не опровергло, но и не оспорило даже. Да и нельзя оспорить таких элементарных, азбучных истин, забвение которых уже сам тов. Русов справедливо объяснял одним лишь «*нервным возбуждением*». И это действительно наименее неприятное для меньшинства объяснение того, как могли они с партийной точки зрения сойти на точку зрения обывательщины и кружковщины *).

*) Тов. Мартов в своем «Осадном положении» отнесся и к этому вопросу так же, как к остальным затронутым им вопросам. Он не потрудился дать цельной картины спора. Он скромненько обошел единственный действительно *принципиальный* вопрос, всплывший в этом споре: обывательские нежности или выбор должностных лиц? Партийная точка зрения или обида Иванов Иванычей? Тов. Мартов и здесь ограничился вырыванием отдельных и бессвязных кусочков происшествия с добавлением всяческих ругательств по моему адресу. Маловато этого, тов. Мартов!

Особенно пристает *ко мне* тов. Мартов с вопросом, *почему* не выбирали на съезде т.т. Аксельрода, Засулич и Старовера. Обывательская точка зрения, на которую он встал, мешает ему видеть *неприличие* этих вопросов (почему не спросит он своего коллегу по редакции, тов. Плеханова?). Он видит противоречие в том, что я считаю «бестактным» поведение меньшинства на съезде в вопросе о шестерке, и что я в то же время требую партийной гласности. Противоречия тут нет, как легко увидел бы и сам Мартов, если бы потрудился дать связное изложение *всех* перипетий вопроса, а не обрывков его. Бестактно было ставить вопрос на обывательскую точку зрения, апеллировать к жалости и обиде; интересы партийной огласки требовали бы оценки *по существу* преимуществ шестерки над тройкой, оценки кандидатов на должность, оценки оттенков: *меньшинство и не заикнулось об этом на съезде.*

Внимательно изучая протоколы, тов. Мартов увидел бы в речах делегатов *целый ряд* доводов против шестерки. Вот выборка из этих речей: во-первых, в старой шестерке ясно видны шероховатости в смысле принципиальных оттенков; во-вторых, желательно техническое упрощение редакционной работы; в-третьих, польза дела стоит выше обывательских нежностей; только выбор обеспечит соответствие выбранных лиц с их должностями; в-четвертых, нельзя ограничивать свободы выбора съездом;

Но меньшинство до такой степени лишено было возможности подыскать разумные и деловые доводы против выборов, что, кроме внесения в партийное дело обывательщины, оно дошло до *приемов* прямо *скандального* характера. В самом деле, как не назвать таким именем прием тов. Попова, посоветовавшего т. Муравьеву «не брать на себя деликатных *поручений*» (стр. 322)? Что это, как не «залезание в чужую душу», по справедливому выражению тов. Сорокина (стр. 328)? Что это, как не спекуляция на «*личности*», при отсутствии доводов *политических?* Правду или неправду сказал тов. Сорокин, что «против таких приемов мы всегда протестовали»? «*Позволительно ли поведение тов. Дейча*, когда он демонстративно пытался пригвоздить к позорному столбу товарищей, несогласных с ним?» *) (стр. 328).

Подведем итог прениям по вопросу о редакции. Меньшинство не опровергло (и не опровергало) многочисленных указаний большинства на то, что проект тройки был известен *делегатам* в самом начале съезда *и до съезда*, что следовательно проект этот исходил из *соображений и данных, независимых от происшествий и споров на съезде*. Меньшинство заняло, при отстаивании шестерки, *принципиально неправильную и недопустимую* позицию *обывательских* соображений. Меньшинство проявило полное забвение *партийной* точки зрения на выбор *должностных лиц*, не прикоснувшись даже к *оценке* каждого кандидата на должность и его соответствия или несоответствия с функциями данной должности. Меньшинство *уклонялось* от обсуждения вопроса по существу, ссылаясь на пресловутую гармоничность, «проливая слезы» и «впадая в пафос» (стр. 327, речь Ланге), как-будто кого-то

в-пятых, партии нужна теперь не только литературная группа в Ц. О., в Ц. О. необходимы не только литераторы, но и администраторы; в-шестых, в Ц. О. должны быть лица вполне определенные, известные *съезду;* в-седьмых, коллегия из шести часто не дееспособна, и ее работа осуществлена *не благодаря* ненормальному уставу, *а несмотря* на это; в-восьмых, ведение газеты — партийное (а не кружковое) дело, и т. д. — Пусть попробует тов. Мартов, если он так интересуется вопросом о причинах невыбора, *вникнуть* в каждое из этих соображений и опровергнуть *хоть одно* из них.

*) Так понял слова тов. Дейча (ср. стр. 324 — «резкий диалог с Орловым») тов. Сорокин в *том же заседании*. Тов. Дейч объясняет (стр. 351), что он «ничего подобного не говорил», но сам же признает *тут же*, что сказал нечто *весьма и весьма* «подобное». «Я не говорил: кто решится — объясняет тов. Дейч, — а сказал: мне интересно посмотреть, кто эти лица, которые решатся (sic!) (тов. Дейч поправляется из кулька в рогожку!) поддерживать такое преступное (sic!) предложение, как избрание трех» (стр. 351). Тов. Дейч не опроверг, *а подтвердил* слова тов. Сорокина. Тов. Дейч подтвердил упрек тов. Сорокина, что «все понятия здесь перепутались» (в доводах меньшинства за шестерку). Тов. Дейч подтвердил уместность напоминания со стороны тов. Сорокина такой *азбучной* истины, что «мы члены партии и должны поступать, руководствуясь исключительно политическими соображениями». Кричать *о преступности* выборов значит унижаться не только до обывательщины, но прямо *до скандальчика*!

«хотели убить». Меньшинство дошло даже до «*залезания в чужую душу*», воплей о «преступности» выбора и тому подобных *непозволительных* приемов, дошло под влиянием «*первого возбуждения*» (стр. 325).

Борьба *обывательщины* с *партийностью*, худшего сорта «*личностей*» с *политическими соображениями, жалких слов* с элементарными понятиями *революционного дела*—вот чем была борьба из-за шестерки и тройки на тридцатом заседании нашего съезда.

И на 31-ом заседании, когда съезд большинством 19 голосов против 17, при трех воздержавшихся *отверг* предложение об утверждении всей старой редакции (см. 330 стр. и *опечатки*) и когда *бывшие редакторы* вернулись в зал заседания, тов. Мартов в своем «заявлении от имени большинства бывшей редакции» (стр. 330 — 1) проявил в еще больших размерах ту же шаткость и неустойчивость политической позиции и *политических понятий*. Разберем подробнее каждый пункт коллективного *заявления* и моего ответа (стр. 332 — 3) на него.

«Отныне — говорит тов. Мартов после неутверждения старой редакции — старой «Искры» не существует, и было бы последовательнее переменить ее название. Во всяком случае в новом постановлении съезда мы видим существенное ограничение того вотума доверия «Искре», который был принят в одном из первых заседаний съезда».

Тов. Мартов с коллегами поднимает действительно интересный и поучительный во многих отношениях вопрос о *политической последовательности*. Я ответил уже на это ссылкой на то, что *все* говорили при утверждении «Искры» (стр. 349 прот., ср. выше стр. 82) *). Несомненно, что перед нами один из самых вопиющих случаев политической непоследовательности; с чьей стороны,— со стороны ли большинства съезда или со стороны большинства старой редакции, предоставим судить читателю. Читателю же мы предоставим решение и двух других, очень кстати поставленных тов. Мартовым и коллегами его вопросов: 1) *обывательская* или *партийная* точка зрения проявляется в желании видеть «ограничение» вотума доверия «Искре» в решении *съезда* произвести *выбор должностных лиц в редакцию Ц. О.?* 2) с какого момента действительно *не существует старой «Искры»*: с номера ли 46-го, когда мы стали вести ее вдвоем с Плехановым, или с номера 53-го, когда ее повело большинство старой редакции? Если первый вопрос есть интереснейший *вопрос принципа*, то второй — интереснейший *вопрос факта*.

«Так как теперь решено — продолжал тов. Мартов — выбрать редакцию из трех лиц, то я от имени своего и трех других товарищей заявляю, что ни один из нас не примет участия

*) См. настоящий том, стр. 245. *Ред.*

в такой новой редакции. Лично о себе прибавляю, что, если верно, что некоторые товарищи хотели вписать мое имя, как одного из кандидатов в эту «тройку», то я должен усмотреть в этом оскорбление, мною не заслуженное (sic!). Говорю это ввиду обстоятельств, при которых было решено изменить редакцию. Решено это было ввиду каких-то «трений» *), неработоспособности бывшей редакции, при чем съезд решил этот вопрос в определенном смысле, не спросив редакцию об этих трениях и не назначив хотя бы комиссии для внесения вопроса об ее неработоспособности»... (Странно, что никто из меньшинства не догадался предложить съезду «спросить редакцию» или назначить комиссию! Не произошло ли это от того, что после раскола организации «Искры» и неудачи переговоров, о которых писали тов. Мартов и Старовер, это было бы бесполезно?)... «При таких обстоятельствах предположение некоторых товарищей, что я соглашусь работать в реформированной таким образом редакции, я должен считать пятном на моей политической репутации» **)...

Я нарочно выписал целиком это рассуждение, чтобы показать читателю образчик и начало того, что так пышно расцвело *после съезда* и что нельзя назвать иначе как *дрязгой*. Я употребил уже это выражение в моем «Письме в редакцию «Искры»»

*) Тов. Мартов, вероятно, имеет в виду выражение тов. Посадовского: «шероховатости». Повторяю, что тов. Посадовский так и не объяснил съезду, что *он* хотел сказать, а тов. Муравьев, употребивший то же выражение, объяснил, что говорил о *принципиальных* шероховатостях, *проявившихся в прениях съезда*. Читатели припомнят, что *единственный* случай действительно *принципиальных* прений, в которых участвовало четыре редактора (Плеханов, Мартов, Аксельрод и я), касался § 1 устава и что тов. Мартов и Старовер *письменно* жаловались на «ложное обвинение в оппортунизме», как один из доводов «изменения» редакции. Тов. Мартов *в этом письме* усматривал *ясную* связь «оппортунизма» с планом изменения редакции, а *на съезде* ограничился туманным намеком на «*какие-то трения*». «Ложное обвинение в оппортунизме» уже забыто!

**) Тов. Мартов добавил еще: «На такую роль согласится разве Рязанов, а не тот Мартов, которого, как я думаю, вы знаете по его работе». Поскольку это есть *личное* нападение на Рязанова, постольку тов. Мартов взял это назад. Но Рязанов фигурировал на съезде в качестве нарицательного имени вовсе не за те или иные его личные свойства (касаться коих было бы неуместно), а за *политическую физиономию* группы «Борьба», за ее *политические ошибки*. Тов. Мартов очень хорошо делает, если берет назад предполагаемые или действительно нанесенные личные оскорбления, но не следует забывать из-за этого *политических ошибок*, которые должны служить *уроком партии*. Группа «Борьба» обвинялась у нас на съезде в внесении «организационного хаоса» и «дробления, не вызываемого никакими принципиальными соображениями» (стр. 38, речь тов. Мартова). *Такое* политическое поведение безусловно заслуживает порицания не только тогда, когда мы видим его у маленькой группы до съезда партии в период *общего* хаоса, но и тогда, когда мы видим его *после* съезда партии, в период устранения хаоса, видим со стороны хотя бы и «большинства редакции «Искры» и большинства Группы «Освобождение Труда»».

и, несмотря на недовольство редакции, вынужден повторить его, ибо правильность его неоспорима. Ошибочно думают, что дрязга предполагает «низменные мотивы» (как умозаключила редакция новой «Искры»): всякий революционер, сколько-нибудь знакомый с нашими ссыльными и эмигрантскими колониями, видал, наверное, десятки случаев дрязг, когда выдвигались и пережевывались самые нелепые обвинения, подозрения, самообвинения, «личности» и т. п. на почве «нервного возбуждения» и ненормальных, затхлых условий жизни. Низменных *мотивов* ни один разумный человек не станет непременно искать в этих дрязгах, *как бы низменны ни были их проявления.* И именно только «нервным возбуждением» можно объяснить этот запутанный клубок нелепостей, личностей, фантастических ужасов, залезания в душу, вымученных оскорблений и пятнаний, каковым является выписанный мною абзац из речи тов. Мартова. Затхлые условия жизни сотнями порождают у нас такие дрязги, и политическая партия не заслуживала бы уважения, если бы она не смела называть свою болезнь настоящим именем, ставить беспощадный диагноз и отыскивать средства лечения.

Поскольку можно выделить из этого клубка нечто принципиальное, постольку *неизбежно* придти к выводу, что «выборы не имеют ничего общего с оскорблением политической репутации», что «отрицать право съезда на новые выборы, на всяческое изменение состава должностных лиц, на переборку уполномачиваемых им коллегий» значит вносить *путаницу* в вопрос и что «в воззрениях тов. Мартова на допустимость выборов части прежней коллегии проявляется *величайшее смешение политических понятий*» (как я выразился на съезде, стр. 332) *).

Опускаю «личное» замечание тов. Мартова к вопросу о том, от кого исходит план тройки, и перехожу к его «политической» характеристике того значения, какое имеет неутверждение старой редакции: «... Пропшедшее теперь есть последний акт борьбы, имевшей место в течение второй половины съезда»... (Правильно! и эта вторая половина начинается с того момента, когда Мартов в вопросе о § 1 устава попал в цепкие объятия тов. Акимова)... «Для всех не тайна, что дело при этой реформе идет не о «работоспособности», а о борьбе за влияние на Ц. К.»... (Во-первых, для всех не тайна, что дело шло тут *и* о работоспособности *и* о разхождении из-за *состава* Ц. К., ибо план «реформы» выдвинут был тогда, когда еще о втором расхождении *не могло быть и речи,* тогда, когда мы вместе с тов. Мартовым выбирали седьмым участником редакционной коллегии тов. Павловича! Во-вторых, мы уже показали на основании *документальных* данных, что дело шло *о личном составе*

*) См. настоящий том, стр. 34. *Ред.*

Ц. К., что дело свелось à la fin des fins *) к различию списков: Глебов — Травинский — Попов и Глебов — Троцкий — Попов)... «Большинство редакции показало, что оно не желает превращения Ц. К. в орудие редакции»... (Начинается Акимовская песня: вопрос о влиянии, за которое борется всякое большинство на всяком партийном съезде всегда и везде, чтобы *закрепить* это влияние *большинством* в центральных учреждениях, переносится в область *оппортунистической сплетни* об «орудии» *редакции*, о «простом *придатке*» редакции, как сказал тот же тов. Мартов немного позже, стр. 334)... «Вот почему понадобилось сократить число членов редакции (!!). А потому я и не могу вступить в такую редакцию»... (Посмотрите-ка внимательнее на это «потому»: как *могла бы* редакция превратить Ц. К. в придаток или в орудие? *только* так и в том случае, если бы она имела три голоса в Совете и *злоупотребляла* этим перевесом? не ясно ли это? И не ясно ли также, что выбранный третьим тов. Мартов всегда мог бы помешать всякому злоупотреблению и уничтожить *одним своим голосом* всякий перевес редакции в Совете? Дело сводится, след., именно к личному составу Ц. К., а речи об орудии и придатке сразу оказываются *сплетней*)... «Вместе с большинством старой редакции я думал, что съезд положит конец «осадному положению» внутри партии и введет в ней нормальный порядок. В действительности, осадное положение с исключительными законами против отдельных групп продолжено и даже обострено. Только в составе всей старой редакции мы можем ручаться, что права, предоставленные редакции уставом, не послужат ко вреду для партии»...

Вот целиком то место из речи тов. Мартова, в котором *он впервые бросил пресловутый лозунг «осадного положения»*. И теперь взгляните на мой ответ ему:

«...Исправляя заявление Мартова о частном характере двух троек, я и не думаю однако затрагивать этим утверждения того же Мартова о «политическом значении» того шага, который мы сделали, не утвердив старой редакции. Напротив, я вполне и безусловно согласен с тов. Мартовым в том, что этот шаг имеет крупное политическое значение, — только не то, какое приписывает ему Мартов. Он говорил, что это есть акт борьбы за влияние на Ц. К. в России. Я пойду дальше Мартова. Борьбой за влияние была до сих пор вся деятельность «Искры», как частной группы, а теперь речь идет уже о бо́льшем, об организационном закреплении влияния, а не только о борьбе за него. До какой степени глубоко мы расходимся здесь политически с тов. Мартовым, видно из того, что он ставит мне в вину это желание влиять на Ц. К., а я ставлю себе в заслугу то, что я стремился и стремлюсь закрепить это влияние организационным путем. Оказывается, что мы говорим даже на разных языках. К чему была бы вся наша работа, все наши усилия, если бы венцом их была все

*) — в конце концов. *Ред.*

та же старая борьба за влияние, а не полное приобретение и упрочение влияния? Да, тов. Мартов совершенно прав: сделанный шаг есть несомненно крупный политический шаг, свидетельствующий о выборе одного из наметившихся теперь направлений в дальнейшей работе нашей партии. *И меня нисколько не пугают страшные слова об «осадном положении в партии» об «исключительных законах против отдельных лиц и групп»* и т. п. По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, мы обязаны создать «осадное положение», и весь наш устав партии, весь наш утвержденный отныне съездом централизм есть не что иное, как «осадное положение» для столь многочисленных источников политической расплывчатости. Против расплывчатости именно и нужны особые, хотя бы и исключительные законы, и сделанный съездом шаг правильно наметил политическое направление, создав прочный базис для таких законов и таких мер» *).

Я подчеркнул в этом конспекте моей речи на съезде *фразу, которую тов. Мартов в своем «Осадном положении»* (стр. 16) *предпочел опустить.* Неудивительно, что эта фраза ему не понравилась и что он не захотел понять ее ясного смысла.

Что значит выражение: «страшные слова», тов. Мартов?

Оно означает *насмешку,* насмешку над тем, кто к маленьким вещам прилагает большие названия, кто запутывает простой вопрос претенциозным фразерством.

Маленький и простой факт, который *один только* мог подать и подал повод к «первому возбуждению» тов. Мартова, состоял *исключительно* в том, что тов. Мартов *потерпел поражение на съезде* в вопросе о *личном составе центров.* Политическое значение этого простого факта состояло в том, что большинство партийного съезда, победив, закрепляло свое влияние проведением большинства и в партийное правление, созданием организационного базиса для борьбы при помощи устава с тем, что это большинство считало шаткостью, неустойчивостью и расплывчатостью **). Говорить по этому поводу о «борьбе за влияние» с каким-то ужасом в глазах и жаловаться на «осадное положение» было ни чем иным, как *претенциозным фразерством,* страшными словами.

Тов. Мартов не согласен с этим? Не попробует ли он показать нам, что был на свете такой партийный съезд, что мыслим вообще такой партийный съезд, в котором бы большинство не закрепляло завоеванного влияния: 1) проведением

---

*) См. настоящий том, стр. 35. *Ред.*

**) В чем проявилась на съезде неустойчивость, шаткость и расплывчатость искровского меньшинства? Во-первых, в оппортунистических фразах о § 1 устава; во-вторых, в коалиции с тов. Акимовым и Либером, которая быстро росла во вторую половину съезда; в-третьих, в способности принижать вопрос о выборе должностных лиц в Ц. О. до обывательщины, жалких слов и даже до залезания в чужую душу. После же съезда все эти милые качества созрели из бутончиков в цветочки и ягодки.

большинства же в центры, 2) вручением ему власти для парализования шаткости, неустойчивости и расплывчатости?

Перед выборами нашему съезду предстояло решить вопрос: предоставить ли *одну треть* голосов в Ц. О. и в Ц. К. партийному большинству или партийному меньшинству? Шестерка и список тов. Мартова означали предоставление одной трети нам, двух третей его сторонникам. Тройка в Ц. О. и список наш означали предоставление двух третей нам, одной трети — сторонникам тов. Мартова. Тов. Мартов отказался войти в сделку с нами или уступить *и письменно* вызвал нас на бой перед съездом; потерпев же поражение перед съездом, он расплакался и стал жаловаться на «осадное положение»! Ну, разве же это не дрязга? Разве это не новое проявление интеллигентской хлюпкости?

Нельзя не припомнить по этому поводу блестящей социально-психологической характеристики этого последнего качества, которую дал недавно К. Каутский. Социал-демократическим партиям разных стран нередко приходится теперь переживать одинаковые болезни, и нам очень, очень полезно поучиться правильному диагнозу и правильному лечению у более опытных товарищей. Характеристика некоторых интеллигентов К. Каутским будет поэтому только кажущимся отступлением от нашей темы.

«...В настоящее время нас опять живо интересует вопрос об *антагонизме между интеллигенцией* *) *и пролетариатом*. Мои коллеги» (Каутский сам интеллигент, литератор и редактор) «будут сплошь да рядом возмущаться тем, что я признаю этот антагонизм. Но ведь он фактически существует, и было бы самой нецелесообразной тактикой (и здесь, как в других случаях) пытаться отделаться от него отрицанием факта. Антагонизм этот есть социальный антагонизм, проявляющийся на классах, а не на отдельных личностях. Как отдельный капиталист, так и отдельный интеллигент может всецело войти в классовую борьбу пролетариата. В тех случаях, когда это имеет место, интеллигент изменяет и свой характер. И в дальнейшем изложении речь будет идти, главным образом, не об *этого типа* интеллигентах, которые и поныне являются еще исключением среди своего класса. В дальнейшем изложении, если нет особых оговорок, *под интеллигентом разумею я лишь обыкновенного интеллигента, стоящего на почве буржуазного общества* и являющегося характерным представителем *класса* интеллигенции. Этот *класс* находится в известном *антагонизме* к пролетариату.

«Антагонизм этот — иного рода, чем антагонизм между трудом и капиталом. Интеллигент — не капиталист. Правда, его уровень жизни буржуазный, и он вынужден поддерживать этот уровень, пока не превращается в босяка, но в то же время он вынужден продавать продукт своего

*) Я перевожу словом интеллигент, интеллигенция немецкие выражения Literat, Literatentum, обнимающие не только литераторов, а всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (brain worker, как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда.

труда, а часто и свою рабочую силу, он терпит нередко эксплуатацию со стороны капиталиста и известное социальное приниженне. Таким образом, интеллигент не находится ни в каком экономическом антагонизме к пролетариату. Но его жизненное положение, его условия труда — не пролетарские, и отсюда вытекает известный антагонизм в настроении и в мышлении.

«Пролетарий — ничто, пока он остается изолированным индивидуумом. Всю свою силу, всю свою способность к прогрессу, все свои надежды и чаяния черпает он из *организации*, из планомерной совместной деятельности с товарищами. Он чувствует себя великим и сильным, когда он составляет часть великого и сильного организма. Этот организм для него — все, отдельный же индивидуум значит, по сравнению с ним, очень мало. Пролетарий ведет свою борьбу с величайшим самопожертвованием, как частичка анонимной массы, без видов на личную выгоду, на личную славу, исполняя свой долг на всяком посту, куда его поставят, добровольно подчиняясь дисциплине, проникающей все его чувство, все его мышление.

«Совсем иначе обстоит дело с интеллигентом. Он борется не тем или иным применением силы, а при помощи аргументов. Его оружие — это его личное знание, его личные способности, его личное убеждение. Он может получить известное значение только благодаря своим личным качествам. Полная свобода проявления своей личности представляется ему поэтому первым условием успешной работы. Лишь с трудом подчиняется он известному целому в качестве служебной части этого целого, подчиняется по необходимости, а не по собственному побуждению. Необходимость дисциплины признает он лишь для массы, а не для избранных душ. Себя же самого он, разумеется, причисляет к избранным душам...

«...Философия Ницше, с ее культом сверхчеловека, для которого все дело в том, чтобы обеспечить полное развитие своей собственной личности, которому всякое подчинение его персоны какой-либо великой общественной цели кажется пошлым и презренным, эта философия есть настоящее миросозерцание интеллигента, она делает его совершенно негодным к участию в классовой борьбе пролетариата.

«На-ряду с Ницше, выдающимся представителем миросозерцания интеллигенции, соответствующего ее настроению, является Ибсен. Его доктор Штокман (в драмме «Враг народа») — не социалист, как думали многие, а тип интеллигента, который неизбежно должен придти в столкновение с пролетарским движением, вообще со всяким народным движением, раз он попытается действовать в нем. Это — потому, что основой пролетарского, как всякого демократического *), движения является уважение к большинству товарищей. Типичный интеллигент à la Штокман видит в «компактном большинстве» чудище, которое должно быть ниспровергнуто.

«...Идеальным образчиком интеллигента, который всецело проникся пролетарским настроением, который, будучи блестящим писателем, утратил специфически интеллигентские черты психики, который без воркотни шел

*) Прехарактерно для той путаницы, которую внесли во все организационные вопросы наши мартовцы, что, повернув к Акимову и к *неуместному* демократизму, они в то же время *озлоблены на демократический выбор редакции*, выбор на *съезде*, заранее намеченный всеми! И это, может быть, ваш *принцип*, господа?

в ряду и шеренге, работал на всяком посту, на который его назначали, подчинял себя всецело нашему великому делу и презирал то дряблое хныкание (weiches Gewinsel) по поводу подавления своей личности, какое мы слышим часто от интеллигентов, воспитавшихся на Ибсене и Ницше, когда им случается остаться в меньшинстве, — идеальным образчиком такого интеллигента, какие нужны социалистическому движению, был Либкнехт. Можно назвать здесь также и Маркса, который никогда не протискивался на первое место и образцовым образом подчинялся партийной дисциплине в Интернационале, где он не раз оставался в меньшинстве» *).

Вот именно таким дряблым хныканьем интеллигента, оставшегося в меньшинстве, и ничем больше — был отказ Мартова с коллегами от должности после одного только неутверждения старого кружка, были жалобы на осадное положение и исключительные законы «против отдельных групп», которые не были дороги Мартову при распущении «Южного Рабочего» и «Рабочего Дела», а стали дороги при распущении *его* коллегии.

Вот именно таким дряблым хныканьем интеллигентов, оставшихся в меньшинстве, были все эти бесконечные жалобы, упреки, намеки, попреки, сплетни и инсинуации на счет «компактного большинства», которые рекой полились на нашем партийном съезде **) (и еще более после него) с легкой руки Мартова.

Горько сетовало меньшинство на то, что компактное большинство имело свои частные собрания: надо же было, в самом деле, меньшинству прикрыть чем-нибудь тот неприятный для него факт, что те делегаты, кого оно приглашало на свои частные собрания, отказывались идти на них, а те, кто охотно пошел бы (Егоровы, Маховы, Брукэры), не могли быть приглашены меньшинством после всей съездовской борьбы между теми и другими.

Горько сетовали на «ложное обвинение в оппортунизме»: надо же было, в самом деле, прикрыть чем-нибудь тот неприятный факт, что *именно оппортунисты,* гораздо чаще шедшие за анти-искровцами, а отчасти и сами эти анти-искровцы, составили компактное меньшинство, уцепились обеими руками за поддержку кружковщины в учреждениях, оппортунизма в рассуждениях, обывательщины в партийном деле, интеллигентской шаткости и хлюпкости.

Мы покажем в следующем параграфе, в чем заключается объяснение того интереснейшего *политического факта,* что в конце съезда образовалось «компактное большинство», и почему меньшинство так тщательно-тщательно, несмотря на все вызовы, *обходит* вопрос о *причинах* и *истории* его образования. Но сначала закончим анализ прений на съезде.

---

*) *Karl Kautsky*: «Franz Mehring» (Карл Каутский: «Франц Меринг». *Ред.*), «Neue Zeit», XXII, I, S. 101 — 3. 1903, № 4.

**) См. стр. 337, 338, 340, 352 и др. протоколов съезда.

При выборах в Ц. К. т. Мартов внес чрезвычайно характерную резолюцию (стр. 336), три основные черты которой я, бывало, называл «матом в три хода». Вот эти черты: 1) баллотируются *списки* кандидатов в Ц. К., а не отдельные кандидаты; 2) после прочтения списков пропускается два заседания (на обсуждение, очевидно); 3) при отсутствии абсолютного большинства, вторая баллотировка признается окончательной. Эта резолюция — прекрасно обдуманная стратегия (надо отдать справедливость и противнику!), с которой не соглашается т. Егоров (стр. 337), но которая *наверняка* обеспечила бы полную победу Мартову, *если бы семерка бундовцев и рабочедельцев не ушла со съезда.* Объясняется стратегия именно тем, что у искровского меньшинства *не было и не могло быть* «прямого соглашения» (которое было у искровского большинства) не только с Бундом и с Брукэром, *но и с т.т. Егоровыми и Маховыми.*

Вспомните, что т. Мартов плакался на съезде Лиги, будто «ложное обвинение в оппортунизме» предполагало его прямое соглашение с «Бундом». Повторяю, это т. Мартову со страху показалось, и *именно несогласие т. Егорова на баллотирование списков* (т. Егоров «не растерял еще своих принципов», должно быть тех принципов, которые заставляли его слиться с Гольдблатом в оценке абсолютного значения демократических гарантий) показывает *наглядно* тот громадной важности факт, что *даже с Егоровым не могло быть и речи о «прямом соглашении».* Но *коалиция* могла быть и была и с Егоровым и с Брукэром, коалиция в том смысле, что мартовцам *была обеспечена* поддержка их всякий раз, когда мартовцы приходили в серьезный конфликт с нами и когда Акимову и его друзьям предстояло выбирать *меньшее из зол.* Не подлежало и не подлежит ни малейшему сомнению, что в качестве *меньшего из зол,* в качестве того, что *хуже достигает искровских целей* (см. речь Акимова о § 1 и его «надежды» на Мартова), *т.т. Акимов и Либер непременно выбрали бы и шестерку в Ц. О. и мартовский список в Ц. К.* Баллотирование списков, пропуск двух заседаний и перебаллотировка были предназначены именно для того, чтобы достигнуть этого результата с почти механической правильностью без всякого прямого соглашения.

Но поскольку наше компактное большинство оставалось компактным большинством, — обходный путь т. Мартова был только проволочкой, и мы не могли не отклонить его. Меньшинство письменно (в заявлении, с. 341) излило свои жалобы на это, *отказавшись, по примеру Мартынова и Акимова, от голосований* и выборов в Ц. К. «ввиду тех условий, при которых они производились». После съезда эти жалобы на ненормальность условий выбора (см. «Ос. пол.», стр. 31) изливались направо и налево перед сотнями партийных кумушек. Но в чем же была тут *не-*

нормальность? В тайном голосовании, которое было предусмотрено еще заранее регламентом съезда (§ 6, стр. 11 проток.) и в котором смешно было видеть «лицемерие» или «несправедливость»? В образовании компактного большинства, этого «чудища» для хлюпких интеллигентов? Или в *ненормальном* желании сих почтенных интеллигентов *нарушать то слово*, которое они дали перед съездом о признании всех его выборов (стр. 380, § 18 устава съезда)?

Товарищ Попов *тонко* намекнул на это желание, выступив на съезде в день выборов с прямым вопросом: «Уверено ли бюро, что решение съезда действительно и законно, если половина участвующих отказалась от голосования?» *). Бюро ответило, конечно, что уверено, и напомнило инцидент с товарищами Акимовым и Мартыновым. Тов. Мартов присоединился к бюро и прямо заявил, что т. Попов ошибается, что «*решения съезда законны*» (стр. 343). Пусть читатель уже сам судит об этой, — в высокой степени, должно быть, нормальной, — политической последовательности, которая обнаруживается при сопоставлении *этого заявления перед партией* с поведением после съезда и с фразой «Осадного положения» о «*начавшемся еще на съезде восстании половины партии*» (стр. 20). Надежды, которые возлагал на тов. Мартова т. Акимов, перевесили мимолетные добрые намерения самого Мартова.

«*Ты победил*», товарищ Акимов!

* * *

К характеристике того, до какой степени «страшным словом» была пресловутая фраза об «осадном положении», которой придан теперь навеки трагикомический смысл, — могут служить некоторые мелкие по виду, но очень важные по сущности черточки *конца* съезда, того конца, который имел место *после* выборов. Тов. Мартов носится теперь с этим трагикомическим «осадным положением», всерьез уверяя и себя и читателей, что это выдуманное им пугало означало какое-то ненормальное преследование, затравливание, заезжание «меньшинства» «большинством». Мы покажем сейчас, как было дело *после* съезда. Но возьмите даже конец съезда, и вы увидите, что *после выборов* «компактное большинство» не только не преследует несчастненьких, заезжаемых, обижаемых и ведомых на казнь мартовцев, а напротив *само предлагает* им (устами Лядова) *два места из трех* в протокольной комиссии (стр. 354). Возьмите резолюции по тактическим и другим вопросам (стр. 355 и след.) и вы увидите

*) Стр. 342. Речь идет о выборе пятого члена в Совет. Подано 24 записки (всего 44 голоса), из них две пустых.

чисто деловое обсуждение по существу, когда подписи товарищей, выносивших резолюции, зачастую показывают вперемежку и представителей чудовищного компактного «большинства», и сторонников «униженного и оскорбленного» «меньшинства» (стр. 357, 363, 365, 367 прот.). Не правда ли, как это похоже на «отстранение от работы» и иное всякое «заезжание»?

Единственный *) интересный, но, к сожалению, слишком краткий спор по существу возник по поводу староверовской резолюции о либералах. Она была принята съездом, как можно судить по подписям под ней (стр. 357 и 358), потому, что трое сторонников «большинства» (Браун, Орлов, Осипов) вотировали и *за нее* и за плехановскую резолюцию, не усматривая непримиримого противоречия между обеими. Непримиримого противоречия, на первый взгляд, между ними нет, ибо плехановская устанавливает общий принцип, выражает определенное принципиальное и тактическое отношение к *буржуазному либерализму в России*, а староверовская пытается определить *конкретные условия допустимости «временных соглашений»* с «либеральными или либерально-демократическими течениями». Темы обеих резолюций разные. Но староверовская страдает именно *политической расплывчатостью*, будучи в силу этого мелкой и мелочной. Она *не определяет классового содержания русского либерализма*, она не указывает *определенных* политических течений, выражающих его, она не разъясняет пролетариату его *основных* задач пропаганды и агитации в отношении к этим определенным течениям, она смешивает (в силу своей расплывчатости) такие различные вещи, как студенческое движение и «Освобождение», она слишком мелочно, казуистически предписывает *три* конкретных условия, при которых допустимы «временные соглашения». Политическая расплывчатость и в этом случае, как и во многих других, ведет к казуистичности. Отсутствие общего принципа и попытка перечислить «условия» ведет к мелочному и, строго говоря, *неправильному* указанию этих условий. В самом деле, посмотрите на эти три староверовских условия: 1) «либеральные или либерально-демократические течения» должны «ясно и недвусмысленно заявить, что в своей борьбе с самодержавным правительством они становятся решительно на сторону российской социал-демократии». В чем состоит отличие либеральных и либерально-демократических течений? Резолюция не дает никакого материала для ответа на этот вопрос. Не в том ли, что либеральные течения выражают позицию наименее прогрессивных политически слоев буржуазии, а либерально-демократические — позицию наиболее прогрессивных слоев буржуазии и мелкой буржуазии? Если да, то

*) Дальнейшая часть § м, начиная со слова «интересный», сохранена в издании 1908 года. *Ред.*

неужели т. Старовер считает возможным, что наименее прогрессивные (но все же прогрессивные, ибо иначе нельзя было бы говорить о либерализме) слои буржуазии «встанут решительно на сторону социал-демократии»?? Это абсурд, и если представители такого течения даже и «*заявили бы это ясно и недвусмысленно*» (предположение совершенно невозможное), то мы, партия пролетариата, *обязаны были бы не верить* их заявлениям. Быть либералом и становиться решительно на сторону социал-демократии, — одно исключает другое.

Далее. Допустим такой случай, что «либеральные или либерально-демократические течения» ясно и недвусмысленно заявят, что в своей борьбе с самодержавием они становятся решительно на сторону *социалистов-революционеров*. Предположение это гораздо менее невероятно (в силу буржуазно-демократической сущности направления социалистов-революционеров), чем предположение тов. Старовера. По смыслу его резолюции, в силу ее расплывчатости и казуистичности, выходит, что *в таком случае временные соглашения* с подобными либералами *недопустимы*. Между тем, этот неизбежный вывод из резолюции т. Старовера приводит к положению *прямо неверному*. Временные соглашения допустимы и с социалистами-революционерами (см. резолюцию съезда о них), а *следовательно*, и с либералами, которые встали бы на сторону социалистов-революционеров.

Второе условие: если эти течения «не выставят в своих программах требований, идущих в разрез с интересами рабочего класса и демократии вообще или затемняющих их сознание». И тут та же ошибка: не бывало и быть не может таких либерально-демократических течений, которые бы не выставляли в своих программах требований, идущих в разрез с интересами рабочего класса и не затемняли его (пролетариата) сознание. Даже одна из самых демократических фракций нашего либерально-демократического течения, фракция социалистов-революционеров, выставляет в своей программе, запутанной, как и все либеральные программы, требования, идущие в разрез с интересами рабочего класса и затемняющие его сознание. Из этого факта следует выводить *необходимость* «разоблачать ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии», но отнюдь не недопустимость временных соглашений.

Наконец, и третье «условие» тов. Старовера (чтобы лозунгом своей борьбы либералы-демократы сделали всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право) *неправильно* в той общей постановке, которая ему придана: временные и частные соглашения *неразумно было бы* объявлять ни в каком случае не допустимыми с такими либерально-демократическими течениями, которые выставляли бы лозунг цензовой конституции, «куцой» конституции вообще. В сущности, именно сюда подошло бы «течение»

гг., «освобожденцев», по связывать себе руки, запрещая наперед «временные соглашения», хотя бы и с самыми робкими либералами, было бы политической близорукостью, несовместимой с принципами марксизма.

Итог: резолюция тов. Старовера, подписанная также т.т. Мартовым и Аксельродом, *ошибочна,* и третий съезд поступит разумно, если отменит ее. Она страдает *политической расплывчатостью* теоретической и тактической позиции, казуистичностью — практических «условий», требуемых ею. Она *смешивает два вопроса:* 1) разоблачение «анти-революционных и противопролетарских» черт *всякого* либерально-демократического течения и обязательность *борьбы* с этими чертами, и 2) *условие* временных и частных *соглашений* с любым из таких течений. Она не дает того, что надо (анализа классового содержания либерализма), и дает то, чего не надо (предписание «условий»). На партийном съезде вообще нелепо вырабатывать конкретные «условия» временных соглашений, когда нет на-лицо даже определенного контрагента,— субъекта таких возможных соглашений; да если бы и был таковой «субъект» на-лицо, то во сто раз рациональнее было бы предоставить определение «условий» временного соглашения центральным учреждениям партии, как это и сделано съездом по отношению к «течению» гг. социалистов-революционеров (см. плехановское видоизменение конца резолюции тов. Аксельрода, стр. 362 и 15 протоколов) [88]).

Что касается до возражений «меньшинства» против резолюции Плеханова, то единственный довод т. Мартова гласил: резолюция Плеханова «кончает мизерным выводом: надо разоблачать одного литератора. Не будет ли это — идти «на муху с обухом»? (стр. 358). Довод этот, в котором отсутствие мысли прикрывается хлестким словечком—«мизерный вывод»,— дает нам новый образчик претенциозной фразы. Во-первых, резолюция Плеханова говорит о «разоблачении перед пролетариатом ограниченности и недостаточности освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявилась эта ограниченность и недостаточность». Поэтому чистейшими пустяками является утверждение тов. Мартова (на съезде Лиги, стр. 88 протоколов), что «все внимание должно быть обращено на одного Струве, одного либерала». Во-вторых, сравнивать господина Струве с «мухой», когда речь идет о возможности временных соглашений с русскими либералами, значит приносить в жертву хлесткости элементарную политическую очевидность. Нет, г. Струве не муха, а политическая величина, и он является таковой не потому, чтобы он лично был очень крупной фигурой. Значение политической величины дает ему его позиция, позиция единственного представителя русского либерализма, хоть сколько-нибудь дееспособного и организованного либерализма, в нелегальном мире. Поэтому

говорить о русских либералах и об отношении к ним нашей партии и не иметь в виду имешно г. Струве, имешно «Освобождения» — значит говорить, чтобы ничего не сказать. Или, может быть, тов. Мартов попробует указать нам *хоть одно единственное* «либеральное или либерально-демократическое течение» в России, которое хоть отдаленно могло бы сравниться в настоящее время с «освобожденским» течением? Интересно было бы посмотреть на такую попытку! *).

«Имя Струве ничего не говорит рабочим», — поддерживал т. Костров тов. Мартова. Это уже довод, не во гнев будь сказано т. Кострову и т. Мартову, — Акимовский. Это уже вроде пролетариата в родительном падеже [89]).

Каким рабочим «ничего не говорит имя Струве» (и имя «Освобождения», названного в резолюции т. Плеханова рядом с именем г. Струве)? Таким, которые до последней степени мало знакомы, или вовсе не знакомы, с «либеральными и либерально-демократическими течениями» в России. Спрашивается, в чем должно состоять отношение нашего партийного съезда к таким рабочим: в том ли, чтобы поручить членам партии знакомить этих рабочих с единственным определенным либеральным течением в России? или в том, чтобы *умалчивать* об мало знакомом для рабочих имени по случаю собственно их малого знакомства с политикой? Если т. Костров, сделав первый шаг за т. Акимовым, не захочет сделать и второго шага за ним, то он наверное решит этот вопрос в первом смысле. А решив его в первом смысле, он увидит, как несостоятелен был его довод. *Во всяком случае* слова: «Струве» и «Освобождение» в плехановской резолюции во много раз больше *могут дать* рабочим, чем слова: «либеральное и либерально-демократическое течение» в резолюции Старовера.

---

*) На съезде Лиги тов. Мартов привел еще такой довод против резолюции тов. Плеханова: «Главное соображение против нее, главный недостаток этой резолюции заключается в том, что она совершенно игнорирует то, что наша обязанность — не уклоняться в борьбе с самодержавием от союза с либерально-демократическими элементами. Тов. Ленин назвал бы подобную тенденцию Мартыновской. В новой «Искре» тенденция эта уже проявляется» (стр. 88).

Этот пассус — редкое, по своему богатству, собрание «перлов». 1) Сугубой путаницей являются слова о *союзе* с либералами. Никто и не говорил о союзе, тов. Мартов, а лишь о временных или частных соглашениях. Это большая разница. 2) Если Плеханов в резолюции игнорирует невероятный «союз» и говорит лишь вообще о «поддержке», то это не недостаток, а достоинство его резолюции. 3) Не потрудится ли тов. Мартов объяснить нам, чем характеризуются вообще «Мартыновские тенденции»? Не расскажет ли он нам об отношении этих тенденций к оппортунизму? Не проследит ли он отношение этих тенденций к параграфу первому устава? 4) Я положительно сгораю от нетерпения услышать от тов. Мартова, в чем проявились «Мартыновские тенденции» в «новой» «Искре»? Пожалуйста, избавьте меня скорее от муки ожидания, тов. Мартов! (Это примечание исключено в издании 1908 года. *Ред.*)

Русский рабочий не может в настоящее время ознакомиться на практике с сколько-нибудь откровенными политическими тенденциями нашего либерализма иначе, как по «Освобождению». Легальная либеральная литература негодна тут именно в силу ее туманности. И мы должны как можно усерднее (и перед возможно более широкими массами рабочих) направлять оружие своей критики против освобожденцев, чтобы в момент грядущей революции русский пролетариат мог настоящей критикой оружия парализовать неизбежные попытки гг. освобожденцев урезать демократический характер переворота.

Кроме отмеченного мною выше «недоумения» тов. Егорова по вопросу о «поддержке» нами оппозиционного и революционного движения, прения о резолюциях не дали интересного материала, да и прений почти не было.

Съезд закончился кратким напоминанием председателя об обязательности постановлений съезда для всех членов партии *).

II) ОБЩАЯ КАРТИНА БОРЬБЫ НА СЪЕЗДЕ. РЕВОЛЮЦИОННОЕ И ОППОРТУНИСТИЧЕСКОЕ КРЫЛО ПАРТИИ.

Закончив анализ прений и голосований на съезде **), мы должны теперь подвести итоги, чтобы на основании *всего* съездовского материала ответить на вопрос: из каких элементов, групп и оттенков сложилось то окончательное большинство и меньшинство, которое мы видели на выборах и ***) которому суждено было на некоторое время стать основным нашим партийным делением? Необходимо подвести итоги всему тому материалу относительно принципиальных, теоретических и тактических оттенков, который в таком богатстве представлен протоколами съезда. Без общей «сводки», без общей картины всего съезда и всех главнейших группировок при голосованиях, этот материал остается слишком дробным, разбросанным, так что на первый взгляд те или иные отдельные группировки кажутся случайными, особенно тому, кто не дает себе труда самостоятельного и всестороннего *изучения* протоколов съезда (а много ли таких читателей, которые дали себе этот труд?).

---

*) Обе заключительные фразы § м исключены в издании 1908 года. *Ред.*

**) Слова: «Закончив . . . на съезде» исключены в издании 1908 года. *Ред.*

***) Слова: «которое мы видели на выборах и» исключены в издании 1908 года. *Ред.*

В английских парламентских отчетах часто встречается характерное слово division — разделение. Палата «разделилась» на такое-то большинство и меньшинство, — говорят про голосование известного вопроса. «Разделение» нашей социал-демократической палаты по различным, обсуждавшимся на съезде, вопросам дает *единственную в своем роде, незаменимую по полноте и точности* картину внутренней борьбы в партии, картину ее оттенков и групп. Чтобы сделать эту картину наглядной, чтобы получить настоящую *картину*, а не груду бессвязных, дробных, изолированных фактов и фактиков, чтобы положить конец бесконечным и бестолковым спорам об отдельных голосованиях (кто за кого голосовал и кто кого поддерживал?), я решил попытаться изобразить *все основные* типы «разделений» нашего съезда в виде *диаграммы*. Такой прием покажется, наверное, страшным очень и очень многим, но я сомневаюсь, можно ли найти другой способ изложения, действительно обобщающего и подводящего итоги, возможно более полного и наиболее точного. Вотировал ли за или против известного предложения тот или иной делегат, — это можно установить при именных голосованиях с безусловной точностью, а по некоторым важным неименным голосованиям это можно определить, на основании протоколов, с громадной степенью вероятности, с достаточной степенью приближения к истине. Если принять при этом во внимание *все* именные голосования и все те неименные, в которых затрагивались сколько-нибудь важные (судя, например, по обстоятельности и страстности прений) вопросы, то получится изображение нашей внутри-партийной борьбы, отличающееся наиболее достижимой, при наличном материале, объективностью. При этом вместо фотографического изображения, т.-е. изображения каждого голосования в отдельности, мы постараемся дать картину, т.-е. привести все главные *типы* голосований, игнорируя неважные сравнительно отступления и разновидности, которые могли бы только запутать дело. Во всяком случае на основании протоколов всякий в состоянии будет проверить каждый штрих в нашей картине, дополнить ее каким угодно отдельным голосованием, одним словом, критиковать ее не только путем соображений, сомнений и указаний на единичные казусы, а путем составления *иной картины* на основании того же материала.

Нанося на диаграмму каждого принимавшего участие в голосовании делегата, мы будем отмечать особой штриховкой те четыре основные группы, которые мы подробно прослеживали в течение всего хода дебатов на съезде, именно: 1) искровцев большинства; 2) искровцев меньшинства; 3) «центр» и 4) антиискровцев. Различие принципиальных оттенков между этими группами мы видели *на массе примеров*, и если кому-либо не нравятся *названия* групп, слишком напоминающие любителям зигзагов об организации «Искры» и о направлении «Искры», то мы

заметим им, что дело не в названии. Теперь, когда оттенки прослежены нами на *всех* дебатах съезда, легко можно заменить установившиеся уже и привычные партийные клички (режущие коекому ухо) характеристикой *существа оттенков между группами*. При такой замене мы получили бы для тех же четырех групп следующие названия: 1) последовательные революционные социал-демократы; 2) оппортунисты маленькие; 3) оппортунисты средние, и 4) оппортунисты большие (на наш русский масштаб большие). Будем надеяться, что эти названия меньше станут шокировать тех, кто с некоторого времени стал уверять себя и других, будто «искровец» — есть название, объемлющее лишь «кружок», а не *направление* *).

Перейдем к подробному изложению того, какие типы голосований «сняты» на прилагаемой диаграмме (см. диаграмму: «Общая картина борьбы на съезде»).

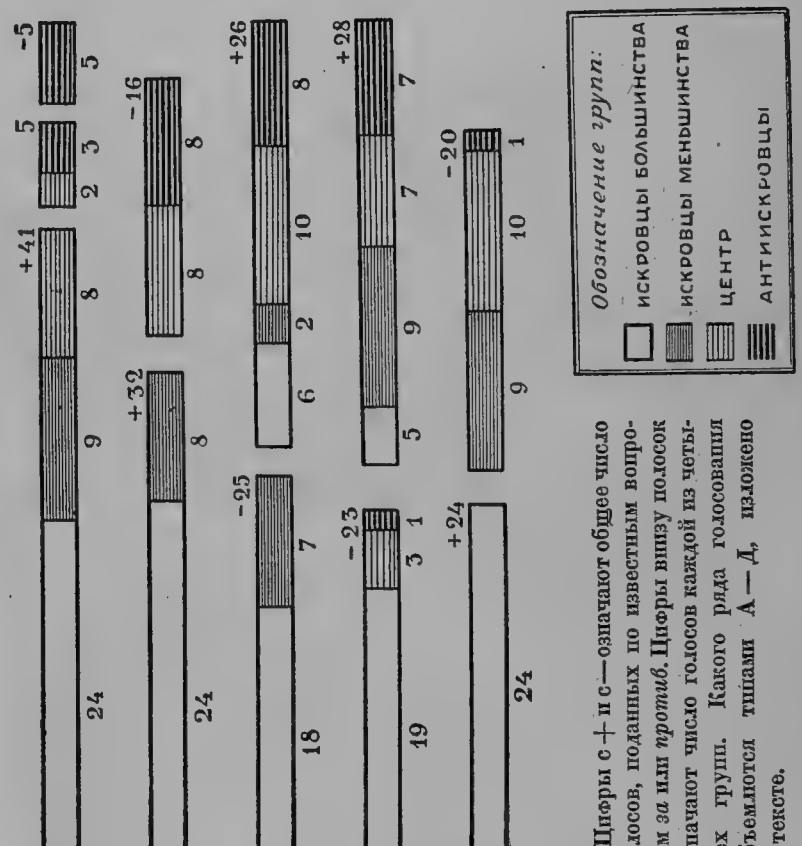
Первый тип голосований (А) охватывает те случаи, когда вместе с искровцами шел «центр» против анти-искровцев или против части их. Сюда относятся голосование программы в целом (один только т. Акимов воздержался, остальные за), голосование принципиальной резолюции против федерации (все за, кроме пяти бундовцев), голосование § 2 устава Бунда (против нас пять бундовцев, воздержались пятеро: Мартынов, Акимов, Брукэр и Махов с двумя голосами, остальные с нами); *это голосование и представлено на диаграмме* А. Далее, того же типа были *три* голосования по вопросу об утверждении центральным органом партии «Искры»; редакция (пять голосов) воздерживалась, против были во всех трех голосованиях двое (Акимов и Брукэр) и, кроме того, при голосовании *мотивов* утверждения «Искры» воздержались пять бундовцев и тов. Мартынов **).

Рассматриваемый тип голосований дает ответ на чрезвычайно интересный и важный вопрос: когда «центр» съезда шел вместе с искровцами? Либо тогда, когда *и анти-искровцы были с нами*, за малыми исключениями (принятие программы, утверждение «Искры» независимо от мотивов), либо тогда, когда дело шло о таких *заявлениях*, которые еще непосредственно к определенной политической позиции не обязывают (признание организационной работы «Искры» не обязывает еще проводить на деле ее организационную политику в отношении частных групп;

*) Фраза: «Будем надеяться. . . а не *направление*» исключена в издании 1908 года. *Ред.*

**) Почему для изображения на диаграмме взято именно голосование о § 2 устава Бунда? Потому что голосования о признании «Искры» менее полны, а голосования о программе и о федерации касаются менее определенных конкретно политических решений. Вообще выбор того или другого из ряда *однородных* голосований нисколько не изменит основных черт картины, как в этом легко убедится каждый, сделав соответствующие изменения.

ОБЩАЯ КАРТИНА БОРЬБЫ НА СЪЕЗДЕ *).



Цифры с + и с — означают общее число голосов, поданных по известным вопросам *за* или *против*. Цифры внизу полосок означают число голосов каждой из четырех групп. Какого рода голосования объемлются типами А — Д, изложено в тексте.

*) В изд. 1908 года: «Общая картина борьбы на втором съезде Р. С.-Д. Р. П. 1903 г.». *Ред.*

отвержение федерации не мешает еще воздерживаться по вопросу о конкретном проекте федерации, как мы видели на примере т. Махова). Мы видели уже выше, говоря о значении группировок на съезде вообще, до какой степени неверно представляется этот вопрос в официальном изложении официальной «Искры», которая (устами т. Мартова) *затирает и затушевывает* разницу между искровцами и «центром», между последовательными революционными социал-демократами и оппортунистами, посредством ссылки на *такие случаи, когда и анти-искровцы шли с нами!* Даже наиболее «правые» из немецких и французских оппортунистов в социал-демократических партиях не вотируют против по таким пунктам, как *признание программы в целом.*

Второй тип голосований (Б) обнимает те случаи, когда искровцы последовательные и непоследовательные шли вместе против всех анти-искровцев и всего «центра». Эти случаи относятся, главным образом, к тем вопросам, когда дело шло о проведении в жизнь конкретно-определенных планов искровской политики, когда речь шла о признании «Искры» *на деле, а не на словах только.* Сюда относится *инцидент с О. К.**), постановка вопроса о положении Бунда в партии на первое место, распущение группы «Южный Рабочий», два голосования об аграрной программе и, наконец, в-шестых, голосование *против* заграничного Союза Русских Социал-Демократов («Рабочего Дела»), т.-е. признание Лиги единственной организацией партии за границей. Старая, до-партийная кружковщина, интересы оппортунистических организаций или группок, узкое понимание марксизма боролось здесь с принципиально-выдержанной и последовательной политикой революционной социал-демократии; искровцы меньшинства шли еще с нами в целом ряде случаев, в целом ряде крайне важных (с точки зрения О. К., «Южного Рабочего», «Рабочего Дела») голосований,... пока дело не коснулось *их собственной* кружковщины, их собственной непоследовательности. «Разделения» рассматриваемого типа наглядно показывают, что в ряде вопросов о проведении в жизнь наших принципов *центр шел с анти-искровцами,* оказывался гораздо ближе к ним, чем

*) Именно это голосование изображено на диаграмме Б: у искровцев было 32 голоса, за резолюцию бундовца 16. Заметим, что из голосований этого типа нет *ни одного именного* голосования. На распределение делегатов указывают лишь с громадной степенью вероятности двоякого рода данные: 1) в прениях ораторы обеих групп искровцев высказываются за, ораторы анти-искровцев и центра — против; 2) числа голосов «*за*» всегда очень близко подходят к цифре 33. Не надо забывать также, что, анализируя прения на съезде, мы отмечали, и помимо голосований, *целый ряд* случаев, когда «центр» шел с анти-искровцами (с оппортунистами) против нас. Сюда относятся вопросы об абсолютной ценности демократических требований, о поддержке оппозиционных элементов, об ограничении централизма и т. д.

к нам, гораздо более склонным *на деле* к *оппортунистическому*, чем к *революционному* крылу социал-демократии. «Искровцы» *по названию*, стыдившиеся *быть* искровцами, обнаруживали свою природу, и неизбежная борьба вносила не мало раздражения, которое заслоняло от наименее вдумчивых и наиболее впечатлительных лиц значение вскрывающихся в этой борьбе принципиальных оттенков. Но теперь, когда улегся несколько пыл борьбы и протоколы остались объективным экстрактом ряда горячих сражений, теперь только люди, закрывающие глаза, могут не видеть, что соединение Маховых и Егоровых с Акимовыми и Либерами не было случайностью и не могло быть случайностью. Мартову и Аксельроду только и остается сторониться от всестороннего и точного анализа протоколов или пытаться задним числом *переделать* свое поведение на съезде, посредством всяческих выражений *сожаления*. Точно сожалением можно устранить различие взглядов и различие политики! точно теперешний союз Мартова и Аксельрода с Акимовым, Брукэром и Мартыновым может заставить нашу партию, восстановленную на втором съезде, забыть о борьбе, которую вели искровцы с антиискровцами в течение почти всего съезда! *)

Третий тип голосований на съезде, охватывающий три последние части диаграммы из пяти (именно В, Г и Д), характеризуется тем, что *небольшая часть искровцев отделяется и переходит на сторону анти-искровцев*, которые поэтому и побеждают (пока остаются на съезде). Чтобы проследить с полной точностью развитие этой знаменитой **) *коалиции* искровского меньшинства с анти-искровцами, одно упоминание о которой доводило Мартова до истерических посланий на съезде ***), приводятся все три основных типа *именных* голосований этого рода. *В* — это голосование по вопросу о равноправии языков (взято последнее из трех именных голосований по этому пункту, как самое полное). Все анти-искровцы и весь центр стеной стоят против нас, из искровцев же отделилась часть большинства и часть меньшинства. *Еще не видно, какие искровцы способны к окончательной и прочной коалиции с оппортунистической «правой» съезда.* Далее, голосование типа *Г* — о первом параграфе устава (из двух голосований взято более определенное, т.-е. когда никто не воздерживался). *Коалиция обрисовывается рельефнее и складывается прочнее* ****): искровцы меньшинства *все* уже стоят на стороне Аки-

*) Конец абзаца, начиная со слов: «Мартову и Аксельроду», исключен в издании 1908 года. *Ред.*

**) Это слово исключено в издании 1908 года. *Ред.*

***) Слова: «одно упоминание . . . на съезде» исключены в издании 1908 года. *Ред.*

****) *Судя по всему*, того же типа было еще *четыре голосования по уставу*, стр. 278 — 27 за Фомина против 21 наших; стр. 279 — 26 за Мартова против 24 за нас; стр. 280 — 27 против меня. 22 за Мартова и там же — за

мова и Либера, из искровцев большинства — очень небольшое число, возмещающее перешедших на нашу сторону трех из «центра» и одного из анти-искровцев. Достаточно простого взгляда на диаграмму, чтобы убедиться в том, какие элементы случайно и временно переходили то на одну, то на другую сторону и какие *шли с неудержимой силой к прочной коалиции с Акимовыми*. На последнем голосовании (Д — выборы в Ц. О., в Ц. К. и в Совет Партии), *которое представляет именно окончательное деление на большинство и меньшинство*, ясно видно полное слияние искровского меньшинства со *всем* «центром» и с *остатками* анти-искровцев. Из восьми анти-искровцев к этому времени остался на съезде *один* тов. Брукэр (которому тов. Акимов разъяснил уже его ошибку и который занял принадлежащее ему по праву место в рядах *мартовцев*). Уход семерки *наиболее «правых» оппортунистов* решил судьбу выборов против Мартова *).

И вот теперь подведем итоги съезду, опираясь на объективные данные о голосовавших *всякого типа*.

Много толковали о «*случайном*» характере большинства на нашем съезде. Тов. Мартов только этим доводом и утешал себя в своем «Еще раз в меньшинстве» **). Из диаграммы ясно видно, что в *одном смысле*, но только в одном, можно назвать большинство случайным, именно в том смысле, что, де, семерка наиболее оппортунистических элементов «*правой*» ушла *случайно*. Поскольку случаен этот уход, *постольку* (не более) случайно и наше большинство. Простой взгляд на диаграмму лучше длинных рассуждений показывает, на чьей стороне была бы, *должна бы была быть* эта семерка ***). Но спрашивается, поскольку действительно можно считать случайным уход этой семерки? Вот вопрос, которого не любят задавать себе люди, охотно говорящие о «случайности» большинства. Неприятный это для них вопрос.

Мартова 24 против 23 за нас. Это — затронутые уже мной раньше голосования по вопросам о кооптации в центры. Именных голосований нет (одно было, но затеряно). Бундовцы (все или часть), видимо, *спасают* Мартова. Ошибочные утверждения Мартова (в Лиге) относительно голосований этого типа исправлены выше. (Это примечание исключено в издании 1908 года. *Ред.*)

*) Семь оппортунистов, ушедших с 2-го съезда, это пять бундовцев Бунд вышел из партии на втором съезде после отклонения федеративного принципа) и два «рабочедельца», т. Мартынов и т. Акимов. Эти последние ушли со съезда после того, как заграничной организацией партии была признана *только* искровская Лига, то-есть был распущен рабочедельческий заграничный «Союз» русских социал-демократов. (Примечание к изданию 1908 г. *Ред.*)

**) Фраза: «Тов. Мартов . . . в меньшинстве» исключена в издании 1908 года. *Ред.*

***) Мы увидим ниже, что *после* съезда и т. Акимов и Воронежский Комитет, наиболее *родственный* т. Акимову, прямо и выразили свое сочувствие *«меньшинству»*.

Случайно ли то, что ушли наиболее ярые представители *правого*, а не *левого* крыла нашей партии? Случайно ли то, что ушли *оппортунисты*, а не последовательные *революционные социал-демократы?* Не стоит ли этот «случайный» уход в некоторой связи с той борьбой против оппортунистического крыла, которая велась в течение всего съезда и которая так наглядно выступает на нашей диаграмме?

Достаточно поставить эти неприятные для меньшинства вопросы, чтобы выяснить себе, какой факт *прикрывается* толками о случайности большинства. Это тот несомненный и неоспоримый факт, *что меньшинство составили наиболее тяготеющие к оппортунизму члены нашей партии.* Меньшинство составили *наименее устойчивые* теоретически, *наименее выдержанные принципиально* элементы партии. Меньшинство образовалось именно из *правого крыла* партии. Разделение на большинство и меньшинство есть прямое и неизбежное продолжение того разделения социал-демократии на революционную и оппортунистическую, на Гору и Жиронду, которое не вчера только появилось не в одной только русской рабочей партии и которое, наверное, не завтра исчезнет.

Этот факт имеет кардинальное значение в деле выяснения причин и перипетий расхождений. Пытаться *обойти* этот факт посредством отрицания или затушевывания борьбы на съезде и сказавшихся в ней принципиальных оттенков, — значит выдавать себе полнейшее свидетельство об умственной и политической бедности. А чтобы *опровергнуть* этот факт, надо, *во-первых*, показать, что общая картина голосований и «разделений» на нашем партийном съезде была не такая, которая приведена мною; надо, *во-вторых*, показать, что *по существу* всех тех вопросов, из-за которых «разделялся» съезд, *неправы были* те наиболее последовательные революционные социал-демократы, которые связали себя в России с именем искровцев *). Попробуйте-ка показать это, господа! **)

*) Примечание для тов. Мартова. Если тов. Мартов забыл теперь, что *искровец* означает *сторонник направления*, а не *член кружка*, то мы советуем ему прочесть в протоколах съезда разъяснение этого вопроса тов. Троцким тов. Акимову. Искровскими *кружками* были на съезде (по отношению к партии) три кружка: Группа «Освобождение Труда», редакция «Искры», организация «Искры». Два кружка из этих трех были так разумны, что сами распустили себя; третий проявил недостаточно партийности, чтобы сделать это, и был распущен съездом. Самый широкий искровский кружок, организация «Искры» (включавшая в себя и редакцию и Группу «Освобождение Труда»), насчитывал на съезде всего 16 человек, из которых *только одиннадцать* имели решающий голос. Искровцев же *по направлению*, не принадлежавших ни к какому искровскому «кружку», было на съезде по моему счету, *27 с 33 голосами*. Значит, из искровцев *меньше половины* принадлежали к искровским *кружкам*. (Это примечание исключено в издании 1908 года. *Ред.*)

**) Последняя фраза исключена в издании 1908 года. *Ред.*

Факт составления меньшинства из наиболее оппортунистических, наименее устойчивых и наименее выдержанных элементов партии указывает, между прочим, ответ на многие недоумения и возражения, с которыми обращаются к большинству люди, плохо знакомые с делом или плохо продумавшие вопрос. Не мелко ли это, говорят нам, объяснять *расхождение* маленькой ошибкой тов. Мартова и тов. Аксельрода? Да, господа, ошибка тов. Мартова была невелика (и я еще на съезде, в пылу борьбы, отметил это), но из этой маленькой ошибки *могло* получиться *(и получилось)* много вреда в силу того, что тов. Мартова перетянули на свою сторону делегаты, сделавшие *целый ряд ошибок*, проявившие на целом ряде вопросов тяготение к оппортунизму и принципиальную невыдержанность. Индивидуальным и неважным фактом было проявление неустойчивости со стороны тов. Мартова и тов. Аксельрода, но не индивидуальным, а *партийным* и *не совсем неважным* фактом было образование весьма и весьма значительного меньшинства из *всех*, наименее устойчивых элементов, *из всех тех*, кто либо вовсе не признавал направления «Искры» и прямо боролся с ним, либо признавал на словах, а на деле сплошь да рядом шел с анти-искровцами.

Не смешно ли *объяснять* расхождение господством заскорузлой кружковщины и революционной обывательщины в маленьком кружке старой редакции «Искры»? Нет, это не смешно, потому что на поддержку *этой индивидуальной* кружковщины *встало все то в нашей партии*, что боролось в течение всего съезда *за всякую кружковщину*, все то, *что вообще не могло подняться* над революционной обывательщиной, все то, что ссылалось на «исторический» характер обывательского и кружковщинского зла для оправдания и сохранения этого зла. Случайностью можно бы еще, пожалуй, считать то, что узко-кружковые интересы одержали верх над партийностью в одном маленьком кружке редакции «Искры». Но не случайностью было то, что на поддержку этой кружковщины горой встали т.т. Акимовы и Брукэры, которым не менее (если не более) дорога была «историческая преемственность» знаменитого Воронежского Комитета [90]) и пресловутой Петербургской «Рабочей» Организации [91]) встали т.т. Егоровы, которые оплакивали «убийство» «Рабочего Дела» так же горько (если не еще более горько), как и «убийство» старой редакции, встали т.т. Маховы и пр. и пр. Скажи мне, с кем ты знаком, и я скажу тебе, кто ты такой, — гласит житейская мудрость. Скажи мне, кто твой политический союзник, кто за тебя голосует, — и я тебе скажу, какова твоя *политическая физиономия*.

Мелкая ошибка тов. Мартова и тов. Аксельрода оставалась и могла остаться *мелкой*, покуда она не послужила исходным пунктом для *прочного союза* их со всем оппортунистическим крылом нашей партии, покуда она не повела в силу этого союза

к *отрыжке* оппортунизма, к *реваншу* всех тех, с кем боролась «Искра» и кто готов был с величайшей радостью *сорвать теперь сердце* на последовательных сторонниках революционной социал-демократии. Послесъездовские события как раз и привели к тому, что в новой «Искре» мы видим именно отрыжку оппортунизма, реванш Акимовых и Брукэров (см. листок Воронежского Комитета*) восторги Мартыновых, которым наконец-то (наконец-то!) позволили в ненавистной «Искре» лягнуть ненавистного «врага» за все и всяческие прошлые обиды. Это особенно наглядно показывает нам, до какой степени необходимо было «восстановление старой редакции Искры» (из ультиматума тов. Старовера от 3 ноября 1903 г.) для охранения искровской «преемственности»...**)

Сам по себе факт разделения съезда (и партии) на левое и правое, революционное и оппортунистическое крыло не представлял еще из себя не только ничего страшного и ничего критического, но даже и ровно ничего непормального. Напротив, все последнее десятилетие в истории русской (и не только русской) социал-демократии неизбежно и неминуемо приводило к такому разделению. Что основанием для разделения был ряд весьма *мелких* ошибок правого крыла, весьма неважных (сравнительно) разногласий, — это обстоятельство (которое поверхностному наблюдателю и филистерскому уму кажется шокирующим) означало *большой шаг вперед всей нашей партии в целом.* Раньше мы расходились из-за крупных вопросов, которые могли иногда даже оправдать и раскол, теперь мы сошлись уже на всем крупном и важном, теперь нас разделяют лишь *оттенки,* из-за которых можно *и должно* спорить, но нелепо и ребячески было бы расходиться (как и сказал уже совершенно справедливо товарищ Плеханов в интересной статье «Чего не делать?», к которой мы еще вернемся). *Теперь,* когда *анархическое поведение* меньшинства *после съезда* почти привело партию к расколу, часто можно встретить мудрецов, которые говорят: да стоило ли вообще бороться на съезде из-за таких мелочей, как инцидент с О. К., распущение группы «Южного Рабочего», или «Рабочего Дела», § 1, распущение старой редакции и т. п.? Кто рассуждает так ***), тот

*) См. настоящий том, стр. 323 — 324. *Ред.*

**) Последняя фраза исключена в издании 1908 года. *Ред.*

***) Не могу не вспомнить по этому поводу одного разговора моего на съезде с кем-то из делегатов «центра». «Какая тяжелая атмосфера царит у нас на съезде!» — жаловался он мне. — «Эта ожесточенная борьба, эта агитация друг против друга, эта резкая полемика, это нетоварищеское отношение!..» «Какая прекрасная вещь — наш съезд»! — отвечал я ему. — «Открытая, свободная борьба. Мнения высказаны. Оттенки обрисовались. Группы наметились. Руки подняты. Решение принято. Этап пройден. Вперед! — вот это я понимаю. Это жизнь. Это не то, что бесконечные, нудные интеллигентские словопрения, которые кончаются не потому, что люди решили вопрос, а просто потому, что устали говорить...» Товарищ

вносит именно кружковую точку зрения в партийные дела: борьба *оттенков* в партии *неизбежна и необходима*, покуда борьба не ведет к анархии и к расколу, покуда борьба идет *в рамках*, одобренных сообща всеми товарищами и членами партии. И *наша борьба* с правым крылом партии *на съезде*, с Акимовым и Аксельродом, с Мартыновым и Мартовым, *отнюдь не выходила из этих рамок*. Достаточно вспомнить два факта, свидетельствующих об этом самым бесспорным образом: 1) *) когда т.т. Мартынов и Акимов уходили со съезда, *мы все готовы были* всячески отстранить мысль об «оскорблении», *мы все принимали* (32 голосами) резолюцию тов. Троцкого, приглашающую этих товарищей удовлетвориться разъяснениями и взять назад свое заявление **); 2) когда дело дошло до выбора центров, мы давали меньшинству (или оппортунистическому крылу) съезда *меньшинство в обоих центрах:* Мартову в Ц. О., Попову в Ц. К. Иначе мы *не могли* поступить с партийной точки зрения, раз было решено нами еще до съезда выбирать две тройки. *Если различие оттенков, обнаружившихся на съезде, было невелико*, то *невелик*, ведь, был и *практический* вывод, сделанный нами из борьбы этих оттенков: этот вывод *исключительно* сводился к тому, что *две трети* в обеих тройках следует предоставить *большинству* партийного съезда.

Только *несогласие* меньшинства на партийном съезде быть *меньшинством в центрах* привело сначала к «дряблому хныканью» потерпевших поражение интеллигентов, а потом к *анархической фразе* и к анархическим действиям.

В заключение, взглянем еще раз на диаграмму с точки зрения вопроса о составе центров. Совершенно естественно, что, *кроме* вопроса об оттенках, перед делегатами стоял также при выборах вопрос о *пригодности*, работоспособности и т. п. того или другого *лица*. Теперь меньшинство очень охотно прибегает к смешению этих вопросов. А что это вопросы разные, — понятно само собой и видно хотя бы из того простого факта, что выбор *первоначальной* тройки в Ц. О. был намечен еще *до съезда*, когда союза Мартова и Аксельрода с Мартыновым и Акимовым не мог предвидеть ни единый человек. На разные вопросы и

из «центра» смотрел на меня недоумевающими глазами и пожимал плечами. Мы говорили на разных языках. (Это примечание исключено в издании 1908 года. *Ред.*)

*) В издании 1908 года это место изложено так: «Достаточно вспомнить хотя бы, что, когда» и т. д. *Ред.*

**) В издании 1908 года далее следует такое примечание: «Параграфы *о* и *п* выкинуты в настоящем издании, так как в них описывается борьба из-за личного состава центров после съезда, т.-е. нечто такое, в чем всего меньше было принципиального, всего больше дрязг.» Конец § н), начиная со слов: «2) когда дело дошло», и до конца §, также исключен в издании 1908 года. *Ред.*

ответ должен быть получаем разными способами: на вопрос об оттенках надо искать ответа в *протоколах съезда*, в *открытом* обсуждении и голосовании всех и всяческих пунктов. Вопрос о пригодности *лиц* решено было всеми на съезде решать *тайными голосованиями*. Почему *весь съезд единогласно* принял такое решение?—это такой азбучный вопрос, на котором страшно было бы останавливаться. Но меньшинство стало забывать (после своего поражения на выборах) даже азбуку. Мы слышали потоки горячих, страстных, возбужденных почти до невменяемости речей в защиту старой редакции, но мы не слышали *ровно ничего* о тех оттенках *на съезде*, которые связаны были с борьбой за шестерку и за тройку. Мы слышим изо всех углов толки и россказни о недееспособности, непригодности, злонамеренности и пр. лиц, выбранных в Ц. К., но мы не слышим *ровно ничего* о тех оттенках *на съезде*, которые боролись за преобладание в Ц. К. Мне кажется, что *вне съезда* неприличны и недостойны россказни и толки о качествах и действиях лиц (ибо эти действия составляют, в 99 случаях из 100, организационную тайну, раскрываемую лишь перед высшей инстанцией партии). Вести *вне съезда* борьбу посредством *таких россказней* значило бы, по моему убеждению, действовать *сплетнически*. И единственный ответ, который я мог бы дать публике по поводу этих толков, состоял бы в указании на съездовскую борьбу: вы говорите, что Ц. К. выбран небольшим большинством. Это верно. Но это небольшое большинство составилось из всех тех, кто самым последовательным образом, не на словах, а на деле, боролся за проведение искровских планов. *Моральный* авторитет этого большинства должен быть, поэтому, еще несравненно выше его *формального* авторитета,—выше для всех, кто ценит преемственность *направления* «Искры» выше преемственности того или иного *кружка* «Искры». Кто *компетентнее мог бы судить* о пригодности тех или иных лиц для проведения политики «Искры»? те ли, кто проводил эту политику на съезде, или те, кто в целом ряде случаев боролся с этой политикой и отстаивал всякую отсталось, всякий хлам, всякую кружковщину?

о) ПОСЛЕ СЪЕЗДА. ДВА ПРИЕМА БОРЬБЫ.

Анализ прений и голосований на съезде, с которым мы покончили, объясняет собственно in nuce (в зародыше) *все, что было после съезда*, и мы можем быть краткими, отмечая дальнейшие этапы нашего партийного кризиса.

Отказ Мартова и Попова от выборов внес сразу атмосферу *дрязги* в партийную борьбу партийных оттенков. Тов. Глебов, считая невероятным, что невыбранные редакторы серьезно решили *повернуть* к Акимову и Мартынову, и объясняя дело

прежде всего раздражением, предложил мне и Плеханову на другой же день после съезда покончить миром, «кооптировать» всех четырех под условием обеспечения представительства в Совете от редакции (т.-е. чтобы из двух представителей один обязательно принадлежал к *партийному* большинству). Условие это показалось Плеханову и мне рациональным, ибо согласие на него означало *молчаливое признание ошибки на съезде*, желание мира, а не войны, желание быть ближе к нам с Плехановым, чем к Акимову с Мартыновым, к Егорову с Маховым. Уступка по части «кооптации» принимала, таким образом, *личный* характер, а отказываться от личной уступки, которая должна устранить раздражение и восстановить мир, не стоило. Поэтому мы дали с Плехановым свое согласие. Редакционное большинство отвергло условие. *Глебов уехал.* Мы стали выжидать последствий: удержится ли Мартов на лояльной почве, на которую он встал (*против* представителя центра, тов. Попова) на съезде, или неустойчивые и склонные к расколу элементы, за которыми он пошел, возьмут верх.

Мы стояли перед дилеммой: пожелает ли тов. Мартов считать свою съездовскую «коалицию» единичным политическим фактом (вроде того, как была единичным случаем коалиция Бебеля с Фольмаром в 1895 г. — *si licet parva componere magnis* *)), или он пожелает *закрепить* эту коалицию, направит все усилия, чтобы доказать *нашу с Плехановым* ошибку на съезде, станет настоящим вожаком оппортунистического крыла нашей партии. Иными словами эта дилемма формулировалась так: дрязга или политическая партийная борьба? Из нас троих, которые были на другой день после съезда единственными наличными членами центральных учреждений, Глебов наиболее склонялся к первому решению дилеммы и наиболее старался помирить поссорившихся детей. Ко второму решению наиболее склонялся тов. Плеханов, к которому, что называется, приступу не было. Я изображал из себя на этот раз «центр» или «болото» и попробовал обратиться с убеждениями. В настоящее время пытаться восстанавливать словесные убеждения было бы предприятием безнадежно-путаным, и я не последую дурному примеру тов. Мартова и тов. Плеханова. Но некоторые места из одного письменного убеждения, адресованного мною к одному из искряков «меньшинства», считаю необходимым воспроизвести:

...«Отказ от редакции Мартова, отказ от сотрудничества его и др. литераторов партии, отказ работать на Ц. К. целого ряда лиц, пропаганда идеи бойкота или пассивного сопротивления, все это неминуемо приведет, даже против воли Мартова и его друзей, приведет к расколу партии. Если даже Мартов будет удерживаться на лояльной почве (на которую

*) — если позволительно малое сравнивать с большим. *Ред.*

он так решительно встал на съезде), то другие не удержатся, — и указанный мною исход будет неизбежен...

«...И вот я спрашиваю себя: из-за чего же, в самом деле, мы разойдемся? Я перебираю все события и впечатления съезда, я сознаю, что часто поступал и действовал в страшном раздражении, «бешено», я охотно готов признать пред кем угодно эту свою вину, если следует назвать виной то, что естественно вызвано было атмосферой, реакцией, репликой, борьбой etc.... Но, смотря без всякого бешенства теперь на достигнутые результаты, на осуществленное посредством бешеной борьбы, я решительно не могу видеть в результатах ничего, ровно ничего вредного для партии и абсолютно ничего обидного или оскорбительного для меньшинства.

«Конечно, обидным не могло не быть уже то, что пришлось остаться в меньшинстве, но я категорически протестую против мысли о том, чтобы мы «пятнали» кого-либо, чтобы мы *хотели* оскорбить или унизить кого-либо. Ничего подобного. И не след допускать, чтобы политическое расхождение вело к истолкованию событий посредством обвинения другой стороны в недобросовестности, прохвостничестве, интриганстве и пр. милых вещах, о которых все чаще и чаще слышишь в атмосфере надвигающегося раскола. Не след допускать этого, ибо это, по меньшей мере, до nec plus ultra *) неразумно.

«Мы политически (и организационно) разошлись с Мартовым, как расходились с ним десятки раз. Будучи побежден на вопросе о § 1 устава, я не мог не стремиться со всей энергией к реваншу на том, что у меня (и у съезда) оставалось. Я не мог не стремиться, с одной стороны, к строго искровскому Ц. К., — с другой, к редакционной тройке... Я считаю эту тройку *единственно* способной быть должностным учреждением, а не коллегией, основанной на семейственности и халатности, единственным настоящим центром, в котором каждый и всегда вносил бы и отстаивал свою партийную точку зрения, ни на волос больше и irrespective **) от всего личного, от всяких соображений об обиде, об уходе и пр.

«Эта тройка, после событий на съезде, несомненно узаконяла политическую и организационную линию, в одном отношении направленную против Мартова. Несомненно. Из-за этого рвать? Из-за этого ломать партию?? А разве по вопросу о демонстрациях не были Мартов и Плеханов против меня? А разве по вопросу о программе не был я и Мартов против Плеханова? Разве всякая тройка не обращается всегда одной своей стороной против каждого участника? Если большинство искровцев и в организации «Искры», и на съезде нашло ошибочным вот этот специальный оттенок Мартовской линии в организационном и политическом отношении; неужели не безумны, в самом деле, попытки объяснять это каким-то «подстраиваньем», да «натравливаньем» и т. п.? Неужели не безумно было бы отговариваться от этого факта, *обругавши* это большинство «шпаной»?

«Повторяю: я, как и большинство искровцев съезда, глубоко убежден, что Мартов взял неверную линию и что его надо было поправить. Строить обиду из-за этой поправки, выводить отсюда оскорбление etc. —

---

*) — до последней степени. *Ред.*
**) — независимо. *Ред.*

неразумно. Никого и ни в чем мы не «пятнали», не «пятнаем» и не устраняем *от работы*. А из-за устранения *от центра* поднимать раскол было бы непостижимым для меня безумием *)».

Эти письменные мои заявления я считал необходимым восстановить теперь, ибо они *точно* показывают стремление большинства *сразу* провести определенную грань между возможными (и неизбежными при горячей борьбе) личными обидами и личным раздражением в силу резкости и «бешенства» нападок и т. п., с одной стороны,— и известной политической ошибкой, политической линией (коалиция с правым крылом), с другой стороны.

Эти заявления доказывают, что *пассивное сопротивление* меньшинства *началось сейчас же после съезда* и сразу вызвало с нашей стороны предостережение, что это есть *шаг к расколу партии;* — что это прямо противоречит *лояльным заявлениям на съезде;* — что это будет расколом исключительно *из-за отстранения от центральных учреждений* (спречь из-за невыбора), ибо *от работы* никого из членов партии никто никогда не думал отстранять; — что политическое расхождение между нами (неизбежное, поскольку не выяснен и не решен еще вопрос, Мартов или мы ошиблись в своей линии на съезде) начинает все более *извращаться в дрязгу* с руготней, заподазриваниями и пр. и пр.

Предостережения не помогли. Поведение меньшинства показывало, что наименее устойчивые и *наименее ценящие партию* элементы среди него берут верх. Это заставило нас с Плехановым взять назад свое согласие на предложение Глебова: в самом деле, если меньшинство *делами* своими доказывало политическую неустойчивость свою не только в области принципов, но и в области *элементарной партийной лояльности,* то какое значение могли иметь *слова* о пресловутой «преемственности»? Никто не осмеивал так остроумно, как Плеханов, всей нелепости требования «кооптировать» в партийную редакцию большинство таких людей, которые прямо заявляют о своих новых и растущих несогласиях! Да где же это видано на свете, чтобы *до выяснения* в печати, перед партией, *новых* разногласий партийное большинство в центральных учреждениях само превращало себя в меньшинство? Пусть сначала изложены будут разногласия, пусть партия обсудит их глубину и значение, пусть партия сама исправит свою ошибку, сделанную ею на втором съезде, если доказана будет та или иная ошибка! Одно уже выставление подобного требования *во имя* неведомых еще разногласий

*) (См. настоящий том, стр. 41. *Ред.*) Это письмо писано еще *в сентябре* (н. ст.). Опущено из него то, что мне кажется не относящимся к делу. Если адресат письма считает именно опущенное важным, то ему легко будет пополнить пробел. Кстати. Пользуюсь этим случаем, чтобы раз-на-всегда предоставить всем моим оппонентам публикацию всех моих частных писем, буде они считают это полезным для дела.

показывало полную неустойчивость требующих, полное подавление политических расхождений дрязгой, полное неуважение и ко всей партии и к своим собственным убеждениям. Не бывало еще на свете и не будет никогда таких *принципиально убежденных* людей, которые бы отказывались *убеждать* раньше, чем они получат *(приватным образом)* большинство в том учреждении, которое они собираются переубедить.

Наконец, 4 октября тов. Плеханов объявляет, что сделает *последнюю* попытку покончить с этой нелепостью. Собирается собрание всех шести членов старой редакции в присутствии нового члена Ц. К. *). Битых три часа доказывает т. Плеханов неразумность требования «кооптировать» четырех из «меньшинства» на двух из «большинства». Он предлагает *кооптировать двоих,* чтобы, с одной стороны, устранить всякие опасения, что мы хотим кого-то «заезжать», задавить, осадить, казнить и похоронить, а с другой стороны, чтобы охранять права и позицию партийного «большинства». *Кооптация двух тоже отвергается.*

6-го октября мы шлем с Плехановым официальное письмо всем старым редакторам «Искры» и сотруднику, тов. Троцкому, следующего содержания:

«Уважаемые товарищи! Редакция Ц. О. считает долгом официально выразить свое сожаление по поводу Вашего отстранения от участия в «Искре» и «Заре». Несмотря на многократные приглашения сотрудничать, которые мы делали и тотчас после второго съезда партии и повторяли неоднократно после того, мы не получили от Вас ни одного литературного произведения. Редакция Ц. О. заявляет, что она считает Ваше отстранение от сотрудничества ничем с ее стороны не вызванным. Какое-либо личное раздражение не должно, конечно, служить препятствием к работе в Центральном Органе партии. Если же Ваше отстранение вызвано тем или иным расхождением во взглядах между Вами и нами, то мы считали бы чрезвычайно полезным в интересах партии обстоятельное изложение таких разногласий. Более того. Мы считали бы чрезвычайно желательным, чтобы характер и глубина этих разногласий были как можно скорее выяснены перед всей партией на страницах редактируемых нами изданий» **).

Как видит читатель, нам все еще оставалось совершенно неясным, преобладает ли личное раздражение в действиях «меньшинства» или желание дать органу (и партии) *новый курс*, какой

*) Этот член Ц. К., кроме того, специально устраивал ряд частных и коллективных бесед с меньшинством, опровергая наивные россказни и взывая к партийному долгу.

**) В письме к тов. Мартову (см. настоящий том, стр. 73. *Ред.*) было добавлено еще одно место с вопросом об одной брошюре и следующая фраза: «Наконец, в интересах дела мы еще раз ставим Вам на вид, что мы и в настоящее время готовы кооптировать Вас в члены редакции Ц. О. для того, чтобы дать Вам полную возможность официально заявлять и отстаивать все свои взгляды в высшем партийном учреждении».

именно, в чем именно. Я думаю, что и сейчас, если посадить 70 толковников за работу выяснения этого вопроса на основании какой угодно литературы и каких угодно свидетельских показаний, то и они никогда бы не разобрались в этой путанице. Дрязгу вряд ли когда можно распутать: ее надо либо разрубить, либо отстраниться от нее *).

На письмо от 6 октября Аксельрод, Засулич, Старовер, Троцкий и Кольцов ответили нам парой строк о том, что нижеподписавшиеся никакого участия в «Искре» со времени ее перехода в руки новой редакции не принимают. Тов. Мартов был более разговорчив и почтил нас таким ответом:

«В редакцию Ц. О. Росс. С.-Д. Р. П. Уважаемые товарищи! В ответ на Ваше письмо от 6 октября я заявляю следующее: Я считаю все наши объяснения по вопросу о совместной работе в одном органе законченными после совещания, имевшего место в присутствии члена Ц. К. 4 октября, на котором Вы отказались ответить на вопрос о причинах, побудивших Вас взять назад предложение, сделанное нам о вступлении Аксельрода, Засулич, Старовера и меня в редакцию под условием, что мы дадим обязательство избрать своим «представителем» в Совет тов. Ленина. После того, как на упомянутом совещании Вы неоднократно уклонялись от формулировки Ваших же собственных, при свидетелях сделанных, заявлений, я не считаю нужным в письме к Вам объяснить мотивы моего отказа работать в «Искре» при нынешних обстоятельствах. Если понадобится, я выскажусь об этом подробно перед лицом всей партии, которая уже из протоколов второго съезда узнает, почему я отказался от ныне повторяемого Вами предложения занять место в редакции и в Совете...**).

Л. Мартов».

Это письмо, вместе с предыдущими документами, дает неопровержимое разъяснение по тому вопросу о бойкоте, дезорганизации, анархии и подготовлении раскола, который так усердно обходит (посредством восклицательных знаков и многоточий) т. Мартов в своем «Осадном положении»,— вопросу о лойяльных и нелойяльных средствах борьбы.

Тов. Мартову и другим *предлагают* изложить разногласия, *просят* сказать прямо, в чем же дело и каковы их намерения, *уговаривают* перестать капризничать и разобрать спокойно ошибку по § 1 (неразрывно связанную с ошибкой в повороте вправо), — а т. Мартов с К° *отказывается разговаривать* и кричит: меня осаждают, меня заезжают! Насмешка над «страшным словом» не охладила пыл этих комичных воплей.

*) Тов. Плеханов, вероятно, добавил бы здесь: либо удовлетворить *все и всякие претензии* инициаторов дрязги. Мы увидим, почему это было невозможно.

**) Опускаю ответ насчет брошюры Мартова, переиздававшейся в то время.

Да как же можно *осаждать* того, кто *отказывается совместно работать?* — спрашивали мы т. Мартова. Как можно обидеть, «заезжать» и притеснить меньшинство, когда оно *отказывается быть в меньшинстве??* Ведь всякое пребывание в меньшинстве означает обязательно и непременно известные невыгоды для того, кто в меньшинстве остался. Невыгоды эти состоят либо в том, что придется войти в коллегию, которая будет майоризировать по известным вопросам, либо придется встать вне коллегии, нападая на нее и подвергаясь, следовательно, огню хорошо укрепленных батарей.

Криками об «осадном положении» тов. Мартов хотел сказать, что с ними, оставшимися в меньшинстве, борются или ими управляют несправедливо и нелойяльно? *Только* такой тезис имел бы (в глазах Мартова) хоть тень разумности, ибо, повторяю, известные невыгоды пребывания в меньшинстве влечет за собой обязательно и непременно. Но в том-то и комизм, что с т. Мартовым нельзя было *никак бороться*, пока он отказывался разговаривать! меньшинством нельзя было *никак управлять*, пока оно отказывалось быть в меньшинстве!

Ни единого факта превышения власти или злоупотребления властью не доказал т. Мартов по отношению к редакции Ц. О., когда мы с Плехановым были в редакции. *Ни единого факта* не доказали и практики меньшинства со стороны Центрального Комитета. Как ни вертится теперь тов. Мартов в своем «Осадном положении»,— остается совершенно неопровержимым, что *ровно ничего, кроме «дряблого хныканья», в воплях об осадном положении не было.*

Полнейшее отсутствие *разумных* доводов против редакции, назначенной съездом, у т. Мартова и К⁰ всего лучше иллюстрируется их же словечком: «мы не крепостные!» («Осадное положение», стр. 34). Психология буржуазного интеллигента, который причисляет себя к «избранным душам», стоящим выше массовой организации и массовой дисциплины, выступает здесь замечательно отчетливо. *Объяснять* отказ от работы в партии тем, что «мы не крепостные», значит *с головой выдать себя*, признать полное отсутствие доводов, полную неспособность мотивировки, полное отсутствие разумных причин недовольства. Мы с Плехановым заявляем, что считаем отказ ничем с нашей стороны не вызванным, просим изложить разногласия, а нам отвечают: «мы не крепостные» (с добавлением: мы еще насчет кооптации не сторговались).

Интеллигентскому индивидуализму, который выказал себя уже в спорах о § 1, обнаружив свою склонность к оппортунистическому рассуждению и к анархической фразе, *всякая* пролетарская организация и дисциплина кажутся *крепостным правом.* Читающая публика скоро узнает, что и новый *партийный съезд*

кажется этим «членам партии» и «должностным лицам» партии — крепостным учреждением, страшным и невыносимым для «избранных душ»... Это «учреждение» и в самом деле страшно для тех, кто охоч попользоваться титулом партийности, но чувствует *несоответствие* этого титула с интересами партии и волей партии.

Резолюции комитетов, перечисленные мной в письме в редакцию новой «Искры» и напечатанные т. Мартовым в «Осадном положении», доказывают фактически, что поведение меньшинства было сплошным *неподчинением* постановлениям съезда, *дезорганизацией* положительной практической работы. Составившееся из оппортунистов и ненавистников «Искры» меньшинство *рвало партию*, портило, дезорганизировало работу, желая отомстить за поражение на съезде и чувствуя, что *честными и лойяльными* средствами (разъяснением дела в печати или на съезде) оно *никогда* не сумеет опровергнуть выдвинутого против них на втором съезде обвинения в оппортунизме и в интеллигентской неустойчивости. Сознавая свое бессилие *убедить* партию, они воздействовали тем, что *дезорганизовывали* партию и *мешали всякой работе*. Их упрекали в том, что они (напутав на съезде) сделали щель в нашей посудине; они отвечали на упрек тем, что *всеми силами* старались *совершенно разбить* треснувшую посудину.

Понятия запутывались до того, что бойкот и отстранение от работы объявлялись «*честным**) средством» борьбы. Т. Мартов всячески вертится теперь около этого щекотливого пункта. Т. Мартов так «принципиален», что защищает бойкот, ... когда он ведется меньшинством, и осуждает бойкот, когда он грозит самому Мартову, попавшему в большинство!

Я думаю, можно оставить без разбора вопрос о том, дрязга ли это или «принципиальное разногласие» относительно честных средств борьбы в соц.-дем. рабочей Партии.

После неудачных попыток (4 и 6 окт.) добиться объяснения от начавших историю из-за «кооптации» товарищей, центральным учреждениям оставалось только посмотреть, какова будет на деле обещанная ими на словах лойяльность борьбы. 10 октября Ц. К. обращается с циркуляром к Лиге (см. прот. Лиги, стр. 3—5), заявляя о вырабатываемом им уставе и приглашая членов Лиги к содействию. Съезд Лиги в то время был отклонен администрацией ее (двумя голосами против одного, см. стр. 20 там же). Ответы сторонников меньшинства на этот циркуляр сразу показали, что пресловутая лойяльность и признание решений съезда были лишь фразой, что на деле меньшинство решило безусловно *не подчиниться* центральным учреждениям партии, отвечая на их

---

*) Горнозаводская резолюция (стр. 38 «Осадное положение»).

призывы к объединенной работе *отписками*, полными софизмов и *анархических* фраз. На пресловутое открытое письмо члена администрации, Дейча (с. 10), мы ответили вместе с Плехановым и другими сторонниками большинства решительным выражением «протеста против тех грубых нарушений партийной дисциплины, при помощи которых должностное лицо Лиги позволяет себе тормозить организационную деятельность партийного учреждения и призывает к такому же нарушению дисциплины и устава других товарищей. Фразы вроде того, что «в такой работе по приглашению Ц. К. я считаю себя не вправе принять участие», или «товарищи! мы ни в коем случае не должны предоставить ему (Ц. К.) выработку нового устава для Лиги» и т. п., принадлежат к такого сорта агитационным приемам, что могут вызвать только негодование у всякого человека, маломальски разбирающегося в том, что значат понятия: партия, организация, партийная дисциплина. Приемы такого сорта тем более возмутительны, что они употребляются по отношению к только что созданному партийному учреждению, являются, таким образом, несомненной попыткой подорвать к нему доверие в среде партийных товарищей и притом пускаются в ход под фирмой члена администрации Лиги и за спиной Ц. К.» (стр. 17).

Съезд Лиги, при таких условиях, обещал быть только скандалом.

Тов. Мартов с самого начала продолжил свою съездовскую тактику «залезания в душу» на этот раз тов. Плеханову, посредством извращения частных разговоров. Тов. Плеханов протестует, и т. Мартову приходится брать назад (с. 39 и 134 прот. Лиги) легкомысленные или раздраженные попреки.

Доходит очередь до доклада. Делегатом от Лиги на партийном съезде был я. Простая справка с конспектом моего доклада (с. 43 и след.) *) покажет читателю, что я дал черновой набросок того самого анализа голосований на съезде, который в разработанном виде составляет содержание и настоящей брошюры. Весь центр тяжести доклада лежал именно в доказательстве того, что Мартов и К°, в силу сделанных ими ошибок, оказались в оппортунистическом крыле нашей партии. Несмотря на то, что доклад делался перед большинством самых озлобленных противников, они не могли открыть в нем ровно ничего, отступающего от лояльных приемов партийной борьбы и полемики.

Доклад Мартова, помимо мелких и частных «поправок» к моему изложению (неверность этих поправок мы показали выше), представлял из себя, наоборот,... некоторый продукт больных нервов.

Неудивительно, что большинство отказалось вести борьбу в такой атмосфере. Т. Плеханов заявил протест против «*сцены*»

*) См. настоящий том, стр. 91—99. *Ред.*

(с. 68) — это была, действительно, настоящая «сцена»! — и удалился со съезда, не желая излагать приготовленных им уже возражений по существу доклада. Ушли со съезда и почти все остальные сторонники большинства, подав письменный протест против «недостойного поведения» т. Мартова (с. 75 пр. Лиги).

Приемы борьбы меньшинства выступили перед всеми с полной наглядностью. Меньшинство мы обвиняли в политической ошибке на съезде, в повороте к оппортунизму, в коалиции с бундовцами, Акимовыми, Брукэрами, Егоровыми и Маховыми. Меньшинство потерпело поражение на съезде и «выработало» теперь *два* приема борьбы, обнимающие все бесконечное разнообразие отдельных вылазок, атак, нападений и т. д.

Первый прием — дезорганизация всей партийной работы, порча дела, стремление тормозить все и вся «без объяснения причин».

Второй прием — устройство «сцен» и пр. и пр.*).

Этот второй «прием борьбы» сказывается и на пресловутых «принципиальных» резолюциях Лиги, в обсуждении которых «большинство», разумеется, не участвовало. Присмотримся к этим резолюциям, которые тов. Мартов перепечатал теперь в своем «Осадном положении».

Первая резолюция, подписанная товарищами Троцким, Фоминым, Дейчем и друг., содержит два тезиса, направленных против «большинства» партийного съезда: 1) «Лига выражает свое глубокое сожаление по поводу того, что, благодаря проявившимся на съезде тенденциям, по существу идущим в разрез с прежней политикой «Искры», при выработке партийного устава не было обращено должного внимания на создание достаточных гарантий для ограждения независимости и авторитета Ц. К.» (стр. 83 прот. Лиги).

Этот «принципиальный» тезис сводится, как мы уже видели, к *Акимовской* фразе, *оппортунистический* характер которой разоблачал на съезде партии *даже* тов. Попов! По существу дела, уверения в том, что «большинство» не думает ограждать независимость и авторитет Ц. К., всегда оставались не более как *сплетней*. Достаточно указать, что, когда мы с Плехановым были в редакции, у нас *не было в Совете* перевеса Ц. О. над Ц. К., а когда мартовцы вошли в редакцию, в Совете *получилось* преобладание Ц. О. над Ц. К.! Когда мы были в редакции, в Совете *преобладали русские практики* над заграничными литераторами;

*) Я уже указывал, что самые низменные формы проявления этих обычных в эмигрантской и ссыльной атмосфере дрязг неразумно было бы сводить к низменным мотивам. Это — своего рода болезнь, эпидемически распространяющаяся при известных ненормальных условиях жизни, при известной расшатанности нервов и т. д. Мне *пришлось* здесь восстановить истинный характер этой системы борьбы, ибо тов. Мартов *целиком повторил ее в своем «Осадном положении»*.

у мартовцев оказалось обратное. Когда мы были в редакции, Совет *ни разу* не покушался вмешиваться ни в один *практический* вопрос; со времени единогласной кооптации *началось такое вмешательство,* как узнает досконально читающая публика в непродолжительном времени.

Следующий тезис разбираемой резолюции: «...съезд при учреждении официальных центров партии игнорировал преемственную связь с фактически сложившимися центрами...».

Этот тезис сводится целиком к вопросу о *личном* составе центров. «Меньшинство» предпочитало обходить то, что старые центры на съезде доказали свою непригодность и наделали ряд ошибок. Но всего комичнее ссылка на «преемственность» по отношению к Орг. К. На съезде, как мы видели, ни один человек не заикнулся об утверждении всего состава О. К. На съезде Мартов кричал даже в исступлении, что его позорит список с тремя членами О. К. На съезде «меньшинство» предлагало свой *последний* список с *одним* членом О. К. (*Попов*, Глебов или Фомин и Троцкий), а «большинство» провело список с *двумя* членами О. К. из трех (*Травинский, Васильев* и Глебов). Спрашивается, неужели эта ссылка на «преемственность» может быть названа «принципиальным разногласием»?

Перейдем к другой резолюции, подписанной четырьмя членами старой редакции с товарищем Аксельродом во главе. Здесь мы встречаем все главные обвинения против «большинства», не раз повторенные потом в печати. Рассмотреть их всего удобнее именно в формулировке членов редакторского кружка. Обвинения направлены против «системы самодержавно-бюрократического управления партией», против «централизма бюрократического», который, в отличие от «централизма истинно-социалдемократического», определяется следующим образом: он «ставит на первый план не внутреннее объединение, а внешнее, формальное единство, осуществляемое и охраняемое чисто механическими средствами, путем систематического подавления индивидуальной инициативы и общественной самодеятельности»; он, поэтому, «по самой своей сущности неспособен органически объединить составные элементы общества».

О каком это «обществе» говорит здесь т. Аксельрод с К°, один Аллах ведает. Тов. Аксельрод, видимо, и сам хорошенько не знал, пишет ли он земский адрес о желательных реформах в управлении, или изливает жалобы «меньшинства». Что *может означать* «самодержавие» в партии, о котором кричат недовольные «редакторы»? Самодержавие есть верховная, бесконтрольная, безответственная, невыборная власть одного лица. Из литературы «меньшинства» очень хорошо известно, что таковым самодержцем считают *меня*, а никого другого. Когда писалась и принималась разбираемая резолюция, я был в Ц. О. вместе с Плехановым.

Следовательно, тов. Аксельрод с К⁰ выражает свое убеждение в том, что и Плеханов и все члены Ц. К. «управляли партией» не согласно их взглядам на пользу дела, а согласно *воле* самодержца Ленина. Обвинение в самодержавном управлении необходимо и неизбежно ведет к признанию всех остальных участников управления, кроме самодержца, простыми орудиями в чужих руках, пешками, исполнителями чужой воли. И мы спрашиваем еще и еще раз: неужели это в самом деле «принципиальное разногласие» почтеннейшего тов. Аксельрода?

Далее. О каком внешнем, формальном единстве говорят здесь наши «члены партии», только что вернувшиеся с партийного съезда, решения которого они торжественно признали законными? Уж не знают ли они другого способа достигать единства в партии, организованной на сколько-нибудь прочных началах, кроме партийного съезда? Если да, то почему же они не имеют мужества прямо сказать, что второй съезд они уже не признают законным съездом? Почему они не попробуют изложить нам их новые мысли и новые способы достижения единства в якобы организованной якобы партии?

Далее. О каком «подавлении индивидуальной инициативы» говорят наши интеллигенты-индивидуалисты, которых Ц. О. партии только что перед этим *упрашивал* изложить свои разногласия и которые *вместо этого* торговались о «кооптации»? Как могли, вообще, мы с Плехановым или Ц. К. подавить инициативу и самодеятельность людей, которые отказывались от *всякой* «деятельности» вместе с нами! Как можно «подавить» кого-либо в таком учреждении или в такой коллегии, где подавляемый *отказался участвовать?* Как могут невыбранные редакторы жаловаться на «систему управления», когда они отказались «*быть управляемыми*»? Мы *не могли* совершить *никаких* ошибок при руководстве нашими товарищами по той простой причине, что эти товарищи вовсе и не работали под нашим руководством.

Кажется, ясно, что крики о пресловутом бюрократизме есть простое прикрытие недовольства личным составом центров, есть фиговый листок, скрашивающий нарушение слова, торжественно данного на съезде. Ты бюрократ, потому что ты назначен съездом не согласно моей воле, а вопреки ей; ты формалист, потому что ты опираешься на формальные решения съезда, а не на мое согласие; ты действуешь грубо-механически, ибо ссылаешься на «механическое» большинство партийного съезда и не считаешься с моим желанием быть кооптированным; ты — самодержец, потому что не хочешь отдать власть в руки старой, теплой компании, которая тем энергичнее отстаивает свою кружковщинскую «преемственность», чем неприятнее ей прямое неодобрение съездом этой кружковщины.

Никакого *реального* содержания, кроме указанного, не было и нет в этих криках о бюрократизме *). И именно такой способ борьбы доказывает только лишний раз интеллигентскую неустойчивость меньшинства. Оно хотело убедить партию в неудачном выборе центров. Убедить чем? Критикой той «Искры», которую вели мы с Плехановым? Нет, этого они не в силах были дать. Они хотели убедить посредством отказа части партии работать под руководством ненавистных центров. Но ни одно центральное учреждение ни одной партии в мире не в состоянии будет доказать свою способность руководить теми, кто не хочет подчиняться руководству. Отказ от подчинения руководству центров равняется отказу быть в партии, равняется разрушению партии, это не мера убеждения, а мера *сокрушения*. И именно эта замена убеждения сокрушением показывает отсутствие принципиальной выдержанности, отсутствие веры в свои идеи.

Толкуют о бюрократизме. Бюрократизм можно перевести на русский язык словом: местничество. Бюрократизм означает подчинение интересов *дела* интересам *карьеры*, обращение сугубого внимания на *местечки* и игнорирование работы, свалку за *кооптацию* вместо борьбы за *идеи*. Такой бюрократизм, действительно, безусловно нежелателен и вреден для партии, и я спокойно предоставлю читателю судить, которая из двух борющихся теперь в нашей партии сторон повинна в таком бюрократизме... Говорят о грубо-механических приемах объединения. Разумеется, грубо-механические приемы вредны, но я опять-таки предоставлю судить читателю, можно ли представить себе более грубый и более механический способ борьбы нового направления со старым, как введение лиц в партийные учреждения, раньше чем партию убедили в правильности новых воззрений, раньше чем партии изложили эти воззрения?

Но, может быть, излюбленные меньшинством словечки имеют и некоторое принципиальное значение, выражают некоторый особый круг идей, независимо от того мелкого и частного повода, который послужил, несомненно, исходным пунктом «поворота» в данном случае? Может быть, если отвлечься от свалки из-за «кооптации», эти словечки окажутся все же отражением иной системы воззрений?

Рассмотрим вопрос с этой стороны. Нам придется при этом прежде всего отметить, что первый сделал приступ к такому рассмотрению тов. Плеханов в Лиге, указавший на поворот меньшинства к *анархизму* и *оппортунизму*, и что именно тов. Мартов (очень обижающийся ныне, что не все хотят признать

*) Достаточно указать, что тов. Плеханов перестал, в глазах меньшинства, быть сторонником «бюрократического централизма» после того, как он произвел благодетельную кооптацию.

его позицию принципиальной *) позицией) предпочел *совершенно обойти* этот инцидент в своем «Осадном положении».

На съезде Лиги был поднят общий вопрос о том, действителен ли устав, вырабатываемый для себя Лигой или комитетом, без утверждения этого устава Ц.К.? вопреки утверждению Ц.К.? Казалось бы, вопрос яснее ясного: устав есть формальное выражение организованности, а право организовать комитеты категорически предоставлено § шестым нашего устава партии именно Ц.К.; устав определяет границы автономии комитета, а решающий голос в определении этих границ имеет центральное, а не местное учреждение партии. *Это — азбука*, и чистым ребячеством было глубокомысленное рассуждение, что «организовать» не всегда предполагает «утвердить устав» (как будто бы сама Лига не выразила самостоятельно своего желания быть организованной именно на основании формального устава). Но тов. Мартов позабыл даже (на время, надо надеяться) азбуку социалдемократии. По его мнению, требование утверждения устава выражает лишь то, что «прежний революционный искровский централизм замещается бюрократическим» (стр. 95 прот. Лиги), при чем т. Мартов в той же речи заявляет, что именно здесь он видит «принципиальную сторону» дела (стр. 96), каковую принципиальную сторону он предпочел обойти в своем «Осадном положении»!

Тов. Плеханов отвечает Мартову тотчас же, прося воздерживаться от таких, «нарушающих достоинство съезда», выражений, как бюрократизм, помпадурство и пр. (стр. 96). Происходит обмен замечаний с тов. Мартовым, усматривающим в этих выражениях «принципиальную характеристику известного направления». Тов. Плеханов, как и все сторонники большинства, рассматривал *тогда* эти выражения в их конкретном значении, ясно понимая их не принципиальный, а исключительно «кооптационный», если можно так выразиться, смысл. Он делает, однако, уступку настояниям Мартовых и Дейчей (стр. 96 — 97) и переходит к *принципиальному* рассмотрению якобы принципиальных взглядов. «Если бы это было так, — говорит он (т.-е., если бы комитеты

*) Нет ничего комичнее, как эта *обида* новой «Искры» по поводу того, что Ленин, де, не хочет видеть принципиальных разногласий или отрицает их. Чем принципиальнее относились бы вы к делу, тем скорее рассмотрели бы вы мои повторные указания на поворот к оппортунизму. Чем принципиальнее была бы ваша позиция, тем менее могли бы вы принижать идейную борьбу до местнических счетов. Пеняйте на себя, если вы сами сделали все, чтобы помешать рассматривать вас, как принципиальных людей. Вот, напр., тов. Мартов, говоря в «Осадном положении» о съезде Лиги, замалчивает спор с Плехановым об анархизме, но зато рассказывает о том, что Ленин — это сверхцентр, что Ленину достаточно мигнуть, чтобы центр распорядился, что Ц.К. въехал в Лигу на белом коне и т. п. Я далек от сомнения в том, что именно этим выбором темы тов. Мартов доказал свою глубокую идейность и принципиальность.

были автономны в создании своей организации, в выработке своего устава), то они были бы автономны по отношению к целому, к партии. Это уже не бундистская точка зрения, а прямо анархическая. В самом деле, анархисты рассуждают так: права индивидуумов неограничены; они могут придти в столкновение; каждый индивидуум сам определяет пределы своих прав. Пределы автономии должны быть определены не самой группой, а тем целым, частью которого она является. Наглядным примером нарушения этого принципа может служить Бунд. Значит, пределы автономии определяет или съезд, или та высшая инстанция, которую создал съезд. Власть центрального учреждения должна основываться на нравственном и умственном авторитете. С этим я, конечно, согласен. Всякий представитель организации должен позаботиться, чтобы учреждение имело нравственный авторитет. Но из этого не следует, что если нужен авторитет, то не нужно власти... Противопоставлять авторитету идей авторитет власти, это — анархическая фраза, которой не должно быть здесь места» (98). Эти положения до-нельзя элементарны, это поистине аксиомы, которые странно даже было ставить на голосование (стр. 102) и которые подвергались сомнению только потому, что «в настоящее время понятия спутались» (там же). Но интеллигентский индивидуализм неизбежно довел меньшинство до желания сорвать съезд, не подчиниться большинству; оправдать же это желание нельзя было иначе как *анархической фразой*. Прекурьезно, что Плеханову меньшинство ничего не могло выразить кроме *жалобы* на употребление чрезмерно сильных выражений вроде оппортунизма, анархизма и проч. Плеханов справедливо высмеял эти жалобы, спросивши, почему это «жоресизм и анархизм употреблять неудобно, а lèse-majesté (оскорбление величества) и помпадурство — удобно»? Ответа на эти вопросы дано не было. Это оригинальное qui pro quo*) постоянно случается с т.т. Мартовым, Аксельродом и К°: их новые словечки носят на себе явный отпечаток «сердца»; указание на это их обижает — мы, де, принципиальные люди; но если вы *по принципу* отвергаете подчинение части целому, то вы — анархисты, говорят им. Новая обида за сильное выражение! Другими словами: они хотят сражаться с Плехановым, но под тем условием, чтобы он не нападал на них всерьез!

Сколько раз тов. Мартов и всякие другие «меньшевики» занимались не менее детским изобличением меня в следующем «противоречии». Берется цитата из «Что делать?» или из «Письма к товарищу», где говорится об идейном воздействии, о борьбе за влияние и т. п., и противопоставляется «бюрократическое» воздействие посредством устава, «самодержавное»

*) — недоразумение. *Ред.*

стремление опереться на власть и проч. Наивные люди! Они уже забыли, что *прежде* наша партия не была организованным формально целым, а лишь суммой частных групп и потому иных отношений между этими группами, кроме идейного воздействия, и быть не могло. *Теперь* мы стали организованной партией, а это и означает создание власти, превращение авторитета идей в авторитет власти, подчинение партийным высшим инстанциям со стороны низших. Право, даже как-то неловко разжевывать старым своим товарищам такую азбуку, особенно когда чувствуешь, что дело сводится просто к нежеланию меньшинства подчиниться большинству насчет выборов! Но *принципиально* все эти бесконечные изобличения меня в противоречии сводятся *целиком* к анархической фразе. Новая «Искра» не прочь пользоваться титулом и правом партийного учреждения, но подчиниться большинству партии ей не хочется.

Если есть принцип в фразах о бюрократизме, если это не анархическое отрицание обязанности со стороны части подчиняться целому, то перед нами — *принцип оппортунизма,* стремящегося ослабить ответственность отдельных интеллигентов перед партией пролетариата, ослабить влияние центральных учреждений, усилить автономию наименее выдержанных партийных элементов, свести организационные отношения к чисто платоническому признанию их на словах. Мы видели это на съезде партии, где Акимовы и Либеры говорили точь в точь такие же речи о «чудовищном» централизме, какие полились на съезде Лиги из уст Мартова и К°. Что оппортунизм не случайно, а по самой своей природе, и не в России только, а во всем свете, приводит к Мартовским и Аксельродовским организационным «взглядам», это мы увидим ниже, при разборе статьи тов. Аксельрода в новой «Искре».

п) МАЛЕНЬКИЕ НЕПРИЯТНОСТИ НЕ ДОЛЖНЫ МЕШАТЬ БОЛЬШОМУ УДОВОЛЬСТВИЮ.

Отклонение Лигой резолюции о необходимости утверждения ее устава со стороны Ц. К. (стр. 105 протоколов Лиги) было, как все большинство партийного съезда тотчас и отметило, «*вопиющим нарушением устава партии*». Такое нарушение, если его рассматривать как акт людей принципиальных, было чистейшим анархизмом, в обстановке же послесъездовской борьбы оно неминуемо производило впечатление «сведения счетов» партийного меньшинства с партийным большинством (стр. 112 прот. Лиги), оно означало нежелание подчиняться партии и быть в партии. Отказ Лиги принять резолюцию по заявлению Ц. К. о необходимости изменить устав (стр. 124—125) неизбежно

повел за собой признание *незаконным* собрание, которое желало *числиться* собранием партийной организации и в то же время не подчиняться центральному учреждению партии. Сторонники партийного большинства и покинули немедленно это quasi-партийное собрание, чтобы не участвовать в недостойной комедии.

Интеллигентский индивидуализм, с его платоническим признанием организационных отношений, который обнаружился в шатании мысли по вопросу о § 1 устава, дошел, таким образом, на практике до своего логического, еще в сентябре, т.-е. за $1^1/_2$ месяца, предсказанного мною конца — до *разрушения* партийной организации. И в этот момент, вечером того же дня, когда кончился съезд Лиги, тов. Плеханов заявил своим коллегам из обоих центральных учреждений партии, что он не в силах «стрелять по своим», что «лучше пулю в лоб, чем раскол», что надо во избежание большего зла сделать максимальные личные уступки, из-за которых в сущности (несравненно больше, чем из-за принципов, проглянувших в неверной позиции по § 1) ведется эта сокрушительная борьба. Чтобы точнее охарактеризовать этот поворот тов. Плеханова, получивший известное общепартийное значение, я считаю более целесообразным опереться не на частные разговоры и не на частные письма (это прибежище на случай крайности), а на собственное изложение дела самим Плехановым перед всей партией, на его статью «Чего не делать?» в № 52 «Искры», писанную как раз после съезда Лиги, после моего выхода из редакции Ц. О. (1 ноября 1903 г.) и до кооптации мартовцев (26 ноября 1903 г.).

Основная мысль статьи «Чего не делать?» состоит в том, что не следует быть в политике прямолинейным, неуместно резким и неуместно неуступчивым, что иногда необходимо, во избежание раскола, уступить и ревизионистам (из сближающихся с нами или из непоследовательных) и анархическим индивидуалистам. Совершенно естественно, что эти абстрактные общие положения вызвали всеобщее недоумение читателей «Искры». Нельзя без смеха читать великолепные и гордые заявления тов. Плеханова (в последующих статьях), что его не поняли вследствие новизны его мыслей, вследствие незнакомства с диалектикой [92]). На самом деле, статью «Чего не делать?», когда она была писана, могли понять только какие-нибудь десять человек в двух женевских предместьях, названия которых начинаются с двух одинаковых первых букв [93]). Беда тов. Плеханова состояла в том, что он пустил в обращение перед десятком тысяч читателей сумму намеков, попреков, алгебраических знаков и загадок, которые были адресованы только к этому десятку лиц, участвовавших во всех перипетиях послесъездовской борьбы с меньшинством. Тов. Плеханов впал в эту беду, потому что нарушил

основное положение столь неудачно помянутой им диалектики: отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна. Именно поэтому и неуместно было облекать в отвлеченную форму весьма конкретную мысль об уступке мартовцам после съезда Лиги.

Уступчивость, выдвинутая как новое боевое словечко тов. Плехановым, законна и необходима в двух случаях: либо тогда, когда уступающий убедился в правоте тех, кто добивается уступки (честные политические деятели в этом случае прямо и открыто признают свою ошибку), либо тогда, когда уступка неразумному и вредному для дела требованию делается для избежания большего зла. Из разбираемой статьи совершенно ясно, что автор имеет в виду второй случай: он прямо говорит об уступке ревизионистам и анархическим индивидуалистам (т.-е. мартовцам, как знают теперь все члены партии из протоколов Лиги), уступке, обязательной во избежание раскола. Как видите, якобы новая мысль тов. Плеханова сводится целиком к не очень новой житейской мудрости: маленькие неприятности не должны мешать большому удовольствию, маленькая оппортунистическая глупость и небольшая анархическая фраза лучше, чем большой партийный раскол. Тов. Плеханов ясно видел, когда писал эту статью, что меньшинство представляет из себя оппортунистическое крыло нашей партии и что борется оно средствами анархическими. Тов. Плеханов выступил с проектом — бороться с этим меньшинством путем личных уступок, вроде того (опять-таки si licet parva componere magnis), как немецкая социал-демократия боролась с Бернштейном. Бебель публично на конгрессах своей партии заявлял, что не знает человека, более поддающегося влиянию среды, чем товарищ Бернштейн (не господин Бернштейн, как любил выражаться раньше товарищ Плеханов, а товарищ Бернштейн): мы возьмем его в свою среду, мы возьмем его в делегаты рейхстага, мы будем бороться против ревизионизма, не воюя с неуместной резкостью (à la Собакевич-Parvus) против ревизиониста, мы этого ревизиониста «убьем посредством мягкости» (kill with kindness), как охарактеризовал это, помнится, тов. М. Бэр (M. Beer) на одном английском социал-демократическом собрании, защищая немецкую уступчивость, миролюбие, мягкость, гибкость и осмотрительность против нападок английского Собакевича-Гайндмана. Вот точно так же и тов. Плеханов пожелал «посредством мягкости убить» маленький анархизм и маленький оппортунизм т.т. Аксельрода и Мартова. Правда, на-ряду с совершенно ясными намеками на «анархических индивидуалистов» тов. Плеханов умышленно неясно выразился насчет ревизионистов, выразился так, как будто он имел в виду рабочедельцев, поворачивающих от оппортунизма к ортодоксии, а не Аксельрода с Мартовым, начавшим поворачивать *от ортодоксии к ревизионизму*, но это была невинная

военная хитрость *), это было плохенькое фортификационное сооружение, неспособное устоять пред артиллерийским огнем партийной гласности.

И вот, кто ознакомится с конкретной конъюнктурой описываемого политического момента, кто вникнет в психологию тов. Плеханова, тот поймет, что я не мог тогда поступить иначе, чем я поступил. Говорю это по адресу тех сторонников большинства, которые упрекали меня за отдачу редакции. Когда тов. Плеханов повернул после съезда Лиги и из сторонника большинства сделался сторонником примирения во что бы то ни стало, то я обязан был истолковать этот поворот в самом лучшем смысле. Может быть, тов. Плеханов хотел дать в своей статье программу доброго и честного мира? Всякая такая программа сводится к искреннему признанию ошибок обеими сторонами. Какую ошибку указывал тов. Плеханов у большинства? — Неуместную, достойную Собакевича, резкость к ревизионистам. Неизвестно, что имел при этом в виду тов. Плеханов: свою ли остроту насчет ослов или крайне неосторожное, при Аксельроде, упоминание об анархизме и оппортунизме; тов. Плеханов предпочел выразиться «отвлеченно» и притом с киванием на Петра. Это дело вкуса, конечно. Но ведь я признавался в своей личной резкости открыто и в письме к искряку, и на съезде Лиги; как же мог я не признать такой «ошибки» у большинства? Что же касается до меньшинства, то тов. Плеханов ясно указывал их ошибку: ревизионизм (ср. его замечание об оппортунизме на съезде партии и о жореспзме на съезде Лиги) и анархизм, доведший до раскола. Мог ли я препятствовать попытке путем личных уступок и всяческой вообще «kindness» (любезности, мягкости и т. д.) добиться признания этих ошибок и парализования вреда от них? Мог ли я препятствовать такой попытке, когда тов. Плеханов прямо убеждал в статье «Чего не делать?» «*щадить противников*» из числа ревизионистов, являющихся ревизиони-

*) Об уступках по отношению к т.т. Мартынову, Акимову и Брукэру не было и речи после съезда партии. Я не слыхал, чтобы они тоже требовали «кооптации». Я сомневаюсь даже, советовался ли тов. Старовер или тов. Мартов с тов. Брукэр, когда они писали нам свои бумаги и «ноты» от имени «половины партии»... На съезде Лиги тов. Мартов с глубоким возмущением непреклонного политического борца отвергал самую мысль о «соединении с Рязановым или Мартыновым», о возможности «сделки» с ними или хотя бы даже совместной (в качестве редактора) «службы партии» (стр. 53 прот. Лиги). «Мартыновские тенденции» тов. Мартов сурово осуждал на съезде Лиги (стр. 88), а когда тов. Ортодокс тонко намекнул на то, что, пожалуй, Аксельрод с Мартовым «признают право и за т.т. Акимовым, Мартыновым и другими собраться, выработать для себя устав и действовать по нему, как им нравится» (стр. 99), то мартовцы стали отрекаться, как Петр от Христа (стр. 100 «опасения тов. Ортодокса» «относительно Акимовых, Мартыновых и т. д.» «не имеют основания»).

стами «только вследствие некоторой непоследовательности»? И если я не верил в эту попытку, то мог ли я поступить иначе, как сделать личную уступку насчет Ц. О. и перебраться, для защиты позиции большинства, в Ц. К.? *). Отрицать абсолютно возможность таких попыток и брать на одного себя ответственность за грозящий раскол я не мог уже потому, что сам склонен был, в письме от 6 октября, объяснять свалку «личным раздражением». А защищать позицию большинства я считал и считаю своим политическим долгом. Положиться в этом отношении на тов. Плеханова было трудно и рисковано, ибо по всему видно было, что свою фразу: «руководитель пролетариата не вправе поддаваться своим вошственным наклонностям, когда они противоречат политическому расчету» тов. Плеханов готов был диалектически толковать в том смысле, что если уже надо стрелять, то расчетливее (по состоянию женевской погоды в ноябре) стрелять в большинство... Защищать позицию большинства было необходимо, потому что тов. Плеханов, — в насмешку над диалектикой, которая требует конкретного и всестороннего рассмотрения, — касаясь вопроса о доброй (?) воле революционера, скромно обошел вопрос о *доверии к революционеру*, о вере в такого «руководителя пролетариата», который руководил определенным крылом партии. Говоря об анархическом индивидуализме и советуя «временами» закрывать глаза на нарушение дисциплины, «иногда» уступать интеллигентской распущенности, которая «коренится в чувстве, не имеющем ничего общего с преданностью революционной идее», тов. Плеханов, видимо, забывал, что надо считаться также и с доброй волей большинства партии, что надо предоставить определение *меры* уступок анархическим индивидуалистам *именно практикам*. Насколько легка литературная борьба с детским анархическим вздором, настолько же трудна практическая работа с анархическим индивидуалистом в одной и той же

*) Тов. Мартов очень метко выразился на этот счет, сказавши, что я перебрался avec armes et bagages (с оружием и багажом. *Ред.*). Тов. Мартов охотно употребляет военные сравнения: поход на Лигу, сражение, неизлечимые раны и пр. и пр. Признаться, я тоже питаю большую слабость к военным сравнениям, особенно в настоящее время, когда с таким захватывающим интересом следишь за вестями с Тихого Океана. Но, ведь, если говорить по-военному, тов. Мартов, то дело вот как было. Мы завоевали два форта на съезде партии. Вы атаковали их на съезде Лиги. После первой же легкой перестрелки мой коллега, комендант одной крепости, открывает ворота неприятелю. Я, разумеется, собираю свою маленькую артиллерию и ухожу в другой, почти неукрепленный форт — «отстаиваться» от подавляющего своей численностью неприятеля. Я даже предлагаю мир: где же воевать с двумя державами? Но новые союзники, в ответ на предложение мира, бомбардируют мой «остатний» форт. Я отстреливаюсь. Тогда мой бывший коллега — комендант — с великолепным негодованием восклицает: смотрите-ка, добрые люди, какой у этого Чемберлэна недостаток миролюбия!

организации. Литератор, который взял бы на себя определение меры возможных анархизму уступок на практике, обнаружил бы этим только свое непомерное, поистине доктринерское, литераторское самомнение. Тов. Плеханов величественно замечал (для ради важности, как выражался Базаров)[94]), что в случае нового раскола рабочие перестанут понимать нас, и в то же время сам полагал начало бесконечному ряду таких статей в новой «Искре», которые в своем настоящем, конкретном значении оставались неизбежно непонятными не только для рабочих, но и вообще для всего света. Неудивительно, что член Ц. К., читавший статью «Чего не делать?» в корректуре, предупреждал тов. Плеханова, что его план некоторого сокращения некоторой публикации (протоколов съезда партии и съезда Лиги) разрушается именно этой статьей, которая разжигает любопытство, выносит что-то пикантное и в то же время совершенно неясное на суд улицы *), вызывает неизбежно недоумевающие вопросы: «что случилось?» Неудивительно, что именно эта статья тов. Плеханова, вследствие абстрактности его рассуждений и неясности его намеков, вызвала ликование в рядах врагов социал-демократии: и кашкан на страницах «Революционной России»[95]) и восторженные похвалы последовательных ревизионистов «Освобождения»[96]). Источник всех этих забавных и грустных недоразумений, из которых так забавно и так грустно выпутывался потом тов. Плеханов, лежал именно в нарушении основного положения диалектики: разбирать конкретные вопросы надо во всей их конкретности. В частности, восторги г. Струве были совершенно естественны: ему не было дела до тех «хороших» целей (kill with kindness), которые преследовал (но мог и не достигнуть) тов. Плеханов; г. Струве приветствовал и не мог не приветствовать тот *поворот в сторону оппортунистического крыла нашей партии*, который начался в новой «Искре», как видят теперь все и каждый. Не один только русские буржуазные демократы приветствуют каждый, хотя бы самый мелкий и временный, поворот к оппортунизму во всех социал-демократических партиях. В оценке умного врага реже всего бывает сплошное недоразумение: скажи мне, кто тебя хвалит, и я тебе скажу, в чем ты ошибся. И напрасно рассчитывает тов. Плеханов на невнимательного читателя, думая представить дело так, что боль-

*) Мы спорили горячо и страстно в некотором закрытом помещении. Вдруг один из нас вскакивает, распахивает окно на улицу и начинает кричать против Собакевичей, анархических индивидуалистов, ревизионистов и пр. Естественно, что на улице собралась толпа любопытных зевак и что враги наши принялись злорадствовать. Другие участники спора тоже подходят к окну, выражая желание рассказать дело толково с самого начала и без намеков на то, чего не ведает никто. Тогда окно захлопывается: не стоит, де, говорить о *дрязгах* («Искра», № 53, стр. 8, столб. 2, строка 24 снизу)[97]). Не стоило *начинать в «Искре»* разговора о «дрязгах», тов. Плеханов, — вот это будет правда!

шинство безусловно восставало против личной уступки насчет кооптации, а не против перехода с левого крыла партии на правое. Вовсе не в том суть, что тов. Плеханов, во избежание раскола, сделал личную уступку (это весьма похвально), а в том, что, вполне признавши необходимость *спорить* с непоследовательными ревизионистами и анархическими индивидуалистами, он предпочел спорить с большинством, с которым он разошелся *из-за меры* возможных практических уступок анархизму. Вовсе не в том суть, что товарищ Плеханов изменил личный состав редакции, а в том, что он изменил своей позиции спора с ревизионизмом и анархизмом, перестал отстаивать эту позицию в Ц. О. партии.

Что касается до Ц. К., который *тогда* выступал в качестве единственного организованного представителя большинства, то с ним (Ц. К.) тов. Плеханов разошелся тогда *исключительно из-за меры возможных практических уступок анархизму.* Прошел почти месяц с 1 ноября, когда я своим уходом развязал руки политике kill with kindness. Тов. Плеханов имел полнейшую возможность путем всяческих сношений проверить пригодность этой политики. Товарищ Плеханов выпустил в это время в свет статью «Чего не делать?», которая была — и *остается* — единственным, так сказать, входным билетом мартовцев в редакцию. Лозунги: ревизионизм (с которым следует спорить, щадя противника) и анархический индивидуализм (который надо обхаживать, убивая посредством мягкости) напечатаны на этом билете внушительным курсивом. Пожалуйте, господа, милости просим, я вас убью посредством мягкости, — вот что говорит тов. Плеханов этим пригласительным билетом своим новым коллегам по редакции. Естественно, что Ц. К. оставалось только сказать свое последнее слово (ультиматум, это и значит: последнее слово о возможном мире) о мере допустимых, с его точки зрения, практических уступок анархическому индивидуализму. Либо вы хотите мира, — и тогда вот вам такое-то количество местечек, доказывающих нашу мягкость, миролюбие, уступчивость etc. (больше не можем дать, гарантируя мир в партии, мир не в смысле отсутствия споров, а в смысле неразрушения партии анархическим индивидуализмом), берите эти местечки и поворачивайте помаленьку опять от Акимова к Плеханову. Либо вы хотите отстоять и развивать свою точку зрения, повернуть окончательно (хотя бы в области организационных только вопросов) к Акимову, убедить партию в правоте вашей против Плеханова, — тогда берите себе литературную группу, получайте представительство на съезде и начинайте честной борьбой, открытой полемикой завоевывать себе большинство. Эта альтернатива, совершенно ясно поставленная перед мартовцами в ультиматуме Центрального Комитета от 25 ноября 1903 г. (см. «Осадное положение» и «Комментарий

к протоколам Лиги» *) [98]), находится в полнейшем соответствии с моим и Плеханова письмом от 6 октября 1903 г. к бывшим редакторам: либо личное раздражение (и тогда можно, *на худой конец*, и «кооптировать»), либо принципиальное расхождение (и тогда надо *сначала* убедить партию, а потом уже заговаривать о переделке личного состава центров). Предоставить решение этой деликатной дилеммы самим мартовцам Ц. К. мог тем более, что *именно в то время* тов. Мартов писал в своем profession de foi («Еще раз в меньшинстве») следующие строки:

«*Меньшинство претендует на одну честь* — дать первый в истории нашей партии пример того, что можно, оказавшись «побежденными», *не образовать новой партии*. Такая позиция меньшинства вытекает из всех его взглядов на организационное развитие партии, она вытекает из сознания своей крепкой связи с предыдущей партийной работой. Меньшинство не верит в мистическую силу «бумажных резолюций» и видит в *глубокой жизненной обоснованности* своих стремлений залог того, что *чисто идейной пропагандой внутри партии оно добьется торжества своих организационных принципов*». (Курсив мой.)

Какие это прекрасные, гордые слова! И как горько было убедиться на опыте, что это — *только слова*... Вы уже меня извините, товарищ Мартов, а теперь *я заявляю претензию от имени большинства* на эту «честь», которой *вы не заслужили*. Честь эта будет действительно большая, из-за которой стоит повоевать, потому что традиции кружковщины оставили нам в наследие необыкновенно легкие расколы и необыкновенно усердное применение правила: либо в зубы, либо ручку пожалуйте.

---

*) Я, разумеется, оставляю без разбора тот клубок, который напутал Мартов в «Осадном положении» около этого ультиматума Ц. К., ссылаясь на частные разговоры etc. Это — характеризованный мною в предыдущем § «второй прием борьбы», разбирать каковой с надеждой на успех мог бы только специалист по невропатологии. Достаточно сказать, что тов. Мартов настаивает там на соглашении с Ц. К. о неопубликовании переговоров, какового соглашения, несмотря на все розыски, до сих пор не отыскано. Тов. Травинский, ведший переговоры от имени Ц. К., письменно сообщил мне, что считает меня вправе печатать вне «Искры» мое письмо в редакцию.

Одно только словечко тов. Мартова особенно мне понравилось. Это словечко — «бонапартизм худшего сорта». Я нахожу, что тов. Мартов выдвинул эту категорию весьма кстати. Давайте, посмотрим хладнокровно, что означает это понятие. По-моему, оно означает приобретение власти путем *формально* законным, но *по существу дела* вопреки воле народа (или партии). Не так ли, тов. Мартов? А если так, то я спокойно предоставляю публике судить, с чьей стороны был этот «бонапартизм худшего сорта», со стороны ли Ленина и Игрека, которые могли воспользоваться своим *формальным* правом не пускать мартовцев, опираясь притом на волю II съезда, но *не воспользовались* этим правом; — или же со стороны тех, кто *формально правильно* занял редакцию («единогласная кооптация»), зная, что это *по существу не отвечает воле II съезда*, и боясь проверки этой воли III съездом?

Большое удовольствие (иметь единую партию) должно было перевесить и перевесило маленькие неприятности (в виде дрязг из-за кооптации). Я ушел из Ц. О., товарищ Игрек (делегированный мной и Плехановым в Совет Партии от редакции Ц. О.) ушел из Совета. Мартовцы ответили на последнее слово Ц. К. о мире письмом (см. цитир. издания), равносильным объявлению войны. Тогда, и только тогда, я пишу письмо в редакцию (№ 53 «Искры») о гласности *). Если, дескать, говорить о ревизионизме, спорить о непоследовательности и об анархическом индивидуализме, о поражении разных руководителей, то давайте, господа, расскажем все, без утайки, как дело было — вот содержание этого письма о гласности. Редакция отвечает на него сердитой бранью и великолепным назиданием: не смей поднимать «*мелочи и дрязги кружковой жизни*» (№ 53 «Искры»). Ах, вот как, думаю про себя: «мелочи и дрязги кружковой жизни»... es ist mir recht, господа, с этим-то я согласен. Ведь это значит, что возня с «кооптацией» прямо относится вами к *кружковым дрязгам*. Это правда. Но что же это за диссонанс, если в передовой статье того же № 53, та же (будто бы та же) редакция поднимает толки о бюрократизме, формализме и прочем **). Ты не смеешь поднимать вопроса о борьбе за кооптацию в Ц. О., ибо это дрязги. А мы будем поднимать вопрос о кооптации в Ц. К. и называть это не дрязгой, а принципиальным расхождением о «формализме». — Нет уже, думаю, дорогие товарищи, позвольте вам этого не позволить. Вы хотите стрелять по моему форту, а от меня требуете выдать вам артиллерию. Шутники! И я пишу и печатаю отдельно от «Искры» «Письмо в редакцию» (Почему я вышел из редакции «Искры»?) ***), рассказываю там вкратце, как дело было, и осведомляюсь паки и паки, возможен ли мир на основании такого распределения: вам Центральный Орган, нам Центральный Комитет. Ни одна сторона не будет себя чувствовать «чужой» в своей партии, и мы поспорим насчет поворота к оппортунизму, поспорим сначала в литературе, а потом, может быть, и на третьем съезде партии.

В ответ на упоминание о мире последовало открытие огня из всех неприятельских батарей, вплоть до Совета включительно. Заряды посыпались градом. Самодержец, Швейцер, бюрократ, формалист, сверх-центр, односторонний, прямолинейный, упрямый, узкий, подозрительный, неуживчивый... Очень хорошо, друзья мои! Вы кончили? У вас больше ничего нет в запасе? Плохи же ваши заряды...

---

*) См. настоящий том, стр. 120. *Ред.*

**) Как оказалось впоследствии, «диссонанс» объясняется весьма просто диссонансом в составе редакции Ц. О. О «дрязгах» писал Плеханов (см. его признание в «Грустном недоразумении», № 57), а передовую «Наш съезд» — Мартов («Осадное положение», стр. 84). Кто в лес, кто по дрова.

***) См. настоящий том, стр. 124. *Ред.*

Теперь слово за мною. Посмотрим на *содержание* новых организационных взглядов новой «Искры» и на отношение этих взглядов к тому делению нашей партии на «большинство» и «меньшинство», истинный характер которого мы показали анализом прений и голосований второго съезда.

р) НОВАЯ «ИСКРА». ОППОРТУНИЗМ В ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ВОПРОСАХ.

За основу разбора принципиальной позиции новой «Искры» следует взять, несомненно, два фельетона т. Аксельрода *). Конкретное значение целого ряда излюбленных им словечек мы уже показали подробно выше **), и должны постараться теперь отвлечься от этого конкретного значения, вникнуть в тот ход мысли, который заставил «меньшинство» (по тому или иному мелкому и мелочному поводу) прийти именно к этим, а не к другим каким-либо лозунгам, рассмотреть принципиальное значение этих лозунгов независимо от их происхождения, независимо от «кооптации». Мы живем теперь под знаком уступчивости: сделаем же уступку товарищу Аксельроду и «возьмем в серьез» его теорию.

Основной тезис тов. Аксельрода (№ 57 «Искры») тот, что «наше движение с самого начала скрывало в себе две противоположные тенденции, взаимный антагонизм которых не мог не развиваться и не отражаться на нем параллельно с его собственным развитием». Именно: «принципиально, пролетарская цель движения (в России) та же, что и у западной социал-демократии». Но у нас воздействие на рабочие массы исходит «со стороны чуждого им социального элемента» — радикальной интеллигенции. Итак, тов. Аксельрод констатирует антагонизм между пролетарскими и радикально-интеллигентскими тенденциями в нашей партии.

В этом тов. Аксельрод безусловно прав. Наличность этого антагонизма (и не в одной только русской социал-демократической партии) не подлежит сомнению. Мало того. Всем и каждому известно, что именно этот антагонизм в значительной степени и объясняет то деление современной социал-демократии на революционную (ортодоксальную тож) и оппортунистическую (ревизионистскую, министериалистскую, реформистскую), которое вполне обнаружилось и в России за последние десять лет нашего движения. Всем известно также, что именно пролетарские тен-

*) Эти фельетоны вошли в сборник «Искра за два года», ч. II, стр. 122 и сл. (СПБ. 1906). (Примечание к изданию 1908 г. *Ред.*)

**) Это «конкретное значение» относится к съездовской и послесъездовской борьбе из-за личного состава центров, описание которой выкинуто в настоящем издании. (Примечание к изданию 1908 года. *Ред.*)

денции движения выражает ортодоксальная, а демократически-интеллигентские — оппортунистическая социал-демократия.

Но тов. Аксельрод, подойдя вплотную к этому общеизвестному факту, начинает боязливо пятиться. Он не делает *ни малейшей попытки* проанализировать, как проявилось указанное деление в истории русской социал-демократии вообще и на нашем партийном съезде в частности, — хотя пишет т. Аксельрод именно по поводу съезда! Как и вся редакция новой «Искры», тов. Аксельрод проявляет *смертельную боязнь* перед протоколами этого съезда. Это не должно нас удивлять, после всего изложенного выше, но со стороны «теоретика», исследующего якобы разные тенденции в нашем движении, это является оригинальным случаем *правдобоязни*. Отодвинув от себя, в силу этого своего свойства, самый новый и самый точный материал о тенденциях нашего движения, тов. Аксельрод ищет спасения в области приятных мечтаний. «Ведь дал же легальный или полумарксизм литературного вождя нашим либералам, — говорит он. — Почему бы проказнице-истории не доставить революционной буржуазной демократии вождя из школы ортодоксального, революционного марксизма?» [99]) По поводу этого, приятного для тов. Аксельрода, мечтания мы можем только сказать, что если истории случается проказничать, то это не оправдывает *проказ мысли* у того, кто берется за анализ этой истории. Когда из вождя полумарксизма проглядывал либерал, то люди, желавшие *(и умевшие)* проследить его «тенденции», ссылались не на возможные проказы истории, а на десятки и сотни образчиков психологии и логики этого вождя, на те особенности всей его литературной физиономии, которые выдавали отражение марксизма в буржуазной литературе [100]). Если же тов. Аксельрод, взявшийся проанализировать «общереволюционные и пролетарские тенденции в нашем движении», не сумел *ничем, ну ровнехонько-таки ничем* доказать и показать у таких-то и таких-то представителей ненавистного ему ортодоксального крыла партии известные тенденции, то он этим выдал лишь себе *торжественное свидетельство о бедности*. Должно быть, уже совсем плохи дела тов. Аксельрода, если остается ссылаться лишь на возможные проказы истории!

Другая ссылка т. Аксельрода — на «якобинцев» — еще более поучительна. Тов. Аксельроду не безызвестно, вероятно, что деление современной социал-демократии на революционную и оппортунистическую давно уже, и не в одной только России, подало повод к «историческим аналогиям эпохи великой французской революции». Тов. Аксельроду не безызвестно, вероятно, что *жирондисты современной социал-демократии* везде и всегда прибегают к терминам «якобинство», «бланкизм» и т. п. для характеристики своих противников. Не будем же подражать правдобоязни тов. Аксельрода и посмотрим на протоколы нашего

съезда: нет ли в них материала для анализа и проверки рассматриваемых нами тенденций и разбираемых нами аналогий.

Первый пример. Спор о программе на партийном съезде. Тов. Акимов («вполне согласный» с тов. Мартыновым) заявляет: «абзац о завоевании политической власти (о диктатуре пролетариата) получил, по сравнению со всеми другими социал-демократическими программами, такую редакцию, что может быть истолкован и действительно толковался Плехановым в том смысле, в котором роль руководителей организации должна будет отодвинуть назад руководимый ею класс и обособить первую от второго. И формулировка наших политических задач, поэтому, совершенно такая же, как у «Народной Воли» (стр. 124 прот.). Тов. Акимову возражает тов. Плеханов и другие искровцы, упрекая его в оппортунизме. Не находит ли т. Аксельрод, что этот спор показывает нам (на деле, а не в воображаемых проказах истории) антагонизм *современных якобинцев* и современных *жирондистов* в социал-демократии? И не потому ли заговорил тов. Аксельрод о якобинцах, что он оказался (в силу сделанных им ошибок) в компании *жирондистов* социал-демократии?

Второй пример. Тов. Посадовский поднимает вопрос о «серьезном разногласии» по «основному вопросу» об «абсолютной ценности демократических принципов» (стр. 169). Вместе с Плехановым он отрицает их абсолютную ценность. Лидеры «центра» или болота (Егоров) и анти-искровцев (Гольдблат) решительно восстают против этого, видя у Плеханова «подражание буржуазной тактике» (стр. 170) — *это именно идея тов. Аксельрода о связи ортодоксии с буржуазной тенденцией*, с тем лишь отличием, что у Аксельрода эта идея висит в воздухе, а у Гольдблата связана с определенными дебатами. Мы спрашиваем еще раз: не находит ли т. Аксельрод, что и этот спор показывает нам *во-очию*, на нашем партийном съезде, антагонизм якобинцев и жирондистов современной социал-демократии? Не потому ли кричит тов. Аксельрод против якобинцев, что он оказался в компании жирондистов?

Третий пример. Споры о § 1 устава. Кто отстаивает «*пролетарские тенденции в нашем движении*», кто подчеркивает, что рабочий не боится организации, что пролетарий не сочувствует анархии, что он ценит стимул «организуйтесь!», кто предостерегает от буржуазной интеллигенции, насквозь пропитанной оппортунизмом? *якобинцы социал-демократии.* И кто протаскивает в партию радикальную интеллигенцию, кто заботится о профессорах, гимназистах, об одиночках, о радикальной молодежи? *Жирондист Аксельрод вместе с жирондистом Либером.*

Неискусно же защищается т. Аксельрод от «ложного обвинения в оппортунизме», которое открыто распространялось на нашем партийном съезде против большинства Группы «Освобо-

жденне Труда»! Он защищается так, что подтверждает обвинение своим перепевом избитой бернштейнианской мелодии о якобинстве, бланкизме и проч.! Он кричит об опасности радикальной интеллигенции, чтобы заглушить свои собственные речи на партийном съезде, дышащие заботой об этой интеллигенции.

Ровно ничего, кроме *оппортунизма*, не выражают эти «страшные словечки»: якобинство и т. п. Якобинец, неразрывно связанный с *организацией* пролетариата, *сознавшего* свои классовые интересы, это и есть *революционный социал-демократ*. Жирондист, тоскующий о профессорах, гимназистах, боящийся диктатуры пролетариата, вздыхающий об абсолютной ценности демократических требований, это и есть *оппортунист*. Только оппортунисты и могут еще в настоящее время видеть опасность в заговорщических организациях, когда мысль о суженин политической борьбы до заговора опровергнута тысячи раз в литературе *), опровергнута и вытеснена давно жизнью, когда кардинальная важность массовой политической агитации выяснена и разжевана до тошноты. Реальным основанием страха перед заговорщичеством, бланкизмом является не та или иная обнаружившаяся черта практического движения (как давно и тщетно старается показать Бернштейн и К⁰), а жирондистская робость буржуазного интеллигента, психология которого так часто прорывается среди современных социал-демократов. Нет ничего комичнее, как эти потуги новой «Искры» сказать *новое слово* (сказанное в свое время сотни раз) в виде предостережения от тактики французских революционеров-заговорщиков сороковых и шестидесятых годов (№ 62, передовая)[101]. В ближайшем номере «Искры» жирондисты современной социал-демократии укажут нам, вероятно, такую группу французских заговорщиков сороковых годов, для которой значение политической агитации в рабочих массах, значение рабочих газет, как основы воздействия на класс со стороны партии, являлось бы давно заученной и разученной азбукой.

Стремление новой «Искры» под видом новых слов твердить зады и пережевывать азбуку является, однако, вовсе не случайностью, а неизбежным следствием того положения, в котором оказались Аксельрод и Мартов, попавшие в оппортунистическое крыло нашей партии. Положение обязывает. Приходится повторять оппортунистические фразы, приходится *пятиться назад*, чтобы в *далеком прошлом* попытаться найти хоть какое-нибудь оправдание своей позиции, незащитимой с точки зрения съездовской борьбы и сложившихся на съезде оттенков и делений партии. К акимовскому глубокомыслию насчет якобинства и бланкизма товарищ Аксельрод присоединяет акимовские же сетования насчет

*) Слова: «опровергнута тысячи раз в литературе» отсутствуют в издании 1908 года, вероятно, благодаря недосмотру типографии. *Ред.*

того, что не только «экономисты», но и «политики» были «односторонни», чересчур «увлекались» и пр., и пр. Читая выспренние рассуждения на эту тему в новой «Искре», чванливо претендующей на то, что она стоит выше всех этих односторонностей и увлечений, с недоумением спрашиваешь себя: с кого они портреты пишут? где разговоры эти слышат? Да кто же не знает, что деление русских социал-демократов на экономистов и политиков уж давно отжило свой век? Пересмотрите «Искру» за последний год-два перед съездом партии, и вы увидите, что борьба с «экономизмом» стихает и прекращается совершенно еще в 1902 году, вы увидите, что, например, в июле 1903 года (№ 43)[102]) о «временах экономизма» говорят, как об «окончательно пережитых», экономизм считают «окончательно похороненным», увлечения политиков рассматривают как очевидный атавизм. С какой же стати новая редакция «Искры» возвращается к этому окончательно похороненному делению? Неужели мы боролись на съезде с Акимовыми за те ошибки, которые они делали два года тому назад в «Рабочем Деле»? Если бы мы поступали так, то мы были бы круглыми идиотами. Но всякий знает, что мы поступали не так, что мы боролись с Акимовыми на съезде не за их старые, окончательно похороненные ошибки «Рабочего Дела», а за те *новые ошибки*, которые они делали в своих рассуждениях и в своих голосованиях на съезде. Не по их позиции в «Рабочем Деле», а по их позиции на съезде судили мы о том, какие ошибки действительно пережиты и какие еще живут и вызывают необходимость споров. Ко времени съезда не существовало уже старого деления на экономистов и политиков, но продолжали еще существовать разнообразные оппортунистические тенденции, которые выразились в прениях и голосованиях по ряду вопросов и которые привели в конце концов к новому делению партии на «большинство» и «меньшинство». Вся суть в том, что новая редакция «Искры» стремится, в силу легко понятных причин, затушевать связь этого нового деления *с современным* оппортунизмом в нашей партии, и что она поэтому вынуждена пятиться назад от нового деления к старому. Неуменье объяснить политическое происхождение нового деления (или желание, во имя уступчивости, набросить флер *) на это происхождение) заставляет пережевывать жвачку относительно давно отжитого старого деления. Всем и каждому известно, что в основе нового

*) См. статью Плеханова об «экономизме» в № 53 «Искры». В подзаголовок этой статьи вкралась, видимо, маленькая опечатка. Вместо: «мысли вслух по поводу второго съезда партии» надо, очевидно, читать: «по поводу съезда *Лиги*» или, пожалуй, «по поводу *кооптации*». Насколько уместна, при известных условиях, уступчивость насчет личных претензий, настолько недопустимо (с партийной, а не обывательской точки зрения) смешение волнующих партию вопросов, подмен вопроса о новой ошибке Мартова и Аксельрода, начавших поворачивать от ортодоксии к оппорту-

деления лежит расхождение по вопросам *организационным*, начавшееся спором о принципах организации (§ 1 устава) и закончившееся «практикой», достойной анархистов. В основе старого деления на экономистов и политиков лежало расхождение по вопросам, главным образом, *тактическим*.

Это отступление от более сложных, действительно современных и насущных вопросов партийной жизни к вопросам, давно решенным и выкапываемым искусственно, новая «Искра» старается оправдать забавным глубокомыслием, которое нельзя назвать иначе, как хвостизмом. С легкой руки тов. Аксельрода через все писания новой «Искры» красной нитью проходит та глубокая «мысль», что содержание важнее формы, программа и тактика важнее организации, что «жизнеспособность организации прямо пропорциональна объему и значению того содержания, которое она внесет в движение», что централизм не есть «нечто самодовлеющее», не есть «талисман всеспасающий» и пр., и пр. Глубокие, великие истины! Программа, действительно, важнее тактики, тактика важнее организации. Азбука важнее этимологии, этимология важнее синтаксиса, — но что сказать о людях, которые срезались на экзамене по синтаксису и теперь важничают и хвастаются тем, что они остались на второй год в низшем классе? Тов. Аксельрод рассуждал о принципиальных вопросах организации, как оппортунист (§ 1), а действовал в организации как анархист (съезд Лиги) *), — и теперь он углубляет социал-демократию: зелен виноград! Собственно, что такое организация? ведь это лишь форма; что такое централизм? ведь это не талисман; что такое синтаксис? ведь это менее важно, чем этимология, это лишь форма соединения элементов этимологии... «Не согласится ли с нами тов. Александров, — победоносно вопрошает новая редакция «Искры», — если мы скажем, что выработкой партийной программы съезд гораздо более содействовал централизации партийной работы, чем принятием устава, сколь совершенным ни казался бы этот последний?» (№ 56, прилож.) [103]). Надо надеяться, что это классическое изречение получит не менее широкую и не менее прочную историческую известность, чем знаменитая фраза тов. Кричевского о том, что социал-демократия, подобно человечеству, всегда ставит себе осуществимые задачи. Ведь это глубокомыслие новой «Искры» совершенно такого же пошиба. За что осмеивали фразу т. Кричевского? За то, что он оправдывал ошибку известной части социал-демократов в вопросах тактики, неумение правильно поставить политические задачи, —

низму, — вопросом о старой (никем, кроме новой «Искры», не вспоминаемой теперь) ошибке Мартыновых и Акимовых, готовых, может быть, ныне повернуть во многих вопросах программы и тактики от оппортунизма к ортодоксии.

*) Слова, заключенные в скобки, исключены в издании 1908 года. *Ред.*

пошлостью, выдаваемой за философию. Точь в точь так же и новая «Искра» оправдывает ошибку известной части социал-демократов в вопросах организации, интеллигентскую неустойчивость известных товарищей, доведшую их до анархической фразы, — пошлостью, что, де, программа важнее устава, что программные вопросы важнее организационных! Ну, разве же это не хвостизм? Разве это не хвастовство по поводу того, что люди остались на второй год в низшем классе?

Принятие программы более содействует централизации работы, чем принятие устава. Как пахнет эта пошлость, выдаваемая за философию, духом радикального интеллигента, гораздо более близкого к буржуазному декадентству, чем к социал-демократизму! Ведь слово централизация в этой знаменитой фразе понимается в смысле совсем уже *символическом*. Если авторы этой фразы не умеют или не хотят думать, то пусть бы хоть они вспомнили, по крайней мере, тот простой факт, что принятие программы вместе с бундовцами не только не привело к централизации нашей общей работы, а и не предохранило нас от раскола. Единство в вопросах программы и в вопросах тактики есть необходимое, но еще недостаточное условие партийного объединения, централизации партийной работы (господи, боже мой! какую азбуку приходится, по нынешним временам, когда все понятия спутались, разжевывать!). Для этого последнего необходимо еще единство организации, немыслимое в сколько-нибудь выросшей из рамок семейного кружка партии, без оформленного устава, без подчинения меньшинства большинству, без подчинения части целому. Пока у нас не было единства в основных вопросах программы и тактики, мы прямо и говорили, что живем в эпоху разброда и кружковщины, мы прямо заявляли, что прежде чем объединяться, надо размежеваться, мы и не заговаривали о формах совместной организации, а толковали исключительно о новых (тогда действительно новых) вопросах программной и тактической борьбы с оппортунизмом. Теперь эта борьба, по общему нашему признанию, обеспечила уже достаточное единство, формулированное в партийной программе и в партийных резолюциях о тактике; теперь нам надо сделать следующий шаг, и мы его, по общему нашему согласию, сделали: выработали *формы* единой, сливающей все кружки воедино, организации. Нас оттащили теперь назад, разрушив на половину эти формы, оттащили*) к анархическому поведению, к анархической фразе, к восстановлению кружка вместо партийной редакции, и теперь оправдывают этот шаг назад тем, что азбука более содействует грамотной речи, чем знание синтаксиса!

---

*) Слова: «теперь назад... оттащили» исключены в издании 1908 года. *Ред.*

Философия хвостизма, процветавшая три года тому назад в вопросах тактики, воскресает теперь в применении к вопросам организации. Возьмите такое рассуждение новой редакции. «Боевое социал-демократическое направление — говорит тов. Александров — в партии должно проводиться не одной идейной борьбой, но и определенными формами организации». Редакция поучает нас: «Недурно это сопоставление идейной борьбы и форм организации. Идейная борьба есть процесс, а формы организации только... формы» (ей-богу, так и напечатано в № 56, приложение, стр. 4, столб. 1, внизу!), «долженствующие облекать текучее, развивающееся содержание, — развивающуюся практическую работу партии». Это уже совершенно в духе анекдота о том, что ядро есть ядро, а бомба есть бомба. Идейная борьба есть процесс, а формы организации только формы, облекающие содержание! Вопрос идет о том, будет ли наша идейная борьба облекаться формами *более высокими*, формами обязательной для всех партийной организации, или формами старого разброда и старой кружковщины. Нас оттащили назад от более высоких форм к более примитивным формам и оправдывают это тем, что идейная борьба есть процесс, а формы — это только формы. Точь в точь также тов. Кричевский во времена оны тащил нас назад от тактики-плана к тактике-процессу.

Возьмите эти претенциозные фразы новой «Искры» о «самовоспитании пролетариата», противопоставляемые тем, кто якобы из-за формы способен проглядеть содержание (№ 58, передовая) [104]). Разве это не акимовщина номер второй? Акимовщина номер первый оправдывала отсталость некоторой части социал-демократической интеллигенции в постановке тактических задач ссылками на более «глубокое» содержание «пролетарской борьбы», ссылками на самовоспитание пролетариата. Акимовщина номер второй оправдывает отсталость некоторой части социал-демократической интеллигенции в вопросах теории и практики организации такими же глубокомысленными ссылками на то, что организация есть лишь форма, и что вся суть в самовоспитании пролетариата. Пролетариат не боится организации и дисциплины, господа, пекущиеся о меньшем брате! Пролетариат не станет печься о том, чтобы гг. профессора и гимназисты, не желающие войти в организацию, признавались членами партии за работу под контролем организации. Пролетариат воспитывается к организации всей своей жизнью гораздо радикальнее, чем многие интеллигентики. Пролетариат, сколько-нибудь сознавший нашу программу и нашу тактику, не станет оправдывать отсталость в организации ссылками на то, что форма менее важна, чем содержание. Не пролетариату, а *некоторым интеллигентам* в нашей партии недостает *самовоспитания* в духе организации и дисциплины, в духе вражды и презрения к анархической фразе.

*

Акимовы номер второй так же клевещут на пролетариат по вопросу о неподготовленности к организации, как клеветали на него Акимовы номер первый по вопросу о неподготовленности к политической борьбе. Пролетарий, ставший сознательным социал-демократом и почувствовавший себя членом партии, с таким же презрением отвергнет хвостизм в организационных вопросах, с каким он отверг хвостизм в вопросах тактики.

Возьмите, наконец, глубокомысленное «Практика» новой «Искры». «Настоящим образом понятая, идея «боевой» централистической организации, — говорит он, — объединяющей и централизирующей *деятельность*» (углубляющий курсив) «революционеров, естественно претворяется в жизнь лишь при наличности этой деятельности» (и ново и умно); «сама организация, как форма» (слушайте, слушайте!), «может вырастать лишь *одновременно*» (курсив автора, как и везде в этой цитате) «с ростом революционной работы, составляющей ее содержание» (№ 57). Не напоминает ли это паки и паки того героя народного эпоса, который при виде похоронной процессии кричал: таскать вам не перетаскать? Наверное, в нашей партии не найдется ни одного практика (без кавычек), который бы не понимал, что именно форма нашей деятельности (т.-е. организация) давным давно отстает, и отчаянно отстает, от содержания, что крики по адресу отстающих людей: идите в ногу! не опережайте! — достойны одних только партийных Иванушек. Попробуйте сравнить хотя бы, например, нашу партию с Бундом. Не подлежит ни малейшему сомнению, что *содержание* *) работы нашей партии неизмеримо богаче, разностороннее, шире и глубже, чем у Бунда. Крупнее теоретический размах, развитее программа, шире и глубже воздействие на рабочие массы (а не на одних только организованных ремесленников), разностороннее пропаганда и агитация, живее пульс политической работы у передовиков и рядовых, величественнее *народные* движения при демонстрациях и всеобщих стачках, энергичнее деятельность среди непролетарских слоев. А «форма»? «Форма» нашей работы отстала, по сравнению с бундовской, непозволительно, отстала до того, что это колет глаза, вызывает краску стыда у всякого, кто не смотрит на дела своей партии «ковыряя в носу». Отсталость организации работы по сравнению с ее содержанием —

*) Я уже не говорю о том, что *содержание* нашей партийной работы намечено (в программе и пр.) на съезде в духе революционной социал-демократии лишь *ценой борьбы*, борьбы с теми самыми анти-искровцами и тем самым болотом, представители которого численно преобладают в нашем «меньшинстве». (Дальнейшая часть примечания в издании 1908 года исключена. *Ред.*) Интересно также, по вопросу о «содержании», сравнить, к примеру, скажем, шесть номеров старой «Искры» (№№ 46—51) и двенадцать номеров новой «Искры» (№№ 52—63). Но это когда-нибудь в другой раз.

наше больное место, и она была больным местом еще задолго до съезда, задолго до образования О. К. Неразвитость и непрочность формы не дает возможности сделать дальнейшие серьезные шаги в развитии содержания, вызывает постыдный застой, ведет к расхищению сил, к несоответствию между словом и делом. Все исстрадались от этого несоответствия, — а тут являются Аксельроды и «Практики» новой «Искры» с глубокомысленной проповедью: форма должна естественно вырастать, лишь одновременно с содержанием!

Вот куда приводит маленькая ошибка по организационному вопросу (§ 1), если вы вздумаете *углублять* вздор и философски обосновывать оппортунистическую фразу. Медленным шагом, робким зигзагом! — мы слышали этот мотив в применении к вопросам тактики; мы слышим его теперь в применении к вопросам организации. *Хвостизм в организационных вопросах* представляет из себя естественный и неизбежный продукт психологии *анархического индивидуалиста,* когда этот последний начинает возводить в *систему воззрений,* в особые *принципиальные разногласия* свои (в начале, может быть, случайные) анархические уклонения. На съезде Лиги мы видели начало этого анархизма, в новой «Искре» мы видим попытки возведения его в систему воззрений. Попытки эти замечательно подтверждают высказанное уже на съезде партии соображение о различии точек зрения буржуазного интеллигента, присоединяющегося к социал-демократии, и пролетария, сознавшего свои классовые интересы. Напр., тот же «Практик» новой «Искры», с глубокомыслием которого мы уже познакомились, изобличает меня в том, что партия представляется мне «как огромная фабрика» с директором, в виде Ц. К. во главе ее (№ 57, прилож.). «Практик» и не догадывается, что выдвинутое им страшное слово сразу выдает психологию буржуазного интеллигента, незнакомого ни с практикой, ни с теорией пролетарской организации. Именно фабрика, которая кажется иному одним только пугалом, и представляет из себя ту высшую форму капиталистической кооперации, которая объединила, дисциплинировала пролетариат, научила его организации, поставила его во главе всех остальных слоев трудящегося и эксплуатируемого населения. Именно марксизм, как идеология обученного капитализмом пролетариата, учил и учит неустойчивых интеллигентов различию между эксплуататорской стороной фабрики (дисциплина, основанная на страхе голодной смерти) и ее организующей стороной (дисциплина, основанная на совместном труде, объединенном условиями высокоразвитого технически производства). Дисциплина и организация, которые с таким трудом даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетариатом именно благодаря этой фабричной «школе». Смертельная боязнь перед этой школой,

полное непонимание ее организующего значения характерны именно для приемов мысли, отражающих мелкобуржуазные условия существования, порождающих тот вид анархизма, который немецкие социал-демократы называют Edelanarchismus, т.-е. анархизм «благородного» господина, барский анархизм, как я бы сказал. Русскому нигилисту этот барский анархизм особенно свойственен. Партийная организация кажется ему чудовищной «фабрикой», подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему «закрепощением» (см. фельетоны Аксельрода), разделение труда под руководством центра вызывает с его стороны трагикомические вопли против превращения людей в «колесики и винтики» (при чем особенно убийственным видом этого превращения считается превращение редакторов в сотрудников), упоминание об организационном уставе партии вызывает презрительную гримасу и пренебрежительное (по адресу «формалистов») замечание, что можно бы и вовсе без устава.

Это невероятно, но это — факт: именно такое назидательное замечание делает мне тов. Мартов в № 58 «Искры» [105]), ссылаясь, для вящей убедительности, на мои же собственные слова из «Письма к товарищу». Ну, разве это не «барский анархизм», разве это не хвостизм, когда примерами из эпохи разброда, эпохи кружков *оправдывают* сохранение и прославление кружковщины и анархии в эпоху партийности?

Почему не нужны нам были раньше уставы? Потому что партия состояла из отдельных кружков, не связанных вместе никакой организационной связью. Переход из кружка в кружок был делом одной только «доброй воли» того или другого индивидуума, не имевшего перед собой никакого оформленного выражения воли целого. Спорные вопросы внутри кружков решались не по уставу, «*а борьбой и угрозой уйти*»: так выразился я в «Письме к товарищу» *), основываясь на опыте ряда кружков вообще и, в частности, нашей собственной редакционной шестерки. В эпоху кружков такое явление было естественно и неизбежно, но никому не приходило в голову восхвалять его, считать идеалом, все жаловались на этот разброд, все тяготились им и жаждали слияния разрозненных кружков в оформленную партийную организацию. И теперь, когда это слияние состоялось, нас тащат назад, нас угощают — под видом высших организационных взглядов — анархической фразой! Людям, привыкшим к свободному халату и туфлям семейно-кружковой обломовщины, формальный устав кажется и узким, и тесным, и обременительным, и низменным, и бюрократическим, и крепостническим, и стеснительным для свободного «процесса» идейной борьбы. Барский анархизм не понимает, что формальный устав необходим именно

*) См. V том Сочинений, стр. 192. *Ред.*

для замены узких кружковых связей широкой партийной связью. Связь внутри кружка или между кружками не нужно и невозможно было оформливать, ибо эта связь держалась на приятельстве или на безотчетном, немотивированном «доверии». Связь партийная не может и не должна держаться ни на том, ни на другом, ее необходимо базировать именно на *формальном*, «бюрократически» (с точки зрения распущенного интеллигента) редактированном уставе, строгое соблюдение которого одно лишь гарантирует нас от кружкового самодурства, от кружковых капризов, от кружковых приемов свалки, называемой свободным «процессом идейной борьбы».

Редакция новой «Искры» козыряет против Александрова назидательным указанием на то, что «доверие — вещь деликатная, которую никак нельзя вколотить в сердца и головы» (№ 56, прилож.). Редакция не понимает, что именно это выдвигание категории доверия, *голого* доверия, выдает еще и еще раз с головой ее барский анархизм и организационный хвостизм. Когда я был членом только кружка, редакционной ли шестерки или организации «Искры», я имел право сослаться в оправдание, скажем, своего нежелания работать с Иксом на одно лишь недоверие, безотчетное и немотивированное. Когда я стал членом партии, я *не имею права* ссылаться только на неоформленное недоверие, ибо такая ссылка открывала бы настежь двери для всякой блажи и для всякого самодурства старой кружковщины; я *обязан* мотивировать свое «доверие» или «недоверие» формальным доводом, т.-е. ссылкой на то или иное формально установленное положение нашей программы, нашей тактики, нашего устава; я обязан не ограничиваться безотчетным «доверяю» или «не доверяю», а признать *подотчетность* своих решений и всех вообще решений всякой части партии перед всей партией; я обязан следовать *формально предписанному* пути для выражения своего «недоверия», для проведения тех взглядов и тех желаний, которые вытекают из этого недоверия. Мы поднялись уже от *кружковой* точки зрения безотчетного «доверия» до *партийной* точки зрения, требующей соблюдения подотчетных и формально предписанных способов выражения и *проверки* доверия, а редакция тащит нас назад и называет свой хвостизм новыми организационными взглядами!

Посмотрите, как рассуждает наша так называемая партийная редакция о литературных группах, которые могли бы потребовать себе представительства в редакции. «Мы не возмутимся, не начнем кричать о дисциплине», — поучают нас барские анархисты, которые всегда и везде сверху вниз смотрели на какую-то там дисциплину. Мы, де, либо «столкуемся» (sic!) с группой, буде она дельная, либо посмеемся над ее требованиями.

Подумаешь, какое возвышенное благородство выступает здесь против вульгарно-«фабричного» формализма! А на самом деле — перед нами подновленная фразеология кружковщины, преподносимая партии редакцией, которая чувствует, что она представляет из себя не партийное учреждение, а обломок старого кружка. Внутренняя фальшь этой позиции неизбежно приводит к *анархическому* глубокомыслию, возводящему в *принцип* социал-демократической организации тот разброд, который на словах фарисейски объявляется уже пережитым. Не нужно никакой иерархии низших и высших партийных коллегий и инстанций,— барскому анархизму такая иерархия кажется канцелярским измышлением ведомств, департаментов и прочее (см. фельетон Аксельрода),—не нужно никакого подчинения части целому, не нужно никакого «формально-бюрократического» определения *партийных* способов «столковываться» или размежевываться, пусть старая кружковая свалка освящается фразерством об «истинно-социал-демократических» приемах организации.

Вот где прошедший школу «фабрики» пролетарий может и должен дать урок анархическому индивидуализму. Сознательный рабочий давно уже вышел из тех пеленок, когда он чурался интеллигента, как такового. Сознательный рабочий умеет ценить тот более богатый запас знаний, тот более широкий политический кругозор, который он находит у социал-демократов-интеллигентов. Но, по мере того, как складывается у нас *настоящая* партия, сознательный рабочий должен научиться отличать психологию воина пролетарской армии от психологии буржуазного интеллигента, щеголяющего анархической фразой, должен научиться *требовать* исполнения обязанностей члена партии не только от рядовых, но и от «людей верха», должен научиться встречать таким же презрением хвостизм в вопросах организационных, каким награждал он во времена оны хвостизм в вопросах тактики!

В неразрывной связи с жирондизмом и барским анархизмом стоит последняя характерная особенность позиции новой «Искры» в организационных вопросах: это — защита *автономизма* против централизма. Именно такой принципиальный смысл имеют (если имеют) *) вопли о бюрократизме и о самодержавии, сожаления о «незаслуженном невнимании к неискровцам» (защищавшим автономизм на съезде), комичные крики о требовании «беспрекословного повиновения», горькие жалобы на «помпадурство» и проч., и т. д., и т. п. Оппортунистическое крыло всякой партии всегда отстаивает и оправдывает всякую отсталость, и

*) Я оставляю в стороне здесь, как и вообще в этом параграфе, «кооптационный» смысл этих воплей. (Это примечание исключено в издании 1908 года. *Ред.*)

программную, и тактическую, и организационную. Защита организационной отсталости (хвостизм) новой «Искры» тесно связана с защитой *автономизма*. Правда, автономизм настолько уже дискредитирован, вообще говоря, трехлетней проповедью старой «Искры», что открыто высказаться за него новой «Искре» *еще* стыдно; она еще уверяет нас в своих симпатиях к централизму, но доказывается это только тем, что слово централизм пишется курсивом. На деле самое легкое прикосновение критики к «принципам» «истинно-социал-демократического» (а не анархического?) quasi-централизма новой «Искры» изобличает на каждом шагу точку зрения автономизма. Разве не ясно теперь всем и каждому, что Аксельрод и Мартов повернули в организационных вопросах к Акимову? Разве не признали они этого торжественно сами в знаменательных словах о «незаслуженном невнимании к неискровцам»? И разве не автономизм защищали на нашем партийном съезде Акимов и его друзья?

Именно автономизм (если не анархизм) защищали Мартов и Аксельрод на съезде Лиги, когда они с забавным усердием доказывали, что часть не должна подчиняться целому, что часть автономна в определении своих отношений к целому, что устав заграничной Лиги, формулирующий эти отношения, действителен вопреки воле большинства партии, вопреки воле партийного центра. Именно автономизм защищает теперь тов. Мартов открыто и на страницах новой «Искры» (№ 60) по вопросу о введении членов в местные комитеты Центральным Комитетом [106]). Я не буду говорить о тех детских софизмах, которыми защищал автономизм тов. Мартов на съезде Лиги и защищает в новой «Искре» *), — мне важно здесь отметить несомненную тенденцию *защищать автономизм против централизма*, как принципиальную черту, свойственную оппортунизму в организационных вопросах.

Едва ли не единственной попыткой *анализа* понятия бюрократизма является противоположение в новой «Искре» (№ 53) «формально-*демократического* начала» (курсив автора) «формально-*бюрократическому*». Это противоположение (к сожалению, столь же не развитое и не разъясненное, как и указание на неискровцев) содержит в себе зерно истины. Бюрократизм versus **) демократизм, это и есть централизм versus автономизм, это и есть организационный принцип революционной социал-демократии по отношению к организационному принципу оппортунистов

*) Перебирая разные §§ устава, тов. Мартов *опустил* именно тот §, который говорит об отношении целого к части: Ц. К. «распределяет силы партии» (§ 6). Можно ли распределять силы без перевода работников из комитета в комитет? На этой азбуке, право, неловко как-то останавливаться. (Это примечание исключено в издании 1908 года. *Ред.*)

**) versus — по отношению к.

социал-демократии. Последний стремится идти снизу вверх и потому отстаивает везде, где можно, и насколько можно, автономизм, «демократизм», доходящий (у тех, кто усердствует не по разуму) до анархизма. Первый стремится исходить сверху, отстаивая расширение прав и полномочий центра по отношению к части. В эпоху разброда и кружковщины этим верхом, от которого стремилась организационно исходить революционная социал-демократия, был неизбежно один из кружков, наиболее влиятельный в силу своей деятельности и своей революционной последовательности (в нашем случае — организация «Искры»). В эпоху восстановления фактического единства партии и распущения в этом единстве устарелых кружков, таким верхом неизбежно является *партийный съезд*, как верховный орган партии; съезд соединяет по возможности всех представителей активных организаций и, назначая центральные учреждения (нередко в таком составе, который более удовлетворяет передовые, чем отсталые элементы партии, более нравится революционному, чем оппортунистическому крылу ее), делает их верхом впредь до следующего съезда. Так бывает, по крайней мере, у европейцев социал-демократии, хотя мало-по-малу, не без труда, не без борьбы и не без дрязг, этот принципиально ненавистный анархистам обычай начинает распространяться и на азиатов социал-демократии.

В высшей степени интересно отметить, что указанные мной принципиальные черты оппортунизма в организационных вопросах (автономизм, барский или интеллигентский анархизм, хвостизм и жирондизм) наблюдаются mutatis mutandis (с соответствующими изменениями) во всех социал-демократических партиях всего мира, где только есть деление на революционное и оппортунистическое крыло (а где его нет?). Особенно рельефно выступило это на свет божий именно в самое последнее время в германской социал-демократической партии, когда поражение на выборах в 20-ом саксонском избирательном округе (так назыв. инцидент Гёрэ) *) поставило на очередь дня *принципы* партийной организации. Возбуждению принципиального вопроса по поводу указанного инцидента особенно содействовало усердие немецких оппортунистов. Гёрэ (бывший пастор, автор небезызвестной книги: «Drei Monate Fabrikarbeiter» **) и один из «героев» Дрез-

*) Гёрэ был выбран в рейхстаг 16 июня 1903 года в 15-ом саксонском округе, но после Дрезденского съезда сложил с себя мандат; избиратели 20-го округа, ставшего вакантным после смерти Розенова, хотели предложить кандидатуру снова Гёрэ. Центральное правление партии и саксонский центральный агитационный комитет восстали против этого и, не имея права формально запретить кандидатуру Гёрэ, добились, однако, того, что Гёрэ отказался от кандидатуры. При выборах социал-демократы потерпели поражение.

**) — «Три месяца рабочим на фабрике». *Ред.*

денского съезда)[107] — сам ярый оппортунист, и орган последовательных немецких оппортунистов «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник») сейчас же «заступился» за него.

Оппортунизм в программе естественно связан с оппортунизмом в тактике и с оппортунизмом в вопросах организационных. Излагать «новую» точку зрения взялся тов. Вольфганг Гейне. Чтобы охарактеризовать читателю физиономию этого типичного интеллигента, примкнувшего к социал-демократии и принесшего с собой оппортунистические навыки мысли, достаточно будет сказать, что тов. Вольфганг Гейне, это — немножко меньше, чем немецкий тов. Акимов, и немножечко больше, чем немецкий тов. Егоров.

Товарищ Вольфганг Гейне пошел в поход в «Социалистическом Ежемесячнике» с неменьшей помпой, чем тов. Аксельрод в новой «Искре». Чего стоит одно уж заглавие статьи: «Демократические заметки по поводу инцидента Гёрэ» (№ 4, апрель «Sozialistische Monatshefte»). И содержание — не менее громовое. Тов. В. Гейне восстает против «посягательств на автономию избирательного округа», отстаивает «демократический принцип», протестует против вмешательства «назначенного начальства» (т.-е. центрального правления партии) в свободный выбор делегатов народом. Дело тут не в случайном инциденте, поучает нас тов. В. Гейне, а в общей «*тенденции к бюрократизму и централизму в партии*», тенденции, которая замечалась, де, и раньше, но теперь становится особенно опасной. Надо «принципиально признать, что местные учреждения партии являются носителями ее жизни» (плагиат из брошюры тов. Мартова: «Еще раз в меньшинстве»). Не следует «привыкать к тому, чтобы все важные политические решения исходили из одного центра», надо предостерегать партию от «доктринерской политики, теряющей связь с жизнью» (позаимствовано из речи тов. Мартова на съезде партии о том, что «жизнь возьмет свое»). «...Если смотреть в корень вещей, — углубляет свою аргументацию тов. В. Гейне, — если отвлечься от личных столкновений, которые и здесь, как и всегда, играли немалую роль, то мы увидим в этом ожесточении против *ревизионистов* (курсив автора, намекающего, надо думать, на различие понятий: борьба с ревизионизмом и борьба с ревизионистами) главным образом недоверие официальных лиц в партии против «*постороннего элемента*» (В. Гейне, видимо, не читал еще брошюры о борьбе с осадным положением, и потому прибегает к англицизму: Outsidertum), недоверие традиции к тому, что необычно, — безличного учреждения к тому, что индивидуально» (см. резолюцию Аксельрода на съезде Лиги о подавлении индивидуальной инициативы) *), «одним словом,

*) Слова, взятые в скобки, исключены в издании 1908 года. *Ред.*

ту же самую тенденцию, которую мы уже охарактеризовали выше, как тенденцию к бюрократизму и централизму в партии».

Понятие «дисциплины» внушает тов. В. Гейне не менее благородное негодование, чем тов. Аксельроду. ...«Ревизионистов, — пишет он, — упрекали в недостатке дисциплины за то, что они писали в «Социалистическом Ежемесячнике» — органе, который не хотели даже признавать социал-демократическим, ибо он не стоит *под контролем партии*. Одна уже эта попытка сужения понятия: «социал-демократический», одно уже это требование *дисциплины* в области идейного производства, где должна господствовать безусловная свобода» (вспомните: идейная борьба есть процесс, а формы организации только формы), «свидетельствуют о тенденции к бюрократизму и к подавлению индивидуальности». И долго еще, долго громит В. Гейне на всевозможные лады эту ненавистную тенденцию создать «*одну* всеохватывающую большую организацию, возможно более централизованную, *одну* тактику, *одну* теорию», громит требование «безусловнейшего повиновения», «слепого подчинения», громит «упрощенный централизм» и т. д. и т. п., буквально «по Аксельроду».

Поднятый В. Гейне спор разгорелся, и так как в немецкой партии никакие дрязги из-за кооптации не засоряли его, так как немецкие Акимовы выясняют свою физиономию не только на съездах, а постоянно в особом органе, то спор быстро свелся к анализу принципиальных тенденций ортодоксии и ревизионизма в организационном вопросе. Одним из представителей революционного направления (обвиняемого, разумеется, как и у нас, в «диктаторстве», «инквизиторстве» и прочих страшных вещах) выступил К. Каутский («Neue Zeit», 1904, № 28, статья «Wahlkreis und Partei» — «Избирательный округ и партия»). «Статья В. Гейне, — заявляет он, — показывает ход мысли всего ревизионистского направления». Не в одной только Германии, а и во Франции, и в Италии оппортунисты горой стоят за автономизм, за ослабление партийной дисциплины, за сведение ее к нулю, везде их тенденции приводят к *дезорганизации*, к извращению «демократического принципа» в *анархизм*. «Демократия не есть отсутствие власти, — поучает К. Каутский оппортунистов в организационном вопросе, — демократия не есть анархия, она есть господство массы над ее уполномоченными, в отличие от других форм власти, когда мнимые слуги народа в действительности являются его владыками». К. Каутский прослеживает подробно дезорганизаторскую роль оппортунистического автономизма в разных странах, показывает, что именно присоединение к социал-демократии «*массы буржуазных элементов*» *) успли-

*) В качестве примера К. Каутский называет *Жореса*. По мере их уклонения в оппортунизм, таким людям «партийная дисциплина неизбежно должна была казаться непозволительным стеснением их свободной личности».

вает оппортунизм, автономизм и тенденции к нарушению дисциплины, напоминает паки и паки, что именно «организация есть то оружие, которым освободит себя пролетариат», именно «организация есть свойственное пролетариату оружие классовой борьбы».

В Германии, где оппортунизм слабее, чем во Франции и Италии, «автономистские тенденции привели пока лишь к более или менее патетическим декламациям против диктаторов и великих инквизиторов, против отлучений от церкви *) и выискиваний ереси, к бесконечным придиркам и дрязгам, разбор которых повел бы лишь к бесконечной ссоре».

Неудивительно, что в России, где оппортунизм в партии еще более слаб, чем в Германии, автономистские тенденции породили меньше идей и больше «патетических декламаций» и дрязг.

Неудивительно, что Каутский приходит к заключению: «Может быть, ни в каком другом вопросе ревизионизм всех стран не отличается такой однородностью, несмотря на все его разновидности, всю его разноцветность, как именно в организационном вопросе». Основные тенденции ортодоксии и ревизионизма в этой области и К. Каутский формулирует при помощи «страшного слова»: бюрократизм versus (против) демократизма. «Нам говорят, — пишет К. Каутский, — что дать право правлению партии влиять на выбор кандидата (в депутаты парламента) местными избирательными округами — значит «постыдно посягать на демократический принцип, который требует, чтобы вся политическая деятельность развертывалась снизу вверх, путем самодеятельности масс, а не сверху вниз, путем бюрократическим...» Но если есть какой-нибудь действительно демократический принцип, так это тот, что большинство должно иметь перевес над меньшинством, а не наоборот»... Выбор депутатов в парламент от какого бы то ни было отдельного избирательного округа есть важный вопрос всей партии в целом, которая и должна влиять на назначение кандидатов хотя бы через посредство доверенных людей партии (Vertrauensmänner). «Кому кажется это слишком бюрократическим или централистическим, тот пусть попробует предложить, чтобы кандидатов намечали прямые голосования всех членов партии вообще (Sämmtliche Parteigenossen). Раз это неисполнимо, то нечего и жаловаться на недостаток демократизма, когда указанная функция, подобно многим другим, касающимся всей партии, выполняется одной или несколькими партийными инстанциями». По «обычному праву» германской партии и раньше отдельные избирательные округа «товарищески договаривались» с правлением партии о выставлении того или иного кандидата.

*) *Bannstrahl* — анафема. Это немецкий эквивалент русского «осадного положения» и «исключительных законов». Это — «страшное слово» немецких оппортунистов.

«Но партия стала уже слишком велика, чтобы достаточно было этого молчаливого обычного права. Обычное право перестает быть правом, когда его перестают признавать, как нечто само собою разумеющееся, когда содержание его определений и даже самое его существование *оспаривается*. Тогда становится безусловно необходимым точно формулировать это право, кодифицировать его»... перейти к более «точному уставному закреплению *) (statutarische Festlegung), а вместе с тем к усилению строгости (grössere Straffheit) организации».

Вы видите, таким образом, в другой обстановке ту же борьбу оппортунистического и революционного крыла партии по организационному вопросу, тот же конфликт автономизма и централизма, демократизма и «бюрократизма», тенденций к ослаблению строгости и к усилению строгости организации и дисциплины, психологии неустойчивого интеллигента и выдержанного пролетария, интеллигентского индивидуализма и пролетарской сплоченности. Спрашивается, как отнеслась к этому конфликту *буржуазная демократия*,— не та, которую проказница-история только еще обещала по секрету показать когда-нибудь тов. Аксельроду, — а настоящая, реальная буржуазная демократия, имеющая и в Германии не менее ученых и наблюдательных представителей, чем наши господа освобожденцы? Немецкая буржуазная демократия сразу откликнулась на новый спор и горой встала, — как и русская, как и всегда, как и везде, — сразу за оппортунистическое крыло социал-демократической партии. Выдающийся орган немецкого биржевого капитала, «*Франкфуртская Газета*», выступил с громовой передовицей («Frankf. Ztg.», 1904, 7 Apr., № 97, Abendblatt), которая показывает, что бессовестные плагиаты из Аксельрода становятся прямо какой-то болезнью немецкой печати. Грозные демократы франкфуртской биржи бичуют «самодержавие» в социал-демократической партии, «партийную диктатуру», «автократическое господство партийного начальства», эти «отлучения от церкви», которыми хотят «как бы наказать весь ревизионизм» (вспомните «ложное обвинение в оппортунизме»), это требование «слепого повиновения», «мертвящей дисциплины», требование «лакейского подчинения», превращения членов партии в «политические трупы» (это еще много покрепче будет винтиков и колесиков!). «Всякая личная своеобразность, — негодуют рыцари биржи при виде анти-демократических порядков у социал-демо-

*) В высшей степени поучительно сопоставить эти замечания К. Каутского о замене молчаливо признаваемого обычного права формально закрепленным уставным правом со всей той «сменой», которую переживает наша партия вообще и редакция в частности со времени партийного съезда. Ср. речь В. И. Засулич (на съезде Лиги, стр. 66 и след.), которая вряд ли реализует себе все значение происходящей смены [108]). (Это примечание исключено в издании 1908 года. *Ред.*)

кратии, — всякая индивидуальность должна, изволите ли видеть, подвергнуться преследованию, потому что они грозят привести к французским порядкам, к жоресизму и мильеранизму, как прямо заявил Зиндермаш, реферировавший по этому вопросу» на партийном съезде саксонских социал-демократов.

Итак, поскольку есть принципиальный смысл в новых словечках новой «Искры» по организационному вопросу, постольку не подлежит никакому сомнению, что смысл этот оппортунистический. Этот вывод подкрепляется и всем анализом нашего партийного съезда, разделившегося на революционное и оппортунистическое крыло, и примером *всех* европейских социал-демократических партий, в которых оппортунизм по организационному вопросу выражается в тех же тенденциях, в тех же обвинениях, а сплошь да рядом и в тех же самых словечках. Конечно, национальные особенности различных партий и неодинаковость политических условий в разных странах налагают свой отпечаток, делая немецкий оппортунизм совсем не похожим на французский, французский на итальянский, итальянский на русский. Но однородность основного деления всех этих партий на революционное и оппортунистическое крыло, однородность хода мысли и тенденций оппортунизма в организационном вопросе выступают отчетливо, несмотря на все указанное различие условий *). Обилие представителей радикальной интеллигенции в рядах наших марксистов и наших социал-демократов сделало и делает неизбежным наличность порождаемого ее психологией оппортунизма в самых различных областях и в самых различных формах. Мы боролись с оппортунизмом в основных вопросах нашего миросозерцания, в вопросах программы, и полное расхождение в целях неизбежно привело к бесповоротному размежеванию между испортившими наш легальный марксизм либералами и социал-демократами. Мы боролись с оппортунизмом в вопросах тактики, и расхождение с т.т. Кричевским и Акимовым по этим менее важным вопросам, естественно, было лишь временным и не сопровождалось никаким образованием различных партий. Мы должны теперь побороть

---

*) Никто не усомнится в настоящее время, что старое деление русских социал-демократов по вопросам тактики на экономистов и политиков было однородно с делением всей международной социал-демократии на оппортунистов и революционеров, хотя различие между т.т. Мартыновым и Акимовым, с одной стороны, и т.т. фон-Фольмаром и фон-Эльмом или Жоресом и Мильераном, с другой, очень велико. Точно так же несомненна и однородность основных делений по организационному вопросу, несмотря на громадные различия условий между политически бесправными и политически свободными странами. Крайне характерно, что принципиальная редакция новой «Искры», бегло коснувшись спора Каутского с Гейне (№ 64), боязливо *обошла* вопрос о *принципиальных* тенденциях *всякого* оппортунизма и всякой ортодоксии в организационном вопросе [109]).

оппортунизм Мартова и Аксельрода в вопросах организационных, еще менее коренных, разумеется, чем вопросы программные и тактические, но выплывших в настоящий момент на авансцену нашей партийной жизни.

Когда говорится о борьбе с оппортунизмом, не следует никогда забывать характерной черты всего современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунист, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключающими одна другую точками зрения, стараясь «быть согласным» и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч., и проч. Оппортунист в вопросах программы, тов. Эд. Бернштейн, «согласен» с революционной программой партии и хотя желал бы, наверное, «коренной реформы» ее, но считает это несвоевременным, нецелесообразным, не столь важным, как выяснение «общих принципов» «критики» (состоящих главным образом в некритическом заимствовании принципов и словечек у буржуазной демократии). Оппортунист в вопросах тактики, тов. фон-Фольмар, тоже согласен со старой тактикой революционной социал-демократии и тоже ограничивается больше декламацией, поправочками, насмешечками, отнюдь не выступая ни с какой определенной «министериалистской» тактикой. Оппортунисты в вопросах организационных, т.т. Мартов и Аксельрод, тоже не дали до сих пор, несмотря на прямые вызовы, никаких определенных принципиальных тезисов, которые могли бы быть «закреплены уставным путем»; они тоже желали бы, безусловно желали бы, «коренной реформы» нашего организационного устава («Искра», № 58, стр. 2, столбец 3), но предпочтительно они бы занялись сначала «общими вопросами организации» (потому что действительно коренная реформа нашего, несмотря на § 1, все же централистического устава неизбежно привела бы, будучи произведена в духе новой «Искры», к автономизму, а признаться в своей *принципиальной* тенденции к автономизму тов. Мартову не хочется, конечно, даже и перед самим собой). Их «принципиальная» позиция по организационному вопросу играет, поэтому, всеми цветами радуги: преобладают невинные патетические декламации о самодержавии и бюрократизме, о слепом повиновении, винтиках и колесиках, — декламации, настолько невинные, что в них еще очень и очень трудно отделить действительно принципиальный от действительно оппортунного смысла. Но — дальше в лес, больше дров: попытки анализа и точного определения ненавистного «бюрократизма» неизбежно ведут к автономизму, попытки «углубления» и обоснования неминуемо приводят к оправданию отсталости, к хвостизму, к жирондистским фразам. Наконец, в качестве единственного,

действительно определенного, и на практике поэтому выступающего особенно ярко (практика всегда идет впереди теории) принципа появляется принцип *анархизма*. Высмеивание дисциплины — автономизм — анархизм, вот та лесенка, по которой то спускается, то поднимается наш организационный оппортунизм, прыгая со ступеньки на ступеньку и искусно увертываясь от всякой определенной формулировки своих принципов *). Точь в точь та же градация наблюдается и на оппортунизме в программе и в тактике: высмеивание «ортодоксии», правоверия, узости и неподвижности — ревизионистская «критика» и министериализм — буржуазная демократия.

В тесной психологической связи с ненавистью к дисциплине стоит та неумолчная, тягучая нота *обиды*, которая звучит во всех писаниях всех современных оппортунистов вообще и нашего меньшинства в частности. Их преследуют, их теснят, их вышибают, их осаждают, их заезжают. В этих словечках гораздо больше психологической и политической правды, чем, вероятно, подозревал сам автор милой и остроумной шутки насчет заезжаемых и заезжателей [110]). Возьмите, в самом деле, протоколы нашего партийного съезда, — вы увидите, что меньшинство это все обиженные, все те, кого когда-либо и за что-либо обижала революционная социал-демократия. Тут бундовцы и рабочедельцы, которых мы «обижали» до того, что они ушли со съезда, тут южнорабочевцы, смертельно обиженные умерщвлением организаций вообще и их собственной в частности, тут

*) Кто припомнит прения о § 1, тот увидит теперь ясно, что ошибка т. Мартова и т. Аксельрода по § 1 *неизбежно* приводит, при ее развитии и углублении, к организационному оппортунизму. Основная идея тов. Мартова — самозачисление себя в партию — есть именно ложный «демократизм», идея построения партии снизу вверх. Наоборот, моя идея «бюрократична» в том смысле, что партия строится сверху вниз, от партийного съезда к отдельным партийным организациям. И психология буржуазного интеллигента, и анархические фразы, и оппортунистическое, хвостистское глубокомыслие, — все это наметилось уже в прениях о § 1. Тов. Мартов говорит в «Ос. пол.» (стр. 20) [Слова: «в «Ос. пол.» (стр. 20)» исключены в издании 1908 года. *Ред.*] о «начавшейся работе мысли» в новой «Искре». Это правда в том отношении, что он и Аксельрод действительно двигают мысль в новом направлении, начиная с § 1. Беда только в том, что направление это оппортунистическое. Чем дальше будут они «работать» в *этом* направлении, чем чище будет эта работа от кооптационных дрязг (Фраза: «чем чище ... дрязг» исключена в издании 1908 года. *Ред.*), тем глубже они будут увязать в болоте. (Дальнейшая часть примечания в издании 1908 года исключена. *Ред.*) Тов. Плеханов ясно видел это уже на съезде партии, и в статье «Чего не делать?» вторично предостерегал их: я готов, де, кооптировать вас даже, только не идите вы по этой дороге, которая ведет исключительно к оппортунизму и к анархизму. — Мартов и Аксельрод не послушались доброго совета: как? не идти? согласиться с Лениным, что кооптация есть одна только дрязга? Никогда! Мы ему покажем, что мы принципиальные люди! — И показали. Показали всем во-очию, что поскольку у них есть новые принципы, это — принципы оппортунизма.

тов. Махов, которого обижали всякий раз, когда он брал слово (ибо он всякий раз аккуратно срамился), тут, наконец, тов. Мартов и тов. Аксельрод, которых обидели «ложным обвинением в оппортунизме» за § 1 устава и поражением на выборах. И все эти горькие обиды были не случайным результатом непозволительных острот, резких выходок, бешеной полемики, хлопанья дверью и показыванья кулака, как думают и по сю пору очень и очень многие филистеры, а неизбежным политическим результатом всей трехлетней идейной работы «Искры». Если мы в течение этих трех лет не языком только распутничали, а выражали те убеждения, которые должны перейти в дело, то мы не могли не бороться на съезде с анти-искровцами и с «болотом». А когда мы, вместе с тов. Мартовым, который бился в первых рядах, с открытым забралом, переобидели такую кучу народа,— нам оставалось уже совсем немножечко, чуть-чуточку обидеть тов. Аксельрода и тов. Мартова, чтобы чаша оказалась переполненной. Количество перешло в качество. Произошло отрицание отрицания. Все обиженные забыли взаимные счеты, бросились с рыданиями в объятия друг к другу и подняли знамя «восстания против ленинизма» *).

Восстание — прекрасная вещь, когда восстают передовые элементы против реакционных. Когда революционное крыло восстает против оппортунистического, это хорошо. Когда оппортунистическое крыло восстает против революционного, это дурно.

Тов. Плеханову приходится участвовать в этом дурном деле в качестве, так сказать, военнопленного. Он старается «сорвать сердце», вылавливая отдельные неловкие фразы у автора той или иной резолюции в пользу «большинства», и восклицает при этом: «Бедный товарищ Ленин! Хороши же его ортодоксальные сторонники!» («Искра», № 63, приложение) [111]).

Ну, знаете ли, т. Плеханов, если я бедствую, то ведь редакция-то новой «Искры» совсем уже нищенствует. Как я ни беден, я еще не дошел до такого абсолютного обнищания, чтобы мне приходилось закрывать глаза на партийный съезд и отыскивать материал для упражнения своего остроумия в резолюциях комитетчиков. Как я ни беден, я в тысячу раз богаче тех, сторонники которых не случайно высказывают ту или иную неловкую фразу, а во всех вопросах, и в организационных, и в тактических, и в программных держатся упорно и стойко принципов, противоположных принципам революционной социал-

*) Это удивительное выражение принадлежит тов. Мартову. (Дальнейшая часть примечания в издании 1908 года исключена. *Ред.*) («Ос. пол.», стр. 68.) Тов. Мартов дождался того времени, когда он будет сам-пят, чтобы поднять «восстание» против меня одного. Неискусно полемизирует тов. Мартов: он хочет уничтожить своего противника тем, что говорит ему величайшие комплименты.

демократии. Как я ни беден, я еще не дошел до того, чтобы мне приходилось *скрывать от публики* преподносимые мне похвалы таких сторонников. А редакции новой «Искры» приходится делать это.

Знаете ли вы, читатель, что такое Воронежский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии? Если вы не знаете этого, то почитайте протоколы партийного съезда. Вы узнаете оттуда, что направление этого комитета всецело выражают тов. Акимов и тов. Брукэр, которые боролись по всей линии против революционного крыла партии на съезде и которые десятки раз относимы были к оппортунистам всеми, начиная от тов. Плеханова и кончая тов. Поповым.

И вот, этот Воронежский Комитет в январском листке своем (№ 12, 1904 г., январь) заявляет:

«В нашей непрестанно растущей Партии совершилось в прошлом году крупное и важное для Партии событие: состоялся второй съезд Р. С.-Д. Р. Партии — представителей ее организаций. Созыв съезда партии дело очень сложное и при условиях монархических очень рискованное, трудное дело, а потому не удивительно, что дело созыва съезда было исполнено *далеко не совершенно*, и сам съезд, хотя прошел совершенно благополучно, но не удовлетворил все требования, которые к нему предъявила Партия. Товарищи, которым было поручено конференцией (совещанием) 1902 года созвать съезд — были арестованы и *устраивали съезд лица, выделенные одним только направлением в русской социал-демократии — искрянским. Многие* организации социал-демократов, но не искрянские, не были привлечены к работам съезда: *отчасти потому* задача съезда по выработке *программы и устава* Партии исполнена *крайне несовершенно*, крупные пробелы в уставе, «могущие повести к опасным недоразумениям», признаются самими участниками съезда. На съезде сами искрянцы раскололись, и многие крупные деятели Р. С.-Д. Р. Партии нашей, раньше, казалось, целиком принимавшие программу действия «Искры», сознали нежизненность многих ее взглядов, проводимых *главным образом Лениным и Плехановым*. Хотя на съезде последние и взяли верх, но сила практической жизни, требования реальной работы, в ряду которой стоят и все неискрянцы, быстро исправляют ошибки теоретиков и после съезда уже внесли серьезные поправки. «*Искра*» *сильно изменилась и обещает* внимательно прислушиваться к требованиям деятелей вообще социал-демократии. Таким образом, хотя *работы съезда подлежат пересмотру* следующего съезда и, как очевидно для самих участников съезда, не являются удовлетворительными, *а потому и не могущими войти в Партию, как непреложные постановления*, но съезд выяснил положение дел в Партии, дал большой материал для дальнейшей теоретической и организационной деятельности Партии и явился громадным поучительным опытом для общепартийной работы. Постановления съезда и устав, им выработанный, будут всеми организациями *приняты во внимание*, но многие *воздержатся руководиться исключительно ими, ввиду* их очевидных несовершенств.

Воронежский Комитет, понимая всю важность общепартийной работы, живо *отзывался* на все вопросы по организации съезда. Он сознает всю важность происшедшего на съезде, *приветствует поворот, совершившийся в «Искре»*, сделавшейся Центральным Органом (главным органом). Хотя положение дел в Партии и в Ц. К. нас *еще* не удовлетворяет, но мы верим, что общими усилиями трудная работа организации Партии будет усовершенствована. Ввиду ложных слухов Воронежский Комитет заявляет товарищам, что о выходе Воронежского Комитета из Партии не может быть и речи. Воронежский Комитет прекрасно понимает, каким опасным прецедентом (примером) стал бы выход рабочей организации, какой является Воронежский Комитет, из Р. С.-Д. Р. П. и *каким бы это упреком легло на Партию* и как бы это было бы невыгодно рабочим организациям, могущим последовать такому примеру. Нам надо не создавать новых расколов, а настойчиво стремиться к объединению всех сознательных рабочих и социалистов в одну Партию. Притом второй съезд был съездом очередным, а не учредительным. Исключение из партии может быть лишь по партийному суду, и никакая организация, ни самый Центральный Комитет не имеют права исключать какую-либо социал-демократическую организацию из Партии. Больше того, на втором съезде принят восьмой параграф устава, по которому всякая организация в своих местных делах автономна (самостоятельна), а потому *Воронежский Комитет имеет полное право проводить свои организационные взгляды в жизнь и в Партию*».

Редакция новой «Искры», сославшись на этот листок в № 61, перепечатала вторую, набранную крупным шрифтом, часть приведенной тирады; первую же, набранную петитом, часть редакция *предпочла опустить*.

Стыдно стало.

c) НЕЧТО О ДИАЛЕКТИКЕ. ДВА ПЕРЕВОРОТА.

Бросая общий взгляд на развитие нашего партийного кризиса, мы легко увидим, что основной состав обеих борющихся сторон все время был, за малым исключением, один и тот же. Это была борьба революционного и оппортунистического крыла нашей партии. Но борьба эта проходила самые различные стадии, и точное знакомство с особенностями каждой из этих стадий необходимо иметь всякому, кто хочет разобраться в накопившейся уже громадной литературе, в массе отрывочных указаний, вырванных из связи цитат, отдельных обвинений и пр. и пр.

Перечислим главные стадии, явственно отличающиеся одна от другой: 1) Спор о § 1 устава. Чисто идейная борьба об основ-

ных принципах организации. Мы с Плехановым в меньшинстве. Мартов и Аксельрод предлагают оппортунистическую формулировку и оказываются в объятиях оппортунистов. 2) Раскол организации «Искры» по вопросу о списках кандидатов в Ц. К.: Фомин или Васильев в пятерке, Троцкий или Травинский в тройке. Мы с Плехановым завоевываем большинство (девять против семи), — отчасти именно благодаря тому, что мы были меньшинством по § 1. Коалиция Мартова с оппортунистами подтвердила на деле все мои опасения, вызванные инцидентом с О. К. 3) Продолжение споров о деталях устава. Мартова опять спасают оппортунисты. Мы опять в меньшинстве и отстаиваем права меньшинства в центрах. 4) Семерка крайних оппортунистов уходит со съезда. Мы оказываемся в большинстве и побеждаем коалицию (искровского меньшинства, «болота» и антиискровцев) на выборах. Мартов и Попов отказываются от мест в наших тройках. 5) Послесъездовская дрязга из-за кооптации. Разгул анархического поведения и анархической фразы. Наименее выдержанные и устойчивые элементы в «меньшинстве» берут верх. 6) Плеханов переходит, во избежание раскола, к политике «kill with kindness». «Меньшинство» занимает редакцию Ц. О. и Совет и атакует всеми силами Ц. К. Дрязга продолжает заполнять все и вся. 7) Первая атака на Ц. К. отбита. Дрязга начинает как будто несколько затихать. Получается возможность сравнительно спокойно обсуждать два чисто идейные, глубоко волнующие партию, вопроса: а) каково политическое значение и объяснение того деления нашей партии на «большинство» и «меньшинство», которое сложилось на втором съезде и заменило собой все старые деления? б) каково принципиальное значение новой позиции новой «Искры» по организационному вопросу? *)

Каждая из этих стадий характеризуется существенно отличной конъюнктурой борьбы и непосредственной целью атаки; каждая стадия представляет из себя, так сказать, отдельное сражение в одном общем военном походе. Нельзя ничего понять в нашей борьбе, если не изучить конкретной обстановки каждого сражения. Изучив же это, мы ясно увидим, что развитие действительно идет диалектическим путем, путем противоречий: меньшинство становится большинством, большинство меньшинством; каждая сторона переходит от обороны к нападению и от нападения к обороне; исходный пункт идейной борьбы (§ 1) «отрицается», уступая место все заполняющей дрязге **), но затем

*) Этот абзац исключен в издании 1908 года. *Ред.*

**) Трудный вопрос о разграничении дрязг и принципиального расхождения решается теперь сам собою: все, что относится к кооптации, есть дрязга; все, что относится к анализу борьбы на съезде, к спорам о § 1 и о повороте к оппортунизму и к анархизму, есть принципиальное расхождение.

начинается «отрицание отрицания» и, «ужившись» кое-как, с грехом пополам, с богоданной женой *) в различных центрах, мы возвращаемся к исходному пункту чисто-идейной борьбы, но уже этот «тезис» обогащен всеми результатами «антитезиса» и превратился в высший синтезис, когда изолированная, случайная ошибка по § 1 выросла в quasi-систему оппортунистических взглядов по организационному вопросу, когда связь этого явления с основным делением нашей партии на революционное и оппортунистическое крыло выступает перед всеми все более и более наглядно. Одним словом, не только овес растет по Гегелю, но и русские социал-демократы воюют между собой тоже по Гегелю.

Но великую гегелевскую диалектику, которую перенял, поставив ее на ноги, марксизм, никогда не следует смешивать с вульгарным приемом оправдания зигзагов политических деятелей, переметывающихся с революционного на оппортунистическое крыло партии, с вульгарной манерой смешивать в кучу отдельные заявления, отдельные моменты развития разных стадий единого процесса. Истинная диалектика не оправдывает личные ошибки, а изучает неизбежные повороты, доказывая их неизбежность на основании детальнейшего изучения развития во всей его конкретности. Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна... И еще не следует смешивать эту великую гегелевскую диалектику с той пошлой житейской мудростью, которая выражается итальянской поговоркой, meterre la coda dove non va il capo (просунуть хвост, где голова не лезет).

Итог диалектического развития нашей партийной борьбы сводится к двум переворотам. Партийный съезд был настоящим переворотом, как справедливо отметил тов. Мартов в своем «Еще раз в меньшинстве». Правы также и те остряки из меньшинства, которые говорят: мир движется революциями, вот мы и совершили революцию! Они действительно совершили после съезда революцию; правда и то, что мир, вообще говоря, движется революциями. Но конкретное значение каждой конкретной революции этим общим изречением еще не определяется: бывают революции вроде реакции, перефразируя незабвенное выражение незабвенного тов. Махова. Надо знать, революционное или оппортунистическое крыло партии являлось реальной силой, совершавшей переворот, надо знать, революционные или оппортунистические принципы воодушевляли бордов, чтобы определить, вперед или назад двигала «мир» (нашу партию) та или иная конкретная революция.

Наш партийный съезд был единственным в своем роде, невиданным явлением во всей истории русского революционного движения. Впервые удалось конспиративной революционной партии выйти из потемок подполья на свет божий, показав всем

*) Слова: «с богоданной женой» исключены в издании 1908 года. *Ред.*

и каждому весь ход и исход нашей внутренней партийной борьбы, весь облик нашей партии и каждой ее, сколько-нибудь заметной, части в вопросах программы, тактики и организации. Впервые удалось нам освободиться от традиции кружковой распущенности и революционной обывательщины, собрать вместе десятки самых различных групп, зачастую отчаянно враждовавших друг с другом, связанных исключительно силой идеи и готовых (в принципе готовых) пожертвовать всей и всяческой групповой особностью и групповой самостоятельностью в пользу великого, впервые на деле создаваемого нами, целого: *партии*. Но в политике жертвы не даются даром, а берутся с боя. Бой из-за умерщвления организаций неизбежно вышел страшно ожесточенным. Свежий ветер открытой свободной борьбы превратился в вихрь. Этот вихрь смел — и прекрасно, что смел! — все и всяческие остатки всех без исключения кружковщинских интересов, чувств и традиций, создав впервые действительно партийные должностные коллегии.

Но одно дело называться, другое дело быть. Одно дело жертвовать в принципе кружковщиной в пользу партии, другое дело отказываться от своего кружка. Свежий ветер оказался еще слишком свеж для привыкших к затхлой обывательщине. «Партия не вынесла своего первого конгресса», как справедливо выразился (печально справедливо выразился) т. Мартов в своем «Еще раз в меньшинстве». Обида за умерщвление организаций была слишком сильна. Бешеный вихрь поднял всю муть со дна нашего партийного потока, и эта муть взяла реванш. Старая заскорузлая кружковщина оспилила молодую еще партийность. Разбитое наголову оппортунистическое крыло партии одержало — временно, конечно, — верх над революционным крылом, подкрепившись случайной Акимовской добычей.

В итоге получилась новая «Искра», вынужденная развивать и углублять ошибку, сделанную ее редакторами на съезде партии. Старая «Искра» учила истинам революционной борьбы. Новая «Искра» учит житейской мудрости: уступчивости и уживчивости. Старая «Искра» была органом воинствующей ортодоксии. Новая «Искра» преподносит нам отрыжку оппортунизма — главным образом в вопросах организационных. Старая «Искра» заслужила себе почетную нелюбовь и русских и западно-европейских оппортунистов. Новая «Искра» «поумнела» и скоро перестанет стыдиться похвал, расточаемых по ее адресу крайними оппортунистами. Старая «Искра» неуклонно шла к своей цели, и слово не расходилось у нее с делом. В новой «Искре» внутренняя фальшь ее позиции неизбежно порождает — независимо даже от чьей бы то ни было воли и сознания — политическое лицемерие. Она кричит против кружковщины, чтобы прикрыть победу кружковщины над партийностью. Она фарисейски осуждает раскол, как будто бы можно было представить себе какое-либо другое средство против

раскола в сколько-нибудь организованной сколько-нибудь партии, кроме подчинения меньшинства большинству. Она заявляет о необходимости считаться с революционным общественным мнением и, скрывая похвалы Акимовых, занимается мелким сплетничеством про комитеты революционного крыла партии *). Какой позор! Как они осрамили нашу старую «Искру»!

Шаг вперед, два шага назад... Это бывает и в жизни индивидуумов, и в истории наций, и в развитии партий. Было бы преступнейшим малодушием усомниться хоть на минуту в неизбежном, полном торжестве принципов революционной социал-демократии, пролетарской организации и партийной дисциплины. Мы завоевали уже очень многое, мы должны бороться и дальше, не падая духом при неудачах, бороться выдержанно, презирая обывательские приемы кружковой свалки, до последней возможности охраняя созданную с такими усилиями единую партийную связь всех социал-демократов России и добиваясь упорным и систематическим трудом полного и сознательного ознакомления всех членов партии и рабочих в особенности с партийными обязанностями, с борьбой на II партийном съезде, со всеми причинами и перипетиями нашего расхождения, со всей гибельностью оппортунизма, который и в области организационного дела так же беспомощно пасует пред буржуазной психологией, так же некритически перенимает точку зрения буржуазной демократии, так же притупляет оружие классовой борьбы пролетариата, как и в области нашей программы и нашей тактики.

У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации. Разъединяемый господством анархической конкуренции в буржуазном мире, придавленный подневольной работой на капитал, отбрасываемый постоянно «на дно» полной нищеты, одичания и вырождения, пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса. Перед этой армией не устоит ни одряхлевшая власть русского самодержавия, ни дряхлеющая власть международного капитала. Эта армия все теснее и теснее будет смыкать свои ряды, несмотря ни на какие зигзаги и шаги назад, несмотря на оппортунистические фразы жирондистов современной социал-демократии, несмотря на самодовольное восхваление отсталой кружковщины, несмотря на блестки и шумиху *интеллигентского* анархизма.

---

*) Для этого милого занятия выработалась уже и стереотипная форма, наш собственный корреспондент X сообщает про комитет большинства Y: что он дурно обошелся с товарищем из меньшинства Z. (Это примечание исключено в издании 1908 года. *Ред.*)

Приложение *).

ИНЦИДЕНТ ТОВ. ГУСЕВА С ТОВ. ДЕЙЧЕМ.

Сущность этого инцидента, тесно связанного с так называемым «фальшивым» (по выражению тов. Мартова) списком, упомянутым в письме т.т. Мартова и Старовера, которое приведено в тексте § i, состоит в следующем. Тов. Гусев сообщил тов. Павловичу, что этот список, состоявший из т.т. Штейна, Егорова, Попова, Троцкого и Фомина, был передан ему, Гусеву, тов. Дейчем (стр. 12 «Письма» тов. Павловича). Тов. Дейч обвинял за это сообщение тов. Гусева в «умышленной клевете», и товарищеский третейский суд признал «сообщение» тов. Гусева «*неправильным*» (см. резолюцию суда в № 62 «Искры»). После того, как *редакция* «Искры» напечатала резолюцию суда, *тов. Мартов* (уже не редакция) выпустил отдельный листок под заглавием: «Резолюция товарищеского третейского суда», где перепечатал целиком не только резолюцию суда, но и полный отчет обо всем разборе дела, а также *свое послесловие*. В этом послесловии тов. Мартов, между прочим, называет «позорным» «факт подделки списка в интересах фракционной борьбы». На этот листок ответили делегаты II съезда т.т. Лядов и Горин листком под заглавием: «Четвертое лицо в третейском суде», где они «энергично протестуют против того, что тов. Мартов позволяет себе идти дальше решений суда, приписывая тов. Гусеву дурные мотивы», тогда как суд наличности умышленной клеветы не признал, а постановил исключительно, что сообщение тов. Гусева неправильно. Т.т. Горин и Лядов подробно объясняют, что сообщение тов. Гусева могло быть вызвано вполне естественной ошибкой, и характеризуют, как «*недостойное*», поведение тов. Мартова, который сам делал (и делает в своем листке) ряд ошибочных заявлений, произвольно приписывая тов. Гусеву дурной умысел. Дурного умысла, говорят они, тут вообще и быть не могло. Вот, если я не ошибаюсь, вся «литература» по этому вопросу, содействовать разъяснению которого я считаю своим долгом.

---

*) «Приложение» исключено в издании 1908 года. *Ред.*

Прежде всего, необходимо, чтобы читатель дал себе точный отчет относительно времени и условий возникновения этого списка (списка кандидатов в Ц. К.). Как я уже указывал в тексте, организация «Искры» совещалась на съезде относительно списка кандидатов в Ц. К., каковой список она могла бы сообща предложить съезду. Совещание кончилось расхождением; большинство организации «Искры» приняло список: Травинский, Глебов, Васильев, Попов и Троцкий, но меньшинство не пожелало уступить, настаивая на списке: Травинский, Глебов, Фомин, Попов, Троцкий. Обе части организации «Искры» не собирались уже вместе после того собрания, на котором были выдвинуты и провотированы эти списки. Обе части пошли в свободную агитацию на съезде, желая решить разделявший их спорный вопрос вотумом всего партийного съезда и стараясь привлечь возможно большее число делегатов на свою сторону. Эта свободная агитация на съезде сразу обнаружила тот политический факт, который так подробно проанализирован мной в тексте, именно: необходимость для меньшинства искровцев (с Мартовым во главе) опереться на «центр» (болото) и на анти-искровцев для победы над нами. Это было необходимо, потому что громадное большинство делегатов, последовательно отстаивавших программу, тактику и организационные планы «Искры» против натиска анти-искровцев и «центра», очень быстро и очень твердо встало на нашу сторону. Из 33 делегатов (точнее: голосов), не принадлежащих ни к анти-искровцам, ни к «центру», мы очень быстро завоевали себе 24 и заключили «прямое соглашение» с ними, образовали «компактное большинство». Товарищ же Мартов оставался всего с девятью голосами; для победы ему необходимы были все голоса анти-искровцев и «центра», с каковыми группами он мог идти вместе (как и по § 1 устава), мог «коалировать», т.-е. мог иметь их поддержку, но *не мог* заключить прямого соглашения, не мог именно потому, что в течение всего съезда он не менее резко, чем мы, боролся с этими группами. В этом-то и состоял трагикомизм положения тов. Мартова! Тов. Мартов хочет уничтожить меня в своем «Осадном положении» убийственно ядовитым вопросом: «почтительно просим тов. Ленина прямо ответить на вопрос: посторонним *кому* являлся на съезде «Южный Рабочий»?» (стр. 23, прим.). Отвечаю почтительно и прямо: посторонним по отношению к тов. Мартову. Доказательство: я очень быстро заключил прямое соглашение с искровцами, а тов. Мартов не заключил и не мог заключить прямого соглашения ни с «Южным Рабочим», ни с тов. Маховым, ни с тов. Брукэром.

Только уяснив себе эту политическую ситуацию, можно понять, в чем «гвоздь» больного вопроса о пресловутом «фальшивом» списке. Представьте себе конкретно положение дела: организация «Искры» раскололась, и мы свободно агитируем на

съезде, защищая свои списки. При этой защите в массе отдельных частных бесед списки комбинируются на сотни ладов, вместо пятерки, намечают тройку, предлагают всевозможные замены одного кандидата другим. Я, например, хорошо помню, что в частных беседах большинства выдвигались и затем, после обсуждения и споров, отклонялись кандидатуры т.т. Русова, Осипова, Павловича, Дедова. Очень может быть, что выдвигались и другие, неизвестные мне, кандидатуры. Каждый делегат съезда высказывал в беседах свое мнение, предлагал поправки, спорил и т. д. В высшей степени трудно предположить, чтобы это имело место исключительно среди большинства. Даже несомненно, что среди меньшинства происходило то же самое, ибо первоначальная их пятерка (Попов, Троцкий, Фомин, Глебов, Травинский) заменилась потом, как мы видели из письма т.т. Мартова и Старовера, тройкой: Глебов, Троцкий, Попов, при чем Глебов им не нравился, и они охотно заменяли его Фоминым (см. листок т.т. Лядова и Горина). Не надо забывать, что те группы, на которые я делю делегатов съезда в тексте брошюры, размежеваны мной на основании анализа, произведенного post factum: в действительности же эти группы в предвыборной агитации только намечались, и обмен мнений между делегатами шел совершенно свободно; никакой «стены» между нами не было, и каждый говорил с любым делегатом, с кем он только желал говорить частным образом. Нет ровно ничего удивительного в том, что при такой обстановке среди всевозможных комбинаций и списков возник, на-ряду со списком меньшинства организации «Искры» (Попов, Троцкий, Фомин, Глебов, Травинский), не очень много отличающийся от него список: Попов, Троцкий, Фомин, Штейн и Егоров. Возникновение такой комбинации кандидатов в высшей степени естественно, потому что наши кандидаты, Глебов и Травинский, заведомо не нравились меньшинству организации «Искры» (см. их письмо в тексте § i, где они удаляют из тройки Травинского, а про Глебова прямо говорят, что это — компромисс). Замена Глебова и Травинского членами Орг. Комитета, Штейном и Егоровым, была совершенно натуральна, и было бы странно, если бы никому из делегатов партийного меньшинства не пришла в голову идея такой замены.

Рассмотрим теперь два следующих вопроса: 1) от кого исходил список: Егоров, Штейн, Попов, Троцкий, Фомин? и 2) почему тов. Мартов глубоко возмущался приписыванием ему такого списка? Чтобы ответить *точно* на первый вопрос, необходимо было бы произвести опрос всех делегатов съезда. Теперь это невозможно. Необходимо было бы, в особенности, выяснить, какие делегаты партийного меньшинства (не надо смешивать его с меньшинством организации «Искры») слышали на съезде о списках, вызвавших раскол организации «Искры»? как отнеслись

ош к обоим спискам большинства и меньшинства организации «Искры»? не предлагали ли и не слыхали ли каких-либо предположений или мнений относительно желательного видоизменения списка меньшинства организации «Искры»? К сожалению, эти вопросы не были предложены, повидимому, и на третейском суде, которому (судя по тексту решения) осталось даже неизвестным, из-за каких «пятерок» разошлась организация «Искры». Тов. Белов, например (относимый мной к «центру»), «показал, что он был в добрых товарищеских отношениях с Дейчем, который делился с ним своими впечатлениями по поводу работ съезда, и если бы Дейч вел какую-либо агитацию за тот или другой список, то он сообщил бы об этом и Белову». Нельзя не пожалеть, что осталось невыясненным, делился ли тов. Дейч на съезде с тов. Беловым впечатлениями по поводу списков организации «Искры»? и если да, то как относился тов. Белов к пятерному списку меньшинства организации «Искры»? не предлагал ли или не слыхал ли о каких-либо желательных изменениях в нем? Благодаря невыясненности этого обстоятельства получается то противоречие в показаниях т.т. Белова и Дейча, которое уже отметили т.т. Горин и Лядов, именно, что тов. Дейч, вопреки своим утверждениям, «вел агитацию в пользу тех или других кандидатов Ц. К.», намеченных организацией «Искры». Тов. Белов показывает далее, что «о циркулировавшем на съезде списке он узнал, частным образом, дня за два до окончания съезда, встретившись с т.т. Егоровым, Поповым и делегатами харьковского комитета. При этом Егоров выразил удивление по поводу того, что его имя помещено в списке кандидатов в Ц. К., так как, по его, Егорова, мнению, его кандидатура не могла бы внушить сочувствия среди делегатов на съезде, как большинства, так и меньшинства». Крайне характерно, что здесь говорится, очевидно, о меньшинстве *организации «Искры»*, ибо среди остального меньшинства партийного съезда кандидатура тов. Егорова, члена О. К. и видного оратора «центра», не только могла, но, по всей вероятности, должна была бы встретить сочувствие. К сожалению, именно о сочувствии или несочувствии тех членов партийного меньшинства, которые не принадлежали к организации «Искры», мы не узнаем ничего от тов. Белова. А между тем этот-то вопрос и важен, ибо тов. Дейч возмущался приписыванием этого списка меньшинству организации «Искры», а список мог исходить от меньшинства, не принадлежавшего к этой организации!

Разумеется, в настоящее время очень трудно припомнить, кто первый высказал предположение о такой комбинации кандидатов и от кого услыхал об ней каждый из нас. Я, напр., не берусь припомнить не только этого, но и того, кто именно из большинства первый выдвинул упоминавшиеся мной кандида-

туры Русова, Дедова и других; из массы разговоров, предположений, слухов о всевозможных комбинациях кандидатов в моей памяти запечатлелись только те «списки», которые прямо ставились на вот в организации «Искры» или на частных собраниях большинства. «Списки» эти большей частью передавались устно (в моем «Письме в редакцию «Искры»», стр. 4, строка 5 снизу, я называю «списком» именно устно предложенную мной на собрании комбинацию пяти кандидатов), но сплошь да рядом заносились и на записки, которые вообще посылались от делегата к делегату во время заседаний съезда и уничтожались обыкновенно после заседания.

Раз нет точных данных о происхождении пресловутого списка, остается предположить, что либо неизвестный меньшинству организации «Искры» делегат партийного меньшинства высказался за такую комбинацию кандидатов, которую мы имеем в этом списке, и эта комбинация, в устном и письменном виде, пошла гулять по съезду; либо за эту комбинацию высказался на съезде кто-либо из членов меньшинства организации «Искры», впоследствии забывший об этом. Более вероятным мне кажется второе предположение, и вот почему: кандидатура тов. Штейна, *несомненно*, встречала еще на съезде сочувствие меньшинства организации «Искры» (см. в тексте моей брошюры), а к идее о кандидатуре тов. Егорова *это* меньшинство, несомненно, пришло после съезда (ибо и на съезде Лиги, и в «Осадном положении» выражается сожаление о неутверждении Организационного Комитета Центральным Комитетом, а тов. Егоров был членом О. К.). Не естественно ли предположить, что эта, носившаяся, очевидно, в воздухе, идея о превращении членов О. К. в члены Ц. К. была высказана кем-нибудь из членов меньшинства в частном разговоре и на съезде партии?

Но тов. Мартов и тов. Дейч склонны, вместо естественного объяснения, усматривать непременно какую-то *грязь*, подвох, нечто нечестное, распространение «*заведомо* ложных слухов, с *целью* опорочить», «*подделку в интересах фракционной борьбы*» и т. п. Это болезненное стремление может быть объяснено только нездоровыми условиями эмигрантской жизни или ненормальным состоянием нервов, и я не стал бы даже и останавливаться на этом вопросе, если бы дело не дошло до недостойного посягательства на честь товарища. Подумайте только: какие основания могли быть у т.т. Дейча и Мартова искать грязного, дурного умысла в неверном сообщении, в неверном слухе? Их больное воображение нарисовало им, очевидно, такую картину, что большинство «порочило» их не указанием на политическую ошибку меньшинства (§ 1 и коалиция с оппортунистами), а приписыванием меньшинству «заведомо-ложных», «подделанных» списков. Меньшинство предпочитало объяснить дело не своей

ошибкой, а грязными, нечестными, позорными приемами большинства! До какой степени безрассудно искать дурного умысла в «неправильном сообщении», это мы показали уже и выше, обрисовав обстановку дела; это ясно видел и товарищеский третейский суд, который никакой клеветы и ничего злоумышленного, ничего позорного не констатировал. Это, наконец, всего нагляднее доказывается тем фактом, что уже на съезде партии, еще до выборов, меньшинство организации «Искры» объяснялось с большинством по поводу неверного слуха, а тов. Мартов объяснялся даже в письме, которое было прочтено на собрании всех 24 делегатов большинства! Большинство и не думало скрывать от меньшинства организации «Искры», что на съезде циркулирует такой-то список: тов. Ленский сказал об этом тов. Дейчу (см. решение суда), тов. Плеханов говорил об этом тов. Засулич («с ней невозможно говорить, она, кажется, принимает меня за Трепова» — сказал мне тов. Плеханов, и эта шутка, много раз повторявшаяся, показывает еще раз ненормальное возбуждение меньшинства), я заявил тов. Мартову, что его утверждения (о непринадлежности списка ему, Мартову) для меня достаточно (протоколы Лиги, стр. 64). Тогда тов. Мартов (помнится, вместе с тов. Старовером) прислал нам записку в бюро, следующего приблизительно содержания: «Большинство редакции «Искры» просит допустить его на частное собрание большинства для опровержения распространяемых против него позорящих слухов». Мы с Плехановым ответили на этой же записке: «Никаких позорящих слухов мы не слыхали. Если требуется собрание редакции, то об этом надо условиться особо. Ленин. Плеханов». Придя вечером на собрание большинства, мы рассказали об этом всем 24-м делегатам. Чтобы устранить возможность всяких недоразумений, решено было выбрать сообща делегатов от всех нас 24-х и послать этих делегатов объясниться с т.т. Мартовым и Старовером. Выбранные делегаты, т.т. Сорокин и Саблина, пошли и объяснили, что никто специально Мартову или Староверу списка не приписывает особенно после их заявления и что вовсе не важно, от меньшинства ли организации «Искры» или от непринадлежащего к этой организации меньшинства съезда исходит так или иначе этот список. Ведь не дознание же, в самом деле, производить на съезде! не опрашивать же всех делегатов насчет такого списка! Но т.т. Мартов и Старовер, кроме того, написали нам еще письмо с формальным опровержением (см. § i). Письмо это наши уполномоченные, т.т. Сорокин и Саблина, прочли на собрании 24-х. Казалось бы, инцидент можно уже считать законченным, — законченным не в смысле розысков о происхождении списка (если это кому интересно), а в смысле полнейшего устранения всякой мысли о каком бы то ни было намерении «повредить меньшинству»

или «опорочить» кого-либо или воспользоваться «подделкой в интересах фракционной борьбы». Между тем тов. Мартов в Лиге (стр. 63 — 64) опять вытаскивает эту вымученную больным воображением грязь, при чем делает целый ряд *неправильных сообщений* (очевидно, вследствие своего возбужденного состояния). Он говорил, что в списке был бундовец. Это неверно. Все свидетели на третейском суде, и т.т. Штейн и Белов в том числе, подтверждают, что список был с тов. Егоровым. Тов. Мартов говорил, что список означал коалицию в смысле прямого соглашения. Это неверно, как я уже объяснил. Тов. Мартов говорит, что других списков, исходящих от меньшинства организации «Искры» (и способных оттолкнуть от этого меньшинства большинство съезда), «не было даже и подделано». Это неверно, ибо все большинство партийного съезда знало не менее трех списков, исходивших от тов. Мартова и К° и не встретивших одобрения большинства (см. листок Лядова и Горина).

Почему так возмущал вообще этот список тов. Мартова? Потому, что список означал поворот к правому крылу партии. Тогда тов. Мартов вопиял против «ложного обвинения в оппортунизме», возмущался «неправильной характеристикой его политической позиции», а теперь все и каждый видят, что вопрос о принадлежности известного списка тов. Мартову и тов. Дейчу никакого политического значения сыграть не мог, что *по существу, независимо ни от этого, ни от какого другого списка,* обвинение было не ложно, а истинно, характеристика политической позиции была совершенно правильна.

Итог этого тяжелого, вымученного дела о пресловутом фальшивом списке получается следующий:

1) Посягательство тов. Мартова на честь тов. Гусева посредством криков о «позорном факте подделки списка в интересах фракционной борьбы» нельзя не назвать, вместе с т.т. Горшным и Лядовым, недостойным.

2) В интересах оздоровления атмосферы и избавления членов партии от обязанности брать всерьез всякие больные выходки, может быть, следовало бы на третьем съезде установить такое правило, которое есть в организационном уставе немецкой соц.-дем. рабочей партии. § 2 этого устава гласит: «К партии не может принадлежать тот, кто оказался виновным в грубом нарушении принципов партийной программы или в бесчестном поступке. Вопрос о дальнейшей принадлежности к партии решает третейский суд, созываемый партийным правлением. Половину судей назначает тот, кто предлагает исключение, другую половину — тот, кого хотят исключить, а председателя назначает правление партии. Апелляция на решение третейского суда допускается в контрольную комиссию или в партийный съезд». Подобное правило может послужить хорошим

орудием борьбы против всех тех, кто легкомысленно бросает обвинения (или распространяет слухи) относительно чего бы то ни было бесчестного. При существовании такого правила все такие обвинения раз-на-всегда относимы были бы к недостойным сплетням, пока у тех, кто обвиняет, не находится нравственного мужества выступить *перед партией* в роли обвинителя и добиваться вынесения вердикта подлежащим партийным учреждением.

ПЕРВОЕ МАЯ [112]).

Товарищи-рабочие! Наступает день первого мая, когда рабочие всех стран празднуют свое пробуждение к сознательной жизни, празднуют свое объединение в борьбе против всякого насилия и всякого угнетения человека человеком, в борьбе за освобождение миллионов трудящихся от голода, нищеты и унижения. Два мира стоят друг против друга в этой великой борьбе: мир капитала и мир труда, мир эксплуатации и рабства, против мира братства и свободы.

На одной стороне кучка богатых хищников. Они захватили в свои руки миллионы десятин земли, превратили в свою частную собственность фабрики и заводы, орудия и машины. Они заставили правительство и войско быть их слугой, быть верным стражем накопленного ими богатства.

На другой стороне — миллионы обездоленных. Они должны выпрашивать у богачей позволения работать на них. Они создают своим трудом все богатства, а сами бьются всю жизнь из-за куска хлеба, просят, как милости, работы, надрывают себе силы и здоровье непосильным трудом, голодают в деревенских лачугах, в подвалах и чердаках больших городов.

И вот, эти обездоленные и трудящиеся объявили войну богачам и эксплуататорам. Рабочие всех стран борются за освобождение труда от наемного рабства, от нищеты и нужды. Они борются за такое устройство общества, в котором созданные общим трудом богатства шли бы на пользу всем трудящимся, а не горстке богачей. Они добиваются превращения земель, фабрик, заводов, машин в общую собственность всех работников. Они хотят, чтобы не было богатых и бедных, чтобы плоды труда доставались тем, кто трудится, чтобы все завоевания человеческого

ума, все улучшения в работе облегчали жизнь того, кто работает, а не служили орудием угнетения работника.

Великая борьба труда против капитала стоила массы жертв рабочим всех стран. Много крови пролили они, отстаивая свое право на лучшую жизнь и на настоящую свободу. Нет числа тем преследованиям, которым подвергают правительства бойцов за рабочее дело. Но союз рабочих всего мира растет и крепнет, несмотря ни на какие преследования. Рабочие все теснее объединяются в социалистические партии, число сторонников социалистических партий поднимается до миллионов, и они шаг за шагом неуклонно подвигаются к полной победе над классом капиталистов-эксплуататоров.

Проснулся и русский пролетариат к новой жизни. Примкнул и он к этой великой борьбе. Прошли те времена, когда рабочий покорно гнул спину, не видя выхода из своего подъяремного житья, не видя света в своей каторжной жизни. Социализм указал этот выход и за красным знаменем, как за путеводной звездой, пошли тысячи и тысячи бойцов. Стачка научила рабочих давать отпор, она показала, какой грозой для капитала является организованный рабочий. Рабочие увидали во-очию, что их трудом живут и богатеют капиталисты и правительство. В рабочих пробудилась жажда совместной борьбы, стремление к свободе и к социализму. Рабочие поняли, какой злой и темной силой является царское самодержавие. Рабочим нужен простор для борьбы, а царское правительство связывает их по рукам и ногам. Рабочим нужны свободные собрания, свободные союзы, свободные книжки и газеты, а царское правительство давит тюрьмой, нагайкой и штыком всякое стремление к свободе. Клич: «долой самодержавие!» пронесся по всей России. Все чаще и чаще повторялся этот клич на улицах, на многотысячных собраниях рабочих. Летом прошлого года поднялись десятки тысяч рабочих на всем юге России, поднялись на борьбу за лучшую жизнь, за свободу от полицейского гнета. Буржуазия и правительство содрогнулись при виде грозной рабочей армии, которая одним ударом останавливала всю промышленность громадных городов. Десятки бойцов за рабочее дело пали под пулями царского войска, посланного против внутреннего врага.

На самом деле внутренний враг не может быть побежден никакой силой, потому что его трудом только и держатся правящие классы и правительство. Нет такой силы на земле, что сломила бы миллионы рабочих, которые становятся все более сознательными, все более объединенными и организованными. Каждое поражение рабочих поднимает новые ряды бойцов, заставляет более широкие массы проснуться к новой жизни и готовиться к новой борьбе.

Преступно начатая самодержавием война с Японией только

ускорит час его гибели. Она откроет глаза самым несознательным рабочим на сущность современного государственного строя. Она уже раскрыла всю внутреннюю гнилость царящих у нас порядков, и недалеко время, когда миллионы русских граждан поймут необходимость решительной борьбы за уничтожение самодержавия.

Наш народ нищает и мрет от голода у себя дома, а его втянули в разорительную войну из-за новых земель, лежащих за тысячи верст и населенных чуждым племенем. Наш народ стонет от политического рабства, а его втянули в войну за порабощение новых народов. Наш народ требует перестройки внутренних политических порядков, а его внимание хотят отвлечь громом пушек на другом конце света.

Протестовать против этой преступной и разорительной войны должны все сознательные пролетарии России. Они должны в день 1 мая — в день международного праздника рабочего класса — показать, что пролетариат не признает национальной вражды, что русские и японские рабочие, вынужденные своими правительствами сражаться во вражеских рядах, сознают себя членами одного класса, связанными братской солидарностью. Та же эксплуатация капитала гнетет и японских рабочих, то же положение низшего класса занимают они в своей стране. Как и русские рабочие, они вступили уже в борьбу за свое освобождение. И в то время, как на берегах Тихого океана тысячи человеческих жизней истребляются ради интересов правительств и эксплуататоров, русские и японские сознательные рабочие требуют мира, выступая единственными защитниками дела человечества, дела цивилизации. И во имя этого дела русские рабочие требуют уничтожения самодержавия, этого палача свободных народов, разоряющего свой собственный народ и охраняющего все виды эксплуатации, гнета и порабощения.

Старая Россия умирает. На ее место идет свободная Россия. Темные силы, которые охраняли царское самодержавие, гибнут. Но только сознательный и организованный пролетариат в состоянии нанести смертельный удар этим темным силам. Только сознательный и организованный пролетариат в состоянии отвоевать народу настоящую, неподдельную свободу. Только сознательный и организованный пролетариат в состоянии дать отпор всякой попытке обмануть народ, урезать его права, сделать его простым орудием в руках буржуазии.

Товарищи-рабочие! Давайте же с удесятеренной энергией готовиться к близкой решительной борьбе! Пусть крепче смыкаются ряды социал-демократов-пролетариев! Пусть шире и шире разносится их проповедь! Пусть смелее поднимается агитация за рабочие требования! Пусть праздник первого мая привлечет к нам тысячи новых бойцов и удвоит наши силы в великой

борьбе за свободу всего народа, за освобождение всех трудящихся от гнета капитала!

Долой войну!

Да здравствует восьмичасовой рабочий день!

Да здравствует международная революционная социал-демократия!

Долой преступное и разбойническое царское самодержавие!

Центральный Комитет.
Редакция Центрального Органа
Российской Социал-Демократической
Рабочей Партии.

Написано в апреле 1904 г.
Напечатано в апреле 1904 г. отдельным листком.

Печатается по тексту листка.

ПИСЬМО ЧЛЕНАМ Ц. К. [113]).

Дорогие друзья! Борис передал мне, что пятеро членов Ц. К. (он, Лошадь, Валентин, Митрофан и Травинский) вынесли мне порицание за мой вотум в Совете в пользу съезда и за мою агитацию в пользу съезда. Я прошу каждого из пяти подтвердить мне этот факт или разъяснить его, ибо я не постигаю, *как* можно порицать члена коллегии за то, что этот член сделал по праву и по обязанности. Можно не соглашаться с ним, можно отозвать его из Совета, но «порицать» странно, ибо пока я был в Совете, *я не мог не* вотировать по своему убеждению. Равно и агитация за съезд есть право всякого члена партии и всякого члена Ц. К., так что полномочия коллегии по отношению к члену не могут (ни формально, *ни морально*) ограничить в этом праве никого из нас. Я обязан лишь сообщать, что половина или больше половины Ц. К. против съезда.

Что касается Совета, то дело устроилось теперь так: Борис назначен (пятью голосами, как он говорит) вместо Кола. Моя отставка (как он говорит) не принята. Я беру назад свою отставку и остаюсь в Совете. С этой стороны конфликт улажен, и я прошу лишь разъяснений по поводу «порицания».

Но гораздо важнее конфликт следующий: Борис заявил мне, что он считает невозможным оставаться в Ц. К., если я (1) не прекращу агитации за съезд и (2) не буду противодействовать съезду. Разумеется, я не могу сделать ни того, ни другого и потому ответил Борису, что объяснюсь со *всеми* коллегами из Ц. К., а затем *дам ему ответ*, который будет состоять в том: ухожу *я* из Ц. К. или нет. По поводу этого конфликта, грозящего привести к отставке одного из нас (или даже одной из двух частей Ц. К.), я считаю крайне важным обстоятельное объяснение, не сгоряча и со знанием дела. Я в большой претензии на Бориса за то, что он выдвинул свой «ультиматум», не прочитав ни *протоколов Совета* (крайне важны!), ни моей брошюры *),

*) См. настоящий том, стр. 155. *Ред.*

где я выясняю свою *принципиальную* позицию. Разумно ли обострять конфликт, не разобравшись в очень сложном вопросе?? Разумно ли обострять его, когда *в основе* мы солидарны (по крайней мере, та декларация от имени Ц. К., которую писал Валентин, которая была послана к нам, но *не дошла*, и о которой мне рассказал Борис, подчеркивает нашу общую принципиальную позицию в организационном вопросе, в отличие от оппортунистической позиции меньшинства)? Даже относительно съезда мы расходимся лишь в вопросе о сроке, ибо Борис вовсе не зарекается созвать съезд $^1/_2$ годом—годом позже. Посмотрите, что выходит: съезд по закону должен быть будущим летом; я считаю, что в *лучшем* случае, в случае полнейшего успеха нашей агитации созыв *невозможен* раньше чем через полгода, а вероятнее, что затянется и дальше. Оказывается, что наше «разногласие» сводится к определению момента! Разумно ли из-за этого расходиться? Посмотрите на дело с чисто политической точки зрения: Борис говорит, что агитация за съезд несовместима с укреплением положительной работы и первая вредит второму. Я не разделяю мнения об этой несовместимости, но допустим даже, что Борис прав. Допустим, что он добьется ухода из Ц. К. несогласномыслящих с ним по этому вопросу. Какой будет результат? *Несомненно,* страшное обострение агитации, обострение отношений большинства к Ц. К., обострение и для Бориса неприятной ему работы противодействия съезду. Расчет ли обострять так дело? Борис говорит, что он против съезда, ибо съезд есть раскол. Я думаю, что Борис тут неправильно учитывает настоящую и завтрашнюю ситуацию, но если даже Борис прав, то, добившись нашего ухода из Ц. К., он этим страшно *усилит* вероятность раскола, именно тем, что несомненно обострит ситуацию. Обострение конфликта внутри Ц. К. нерассчетливо ни с какой точки зрения.

По существу, мы расходимся с Борисом *лишь* в том, что он считает раскол на 3-ем съезде неизбежным, а я невероятным. Мы оба думаем, что 3-ий съезд даст большинство за нас. Борис думает, что меньшинство уйдет из партии: ни нам, ни Мартову не удержать, де, крайних. Я думаю, что Борис не учитывает быстро эволюционирующей ситуации, которая сегодня не та, что вчера, а завтра будет не та, что сегодня. Борис стоит на точке зрения вчерашней ситуации (когда дрязга отодвигала на задний план принципы, когда *можно было* надеяться на сглаживание, на затушевывание, на успех личных уступок). Эта ситуация миновала, как я обстоятельно доказываю в своей брошюре и как доказывает повальное недовольство новой Искрой (даже столь мягких людей, как литературная группа при Ц. К. в России). Сегодняшняя ситуация уже другая: принципы оттесняют дрязгу. Дело уже не в кооптации, далеко нет. Дело в том, *права ли в принципе новая Искра?* Именно недовольство принципиальной

позицией новой Искры, которое неизбежно будет расти и расти, вызывает все сильнее агитацию за съезд: этого обстоятельства не оценивает Борис. Завтрашняя ситуация еще дальше отодвинет назад дрязгу. С одной стороны, и меньшинство морально и политически не сможет уйти (*потерян* момент для этого, который был после съезда Лиги). С другой стороны, как я заявлял *уже в Совете* (*еще* раз прошу вас всех прочесть обязательно протоколы Совета, раньше чем рубить трудный вопрос), мы вовсе не против сделки. Я говорю всем и каждому, что я лично *безусловно* готов (1) гарантировать всем старым редакторам издание на счет партии всего, что они напишут, без изменений и без примечаний; (2) приостановить до 4-го съезда право Ц.К. вводить и исключать членов местных комитетов; (3) гарантировать особой резолюцией особенно больные права *меньшинства* и даже (4)—*условно, на случай крайности,*—сделать Искру нейтральной, устранив из нее обоюдную полемику (посредством комиссии практиков от обеих сторон и т. п.). Я думаю, что меньшинство 3-го съезда, будучи небольшим меньшинством, не сможет при такой ситуации уйти со съезда. Я думаю, что на 3-ем съезде мы окончательно рассеем, формальными решениями рассеем мираж «осадного положения» и добьемся того, что споры будут идти, *не мешая положительной работе*. Ведь в этом гвоздь кризиса! этого я добивался на Совете, за это наверное будет $^{8}/_{10}$ съезда! Я прекрасно знаю, что этого добивается и Борис, но без съезда этого не добиться. Ошибочно думает Борис, что мы начали натиск (агитацией за съезд) и что меньшинство раззадорено этим. Наоборот: только после ряда писем и призывов до Совета и в Совете мы высказались за съезд, и только агитацией мы показали несколько свою силу. Кто не хочет попасть в смешное (хорошо еще, если только смешное!) положение Плеханова (прочтите фельетон в № 65) [114]), тот должен открыто и прямо занять позицию в борьбе. Агитации за съезд не остановить теперь ничем. Надо относиться к ней терпимо, если хотите, нейтрально, и тогда она не помешает положительной работе. Горячиться против этой агитации бесполезно.

Усердно прошу ответить мне *каждого* из Ц. К. Нам обязательно надо дотолковаться и выяснить себе дело, чтобы работать вместе не без некоторых разногласий, но без конфликтов и без взаимовышибаний.

Написано 26 мая 1904 г.

Напечатано с некоторыми изменениями в 1904 г. в брошюре Н. Шахова: «Борьба за съезд». Женева.

Печатается по рукописи.

ЗАЯВЛЕНИЕ ТРЕХ ЧЛЕНОВ Ц.К.

Три члена Ц.К., Глебов, Зверев и Ленин, обсудив разногласия внутри Ц.К., пришли к следующим выводам, которые должны быть сообщены всем членам Ц.К.:

1) Разногласие началось с вопроса о созыве съезда. После того, как Ленин и Васильев высказались за съезд в Совете Партии, большинство Ц.К. (пятью голосами против четырех, при чем голос *Травинского* был передан т. *Глебову*) высказалось против съезда. Тогда *Ленин* и *Васильев* заявили о своем временном выходе из Совета. В настоящее время, конфликт этот улажен так *), что членами Совета от Ц.К. считаются *Глебов* и *Ленин.*

2) Т. Глебов заявил т. Ленину, что он, Глебов, уходит из Ц.К., если Ленин не откажется вести агитацию (вне Ц.К.) за съезд и не будет противодействовать съезду. Ленин, считая такую постановку вопроса неправильной и принципиально недопустимой, заявляет, что опросит мнение каждого из членов Ц.К. и даст тогда ответ, который может состоять только в том, уходит-ли он, Ленин, из Ц.К. или нет. (То, что относится к Ленину, относится, с точки зрения т. *Глебова,* и ко всем согласным с Лениным членам Ц.К.)

3) Чтобы точно охарактеризовать разногласия внутри Ц.К. в настоящий момент, необходимо установить, что т. *Валентин* и т. *Никитич* в написанной ими в марте месяце и одобренной т. *Глебовым* декларации заявляли: 1) что они решительно против кооптации по требованию меньшинства; 2) что они разделяют организационные взгляды, изложенные в брошюре «Что делать», и 3) что они, или по крайней мере двое из них, не одобряют оппортунистической позиции некоторых партийных писателей. Относительно же съезда т. Глебов убежден, что 1) расхождение по этому вопросу вносит двойственную политику в Ц.К. и 2) съезд может привести к расколу. Не желая принимать за это

*) Смотри об этом письмо Ленина, одобренное т. *Глебовым* и при сем прилагаемое. (См. настоящий том, стр. 341. *Ред.*)

на себя ответственности, он и заявляет о неизбежности своего выхода из Ц. К. Ленин же полагает, что Ц. К., как коллегия подотчетная, должен быть нейтрален в вопросе о съезде, предоставив свободу агитации всем своим членам. Раскол же невероятен, ибо большинство допускает в принципе сделку на съезде вплоть до нейтрализации «Искры».

4) Впредь до разрешения указанного конфликта, т. *Глебов* и т. Ленин выступают официально и во всех действиях от имени Ц. К. не иначе как с общего согласия и за совместной подписью.

Женева, 26 мая 1904 г.

Члены Ц. К. Глебов.
Зверев.
Ленин.

Напечатано с некоторыми изменениями в 1904 г. в брошюре Н. Шахова: «Борьба за съезд». Женева.

Печатается по рукописи.

ЧЕГО МЫ ДОБИВАЕМСЯ? [115]).

К ПАРТИИ.

Недавно состоялось частное собрание 19 членов Росс. С.-Д. Р. П. (в том числе делегатов II съезда, членов комитетов и др. партийных организаций и невходящих в партийные организации революционеров). Эта конференция единомышленников, стоящих на точке зрения большинства II партийного съезда, обсуждала вопрос о нашем партийном кризисе и средствах выхода из него и решила обратиться ко всем русским с.-д-там с нижеследующим воззванием.

Товарищи! Тяжелый кризис партии затягивается до бесконечности. Смута все растет, плодя новые и новые конфликты, тормозя по всей линии и в самых угрожающих размерах положительную работу, разрывая все более и более связь между партией и ее центральным органом, который окончательно превратился в орган кружка и главным образом заграничного кружка. Выискивание разногласий, выкапыванье старых, давно решенных и отошедших в область прошлого вопросов, заигрыванье с последовательными оппортунистами, неимоверная путаница в рассуждениях, бесстыдное игнорирование партийного съезда, его прений и его решений, издевательство над партийной организацией и дисциплиной, над большинством создавших партию и ведущих работу на местах революционеров, злобное и придирчивое, основанное на недоказуемых данных и на непроверенных сообщениях анонимных, хихиканье по поводу недостатков работы в комитетах революционного крыла партии, — вот что мы видим в новой «Искре», ставшей очагом смуты, вот что дала нам отвергнутая съездом редакция, воспользовавшаяся личными уступками для новых кооптационных дрязг, для дела разрушения партии.

А между тем переживаемый Россией исторический момент требует от нашей партии напряжения всех ее сил. Революционное возбуждение в рабочем классе, брожение в других слоях населения все растет, война и кризис, голод и безработица подкапывают основы самодержавия все глубже, позорный конец позорной войны не так уже далек, и этот конец неминуемо удеся-

терит революционное возбуждение, поставит рабочий класс лицом к лицу с его врагами, потребует самых решительных наступательных мер от социал-демократии. Сплоченная партийная организация, выдержанное революционно-марксистское направление, введение внутри-партийной борьбы в приличные и достойные рамки, так чтобы эта борьба не вносила дезорганизации и не мешала положительной работе, — эти настоятельные требования всего рабочего движения России должны быть немедленно и во что бы то ни стало осуществлены под угрозой полной потери доброго имени Росс. С.-Д. Р. Партии и всего приобретенного ею влияния.

Первым шагом к достижению этой цели мы считаем внесение полной ясности, откровенности и прямоты в отношениях между разными группами, направлениями и оттенками нашей партии. Спору нет, бывают моменты, когда польза дела требует умолчания о частичных расхождениях, но было бы самой печальной и непростительной ошибкой считать таковым момент, переживаемый нашей партией. Личные уступки меньшинству не удержали смуты, спорные вопросы поставлены уже ребром, всей партии брошен прямой вызов, и только дряблость и невежество могут мечтать о возврате невозвратного прошлого, о возможности что-то скрыть, чего-то недоговорить, что-то замазать, от чего-то спрятаться. Нет, политика умыванья рук, политика пассивного воздержания, политика laisser faire, laisser passer *), доказала уже свою полнейшую негодность в нашей партийной борьбе. Дальнейшая уклончивость, хитрость и умолчание были бы не только бесцельны и презренны, но и прямо преступны. Мы делаем почин прямого изложения всей программы нашей борьбы внутри партии, мы призываем к такому изложению представителей всех и всяческих оттенков русских социал-демократов, как входящих в партию, так и намеревающихся, при известных условиях, войти в нее. Только полная ясность и прямота способны дать всем сознательным рабочим и всем членам партии материал для разумного и твердого решения спорных партийных вопросов.

Мы стоим на точке зрения большинства II партийного съезда. В неправильности позиции меньшинства на съезде, в стремлении отстоять эту позицию, независимо от воли партии, мы видим основную причину всех дальнейших ошибок и всей смуты. Неправильность была двоякая: во-1-х, старому редакторскому кружку «Искры» не у кого было искать поддержки, кроме как у оппортунистического крыла нашего съезда и нашей партии. Во-2-х, это соединение с явными оппортунистами (во главе которых находился и продолжает находиться тов. Акимов) окончательно сплотилось и стало партийным делением лишь на таком

*) — невмешательство; предоставление вещам развиваться своим собственным порядком. *Ред.*

вопросе, как выборы в центры. Из первой неправильности логически неизбежно вытекла вся та принципиальная путаница и все те оппортунистические шатания, которые мы видим в рассуждениях новой «Искры», поскольку эти рассуждения могут быть признаны принципиальными. Из второй неправильности вытекло отстаивание старого редакторского кружка вопреки воле партии, защита и оправдание кружковщины против партийности, внесение в наши споры таких приемов, какие целиком свойственны обывательской дрязге и кружковой своре, а не борьбе членов партии, умеющих уважать и свою партию, и самих себя. Из первой неправильности логически неизбежно вытекло то, что вокруг меньшинства сплотилось все, тяготеющее к оппортунизму, все, что склонно тащить партию назад и взять реванш за обиды, нанесенные революционной социал-демократией ее противникам, все, выражающее собой интеллигентские тенденции нашего движения, все, склонное к интеллигентски-анархическому отрицанию организации и дисциплины. Из второй неправильности вытекло господство заграничного кружка над большинством русских работников и разгул специфически эмигрантских скандалов, которые заменяют для меньшинства способы убеждения.

Всякие сомнения теперь исчезли. Никакие колебания невозможны для тех, кто не на словах только является членом партии, для тех, кто на деле хочет отстаивать насущные интересы нашего рабочего движения. Борьба объявлена, объявлена и ведется по всей линии меньшинством, и мы принимаем вызов, мы объявляем непримиримую борьбу, борьбу до конца. Мы боремся против кружковщины вообще и против старого редакторского кружка в особенности во имя партийности. Мы боремся во имя интересов русского рабочего движения против заграничной дрязги. Мы боремся во имя революционно-пролетарских тенденций нашего движения, против интеллигентски-оппортунистических. Мы боремся за выдержанное направление революционной социал-демократии, против шатаний, зигзагов и возвратов к давно отжитому прошлому. Мы боремся за сплоченную партийную организацию нашего рабочего авангарда против интеллигентской распущенности, дезорганизации и анархии. Мы боремся за уважение к партийным съездам против дряблой переметчивости, против слов, расходящихся с делами, против издевательства над договорами и решениями, сообща принятыми. Мы боремся за партийную гласность против тактики новой «Искры» и нового Совета Партии затыкать рот большинству и прятать под спудом свои протоколы.

Из нашей программы борьбы сами собою вытекают ее средства и ее ближайшие цели. Первым средством является всесторонняя и самая широкая устная и письменная агитация. На этом пункте не стоило бы останавливаться, если бы полная дрязг

борьба меньшинства не породила у нас в партии того (справедливо осмеянного уже Екатеринославским комитетом и многими другими организациями)[116]) пресловутого «примиренства», которое прячет голову под крыло и проповедует прекращение борьбы большинства с меньшинством. Только малодушием, утомлением или одичалостью можно объяснить существование таких ребяческих взглядов, которые недостойны сколько-нибудь взрослого члена партии. Можно и должно говорить о введении партийной борьбы в партийные рамки, можно и должно добиваться этого не одними только усовещеваниями, но предложение перестать отстаивать то, что отстаивалось перед лицом всей партии на съезде и что считается необходимым в насущных интересах партии, такое предложение, если бы его решились сделать публично, было бы достойно лишь общего презрения.

Вторым и решающим средством борьбы мы считаем созыв партийного съезда. Мы поддерживаем всецело те комитеты, которые выступили с требованием немедленного созыва третьего партийного съезда. Мы считаем долгом в особенности остановиться на тех лицемерных доводах, которыми редакция новой «Искры» и ее явные и тайные пособники аргументируют против съезда, старательно пряча эту (трудно совместимую с партийным долгом) аргументацию от глаз света (как прячет Заграничная Лига и редакция «Искры», агитация которой лишь отчасти вынесена наружу и разоблачена комитетами). Довод первый: съезд поведет к расколу. Уже один тот факт, что меньшинство выступает с подобным доводом, показывает всю фальшь его позиции. Ведь говоря так, меньшинство признает, что партия против него, что заграничный кружок навязал себя силой партии, что он держится лишь благодаря отдаленности России и трудности внешних условий работы настоящих революционеров. Кто честно относится к партии, кто искренно хочет работать вместе, тот не боится, а желает съезда для устранения смуты, для приведения в соответствие партии и ее должностных коллегий, для уничтожения недостойной двусмысленности. Выдвигать раскол как пугало, значит лишь наглядно показывать нечистую совесть. Без подчинения меньшинства большинству не может быть партии, сколько-нибудь достойной имени рабочей партии, и если необходимы взаимные (а не односторонние) уступки, если требуются иногда сделки и договоры между частями партии, то единственно на съезде они возможны и они допустимы. Ни один уважающий себя революционер не пожелает оставаться в партии, которая держится вместе лишь благодаря искусственным оттяжкам партийного съезда.

Довод второй: еще возможно примирение без съезда. На чем основано такое мнение, неизвестно. Сторонники его выступают и действуют не иначе, как закулисно. Не пора ли бросить

эту закулисную интригу, которая только удесятеряет взаимное недоверие, только обостряет вражду и затемняет положение? Не оттого ли нет ни у одного человека решимости выступить публично с планом примирения, что при данном положении и невозможен такой план, который бы не вызвал в лучшем случае смеха? Кто разумеет под миром кооптацию излюбленных меньшинству лиц в Ц. К., тот хочет не мира, а обостренной борьбы большинства, тот не понимает, что партийная борьба бесповоротно выросла из чисто кооптационной дрязги. Кто понимает под миром прекращение споров и борьбы, тот возвращается к психологии старого кружка: в партии всегда будут споры и борьба, их надо лишь ввести в партийные рамки, а это под силу лишь съезду. Одним словом, как ни вертите этот лозунг мира, без съезда, как ни поворачивайте эту идею примирить борющихся, не удовлетворяя ни одной стороны, — вы увидите, что эта гениальная идея выражает лишь растерянность и отсутствие мысли, лишь незнание, чего хотеть и чего добиваться. Если даже план такого влиятельного (в прежнее время влиятельного) человека, как Плеханов, погасить пожар в самом его начале посредством максимальных личных уступок, — потерпел полное фиаско, то можно ли говорить серьезно о подобных планах теперь?

Довод третий: возможна подделка съезда. На этот довод уже ответил Петербургский комитет, назвав его инсинуацией [117]). И это заявление местного комитета было пощечиной, заслуженной теми, кто из-за угла бросал обвинения, не имея и тени фактов, хотя в руках меньшинства и высший Совет и печатный орган партии, так что меньшинство держит в своих руках не только орудие публичного разоблачения подозреваемых им злоупотреблений, но и орудие административного исправления и воздействия. Все и каждый понимает, что меньшинство давно прокричало бы о фактах, если бы они были, и что недавняя резолюция Совета, доказывая отсутствие фактов в прошлом, гарантирует их невозможность в будущем [118]). Употребление этого довода «Искрой» показывает лишний раз, как площадная руготня заменила у нее теперь полемику, и заставляет нас спросить всех членов партии: есть ли у нас на деле партия? хотим ли мы, по примеру с.-р-ов, довольствоваться декорацией и вывеской, или мы обязаны сорвать всякую фальшь?

Довод четвертый: разногласия еще не выяснены. Лучший ответ на этот довод дает новая «Искра», знакомство с которой показывает партии, что разногласия выискиваются, а не выясняются, что путаница растет безгранично. Только съезд с открытым и полным изложением своих пожеланий всеми товарищами способен внести ясность в невероятно запутанные вопросы и запутанное положение.

Довод пятый: съезд отвлечет силы и средства от положительной работы. И этот довод звучит грустной насмешкой: нельзя себе представить и мысленно большего отвлечения сил и средств, чем то, что причиняет смута.

Нет, все доводы против съезда свидетельствуют либо о лицемерии, либо о неведении дела и малодушном сомнении в силах партии. Партия наша опять тяжело больна, но у нее есть силы снова подняться и стать достойной русского пролетариата. Мерами лечения болезни мы считали три следующие преобразования, которые мы будем проводить всеми лояльными средствами.

Первое — передачу редакции в руки сторонников большинства II партийного съезда.

Второе — действительное подчинение заграничной местной организации (Лиги) общерусской центральной организации (Центральному Комитету).

Третье — гарантирование уставным путем партийных способов ведения партийной борьбы.

Об этих трех коренных пунктах нашей программы остается уже немного сказать, после изложенного выше. Что старая редакция «Искры» показала теперь на деле свою негодность, это мы считаем неопровержимым. Не искровство пережило себя, как открыл тов. Мартов после его поражения на выборах, а старая редакция «Искры» пережила себя. Теперь было бы уже одним лицемерием не говорить этого прямо после тех вызовов, которые сделаны были кружком всей партии. О ненормальном положении заграничной организации, которая превратила себя во второй (если не в третий) центр и игнорирует совершенно Ц. К. партии, нечего много распространяться. Наконец, о юридическом положении меньшинства (какого бы то ни было меньшинства) в нашей партии заставляет подумать весь опыт послесъездовской борьбы. Этот опыт учит, по нашему убеждению, необходимости обеспечить в уставе партии права всякого меньшинства, чтобы отводить постоянные и неустранимые источники недовольства, раздражения и борьбы из обычных обывательских потоков скандала и дрязги в непривычные еще каналы оформленной и достойной борьбы за свои убеждения. К таким безусловным гарантиям мы относим предоставление меньшинству одной (или более) литературной группы с правом представительства на съездах и с полной «свободой языка». Необходимо дать самые широкие гарантии вообще относительно издания партийной литературы, посвященной критике деятельности центральных учреждений партии. Необходимо дать комитетам право получать (в общепартийном транспорте) именно те партийные издания, которые им угодно. Необходимо приостановить, впредь до 4-го съезда, право Ц. К. влиять, иначе как советом, на личный состав комитетов. Мы не разрабатываем здесь наших предложений подробно, ибо мы пишем не

проект устава, а лишь общую программу борьбы. Мы считаем весьма важным, чтобы те меры по изданию литературы недовольных, которые Ц. К. предлагал меньшинству II съезда, были закреплены уставом, чтобы недовольство выражалось приличным путем, чтобы глупенький мираж осадного положения (созданный героями кооптации) окончательно рассеялся, чтобы неизбежная внутрипартийная борьба не тормозила положительной работы.

Мы обязаны научить наше меньшинство бороться за личный состав центров только на съездах и не мешать дрязгами нашей работе после съездов, мы обязаны добиться этого под угрозой гибели нашей партии. Наконец, в общей программе мы лишь вкратце упомянем о желательных для нас частичных изменениях устава, как-то: превращение совета из третейского в выбираемое съездом учреждение, изменение параграфа 1 устава в духе большинства II съезда, со включением в число партийных организаций всех рабочих организаций и всех тех групп русских с.-д-тов, которые вели особое существование в кружковый период и которые пожелали бы войти в партию и т. д. и т. д.

Выступая с этой программой нашей внутри-партийной борьбы, мы приглашаем все организации партии и представителей всех оттенков внутри ее высказаться по вопросу об их программе, чтобы дать возможность постепенной, серьезной, осмотрительной и разумной подготовки к съезду.

У нас нет партии — рассуждали про себя участники нашего редакторского дворцового переворота, спекулируя на отдаленность России, на частую смену тамошних работников и на свою собственную незаменимость. У нас рождается партия, — говорим мы, видя пробуждающиеся к активному вмешательству комитеты, видя рост политической сознательности передовых рабочих. У нас рождается партия, у нас множатся молодые силы, способные и оживить, и заменить дряхлеющие литературные коллегии, у нас есть и все больше становится революционеров, которые ценят направление воспитавшей их старой «Искры» больше, чем любой редакторский кружок. У нас рождается партия, и никакие уловки и проволочки, никакая старчески-озлобленная руготня новой «Искры» не удержит решительного и окончательного приговора этой партии.

Из этих новых сил в нашей партии черпаем мы уверенность в победе.

Написано в июле 1904 г.

Впервые напечатано в 1923 г. в Собрании сочинений Н. Ленина, том V. *Печатается по рукописи.*

К ПАРТИИ.

Недавно состоялось частное собрание 22 членов Р. С.-Д. Р. П.— единомышленников, стоящих на точке зрения большинства II-го партийного съезда; эта конференция обсуждала вопрос о нашем партийном кризисе и средствах выхода из него и решила обратиться ко всем российским социал-демократам с нижеследующим воззванием:

Товарищи! Тяжелый кризис партийной жизни все затягивается, ему не видно конца. Смута растет, создавая все новые и новые конфликты, положительная работа партии по всей линии стеснена ею до крайности. Силы партии, молодой еще и не успевшей окрепнуть, бесплодно тратятся в угрожающих размерах.

А между тем исторический момент предъявляет к партии такие громадные требования, как никогда раньше. Революционное возбуждение рабочего класса возрастает, усиливается брожение и в других слоях общества, война и кризис, голод и безработица со стихийной неизбежностью подрывают корни самодержавия. Позорный конец позорной войны не так уже далек; а он неминуемо удесятерит революционное возбуждение, неминуемо столкнет рабочий класс лицом к лицу с его врагами и потребует от социал-демократии колоссальной работы, страшного напряжения сил, чтобы организовать решительную последнюю борьбу с самодержавием.

Может ли наша партия удовлетворить этим требованиям в том состоянии, в каком она находится теперь? Всякий добросовестный человек должен без колебания ответить: нет!

Единство партии подорвано глубоко, ее внутренняя борьба вышла из рамок всякой партийности. Организационная дисциплина расшатана до самых основ, способность партии к стройному объединенному действию превращается в мечту.

И все же мы считаем эту болезнь партии болезнью роста. Основу кризиса мы видим в переходе от кружковой формы жизни социал-демократии к формам партийным; сущность ее внутренней борьбы — в конфликте кружковщины и партийности. И потому,

только покончивши с этой болезнью, наша партия может стать *действительно* партией.

Под именем «меньшинства» в партии сплотились разнородные элементы, связанные сознательным или бессознательным стремлением удержать кружковые отношения, допартийные формы организации.

Некоторые выдающиеся деятели наиболее влиятельных из прежних кружков, не привыкшие к тем организационным самоограничениям, которых требует партийная дисциплина, склонны по привычке смешивать с общепартийными интересами свои кружковые интересы, которые в кружковой период действительно могли зачастую совпадать с ними, — целый ряд таких деятелей стал во главе борьбы за кружковщину против партийности (часть бывшей редакции «Искры», часть бывшего Организационного Комитета, члены прежней группы «Южный Рабочий» и др.).

Их союзниками оказались все те элементы, которые в теории или практике отклонялись от принципов строгого социал-демократизма, ибо только кружковщина могла сохранить идейную индивидуальность и влияние этих элементов, партийность же угрожала растворить их или лишить всякого влияния (экономисты, рабочедельцы и др.). Наконец, главными кадрами оппозиции послужили вообще все элементы нашей партии, которые являлись по преимуществу интеллигентскими. По сравнению с пролетариатом интеллигенция всегда более индивидуалистична уже в силу основных условий своей жизни и работы, не дающих ей непосредственно широкого объединения сил, непосредственного воспитания на организованном совместном труде. Поэтому интеллигентским элементам труднее приспособиться к дисциплине партийной жизни, и те из них, которые не в силах справиться с этой задачей, естественно поднимают знамя восстания против необходимых организационных ограничений и свою стихийную анархичность возводят в принцип борьбы, неправильно обозначая эту анархичность, как стремление к «автономии», как требование «терпимости» и т. п.

Заграничная часть партии, где кружки отличаются сравнительной долговечностью, где группируются теоретики различных оттенков, где решительно преобладает интеллигенция, — эта часть партии должна была оказаться наиболее склонной к точке зрения «меньшинства». Поэтому там оно и оказалось вскоре действительным большинством. Напротив, Россия, где громче слышится голос организованных пролетариев, где и партийная интеллигенция в более живом и тесном общении с ними воспитывается в более пролетарском духе, где тяжесть непосредственной борьбы сильнее заставляет чувствовать необходимость организованного единства работы, — Россия решительно выступила против кружковщины, против анархических дезорганизующих тенденций.

Она определенно выразила это свое отношение к ним в целом ряде заявлений со стороны комитетов и других партийных организаций.

Борьба развивалась и обострялась. И до чего она дошла!

Партийный орган, который «меньшинству» вопреки воле съезда и благодаря личным уступкам выбранных съездом редакторов удалось захватить в свои руки, стал органом борьбы против партии!

Всего меньше он является теперь идейным руководителем партии в ее борьбе с самодержавием и буржуазией, всего больше — руководителем кружковой оппозиции в борьбе с партийностью. С одной стороны, чувствуя недопустимость своей основной позиции с точки зрения интересов партии, он усиленно занят изыскиванием действительных и мнимых разногласий, чтобы идейно прикрыть эту позицию; и в этих поисках, хватаясь сегодня за один лозунг, завтра за другой, он все более черпает материал у правого крыла партии — прежних противников «Искры», все более идейно сближается с ними, реставрируя их отвергнутые партией теории, возвращая идейную жизнь партии к пережитому, казалось, периоду принципиальной неопределенности, идейных шатаний и колебаний. С другой стороны, новая «Искра», стремясь подорвать нравственное влияние партийного большинства, еще более усиленно занята отыскиванием и обличением ошибок его работников, раздувая всякий действительный промах до чудовищных размеров и стараясь свалить ответственность за него на все большинство партии, подхватывая всякую кружковую сплетню, всякую инсинуацию, которая может повредить противникам, не заботясь не только о проверке, но зачастую и о правдоподобности. На этом пути деятели новой «Искры» дошли до приписывания членам большинства не только совершенно небывалых, но даже и невозможных преступлений, и не только в политическом отношении (например: обвинение Ц. К. в насильственном раскассировании лиц и организаций), но и в общеморальном (обвинение видных деятелей партии в подлоге и в нравственном пособничестве подлогу)[119]). Никогда еще партии не приходилось купаться в таком море грязи, какое создано заграничным меньшинством в нынешней полемике.

Каким образом могло все это случиться?

Образ действий каждой стороны соответствовал основному характеру ее тенденций. Большинство партии, стремясь во что бы то ни стало сохранить ее единство и организационную связь, боролось лишь партийно-лояльными средствами и не раз ради примирения шло на уступки. Меньшинство, проводя анархическую тенденцию, не заботилось о партийном мире и единстве. Оно каждую уступку делало орудием дальнейшей борьбы. Из всех требований меньшинства не удовлетворено до сих пор только

*

одно — внесение розни в Ц. К. партии путем кооптации насильственно навязанных ему членов меньшинства, — и нападения меньшинства стали ожесточеннее, чем когда-либо. Завладевши Ц. О. и Советом партии, меньшинство не стесняется теперь эксплуатировать в своих кружковых интересах ту самую дисциплину, против которой по существу оно борется.

Положение стало невыносимым, невозможным; затягивать его дольше прямо преступно.

Первым средством выйти из него мы считаем полную ясность и откровенность в партийных отношениях. Среди грязи и тумана нельзя уже найти верную дорогу. Каждое партийное течение, каждая группа должны открыто и определенно сказать, что они думают о нынешнем положении партии и какого выхода из него они хотят. С этим предложением мы и обращаемся ко всем товарищам, к представителям всех оттенков партии. Практический выход из кризиса мы видим в немедленном созыве третьего партийного съезда. Он один может выяснить положение, разрешить конфликты, ввести в рамки борьбу. — Без него можно ожидать только прогрессивного разложения партии.

Все возражения, выставляемые против созыва съезда, мы считаем безусловно несостоятельными.

Нам говорят: съезд поведет к расколу. Но почему? Если меньшинство непримиримо в своих анархических стремлениях, если оно готово скорее идти на раскол, чем подчиниться партии, то оно фактически уже откололось от нее, и тогда оттягивать неизбежный формальный раскол более чем неразумно, — скованные одною цепью, обе стороны все более и более бессмысленно растрачивали бы свои силы на мелкую борьбу и дрязги, нравственно истощаясь и мельчая. Но мы не допускаем возможности раскола. Перед действительной силой организованной партии анархически настроенные элементы должны будут и, мы думаем, сумеют склониться, потому что самостоятельной силы они по самой своей природе образовать не могут. Указывают на возможность примирения без съезда. Но какое примирение? Окончательная капитуляция перед кружковщиной, кооптация меньшинства в Ц. К. и следовательно полное завершение дезорганизации центральных учреждений. Тогда партия стала бы только словом, партийное большинство вынуждено было бы начать новую борьбу. А меньшинство? До сих пор каждая завоеванная уступка была для него только опорой к дезорганизаторской работе; даже с его точки зрения борьба далеко переросла рамки кооптационной дрязги; как же может оно прекратить борьбу? И тем более не прекратит оно ее, не получивши всех уступок. Нам говорят: съезд не может достигнуть цели, потому что до сих пор не выяснены разногласия. Да разве дело идет теперь к их выяснению, разве путаница не растет все более? Разногласия теперь не выясняются, а выиски-

ваются и создаются, и только съезд может положить конец этому. Только он, поставивши борющиеся стороны лицом к лицу, заставивши их определенно и открыто выразить свои стремления, только он в силах внести полную ясность во взаимные отношения партийных течений и партийных сил. Но съезд может быть подделан путем раскассирования организаций, заявляет меньшинство. Эта лживая инсинуация, отмечаем мы, инсинуация, в пользу которой не приведено ни одного факта. Если бы факты были, меньшинство, располагая партийным органом, конечно, уже сумело бы придать им широкую огласку, и, держа в руках Совет партии, оно имело бы полную возможность их исправить. Наконец, недавняя резолюция Совета, не указывая таких фактов в прошлом, окончательно гарантирует невозможность их в будущем. Кто поверит теперь неправдоподобной инсинуации? Выражают опасения, что съезд отвлечет слишком много сил и средств от положительной работы. Горькая насмешка! Разве мыслимо большее отвлечение сил и средств, чем то, которое причиняет смута? Съезд необходим! Он был бы необходим даже при нормальном течении партийной жизни ввиду исключительности исторического момента, ввиду возможности новых задач, поставленных партии мировыми событиями. Он вдвойне необходим при нынешнем партийном кризисе для честного и разумного выхода из него, для сохранения сил партии, для поддержания ее чести и достоинства.

Что должен сделать третий съезд для прекращения смуты, для восстановления нормальной партийной жизни? В этом отношении мы считаем наиболее существенными следующие преобразования, которые будем защищать и проводить всеми лояльными средствами.

I. Переход редакции Ц. О. в руки сторонников партийного большинства. Необходимость этого перехода, в силу явной неспособности нынешней редакции поддерживать Ц. О. на уровне общепартийных интересов, достаточно мотивирована. Кружковой орган не может и не должен быть органом партии.

II. Точное регулирование отношений местной заграничной организации (Лиги) к обще-русскому центру, Ц. К. Нынешнее положение Лиги, которая превратила себя во второй центр партии и бесконтрольно управляет примыкающими группами, в то же время совершенно игнорирует Ц. К., — это положение явно ненормально; с ним необходимо покончить.

III. Гарантирование уставным путем партийных способов ведения партийной борьбы. Необходимость такой реформы выясняется из всего опыта послесъездовской борьбы. Требуется обеспечить в уставе партии право всякого меньшинства, чтобы этим путем отвести постоянные и неустранимые источники разногласий, недовольства и раздражения из старого кружкового,

обывательского русла скандала и дрязги в непривычное еще русло оформленной и достойной борьбы за убеждения. К необходимым условиям такого поворота мы относим следующее. Предоставление меньшинству одной (или более) литературной группы с правом представительства на съездах; самые широкие формальные гарантии относительно издания партийной литературы, посвященной критике деятельности центральных учреждений партии. Формальное признание права комитетов получать (в общепартийном транспорте) те партийные издания, которые им угодно. Точное определение границ права Ц.К. влиять на личный состав комитетов. Мы считаем весьма важным, чтобы те меры по изданию литературы недовольных, которые Ц.К. предлагал меньшинству второго съезда, были закреплены уставом, чтобы рассеялся меньшинством же созданный мираж «осадного положения», чтобы неизбежная внутрипартийная борьба велась в приличных формах и не тормозила положительной работы.

Мы не разрабатываем здесь наших предложений подробно, так как предлагаем не проект устава, а лишь общую программу борьбы за единство партии. Поэтому мы лишь кратко наметим направление некоторых частных желательных, по нашему мнению, изменений устава, нисколько не связывая себе руки по отношению к дальнейшей его разработке, на основании новых указаний опыта. Необходимо, например, преобразовать Совет партии, как учреждение, показавшее на практике свою непригодность в своем теперешнем виде к выполнению поставленной ему задачи — объединения деятельности центров и высшего контроля над нею. Он должен стать коллегией, целиком выбираемой съездом, а не третейским судом выбираемого съездом пятого над центрами, защищающими себя через своих делегатов. Следует также, сообразуясь с указаниями партийной критики, пересмотреть § 1-й устава в смысле более точного определения границ партии и т. д.

Выступая с этой программой борьбы за единство партии, мы приглашаем представителей всех других оттенков и все партийные организации определенно высказаться по вопросу об их программах, чтобы создать возможность серьезной и последовательной, сознательной и планомерной подготовки к съезду. Для партии решается вопрос жизни, вопрос чести и достоинства: существует ли она как идейная и реальная сила, способная разумно организовать себя настолько, чтобы выступить действительной руководительницей революционного рабочего движения нашей страны? Всем своим образом действий заграничное меньшинство говорит: нет! И оно продолжает действовать в этом смысле уверенно, решительно, полагаясь на отдаленность России, на частую смену тамошних работников, на незаменимость своих вождей, своих литературных сил. У нас рождается партия! говорим мы, видя рост политического сознания передовых рабочих,

видя активно выступающие в общепартийной жизни комитеты. У нас рождается партия, у нас множатся молодые силы, способные заменить и оживить старые, теряющие доверие партии, литературные коллегии; у нас все более становится революционеров, которые выдержанное направление партийной жизни ценят выше, чем любой кружок прежних вождей. У нас рождается партия, и никакие уловки и проволочки не удержат ее решительного и окончательного приговора.

Из этих сил нашей партии черпаем мы уверенность в победе. Товарищи! печатайте и распространяйте это воззвание.

Написано в первой половине августа 1904 г.

Напечатано отдельным листком в августе 1904 г. в типографии Рижского Комитета Р.С.-Д.Р.П.

Печатается по тексту листка, сверенному с текстом брошюры «К партии». Женева, 1904 г.

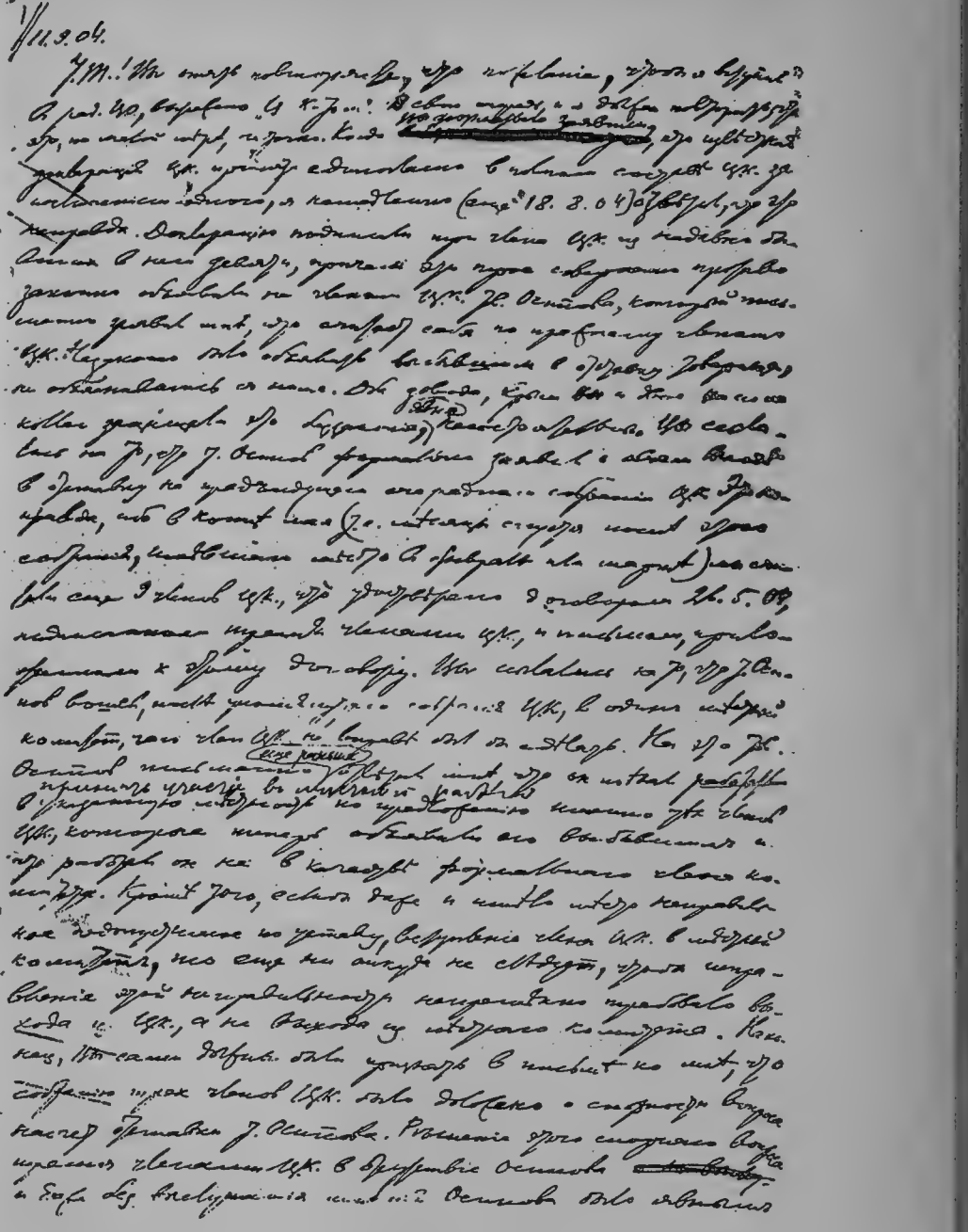
ПИСЬМО ГЛЕБОВУ (Б. Н. НОСКОВУ) [120].

11/IX - 04.

Уважаемый товарищ.

Вы опять повторяете, что пожелание, чтобы я вступил в редакцию Ц. О., выражено «Центральным Комитетом». В свою очередь и я должен повторить, что это, по малой мере, неточно. Когда Вы формально заявили, что известная декларация Ц. К. [121] принята единогласно в полном составе Ц. К. за исключением одного, я немедленно (еще 18/VIII — 04) ответил, что это неправда. Декларацию подписали 3 члена Ц. К. из недавно бывших в нем девяти, при чем эти трое совершенно противозаконно объявили не членом Ц. К. тов. Осипова, который письменно заявил мне, что считает себя попрежнему членом Ц. К. Незаконно было объявить выбывшим в отставку товарища, не объяснившись с ним. Оба довода, которыми Вы и двое Ваших коллег защищали это беззаконие, явно несостоятельны. Вы ссылались на то, что тов. Осипов формально заявил о своем выходе в отставку на предыдущем очередном собрании Ц. К. Это неправда, ибо в конце мая (т.-е. месяцы спустя после этого собрания, имевшего место в феврале или марте) мы считали еще 9 членов Ц. К., что̀ удостоверено договором 26/V — 04, подписанным тремя членами Ц. К., и письмом, приложенным к этому договору *). Вы ссылались на то, что тов. Осипов вошел, после упомянутого собрания Ц. К., в один местный комитет, чего член Ц. К. не вправе был бы сделать. На это тов. Осипов письменно еще раньше ответил мне, что он поехал принять участие в местной работе в указанную местность по предложению именно тех членов Ц. К., которые теперь объявили его выбывшим, и что работал он не в качестве формального члена комитета. Кроме того, если бы даже и имело место неправильное, недопустимое по уставу, вступление члена Ц. К. в местный комитет, то еще ни откуда не следует, чтобы исправление этой неправильности непременно требовало выхода из Ц. К., а не выхода из местного комитета. Наконец, Вы сами должны

*) См. настоящий том, стр. 341 — 345. *Ред.*



Первая страница письма В. И. Ленина Глебову (Б. Н. Носкову) — 11 сентября 1904 г.

были признать в письме ко мне, что собранию трех членов Ц. К. было доложено о спорности вопроса насчет отставки тов. Осипова. Решение этого спорного вопроса тремя членами Ц. К. в отсутствие Осипова и даже без выслушания мнения Осипова было явным и возмутительным беззаконием. Конечно, три члена Ц. К. могли рассчитывать, что их сторону возьмет находящийся в руках редакции Совет Партии; конечно, три члена Ц. К. могли опираться на формально заключенную ими или молчаливо признанную сделку с сторонниками меньшинства в Совете. Но подобное обстоятельство не устраняло бы беззакония, а, напротив, усиливало бы его элементами политической недобропорядочности. Точно также беззаконно было со стороны 3-х членов Ц. К. принять отставку тов. Травинского, о которой раньше, до собрания, все члены Ц. К. не были уведомлены. Вы и до сих пор не могли привести мне точных данных о том, кому и когда заявлена эта отставка. Вы отделались ответом, который похож на насмешку: «Справьтесь у российской коллегии», от каковой «коллегии» (все той же коллегии трех!) Вы только что приехали и с каковой коллегией я не имею средств сношения иначе, как через Вас!!

Таким образом я оспариваю законность состава Ц. К. и его последнего собрания (на котором принята «декларация»). Я имел бы поэтому полное право оставить без ответа Ваше предложение о вступлении моем в редакцию Ц. О. Но я рассматриваю это предложение, как исходящее не от Ц. К., а от трех членов партии, и считаю своим долгом мотивированно ответить на него тем более, что Вы ссылаетесь на выраженное Вам письменно желание редакции Ц. О. видеть меня в числе редакторов.

Вы полагаете, что мое вступление в редакцию Ц. О. «обеспечило бы почти полный мир в партии, которого я так хочу». Это Ваше «почти» очень характерно! Да, я хочу мира в партии, я предлагал мир печатно в декабре 1903 г. в своем письме в редакцию «Искры» («Почему я вышел из редакции?»)*). Я предлагал мир еще раз официально в Совете Партии в январе 1904 г. Мир не принят был на тех условиях, которые ставил я тогда от имени большинства. Замечу, что вопреки нынешней моде говорить о «мире» лицемерные фразы, понимая под миром полную уступку меньшинству, полное игнорирование большинства и полное забвение съезда, я совершенно определенно указывал в Совете, что я разумею под миром в партии. Я вместе с моим тогдашним коллегой от Ц. К. в Совете прямо заявил, что под миром разумею очищение идейной борьбы от местнических счетов, дрязг и нечестных приемов борьбы. Пусть Ц. О. будет у меньшинства, Ц. К. у большинства, — предлагал я тогда, — призовем всех к прекращению всякого бойкота, всякой местнической,

*) См. настоящий том, стр. 124. *Ред.*

кооптационной дрязги и давайте спорить по-товарищески о наших разногласиях и о причинах нашего расхождения на съезде, давайте приучать партию к честному и достойному разбору ее внутренних споров. Мой призыв был осмеян Плехановым и Мартовым. Меня не удивляет, что они приняли позорное решение не опубликовывать протоколов Совета (вопреки настояниям меньшинства в Совете, именно обоих представителей от Ц. К.) и что к этому решению присоединились теперь (тайком) три члена Ц. К. Кто устраивает лицемерный мир, пользуясь неизбежными в жизни русских революционеров случайностями и вышибая из Ц. К. несогласно мыслящих *), тот не может не стремиться к скрытию от членов партии попытки заключить своевременно честный мир. К счастью, я имею основания думать, что эта жалкая уловка, направленная к обману партии, не удастся и что протоколы Совета, в конце концов, увидят свет[122]).

После того, как редакция, захватившая Совет, отвергла со смехом мое предложение мира, я заявил тогда же, что единственным честным выходом считаю съезд. Тактику меньшинства (и Плеханова в том числе) — держать в своих руках редакцию Ц. О. и Совет, на словах представлять в этих центральных учреждениях интересы всей партии в целом и в то же время на деле добиваться, помимо съезда, переделки Ц. К. в интересах меньшинства, эту тактику я не могу считать честной борьбой. Ни в какие сделки со сторонниками такой тактики я не вступал никогда и не считаю возможным вступать. Кроме того, с января вполне выяснилась физиономия новой «Искры», этого центрального органа сплетен и дрязг, путаницы в рассуждениях и заигрыванья с оппортунистами, сведения личных счетов, выискивания разногласий. Что новая «Искра» есть орган кружка, орган нового «направления», это теперь видят все и даже сама редакция, которая сначала бралась защищать «преемственность», а в настоящее время систематически оплевывает старую «Искру». Спрашивается, в каком же смысле можно теперь говорить о мире? Если понимать под ним очищение идейной борьбы от кооптационной дрязги, то я и сейчас вполне готов согласиться на мир и возобновить свое сделанное в Совете предложение. Если же разуметь под миром прекращение идейной борьбы, примирение с направлением или, вернее, физиономией, лишенной всякого направления новой «Искры», то такой «мир» предлагать могут только люди беспринципные или лицемерные, или смотрящие на органы партии как на печатную бумагу (Druckerschwärze — типографская краска — как называл один из «примиренцев» литературу новой «Искры»). Если редакторы новой «Искры», сведшие почти всю свою «прин-

*) Это относится прежде всего к тов. Осипову. Затем, конечно, и ко мне, ибо предложение вступить в редакцию Ц. О. равносильно предложению уйти из Ц. К.

принципиальную» позицию к личным нападкам на меня, к преследованию того, что они назвали «ленинизмом», и к выискиванию разногласий со мной, выражают теперь желание видеть меня в редакции, то они сами признают этим, что смотрят на свои писания не серьезно, что всю полемику они сочинили лишь «для кооптации» и готовы забросить все свои новые «принципы» после того, как кооптация успешно достигнута. Что касается меня, то я отвергаю, как недостойное, самое предложение о возможности для большинства отказаться от партийной борьбы за свою позицию, борьбы за выдержанное направление, борьбы против кружковщины. Вести эту борьбу я считаю своим неотъемлемым правом и обязанностью вместе с принципиальными сторонниками большинства, число которых возрастает в России. Вести эту борьбу должно, по-моему, открыто, ибо $^{9}/_{10}$ истории конфликта вынесено уже на публику, и всякое дальнейшее скрывание ее от глаз света было бы мелочным и нелепым затягиванием кризиса.

Вы пишете, что моего вступления в нынешнюю редакцию «Искры», «несомненно, желают и многие комитеты». С сожалением констатирую, что Вы и на этот раз говорите заведомую неправду. Ни один комитет не выразил еще, при настоящих условиях борьбы, такого желания. Оно выражено только кружком редакторов Ц. О. и тремя членами из Ц. К., которые видят верх политической мудрости в том, чтобы с меньшинством ругать большинство, а с большинством меньшинство. Я позволяю себе думать, что мне следует считаться не с волей тех или иных политиканов, а с волей всей партии, которая установила сама для себя и способ формального выражения этой воли: съезд. Я позволяю себе думать, что руководитель, взявший известную линию на съезде и ведший по этой линии часть партии, теряет всякое право на уважение и даже на серьезное отношение к его словам, если переметывается на сторону своих противников.

Ваша ссылка на «многие комитеты» крайне поучительна и знаменательна, несмотря на ее... несоответствие с истиной. Эта ссылка свидетельствует о кусочке партийной совести, о наличности некоторого сознания того, что должностные учреждения, назначенные партией, должны считаться с волей этой партии, предпринимая свои переделки состава и направления центров. Если бы это сознание у Вас не было омрачено благодаря той запутанной позиции, которую Вы заняли, то Вы легко увидели бы, что нет иного способа действительно узнать действительное желание действительно многих комитетов, кроме съезда. Но если Ваша ссылка на «многие комитеты» выдает кусочек партийной совести, то в то же время эта ссылка свидетельствует яснее ясного о неспокойной совести. Вы потому и боитесь пуще огня съезда, что чувствуете вопиющее противоречие между своей политикой приключений и волей партии.

Мои общие соображения относительно лицемерности предпринятого Вами примирения вполне подтверждаются рядом добавочных фактов. Трое членов Ц. К. восхищаются теперь «высотой» Ц. О., тогда как в марте *эти самые* три члена Ц. К. составляли заявление с сожалением о том, что некоторые партийные писатели (большинство нынешней редакции Ц. О.) вдались в оппортунизм. Говоря о «мире», эти три члена Ц. К. в то же время распускают Южное бюро (коллегия агентов Ц. К.) за то, что в нем работали сторонники большинства, имевшие дерзость агитировать за съезд. Говоря о примирении двух борющихся сторон, три члена Ц. К. устраивают конференцию с представителями одной стороны, игнорируя другую. Какой разврат вносят в партию этими частными, приватными сделками, которые касаются насущных интересов всей партии и которые так тщательно скрываются от нее, несмотря на отсутствие всякой необходимости в конспиративной тайне! Какая масса взаимного недоверия, подозрительности вносится этими проделками за спиной партии во всю партийную жизнь! Сегодня как раз мне пишет из России один товарищ, какие слухи ходят по поводу этих сделок: в меньшинстве образовалось три части, говорят в партийных кругах; одна требует прежде всего кооптации в Ц. К. Дана и Троцкого и знать больше ничего не хочет; другая соглашается на конференцию; третья удовлетворяется одной декларацией Ц. К. и к этой части относятся южнорабоченцы (вполне справедливо усматривающие в создании популярного органа ничто иное, как замаскированное восстановление «Южного Рабочего», закрытого съездом). Я не знаю, что есть верного в этих партийных толках. Но что меньшинство состоит из разнородных групп, что товарищ Брукэр, напр., совсем, вероятно, не участвует в «ультиматумах» меньшинства и во всей кооптационной дрязге, что группа «Южного Рабочего» представляет из себя значительно особый оттенок, это все общеизвестные факты, с которыми знаком всякий, изучавший наш партийный съезд. Неужели Вы не видите, сколько унизительного в этом торгашестве отдельных групп, происходящем за спиной партии! Можно ли удивляться, что лицемерие трех членов Ц. К. вызывает полное недоверие к ним со стороны большинства, стоящего в стороне от всех этих проделок? Можно ли удивляться, что «мир», начатый раскассированием агитирующих за съезд, рассматривается, как преддверие систематической подтасовки партийного общественного мнения? что большинство предполагает сделку Ц. К. и Ц. О. (а, следовательно, и Совета) о насильственном введении меньшинства в комитеты, о неопубликовании резолюций большинства (петербургская и екатеринославская резолюции задерживаются *уже не один месяц*) и т. д. и т. п.?

Надеюсь, Вы поймете теперь, почему при данной партий-

ной ситуации не может быть и речи о моем вступлении в редакцию Ц. О.

* * *

Ваше заявление, что я «воздержался» от подачи голоса по вопросу о кооптации трех в Ц. К., есть *неправда*. Я решительно протестую против признания «выборов состоявшимися». Это новое беззаконие. Три члена Ц. К. *обязаны* рассмотреть *все* мой протест и лишь *после этого* поднимать вопрос о кооптации. По уставу, кооптация единогласна; моего согласия не было дано. Следовательно, без внесения дела в Совет не может быть и речи о состоявшейся кооптации. Решение Совета (если вы противозаконно внесете туда вопрос о кооптации впредь до проверки состава Ц. К. всеми членами Ц. К.) должно быть сообщено мне вместе с протоколами Совета.

* * *

Вашего сожаления о том, что нам не пришлось повидаться, я разделить не могу. После Ваших проделок с тов. Осиповым и Вашего отношения к данному слову (договор 26/V-04) я никаких сношений с Вами, кроме чисто официальных и исключительно письменных, иметь не желаю.

Член Ц. К. Н. Ленин.

Напечатано с некоторыми сокращениями в 1904 г. в брошюре Н. Шахова: «Борьба за съезд». Женева.

Печатается по рукописи.

УСЛУЖЛИВЫЙ ЛИБЕРАЛ [123]).

Хотя услуга нам при нужде дорога,
Но за нее не всяк умеет взяться,
Не дай бог со Струве связаться,
Услужливый Струве опаснее врага.

В последнем номере (№ 57) «Освобождения» г-на Струве напечатаны следующие поучительные строки:

Процесс беспрерывного расслоения внутри так называемой Российской Социал-Демократической Рабочей Партии перешел в новую фазу. Крайние централисты («ленинцы», «твердые», «большевисты») начинают терять почву под ногами, а позиция их противников становится все крепче и крепче — по крайней мере в заграничных «колониях». «Меньшевисты» (мартовцы) почти повсюду берут перевес, захватывают в свои руки все большее количество партийных органов, в то время как от «большевистов» откалываются группы и лица, которые, хотя и не окончательно принимают «платформу» меньшинства, однако не желают также вести борьбу с последними и стремятся к водворению мира в до сих пор мятущейся партии. На сцене появляются т. наз. «примиренцы», желающие положить конец неприличной свалке, в которой люди перестали понимать не только других, но и себя. Появление этих «примиренцев» вынуждает непримиримых централистов выступить с «издательством социал-демократической партийной литературы, посвященной защите принципиальной позиции большинства второго партийного съезда». (Заявления В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина.) Перед нами три продукта этого нового издательства: 1) *К партии.* Женева 1904, стр. 16. Цена 20 сант., 15 пф. 2) *Галерка.* Долой Бонапартизм. Женева. 1904, стр, 23. Цена 25 сант., 20 пф. 3) *Галерка и Рядовой.* Наши недоразумения. Женева. 1904. Цена 50 сант., 40 пф. Главное содержание этих трех брошюр заключается в критическом освещении некоторых действительно не совсем безупречных методов «меньшевистской» борьбы с «большинством» и в защите тезиса, что созвание третьего съезда для урегулирования партийных трений не только возможно, но и необходимо.

Стоя *формально*, с точки зрения партийной лойяльности, на более солидной позиции, «большевисты» уступают своим противникам *по существу*. По существу последние защищают *теперь* нечто более жизненное и дееспособное, чем «большевисты». К сожалению только, защита эта ведется не совсем или, вернее, совсем некорректно, доходя часто до явного неприличия в выборе средств. Примером такой некорректной защиты

могут служить бесчисленные статьи последнего времени в «Искре» и появившаяся на-днях брошюра *Н. Троцкого:* «Наши политические задачи». (Тактические и организационные вопросы.) Женева. 1904, стр. 107. Цена 75 сант. Отличаясь во многих местах пустозвонством, она, однако, совершенно справедливо берет под свою защиту некоторые идеи, с которыми интересующиеся социал-демократической литературой знакомы уже по писаниям гг. Акимова, Мартынова, Кричевского и др. так называемых «экономистов». Жаль только, что местами автор доводит взгляд последних до карикатуры.

Сколько тут злорадства по поводу бед нашей партии. Но либерал по своей политической натуре не может относиться к ослаблению и разложению социал-демократии без злорадства.

Сколько тут глубоко продуманной и прочувствованной симпатии к *существу* Акимовских взглядов меньшинства. Но, в самом деле, разве единственная надежда на жизненность, идейную жизненность русского либерализма не заключается в жизненности социал-демократического оппортунизма?

Не везет новой «Искре» с ее сторонниками.

Вспомните знаменитое, замечательное, составившее эпоху, Плехановское «Чего не делать?». Как тонко задумана была эта политика хитрости и личных уступок и как неловко попал впросак наш дипломат. Как верно схватил последовательный оппортунист, г. Струве, «знаменательный поворот» в новой «Искре». «Пропасть» между старой и новой «Искрой» признают теперь сами руководители последней.

Вспомните нарцисовское утверждение Плеханова в № 65 «Искры», что «Акимов никому не страшен, им не испугаешь теперь даже воробьев на огороде». Плеханов говорил эти слова, не особенно обнаруживающие мягкость и уступчивость к рабочедельцам, заявляя в то же время, будто на нашем партийном съезде «против ортодоксального марксизма говорил разве только какой-нибудь Акимов». И вот тотчас же после этих нарцисовских заявлений печатается *полностью* листок Воронежского Комитета, солидарного, как всем известно, с т.т. Акимовым и Брукэром, при чем оказывается, что редакция новой «Искры» *скрыла* от публики № 61 всю принципиальную часть листка, все выражение сочувствия новой «Искре». Кто оказался похожим на воробья? Какое партийное учреждение сравнимо теперь с огородом?

Вспомните автора статьи «Пора!» в приложении к № 73 — 74 «Искры» [124]). Как откровенный и честный представитель взглядов, проводившихся на всем нашем съезде всеми делегатами «болота», этот товарищ прямо заявил свое несогласие с Плехановым, прямо выразил свое мнение, что «Акимов сыграл на съезде роль скорее призрака оппортунизма, чем его действительного представителя». И бедная редакция еще и еще раз должна была подвергнуть себя

некоторой унтер-офицерской операции. Редакция снабдила утверждение автора статьи «Пора!» следующим примечанием:

«С этим мнением нельзя согласиться. На программных взглядах тов. Акимова лежит явная печать оппортунизма, что признает и критик «Освобождения» в одном из его последних номеров, отмечая, что тов. Акимов примыкает к «реалистическому», — читай: ревизионистскому, — направлению».

Не правда ли, мило? В программных взглядах т. Акимова, с которым вместе голосовали, в спорах о программе, почти всегда т.т. Мартынов, Брукэр и бундовцы, очень часто и делегаты болота, есть оппортунизм. А в его тактических и организационных взглядах нет оппортунизма, — так что ли, господа? Не потому ли молчите вы об этих последних взглядах, что новая «Искра» с помпой выдвинула новые организационные разногласия и сказала именно то и только то, что говорили уже раньше против старой «Искры» Мартынов и Акимов? Не потому ли, что и новые тактические разногласия, выдвигаемые в новейшее время новейшей «Искрой», сводятся всецело к повторению того, что говорили давно против старой «Искры» Мартынов и Акимов. Как полезно было бы переиздать теперь № 10 «Рабочего Дела»[125]).

И кого же приводит сама редакция новой «Искры» в качестве судьи и свидетеля против тов. Акимова? — Г-на Струве. Судья хорош, это действительно специалист, знаток, чемпион и эксперт в вопросах оппортунизма. Тем более знаменателен отзыв этого, самой редакцией вызванного, свидетеля о содержании взглядов Троцкого. А ведь брошюра Троцкого вышла, не забывайте этого, *под редакцией «Искры»* № 72, стр. 10, столб. 3. «Новые» взгляды Троцкого — редакционные взгляды, одобренные Плехановым, Аксельродом, Засулич, Старовером и Мартовым.

Пустозвонство и Акимовщина, к сожалению последняя в карикатурном виде, — таков вердикт сочувствующего новой «Искре» и ею же вызванного судьи.

Услужливый либерал на этот раз нечаянно сказал сущую правду.

Написано во второй половине октября 1904 г.

Впервые напечатано отдельным листком в ноябре 1904 г. в издательстве с.-д. партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина.

Печатается по тексту листка.

ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ Н. ШАХОВА «БОРЬБА ЗА СЪЕЗД».

Мы старались дать в предлагаемой читателю брошюре возможно более полное собрание документов, характеризующих отношение различных организаций нашей партии, занятых работой на местах, к современному партийному кризису. Документы эти воспроизводятся частью с текста, напечатанного уже в «Искре», частью прямо с рукописей, и читатель не должен забывать, что в силу самых условий доставки в эти рукописи не могли не вкрасться иногда ошибки и пропуски.

Содержание печатаемых документов вращается около одного центрального пункта, именно: борьбы партийности с кружковщиной, борьбы за съезд. Сначала это была борьба за второй съезд партии, за признание и честное соблюдение его решений, потом за третий съезд, как единственное достойное партии средство выхода из современного невозможного положения. Борьбу теперешних центральных учреждений партии против третьего съезда мы тоже постарались представить возможно полнее на основании документальных данных.

Наша работа ограничилась приведением документов в хронологический (по возможности) порядок и добавлением самых кратких пояснений для указания связи между документами. Комментарии мы предоставляем дальнейшей литературе. Голые фактические данные о борьбе за съезд говорят сами за себя, и изучение их поможет всем и каждому выработать себе самостоятельное суждение о нашей внутрипартийной борьбе.

Написано в начале ноября 1904 г.
Напечатано в 1904 г. в брошюре Н. Шахова: «Борьба за съезд». Женева.

Печатается по тексту брошюры.

ПИСЬМО К ТОВАРИЩАМ [126]).

К ВЫХОДУ ОРГАНА ПАРТИЙНОГО БОЛЬШИНСТВА.

Дорогие товарищи! Сегодня на собрании тесного круга заграничных большевиков окончательно решен вопрос, давно уж решенный в принципе, об основании периодического партийного органа, посвященного отстаиванию и развитию принципов большинства в борьбе со смутой организационной и тактической, внесенной в партию меньшинством, и обслуживанию положительной работы русских организаций, против которых ведется теперь едва ли не всюду по всей России такая ожесточенная борьба со стороны агентов меньшинства, борьба, страшно дезорганизующая партию в столь важный исторический момент, борьба, целиком ведущаяся самыми беззастенчивыми средствами и приемами раскола при лицемерном оплакивании раскола в так называемом Ц. О. партии. Мы сделали все возможное, чтобы провести борьбу партийным путем, мы с января месяца боремся за съезд, как единственный достойный партийный выход из невозможного положения. Теперь яснее ясного уже стало, что почти вся деятельность перебежавшего к меньшинству Ц. К. посвящена отчаянной борьбе против съезда, что Совет идет на все самые невозможные и непозволительные проделки для оттягивания съезда. Совет прямо срывает съезд: кто не убедился еще в этом из чтения его последних постановлений в приложении к №№ 73-74 «Искры», тот увидит это из нашей (вышедшей на днях) брошюры Орловского: «Совет против партии» [127]). Теперь яснее ясного стало, что без объединения и отпора нашим так называемым центральным учреждениям большинство не может отстоять своей позиции, отстоять партийность в ее борьбе с кружковщиной. Объединение русских большевиков уже давно поставлено ими на очередь дня. Припомните громадное сочувствие, которым встречена была программная (в смысле программы нашей внутрипартийной борьбы) резолюция 22-х *);

*) См. настоящий том, стр. 353. *Ред.*

припомните изданную печатно Московским Комитетом (октябрь 1904 г.) прокламацию 19-ти [128]); наконец, почти всем Комитетам партии известно, что в самое последнее время произошел и отчасти еще происходит ряд частных конференций между Комитетами большинства [129]), делаются самые энергичные и определенные попытки крепкого сплочения между собою Комитетов большинства для отпора зарвавшимся бонапартистам в Совете, Ц. О. и Ц. К.

Мы надеемся, что в очень недалеком будущем эти попытки (вернее, эти шаги) будут оглашены во всеобщее сведение, когда результаты их позволят высказаться определенно о том, что уже достигнуто. Без особого издательства самозащита большинства была, разумеется, совершенно невозможна. Новый Ц. К., как вы, может быть, уже знаете из нашей партийной литературы, прямо изгнал наши брошюры (и даже обложки уже набранных брошюр) из партийной типографии, превратив ее таким образом в кружковую типографию, и отверг прямые предложения из заграничного большинства и русских Комитетов, напр.: Рижского о доставке в Россию литературы большинства. Подделка общественного мнения партии вырисовалась вполне определенно, как систематическая тактика нового Ц. К. Необходимость расширять свое издательство, организовать свой транспорт надвинулась на нас неизбежно. Комитеты, порвавшие с редакцией Ц. О. товарищеские отношения (см. признание Дана в отчете о собрании в Женеве 2. IX—1904—интересная брошюра) [130]), не могли и не могут обходиться без периодического органа. Партия без органа, орган без партии! Этот печальный лозунг, еще в августе выставленный большинством, неумолимо вел к единственному выходу — к основанию своего органа. Молодые литературные силы, прибывавшие за границу для поддержки кровного дела большинства русских работников, требуют себе приложения. Ряд русских партийных литераторов тоже настоятельно требует органа. Основывая такой орган, под названием, вероятно, «Вперед», мы действуем в полном согласии с массой русских большевиков, в полном согласии с нашим поведением в партийной борьбе. Мы взялись за это оружие, испытав в течение года все, решительно все более простые, более экономные для партии, более соответствующие интересам рабочего движения, пути. Мы отнюдь не покидаем борьбы за съезд, и, напротив, хотим расширить, обобщить и поддержать эту борьбу, хотим помочь Комитетам решить встающий перед ними новый вопрос о съезде помимо Совета и Ц. К., — против воли Совета и Ц. К., — вопрос, требующий всестороннего серьезного обсуждения. Мы выступаем открыто во имя воззрений и задач, давно уже в ряде брошюр изложенных перед всей партией. Мы боремся и будем бороться за выдержанное революционное направление

против смуты и шатаний в вопросах и организационных и тактических (см. чудовищно путаное письмо «Новой Искры» к партийным организациям, напечатанное только для членов партии и скрытое от глаз света)[131]). Объявление о выходе нового органа выйдет, вероятно, через неделю или около того. Первый номер числа 1-го—10-го января нового стиля. В редакционной коллегии примут участие все выдвинувшиеся до сих пор литераторы большинства (Рядовой, Галерка, Ленин, Орловский, работавший регулярно в Искре с 46-го—51 №, когда ее вели Ленин и Плеханов, и еще очень ценные молодые литературные силы). Коллегия практического руководства и организации сложного дела распространения, агентуры и пр. и пр. составится (отчасти составилась уже) на основании прямого поручения известных функций известным товарищам целым рядом русских комитетов (Одесский, Екатеринославский, Николаевский, 4 Кавказских Комитета и несколько северных, о которых вы вскоре узнаете обстоятельно). Мы обращаемся теперь ко всем товарищам с просьбой о всякой поддержке. Мы будем вести орган при условии, чтобы он был органом русского движения, а никоим образом не заграничного кружка. Для этого необходима прежде всего и больше всего самая энергичная «*литературная*» поддержка, вернее литературное участие из России. Я подчеркиваю и ставлю в ковычках слово «литературная», чтобы обратить сразу внимание на особый смысл его и предостеречь от недоразумения, очень обычного и страшно вредного для дела. Это недоразумение, будто именно литераторы и только литераторы (в профессиональном смысле этого слова) способны с успехом участвовать в органе; напротив орган будет живым и жизненным тогда, когда на пяток руководящих и постоянно пишущих литераторов— пятьсот и пять тысяч работников не литераторов. Один из недостатков старой Искры, от которого я всегда старался ее избавить (и который вырос в чудовищные размеры в новой Искре) это — слабая работа над ней из России. Мы печатали, бывало, всегда почти без исключения все присылавшееся из России. Орган действительно живой должен печатать одну десятую присылаемого, утилизируя остальное для информации и указания литераторам. Необходимо, чтобы с нами переписывалось как можно большее число партийных работников, именно, переписывалось в обычном значении, в не литературном значении этого слова.

Отчужденность от России, захватывающая атмосфера проклятого заграничного болота до того давят здесь, что единственное спасение — живое общение с Россией. Пусть не забывают этого те, кто не на словах только, а на деле хочет считать (и хочет *сделать*) наш орган — органом всего «большинства», органом массы русских работников. Пусть всякий, кто считает

этот орган своим и кто сознает обязанности социал-демократа—члена партии, откажется раз навсегда от буржуазной привычки думать и действовать так, как это принято по отношению к легальным газетам: дескать, *их* дело написать, а наше прочитать. Над с.-д. газетой должны работать все социал-демократы. Мы просим корреспондировать всех, а особенно рабочих. Давайте пошире возможность рабочим писать в нашу газету, писать обо всем решительно, писать как можно больше о будничной своей жизни, интересах и работе — без этого материала грош будет цена социал-демократическому органу, и он не будет заслуживать названия социал-демократического. Мы просим писать кроме того для *переписки*, заведомо не корреспонденции, т.-е. не для печати, а для товарищеского общения с редакцией и осведомления ее, осведомления не только о фактах, событиях, но и о настроении и о будничной «не интересной», обычной, рутинной стороне движения. Не побывав заграницей, вы представить себе не можете, как нужны нам такие письма (и конспиративного в них нет ровно ничего, и написать раз в неделю, два раза в неделю такое не шифрованное письмо, право же, вполне возможно даже для самого занятого человека). Пишите же нам о беседах на рабочих кружках, о характере этих бесед, о теме занятий, о запросах рабочих, о постановке пропаганды и агитации, о связях в обществе, в войске и молодежи, пишите больше всего о недовольстве нами, социал-демократами, среди рабочих, о их недоумениях, запросах, протестах и т. д. Вопросы практической постановки дела особенно теперь интересны, и нет другого средства ознакомить редакцию с этими вопросами, кроме оживленной переписки не корреспондентского характера, а просто товарищеского свойства; конечно, не у всякого есть уменье и охота писать, но... не говори не могу, а говори не хочу; всегда, если захотеть, в любом кружке, в каждой даже мельчайшей, даже второстепеннейшей группе (второстепенные зачастую особенно интересны, ибо они иногда делают наиболее важную, хотя и невидную часть дела) можно найти одного, двух товарищей, которые могли бы писать. Здесь мы поставили секретарство сразу на широких началах, пользуясь опытом старой «Искры», а вас просим иметь в виду, что *каждый*, без исключения каждый, кто с терпением и энергией возьмется за дело, добьется без труда, чтобы все его письма или девять десятых доходили. Говорю это на основании 3-х летнего опыта старой Искры, имевшей не одного такого корреспондента друга (зачастую незнакомого ни с кем из редакции), ведшего аккуратнейшую переписку. Полиция давно уже абсолютно не в состоянии перехватывать заграничные письма (лишь случайно берут их при экстраординарной небрежности отправителя), и гигантская доля материала старой «Искры» всегда приходила обыкновеннейшим

путем в обычных письмах по нашим адресам. Особенно предостеречь хотели бы мы от приема концентрации переписки только в комитете и только у секретарей. Нет ничего вреднее такой монополии. Насколько обязательно единство в действии, в решении, настолько оно неверно в общем информировании, в переписке. Очень и очень часто бывает, что особенно интересны письма сравнительно «сторонних» (удаленных от комитетов) людей, более *свежо* воспринимающих многое такое, что слишком привычно и упускается из виду опытным старым работником. Давайте побольше возможности писать к нам молодым работникам: и молодежи и работникам и «централистам» и организаторам и простым рядовым членам летучек и массовок.

Только тогда и только при условии такой широкой переписки можем мы все сообща сделать нашу газету — действительным органом *рабочего движения в России.* Усердно просим прочесть это письмо во всех и всяких собраниях, кружках, подгруппах и пр. и пр., как можно шире, а нам написать, как рабочие встретили этот призыв. К идее отделения рабочего («популярного») органа и общего — руководящего — интеллигентского мы относимся очень скептически: мы хотели бы, чтобы с.-д. газета была органом всего движения, чтоб рабочая газета и с.-д. газета слились в один орган. Удаться это может лишь при активнейшей поддержке рабочего класса.

С товарищеским приветом Н. Ленин.

Написано 12 декабря (29 ноября) 1904 г.

Напечатано отдельным листком в декабре 1904 г. Берлинской Группой Содействия Партии.

Печатается по тексту листка.

ЗАЯВЛЕНИЕ И ДОКУМЕНТЫ О РАЗРЫВЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ С ПАРТИЕЙ[132])

Написано 22 (9) декабря 1904 г.
Напечатано отдельной брошюрой в декабре 1904 г.

Печатается по тексту брошюры

В № 77 «Искры» три члена Центрального Комитета, говорящие от имени всего Центрального Комитета, вызывают на третейский суд тов. N «за ложное заявление с целью дезорганизовать партию». Это якобы ложное заявление сделано «через члена Ц. К., не принимавшего участия в выработке декларации», т.-е. через меня. Ввиду моего близкого отношения к делу, а также на основании полномочия, полученного мной от тов. N, я считаю себя вправе и обязанным принять участие в третейском разбирательстве, выступая с следующим обвинением против членов *Ц. К. Глебова, Валерьяна и Никитича.*

Я обвиняю их в незаконных, неправильных, формально и морально недопустимых действиях по отношению к их сочленам по Ц. К. и по отношению ко всей партии.

Так как эти неправильные действия чрезвычайно затягивают и обостряют партийный кризис, влияя при том самым непосредственным образом на массу партийных работников, то я считаю безусловно необходимою гласность разбирательства во всем, что не заключает в себе конспиративных тайн, и потому подробно излагаю содержание своего обвинения.

I. Я обвиняю 3-х членов Ц. К., Глебова, Валерьяна, Никитича, в систематическом обмане партии.

1) Я обвиняю их в том, что они употребили власть, полученную ими от II-го съезда партии, на подавление общественного мнения партии, выразившегося в агитации за III-й съезд. Они не имели никакого права подавлять эту агитацию, составляющую неотъемлемое право каждого члена партии. В частности, они не имели никакого права распускать Южное Бюро за агитацию за съезд. Они не имели ни формального, ни морального права выносить порицание мне, как члену Совета партии, за подачу мной в Совете голоса в пользу съезда;

2) — в том, что они скрывали от партии резолюции комитетов за съезд и, спекулируя на доверие к себе, как к членам высшего партийного учреждения, вводили в заблуждение комитеты, излагая им заведомо-неверно положение дел в партии. Они мешали выяснению истины, отказываясь исполнить просьбу

Рижского Комитета, о напечатании и распространении резолюции 22-х, а равно о доставке в Россию литературы большинства под тем предлогом, что эта литература непартийная;

3) — в том, что в своей агитации против съезда они не остановились даже перед дезорганизацией местной работы, апеллируя к периферии против комитетов, высказавшихся за съезд, дискредитируя всячески эти комитеты в глазах местных работников и тем разрушая доверие между комитетом и периферией, без которого никакая работа невозможна;

4) — в том, что через делегата от Ц. К. в Совете они приняли участие в составлении постановлений Совета относительно условий созыва III-го съезда, постановлений, сделавших съезд невозможным и таким образом закрывших для партии возможность нормального разрешения внутрипартийного конфликта;

5) — в том, что, заявляя комитетам о своей принципиальной солидарности с позицией большинства, заявляя, что соглашение с меньшинством может состояться лишь под условием отказа меньшинства от своей тайной обособленной организации и отказа от кооптации Ц. К., они в то же время входили *тайно от партии и заведомо против ее воли* в сделку с меньшинством на условиях: 1) сохранения автономии за техническими предприятиями меньшинства; 2) кооптации в Ц. К. трех наиболее ярых представителей меньшинства;

6) я обвиняю их в том, что они пользовались своим авторитетом, как члены высшего партийного учреждения, для набрасывания тени на своих политических противников. Они поступили бесчестно по отношению к тов. П., когда постановили в *июле* расследовать дело об его якобы обманном выступлении в Северном Комитете и затем *до сих пор* (22 декабря) не предъявили ему даже обвинения, хотя *Глебов* неоднократно видел П. и хотя тот же *Глебов* позволил себе, в качестве члена Совета партии, называть в «*Искре*» «обманом» поступок товарища, лишенного возможности защититься. Они сказали заведомую неправду, заявив, что *Лидин* не был доверенным лицом (Vertrauensmann) Ц. К. Они вводили в обман членов партии, с целью дискредитировать в их глазах т. Бонч-Бруевича и его сотрудников по экспедиции, печатая в «Искре» (№ 77) заявление, в котором указывается (и притом неверно) лишь один пассив экспедиции — и это после того, как они, через своих уполномоченных, выдали т. Бонч-Бруевичу письменное удостоверение в том, что дело велось им правильно и отчетность находится в полном порядке;

7) я обвиняю их в том, что они воспользовались отсутствием бывших представителей Ц. К. за границей, т. Васильева и т. Зв — ва, чтобы дискредитировать партийное учреждение (библиотеку и архив Р. С.-Д. Р. П. в Женеве). Они поместили

в «Искре», за подписью неведомого мне «представителя» Ц. К., сообщение, в котором совершенно извратили историю и действительный характер этого учреждения.

II. Кроме того, я обвиняю 3-х членов Ц. К., Глебова, Валерьяна и Никитича, в ряде ни морально, ни формально недопустимых действий по отношению к своим сочленам по коллегии.

1) Они разрушили всякую основу партийной организации и дисциплины, предъявив мне (через т. Глебова) ультиматум о выходе из Ц. К. или прекращении агитации за съезд.

2) Они нарушили договор, заключенный от их лица членом Ц. К. Глебовым, когда, вследствие изменения состава Ц. К., исполнение этого договора стало для них невыгодным.

3) Они не имели права на своем июльском заседании объявить тов. N вышедшим из Ц. К., не выслушав ни его, ни моего заявления, тем более, что этим трем членам Ц. К. было известно наше (4-х членов Ц. К.) требование рассмотреть спорный вопрос в общем собрании Ц. К. Объявление тов. N не членом Ц. К. неправильно и по существу, ибо три члена Ц. К. злоупотребили при этом условным (и не сообщенным всем товарищам) заявлением тов. N.

4) Три члена Ц. К. не имели никакого права скрывать от меня перемену своих взглядов и свои намерения. Тов. Глебов утверждал в конце мая, что их точка зрения выражена в составленной ими в марте декларации. Таким образом июльская декларация, коренным образом расходящаяся с мартовской, была принята тайком от меня, и заявления Глебова были обманом.

5) Глебов нарушил условие, заключенное со мной, что в докладе Амстердамскому конгрессу[133]), который взялись писать Дан (делегат от Ц. О.) и он, Глебов (делегат от Ц. К.), — о разногласиях в партии не будет речи. Доклад, составленный одним Даном, оказался полным прикрытой полемики и весь пропитан взглядами «меньшинства». Глебов не протестовал против доклада Дана и таким образом косвенно участвовал в обмане международной социал-демократии.

6) Три члена Ц. К. не имели никакого права отказать мне в заявлении и опубликовании моего особого мнения по важному вопросу партийной жизни. Июльская декларация была послана *для напечатания* в Ц. О. прежде, чем мне была дана возможность высказаться по поводу нее. 18 сентября я послал в Ц. О. протест против этой декларации. Ц. О. заявил, что напечатает лишь в том случае, если этого захотят 3 члена Ц. К., писавшие декларацию. Они того не захотели, и мой протест был ими скрыт от партии.

7) Они не имели никакого права отказывать мне в сообщении протоколов Совета и лишить меня, без формального исключения из Ц. К., всех и всяких сведений о ходе дел в Ц. К., о

назначении новых агентов в России и за границей, о переговорах с «меньшинством», о делах кассы и пр. и пр.

8) Они не имели права кооптировать в Ц. К. трех новых товарищей (примиренцев), не проведя кооптации через Совет, как того требует устав партии в случае отсутствия единогласия, а единогласие отсутствовало, ибо я заявил протест против этой кооптации.

Приложение.

Ввиду важного значения позиции Ц. К. во внутрипартийном конфликте, считаю нужным опубликовать во всеобщее сведение нижеследующие документы:

I. Письма товарища Глебова к членам «Коллегии».

a) Сентябрь.

«С Ц. О. и Лигой отношения еще не определились. После нашего заявления они, надо сказать, обнаглели и их аппетиты растут. Положение наше здесь очень трудное: заграница в руках Лиги, частные источники в руках Ц. О., и потому мы в долгу, как в шелку. Сжимаемый нуждой (на шее 9.000 долгу), я принужден думать о каком-нибудь исходе. Поэтому я обратился к меньшинству с предложением наметить мне проект желательных для них реформ».

b) 7 сентября.

«Вчера вечером в присутствии С. имел деловое свидание с тремя уполномоченными от меньшинства: Поповым, Блюменфельдом и Мартовым».

Из обсуждавшихся на этом собрании, превратившемся, по словам Глебова, «в прелиминарное собрание для подготовки мира», вопросов отметим следующие:

I. Организационные отношения за границей.

«Заботу о российском движении принимает на себя Ц. К., Ц. О. и Лига. Для устранения взаимных трений, бо́льшей заинтересованности в работе и полного доверия, общее руководящее ведение дел вручается комиссии из представителей Ц. К., Ц. О. и Лиги, Ц. К. имеет два голоса и право veto...»

II. Транспорт.

«Ц. О. подчиняется контролю Ц. К. при некоторой автономии. Именно: экспедиция за границей может быть только одна, экспедиция Ц. К. Заведывание своей границей остается в руках Ц. О. Распределение литературы в России принадлежит Ц. К. Для более автономного существования Ц. О. предоставляется юг. Поясню. У Ц. О. есть транспорт. Ц. О. боится, чтобы в случае перемены правления у них не отобрали путь. Поэтому Ц. О. просит организационным путем гарантировать им путь».

c) 7 сентября.

«На договор, заключенный вчера по ведению дел, здесь страшно зол Дан и может быть другие. Вот публика-то прожорливая. Хочется им тут

устроить заграничный комитет из представителей Ц. О., Ц. К. и Лиги, все за границей решающий; конечно, каждый имеет только один голос. Недурно, ведь?»

d) Сентябрь.

«Обращаю внимание на выраженное желание Совета о пополнении (дело идет о пополнении представительства Ц. К. в Совете). Придется выбрать кого-нибудь вместо Ленина, что он объявит, конечно, незаконным. Я бы предложил выбрать в Совет Дана или Дейча, при чем точно оговорить, что они уполномачиваются лишь для заседания в Совете. Больше выбрать, мне кажется, некого».

II. Письмо агента Ц. К. (ныне кооптированного официально в Ц. К.) к т. Глебову:

4-го сентября.

«По поводу декларации получилась такая каша, что трудно разобраться. Ясно одно: все комитеты, кроме Харьковского, Крымского, Горнозаводского и Донского — комитеты большинства. Донской, кажется, нейтрален, но точно об этом неизвестно. Из Комитетов «большинства» — Рижский, Московский, Петербургский и Северный выразили Ц. К. за декларацию недоверие, как я сообщил тебе об этом раньше. Полное доверие Ц. К. получил от очень незначительного числа комитетов. Остальные же выразили ему доверие по примирению — с тем, чтобы в случае неудачи немедленно созвать экстренный съезд. Из числа последних некоторые ставят условием примирения отказ меньшинства считать себя «стороной» и отказ от требования кооптации, как «стороны» (?). Вот картина. В случае неудачи примирения, Ц. К. теряет доверие большинства комитетов и, следовательно, должен будет уже сам агитировать за съезд, чтобы сдать полномочия.

По настроению же комитетов ясно видно, что на съезде пройдут постановления в духе 22-х, т.-е. смещение редакции и передача в руки большинства, изменение Совета партии и т. д. Но чтобы примирение удовлетворило комитеты, необходимо условие, о котором я уже писал тебе — это принятие меньшинством декларации и его отказ считать тебя «стороной». Если они это сделают, я думаю, что Ленин потеряет в России почву, и мир восстановить можно будет. Твоя фраза о том, что дело с Мартовым «понемножку» налаживается, меня удивила. Упорство членов редакции начинает прямо озлоблять, и я, несмотря на идейные и др. к ним симпатии, начинаю терять к ним доверие, как к политическим «вождям». Организационный вопрос они выяснили вполне, и дальнейшее их упорство при отсутствии поддержки из России *(меньшинство бессильно здесь)* будет показывать, что в борьбу они идут лишь из-за мест».

Таково начало торговой сделки, а вот ее финал:

Ц. К. рассылает по комитетам письмо, в котором оповещает комитеты, что

«Переговоры закончатся в самом ближайшем будущем (максимум недели через две), а пока можем сообщить, что 1) Ц. К. никакого мень-

шинства в свой состав не кооптировал (на этот счет ходит кем-то пущенная сплетня...), 2) переговоры с меньшинством ведутся в том же духе, в каком докладывал вам Валерьян, т.-е. если говорить об уступках, то они могут быть только со стороны меньшинства и должны заключаться в отказе от фракционной полемики Ц. О., в распущении тайной организации меньшинства, в отказе от кооптации членов в Ц. К., в передаче всех предприятий (техника, транспорт, связи) Ц. К-ту. Только при этих условиях возможно восстановление мира в партии. Есть основания надеяться, что так это и случится. Во всяком случае, если теперь меньшинство обнаружит желание продолжать свою старую политику, то Ц. К. немедленно прекратит переговоры и приступит к созыву экстренного съезда».

Так успокаивает Ц. К. выражающие ему недоверие комитеты, а вот *письма «видных» деятелей меньшинства*. Письма получены в середине декабря 1904 г. старого стиля.

«Наконец-то мы свиделись с шантрапой. Их ответ был такой: на автономию наших технических учреждений согласны; что касается агитационной комиссии, то они против, находя, что это функция Ц. К. непосредственная (руководство агитацией) и что они предпочитают этому плану реформу Ц. К., *но официально кооптировать сейчас не могут, а предлагают фактическую (неофициальную) кооптацию трем лицам из меньшинства (Попову, Фомину, Фишеру). Разумеется, мы с Х. тотчас же согласились, и отныне меньшевистская оппозиция официально упраздняется.* Точно гора свалилась с плеч. Предстоит на-днях собрание всего Ц. К. вместе с нами, и затем мы назначаем конференцию наиболее близких комитетов.

...Мы, конечно, вполне уверены, что овладеем Ц. К. и направим его как нам желательно. Это тем легче, что многие из них уже признают правильной принципиальную критику меньшинства... Во всех последовательно твердокаменных комитетах (в Баку, Одессе, Нижнем и Питере) рабочие требуют выборной системы. Это явный симптом агонии твердокаменных».

Одновременно с этим получено еще другое письмо:

«Состоялось соглашение между уполномоченными «меньшинства» и Ц. К. Уполномоченными выдана расписка. Но ввиду того, что не было предварительно опроса «меньшинства», то, естественно, и сама расписка является не совсем удачной, т. к. в ней выражается «доверие» Ц. К-ту, а не его объединительной политике; там говорится и о растворении в партии, и о прекращении обособленного существования, а между тем достаточно только второе. Наконец, в этой расписке отсутствует «credo» «меньшинства». Ввиду этого решено еще провести через все организации «меньшинства» резолюцию с «credo» и указанными исправлениями, конечно, признавая соглашение наших уполномоченных с Ц. К. состоявшимся».

* *
*

Весьма вероятно, что пойманные на месте преступления лица, разоблаченные настоящими документами, со свойственной им «моральной чуткостью» приложат все усилия, чтобы отвлечь внимание партии от содержания документов к моральному вопросу о

праве на их опубликование. Я уверен, что партия не позволит морочить себя этим отводом глаз. Я заявляю, что беру всецело на себя моральную ответственность за настоящее разоблачение и дам все надлежащие разъяснения перед третейским судом, который будет рассматривать все дело в целом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. СПИСОК ИЗДАНИЙ ПЕРИОДА АВГУСТ 1903 Г.—ДЕКАБРЬ 1904 Г., В РЕДАКТИРОВАНИИ КОТОРЫХ ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В. И. ЛЕНИН.

За период с августа 1903 г. по декабрь 1904 г. Ленин принимал участие в редактировании следующих изданий:

1) ГАЗЕТА «ИСКРА»:

№ 46 — 28 (15) августа 1903 г.
№ 47 — 14 (1) сентября 1903 г.
№ 48 — 28 (15) сентября 1903 г.
№ 49 — 14 (1) октября 1903 г.
№ 50 — 28 (15) октября 1903 г.
№ 51 — 4 ноября (22 октября) 1903 г.

2) БРОШЮРЫ:

[А. А. Богданов]. «Либералы и социалисты». Женева, 1904 г. Стр. 31.

Павлович [П. А. Красиков]. «Письмо к товарищам о втором съезде Р.С.-Д.Р.П.». Женева, 1904 г. Стр. 23.

«*Комментарий к протоколам второго съезда Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии*». Женева, 1904 г. Стр. 40.

Рядовой [А. А. Богданов]. «Из-за чего война и чему она учит». Женева, 1904 г. Стр. 24.

M. Lydin [М. Н. Лядов]. «Material zur Erläuterung der Parteikrise in der Sozialdem. Arbeiterpartei Russlands». Genf, 1904, S. 85 («Материал для объяснения партийного кризиса в Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии», Женева, 1904 г. Стр. 85). Брошюра издана в русском переводе в 1924 г. под следующим заголовком: «*М. Лядов.* Доклад большевиков Амстердамскому Международному Социалистическому Конгрессу в 1904 году». В предисловии к русскому переводу М. Лядов сообщает, что «книжка эта явилась результатом коллективной работы под редакцией Владимира Ильича» и что «значительная часть книги была написана Владимиром Ильичем». Отсутствие рукописи (брошюра была первоначально написана по-русски, перевод на немецкий язык был сделан М. Лядовым) не позволяет определить те части брошюры, автором которых является Ленин.

Галерка [М. С. Ольминский-Александров] и Рядовой [А. А. Богданов]. «Наши недоразумения». Сборник статей. Женева, 1904 г. Стр. 91.

Галерка [М. С. Ольминский-Александров]. «Долой бонапартизм». Женева. 1904 г. Стр. 23.

«*К партии*». Сборник резолюций. Женева, 1904 г. Стр. 16.

Рядовой [А. А. Богданов]. «О социализме» (Отдельный оттиск из «Рассвета» № 8 — 9). Женева, 1904 г. Стр. 18.

Н. Шахов [Н. И. Малинин]. «Борьба за съезд». Собрание документов. Женева, 1904 г. Стр. 111.

Галерка [М. С. Ольминский-Александров]. «На новый путь». Женева, 1904 г. Стр. 54.

«Речь Людмилы Громозовой». Женева, 1904 г. Стр. 7.

Рядовой [А. А. Богданов]. «Либеральные программы». С приложением статьи: *Галерка [М. С. Ольминский - Александров].* «Семейный спор». Женева, 1904 г. Стр. 23.

Орловский [В. В. Воровский]. «Совет против партии». Женева, 1904 г. Стр. 47.

Последние девять брошюр вышли в издательстве социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина. На обложке большинства этих брошюр печаталось следующее «Заявление»:

«Предпринимая издательство социал-демократической партийной литературы, в особенности посвященной защите принципиальной позиции большинства второго партийного съезда, приглашаем всех сочувствующих к материальной и литературной поддержке этого начинания. В. Бонч-Бруевич. Н. Ленин.»

3) ПАРТИЙНЫЕ ДОКУМЕНТЫ.

Циркуляр Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии членам Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии. [10 октября н. ст. 1903 г.]. Напечатан в «Протоколах II очередного съезда Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии», Женева, 1904 г. См. также «Ленинский Сборник» VII, 1928 г.

Открытое письмо членам Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии. [Октябрь 1903 г.]. Подписано следующими сторонниками большинства: Ортодокс [Л. И. Аксельрод], Бонч-Бруевич, Перова [В. М. Величкина], Инсарова (И. И. Лалаянц-Кулябко), Инсаров (И. Х. Лалаянц), Копягин (Л. Е. Гальперин), Ленин, Литвинов, Петров (В. С. Бобровский), Плеханов, С. Сарафский (Н. Э. Бауман), Шарко (Н. К. Крупская). Напечатано в «Протоколах II очередного съезда Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии», Женева, 1904 г. См. также «Ленинский Сборник» VII, 1928 г.

Ультиматум Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. меньшинству 25 ноября 1903 г. (Письмо Ц. К. Староверу [А. Н. Потресову] об условиях соглашения с меньшинством). Напечатано в брошюре Ю. Мартова «Борьба с осадным положением в Р. С.-Д. Р. П.», Женева, 1904 г. См. также «Ленинский Сборник» VII, 1928 г.

II. УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ И ИСТОЧНИКОВ, УПОМИНАЕМЫХ В. И. ЛЕНИНЫМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ VI ТОМА.

АВТОНОМИЯ ИЛИ ФЕДЕРАЦИЯ? (По поводу статьи против Бунда в № 36 «Искры».) Отдельный листок от 27 (14) апреля 1903 г. Издание заграничного Комитета Всеобщ. Евр. Рабочего Союза в Литве, Польше и России. — 19.

АКСЕЛЬРОД, П. — Объединение российской социал-демократии и ее задачи. — I. Итоги ликвидации кустарничества. II. Общереволюционные и пролетарские тенденции в нашем движении. «Искра», № 55, 15 декабря 1903 г., № 57, 15 января 1904 г. — 139—142, 300, 301, 305, 310, 312.

ВОПРОСЫ ПАРТИЙНОЙ ЖИЗНИ. Отдельное приложение к №№ 73 — 74 «Искры», 1 и 20 сентября 1904 г. — 342.

ВТОРОЙ СЪЕЗД РОСС. СОЦ.-ДЕМ. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ. Отчет делегации Бунда. 1903 г. Стр. II + 62. — 126.

«ВТОРОЙ ОЧЕРЕДНОЙ СЪЕЗД РОСС. СОЦ.-ДЕМ. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ». Полный текст протоколов. Издание Центрального Комитета. Genève (Женева), 1904 г. Стр. 396 + II. — 163 — 178, 180, 182 — 189, 191, 196—207, 211—213, 225, 227—234, 236, 237, 239—242, 245—254, 257 — 263, 302.

ВЫНУЖДЕННОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ. Заявление Боевой организации П. С. Р., с послесловием редакции. «Революционная Россия» № 7, июль 1902 г. — 63.

ГЕЙНЕ, ВОЛЬФГАНГ. — См. Указатель на иностранных языках. — 315, 316.

ГЕРЭ, ПАУЛЬ. — См. Указатель на иностранных языках. — 314.

ГОРИН, В. Ф. [ГАЛКИН] и ЛЯДОВ, М. — Четвертое лицо в третейском суде. Отдельный листок. 1904 г. — 329, 335.

[ДА]Н, [Ф.]. — Письмо о лозунгах оппозиции. 1903 г. (См. в приложении к брошюре Л. Мартова «Борьба с «осадным положением» в Российской Социал-Демократической Рабочей Партии». Женева. 1904 г.) — 128, 130.

ДЕЙЧ, Л. — Открытое письмо членам Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии. Октябрь 1903 г. См. Протоколы второго съезда Лиги, стр. 10 — 13. — 284.

ДОКЛАД СИБИРСКОГО ДЕЛЕГАТА. — См. Н. ТРОЦКИЙ.

«ЗАРЯ» № 4, август 1902 г. [Плеханов, Г.] — Комментарий к проекту программы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. — 117.

ЗАЯВЛЕНИЕ ЗАГРАНИЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ СОЦ.-ДЕМ. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ. Особый листок. 1903 г. — 137.
— ПО ДЕЛУ ВТОРОГО АПРЕЛЯ. Подпись: члены Боевой Организации П.С.Р., товарищи С. В. Балмашева по делу второго апреля. («Революционная Россия» № 27, 1 июня 1903 г. — 62, 64.
— РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ». Отдельный листок. 1900 г. — 162.
ИЗВЕЩЕНИЕ О ВТОРОМ ОЧЕРЕДНОМ СЪЕЗДЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ. Октябрь 1903 г. Подпись: Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. — 105.
ИЗ ПАРТИИ. «Искра» № 62, 15 марта 1904 г. — 329.
«ИСКРА ЗА ДВА ГОДА», ч. II. Сборник статей из «Искры» П. Аксельрода, М. Б-ва, Ф. Дана, В. Засулич, Кольцова, Л. Мартова, Мартынова, Н. Негорева, Парвуса, Г. Плеханова, Старовера, П. Стрельского, Н. Троцкого. С.-Петербург. 1906 г. — 300.
«ИСКРА № 4, май 1901 г. [В. И. Ленин.] — С чего начать? — 188.
— № 20, 1 мая 1902 г. Плеханов, Г. — Смерть Сипягина и наши агитационные задачи. — 63.
— № 23, 1 августа 1902 г. Плеханов, Г. — Вынужденная полемика. — 63, 64.
— № 32, 15 января 1903 г. [В. И. Ленин.] — Извещение об образовании «Организационного Комитета». — 162.
— № 40, 15 мая 1903 г. Мартов, Л. — Тартюфы революционной морали. — 64.
— № 41, 1 июня 1903 г. Троцкий, Л. — Еще о тартюфах. — 64.
— № 42, 15 июня 1903 г. К. Каутский. — Кишиневская резня и еврейский вопрос. (Перевод с немецкого.) — 84, 85.
— № 43, 1 июля 1903 г. — Об агитационных задачах нашей партии. — 304.
— № 52, 7 ноября 1903 г. [Г. В. Плеханов.] — Чего не делать. — 120, 122, 123, 274, 292, 296, 297, 369.
— № 53, 25 ноября 1903 г. В. И. Ленин. — Письмо в Редакцию. Отдел: «Из партии». — 299.
— № 53, 25 ноября 1903 г. Почтовый ящик. — 124.
— № 53, 25 ноября 1903 г. [Г. В. Плеханов.] — Нечто об «экономизме» и об «экономистах». (Мысли вслух по поводу второго съезда Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.) — 304.
— № 53, 25 ноября 1903 г. Наш съезд. — 232, 313.
— № 55, 15 декабря 1903 г. От Редакции. Отдел: «Из Партии». — 138.
— № 55, 15 декабря 1903 г. П. Аксельрод. — Объединение российской социал-демократии и ее задачи. — Итоги ликвидации кустарничества. — 139 — 142, 300, 301, 305, 310, 312.
— № 55, 15 декабря 1903 г. Плеханов, Г. — Забавное недоразумение. — 296.
— № 56, 1 января 1904 г. [Л. Мартов.] — На очереди. (Кружок или партия?) — 165, 173.
— (приложение) № 56, 1904 г. От Редакции. Редакционное примечание к статье Александрова «Организационные вопросы». — 305, 307, 311.
— № 57, 15 января 1904 г. [Г. В. Плеханов.] — Грустное недоразумение. — 299.
— № 57, 15 января 1904 г. П. Аксельрод. — Объединение российской социал-демократии и ее задачи. Общереволюционные и пролетарские тенденции в нашем движении. — 232.
— (приложение) № 57, 1904 г. Практик [М. Макадзюб.] — К вопросу о наших партийных задачах. Об организации. — 308, 309.
— (приложение) № 57, 1904 г. А. Мартынов. — Голос из народа. — 170.

«ИСКРА» № 58, 25 января 1904 г. Л. Мартов. — На очереди. — 310, 320.
— № 58, 25 января 1904 г. Пробуждение демократии и наши задачи.—307.
— № 60, 1904 г. Л. М. [Л. Мартов]. — На очереди. — 313.
— № 61, 5 марта 1904 г. Отдел: «Из партии». — 324, 369.
— № 62, 15 марта 1904 г. — Отдел: «Из партии». — 329.
— № 62, 1904 г. Так ли мы готовимся? — 303.
— (приложение) № 62, 1904 г. Отдел: «Из партии». — 329, 334.
— (приложение) № 63, 1 апреля 1904 г. Г. Плеханов. — От Редакции. (Примечание к статье: «Ответ на письмо Ц.О. представителей Уфимского, Средне-Уральского и Пермского Комитетов.) — 322.
— № 64, 18 апреля 1904 г. Централизм в германской социалдемократической партии. Отдел: «Иностранное обозрение». — 319.
— № 65, 1 мая 1904 г. Г. Плеханов. — Централизм или бонапартизм? (Новая попытка образумить лягушек, просящих себе царя.) — 369.
— № 72, 25 августа 1904 г. Отдел: «Из партии». — 370.
— № 72, 25 августа 1904 г. Отдел: «Из партии». Заявление заграничного представителя Ц. К. Р.С.-Д.Р.П. — 380.
— № 77, 5 ноября 1904 г. Отдел: «Из партии». Заявление. — 379.
— № 77, 5 ноября 1904 г. Отдел: «Из партии». Заявление заграничного представителя Ц.К. — 380, 381.
«ИСКРА О БУНДЕ». «Последние Известия» № 109, 26 (13) февраля 1903 г. — 69.
ИЮЛЬСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. 1904 г. — 360, 363.
КАУТСКИЙ, К. — Кишиневская резня и еврейский вопрос. «Искра» № 42, 15 июня 1903 г. — 84, 85.
— Кишиневская резня и еврейский вопрос. Отдельный оттиск из «Искры» № 42. — 84.
«КОММЕНТАРИЙ К ПРОТОКОЛАМ ВТОРОГО СЪЕЗДА ЗАГРАНИЧНОЙ ЛИГИ РУССК. РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ». Женева, 1904 г. Стр. 40. — 149, 297, 298.
К ПАРТИИ. Отдельный листок, напечатанный в типографии Рижского комитета Р.С.-Д.Р.П. Август 1904 г. — 372.
«КРАТКИЙ ОТЧЕТ О СОБРАНИИ ЧЛЕНОВ РОССИЙСКОЙ СОЦ.-ДЕМ. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ ВТОРОГО СЕНТЯБРЯ 1904 г. В ЖЕНЕВЕ». Издание партийного клуба в Женеве. 1904 г. Стр. 12. — 373.
ЛЕНИН, В. И. — «Письмо Потресову» 13 сентября 1903 г. — 277 — 279.
— Письмо в редакцию «Искры». «Искра» № 53, 25 ноября 1903 г. — 299.
— Письмо к товарищу о наших организационных задачах. Издание Центрального Комитета Р.С.-Д.Р.Партии. Женева, 1904 г. Стр. 31. Предисловие датировано: январь 1904 г. — 137 — 139, 189, 209, 210, 216, 290, 310.
— По поводу заявления Бунда. «Искра» № 33, 1 февраля 1903 г. — 69, 71.
[ЛЕНИН, В. И.]. — Извещение об образовании «Организационного Комитета». «Искра» № 32 1903 г. — 162.
[ЛЕНИН, В. И. и ПЛЕХАНОВ, Г. В.]. — «Письмо Мартову, Аксельроду, В. Засулич, А. Потресову, Л. Троцкому». 6 октября 1903 г. — 280, 298.
[ЛЕНИН, В. И.] — С чего начать? «Искра» № 4, май 1901 г. — 188, 189.
ЛЕНИН, Н. — Ответ на критику нашего проекта программы. (Напечатано отдельной брошюрой вместе со статьей Икса «Об аграрной программе».) Издание Лиги Русск. Революц. Соц.-Демократии. Женева, 1903 г. — 25, 27, 117.

ЛЕНИН, Н. — Почему я вышел из редакции «Искры»? (Письмо в редакцию «Искры».) Отдельный листок. Женева. Типография партии. Декабрь 1903 г. Стр. 8. — 164, 220, 221, 225, 232, 243, 251, 283, 299, 333, 363.
— Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. Stuttgart, Verlag von J. H. W. Dietz. Nachf. (Штутгарт. Издание наследников И.Г.В. Дитца.) 1902 г. Стр. VII + 144. Предисловие датировано: февраль 1902 г. — 21, 22, 32, 37, 55, 138, 189, 206, 208, 209, 216, 290, 344.
— Шаг вперед, два шага назад. (Кризис в нашей партии. Женева. Типография партии. 1904 г. Стр. VIII + 172. Предисловие датировано: май 1904 г.) — 341, 342.
«ЛИСТОК ВОРОНЕЖСКОГО КОМИТЕТА Р.С.-Д.Р.П.» № 12, январь 1904 г. — 323, 324.
Л. — К аграрному вопросу. «Освобождение» № 9 (33), 1903 г. — 114 — 116, 118, 119.
Л. М. [Л. МАРТОВ]. — На очереди. «Искра», № 60, 1904 г. — 313.
МАЛЕНЬКИЕ НЕДОСТАТКИ БОЛЬШОГО СЪЕЗДА. «Революционная Россия» № 37, 1 декабря 1903 г. — 296.
МАНИФЕСТ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ. (1898 г.) — 14.
МАРКС, К. — Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта (1852 г.). — 21, 28.
— Гражданская война во Франции (1871 г.). — 21.
— К критике гегелевской философии права (1844 г.). — 83.
МАРТОВ, Л. — Борьба с «осадным положением» в Российской Социал-демократической Рабочей Партии. (Ответ на письмо Н. Ленина.) Женева. 1904 г. Стр. VIII + 96. — 149, 191, 220, 221, 230, 232, 248, 254, 258, 259, 281—283, 285, 289, 295, 297—299, 315, 321, 322, 330, 333.
— «Еще раз в меньшинстве». На гектографе. [1903 г.] Стр. 20. — 128, 130, 271, 298, 315, 326.
— На очереди. «Искра» № 58, 25 января 1904 г. — 310.
— На очереди. (Кружок или партия?) «Искра» № 56, 1 января 1904 г. — 165.
— Письмо в Редакцию Ц.О. Р.С.-Д.Р.П. 9 октября 1903 г. — 281.
— Проект устава Р.С.-Д.Р.П. [1903 г.] — 190 — 196.
— Тартюфы революционной морали. «Искра» № 40, 15 мая 1903 г. — 64.
[МАРТОВ, Л.]. — Красное знамя в России. Очерк истории русского рабочего движения. Издание Центрального Комитета Р.С.-Д.Р.П. Типография Центр. Ком. 1904 г. Стр. 72. — 73.
МАРТЫНОВ, А. — Голос из народа. «Искра» (приложение) № 57, 15 января 1904 г. — 170.
Н. — См. ДАН, Ф. — 128, 130.
НАШ СЪЕЗД. «Искра» № 53, 1903 г. — 124, 129, 130, 137, 139, 299.
НЕЗАВИСИМЫЙ. — Знаменательный поворот. «Освобождение» № 31 (37), 15 (2) декабря 1903 г. — 296.
НОВОБРАНЦЕВ, П. [А. В. ПЕШЕХОНОВ]. — Основные вопросы русской революционной программы. «Революционная Россия» №№ 32 и 33, 15 сентября и 1 октября 1903 г. — 119.
ОБ АГИТАЦИОННЫХ ЗАДАЧАХ НАШЕЙ ПАРТИИ. «Искра» № 43, 1 июля 1903 г. — 304.
«ОБРАЩЕНИЕ К ЧЛЕНАМ Р.С.-Д.Р.П.» (Листок 19-ти.) Издание Моск. Комитета Р.С.-Д.Р.П. Октябрь 1904 г. — 373.
ОРЛОВСКИЙ [В. ВОРОВСКИЙ]. — Совет против партии. № 11. Издательство социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина. Женева. 1904 г. Стр. 47. — 372.

«ОСВОБОЖДЕНИЕ» № 9 (33), 19 октября (1 ноября) 1903 г. Л. — К аграрному вопросу.
— № 13 (37), 15 (2) декабря 1903 г. Независимый.—Знаменательный поворот. — 296.
— № 57, 15 (2) октября 1904 г. Литература социал-демократического раскола. — 368, 369.
ОТВЕТ ОППОЗИЦИИ НА УЛЬТИМАТУМ Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. 26 ноября 1903 г. См. брошюру Мартова «Борьба с «осадным положением» в российской социал-демократической рабочей партии» стр. 50 — 54. — 299.
ОТДЕЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ к №№ 73 и 74 «ИСКРЫ» 1 и 20 сентября 1904 г. С. Ростовцев. — Нора (Письмо в Редакцию). — 369, 370.
ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СТОРОННИКОВ БОЛЬШИНСТВА ЧЛЕНАМ ЗАГРАНИЧНОЙ ЛИГИ РУССК. РЕВОЛЮЦ. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ. Октябрь 1903 г. См. Протоколы второго съезда Лиги, стр. 13 — 17. — 284.
ОТ РЕДАКЦИИ. «Искра» (Приложение) № 56, 1904 г. — 305, 307, 311.
ОТ РЕДАКЦИИ. Ответ редакции за подписью Г. Плеханова на письмо Ленина в редакцию «Искры»: «Почему я вышел из редакции «Искры». «Искра» № 55, 15 декабря 1903 г. — 139 — 141.
ОТ РЕДАКЦИИ. «Революционная Россия» № 30, 20 августа 1903 г.— 62, 63.
ОТ ЦЕНТР. КОМИТЕТА ПАРТИИ СОЦ.-РЕВ. «Революционная Россия» № 11, сентябрь 1902 г. — 64.
ПАВЛОВИЧ [П. КРАСИКОВ]. — Письмо к товарищам о втором съезде Р.С.-Д.Р.П. Женева. Типография Партии. 1904 г. Стр. 23. — 169, 221, 234, 235, 329.
ПИСЬМО РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ» К ПАРТИЙНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ. Ноябрь 1904 г. — 374.
ПЛЕХАНОВ, Г. — Вынужденная полемика. «Искра» № 23, 1 августа 1902 г. — 63, 64.
— Грустное недоразумение. «Искра» № 57, 15 января 1904 г. — 299.
— Забавное недоразумение. «Искра» № 55, 15 октября 1903 г. — 296.
— Комментарий к проекту программы Российской Социал-демократической Рабочей Партии. «Заря» № 4, август 1902 г. — 117.
— Нечто об «экономизме» и об «экономистах». (Мысли вслух по поводу съезда Российской Социал-демократической Рабочей Партии.) «Искра» № 53, 25 ноября 1903 г. — 304.
— Письмо Л. Мартову от 23 января 1904 г. (В приложении к брошюре Л. Мартова «Борьба с осадным положением в Российской Социал-демократической Рабочей Партии», 1904 г.) — 149 — 152.
— Смерть Сипягина и наши агитационные задачи. «Искра» № 20, 1 мая 1902 г. — 63.
— Централизм или бонапартизм? (Новая попытка образумить лягушек, просящих себе царя.) «Искра» № 65, 1 мая 1904 г. — 373.
[ПЛЕХАНОВ, Г. В.]. — Редакционное примечание к письму Ленина в редакцию «Искры» по поводу статьи Г. Плеханова «Чего не делать». «Искра» № 53, 25 ноября 1903 г. — 296, 299.
— Чего не делать. «Искра» № 52, 7 ноября 1903 г. — 120, 122, 123, 274, 292, 296, 297, 369.
ПРАКТИК (МАКАДЗЮБ, М.). — К вопросу о наших партийных задачах. Об организации. «Искра» (приложение) № 57, 15 января 1904 г. — 162.

ПОЛОЖЕНИЕ БУНДА В РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ. (Из № 34 «Арбейтер штимме».) С приложением резолюций V съезда Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России. 1903 г. Стр. 20. — 78 — 86.

ПОРА. — Письмо в Редакцию. См. РОСТОВЦЕВ, С.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО БУНДОВСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА. «Искра» № 46, 15 августа 1903 г. — 68.

ПОТРЕСОВ, А. — Письмо Г. Плеханову. 3 ноября 1903 г. — 274.

ПРОТОКОЛЫ ВТОРОГО ОЧЕРЕДНОГО СЪЕЗДА ЗАГРАНИЧНОЙ ЛИГИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦ.-ДЕМОКРАТИИ. Под редакцией И. Лисенко и Ф. Дана. Женева. 1904 г. Стр. VIII+136. — 149, 153, 169, 171, 173, 177, 178, 189, 202, 224 — 226, 237 — 239, 243, 251, 258, 262 — 263, 283 — 286, 289 — 291, 294, 315, 318, 334, 335.

ПЯТЫЙ СЪЕЗД ВСЕОБЩ. ЕВРЕЙСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА В ЛИТВЕ, ПОЛЬШЕ И РОССИИ. 7/20 августа 1903 года. Издание Заграничн. Комитета Бунда (Листок). — 68, 69.

«РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ» № 7, июнь 1902 г. Вынужденное объяснение. Заявление Боевой организации П.С.Р., с послесловием редакции. — 63.

— № 11, сентябрь 1902 г. — От Центр. Ком. Партии Соц. Рев. — 64.

— № 27, 1 июля 1903 г. — Заявление по делу второго апреля. Подпись: члены Боевой Организации П.С.Р., товарищи С. В. Балмашева по делу второго апреля. — 62, 64.

— № 30, 20 августа 1903 г. От редакции. — 62, 63.

— №№ 32 и 33, 15 сентября и 1 октября 1903 г. Новобранцев, П. — Основные вопросы русской революционной программы. — 119.

— № 37, 1 декабря 1903 г. Маленькие недостатки большого съезда. — 296.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЯТОГО СЪЕЗДА БУНДА О ПОЛОЖЕНИИ БУНДА В Р.С.-Д.Р.П. «Искра», № 46, 15 августа 1903 г. — 68.

— ПЯТОГО СЪЕЗДА О ПОЛОЖЕНИИ БУНДА В ПАРТИИ ПЕРЕД СУДОМ ПАТРИОТОВ ИСКРОВСКОЙ ФИРМЫ. 22/9 Сентября 1903 г. Издание Заграничн. Комитета Бунда. (Листок.) — 68, 70 — 72.

— ТОВАРИЩЕСКОГО ТРЕТЕЙСКОГО СУДА, СОСТОЯВШЕГОСЯ 19 ФЕВРАЛЯ (3 МАРТА) 1904 г. ПО ОБВИНЕНИЮ ТОВ. ДЕЙЧЕМ ТОВ. ГУСЕВА В УМЫШЛЕННОЙ КЛЕВЕТЕ И В РАСПРОСТРАНЕНИИ ИМ — ГУСЕВЫМ — ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ СЛУХОВ, С ЦЕЛЬЮ ОПОРОЧИТЬ ПОЛИТИЧЕСКУЮ РЕПУТАЦИЮ Т. ДЕЙЧА. Отдельный листок с послесловием Л. Мартова. — 329.

РОСТОВЦЕВ, С. — Пора. (Письмо в Редакцию.) Отдельное приложение к №№ 73 — 74 «Искры», 1 и 20 сентября 1904 г. — 369.

ТАК ЛИ МЫ ГОТОВИМСЯ? — «Искра» № 62, 15 марта 1904 г.

ТРОЦКИЙ, Л. — Еще о тартюфах. («Искра» № 41, 1 июня 1903 г.) — 64.

ТРОЦКИЙ, Н. — 2-ой съезд Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии. Отчет Сибирской делегации. Женева. 1903 г. Стр. 36. — 128.

— Наши политические задачи. (Тактические и организационные вопросы.) Изд. Российской Соц.-Дем. Раб. Партии. Женева. Типография партии. 1904 г. XI + 107. — 370.

УЛЬТИМАТУМ Ц.К. Р.-С.Д.Р.П. ОППОЗИЦИИ, 25 НОЯБРЯ 1903 Г. См. брошюру Л. Мартова «Борьба с «осадным положением» в Российской Социал-Демократической Рабочей Партии». 1904 г., с. 49 — 50. — 297.

ЦИРКУЛЯР ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА Р.С.-Д.Р.П. ЧЛЕНАМ ЗАГРАНИЧНОЙ ЛИГИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ 10 ОКТЯБРЯ 1903 Г. — См. Протоколы второго съезда Лиги, стр. 3 — 5. — 283.

ЧТО ДЕЛАТЬ? См. Ленин, Н. — 189, 206, 208, 209, 216, 290.
ШАХОВ, Н. [Н. И. МАЛИНИН]. — Борьба за съезд. (Собрание документов.) Женева. Кооперативная Типография. 1904 г., стр. 111. — 371.

НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ.

AUS DER WELTPOLITIK. V Jahrgang, № 48, 30 — XI — 03. — 129.
DIE NEUE ZEIT. XXII Jahrgang. 1903 — 1904. I Band. № 2. SS. 39 — 46. Статья: K. Kautsky. — Die Krise in Oesterreich. — 84.
— XXII Jahrgang, 1903 — 1904. I Band, № 4. SS. 97 — 98. Статья: K. Kautsky. — Franz Mehring. — 255 — 257.
— XXII Jahrgang, 1903 — 1904. II Band. № 28. SS. 36 — 46. Статья: K. Kautsky. — Wahlkreis und Partei. — 316 — 318.
«FRANKFURTER ZEITUNG» 1904. 7 April, № 97. Abendblatt («Франкфуртская Газета» 1904 г. 7 апреля, № 97. Вечерний листок). Передовая статья. — 318.
GÖHRE, PAUL (ГЕРЕ, ПАУЛЬ). — Drei Monate Fabrikarbeiter und Handwerkbursche. Eine praktische Studie. Leipzig. Grunow, 1891. SS. 222 (Три месяца подмастерьем и рабочим на фабрике. Практический этюд. Лейпциг. 1891, стр. 222). — 314.
HEINE, WOLFGANG (ГЕЙНЕ, ВОЛЬФГАНГ). — Demokratische Randbemerkungen zum Fall Göhre. «Sozialistische Monatshefte». 1904. I Band. № 4. April. S.S. 281 — 291 (Демократические заметки по поводу инцидента Гёре. «Социалистические Ежемесячники». 1904. I том. № 4. Стр. 281 — 291). — 315 — 316.
KAUTSKY, K. (КАУТСКИЙ, К.). — Wahlkreis und Partei. «Die Neue Zeit». XXII Jahrgang. 1903 — 1904. II Band, № 28. S.S. 36 — 46 (Избирательный округ и партия, XXII год издания, 1903 — 1904. II том, № 28, стр. 36 — 46. — 316 — 318.
— Die Krise in Oesterreich «Die Neue Zeit». XXII Jahrgang. 1903 — 1904. I Band, № 2, S.S. 39 — 46 (Кризис в Австрии. XXII год издания. 1903 — 1904. I том, № 2, стр. 39 — 46). — 84.
— Franz Mehring. «Die Neue Zeit». XXII Jahrgang. 1903—1904. I Band № 4, S.S. 97 — 108 (Франц Меринг. XXII год издания. 1903 — 1904. I том, № 4, стр. 97 — 108). — 255 — 257.
«LA PETITE REPUBLIQUE» («МАЛЕНЬКАЯ РЕСПУБЛИКА») 24 Septembre. 1903. Статья: A. Накэ. — 84.

III. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ.

№ 1 (к стр. 1).

РЕЗОЛЮЦИИ II СЪЕЗДА Р.С.-Д.Р.П. *)

1. О месте Бунда в партии.

Принимая во внимание: а) что теснейшее объединение еврейского пролетариата с пролетариатом тех рас, среди которых он обитает, безусловно необходимо в интересах его борьбы за политическое и экономическое освобождение; б) что только такое теснейшее единство гарантирует социал-демократии успех в борьбе со всяким шовинизмом и антисемитизмом; в) что такое единство нисколько не исключает самостоятельности еврейского рабочего движения во всем, что касается частных задач агитации среди еврейского населения, создаваемых особенностями языка и условиями быта, — второй съезд Росс. Соц.-Дем. Рабоч. Партии высказывает свое глубокое убеждение, что перестройка организационных отношений между еврейским и российским пролетариатом на началах федерации явилась бы существенным препятствием для более полного организационного сближения сознательных пролетариев разных рас и неминуемо принесла бы огромный ущерб интересам всего вообще и в частности еврейского пролетариата России, и потому, решительно отклоняя, как безусловно недопустимую в принципе, всякую возможность федеративных отношений между Росс. Соц.-Дем. Рабоч. Партией и Бундом, как ее составной частью, съезд устанавливает, что Бунд занимает в единой Росс. Соц.-Дем. Рабоч. Партии положение автономной составной части, пределы автономии которой должны быть определены при выработке общепартийного устава. В виду изложенного, рассматривая предложенный делегатами Бунда «Устав», как проект части общепартийного устава, съезд, относя обсуждение его к § 6 порядка дня, переходит к очередным делам.

2. О центральном органе партии.

(Резолюция членов группы «Южный Рабочий» и др.)

Принимая во внимание: а) заслуги «Искры» в деле идейного объединения, в деле развития и защиты принципов революционной социал-демократии и борьбы на почве этих принципов со всевозможными оппортунистическими течениями в нашей партии, а также с течениями, стре-

*) Текст программы партии, принятой съездом, см. в «Приложениях» к V тому Сочинений («Документы и материалы» № 2), стр. 384. *Ред.*

мившимися совлечь движение рабочего класса с единственно верного пути; б) роль «Искры» в деле руководства практической партийной работой и в) руководящую роль «Искры» в объединительной работе, — второй съезд Росс. Соц.-Дем. Рабоч. Партии объявляет «Искру» своим Центральным Органом.

3. О районных организациях.

Съезд признает допустимым учреждение районных организаций, в виде союзов комитетов, в тех областях России, которые отличаются крупными особенностями в отношении языка, состава населения и т. п. Утверждение устава таких организаций поручается Центральному Комитету партии.

4. О местных организациях.

По отношению к местным организациям съезд признает необходимым существование лишь одной руководящей организации в каждом центре деятельности партии и поручает Центральному Комитету принять меры к установлению такого единства. Что же касается не местных организаций — военной, издательской и т. п., то существование таких организаций съезд признает возможным под условием утверждения их Центральным Комитетом партии.

5. О работе среди сектантов.

Принимая в соображение, что сектантское движение в России является во многих его проявлениях одним из демократических течений, направленных против существующего порядка вещей, второй съезд обращает внимание всех членов партии на работу среди сектантства в целях привлечения их к социал-демократии.

Съезд поручает Центральному Комитету заняться вопросом о предложении, заключающемся в докладе тов. Бонч-Бруевича.

6. О показаниях на следствии.

Принимая во внимание: а) что всякие показания, даваемые революционерами на жандармском следствии, независимо от воли революционеров служат в руках следователей главным материалом для обвинения и привлечения к следствию новых лиц; б) что отказ от показаний, если он широко применяется, будет содействовать в сильной степени революционному воспитанию пролетариата, — второй съезд Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии рекомендует всем членам партии отказываться от каких бы то ни было показаний на жандармском следствии.

7. Об отношении к либералам.

(Старовера.)

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия — самостоятельная политическая партия пролетариата, — исходя из того положения своей программы, которое гласит, что партия «поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка», не отказывается вступать и, если к тому представится надобность, вступит при посредстве своих центральных учреждений во временные соглашения с либеральными или либерально-демократическими течениями, при том, однако,

условии, а) что эти течения ясно и недвусмысленно заявят, что в своей борьбе с самодержавным правительством они становятся решительно на сторону российской социал-демократии; б) что они не выставят в своих программах требований, идущих в разрез с интересами рабочего класса и демократии вообще или затемняющих их сознание и в) что своим лозунгом борьбы они сделают всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право.

8. Об отношении к либералам.

(Плеханова.)

Принимая в соображение: а) что социал-демократия должна поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом; б) что поэтому социал-демократия должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии; но что, с другой стороны, она обязана разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявились эта ограниченность и недостаточность, — второй очередной съезд Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии настоятельно рекомендует всем товарищам обращать в своей пропаганде внимание рабочих на анти-революционный и противо-пролетарский характер того направления, которое выразилось в органе г. П. Струве.

9. О социалистах-революционерах.

Принимая во внимание: а) что интересы российского пролетариата вообще и его освободительного движения в особенности требуют, чтобы он в борьбе с абсолютизмом выступал, как вполне самостоятельная политическая сила; б) что только деятельность, направленная на объединение пролетариата в такую силу, вносит социалистически-революционное содержание в борьбу с абсолютизмом; принимая далее во внимание: в) что «социалисты-революционеры» теоретически и практически противодействуют усилиям социал-демократов сплотить рабочих в самостоятельную политическую партию, стараясь, наоборот, удержать их в состоянии политически-бесформенной массы, способной служить лишь орудием либеральной буржуазии, — съезд констатирует, что «социалисты-революционеры» являются не более, как буржуазно-демократической фракцией, принципиальное отношение к которой со стороны социал-демократии не может быть иное, чем к либеральным представителям буржуазии вообще.

Принимая затем во внимание: а) что свои буржуазные тенденции «социалисты-революционеры» преследуют под флагом социализма и б) что, кроме того, или именно потому, как буржуазно-революционная фракция, оказываются совершенно несостоятельными, съезд считает их деятельность вредной не только для политического развития пролетариата, но и для обще-демократической борьбы против абсолютизма.

Исходя из всего этого, съезд безусловно осуждает всякие попытки затушевать принципиальное и политическое значение разногласий между «социалистами-революционерами» и социал-демократами. Наоборот, он признает необходимым, как в интересах развития политической самостоятельности российского пролетариата, так и в специальных интересах освободительного движения против абсолютизма, чтобы социал-демократы выясняли и подчеркивали буржуазные тенденции «социалистов-революционеров» и их практическую несостоятельность с точки зрения обще-демократической.

В виду вышеуказанных соображений съезд решительно осуждает всякие попытки объединения социал-демократов с «социалистами-револю-

дионерами», признавая возможным лишь частные соглашения с ними в отдельных случаях борьбы с царизмом, причем условия таких соглашений подлежат контролю Центрального Комитета.

10. О демонстрациях.

Принимая во внимание: а) что при существующих в России условиях политические демонстрации представляют одно из самых важных средств политического воспитания самых широких масс народа и расширения и укрепления влияния социал-демократии; б) что демонстрации являются вместе с тем лучшим средством систематической дезорганизации правительственного механизма; в) что, постепенно разрастаясь, эти демонстрации должны привести и частью уже приводят к ряду вооруженных столкновений народа с правительственной властью, подготовляя тем самым народные массы к всероссийскому восстанию против существующего строя, — съезд признает необходимым, чтобы местные комитеты пользовались удобными случаями для организации политических демонстраций.

Вместе с тем съезд констатирует, что в прежней постановке этого вопроса на практике замечались существенные недостатки, для устранения которых съездом рекомендуется: 1) комитеты должны широкой предварительной агитацией стараться обеспечить сочувственное отношение к целям демонстрации самых широких слоев населения и осведомленность их о задачах партии; 2) для организации демонстраций следует пользоваться такими моментами, когда существует подходящее для этого настроение рабочих масс, избегая искусственного возбуждения демонстраций при отсутствии такого условия; 3) активное ядро демонстрантов должно быть достаточно многочисленно, хорошо организовано и подготовлено к своей роли; 4) должны быть применяемы меры для того, чтобы в случае необходимости демонстранты могли давать активный и, по возможности, вооруженный отпор полицейским ордам; 5) в виду того, что при демонстрациях все чаще против народа применяются регулярные войска, следует заботиться об ознакомлении солдат с характером и целью демонстраций и призывать их к братанию с народом; следует не допускать ненужного раздражения их со стороны демонстрантов.

Второй съезд Р. С.-Д. Р. П. признает желательным, чтобы Центральный Комитет направлял и объединял усилия местных комитетов по организации демонстраций и взял в свои руки организацию обще-русских политических демонстраций по одному общему плану.

11. О профессиональной борьбе.

Принимая во внимание: а) что профессиональная борьба рабочих является необходимым следствием положения пролетариата в капиталистическом обществе; б) что эта борьба рабочих является одним из главных средств для противодействия тенденции капиталистического строя к понижению жизненного уровня рабочих; в) что эта борьба, поскольку она развивается вне связи с политической борьбой пролетариата, руководимой социал-демократией, ведет к дроблению пролетарских сил и к подчинению рабочего движения интересам имущих классов, — съезд признает, что задачей Р. С.-Д. Р. П. в области профессионального движения является руководство повседневной борьбой рабочих за улучшение условий труда и агитация за устранение всех тех препятствий, которые ставятся профессиональному движению законодательством русского самодержавия, словом — объединение частных столкновений отдельных групп рабочих в одну организованную борьбу класса.

Вместе с тем, в виду все более выясняющегося стремления царского правительства под формой «легализации рабочего движения» захватить в свои руки экономическую борьбу рабочего класса и, развратив его политически, сделать игрушкой своей политики; в виду того, что эта, так называемая, «зубатовская политика» помимо ее реакционно-политической подкладки и полицейски-провокаторских методов ее проведения, есть политика систематического предательства интересов рабочего класса в пользу капиталистов, съезд рекомендует всем товарищам продолжать неустанную борьбу против зубатовщины во всех ее видах, разоблачать пред рабочими своекорыстный и предательский характер тактики зубатовских демагогов и призывать рабочих к объединению в одном классовом движении борьбы за политическое и экономическое освобождение пролетариата. В интересах этой задачи съезд признает желательным, чтобы партийные организации поддерживали и направляли стачки, вызванные легальными рабочими организациями, и пользовались в то же время этими столкновениями для разоблачения реакционного характера союза рабочих с самодержавием.

12. Об антиеврейских погромах.

В виду того, что движения, подобные столь печально известному кишиневскому погрому, не говоря уже об их отвратительном зверстве, служат в руках полиции средством, с помощью которого она пытается задержать рост классового самосознания пролетариата, съезд рекомендует товарищам употреблять все зависящие от них средства для борьбы с такими движениями и для выяснения пролетариату реакционной и классовой подкладки антисемитических и всяких других национально-шовинистических подстрекательств.

13. О фабричных старостах.

Исходя из положений, развитых в резолюции о профессиональной борьбе, и принимая во внимание: а) что новый закон о фабричных старостах по мысли правительства является средством укрепления полицейской опеки над рабочим классом, б) что — как и все попытки правительства к «легализации рабочего движения» — этот закон может и должен стать исходным пунктом для агитации против самодержавия и для развития классового самосознания пролетариата, — съезд рекомендует всем организованным товарищам принимать участие в выборах фабричных старост согласно новому закону и вести агитацию при таких выборах для проведения наиболее надежных представителей рабочих и для разоблачения тактики властей и капиталистов при этих выборах.

14. О постановке пропаганды.

Принимая во внимание: а) что рост рабочего движения в России далеко обгоняет рост кадра сознательных рабочих социал-демократов, могущих быть руководителями все осложняющейся борьбы российского пролетариата; б) что конспиративно-полицейские условия в высшей степени затрудняют правильную постановку кружковой пропаганды в сколько-нибудь широких размерах; в) что такого рода пропаганда встречает значительные препятствия в отсутствии достаточного количества опытных и умелых пропагандистов, — съезд признает необходимым, чтобы местные комитеты обратили самое серьезное внимание на правильную постановку пропаганды, руководясь при этом прежде всего задачей выработки сознательных и активных агитаторов с определенным революционным миро-

воззрением. Съезд предлагает местным комитетам обратить особое внимание на подбор умелых пропагандистов и поручает Центральному Комитету принять все необходимые меры для систематизации и объединения пропагандистской работы на местах, как-то: систематические указатели для занятий в кружках, ряд систематически подобранных брошюр пропагандистского характера и т. д.

15. Об отношении к учащейся молодежи.

Второй съезд Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии приветствует оживление революционной самодеятельности среди учащейся молодежи, предлагает всем организациям партии оказать всяческое содействие этой молодежи в ее стремлениях организоваться и рекомендует всем группам и кружкам учащихся, во-первых, поставить на первый план в своей деятельности выработку среди своих членов цельного и последовательного социалистического миросозерцания, серьезное ознакомление, с одной стороны, с марксизмом, а с другой стороны, с русским народничеством и западноевропейским оппортунизмом, как главными течениями среди современных борющихся передовых направлений; во-вторых, стараться при переходе к практической деятельности заранее заводить связи с социал-демократическими организациями, чтобы воспользоваться их указаниями и избегать, по возможности, крупных ошибок в самом начале работы.

16. Об Амстердамском конгрессе.

Международные социалистические конгрессы должны не только свидетельствовать о солидарности рабочих всего мира, но в известной мере и руководить идейной и практической борьбой пролетариата. Поэтому, второй съезд Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии рекомендует Совету Партии позаботиться о соответствующем представительстве на Амстердамском конгрессе 1904 года, чтобы и там защищать те принципы революционной социал-демократии, которыми партия руководствуется во всей своей деятельности.

17. О партийной литературе.

Принимая во внимание: а) что развитию рабочего движения вширь должно соответствовать возможно более ясное понимание рабочими массами ближайших и конечных целей социал-демократии; б) что насущной задачей партии в данный момент является создание строго выдержанной литературы, доступной для возможно более широкой массы читателей, и считаясь с состоянием партийных сил в данное время, — съезд признает необходимым: 1) чтобы Ц. О. партии уделял возможно более места вопросам политической и общественной жизни в форме, возможно более доступной широкому кругу читателей, с устранением, по возможности, статей чисто-теоретического характера; 2) чтобы в этих видах и в целях более систематического выяснения вопросов социалистической теории «Заря» превращена была в орган партии, причем об условиях издания этого органа съезд поручает Центральному Комитету согласиться с редакцией Центрального Органа; 3) чтобы была создана обширная брошюрная литература, которая ставила бы себе задачей систематическую популяризацию партийной программы и резолюций съезда по вопросам тактики.

Съезд поручает центральным учреждениям партии озаботиться принятием всех нужных мер для проведения в жизнь этих решений.

18. Устав Р.С.-Д.Р.П.

Общий устав партии обязателен для всех частей партии. Исключения определяются особыми приложениями к нему.

1. Членом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций.

2. Верховным органом партии является партийный съезд. Он созывается (по возможности не реже одного раза в два года) Советом Партии. Совет Партии обязан созвать съезд, если этого требуют партийные организации, имеющие вместе право на половину голосов на съезде. Съезд считается действительным, если на нем представлены организации, имеющие вместе право более, чем на половину решающих голосов.

3. Представительство на съезде имеют: а) Совет Партии, б) Центральный Комитет, в) Центральный Орган, г) все местные комитеты, не входящие в особые союзы, д) иные организации, приравненные в этом отношении к комитетам, е) все союзы комитетов, признанные партией. Все означенные организации представляются на съезде каждая одним делегатом, имеющим два голоса; Совет же партии — всеми его членами, имеющими по одному голосу.

Представительство союзов определяется особыми уставами.

Примечание 1. Правом представительства пользуются лишь те организации, которые утверждены не позже, как за один год до съезда.

Примечание 2. Центральному Комитету предоставляется приглашать на съезд с совещательным голосом делегатов тех организаций, которые не отвечают условиям, указанным в примечании 1.

4. Съезд назначает пятого члена Совета, Центральный Комитет и редакцию Центрального Органа.

5. Совет Партии назначается редакцией Центрального Органа и Центральным Комитетом, которые посылают в Совет по два члена; выбывшие члены Совета замещаются назначившими их учреждениями, пятый член замещается самим Советом.

Совет Партии является высшим учреждением партии. Задача Совета согласовать и объединять деятельность Центрального Комитета и редакции Центрального Органа и представлять партию в сношениях с другими партиями. Совету Партии принадлежит право восстановлять Центральный Комитет и редакцию Центрального Органа в случае, если выбывает целиком весь состав одного из этих учреждений.

Совет собирается каждый раз, когда этого требует один из центров, т.-е. редакция Центрального Органа или Центральный Комитет, или два члена Совета.

6. Центральный Комитет организует комитеты, союзы комитетов и все другие учреждения партии и руководит их деятельностью; организует и ведет предприятия, имеющие общепартийное значение; распределяет силы и средства партии и заведует центральной кассой партии; разбирает конфликты как между различными учреждениями партии, так и внутри их, и вообще объединяет и направляет всю практическую деятельность партии.

Примечание. Члены Центрального Комитета не могут быт одновременно ни в какой иной партийной организации, кроме Совета Партии.

7. Редакции Центрального Органа принадлежит идейное руководство партией.

8. Все организации, входящие в состав партии, ведают автономно все дела, относящиеся специально и исключительно к той области партийной деятельности, для заведывания которой они созданы.

9. Помимо организаций, утвержденных съездом партии, все остальные партийные организации утверждаются Центральным Комитетом. Все постановления Центрального Комитета обязательны для всех партийных организаций, которые обязаны также давать определенные Центральным Комитетом средства в центральную партийную кассу.

10. Каждый член партии и всякое лицо, имеющее какое-либо дело с партией, вправе требовать, чтобы его заявление в подлинном виде было доставлено в Центральный Комитет или в редакцию Центрального Органа или партийному съезду.

11. Всякая партийная организация обязана доставлять и Центральному Комитету и редакции Центрального Органа все средства к ознакомлению со всей ее деятельностью и всем ее личным составом.

12. Все партийные организации и все коллегиальные учреждения партии решают дела простым большинством голосов и имеют право кооптации. Для кооптации новых членов и исключения их требуется $^2/_3$ голосов при отсутствии мотивированного протеста. На постановление организации о кооптации или исключении членов допускается апелляция в Совет Партии.

Кооптация новых членов в Центральный Комитет и в редакцию Центрального Органа производится единогласно. В случае, если при кооптации в Центральный Комитет или в редакцию Центрального Органа не достигнуто единогласия, вопрос может быть обжалован в Совет и, в случае кассации Советом решения соответствующей коллегии, вопрос окончательно решается простым большинством голосов.

Центральный Комитет и редакция Центрального Органа извещают взаимно друг друга о вновь кооптированных членах.

13. Заграничная Лига русской революционной социал-демократии, как единственная заграничная организация Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, имеет целью пропаганду и агитацию заграницей, а равно содействие русскому движению. Лига имеет все права комитетов с тем только исключением, что поддержку русскому движению она оказывает не иначе, как через посредство лиц и групп, особо назначенных Центральным Комитетом.

Протоколы II очередного съезда Р.С.-Д.Р.П. Издание Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. Женева, 1904 г.

№ 2 (к стр. 128).

РЕЗОЛЮЦИЯ ОБ ОЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧАХ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ, ПРИНЯТАЯ НА СОВЕЩАНИИ 17 СТОРОННИКОВ МЕНЬШИНСТВА II СЪЕЗДА*).

Сентябрь 1903 г.

Принимая во внимание, что на II съезде нашей партии явственно и — в ряде вопросов — победоносно выступила тенденция резко изменить прежнюю тактику «Искры» и над идейно-воспитующим и идейно-организующим влиянием газеты поставить *юридически закрепленную власть* новой редакции;

принимая во внимание, что тенденция эта воплотилась в учреждении определенным образом составленного Совета который является лишь передаточным механизмом административной власти новой редакции «Искры»

*) Резолюция написана Л. Троцким и Ю. Мартовым. *Ред.*

и орудием ее опеки над ЦК-ом, низводя таким образом последний до роли простого служебно-технического аппарата;

принимая во внимание, что такой метод действий неминуемо должен расколоть партию на замкнутую односторонне-подобранную центральную организацию, с одной — и на широкую разрозненную массу социал-демократических работников, с другой стороны, и тем скомпрометировать самую идею единой, боевой, строго централизованной партии, —

мы признаем необходимым в интересах сохранения и развития единства нашей партии вести энергическую принципиальную борьбу с охарактеризованной выше тенденцией уродливого централизма, подготовляя общественное мнение партии к III съезду.

Но принимая, далее, во внимание, что систематическая идейная борьба обычно-применяемыми внутри партии средствами для нас теперь немыслима, ибо формальная победа тенденции «осадного положения», фиксированная в определенном, искусственно подобранном, личном составе Ц. К., редакции Центрального Органа, а следовательно, и Совета, означает не что иное, как по возможности полное упразднение внутрипартийной идейной борьбы и замену ее административными мероприятиями, —

принимая во внимание, что такая организация высших учреждений партии приспособлена, как это и формулировалось на съезде, для строгого проведения тактики «осадного положения», вступлением к которой явился разрыв с теми, игравшими до съезда руководящую роль, литературными и практическими силами, которые на съезде боролись против нового курса, ближайшим применением которого могут быть лишь приемы отлучения, исключения и разжалования, взамен более сложной, но единственно-положительной работы систематического организационного и идейного воздействия, —

мы считаем для себя нравственно и политически обязательным вести организованными силами практически-организационную борьбу с применением всех мер, которые, не ставя нас вне партии и не компрометируя ни самой партии, ни идеи ее центральных учреждений, могут в возможно близком времени привести нас к такому изменению состава высших учреждений партии, которое обеспечивало бы ей возможность свободно работать над идейным и организационным воспитанием партии.

I. Для достижения поставленной нами цели должны применяться все средства, которые, не ставя нас вне партии, расширяли бы сферу нашего влияния и способствовали проведению в сознание членов партии наших взглядов.

II. В виду того, что одной из причин, обусловивших торжество дезорганизаторских тенденций на съезде, является слабость местных комитетов и малая сознательность их членов, — мы должны взять на себя организаторскую работу на местах и через посредство местных организаций воздействовать на центральные учреждения партии в целях их преобразования.

III. Работая на местах, члены оппозиции отказываются от занятия должностных мест при Ц. К-те до тех пор, пока его состав не подвергнется указанным выше изменениям, которые гарантировали бы его работоспособность и способность к развитию этого учреждения в действительного вождя партии.

IV. Агитация на почве критики работ съезда должна ставить себе практической задачей: 1. Выражение со стороны комитетов отрицательного отношения к политике «осадного положения» и к тем практическим шагам, которые как съезд, так и Ц. К. и Ц. О. приняли в духе этой политики; 2. борьба со всякими тенденциями партийных центров, направленными к подавлению свободы действий или мнений отдельных членов и организаций или к употреблению в организации партии узко кружкового начала; 3. разоблачение неработоспособности созданных съездом партийных учреждений, поскольку она будет проявляться в их политике, и да-

вление со стороны местных комитетов в целях выпуждения к изменению состава этих учреждений.

V. По отношению к Ц. О. в теперешнем его виде оппозиция предпринимает бойкот, выражающийся в отказе от всякого сотрудничества, от содействия по доставке материалов и т. д.

Примечание. Этот бойкот не исключает пользования Ц.О., как официальным партийным учреждением для печатания в нем резолюций, писем в редакцию, опровержений и т. д., равно как и выполнения *обязанности* членов партии присылать в редакцию Ц. О. все выходящие на местах листки, отчеты и пр.

VI. Бойкот с Ц.О. снимется лишь по восстановлении старого состава редакции «Искры» или же после того, как Ц.К. даст возможность бывшей редакции «Искры», как отдельной группе, выполнять те задачи в области партийной литературы, которые не по силам теперешней редакции «Искры» или отвергаются ею с точки зрения политики «осадного положения».

VII. Коллегия бывших редакторов «Искры» образует литературную группу, которая обращается к Ц.К-ту, добиваясь от него разрешения самостоятельно издавать брошюры и листовки по всем вопросам агитации, пропаганды и организационной работы. Группа ставит своей специальной задачей: 1. образование литературного центра, который бы — впредь до завоевания центральных учреждений партии или изменения теперешних обстоятельств — группировал «оппозиционные» элементы в партии, 2. пропаганду тех тактических и организационных идей, которые отделили «оппозицию» от «большинства» и литературную борьбу с тенденцией «ежовых рукавиц» и «осадного положения», 3. обслуживание агитационных нужд местных организаций, как соответственным издательством, так и содействием организации литературного дела для комитетов.

VIII. В случае, если Ц.К-ом не будет разрешено образование такой группы, она ищет выхода: а) в образовании из себя литературной группы при каком-либо местном комитете, в) в рассылке своих произведений частным образом по отдельным комитетам для издания их на месте, с) в издании своих произведений вне партийной фирмы.

IX. В случае, если произвольное и явно незаконное толкование центральными учреждениями своих прав поставит нас — против нашей воли — в нелегальное положение в партии — оппозиция открыто протестует против тактики центральных учреждений, отказывает в повиновении незаконным постановлениям и продолжает свою работу, апеллируя к будущему съезду.

«Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова». Берлин, 1924 г.

№ 5 (к стр. 360).

ЗАЯВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА Р. С.-Д. Р. П. *)

(«Июльская декларация».)

Центральный Комитет, в полном своем составе, — за исключением одного члена, — обсуждал вопрос о современной борьбе групп внутри партии. После обмена мнений *единогласно* принята следующая резолюция:

---

*) Постановление Ц.К. состояло из 26 пунктов; 14 из них носили принципиальный характер или касались крупных организационных вопросов и печатаются здесь; те пункты, которые не были напечатаны в «Искре», взяты в настоящем издании в квадратные скобки. *Ред.*

[1. Кооптировать трех товарищей из числа ближайших сотрудников Ц.К.—Владимира (Льва Карпова), Марка (Алексея Любимова), Иннокентия (Иосифа Дубровинского).]

2. Имея в виду ярко выразившееся на 2-ом очередном съезде партии единомыслие подавляющего большинства членов ее в отношении партийной программы и тактики; принимая, далее, во внимание прочность этого единомыслия, которое, в общем и целом, осталось непоколебимым даже в столь благоприятствующей расколам, насыщенной враждой и недоверием атмосфере внутри-партийной жизни последнего периода; отметив, наконец, что разногласия организационные, поскольку они точно формулированы, далеки от того, чтобы исключалась возможность планомерной централизованной работы всех товарищей,—

Ц.К. признает развивающееся в рядах российской социал-демократии фракционное дробление глубоко противным интересам пролетариата и достоинству партии и выражает убеждение в необходимости и возможности полного примирения враждующих сторон.

3. Считая обеспечение партийного единства своей основной задачей, Ц.К. признает немедленное и энергичное вмешательство свое в борьбу групп безусловно необходимым.

4. Прежде, чем перейти к обсуждению частных вопросов, собрание устанавливает, что основная задача,— обеспечение партийного единства,— требует, чтобы политика Ц.К. в сфере внутренне-партийной жизни сообразовалась с целью умиротворения и слияния «большинства» и «меньшинства» в целую организацию, в согласии с принципами революционной социал-демократии, положенными вторым съездом в основу нашей партии.

5. По вопросу об отношении к Ц.О. партии, собрание приходит к заключениям: а) о неоспоримой законности состава редакции Ц.О. Собрание устанавливает факт признания этой законности всем составом Ц.К. (непрерывная совместная работа: заседания Совета, издание и распространение литературы); б) о столь же неоспоримой высоте Ц.О. во всем, что касается защиты и выяснения *основных принципов* международной социал-демократической программы и тактики. В виду современных условий партийной жизни оба эти заключения подлежат выяснению товарищам в комитетах; в) о наличности дефектов Ц.О., с точки зрения потребностей партийной пропаганды: главным образом, скудны материалы о социал-демократической деятельности на местах и жизни рабочих масс. Собрание полагает, что здесь сказываются, помимо специальных условий работы из-за границы для России, еще и временные обстоятельства борьбы «большинства» и «меньшинства». В целях устранения указанных частных дефектов, Ц.К. считает полезным: установление более живых сношений с редакцией на почве общепартийной работы и энергичную помощь, с своей стороны, Ц.О. в постановке связей с Россией; г) о наличности в Ц.О. фракционных тенденций, принижающих порою Ц.О. партии до боевого органа одной из борющихся групп: односторонняя критика комитетов,—критикуются комитеты «большинства», хотя бы дело шло о недостатках, свойственных партии в целом. Характер этой критики зачастую не товарищески-разъяснительный, соответствующий задаче руководства, а враждебно-полемический, как бы рассчитывающий на то, чтобы опорочить противника. Печатной критике не предшествуют запросы по адресу критикуемых организаций, которые своими ответами, может быть, предупредили бы многие печальные недоразумения. Самым надежным путем к устранению этих дефектов собрание признало всестороннее выяснение товарищам в редакции вне-групповой партийной политики, которую усвоил себе Ц.К., и товарищеское влияние на комитеты, которые отрезывают от себя Ц.О., бойкотируя его.

6. Ц.К. выражает пожелание, чтобы в редакцию Ц.О. вошел тов. Ленин, так как устранение от редакционных обязанностей такого выда

ющегося идейного работника несовместимо с развитием наибольшей продуктивности положительной работы партии в целом.

7. Приняв во внимание вред, причиняемый партийной организации несогласованностью с деятельностью Ц.К. в России деятельности представителя его заграницей, Ц.К. постановляет: в сношениях с Ц.О. представители Ц.К. не предпринимают ответственных действий иначе, как по прямому поручению коллегии.

8. По вопросу об отношении к товарищам из «большинства» и «меньшинства» в практической организационной работе Ц.К. будет придерживаться прежнего своего постановления о предоставлении каждому члену партии той или иной функции, исключительно в зависимости от его социал-демократической работоспособности, и независимо от того, причисляет ли он себя к «большинству» или «меньшинству». Ц.К. рекомендует настоятельно такой же образ действий всем местным организациям.

9. Ц.К. решительно высказывается против созыва *в настоящее время* экстренного съезда и против агитации за этот съезд. В отношении внутренней партийной жизни, съезд, *при данных обстоятельствах*, явился бы серьезной угрозой единству нашей партии. Нуждами практической деятельности он не вызывается. В сфере разработки практических методов борьбы он остался бы бесполезен, ибо слишком уже незначителен накопленный со 2-го съезда опыт. Для развития интенсивной положительной работы, соответствующей современному критическому состоянию страны, съезд явился бы, а агитация за съезд является громадным препятствием, отвлекая массу сил и средств.

10. Доводится до сведения товарищей, что в партийной типографии печатаются произведения, в той или иной степени значительные; что же касается изданий Ц.К., то впредь они будут носить пометку: «изд. Ц.К.».

Единогласно постановлено: а) выяснить товарищам в комитетах характер и цели политики Ц.К. (б) предпринять немедленно попытку к организации конференции для совместной с представителями товарищей, противопоставляющих себя Ц.К-ту, в качестве «меньшинства», выработки тех мер, которые могли бы привести к полному умиротворению партии.

[11. Договор, заключенный между товарищами Лениным и Глебовым об их взаимном выступлении за-границей, как представителей Ц.К. за совместной подписью, считать несогласным с волей Ц.К. и объявить его утерявшим силу.

12. Установить за-границей между товарищами Глебовым и Лениным следующие отношения:

а) тов. Глебову поручается заведывание всеми делами Ц.К. заграницей, как-то: сношения с Ц.О., посылка людей в Россию, касса, экспедиция, типография, разрешение к печати в партийной типографии различных произведений и проч.

б) Тов. Ленину поручается обслуживание литературных нужд Ц.К., печатание его произведений наравне с произведениями остальных сотрудников Ц.К. происходит каждый раз с согласия коллегии Ц.К.

13. Решено напомнить тов. Ленину об исполнении его прямых обязательств перед Ц.К., как литератора. Собрание констатирует печальный факт слабого участия его в литературной деятельности Ц.К.

. . . . . .

18. Распустить Южное Бюро Ц.К. ввиду несогласованности его настоящей деятельности с деятельностью Ц.К. и поручить организацию Южного Бюро тов. Владимиру (Льву Карпову).]

«Искра» № 72, 7 сентября (25 августа) 1904 г. и архивные материалы Института Ленина.

IV. ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) *Второй съезд Р. С.-Д. Р. П.* состоялся 30 (17) июля—23 (10) августа 1903 г. Открылся съезд в Брюсселе, тайно от бельгийской полиции. В Брюсселе съезд имел 15 заседаний (последнее состоялось 4 августа по н. ст.), после чего съезд, из-за полицейских преследований, вынужден был переехать в Лондон, где 11 августа возобновил свои работы. Всего съезд имел 37 заседаний. Председателем съезда был избран Г. Плеханов, вице-председателями—Ленин и П. Красиков. Съезд утвердил программу партии и устав, принял ряд резолюций по главнейшим вопросам революционной борьбы (место Бунда в партии, отношение к либералам, о социалистах-революционерах, о демонстрациях, о профессиональной борьбе и др.; резолюции см. в приложении к настоящему тому, «Документы и материалы» № 1) и избрал Ц. К. и Ц. О.

Во второй половине съезда внутри «искровцев» произошло разделение по вопросу о формулировке § 1 устава и, в особенности, по вопросу о составе центров: это разделение «искровцев» вызвало в дальнейшем раскол съезда на ленинское «большинство» и мартовское «меньшинство».

Всего на съезде присутствовало 43 делегата с решающим голосом, представлявших 25 с.-д. организаций (группа «Освобождение Труда», организация «Искры», Заграничный Комитет Бунда, Центральный Комитет Бунда, Лига Революционной социал-демократии, Заграничный Союз русских социал-демократов, группа «Южный Рабочий», Петербургская рабочая организация и 18 комитетов и союзов). Распределялись делегаты по следующим группировкам:

I. 20 делегатов «искровского большинства» (ленинцы) с 24 голосами: Степанов (Браун), Д. Ульянов (Герц), А. Стопани (Ланге), Л. Книпович (Дедов), Малкин (Орлов), А. Виленский (Ленский), Р. Землячка (Осипов), А. Шотман (Горский), Андрей (Степанов), М. Лядов, В. Горин-Галкин, П. Красиков (Павлович), Б. Кнуньянц (Русов)—2 голоса, А. Зурабов (Беков)—2 голоса, Топуридзе (Карский), Плеханов, Ленин—2 голоса, С. Гусев, Н. Бауман (Сорокин), Петухов (Муравьев).

II. 7 делегатов «искровского меньшинства» (мартовцы) с 9 голосами: М. Макадзюб (Папин)—2 голоса, Мартов—2 голоса, Тродкий, В. Мандельберг (Посадовский), Л. Дейч, В. Крохмаль (Фомин), С. Зборовский (Костич).

III. 4 делегата—сторонники «Южного Рабочего»: В. Розанов (Попов), Е. Левин (Егоров), Е. Левина (Иванов) и Л. Николаев (Медведев).

IV. 3 делегата—сторонники «Рабочего Дела»: А. Мартынов, В. Махновец (Акимов) и Л. Махновец (Брукер).

V. 5 делегатов Бунда: И. Айзенштадт (Юдин), В. Коссовский (Гофман), М. Либер, К. Портной (Абрамсон) и В. Медем (Гольдблат).

VI. Группа «болота», колеблющиеся, поддерживающие группу II: Д. Калафати (Махов) — 2 голоса, Л. Цейтлин (Белов), А. Локерман (Царев), И. Мошинский (Львов)—2 голоса (всего 4 делегата с 6 голосами).

Группы II, III, IV, V и VI составляли анти-большевистскую (антиленинскую) часть съезда (23 делегата с 27 голосами) и имели большинство; после ухода 2 делегатов «Рабочего Дела» (Мартынова и Акимова) и 5—Бунда, они превратились в съездовское меньшинство, а ленинцы (I группа) оказались в большинстве (20 делегатов с 24 голосами). (Приведенная здесь группировка дана Лениным. См. «Ленинский Сборник» VI, стр. 190—192, а также настоящий том, стр. 38 и 49.)

С совещательными голосами на съезде присутствовали: П. Аксельрод, Е. Александрова (Штейн), А. Варский, Р. Гальберштадт (Фишер), Я. Гапецкий, Н. Жордания (Костров), В. Засулич, Б. Кольцов-Гинзбург, А. Кремер (Вольф), Н. Крупская (Саблина), В. Носков (Глебов), А. Потресов (Старовер), К. Тахтарев (Страхов) и А. Якубова (Южин). Итого 14 делегатов.

Подробный анализ работ II съезда дан Лениным в брошюре «Шаг вперед, два шага назад» (см. настоящий том, стр. 155—336). Обширные материалы, относящиеся ко II съезду и последующей эпохе раскола, опубликованы в «Ленинских Сборниках» VI, VII и X.—1.

[2]) Тот проект устава Р.С.-Д.Р.П., который был Лениным внесен непосредственно на съезд, не сохранился. Здесь печатается первоначальный проект устава, приложенный к протоколам съезда и по содержанию своему очень близкий к тексту, внесенному на съезд. (Ср. настоящий том, стр. 191, примечание.) — 12.

[3]) Речь Ленина по вопросу *о действиях Организационного Комитета* была вызвана, вкратце, следующими обстоятельствами. К началу работ съезда из всего состава О.К. налицо присутствовали следующие 5 членов О.К.: П. Красиков-Павлович (искровец, позже большевик), Е. Александрова-Штейн (искровка, позже меньшевичка), К. Портной-Абрамсон (бундист), В. Розанов-Попов (южно-рабоченец, позже меньшевик) и Р. Гальберштадт-Фишер (позже меньшевичка). Таким образом, состав О.К. на съезде был довольно случаен (из 7 «искровцев», бывших в О.К. с его основания, на съезд смог прибыть только один Красиков). Еще в период подготовки съезда О.К. дважды высказался против приглашения на съезд группы «Борьба», мотивировав затем, после открытия съезда, это неприглашение перед мандатной комиссией съезда (от О.К на мандатной комиссии присутствовали Красиков и Александрова, оба заявившие о нецелесообразности приглашения «Борьбы»). Мандатная комиссия (за исключением бундиста) солидаризировалась с мнением О.К. Когда решение мандатной комиссии не приглашать «Борьбу» было доложено съезду (на втором заседании), только что прибывший на съезд член О.К. Е. Левин (Егоров) потребовал перерыва для того, чтобы вновь поставить на О.К. вопрос о «Борьбе». На экстренном «пятиминутном» заседании О.К. все члены О.К., кроме Красикова, голосовали за приглашение на съезд члена группы «Борьба» Д. Рязанова с совещательным голосом; голосовала за это предложение и искровка Александрова, незадолго до этого высказывавшаяся на заседании мандатной комиссии против приглашения «Борьбы». На третьем заседании съезда, когда прения о приглашении «Борьбы» были уже закончены, от имени О.К. выступил Розанов (Попов), сообщивший съезду, с целью повлиять на исход голосования вопроса о «Борьбе», «новое» решение О.К. Взявший слово после Розанова Красиков заявил протест против этого решения; тогда Е. Левин (Егоров) обвинил Красикова в том, что непосредственным обращением к съезду он, выступая против большинства О.К., якобы нарушил партийную дисциплину. После заявления председательствующего на съезде Плеханова о том, что «императивных мандатов у нас нет» и что съезд является высшей партийной инстанцией, и после попытки Егорова оправдаться — выступил с приведенной здесь речью Ленин (подробнее об этом инциденте см. настоящий том, стр. 51 — 53, 93 — 95, 168 — 173). — 16.

[4]) Еще до открытия II съезда Организационный Комитет поставил перед *социал-демократией Польши и Литвы* вопрос об ее отношении к Р.С.-Д.Р.П. Решить этот вопрос должен был IV съезд польской социал-демократии, открывшийся незадолго до начала работ II съезда Р.С.-Д.Р.П. На IV съезде польские социал-демократы сформулировали ряд условий, при соблюдении которых они сочли бы возможным объединение польской социал-демократии с русской, при чем следующие три условия решено было считать ультимативными: 1. Полная самостоятельность польской социал-демократии во всех внутренних делах, касающихся агитации и организации в Царстве Польском и в Литве; собственные съезды, комитеты и литература. 2. Сохранение польской социал-демократией, при наличии общей для всей России с.-д. партии, своего теперешнего названия (в качестве подзаголовка) — «Социал Демократия Царства Польского и Литвы». 3. Предоставление различным польским социалистическим организациям возможности входить в состав общей для всего государства партии только путем присоединения к С.-Д.П. и Л. Когда II съезд приступил к обсуждению вопроса о приглашении польских социал-демократов, резолюция IV съезда об условиях объединения ему еще не была известна. В распоряжении съезда имелось только адресованное съезду письмо А. Варшавского (А. Варского), одного из руководителей польской с.-д., в котором в общей форме сообщалось, что «съезд наш по вопросу об отношении к русской социал-демократии принял резолюцию, признающую дело объединения партии социал-демократии во всей России делом первостепенной важности». II съезд постановил пригласить польских с.-д. с совещательным голосом. Когда польские делегаты — А. Варский и Я. Ганецкий — прибыли на съезд (2 августа н. ст., 10 заседание) и огласили резолюцию об условиях объединения, съезд выбрал специальную комиссию для обсуждения этих условий. Однако, через несколько дней польские делегаты ушли со съезда, заявив, что для польской с.-д. неприемлем § 7 проекта партийной программы-минимум: «Признание права на самоопределение за всеми партиями, входящими в состав государства» (§ 9 — в принятом съездом окончательном тексте. См. V том Сочинений, стр. 382 и 386), и особенно неприемлем комментарий к этому параграфу, данный в статье (Ленина) «Национальный вопрос в нашей программе» в № 44 «Искры» (V том Сочинений, стр. 337). Наибольшие возражения со стороны польских с.-д. вызвало следующее место из статьи Ленина: «Эта программа (т.-е. проект «Искры». *Ред.*) нисколько не исключает того, чтобы польский пролетариат ставил своим лозунгом свободную и независимую республику польскую, хотя бы даже вероятность осуществимости этого до социализма была совершенно ничтожна». Польские с.-д. находили, что статья из № 44 «Искры», противоречащая, по их словам, той, приемлемой для польских с.-д., точке зрения на национальный вопрос, которая была дана в заметке из № 33 «Искры» от 1 февраля 1903 г. «О манифесте армянских социал-демократов» (См. V том Сочинений, стр. 241), якобы комментирует программу в националистическом духе, и предлагали § 7 программы сформулировать следующим образом: «Учреждения, гарантирующие полную свободу культурного развития всем нациям, входящим в состав государства» (См. «Протоколы второго съезда Р.С.-Д.Р.П.», 1904 г., стр. 134—137, 388—390).—17.

[5]) Речь Ленина по вопросу *о месте Бунда в Р.С.-Д.Р.П.* тесно связана со статьей «Максимум беззастенчивости и минимум логики» (см. настоящий том, стр. 68—72 и примечание 30-ое), в которой дан подробный разбор основных принципов проекта устава, предложенного Бундом.—18.

[6]) Названный Лениным листок носит следующий заголовок: «Автономия или федерация? По поводу статьи против Бунда в № 36 «Искры». Листок (на 4 страницах) датирован 27(14) апреля 1903 г., издан Заграничным Комитетом Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше

и России. Направленный непосредственно против статьи Мартова в № 36 «Искры» от 28 (15) марта («Единая русская социал-демократия и интересы еврейского пролетариата»), листок попутно полемизировал и со статьями Ленина в №№ 33 и 34 «Искры» от 14(1) и 28(15) февраля: «По поводу заявления Бунда» и «Нужна ли самостоятельная политическая партия еврейскому пролетариату» (см. Сочинения, т. V, стр. 236 и 245).

Перечисляя условия, необходимые для развития Бунда, как «организации еврейского пролетариата», листок одним из таких условий считал «беспрепятственное распоряжение внутренними делами организации, свободное от мелочного вмешательства со стороны». — 19.

[7]) На обсуждение съезда был представлен *проект программы*, выработанный редакцией «Искры» и «Зари» (см. V том Сочинений, стр. 380 — 384). После общих прений проект был передан на рассмотрение комиссии (Плеханов, Ленин, Аксельрод, Потресов, Айзенштадт-Юдин, Мартынов и Левин-Егоров). По возвращении из комиссии проект подвергся подробному обсуждению по пунктам и после внесения ряда поправок, не менявших основного текста программы, был принят съездом (см. V том Сочинений, стр. 384 — 388). Необходимо отметить следующую поправку, предлагавшуюся программной комиссией: Начало 8-го абзаца проекта читается так (см. V том Сочинений, стр. 381): «Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы существующим порядком вещей, растет число и сплоченность пролетариев и обостряется борьба их с эксплуататорами». Комиссия предлагала после слов «число и сплоченность» вставить «сознательность». Ленин выступил против этой поправки: «Эта вставка вносит ухудшение. Она создает представление, как будто стихийно растет сознательность. В международной же социал-демократии нет сознательной деятельности рабочих, вне влияния социал-демократии» («Протоколы второго съезда Р. С.-Д. Р. П.», 1904 г., стр. 166). — 21.

[8]) В протоколах съезда то место из речи Либера, которое Ленин характеризует как «смешение тов. Либером предводителя дворянства с слоем трудящихся и эксплуатируемых», не записано. Но, очевидно, речь идет о следующем. Отстаивая идею гегемонии рабочего класса в революционном движении и доказывая необходимость для пролетариата, в силу этого, «направить свою агитационную и организационную деятельность во все классы населения», Ленин, процитировав в одной из своих статей за 1901 г. оппозиционную речь одного из предводителей дворянства («Внутреннее обозрение». См. Сочинения, т. IV, стр. 291), закончил эту статью следующими словами: «А предводителям дворянства мы скажем, прощаясь с ними: до свидания, господа завтрашние наши союзники!» Эта фраза в свое время вызвала со стороны антиискровских элементов обвинение Ленина в «неортодоксальности» (см. примечание 137-ое к IV тому Сочинений). Когда на II съезде партии обсуждался проект программы, в частности то место ее, где говорится, что «партия рабочего класса, социал-демократия, зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплуатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата», Либер, возражавший против принятия этого пункта, напомнил, повидимому, в своей речи фразу Ленина «о предводителях дворянства», пытаясь полемически использовать ее для доказательства несостоятельности критикуемого им пункта программы, что вызвало приведенное в тексте замечание Ленина по адресу Либера. — 21.

[9]) Маркс в своей работе «18-ое брюмера Луи Бонапарта» (1852 г.), давая историю борьбы классов в период французской революции 1848 — 1851 г.г., приходит, как известно, к выводу, что государственный переворот 2 декабря 1851 г. (разгон законодательного собрания президентом республики Луи Бонапартом, позднее императором Наполеоном III),

приведший к восстановлению во Франции монархии, стал возможным благодаря тому, что Наполеон III опирался на крестьянство, видевшее в династии Бонапартов представителя своих интересов. «Но, возразят мне,— писал Маркс,—откуда же в таком случае крестьянские восстания в целой половине Франции, жестокие усмирения крестьян войсками, массовые аресты и ссылки крестьян?» На этот вопрос Маркс ответил следующим образом: «Дело в том, что династия Бонапарта представляет не революционного, а консервативного крестьянина, не того крестьянина, который стремится выйти за пределы социальных условий своего бытия, за пределы своей парцеллы (— мелкий земельный участок. *Ред.*), а того, который хочет, напротив, укрепить эти условия; не то сельское население, которое собственной энергией, соединившись с городами, хочет низвергнуть старый порядок, а то, которое, упрямо замкнувшись вместе со своими парцеллами в рамках этого старого порядка, жаждет спасения и покровительства от призрака империи. Династия Бонапартов является представительницей не просвещения, а суеверия крестьян, не их рассудка, а их предрассудков, не их будущего, а их прошедшего...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений. Том III. Гиз. 1921. Стр. 223.) Это место из «18-го брюмера» Ленин напоминает также в своей речи об аграрной программе (стр. 28 настоящего тома).

Следующая ссылка Ленина на Маркса имеет в виду слова Маркса из «Гражданской войны во Франции» (1871 г.): «Коммуна имела полное право объявить крестьянам: «Наша победа — ваша надежда»». (К. Маркс. «Гражданская война во Франции 1870-71 г.г.», перевод с немецкого под редакцией Н. Ленина, Москва, 1919 г., стр. 55.) — 21.

[10]) «*Спорное место из брошюры* «*Что делать?*»» — это та формулировка, которую Ленин дает вопросу о взаимоотношении сознательности и стихийности (см. IV том Сочинений, стр. 384 — 385, 390 — 391, а также примечание 156-ое к IV тому) и которая вызвала на съезде ряд возражений со стороны представителей правого крыла русской социал-демократии (А. Мартынов и В. Акимов-Махновец). Следует отметить, что Мартов и особенно Плеханов целиком солидаризировались по данному вопросу с Лениным. В виду важности этого факта необходимо привести соответствующие выдержки из речи Плеханова на съезде, так как после раскола, когда Плеханов повернул к меньшевикам, он разошелся с большевиками и по вопросу об оценке стихийности и сознательности: «Тов. Мартынов приводит слова Энгельса: «Современный социализм есть теоретическое выражение современного рабочего движения». Тов. Ленин также согласен с Энгельсом, а если бы он не был согласен с ним, то его, действительно, следовало бы повесить. Но ведь слова Энгельса — общее положение. Вопрос в том, кто же формулирует впервые это теоретическое выражение. Ленин писал не трактат по философии истории, а полемическую статью против экономистов, которые говорили: мы должны ждать, к чему придет рабочий класс сам, без помощи «революционной бациллы». Последней запрещено было говорить что-либо рабочим, именно потому, что она — «революционная бацилла», т.-е. что у нее есть теоретическое сознание. Но если вы устраните «бациллу», то остается одна бессознательная масса, в которую сознание должно быть внесено извне. Если бы вы хотели быть справедливы к Ленину и внимательно прочитали бы всю его книгу, то вы увидели бы, что он именно это и говорит. Так, говоря о профессиональной борьбе, он развивает ту же самую мысль, что широкое социалистическое сознание может быть внесено только из-за пределов непосредственной борьбы за улучшение условий продажи рабочей силы». («Протоколы второго съезда», 1904 г., стр. 123.) — 21.

[11]) «*Erfüllungstheorie*» — «теория наполнения пролетариата социализмом», теория, согласно которой пролетариат, в процессе развития капитализма, по мере роста стихийного рабочего движения, автоматически

проникается социалистическим сознанием, «наполняется социализмом». В протоколах съезда этого термина (Erfüllungstheorie), употребленного Акимовым, нет. О взглядах Акимова на соотношение между сознательностью и стихийностью см. в его брошюре «К вопросу о работах второго съезда Российской социал-демократической рабочей партии», Женева, 1904 г., глава «Предпосылки социализма», стр. 18 — 29. — 22.

[12]) Д. Рязанов (Н. Рязанов) выступил с критикой искровского проекта программы в объемистой книге (более 300 страниц), изданной в 1903 г. («Материалы для выработки партийной программы. Выпуск II. Проект программы «Искры» и задачи русских социал-демократов») и охарактеризованной Плехановым как «яркий пример буквоедства» (см. Г. Плеханов ««Ортодоксальное» буквоедство» в №№ 41, 42 и 43 (приложение) «Искры» от 1 июня, 15 июня и 1 июля 1903 г., а также Сочинения под ред. Д. Рязанова, т. XII, стр. 371—410). В этой книге Рязанов подверг, между прочим, специальному разбору союз «и» в следующих словах из проекта программы: «Кризисы *и* периоды промышленного застоя». «Какое значение имеет тут союз «и»?» — спрашивал Рязанов: «Противопоставляет или соединяет?» — и дальше следовало довольно длинное рассуждение по поводу уместности употребления в данном случае союза «и» с точки зрения «ортодоксального марксизма». Поэтому Ленин шутя называет в своей речи книгу Рязанова «ученым трудом о буквах». — 22.

[13]) Доклад Ленина записан в протоколах съезда слишком сжато: из прений видно, что в докладе затрагивались такие вопросы, которые в записи не упомянуты; так, например, Ленин останавливался на проекте устава, выработанном В. Розановым-Поповым, между тем как в записи об этом ничего не сказано.

Для обсуждения представленного Лениным проекта устава (см. стр. 12—13 и 191 настоящего тома) съездом была выделена комиссия в следующем составе: Ленин, Мартов, Е. Левин-Егоров, В. Розанов-Попов и В. Носков-Глебов. — 24.

[14]) При обсуждении съездом проекта *аграрной программы*, выработанного редакцией «Искры» и «Зари» (см. V том Сочинений, стр. 383 — 384), по предложению Ленина 1) в вводном абзаце слова: «партия будет добиваться» заменены словами: «партия требует прежде всего» («На рефератах во время дебатов указывали, что в проекте сознательно сказано «будет добиваться», чтобы этим подчеркнуть, что это мы намерены делать не сейчас, а в будущем. Чтобы не дать оснований для подобных недоразумений, вношу эту поправку. Словами «прежде всего» я хочу сказать, что, помимо аграрной программы, мы еще имеем требования»); 2) отклонено добавление Лядова, предлагавшего сказать вместо «отмены ... повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие» — «отмены ... повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство или на других сельских обывателей, как на податные сословия» («Я против предложения т. Лядова. Мы пишем не проект закона, а лишь указываем общие признаки. У нас среди городских обывателей есть тоже принадлежащие к податным сословиям; кроме того, есть посадские и другие, и, чтобы все это поместить в нашей программе, мы должны были бы говорить языком IX тома свода законов»); 3) о поправке к § 4 см. примечание 15-ое; 4) отклонено предложение Либера (по § 5) о предоставлении судам права устанавливать арендные цены («Мне кажется это излишним, так как непомерно расширилась бы компетенция судов. Мы преследуем цель — понижение арендной платы, а установление такс дало бы возможность землевладельцам ссылкой на определенные факты доказывать свою правоту. Понижение арендных цен исключает всякую мысль о повышении их. Каутский, говоря об Ирландии, указывает, что там введение промысловых судов дало некоторые результаты») («Протоколы второго съезда Р. С.-Д. Р. П.», 1904 г., стр. 212, 214, 226). — 25.

[15]) При обсуждении аграрной программы Костров (Н. Жордания), указавший на наличие пережитков крепостничества в аграрных отношениях на Кавказе, внес предложение пополнить четвертый параграф этой программы следующим пунктом (б): «... партия требует: ... 4. Учреждения крестьянских комитетов... б) для передачи в собственность крестьян на Кавказе тех земель, которыми они пользуются, как временно обязанные, хизаны и проч.» (временно обязанные — крестьяне, не выкупившие еще своих наделов; хизаны — особая категория крестьян в Грузии, не бывших никогда лично крепостными, но несших ряд повинностей в пользу помещиков и несколько раз уже оплативших стоимость тех земель, которые были им предоставлены помещиками). Ленин поддержал предложение Жордания, и оно было принято. — 29.

[16]) Либер в ряде своих выступлений во время обсуждения аграрной программы предлагал исключить из программы весь ее четвертый пункт, требовавший учреждения крестьянских комитетов для возвращения крестьянам земельных отрезков и для ликвидации остатков крепостничества (см. V том Сочинений, стр. 384). Свое несогласие с идеей создания крестьянских комитетов Либер мотивировал тем, что, во-первых, для него сомнительна революционность комитетов и что, во-вторых, в комитетах большинство будет принадлежать кулакам. — 30.

[17]) Речь Ленина, произнесенная им 20 августа н. ст. (31-ое заседание), напечатана в протоколах съезда со следующим редакционным примечанием: «Начало речи Ленина воспроизводится здесь не в том виде, как оно им было записано, а как оно было исправлено при чтении протокола настоящего заседания с согласия Ленина же (см. заседание 35)» (стр. 332 протоколов). Протокол 31-го заседания читался на 35-м заседании, 22 августа н. ст.; на этом заседании была оглашена и потом напечатана в протоколах (стр. 349) первоначальная запись речи Ленина, которая воспроизведена нами в примечании на стр. 34 настоящего тома. — 34.

[18]) Рукопись того «плана», который в подлиннике носит заглавие «Программа II очередного съезда Росс. С.-Д. Р. П.» и который Ленин держал в руках во время своей речи («вот он, у меня этот самый экземпляр, где исправления Мартова записаны красными чернилами»), сохранилась и находится в архиве Института Ленина. «План» напечатан в «Ленинском сборнике» VI, стр. 52 — 60. — 35.

[19]) В редакции «Искры» (Ленин, Мартов, Потресов, Плеханов, Аксельрод, Засулич) неоднократно имели место разногласия (см. примечание 13 к IV тому Сочинений), приводившие к разделению редакции на две равные части и к невозможности, в силу этого, принять определенное решение. В частности, незадолго до открытия съезда между Лениным и Плехановым возникло разногласие по вопросу о целесообразности издания параллельно с «Искрой» еще особого «популярного» органа, которым предполагалось сделать «Южный Рабочий». Плеханов был за издание такого органа, Ленин, опасавшийся влияния сепаратистских тенденций «Южного Рабочего» и отстаивавший необходимость концентрации партийно-литературных сил, — против. Решение по этому вопросу принято не было. На съезде вопрос об издании «популярного» органа не обсуждался, и разногласия редакции по этому вопросу на съезд не переносились. (Постановлением съезда «Южный Рабочий» был закрыт.) Для того, однако, чтобы редакция могла выступать на съезде с единым мнением по тем вопросам, которые могут возникнуть в процессе работ съезда, Ленин предложил ввести в редакционную коллегию седьмого члена, с тем, чтобы привлекать его к разрешению как раз тех вопросов, по которым внутри редакции обнаружатся разногласия. Это предложение редакцией (на заседании отсутствовал только Аксельрод) было принято, и в качестве седьмого члена коллегии единогласно был избран П. Красиков-Павлович

(кроме Красикова, выдвигались еще кандидатуры Л. Троцкого и Г. Кржижановского-Травинского). — 35.

[20]) Заметка «*Противоречия и зигзаги Мартова*», составленная в форме тезисов и кратко резюмирующая поведение Мартова на II съезде, написана Лениным, повидимому, «для себя» и для печати не предназначалась. — 37.

[21]) А. Калмыкова, лично связанная с членами Группы «Освобождение Труда» и «Искры», в особенности с Лениным и Потресовым, которых она знала еще по работе их в Петербурге, имела большое значение для «Искры», которой оказывала всяческую поддержку и которую снабжала необходимыми для ее существования денежными средствами. Первые сведения о событиях на съезде Калмыкова, проживавшая в данное время в Дрездене, получила от сторонников меньшинства и тотчас же написала Ленину о своем отношении к расколу. Для Ленина было, конечно, чрезвычайно важно тенденциозной меньшевистской информации противопоставить свою оценку II съезда и сложившемуся в партии положению, что он и сделал в печатаемых в настоящем томе двух письмах (стр. 38 и стр. 66). Письма Калмыковой к Ленину см. «Ленинский Сборник» VI, стр. 200 и 250.

Упоминаемое на стр. 40 настоящего тома «ведро» — денежные средства для «Искры», которые шли через руки А. Калмыковой. — 38.

[22]) «*Вечно отсутствующий член шестерки*» — П. Б. Аксельрод. — 42.

[23]) «*Рассказ о II-м съезде Р.С.-Д. Р. П.*» написан Лениным для ознакомления сравнительно узкого круга лиц, сторонников большинства из среды заграничного партийного «актива», с обстоятельствами, вызвавшими на съезде раскол. Рукопись переписывалась, с нее снимали копии, и поэтому «Рассказ» получил довольно широкое распространение в эмигрантских соц.-демократических кругах. «Рассказ» был известен и меньшевикам. — 45.

[24]) Повидимому, речь идет о Ю. Стеклове, который в конце 1900 — начале 1901 г. был близок к «искровцам», потом разошелся с ними и предпринял некоторые шаги к сближению с «Рабочим Делом» (см. письмо Г. Плеханова Ленину от 20 апреля 1901 г.: Стеклов «убедился, что в редакторы «Зари» (а также и другого органа) ему не попасть. Убедившись в этом, он решил разорвать с Вами и пристроиться к «Союзу»». («Ленинский Сборник» III, 1925 г., стр. 160.) Позднее Ю. Стеклов был членом группы «Борьба» (см. примечание 22-ое к V тому Сочинений), в 1905 г. стоял на позиции, близкой к большевизму, в эпоху реакции и подъема сотрудничал в большевистских изданиях, перед октябрем 1917 г. вошел в партию большевиков, после октября в течение ряда лет был редактором «Известий», в настоящее время работает в Комитете по заведыванию учеными учреждениями при Ц. И. К. С.С.С.Р. (см. словарь-указатель имен в XX томе Сочинений). — 51.

[25]) На съезде фигурировали следующие «оффициальные» списки кандидатов в Ц. К.: 1) «примирительный» список большинства: Розанов («южно-рабочепец, угодный меньшинству», Троцкий («бывший член меньшинства»), Носков (принимал участие в работах съезда и съездовской борьбе), Ленгник-Васильев и Кржижановский — не были на съезде, 2) аналогичный список меньшинства: Розанов, Троцкий, Крохмаль-Фомин, Носков, Кржижановский, 3) боевой список большинства: Носков-Глебов, Кржижановский-Травинский, Розанов-Попов, 4) аналогичный список меньшинства: Носков-Глебов, Розанов-Попов, Троцкий. При выборах Розанов отказался идти в боевом списке большинства и был заменен Ленгником. Всего в Ц. К. были избраны тайным голосованием 3 сторонника большинства: Носков, Кржижановский и Ленгник; из них назван съезду был только Носков. Подробнее о списках Ц. К. см. стр. 227, 253, 484 — 490 настоящего тома. — 56.

[26]) Статья «*Сорвалось!*» написана в ответ на напечатанную в № 30 «Революционной России» (от 20 августа 1903 г.) заметку «От редакции»,

являющуюся одним из многочисленных документов в полемике между «Искрой» и «Рев. Росс.» по поводу «дела 2 апреля 1902 г.» (убийство министра внутренних дел Сипягина В. Балмашовым). Полемика касалась вопроса о том, действовал ли Балмашов самостоятельно, по своей личной инициативе, или же, как это оказалось в действительности, он совершил террористический акт в качестве члена боевой организации партии социалистов-революционеров и по ее поручению. «Искра» выражала сомнение в принадлежности Балмашова к боевой организации.

Важнейшие статьи и документы «Искры» и «Рев. Рос.» по данному вопросу следующие: 1. Статья Г. Плеханова «Смерть Сипягина и наши агитационные задачи» («И.» № 20, 1 мая 1902 г.). 2. «Вынужденное объяснение»—заявление Боевой организации партии соц.-револ. с послесловием редакции («Р. Р.» № 7, июнь 1902 г.). 3. Статья Г. Плеханова «Вынужденная полемика» («И.» № 23, 1 августа 1902 г.). 4. «Беспримерный поступок» — заметка Саратовской объединенной группы соц.-рев. и соц.-дем. («Р. Р.» № 11, сентябрь 1902 г.). 5. «От Центр. Ком. партии соц.-рев.» (там же). 6. «Заявление» редакции «Искры» («И» № 44, 15 июля 1903 г.). 7. «Заявление по делу 2-го апреля» за подписью: «Члены Боевой организации П. С. Р., товарищи С. В. Балмашова по делу 2-го апреля» («Р. Р.» № 27, 1 июля 1903 г.). 8. «От редакции» («Р. Р.» № 30, 20 августа 1903 г. Цитаты на стр. 62 и 63 настоящего тома взяты из этой заметки).

Ближайшее отношение к полемике имели также следующие статьи «Искры», которые Ленин частью прямо называет, частью косвенно о них упоминает: статья А. Потресова «Революционная беллетристика» (№ 25, 15 сентября 1902 г.; см. стр. 64 наст. тома, строка 4 снизу); статья Л. Мартова «Тартюфы революционной морали» (№ 40, 15 мая 1903 г. «Тартюф»— тип ханжи и лицемера в комедии Мольера того же названия), статья Л. Троцкого «Еще о тартюфах» (№ 41, 1 июня 1903 г.). — 61.

[27]) Перефразировка слов Репетилова из комедии А. Грибоедова «Горе от ума» об одном персонаже, который

«...крепко на руку нечист...
Когда ж об честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем». — 64.

[28]) Повидимому, речь идет об эпизоде из личной жизни Н. Баумана во время пребывания последнего в ссылке. — 64.

[29]) *Пятый съезд Бунда* состоялся в июне 1903 г. Центральным вопросом, стоявшим в порядке дня съезда, был вопрос о положении Бунда в Р.С.-Д.Р.П. Этот вопрос имел особенно важное значение в связи с предстоявшим вскоре II съездом Р.С.-Д.Р.П., на котором организационные отношения между партией в целом и Бундом, служившие предметом постоянной полемики между Бундом, защищавшим федерацию, и «Искрой», отстаивавшей автономию (см. статью «Нужна ли «самостоятельная политическая партия» еврейскому пролетариату» в V томе Сочинений, стр. 245, а также примечание 227 к IV тому Сочинений), должны были получить окончательное разрешение. (О работе съезда см. брошюру: «V-й съезд Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России», Лондон, октябрь 1903 г.). По вопросу о положении Бунда в Р.С.-Д.Р.П. Бунд на своем съезде выработал два проекта устава (устав-максимум и устав-минимум) следующего содержания:

Устав-максимум: § 1. Бунд есть федеративная часть Р.С.-Д.Р.П. § 2. Бунд — социал-демократическая, неограниченная в своей деятельности никакими районными рамками, организация еврейского пролетариата и входит в партию в качестве его единственного представителя, при чем вы-

ступление от имени всего пролетариата определенной территории, на которой, кроме других, входящих в партию, организаций, действует и Бунд, допустимо лишь при участии последнего. § 3. В Ц. К., Заграничный Комитет и на съезды партии Бунд избирает свое представительство, выступающее, как таковое, в тех вопросах, на которые простирается компетенция съездов Бунда. Способ представительства должен быть основан на принципах, одинаковых для всех договаривающихся сторон. § 4. Программой Бунда является общепартийная программа, которую он по вопросам, обусловливаемым особенным положением еврейского пролетариата в России и взаимоотношением общественных сил в среде еврейской нации, имеет право дополнять для себя особыми пунктами, не противоречащими партийной программе. § 5. Бунд имеет свои съезды для разрешения всех вопросов, специально касающихся еврейского пролетариата, свой Ц. К. и Заграничный Комитет. § 6. Бунд имеет право разрешать, руководствуясь программой партии, такие общие вопросы, по которым партийными съездами не вынесено резолюций. Решения эти имеют лишь временную силу — до постановлений общих съездов по соответствующим вопросам. § 7. Бунду предоставляется свободное распоряжение делами своей организации. § 8. Бунд имеет право на беспрепятственное издание, кроме литературы на еврейском языке, и литературы на других языках. С обращением к пролетариату другой национальности Бунд имеет право выступать лишь с согласия на то органов соответствующих частей партии, к пролетариату же всей страны — с согласия Ц. К. партии. Примечание: При обращении к еврейскому пролетариату со стороны других договаривающихся сторон требуется согласие Ц. К. Бунда. § 9-а. Бунд имеет право вступать во временные соглашения для практических предприятий с революционными организациями, не входящими в состав партии и относительно соглашения с которыми нет специального запрета ни со стороны партийного съезда, ни со стороны Ц. К. партии. О каждом таком соглашении Ц. К. Бунда доводит до сведения Ц. К. партии. Совместное выступление в литературе с несоциалдемократическими организациями недопустимо. § 9-б. С особого на то разрешения Ц. К. партии Бунд имеет право вступать и в постоянные соглашения с невходящими в партию соц.-дем. организациями для совместного выполнения некоторых сторон революционной работы. § 10. Съезд партии имеет право отменять все постановления съездов Бунда, за исключением решений, принятых на точном основании настоящей конституции. Если Ц. К. партии усматривает в каких-либо действиях Ц. К. Бунда противоречия с постановлениями общих съездов партии, то он (Ц. К. партии) имеет право потребовать от него объяснений. § 11. В случаях необходимости Ц. К. партии имеет право вступать в сношения с отдельными частями Бунда, но лишь с согласия Ц. К. Бунда. Как должны вестись эти сношения — в каждом отдельном случае определяет Ц. К. Бунда. § 12. Все перечисленные пункты считаются основными и могут быть изменяемы, дополняемы и отменяемы лишь с взаимного согласия договаривающихся сторон. Вышеприведенный проект устава, по решению V съезда Бунда, должен быть предложен II съезду Р. С.-Д. Р. П., как *базис* для обсуждения вопроса о положении Бунда в партии.

Устав-минимум: § 1. По этому пункту V съезд Бунда решил, что всякие формулировки, составленные в духе автономии (например: «Бунд есть автономная часть партии»), безусловно должны быть отвергнуты, то-есть отвержение автономии должно быть выставлено как ультиматум (наоборот: принятие федерации — *не* ультиматум). § 2. Бунд — социал-демократическая, неограниченная в своей деятельности никакими районными рамками, организация еврейского пролетариата и входит в партию в качестве его единственного представителя. § 3. В Ц. К., З. К. и на съезды партии Бунд избирает свое представительство. Способ представительства

должен быть основан на принципах, одинаковых для всех входящих в партию частей. Примечание: Организации местные и районные не признаются в этом отношении частями партии. § 4. Программой Бунда считается общепартийная программа. § 5. Бунд имеет свои съезды для разрешения всех вопросов, специально касающихся еврейского пролетариата, свой Ц. К. и З. К. § 6. Бунду предоставляется свободное распоряжение делами своей организации. § 7. Бунд имеет право на беспрепятственное издание, кроме литературы на еврейском языке, и литературы на других языках. По этому пункту V съезд Бунда решил: если к § 7 будет сделана ограничивающая компетенцию Бунда поправка: «с обращением к пролетариату другой национальности Бунд имеет право выступать лишь с согласия на то органов соответствующих частей партии», то следующее примечание должно быть выставлено как ультиматум: «при обращении к еврейскому пролетариату со стороны других, входящих в партию, частей требуется согласие Ц. К. Бунда. (Организации местные и районные не признаются в этом отношении частями партии)». § 8. Съезд партии имеет право отменять все постановления съездов Бунда. § 9. В случаях необходимости Ц. К. партии имеет право вступать в сношения с отдельными частями Бунда, но лишь с согласия Ц. К. Бунда. § 10. Все перечисленные пункты считаются основными и могут быть изменяемы, дополняемы и отменяемы лишь с взаимного согласия входящих в партию частей. Примечание: Организации местные и районные не признаются в этом отношении частями партии. (Само собой понятно, что Бунд подчиняется всем постановлениям Ц. К. партии, поскольку они носят общепартийный характер, да и вообще организационный устав партии обязателен также для Бунда, за исключением, разумеется, тех его пунктов, которые исключаются специальным уставом, принятым для Бунда.) (Подстрочные примечания к §§ 1 и 7 включены, для удобства чтения, в текст соответствующих параграфов. *Ред.*)

Видя господствовавшее на II съезде настроение (против федерализма и за автономию) делегация Бунда не решилась внести проект-максимум в полном виде и несколько урезала его (был исключен, например, § 1, вторая часть § 2 и т. д.); однако и в сокращенном виде проект-максимум был неприемлем для съезда. Тогда делегация Бунда внесла проект-минимум, тоже урезав его (был исключен § 1, вторая часть § 3 и т. д.), но съезд и в такой форме не согласился принять этот проект, поскольку, несмотря на сокращения и урезки, устав оставался все же построенным на принципах федерализма и национализма. После того как II съезд отклонил § 2 программы-минимум, делегаты Бунда ушли со съезда (28-е заседание, 18 августа н. ст.).

[30]) Резолюции V съезда Бунда были напечатаны в листке (на двух страничках), вышедшем под следующим заголовком: «V съезд Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России. Издание Заграничного Комитета Бунда. 7/20 августа 1903 года». Листок содержит краткую информацию о 5 съезде Бунда, перечень вопросов, стоявших в порядке дня съезда, и принятые по ним резолюции, в том числе резолюцию о положении Бунда в Р. С.-Д. Р. П. («устав-максимум»). Перепечатав эту резолюцию в № 46 «Искры» от 28 (15) августа 1903 г., «Искра» сопроводила ее критической заметкой в том же номере: «Последнее слово бундовского национализма». Автор заметки — Л. Аксельрод (Ортодокс). — 68.

[31]) Ленин имеет в виду листок (на четырех страничках) под заголовком: «Резолюция V съезда о положении Бунда в партии перед судом патриотов искровской фирмы. Издание Заграничного Комитета Бунда. 22/9 сентября 1903 года». В листке напечатан «устав-максимум» Бунда, краткие пояснения к уставу и затем ответ на статью № 46 «Искры». В примечании на стр. 68 настоящего тома Ленин отождествляет этот листок,

изданный Заграничным Комитетом Бунда, с «Последними Известиями» (еженедельный информационный бюллетень, издававшийся тем же З. К. Бунда и нередко полемизировавший с «Искрой»), поскольку названный выше листок представлял собой, по существу дела, особый выпуск «Последних Известий» (одна и та же редакция, типография и тип издания), хотя формально и не носил этого заголовка. — 68.

[32]) Ленин имеет в виду статью «Искра о Бунде» в № 109 «Последних Известий» от 26 (13) февраля 1903 г. — 69.

[33]) Ленин пишет о Центральном Комитете Р. С.-Д. Р. П., что «он еще не родился» — по конспиративным соображениям: к тому времени, когда настоящая статья появилась в № 49 «Искры», Ц. К. уже существовал (он был избран на II съезде Р. С.-Д. Р. П. 20 августа н. ст.). — 72.

[34]) Письмо такого же содержания, за исключением второго и последнего абзацев, было послано Аксельроду, Засулич, Потресову и Троцкому. Ср. стр. 280 настоящего тома; там же (стр. 281) приведен ответ на это письмо Мартова и других. — 73.

[35]) № 5 «Зари» не выходил: продолжение издания осуществить не удалось ни в период редактирования «Искры» Лениным и Плехановым, ни позднее, когда «Искра» перешла к меньшевикам. В виде «отдельных оттисков» из № 5 «Зари» меньшевиками были изданы две статьи: Ортодокс (Л. Аксельрод) «О проблемах идеализма» — в ноябре 1903 г. и А. Мартынова «Социал-демократические победы и буржуазно-демократические реванши» — в августе 1904 г. — 73.

[36]) *Администрация Лиги* формально состояла из 5 членов: Н. Крупская, М. Литвинов, Л. Дейч, Г. Линдов (Лейтейзен) и М. Вечеслов; из них фактически работали только первые три; что касается Линдова и Вечеслова, то они в течение около года не принимали никакого участия в делах администрации. Когда меньшевики подняли вопрос о необходимости созыва съезда Лиги, наличный состав администрации большинством двух голосов (Крупской и Литвинова) против голоса Дейча высказался против съезда. Оставшийся в меньшинстве Дейч потребовал тогда привлечения к голосованию Линдова и Вечеслова; оба эти члена администрации оказались сторонниками созыва съезда. Таким образом, в конце концов, большинством трех голосов против двух решено было созвать съезд Лиги. — 74.

[37]) «Проект обращения Ц. К. и редакции Ц. О. к членам оппозиции» (заголовок принадлежит редакции Сочинений) известен в двух вариантах (см. «Ленинский Сборник» VI, стр. 307 — 311). Печатается тот вариант, который имеет более законченный вид. Обращение послано не было. — 76.

[38]) Этим членом Ц. К. был Ф. Ленгник. — 76.

[39]) «*Арбейтер Штимме*» («*Рабочий Голос*»)—центральный орган Бунда, начал выходить с 1896 г. (до формального возникновения Бунда в 1897 г.). Печатался в России (№ 14 вышел заграницей). С 1896 г. до октября 1905 г. вышло 40 номеров. — 78.

[40]) Слова Мефистофеля студенту из «Фауста» Гете (ч. I, гл. 4).—82.

[41]) Этот эпизод изложен Лениным в статье «Нужна ли «самостоятельная политическая партия» еврейскому пролетариату». (См. V том Сочинений, стр. 245 — 249). — 82.

[42]) Слова Маркса взяты из его известной работы «К критике гегелевской философии права», в которой Маркс характеризовал историческую школу права, как «школу, узаконяющую подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего, школу, объявляющую мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только это кнут старый и прирожденный, исторический кнут, школу, которой история показывает, как бог Израиля своему слуге Моисею, только свое a posteriori («задпюю». *Ред.*). (К. Маркс и Фр. Энгельс. Сочинения. Под редакцией Д. Рязанова и И. Степанова. Том I. ГИЗ. 1923, стр. 367). — 83.

[43]) Ленин имеет в виду статью К. Каутского: «Die Krisis in Österreich» («Кризис в Австрии») в «Die Neue Zeit», B. I, 1903 — 1904, № 2. — 84.

[44]) *Сионизм* — буржуазно-националистическое движение среди евреев, ставящее своей конечной целью создание самостоятельного еврейского государства в Палестине. I конгресс сионистов (в 1897 г., в Базеле) официально формулировал задачу сионизма следующим образом: «Сионизм стремится создать для еврейского народа правоохраненное убежище в Палестине». Для осуществления этой цели сионисты вели длительные переговоры с рядом правительств, в особенности с турецким: переговоры закончились неудачей, породив среди части сионистов стремление взамен Палестины колонизовать Уганду (английская колония в Восточной Африке). Предпринятые в этом направлении попытки тоже закончились безрезультатно. Сионизм никогда не представлял массового движения и охватывал своим влиянием, главным образом, зажиточные элементы среди евреев и часть еврейской интеллигенции. Вдохновитель и идеолог сионизма — Теодор Герцль (1860 — 1904), обосновавший современный сионизм в брошюре «Еврейское государство» (1896). — 85.

[45]) *Гетто* — еврейские кварталы в средневековых городах Западной Европы, изолированные от остальной части города; единственное место, где могли проживать евреи. В некоторых городах гетто просуществовали до половины 19-го века. — 85.

[46]) Ленин имеет в виду, главным образом, следующие статьи, напечатанные в 1903 г. в руководящем органе П. П. С. «Przedświt» («Рассвет»): «Stosunek socyalnej demokracyi rosyjskiej do kwestyi narodowosciowej» («Отношение социал-демократии к национальному вопросу») в № 3 за май, стр. 81 — 88; «Bund» («Бунд») в № 6 за июнь, стр. 228 — 238, и «Iskra o kwestyi polskiej» («Искра о польском вопросе») в № 9 за сентябрь, стр. 361 — 373. — 86.

[47]) *Второй съезд Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии* происходил с 26 по 31 октября н. ст. 1903 г. в Женеве и имел 6 заседаний. На съезде присутствовало 15 сторонников большинства (Ленин, Плеханов, Н. Крупская, Н. Бауман, Л. Аксельрод, М. Литвинов, В. Бобровский, Л. Гальперин, И. Аксельрод, В. Бонч-Бруевич, В. Величкина, И. Лалаянц, П. Лалаянц-Кулябко, О. Пятницкий и Кореневский), располагавших в общей сложности 18 голосами (отсутствовавшие члены Лиги имели право передачи голосов), и 18 сторонников меньшинства (П. Аксельрод, И. Басовский, И. Блюменфельд, М. Вечеслов, Ф. Дан, Л. Дейч, В. Засулич, Б. Кольцов-Гинзбург, В. Крохмаль, И. Леман-Смидович, Ю. Мартов, А. Потресов, Л. Троцкий и др.) с 22 голосами; не примыкавший ни к меньшинству, ни к большинству К. Тахтарев имел 2 голоса. Таким образом, из общего числа 42 голосов на съезде Лиги большинство принадлежало оппозиции, решившей противопоставить съезд Лиги — съезду партии и превратить Лигу в опорный пункт для борьбы за преобладание в партии и за овладение ее центральными учреждениями.

В порядке дня Лиги стояли следующие вопросы: 1) доклад администрации Лиги (Л. Дейча и Н. Крупской); 2) доклад делегата Лиги на II съезде партии; 3) устав Лиги и 4) выборы администрации Лиги.

После того, как был заслушан и утвержден доклад Администрации, Лига перешла ко второму вопросу порядка дня, по которому доклад должен был делать Ленин, представлявший Лигу на съезде партии. Пользуясь своим большинством, оппозиция приняла решение дать вслед за Лениным слово Мартову для содоклада. Остальная часть первого заседания ушла на предварительное обсуждение некоторых вопросов, связанных с постановкой доклада Ленина (см. замечания Ленина на стр. 89 настоящего тома. *Ред.*). Доклад был сделан на II заседании Лиги (27 октября). Вторую часть этого заседания и половину следующего (28 октября) занял содоклад Мартова, составленный им в взвинченно-истерических тонах (в «Шагах» Ленин на-

звал содоклад Мартова «продуктом больных нервов»). Сторонники большинства характеризовали «лирико-патетическую» речь Мартова, как «систематическое перенесение политических и принципиальных вопросов на субъективно-нравственную почву и на личности; квалификация тех или иных политических шагов, как «интриганство», «предательство»; сведение принципиального вопроса о том или другом понимании значения выборов редакционной тройки на вопрос о том, кто «солгал», кто «обманул партию»» («Комментарий к протоколам II съезда Заграничной Лиги Русск. Революционной Социал-Демократии», 1904 г., стр. 13). Речь Мартова, переполненную темными намеками на якобы морально-недопустимое поведение Ленина в период съезда в вопросе о пресловутой тройке, с ссылками на частные разговоры членов редакции, лиговское большинство поддерживало шумными аплодисментами и криками. По окончании содоклада Мартова Ленин внес протест против «постановки Мартовым вопроса о том, кто солгал или кто интриговал» в изложении частных бесед, как против «жалкого приема борьбы», и заявил, что он принимает «всякий третейский суд» в этом вопросе и что Мартов обязан «поддержать свои обвинения открыто и за своей подписью перед всей партией» (месяц спустя Мартов взял обратно те обвинения, которые были брошены им на съезде Лиги по адресу Ленина, и таким образом вопрос о третейском суде отпал). Вслед затем Ленин и сторонники большинства, видя явную невозможность и бесцельность принципиальной полемики с оппозицией, покинули заседание Лиги.

В начале четвертого заседания (29 октября) Ленин и сторонники большинства заявили о своем отказе принимать участие в прениях по докладу о II съезде партии ввиду «перенесения Мартовым прений на недостойную почву» и вновь покинули заседание Лиги, предоставив меньшевикам одним обсуждать доклад Ленина и содоклад Мартова, слушать заключительное слово Мартова и голосовать резолюции. Меньшевистское большинство Лиги приняло 29 октября по второму вопросу порядка дня следующие три резолюции:

1. «Принимая во внимание, 1) что задачей II съезда партии было утвердить партийное единство, подготовлявшееся литературной и организационной работой «Искры» и О. К.; 2) что эта идейная и организационная работа, подготовившая партийный съезд, стремилась сплотить все революционно-социал-демократические силы около двух независимых партийных центров для того, чтобы органически связать все сознательные элементы рабочего движения в боевую централизованную политическую партию, —

Лига выражает свою солидарность с решениями II съезда, давшими партии программу и наметившими основы партийной тактики, — приветствует принятие обязательного для всех частей партии организационного устава, как крупный шаг к устранению царившей до сих пор дезорганизации; Лига констатирует далее, что выход Бунда из партии, представляя факт в высшей степени прискорбный по своим последствиям для общерусского и, в частности, для еврейского рабочего движения, явился результатом преобладания в организационной политике Бунда ложно понимаемых интересов еврейского пролетариата над действительными классовыми интересами всего пролетариата России.

Вместе с тем, Лига выражает свое глубокое сожаление по поводу того, что, благодаря проявившимся на съезде тенденциям, по существу идущим в разрез с прежней политикой «Искры», при выработке партийного устава не было обращено должного внимания на создание достаточных гарантий для ограждения независимости и авторитета Центрального Комитета и что съезд при учреждении официальных центров партии игнорировал преемственную связь с фактически сложившимися центрами, ослабив таким образом положительное значение тех шагов, которые он

сделал во время первой половины своих работ, и значительно затруднив деятельность всех партийных работников по сплочению сознательных элементов борющегося пролетариата».

2. «Принимая во внимание: 1) что задача развития классового самосознания и политической самодеятельности пролетариата должна определять собою не только тактику, но и организацию социал-демократической партии; 2) что на той ступени развития, которой достигло рабочее движение в России, указанная задача всесторонним образом может быть выполнена Российской Социал-Демократией только в рамках и на почве строго централизованной организации; 3) что настоятельная потребность в такой организации породила в среде Российской Социал-Демократии, как реакцию против недавно царившей в ней анархии, тенденцию к централизму бюрократическому, по самой сущности своей неспособному органически объединять составные элементы общества, ставящему на первый план не внутреннее объединение, а внешнее, формальное единство, осуществляемое и охраняемое чисто механическими средствами, путем систематического подавления индивидуальной инициативы и общественной самодеятельности; 4) что торжество такого централизма в нашей партийной организации вызвало бы сильнейшую рознь между ее наиболее самостоятельными, наиболее политически зрелыми элементами, с одной стороны, и проводниками системы самодержавно-бюрократического управления партией, с другой, рознь, которая неизбежно толкала бы охранителей этой системы в мнимых интересах дисциплины к применению приемов и методов самообороны, несовместимых с историческими задачами социал-демократии, способных развратить мысль и волю этих представителей, внести путаницу в умы массы товарищей, принизить их политическое сознание, дискредитировать самую идею социал-демократического централизма и в конце концов привести к внутренней и внешней дезорганизации Российской Социал-Демократии; 5) что такое положение дел внутри ее отразилось бы самым гибельным образом на политическом развитии пролетариата и лишило бы ее возможности выполнить свою ближайшую историческую миссию — подготовить российский пролетариат к самостоятельной политической роли в период революционного разрушения самодержавного государственного строя России;

принимая все это во внимание,

Лига обращается ко всем сознательным товарищам с призывом повести в рамках партийного устава систематическую борьбу против тенденций к бюрократическому централизму во имя централизма истинно-социал-демократического, необходимого для объединения российского пролетариата в самостоятельную политическую партию». (Резолюция была внесена Аксельродом, Потресовым, Мартовым и Засулич.)

3. «II очередной съезд Лиги с удовольствием констатирует ту выдающуюся роль, которую играл делегат ее на втором партийном съезде, и выражает свою полную солидарность с позицией, занятой делегатом при обсуждении программных вопросов и вопроса о положении Бунда в партии.

В то же время Лига выражает сожаление, что она отнюдь не может признать, чтобы позиция тов. Ленина в организационных вопросах соответствовала тем взглядам, которые положены в основу деятельности Лиги и всегда выдвигались редакцией «Зари» и «Искры»».

На пятом и шестом заседании Лиги (30 и 31 октября), происходившем при участии сторонников большинства, обсуждался составленный меньшевиками проект устава Лиги (докладчик — Л. Троцкий). Меньшевики отстаивали право Лиги на самостоятельное издание общепартийной литературы, параллельно с Ц. О., и включили в устав ряд других пунктов, противоречащих уставу партии, принятому II съездом; помимо того, они оспаривали право Ц. К. утверждать устав Лиги. Когда присутство-

вавший на съезде Лиги член Ц. К. X (Ф. Ленгник) потребовал в конце 6-го заседания (31 октября) от имени Центрального Комитета исключить или изменить противоречащие партийному уставу пункты только что принятого меньшинством устава Лиги, оппозиция отказалась выполнить это постановление Ц. К. Тогда Ф. Ленгник объявил собрание незаконным, как «неисполнившее распоряжение Ц. К.», и удалился с него. Вместе с тем «при общем возбуждении» покинули съезд Лиги и сторонники большинства. Оставшаяся на съезде оппозиция избрала администрацию Лиги (Дейч, Дан, И. Леман-Смидович), и съезд был закрыт. Таким образом, на съезде Лиги углубился разрыв между сторонниками меньшинства и сторонниками большинства.

1 ноября вопрос о конфликте Лиги с Ц. К. был поставлен на обсуждение Совета Партии (Г. Плеханов — «пятый» член Совета, избранный съездом; Ленин и Л. Гальперин-Игрек — от Ц. О.; Ф. Ленгник — от Ц. К.; Ф. Ленгник имел также голос находившегося в России члена Ц. К. В. Носкова). Совет утвердил действия Ленгника на съезде Лиги и поручил ему реорганизовать Лигу. (О Лиге см. «Протоколы II очередного съезда Заграничной Лиги русской революционной социал-демократии», 1904 г., издание меньшинства, и «Комментарий к протоколам II съезда заграничной Лиги русской революционной социал-демократии», 1904 г., издание большинства).

Запись речей Ленина в протоколах (редактировались и изданы протоколы меньшевиками) не вызвала позднее, после опубликования протоколов, каких-либо поправок с его стороны или со стороны большинства; поэтому можно считать эту запись более или менее удовлетворительно воспроизводящей содержание речей Ленина. Доклад Ленина на съезде Лиги был напечатан в протоколах Лиги со следующим примечанием редакции: «Тов. Ленин не представил конспекта своей речи, но просмотрел и одобрил конспект, составленный секретарем. Разумеется, на полноте изложения это отразилось». — 87.

[48]) Мартов предлагал докладчику (Ленину) не касаться в своем реферате частных заседаний организации «Искры». Ленин и Плеханов возражали против такого ограничения, при чем Плеханов заметил, что в речи Мартова он видит «удивительный метод исследования истины — метод усечения способов узнания оной». В ответ на замечание Плеханова Мартов заявил, что в таком случае он, Мартов, предлагает «касаться всего решительно» и что в своем содокладе он расскажет «и о противоречиях, бывших в поведении т. Плеханова: на частных заседаниях «Искры» он говорил одно, а на съезде — другое». Позднее Мартов, в виду протеста Плеханова, принужден был признать, что его заявление было неверным. (См. «Протоколы II очередного съезда Заграничной Лиги Русской Революционной Соц.-Демократии», 1904 г. Стр. 39, 41 — 42, 134, 135.) — 90.

[49]) Поскольку на заседании Лиги 26 октября возник спор о том, насколько целесообразно и необходимо в докладе о II съезде партии касаться частных совещаний организации «Искры», Ленин потребовал определенного голосования по этому вопросу, заявив, что «пока не будет прямого вота, — я не буду касаться заседаний организации «Искры»». Тогда Лига, по предложению Мартова, приняла следующую резолюцию: «В виду заявления тов. Ленина, съезд постановляет просить тов. Ленина и тов. Мартова касаться в своих рефератах всего, что они сочтут нужным». — 91.

[50]) «*Неподанное заявление*» (заголовок документа принадлежит Ленину) предназначалось для внесения на съезд Лиги 29 октября, но внесено не было.

«Частный разговор», который приводил Мартов в своем содокладе и о котором упоминает Ленин на стр. 102 настоящего тома, происходил между Лениным, Мартовым и Старовером (Потресовым) незадолго до съезда. В протоколах Лиги (стр. 64 — 65) эта часть содоклада Мартова,

излагающая «частный разговор», записана следующим образом: «Ленин мне и Старовереву предложил, чтобы назначение редакции на съезде произошло в таком порядке, как указано в прочитанном мною вчера его примечании к ordre du jour (—порядок дня. *Ред.*): выбираются 3 редактора, и они совместно с 3 членами Ц. К. составляют окончательно обе эти коллегии, решая двумя третями голосов (см. стр. 102 настоящего тома. *Ред.*). *Это было предложено нам, как средство, не вызывая конфликта, обойти препятствия, созданные внутренними трениями в коллегии, для расширения ее состава до семи.* (Ленин. Неверно! Неточно!) Верно ли, что как средство устранить трения? (Ленин. Неверно!) В проекте прибавлено — «если найдут необходимым», но когда люди работают три года вместе в одном составе, то пока кто-либо прямо не заявил, что старый состав он не считает необходимым, до тех пор люди, не подозревающие ловушки, не в праве заподазривать цель этих слов».

Как видно из протоколов, Ленин тогда же, во время произнесения Мартовым его речи, указал на неверную и неточную передачу Мартовым «частного разговора» трех членов редакции, а после окончания речи Мартова еще раз, в письменной форме, подтвердил, что «Мартов *совершенно неверно* изложил частный разговор» по поводу проектируемого состава редакции («Протоколы Лиги», стр. 66). — 101.

[51]) Ленин имеет в виду «Извещение о II очередном съезде Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», изданное Центральным Комитетом Р. С.-Д. Р. П. (дата на извещении: октябрь 1903 г.). Это извещение вышло в двух различных изданиях и было напечатано также в № 53 «Искры» 25 ноября 1903 г. — 105.

[52]) «*Заявление о сложении с себя должности члена Совета партии и члена редакции Ц. О.*» было впервые напечатано, за исключением слов: «1 ноября 1903 г. Женева», в письме Г. Плеханова Л. Мартову от 29 января 1904 г., приложенном к брошюре Л. Мартова «Борьба с «осадным положением» в Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» (1904 г.). В настоящем издании заявление печатается по рукописи Ленина, представляющей копию подлинника, пересланного Плеханову. Слова: «Подано Плеханову 1. XI. 1903» приписаны Лениным позднее. Заголовок «Заявление о сложении и т. д.» принадлежит редакции Сочинений.

18 ноября Ленин обратился к Плеханову с просьбой напечатать в «Искре» сообщение о том, что «Н. Ленин с 1 ноября (н. ст.) 1903 г. не состоит более в редакции Искры». В № 53 «Искры» от 8 декабря (25 ноября) была напечатана заметка «Изменения в редакции Искры», в которой говорилось следующее: «После съезда тов. Ленин, первого ноября, выступил из редакции, оставаясь сотрудником «Искры». Оставшийся член редакции, Г. Плеханов, на основании параграфа двенадцатого устава партии, кооптировал в редакцию четырех бывших ее членов (В. Засулич, П. Аксельрода, Старовера, Л. Мартова). Таким образом, с настоящего номера «Искра» выходит под редакцией той же коллегии, которая ею руководила в течение трех лет, за исключением выбывшего из нее тов. Н. Ленина». — 106.

[53]) Адресованные Г. Кржижановскому (Смиту), находившемуся в это время в России, письма фактически предназначались для Ц. К., который в данное время состоял из Г. Кржижановского, В. Носкова (Бориса), Ф. Ленгника, Курца (находился за-границей), Л. Красина, Р. Землячки, М. Эссен и Ф. Гусарова («доктора»). По настоянию Ленина Кржижановский, получив полномочия от остальных членов Ц. К., приехал в Женеву (около 20 ноября) и принимал участие в выработке ультиматума Ц. К. меньшинству. (См. примечание 98-ое.) — 107.

[54]) Замечание М. Лядова в его письме Ленину о «*саровских мощах*» относилось, возможно, к П. Аксельроду. — 110.

[55]) Рукопись какой брошюры М. Лядова читал в это время Ленин—

не установлено. Издана брошюра не была. Несомненно, однако, что этой брошюрой не был отчет большевиков к Амстердамскому конгрессу о положении в Р. С.-Д. Р. П., изданный в августе 1904 г. за подписью М. Лидина (псевдоним М. Лядова) на немецком языке («Material zur Erläuterung der Parteikrise in der Socialdem. Arbeiterpartei Russlands»). — 112.

[56]) В статье «*Народничествующая буржуазия и растерянное народничество*» Ленин предполагал дать критический разбор, во-первых, аграрной программы либералов, изложенной в статье Л. «К аграрному вопросу» («Освобождение»), и, во-вторых, аграрной программы народников, изложенной в статье П. Новобранцева (А. Пешехонова) «Основные вопросы русской революционной программы» («Революционная Россия»). Осуществил Ленин только первую часть своего плана: обещанного продолжения статьи (с критикой народников) не появилось. Статья «Народничествующая буржуазия» была вообще последней статьей, напечатанной Лениным в «Искре». Конспект и план статьи см. «Ленинский Сборник» VII, стр. 240 — 242. — 113.

[57]) Ленин имеет в виду следующие слова Г. Плеханова из его статьи «Комментарий к проекту программы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», глава VIII: «Правда и то, что в *революционную эпоху* экспроприация крупных землевладельцев может явиться у нас необходимым условием социально-политической победы революционной партии. Но это—вопрос совсем другой. Его постановка и его решение будут обусловливаться *соотношением общественных сил в такую эпоху*. Говорить о нем теперь преждевременно, хотя теперь же следует заметить, что при известных обстоятельствах *его необходимо будет поставить*». («Заря» № 4, август 1902 г.). Это заявление Плеханова идет в его статье вслед за рядом доводов, доказывающих нецелесообразность включения в программу социал-демократии пункта о национализации земли. — 129.

[58]) Ленин цитирует статью П. Новобранцева (А. В. Пешехонова) «Основные вопросы русской революционной программы» (№№ 32 и 33 «Революционной России» от 28 (15) сентября и 14 (1) октября 1903 г.). Статья посвящена разбору проекта программы Р. С.-Д. Р. П., опубликованному «Искрой» (см. V том Сочинений, стр. 380), и статей Ленина («Аграрная программа русской социал-демократии». См. Сочинения, т. V, стр. 83) и Плеханова («Комментарий к проекту программы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии»), комментирующих эту программу в № 4 «Зари» за август 1902 г. — 119.

[59]) «Письмо в редакцию «Искры»» написано в ответ на напечатанную в № 52 «Искры» от 7 ноября 1903 г. статью Г. Плеханова «Чего не делать?» (о статье см. стр. 292 и сл. настоящего тома). «Письмо» появилось в сопровождении редакционного примечания (написано тоже Плехановым), в котором развивались основные положения статьи «Чего не делать?» и в замаскированной форме выдвигалось обвинение против Ленина в том, что он стремится стать русским «Швейцером». — 120.

[60]) «Письмо в редакцию «Искры»» («Почему я вышел из редакции «Искры»») вызвало обширный ответ со стороны Л. Мартова в виде брошюры его «Борьба с «осадным положением» в Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (ответ на письмо Н. Ленина)», 1904 г. — 124.

[61]) В № 53 «Искры» от 25 ноября 1903 г. в отделе «Почтовый ящик» сообщалось о предстоящем выходе в свет («в полном виде», с изъятием только докладов с мест) протоколов II съезда и протоколов Лиги. — 124.

[62]) Вскоре после съезда, в половине сентября 1903 г., в Женеве состоялось, тайно от большинства партии и ее руководящих органов, фракционное совещание 17 меньшевиков (во главе с Мартовым, Потресовым и др. лидерами меньшинства), выработавшее тактическую платформу меньшинства по вопросам внутрипартийного характера. В числе мер, рекомендуемых меньшинством для борьбы за «изменение состава высших

учреждений партии», видное место занимает тактика бойкота центральных учреждений. Принятая совещанием резолюция написана в мотивированной части Л. Троцким и в практической — Л. Мартовым. Впервые эта резолюция была опубликована в печати в 1924 г. Текст резолюции см. в приложении к настоящему тому «Документы и материалы» № 2. — 128.

[63]) Ленин имеет в виду следующую «*подпольную литературу*» меньшинства, вышедшую в свет до появления № 53 «Искры» (25 ноября 1903 г.): 1) доклад сибирского делегата, точнее: «Доклад сибирских делегатов», изданный на гектографе; автор Н. Троцкий (Л. Троцкий). Вскоре (еще в 1903 г.) отчет, несколько переделанный (исключены, напр., выпады против Плеханова, кооптировавшего к этому времени «четверку» в редакцию «Искры»), был напечатан под следующим заголовком: «Н. Троцкий, II съезд Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии. Отчет сибирской делегации». Послесловие, написанное Л. Троцким специально для печатного издания («Два слова, вместо заключения»), направлено против письма Ленина в редакцию «Искры» («Почему я вышел из редакции «Искры»»); 2) «Еще раз в меньшинстве» — гектографированная брошюра Л. Мартова; перепечатана не была. Мартов позднее переделал ее в статью «Наш съезд», напечатанную в № 53 «Искры»; 3) письмо — —на (Ф. Дана) распространялось в рукописи или на гектографе; впервые было напечатано в приложении к брошюре Л. Мартова «Борьба с «осадным положением» в Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» (Женева, 1904 г.) с предисловием Ф. Дана; письмо без заголовка. — 128.

[64]) После кооптации «четырех» в «Искру» Ц. К. (Г. Кржижановский, имевший голос пяти членов, оставшихся в России, Л. Гальперин, Ф. Лейтник, Ленин), в интересах «доброго мира» в партии, пошел на уступки по отношению к Лиге и в особом письме к ней (от 29 ноября 1903 г., см. «Протоколы II съезда Лиги», 1904 г., стр. 132) утвердил устав Лиги и фактически «признал» администрацию Лиги, заявив, что «принятые по отношению к Лиге меры» (т.-е. объявление съезда Лиги и выбранной на нем администрации незаконными) «вызваны были исключительными обстоятельствами, отпавшими в настоящее время». Сторонники большинства были недовольны этим шагом Ц. К., рассматривая его (в «Комментариях к протоколам II съезда Лиги», 1904 г., стр. 24 — 25), как «политическую ошибку». Несомненно, что решение Ц. К. было принято вопреки мнению Ленина. Инициатор этого решения Г. Кржижановский. — 129.

[65]) Настоящее письмо Ленин предполагал послать от имени Ц. К.; отослано письмо, повидимому, не было. — 132.

[66]) Предисловие к брошюре «*Письмо к товарищу о наших организационных задачах*» упоминает № 53 «Искры» от 25 ноября 1903 г.: Ленин имеет в виду передовую статью «Искры» «Наш съезд», написанную Л. Мартовым. В этой статье Мартов писал, что дебаты на II съезде по отдельным пунктам устава «вызвали среди единого «искровского» большинства разделение, в котором сказалось глубоко различное отношение к существенным вопросам партийной организации. Но ни глубина этого разногласия, ни принципиальные основания его не выяснились сразу громадному большинству съезда» ...

Говоря в примечании на стр. 137 настоящего тома о «неловкости... внесения каких-либо изменений при перепечатке письма», Ленин намекает на брошюру Л. Троцкого «Второй съезд Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии. Отчет Сибирской делегации». 1903 г. Эта брошюра, напечатанная на гектографе, содержала первоначально ряд выпадов против Плеханова; после того как Плеханов кооптировал «четверку», — брошюра была «продактирована» автором и напечатана в типографии с выпуском всех мест, направленных против Плеханова. — 137.

[67]) Послесловие к брошюре «*Письмо к товарищу о наших организационных задачах*» в части своей направлено против появившегося в № 55

«Искры» от 15 декабря 1903 г. фельетона П. Аксельрода «Объединение российской социал-демократии и ее задачи» (продолжение фельетона последовало в № 57 «Искры» от 15 января 1904 г.). Написанная под лозунгом пересмотра традиций ленинской «Искры», статья Аксельрода дает целую теорию «оппортунизма в организационных вопросах» и является одним из важнейших документов меньшевизма в этот период. Отрекаясь от искровского прошлого, Аксельрод приходит к выводу, что практика «Искры» хотя «непосредственно будит политическую мысль рабочих масс, все же, в общем, мало развивает в них пролетарское классовое сознание и еще меньше развивает в них классовую политическую самодеятельность. Словом, идейная оболочка — революционно-социал-демократическая, а реальное содержание, по существу, *в принципиальном* смысле, едва ли выходит за рамки буржуазного революционизма». К этому же «буржуазному революционизму» Аксельрод относит и «организационные утопии» большинства, «отмеченные печатью бюрократизма на заговорщицкой подкладке». Заканчивается фельетон в № 55 прозрачным намеком на «честолюбивого фантазера, вдохновляемого преданиями о диктатуре Швейдера» и мечтающего об «*административном* подчинении целой партии одному или нескольким хранителям или олицетворениям доктрины». На фельетоне Аксельрода Ленин подробно останавливается в брошюре «Шаг вперед, два шага назад».

Говоря в начале своего «Послесловия» о заявлении редакции «Искры» № 55, Ленин имеет в виду заметку «От редакции», написанную Плехановым в ответ на письмо Ленина «Почему я вышел из редакции «Искры»».—139.

[68]) В заметке «От редакции», написанной Г. Плехановым, новая «Искра» (№ 55, 15 декабря 1903 г.) указывала, что письмо Ленина «Почему я вышел из редакции?» было напечатано в партийной типографии «тайно от редакции Ц. О.», при чем член Ц. К. (Ф. Ленгник), разрешивший печатание, «не обозначил, однако, на брошюре заголовка партии». — 141.

[69]) Автор письма — видный рабочий социал-демократ, большевик Н. Е. Вилонов (см. словарь-указатель имен), работавший в это время в Екатеринославе в качестве члена Екатеринославского Комитета. Письмо Вилонова Ленин получил 17 декабря 1903 г., а 22 декабря послал ему свой ответ (см. «Ленинский Сборник» X, стр. 83 — 89). — 143.

[70]) *Совет Партии,* происходивший *28 — 30 января 1904 г.* в Женеве, заседал в следующем составе: Плеханов — председатель, Аксельрод и Мартов — представители Ц. О., Ленин и Ф. Ленгник (Васильев) — представители Ц. К. В порядке дня Совета, созванного по инициативе представителей Ц. О., стоял один только вопрос — о мерах для согласования деятельности Ц. К. и Ц. О. по изданию партийной литературы. По предложению Ленина Совет решил первым обсудить вопрос о мерах по восстановлению мира в партии и нормальных отношений между сторонниками большинства и меньшинства. Мотивировав необходимость включения в порядок дня этого вопроса, Ленин внес затем от имени обоих представителей Ц. К. проект соответствующей резолюции (см. стр. 144 — 146 настоящего тома), к которому сторонники меньшинства отнеслись отрицательно. Ленин считал необходимым от имени Совета определить те границы, в рамках которых должна вестись внутрипартийная (строго идейная) борьба с тем, чтобы были осуждены такие формы ее (бойкот, отказ от работы под руководством Ц. К. и т. д.), которые нарушают нормальную жизнь партии и ставят под угрозу самое существование ее; сторонники же меньшинства, имевшие в виду лишь дальнейшее расширение своего влияния в центральных учреждениях партии, сразу же поставили вопрос об «одностороннем» составе Ц. К. и о необходимости включения в Ц. К. сторонников меньшинства. После напряженной дискуссии, когда выяснилось отрицательное отношение

сторонников меньшинства к предложенному Лениным и Ленгником проекту резолюции, представители Ц. К. внесли (29 января) другой проект резолюции, кратко суммирующий основную идею первого «проекта»: «Для установления мира в партии и нормальных отношений между несогласно мыслящими членами партии необходимо разъяснение Советом партии вопроса о том, какие формы внутрипартийной борьбы являются правильными и допустимыми, а какие неправильными и недопустимыми». Эта резолюция была принята тремя голосами (Плеханов, Ленин, Ленгник) против двух (Мартова и Аксельрода), заявивших, что они ничего не имеют в принципе против только что принятой резолюции, но считают ее лишней, если со стороны Ц. К. не последует мер, которые «восстановили бы к нему доверие», т.-е. если Ц. К. не кооптирует представителей меньшинства. Приняв первую, принципиального и общего характера, резолюцию, Совет, естественно, должен был бы перейти к конкретному обсуждению вопроса о допустимых и недопустимых формах борьбы. Вместо этого Совет, несмотря на протест Ленина, большинством трех голосов (Плеханов, Мартов, Аксельрод) против двух перешел к голосованию предложенной Плехановым следующей резолюции: «Совет партии, сожалея о распрях, существующих теперь в Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, глубоко убежден, 1) что существование этих распрей обусловливается тем, что Ц. К., по своему составу, представляет лишь одну часть партии и 2) что для их устранения необходимо изменение его состава путем кооптации лиц, принадлежащих к так называемому «меньшинству» партийного съезда или солидарных с ним». Теми же тремя голосами резолюция была принята, что побудило обоих представителей Ц. К. на заседании 30 января внести «особое мнение» (стр. 147—148 настоящего тома) по поводу резолюции Плеханова. В ответ на «особое мнение» меньшевистское большинство трех голосов приняло дополнительно резолюцию Плеханова — Мартова: «Совет отказывается понимать поведение товарищей, которые, предложив Совету высказать свое мнение о принятии мер к обеспечению мира в партии, протестуют против того, что это мнение высказано. Совет полагает, что эти товарищи имели бы право протестовать только в том случае, если бы он *отказался* высказать свое мнение по возбужденному ими вопросу. Что же касается слов о том, что принятая Советом резолюция является «продолжением извнутри Совета той политики, которой следовала оппозиция с самого партийного съезда», и характеристики этой политики, как «политики бойкота, дезорганизации и анархии», то Совет считает ниже своего достоинства отвечать на эти достойные сожаления слова». После этого Ленин потребовал включения в порядок дня вопроса о созыве третьего съезда, как единственно нормального выхода из того положения, которое сложилось в партии. Внесенная представителями Ц. К. резолюция: «Совет партии, убедившись, что центральные учреждения партии не в силах прекратить абсолютно ненормальные и дезорганизующие отношения внутри партии, создавшиеся после II съезда и продолжающиеся более пяти месяцев, постановляет созвать III съезд партии» — была отклонена. Тремя голосами против двух Совет принял резолюцию Мартова, высказывавшуюся против созыва съезда: «Принимая во внимание: 1) что развившиеся после и в результате II съезда разногласия внутри партии только начали еще освещаться в партийной литературе; 2) что, поэтому, большинство членов партии еще не могло составить себе ясного представления о характере и значении этих разногласий и даже не имело еще возможности познакомиться с протоколами самого II съезда; 3) что экстренный съезд, созыв которого предлагается представителями Ц. К-та, потребовал бы от партии громадных жертв при условии, что этот съезд был бы обставлен со стороны полноты и правильности представительства так, как был обставлен II очередной съезд; 4) что при наличности взаимного недоверия между отдельными частями партии и ее центральными учре-

жденіями, было бы, вообще, весьма затруднительно организовать съезд так, чтобы авторитетность его решений не могла бы подвергнуться сомнениям; 5) что еще не исчерпана возможность положить конец дезорганизующим результатам этих разногласий своевременными, решительными и тактичными мерами со стороны центральных учреждений партии, Совет не считает возможным одобрить предложения представителей Ц. К. о созыве нового съезда, так как такой съезд, в силу указанных соображений, не мог бы принести желательных результатов в смысле умиротворения партии».

Обсуждение вопроса об издании партийной литературы точно также не привело ни к какому соглашению между сторонниками меньшинства, отстаивавшими рассылку редакцией Ц. О. своих уполномоченных по комитетам в фракционных целях и отказывавшимися предоставлять в распоряжение Ц. К. получаемые редакцией денежные суммы, — и представителями Ц. К., протестовавшими против дезорганизаторской политики меньшинства. — 144.

[71]) Заголовок письма *«Об обстоятельствах ухода из редакции «Искры»»* принадлежит редакции Сочинений. Письмо адресовано группе большевиков (В. Бонч-Бруевич, В. Величкина, Н. Крупская, Кореневский, М. Литвинов, Н. Бауман, В. Бобровский, О. Пятницкий, И. Лалаянц, П. Кулябко-Лалаянц), издавших в противовес меньшевистским «Протоколам II съезда Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-демократии» — «Комментарий» к этим протоколам. — 149.

[72]) Слова о *«парадной фразе в ложно-классическом стиле»* принадлежат Троцкому. Плеханов долго не мог простить Троцкому этой реплики, считая ее дерзостью со стороны Троцкого. Большевики знали об этом и поэтому использовали слова Троцкого в одной из известных большевистских карикатур этого периода («Как мыши кота хоронили». См. сборник «Как рождалась партия большевиков», 1925 г., изд. Истпарта, стр. 437). — 152.

[73]) Когда брошюра *«Шаг вперед, два шага назад»* заканчивалась печатанием (она печаталась в общепартийной типографии), член Ц. К., примиренец В. Носков-Глебов сделал попытку задержать печатание и распространение брошюры, но безуспешно.

На брошюру Ленина меньшевики отвечали в «Искре» статьями Л. Мартова («Вперед или назад?»—№№ 67 и 69 от 1 июня и 10 июля 1904 г.) и В. Засулич («Организация, партия, движение»—№ 70 от 25 июля 1904 г.), переполненными личными выпадами против Ленина. Статья Засулич заканчивалась, между прочим, следующим образом: «Партия для Ленина — это его «план», его воля, руководящая осуществлением плана. Это идея Людовика XIV: L'état, c'est moi — партия это я, Ленин».

В 1908 г. брошюра была переиздана Лениным, включившим ее в сборник «За 12 лет». По поводу второго издания «Шагов» Ленин писал в предисловии к сборнику, написанному в сентябре 1907 г., следующее:

«Брошюра «Шаг вперед, два шага назад» вышла в Женеве летом 1904 года. Она описывает первую стадию раскола между меньшевиками и большевиками, начавшегося на втором съезде (август 1903 года). Из этой брошюры я выкинул около половины, ибо мелкие подробности организационной борьбы, особенно из-за личного состава партийных центров, абсолютно не могут интересовать современного читателя и заслуживают, по существу дела, забвения. Существенным кажется мне здесь анализ борьбы тактических и других взглядов на втором съезде и полемика с организационными взглядами меньшевиков: то и другое необходимо для понимания меньшевизма и большевизма, как течений, наложивших свой отпечаток на всю деятельность рабочей партии в нашей революции.

Из прений на втором съезде с.-д. партии отмечу прения об аграрной программе. События несомненно доказали, что наша тогдашняя программа

(возвращение отрезков) была непомерна узка и *недооценивала* силы революционно-демократического крестьянского движения, — об этом я скажу подробнее во втором томе настоящего издания. Здесь же важно подчеркнуть, *что и эта непомерно узкая* аграрная программа казалась *слишком широкой* правому крылу с.-д. партии в то время. Мартынов и другие экономисты боролись против нее за то, что она идет будто бы слишком далеко! Отсюда можно видеть, какое серьезное практическое значение имела вся борьба старой «Искры» с экономизмом, борьба против сужения и принижения всего характера социал-демократической политики.

Разногласия с меньшевиками в то время (первая половина 1904 года) ограничивались организационными вопросами. Я формулировал позицию меньшевиков, как «оппортунизм в организационных вопросах». П. Б. Аксельрод, возражая на это, писал Каутскому: «со своим слабым рассудком я не в состоянии понять, что это за штука такая: «оппортунизм в организационных вопросах», — выдвигаемый на сцену, как нечто самостоятельное, вне органической связи с программными и тактическими взглядами» (письмо от 6 июня 1904 года, перепечатано в сборнике новой Искры — «За два года», ч. II, стр. 149).

Какова органическая связь оппортунизма в организационных и в тактических взглядах, это достаточно показала вся история меньшевизма в 1905 — 1907 годах. Что же касается до «непонятной штуки»: «оппортунизм в организационных вопросах», то жизнь подтвердила правильность моей оценки так блестяще, как я не мог и ожидать. Достаточно указать, что *меньшевик* Череванин и тот вынужден признать теперь (см. его брошюру о Лондонском съезде Р. С.-Д. Р. П. 1907 года), что из организационных планов Аксельрода (пресловутый «рабочий съезд» и т. д.) вытекают лишь губящие дело пролетариата расколы. Мало того. Тот же меньшевик Череванин рассказывает там, что Плеханову в Лондоне пришлось бороться внутри меньшевистской фракции против *организационного анархизма*. Итак, не напрасно боролся я в 1904 году с «оппортунизмом в организационных вопросах», если в 1907 году и Череванину, и Плеханову пришлось признать «организационный анархизм» влиятельных меньшевиков». (Сочинения, т. XII, стр. 67 — 68.)

Рукопись брошюры «Шаг вперед, два шага назад» хранится в Институте Ленина. — 155.

[74]) В руки меньшевиков «*Искра*» перешла с № 53 (№№ 46 — 51 вышли под редакцией Ленина и Плеханова, № 52 — под единоличной редакцией — Плеханова). С № 53 по № 100 (15 мая 1905 г.) «Искра» выходила под редакцией Плеханова, Мартова, Аксельрода, Засулич и Потресова; после № 100 Плеханов вышел из редакции. Последний номер «Искры» (№ 112) вышел 8 октября 1905 г. Ближайшими сотрудниками новой «Искры» были Дан, Троцкий, Мартынов. — 159.

[75]) В статье «К вопросу о наших партийных задачах. Об организации» (Приложение к № 57 «Искры» от 15 января 1904 года) «Практик» (Панин—М. Макадзюб) иронически писал: «Съезд как высшая инстанция партии представляется нам в образе «суверенного» божества, все желания которого должны быть приняты, как святыня, на веру, без разумной и обязательной критики». Статья в значительной части своей направлена против организационных идей Ленина, изложенных им в «Письме к товарищу о наших организационных задачах» (V том Сочинений, стр. 179). «Судя по этому «Письму» — пишет «Практик» — Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия представляется тов. Ленину, как огромная фабрика, директор которой — Центральный Комитет — занят лишь чрезвычайно непроизводительным «дирижированием» и одержим вредным для управления фабрикой мымрецовским (Мымрецов — будочник у Г. Успенского. *Ред.*) стремлением «тащить и не пущать»» (ср. стр. 309 настоящего тома). — 162.

[76]) Ленин имеет в виду статью Л. Мартова «На очереди» (кружок или партия?) в № 56 «Искры» от 1 января 1904 г. — 165.

[77]) Ленин имеет в виду статью А. Мартынова «Голос из народа» в № 57 «Искры» (приложение) от 15 января 1904 г. В этой статье Мартынов писал, что Ленин «в противовес им (т.-е. экономистам. *Ред.*) возвел в догму абсолютное отрицание демократизма... Политическое воспитание пролетариата, при *абсолютном* отрицании демократизма, напоминает метод спасения утопающих: их сначала оглушают до потери сознания, а потом уже свободно вытаскивают. Ленин, проникнутый страхом перед «тред-юнионизмом» пролетариата, представляет себе его в виде «утопающего». Поэтому он выработал организационный план, сводящий классовую политическую партию к ее центру, а центр — к ее дирижеру». — 170.

[78]) Предоставив бывшему экономисту А. Мартынову возможность отстаивать свои, направленные против «Что делать?», взгляды на страницах боровшейся вчера с экономизмом «Искры», редакция сопроводила статью Мартынова «Голос из народа» (№ 57 «Искры» от 15 января 1904 г., приложение) своим примечанием. Заявляя в нем, что редакция солидарна «далеко не со всеми мыслями» Мартынова, она в то же время писала: «Верной нам представляется та мысль автора, что организационный утопизм нового типа (имеются в виду организационные принципы большинства. *Ред.*) игнорирует задачи *политического самовоспитания членов партии* и что это игнорирование есть результат резкой реакции против «экономизма» с его преклонением перед «демократизмом» в организации. Каким образом этот дефект организационного утопизма ассоциируется с неправильной постановкой вопроса об отношении между «стихийностью» и «сознательностью» и насколько в такой неправильной постановке повинен тов. Ленин — об этом мы будем иметь случай говорить неоднократно». Позже против ленинской постановки вопроса о сознательности и стихийности выступил в «Искре» в чрезвычайно резкой форме Плеханов. В этой статье («Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция», «Искра» №№ 70 и 71 от 25 июля и 1 августа 1904 г.), переполненной мелкими придирками и личными выпадами против Ленина, Плеханов, который раньше солидаризировался по данному вопросу с Лениным, занял позицию, приближавшуюся к точке зрения экономистов.—176.

[79]) Ланге (А. М. Стопани) предлагал четвертый параграф аграрной программы (см. V том Сочинений, стр. 388) сформулировать следующим образом: «Учреждение крестьянских комитетов для упразднения и ослабления всего того, что создает закабаление крестьянства и тем поддерживает старые, дореформенные отношения: а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации, или, — в том случае, если земли переходили из рук в руки, — выкупа государством за счет крупного дворянского землевладения) тех из отрезанных при уничтожении крепостного права земель, которые служат в руках помещиков орудием для их закабаления, и б) [для] экспроприации в распоряжение крестьянских комитетов всех других земель (вод, дорог и т. д.), являющихся, как и большая часть отрезков, орудием закабаления» («Протоколы II съезда Р. С.-Д. Р. П.», изд. Истпарта, 1924 г., стр. 209). Предложение Ланге съездом было отклонено. — 186.

[80]) Цитируемая в тексте речь Ленина, произнесенная им на 22-ом заседании съезда (15 августа н. ст.), в протоколах съезда записана следующим образом: «Ленин вкратце защищает свою формулировку, подчеркивая в особенности, что она дает стимул: «Организуйтесь!» Не надо думать, что партийные организации должны быть только из профессиональных революционеров. Нам нужны самые разнообразные организации всех видов, рангов и оттенков, начиная от чрезвычайно узких и конспиративных и кончая весьма широкими, свободными, lose Organisationen.

Необходимый признак партийной организации — утверждение ее Центральным Комитетом» («Протоколы II съезда Р. С.-Д. Р. П.», изд. Истпарта, 1924 г., стр. 222). В основной текст настоящего тома речь эта не включена ввиду ее незначительных размеров. — 208.

[81]) В 1900 — 1901 г.г. имел место длительный, продолжавшийся свыше года, конфликт в Гамбурге между профсоюзом каменщиков и группой 122 каменщиков, членов профсоюза, занимавшихся, вопреки постановлениям союза, сдельной работой на постройках. Гамбургский профсоюз объявил эту группу штрейкбрехерской и исключил ее из профсоюза. Гамбургская соц.-демократическая партийная организация, в виду принадлежности этой группы каменщиков к соц.-демократии, поставила вопрос об исключении ее из партии. Для разбора этого дела Ц. К. германской соц.-демократии выделил партийный суд, который осудил штрейкбрехерство каменщиков и признал их поведение недопустимым, нарушающим принцип пролетарской солидарности, но в то же время не признал возможным исключить группу по данному поводу из партии. Это решение суда вызвало протест со стороны Гамбургской партийной организации, и вопрос был перенесен на Любекский партейтаг (22 — 28 сентября 1901 г.), который решение суда подтвердил. Вместе с тем конгресс принял резолюцию, предоставляющую местным организациям право исключать из своей среды таких членов профсоюзов, которые не подчиняются своей профсоюзной организации. — 209.

[82]) Резолюция Костича (С. Зборовского), формулирующая § 1 устава партии: «Всякий, признающий программу партии и оказывающий помощь материальными средствами и личное регулярное содействие партии под руководством одной из партийных организаций, считается последней членом партии» («Протоколы II съезда Р. С.-Д. Р. П.», изд. Испарта, 1924 г., стр. 235). — 212.

[83]) Ленин имеет в виду серию статей К. Каутского под заглавием «Die Intelligenz und die Sozialdemokratie» («Интеллигенция и социал-демократия») («Die Neue Zeit». XIII Jahrgang. 1894 — 1895. II Band. № 27. S. S. 10 — 16, № 28. S. S. 43—49, № 29. S. S. 74 — 80). Имеются русские переводы: М. Левина — «Интеллигенция и пролетариат». Книгоиздательство «Демос», 1905 г. и С. Цедербаума — «К. Каутский. Интеллигенция и социал-демократия», С.П.Б., 1906 г. — 212.

[84]) Членов организации «Искры» на съезде было 16: 9 сторонников большинства (Ленин, Г. Плеханов, Н. Крупская, Р. Землячка, Л. Книпович, Н. Бауман, Д. Ульянов, П. Красиков, В. Носков) и 7 сторонников меньшинства (Ю. Мартов, П. Аксельрод, А. Потресов, В. Засулич, Л. Дейч, Л. Троцкий, В. Крохмаль). — 221.

[85]) На франкфуртском партейтаге германской социал-демократии (1894 г.) была создана аграрная комиссия для выработки проекта аграрной программы к следующему съезду. В комиссию, помимо оппортунистов Давида, Фольмара и др., входили также Бебель и Либкнехт. Комиссия, побуждаемая стремлением приобрести в среде крестьянства поддержку социал-демократии при выборах в парламент, составила программу, которая содержала ряд мер, направленных к сохранению и упрочению мелкой крестьянской собственности в рамках капиталистического общества. Проект шел в разрез с принципами марксистской Эрфуртской программы, лежавшей в основе деятельности германской социал-демократии, и обнаруживал тенденцию к превращению партии из чисто пролетарской в демократическую, «общенародную». На Бременском съезде (1895 г.), где обсуждался проект комиссии, один из его защитников, Бруно Шенланк, прямо заявил, что «социал-демократия — партия всех пролетарски-угнетенных элементов, всех бедствующих слоев» и что с.-д. не может быть партией «исключительно индустриального пролетариата». 158 голосами против 63 проект был отклонен (резолюция Каутского), так как «эта программа вселяет крестьянину надежду на улучшение его по-

ложения, укрепление его собственности, и так как она объявляет интересы сельского хозяйства, при существующем общественном строе, интересами пролетариата, между тем как интересы сельского хозяйства, так же как интересы промышленности, при господстве частной собственности на средства производства, являются интересами обладателей средств производства, эксплуатирующих пролетариат». Бебель и Либкнехт отстаивали проект комиссии. — 226.

[86]) Первая «коротенькая» речь Ленина была направлена против так называемой «первой» формулировки (Мартова), предложенной частью уставной комиссии (в комиссию входили: Ленин, Мартов, Левин, Розанов, Носков) по вопросу о составе Совета («Совет партии назначается редакцией Центрального Органа и Центрального Комитета, которые посылают в Совет по два члена; эти четыре члена Совета предлагают пятого; выбывшие члены Совета замещаются назначившими их учреждениями»). В протоколах съезда эта речь Ленина записана так: «Ленин находит неудобной первую формулировку в виду того, что она придает Совету третейский характер. Совет же должен быть не только учреждением третейским, но и согласующим деятельность Центрального Комитета и Центрального Органа. Высказывается, кроме того, за назначение пятого члена съездом. Возможен случай, когда четыре члена Совета не смогут выбрать пятого; мы тогда останемся без необходимого учреждения». Вторая «коротенькая» речь Ленина относилась непосредственно к речи Засулич (см. в тексте тома, стр. 230) и записана в протоколах следующим образом: «Ленин доводы тов. Засулич находит неудачными. Случай представленный ею, является уже борьбой, а в таком случае никакие уставы тут не помогут. Предоставляя выбор пятого четырем членам Совета, мы этим вносим борьбу в устав. Считает необходимым отметить, что Совет носит не только характер примирительного учреждения; так, например, два члена Совета по уставу имеют право созвать его». — 230.

[87]) В статье «Объединение российской социал-демократии» («Искра» № 55 от 15 декабря 1903 г.), направленной против организационного централизма, закрепленного решениями II съезда, и подвергшей пересмотру организационные идеи «Искры», П. Аксельрод писал, что «период борьбы с наследием эпохи экономизма подготовил нам, таким образом, организационную утопию теократического характера: светское общество отдается во власть маленького духовного ордена, который, к тому же и по географическим и по иным условиям, не может даже находиться на территории управляемых им поддаиных». Говоря о «духовном ордене», Аксельрод имел в виду находившуюся за границей редакцию старой «Искры», которой, якобы, по плану Ленина, присваивалась «верховная власть над партией». — 232.

[88]) Последний абзац предложенной П. Аксельродом и др. и принятой съездом резолюции о социалистах-революционерах (см. «Документы и материалы» в приложении к настоящему тому, стр. 400) в проекте Аксельрода читался так:

«В виду вышеуказанных соображений съезд не считает возможным более или менее постоянный союз между социал-демократией и «социалистами-революционерами» даже в тесных рамках общедемократических задач, но не исключает возможности временных соглашений между ними в тех случаях, когда по соотношению сил и характеру предпринимаемых атак против абсолютизма такие соглашения необходимы». Плеханов предложил этот абзац заменить следующим:

«В виду вышеуказанных соображений съезд решительно осуждает всякие попытки объединения социал-демократов с «социалистами-революционерами», признавая возможным лишь частные соглашения с ними в отдельных случаях борьбы с царизмом, при чем условия таких соглашений подлежат контролю Центрального Комитета». Поправка Плеханова, поддержанная Лениным, была съездом принята. — 262.

*

[89]) При обсуждении партийной программы съездом Акимов (В. Махновец) к числу недостатков искровского проекта программы отнес то обстоятельство, якобы указывающее на забвение авторами проекта интересов пролетариата, что слово «пролетариат» нигде в программе не фигурирует в именительном падеже, как подлежащее. В протоколах эта часть речи Акимова записана так: «Там (— в абзацах о задачах партии. *Ред.*) понятия — партия и пролетариат — совершенно обособлены и противопоставлены, первая, как активно действующее коллективное лицо, второй, как пассивная среда, на которую воздействует партия; поэтому в предложениях проекта имя партии везде фигурирует как подлежащее, а имя пролетариата, как дополнение». (Смех.) («Протоколы II съезда Р. С.-Д. Р. П.», изд. 1904 г., стр. 124. Изд. Испарта, стр. 115.) — 263.

[90]) Сконституированный в ноябре 1902 г. на конференции в Пскове Организационный Комитет по созыву II съезда Р. С.-Д. Р. П. (см. примечание 83-е к V тому Сочинений) опубликовал извещение о своем образовании в № 32 «Искры» от 15 января 1903 г. (см. V том Сочинений, стр. 225). Вскоре почти все комитеты Р. С.-Д. Р. П. в той или иной форме примкнули к О. К., выразили ему доверие и поддержали его инициативу по созыву II съезда. Исключение представлял *Воронежский Комитет*, находившийся под влиянием «экономистов», во главе с Лидией Махновец (на съезде — Брукер, прошла на съезд в качестве делегата от тоже экономической Петербургской Рабочей Организации). Воронежский Комитет сразу же занял враждебную по отношению к О. К. позицию и в феврале 1903 г. обратился к ряду комитетов с письмом (письмо на гектографе, начинается словами: «Получив листок, озаглавленный «Извещение об образовании Организационного Комитета»»), в котором пытался подорвать значение О. К., заявляя, что О. К. составлен крайне тенденциозно, «по кумовству»; «Искра», игравшая главную роль в создании О. К., называлась в этом письме «опричником социал-демократии» и обвинялась в проведении раскольнической политики. О. К. дал резкий ответ Воронежскому Комитету в № 36 «Искры» от 15 марта 1903 г. (заметка: «По поводу протеста Воронежского Комитета»), на что в мае 1903 г. последовал (на гектографе) «Ответ Воронежского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии группе, называющей себя «Организационным Комитетом» и «Искре» на их заявления в № 36 газеты «Искра»». В этом «ответе» Воронежский Комитет не признавал за О. К. права созыва съезда и писал, что «Искра и искровцы совершают ряд поступков и приемов в духе самодержавного режима». Поскольку Воронежский Комитет занял явно враждебную позицию по отношению к О. К. и подготовляемому им съезду, О. К. не счел целесообразным пригласить Воронежский Комитет на съезд. Второй съезд подтвердил это решение О. К. о Воронежском Комитете. (См. также стр. 323 - 324 настоящего тома.) — 273.

[91]) «*Рабочая организация Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса*» возникла осенью 1902 г. в результате откола части петербургских социал-демократов, сторонников «экономизма», от реорганизованного под влиянием «искровцев» Союза борьбы (см. примечание 52-е к V тому Сочинений). Во главе «рабочей» организации стояли студенты А. Токарев («Вышибало») и И. Щеглов, в противовес «искровцам» пропагандировавшие идею «демократического» построения с.-д. организации и демагогически противопоставлявшие ее рабочую и интеллигентскую части. Петербургская рабочая организация была одной из немногих с.-д. организаций в России, где было сильно влияние Заграничного Союза русских социал-демократов, находившегося в руках экономистов. В период подготовки второго съезда Рабочая организация получила право представительства на съезде наряду с Петербургским Комитетом. Делегатом от Р. О. на съезде была Л. Махновец (Брукер). — 273.

[92]) В статье «Забавное недоразумение» («Искра» № 55 от 15 декабря 1903 г.) Плеханов, полемизируя с «Освобождением», писал, что та «Фило-

софия», на которую он опирался, когда писал статью «Чего не делать?», «происходит по прямой линии от Гегеля», и что он «наперед знал, что ее (статью) поймут *не все* читатели: ведь если бы она была сразу понята *всеми*, то это значило бы, что она содержит в себе лишь самые избитые истины». — 292.

[93]) В этих предместьях Женевы (вероятно, Cluse и Carouge) жили сторонники большинства и меньшинства. — 292.

[94]) *Базаров* — герой тургеневского романа «Отцы и дети». — 296.

[95]) Ленин имеет в виду статью «Маленькие недостатки большого съезда» в № 37 «Революционной России» от 1 декабря 1903 г. Статья, посвященная оценке деятельности II съезда Р. С.-Д. Р. П. и послесъездовской полемике между большинством и меньшинством, проникнута злорадством по поводу разногласий и борьбы внутри русской социал-демократии. В особенности «Революционная Россия» подчеркивала явное противоречие между ленинским «Что делать?» и старой «Искрой» — с одной стороны и статьей (плехановской) «Чего не делать?» — с другой. «В этих «диалектических» поправках — писала «Р. Р.» о статье «Чего не делать?» — перед нами вырисовывается во весь свой рост истинная физиономия нашей доморощенной «ортодоксии». С одной стороны — нельзя не признаться, с другой стороны — нельзя не сознаться; хороша дисциплина — еще лучше своевременное от оной воздержание; воевать против ревизионизма прекрасно, но коли этой войной его усиливаешь, — нечего делать: надо проникнуться «мягкостью и уступчивостью». Оппортунизм, возведенный в принцип; двойственность, положенная в основу «единства» программы и тактики: вот что это за физиономия. И эта «практическая философия» современного ортодоксального оппортунизма подкрепляется ссылкой, что руководители партии «должны быть поистине мудры, как змии». Кажется, правильнее было бы сказать: гибки, увертливы и скользки, как угри». В статье «Грустное недоразумение» («Искра» № 57, 15 января 1904 г.) Плеханов пытался объяснить позицию «Р. Р.», обвинявшей его в оппортунизме, тем, что эсерам, якобы, «выгодна неуступчивость наших «твердых»». — 296.

[96]) Ленин имеет в виду статью «Знаменательный поворот» в № 13 (37) «Освобождения» от 15 (2) декабря 1903 г. Статья за подписью «Независимый» (П. Струве?) представляет собой отклик на статью Плеханова «Чего не делать?» («Искра» № 52, от 7 ноября 1903 г.). «Независимый», рассматривая плехановскую статью, как «отрадный симптом победы реалистического понимания над доктринерским утопизмом», находил, что «эту точку зрения, столь убедительно доказанную ныне на страницах «Искры», постоянно и настойчиво развивало «Освобождение»». Одобряя призывы Плеханова к «уступчивости, тактичности и терпимости», автор предлагал революционным партиям быть последовательными и, во имя общей борьбы с самодержавием, «не пугать себя и других» либерализмом, а «сойтись с ним поближе и воспользоваться его содействием». В заключение «Независимый» заявлял, что статья Плеханова является «симптомом медленного, но если мы не ошибаемся, неизбежного сближения и объединения оппозиционных сил русского общества». На статью «Независимого» Плеханов отвечал статьей «Забавное недоразумение» («Искра» № 55, от 15 октября 1903 г.), в которой заявлял, что его статья «Чего не делать?» не дает оснований для тех выводов, к которым пришел «Независимый». — 296.

[97]) Печатая письмо Ленина в редакцию «Искры» (см. настоящий том, стр. 120), редакция сопроводила это письмо своим ответом (написанным Плехановым. См. Сочинения Г. В. Плеханова. Изд. Института Маркса и Энгельса. 1926 г., т. XIII, стр. 11). Этот ответ редакции Ленин и имеет здесь в виду. — 296.

[98]) *Ультиматум Ц. К. от 25 ноября 1903 г.*, предложенный оппозиции по инициативе Ленина, уже входившего в это время в состав Ц.К., заключал в себе, в существенном, следующие пункты: 1) кооптация в

редакцию Ц. О. четырех бывших редакторов «Искры» (Аксельрода, Мартова, Засулич и Потресова), 2) предоставление в Совете партии одного места оппозиции, 3) кооптация в Ц. К. двух членов оппозиции по усмотрению Ц. К., 4) подчинение Лиги постановлениям Ц. К., 5) включение в администрацию Лиги нескольких представителей оппозиции, 6) постепенная реорганизация Лиги по мере установления мира в партии, 7) готовность Ц. К. разрешить членам оппозиции отдельную литературную группу с правом представительства на съезде. Узнав о посылке ультиматума, Плеханов решил сорвать план Ц. К. и в тот же день, 25 ноября, единолично кооптировал меньшевистскую «четверку» в Ц. О., чем чрезвычайно усилил позицию меньшинства. Получив Ц. О. без всяких уступок со своей стороны и, следовательно, обеспечив себе большинство в Совете, торжествующая оппозиция на другой день, 26 ноября, ответила отклонением ультиматума Ц. К. Ответ оппозиции, подписанный П. Аксельродом, Ф. Даном, И. Блюменфельдом, П. Басовским, А. Потресовым, В. Крохмалем, В. Засулич, Е. Александровой, И. Леман, Л. Троцким и Л. Мартовым, носил явно издевательский характер над попытками Ц. К. путем взаимных уступок восстановить мир в партии (текст ультиматума и ответ оппозиции см. «Ленинский Сборник» VII, стр. 257 и 267). — 298.

[99]) Цитата из статьи П. Аксельрода «Объединение российской социал-демократии и ее задачи» («Искра» № 57 от 15 января 1904 г.; начало статьи было напечатано в № 55 «Искры» от 15 декабря 1903 г.).

Говоря о «вожде либералов», Аксельрод имел в виду П. Струве, говоря о «вожде революционной буржуазной демократии», Аксельрод намекал на Ленина. — 301.

[100]) В сентябре 1894 г. вышли в свет «Критические заметки» П. Струве, считавшегося в этот период марксистом. Ленин тогда же, осенью 1894 г., подверг книгу Струве резкому критическому разбору в реферате «Отражение марксизма в буржуазной литературе». Реферат этот лег затем в основу статьи Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (статья написана в конце 1894 г., напечатана в уничтоженном цензурой сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» 1895 г.). См. подробнее примечание 15-е к IV тому Сочинений. — 301.

[101]) Ленин имеет в виду статью «Так ли мы готовимся?» в № 62 «Искры» от 15 марта 1904 г. Полемизируя с представителями трех уральских комитетов, сторонников большинства, отстаивавших необходимость «строго законспирированной организации», которая могла бы «подготовить всероссийское восстание», автор статьи (Л. Мартов) писал: «Да и о какой «подготовке восстания», вообще, может идти речь у нашей партии? С прискорбием приходится констатировать, что среди наших товарищей начинают заметно проявляться чисто-утопические воззрения на этот вопрос, грозящие очень далеко отвести их от русла классовой борьбы пролетариата. Говорят о «подготовке восстания» в смысле прямого *заговора*, сфабрикованного «строго-конспиративной организацией», так, как, примерно, фабриковали их некогда французские революционеры 40-х и 60-х годов прошлого века. Чем больше суживается в сознании иных товарищей представление о текущих *политических* задачах нашей партии, чем больше проявляют они *на практике* склонность пассивно мириться с «бедностью и несовершенством» нашей ежедневной работы, и ее поразительной — ничуть не меньшей, чем во времена экономизма,—отсталостью, по сравнению с требованиями, которые предъявляются стихийно подымающимися массами, — тем усиленнее обращаются их помыслы к той светящейся точке, которая представляется им в виде сфабрикованного в подполье — «строго-конспиративной организации» и по приказу «властного центра» приведенного в действие восстания... Социальдемократия может «подготовлять восстание» только в одном смысле: *готовя свои собственные силы* к возможному моменту восстания масс». — 303.

[102]) Ленин имеет в виду статью (напечатанную в форме письма в редакцию) «Об агитационных задачах нашей партии» — в № 43 «Искры» от 1 июля 1903 г. В истпартовском издании «Искры» (выпуск VI, 1928 г.) автором статьи указан некий Файнберг (инициалы не установлены). — 304.

[103]) Цитата из ответа редакции «Искры» («От редакции») на статью (письмо в редакцию) Александрова (псевдоним) «Организационные вопросы» в приложении к № 56 «Искры» от 1 января 1904 г. Статья Александрова посвящена защите организационных принципов большевизма. — 305.

[104]) Ленин имеет в виду статью (Л. Мартова) «Пробуждение демократии и наши задачи» («Искра» № 58 от 25 января 1904 г.), написанную в связи с ростом оппозиционных настроений в среде буржуазной демократии, особенно заметно обнаружившимся на съезде деятелей по техническому образованию (съезд был закрыт по распоряжению правительства). Нападая на Петербургский Комитет (большевистский) за якобы недостаточное привлечение им внимания рабочих масс к таким фактам политической жизни, как названный выше съезд, Мартов писал, что целью социал-демократии должно быть «*систематическое самовоспитание пролетариата*» путем участия в политической жизни государства. *Социал-демократическая политика рабочего класса не тождественна с политическим движением пролетариата, руководимым людьми с социал-демократическими убеждениями.* Запомнить это необходимо всякому, кто хочет на деле выполнить долг идеолога пролетариата. Никогда не забывать этого — значит потерять совершенно не идущую к социал-демократу счастливую способность — способность из-за формы проглядеть содержание, из-за деревьев не видеть леса, из-за вопроса о «централизации вокруг пустого места» проглядеть серьезный вопрос об организации стихийной пролетарской борьбы *в сознательную политическую борьбу пролетариата*». — 307.

[105]) Ленин имеет в виду здесь и на стр. 320 статью Л. Мартова «На очереди» в № 58 «Искры» от 25 января 1904 г. Статья содержит «критику» предисловия и послесловия Ленина к брошюре «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» (см. настоящий том, стр. 137 — 143). — 310.

[106]) На одном из своих заседаний в начале 1904 г. Московский Комитет Р. С.-Д. Р. П., стоявший на точке зрения большинства, принял резолюцию, согласно которой в вопросе о личном составе М. К., числе его членов, введении новых и перемещении старых членов М. К. подчиняется всем распоряжениям Ц. К. на основании § 9 устава (см. настоящий том, стр. 405.) Сторонники меньшинства протестовали против этого решения, отстаивая автономию комитета в вопросе о составе комитета (вопреки § 6 устава, согласно которому Ц. К. «распределяет силы партии»). Мартов в статье «На очереди» («Искра» № 60 от 25 февраля 1904 г.), разумеется, поддерживал «автономию», защищая ее, между прочим, таким доводом: «Если предполагать, что Ц. К. определяет личный состав комитетов, то оказалось бы, что на следующем съезде Ц. К. давал бы отчет делегатам от организаций, состав которых им самим определен». — 313.

[107]) *Дрезденский съезд германской социал-демократии* происходил 13 — 20 сентября 1903 г. В центре внимания съезда стоял вопрос о тактике партии и о борьбе ее с ревизионизмом, возглавлявшимся Бернштейном, Гейне, Гере, Брауном, Фольмаром и друг. Съезд собрался в период чрезвычайно обострившихся разногласий внутри партии, вызванных стремлением ревизионистов, в связи с громадными успехами с.-д. на парламентских выборах 1903 г., пересмотреть старую тактику партии и сделать ее более приемлемой для массы попутчиков из кругов мелкой буржуазии с тем, чтобы, заручившись их поддержкой, стать решающей партией в парламенте и свести в дальнейшем всю борьбу с.-д. к парламентской борьбе за реформы. В партейтаг поступило более ста заявлений со стороны местных

партийных организаций с требованием сохранения прежней тактики и осуждением ревизионистских тенденций в духе Бернштейна и Фольмара. Некоторые организации требовали исключения Бернштейна, Герс, Брауна и др. из партии.

Принятая партейтагом резолюция по вопросу о тактике германской социал-демократии осудила ревизионизм, как попытку в корне изменить традиционную тактическую линию партии. «Партейтаг, — говорилось, между прочим, в резолюции, — осуждает всякие попытки изменить нашу испытанную и победоносную, основанную на принципе классовой борьбы, тактику, в том смысле, чтобы подменить завоевание политической власти путем разгрома наших противников — политикой уступчивости в отношении существующего строя. Следствием изменения такой тактики было бы то, что из партии революционной, в лучшем смысле слова, социал-демократия превратилась бы в партию, которая довольствовалась бы реформированием буржуазного общества вместо того, чтобы работать для скорейшего, по возможности, превращения существующего порядка в социалистический». Резолюция была принята большинством 288 против 11, в числе которых были все виднейшие ревизионисты (Бернштейн, Давид, Эльм и др.). — 315.

[108]) В своей речи на 3-ьем заседании Лиги (28 октября) В. Засулич, касаясь вопроса о выборах редакции на съезде, оспаривала необходимость изменения состава редакции съездом даже в том случае, если внутри редакции имеются разногласия. Свою точку зрения В. Засулич мотивировала, между прочим, следующим образом: «Для иных натур (— Засулич имеет в виду Ленина. *Ред.*) в момент разногласия личности противников так перекрашиваются, что у них легко возникает желание совсем от них отделаться, но раз это очень трудно, раз нужно поднять гласное обвинение и настоять на нем, желание не переходит в действие, столкновение улаживается, работа возможна, взаимное доверие не нарушается, несмотря на различие мнений. Но если бы вошел в обычай легкий способ отделываться от разногласящих, всякое малейшее столкновение грозило бы непоправимым разрывом» («Протоколы очередного съезда Заграничной Лиги Русской Революционной Соц.-Демократии», 1904 г., стр. 67). — 318.

[109]) Ленин имеет в виду статью «Централизм в германской социал-демократической партии» в № 64 «Искры» от 18 апреля 1904 г. (отдел: «Иностранное Обозрение»). — 319.

[110]) В виде юмористического приложения к своей статье «На очереди» («Искра» № 58, от 25 января 1904 г.) Л. Мартов поместил «Краткую Конституцию Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (устав-максимум «твердых»)». Вот некоторые параграфы этого шуточного «устава», в карикатурной форме высмеивавшего организационные взгляды большинства: «§ 1. Партия делится на заезжателей и заезжаемых. § 3. В интересах централизма заезжатели бывают разных степеней доверия. Заезжаемые уравнены в правах. § 6. Ц. О. заезжает мерами духовного вразумления. В случае закоренелости вразумляемых, предает оных в руки Ц. К. § 7. Тогда Ц. К. *поступает*» и т. д. — 321.

[111]) В приложении к № 63 «Искры» от 1 апреля 1904 года был напечатан «Ответ на письмо Ц. О. представителей Уфимского, Средне-Уральского и Пермского Комитетов», стоявших на точке зрения большинства (Ц. О., т.-е. меньшевистская «Искра», в письме к комитетам предлагала высказаться о положении дел в партии). В своем «Ответе» уфимские и др. большевики давали резкую и обстоятельную критику «новому курсу» «Искры», взятому ею после ухода Ленина из редакции («с выходом Ленина «Искра» сразу повернула кругом. Еще не высохли чернила, которыми Ленин писал и учил о том, какой большой вред приносят партии ее внутренние враги — ревизионисты, оппортунисты и экономисты — как пошли в «Искре» писать о тактичности по отношению к этим внутренним врагам»), и доказывали необходимость построения партии по

строго централистическому принципу. От имени редакции на письмо уфимских и др. большевиков отвечал Плеханов, «придравшийся» к отдельным неточностям в письме, в частности к следующей «неловкой фразе» (выражение Ленина), употребленной авторами письма: «интеллигенция, т.-е. революционная социал-демократия» (неправильное отождествление революционной соц.-демократии с интеллигентской ее частью). Эта как раз фраза и вызвала приведенное Лениным восклицание Плеханова.— 322.

[113]) Настоящая прокламация, вышедшая заграницей, была перепечатана в типографии Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П., при чем заголовок «Первое мая» был изменен на «Майский праздник». В тексте московского издания сделаны некоторые изменения по сравнению с заграничным изданием и имеется ряд опечаток; в конце прокламации опущен лозунг: «Долой преступное и разбойническое царское самодержавие!» Дата на московском издании—23 апреля 1904 года.— 337.

[114]) Для понимания настоящего письма к членам Ц. К. и следующего за ним «Заявления трех членов Ц. К.» необходимо иметь в виду, что состав Ц. К. в 1903—1904 г.г. изменялся следующим образом: на втором съезде (август 1903 г.) в Ц. К. были избраны — Г. Кржижановский (Травинский), В. Носков-Глебов (Борис) и Ф. Ленгник (Кол, Васильев); в октябре (по н. ст.) в Ц. К. были кооптированы Л. Красин (Никитич, Лошадь), Р. Землячка (Осипов), Ф. Гусаров (Митрофан) и М. Эссен (Зверев); в ноябре кооптированы Л. Гальперин (Валентин) и Ленин. Итого 9 членов Ц. К.

В «Заявлении трех членов Ц. К.» Ленин упоминает о резолюции Ц. К. против созыва съезда, при чем эта резолюция, принятая 5 голосами против 4 (в феврале 1904 г.), повлекла за собой временный выход из состава Совета Ленина и Ленгника. За эту резолюцию, принятие которой означало колебание Ц. К. в сторону меньшинства и серьезный шаг его по пути примиренчества, голосовали: Носков, Красин, Гусаров, Гальперин, Кржижановский.

Против резолюции высказались: Ленин, Ленгник и Эссен за границей и Землячка — в России.—341.

[115]) Ленин имеет в виду статью Г. Плеханова «Централизм или бонапартизм? (Новая попытка образумить лягушек, просящих себе царя)» («Искра» № 65 от 1 мая 1904 г.). В этой статье, написанной в ответ на письмо уфимских и др. социал-демократов (см. примечание 111-оо), Плеханов заявлял, что он якобы отстаивает «создание сильной централистической организации», но возражает против предоставления Центральному Комитету обширных полномочий (напр., право роспуска комитетов), так как, де, это «бонапартизм, если не абсолютная монархия старой, дореволюционной «манеры»». Попутно Плеханов выражал «крайнее сожаление» по поводу того, что на съезде Лиги он «поддерживал некоторые требования Ц. К., стоящие в близкой связи с организационным принципом», защищаемым сторонниками большинства, и настаивал на вводе в Ц. К. сторонников меньшинства.— 343.

[116]) Рукопись под заголовком «*Чего мы добиваемся?*» представляет первоначальный текст того, тоже написанного Лениным, воззвания «*К партии*», которое было принято на так называемом «*совещании 22 большевиков*» (см. настоящий том, стр. 353) в первой половине августа 1904 г. На совещании, созванном для выработки программы борьбы за III съезд и происходившем в окрестностях Женевы, присутствовало 19 чел., позднее к подписавшим воззвание присоединилось еще 3; таким образом получилось «воззвание 22-х». Судя по воспоминаниям, на совещании присутствовали: Ленин, Крупская, М. Ульянова, П. Лепешинский, О. Лепешинская, А. Богданов, М. Ольминский, А. Луначарский, М. Лядов, С. Гусев, Р. Землячка, В. Бонч-Бруевич, В. Величкина, В. Воровский, П. Красиков и др.—346.

[117]) В обширной резолюции, принятой на заседании 14 (1) июня

1904 г. в форме письма к партийным организациям, под заголовком: «Современные партийные течения и задача революционной социал-демократии», *Екатеринославский Комитет Р.С.-Д.Р.П.* дал резкую критику примиренчеству, пытающемуся «вместо органического идейного единства партии создать лишь формальный, единый конгломерат»; «закрывая глаза на развившиеся разногласия, примиренчество стремится объединить большинство и меньшинство к совместной «положительной работе», требуя для этого «терпимого» отношения большинства к деятельности меньшинства и «отказа первого от борьбы с последним»; примиренчество «ведет к установлению приоритета практики над теорией и к принижению этой последней в сознании партийных работников», «практицизм еще более, чем меньшинство, угрожает интересам революционной социал-демократии». В заключение Екатеринославский Комитет заявлял, что он будет всеми силами бороться с примиренцами, в том числе и с Ц. К., если последний станет на путь примиренчества (Н. Шахов «Борьба за съезд», 1904 г. Стр. 63 — 69. Изд. Искарта, стр. 316 — 322).— 349.

[117]) На заседании 6 июля (23 июня) 1904 г. *Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П.* выразил свою солидарность со взглядами Ленина, изложенными им в брошюре «Шаг вперед, два шага назад», и высказался за скорейший созыв III съезда. «Момент, переживаемый партией — говорилось в резолюции П. К.— должен заставить ее не отступать ни перед какими средствами для того, чтобы выйти из настоящего состояния хаоса и дезорганизации. Совершенно нелепым представляются П. К. инсинуации по поводу того, что съезд явится, преимущественно, сборищем креатур Ц. К.» (Н. Шахов. «Борьба за съезд», 1904 г., стр. 62. Изд. Искарта, стр. 315).— 350.

[118]) *Совет Партии,* происходивший *13 и 18 июня 1904 г.* в Женеве, заседал в следующем составе: Плеханов — председатель, Аксельрод и Мартов — представители Ц. О., Ленин и примиренец Носков (Глебов) — представители Ц. К. На первом заседании обсуждались, главным образом, вопросы об участии в конференции действующих в России оппозиционных и революционных партий и о предстоящем Амстердамском Международном конгрессе. На втором заседании 18 (5) июля стояли вопросы внутрипартийного порядка. По этим вопросам Совет принял следующие резолюции (напечатаны в № 68 «Искры» от 25 июня 1904 г.):

«1) Совет Р. С.-Д. Р. П. постановляет: Члены Совета, за исключением выбранного съездом, представляют собой делегатов двух центральных учреждений (Ц. О. и Ц. К.), деятельность коих Совет должен согласовать и объединить (§ 5 уст.). Эти четыре члена Совета могут быть смещаемы теми учреждениями, которые они представляют, и ответственны перед ними. *(Принято единогласно.)*

2) Во избежание на будущее время недоразумения при определении количества голосов, требующихся по уставу партии для кооптации в комитет нового члена, Совет разъясняет:

В тех случаях, когда требуемые § 12 устава $^2/_3$ наличного количества членов комитета равняются целому с дробью — последняя не принимается в расчет, если она равна $^1/_3$, и приравнивается к единице, если она равна $^2/_3$. *(Принято четырьмя голосами.)*

3) Принимая во внимание: а) что в партии существуют разногласия по вопросу о праве комитетов не принимать в свой состав лиц, предлагаемых Центр. Комитетом; б) что на почве этих разногласий возникают раздоры, грозящие дезорганизацией местного движения,

Совет партии постановляет сделать следующее разъяснение партийного устава:

Согласно § 12 устава, комитеты пользуются правом кооптации, совершаемой при наличности квалифицированного большинства ($^2/_3$) голосов за рекомендуемого кандидата. На постановление о кооптации может быть принесена жалоба в Совет, и *ему только* принадлежит право отмены состоявшегося постановления.

На Ц. К. устав партии возлагает заботу о распределении сил в партии. Для выполнения этой своей обязанности Ц.К. не нуждается в безапелляционном праве ввода намеченных им кандидатов в состав местных организаций, что привело бы к полному уничтожению их автономии, и, сделав фиктивной ответственность всех центральных учреждений перед партией, могло бы привести к дискредитированию Ц. К.

Рекомендуя местному комитету кандидата, Ц. К. имеет возможность, согласно § 12 устава, апеллировать, в случае отказа комитета, в Совет.

В виду всего вышеизложенного, Совет находит, что и по точному смыслу § 12 устава, и по всему духу нашей партийной организации, устанавливающей ответственность Ц.К. перед съездом представителей местных комитетов, комитеты партии не обязаны принимать в свой состав кандидатов, предлагаемых Ц. К. *(Принято четырьмя голосами.)*

4) В случае полного провала местного комитета, восстановление его состава лежит на обязанности Центрального Комитета. В случае образования после провала Комитета из лиц, не уполномоченных Ц. К., требуется утверждение Ц. К. *(Принято единогласно.)*

5) Совет партии просит партийные организации во всех тех случаях, когда какая-либо часть организации обращается с жалобой или с вопросом в Совет Партии, немедленно сообщать полностью содержание этой жалобы или этого вопроса другой части организации, ибо Совету Партии необходимо иметь изложение дела обеими сторонами для решения спора. Та же просьба относится и к случаям жалобы одной организации на другую организацию. *(Принято единогласно.)*

6) Принимая во внимание: а) что согласно решения II съезда, Ц. К-ту было предоставлено заняться рассмотрением предложения тов. Бонч-Бруевича об издании соц.-дем. газеты для сектантов; б) что, по соглашению редакции Ц. О. с Ц. К., тов. Бонч-Бруевичу было предоставлено издание, в виде опыта, под фирмой партии и под контролем и ответственностью ее центральных учреждений газеты «Рассвет».

Совет находит, что опыт издания под редакцией тов. Бонч-Бруевича социал-демократического органа для сектантов следует считать неудавшимся, ибо газета «Рассвет» ни по литературным своим достоинствам, ни по способу ее ведения не обещает дать партии то, чего она может требовать от такого органа.

Поэтому, и принимая во внимание неудовлетворенность гораздо менее специальных нужд в популярной литературе, чем те, навстречу которым идет «Рассвет», Совет признает излишним дальнейшее издание «Рассвета», как органа партийного, предоставив тов. Бонч-Бруевичу, если он того пожелает, издавать «Рассвет» от себя лично. *(Принято четырьмя голосами.)»* (Резолюции, принятые четырьмя голосами, означают резолюции, принятые против голоса Ленина.) — 350.

[118]) Повидимому, речь идет о таких фактах, как обвинение, выдвинутое против С. Гусева, в составлении «фальшивого» списка кандидатов в Ц. К. на втором съезде партии (см. настоящий том, стр. 329—336).—355.

[120]) «*Письмо Глебову (Б. Н. Носкову) от 11. IX. 1904 г.*» явилось ответом на следующее письмо Глебова: «Ув. т.! На желание, выраженное Ц. К. относительно вашего вступления в редакцию Ц. О., редакция ответила своим согласием. Желание о вашем вступлении товарищи подтверждают в одном из полученных мною писем. Таково же, несомненно, желание и многих комитетов. Поэтому я от лица товарищей из Ц. К. обращаюсь к вам с предложением вступить вновь в Ц. О., где вы, по нашему, крайне желательный сотрудник. Это обеспечило бы почти полный мир в партии, которого вы так хотите. Так как вы не опротестовали моего возражения относительно кооптации новых членов, то я считаю вас воздержавшимся от голосования, а выборы состоявшимися. Б. Глебов» (Н. Шахов «Борьба за съезд», 1904 г., стр. 94). Это письмо, имевшее целью добиться выхода Ленина из состава Ц. К., путем включения его в редакцию

Ц. О., представляет дальнейший шаг в развитии «примиренческой» политики Ц. К., которую Ц. К. (точнее три его члена) с полной определенностью провозгласил в своей июльской декларации.

К моменту принятия июльской декларации, положение с составом Ц. К., который вообще состоял из 9 членов (см. примечание 113-ое), было таково: Гусаров вышел в отставку; господствовавшей в Ц. К. тройкой крайних примиренцев (Красин, Гальперин, Глебов) была проведена, с нарушением обычных формальностей, отставка Кржижановского, в поддержке которого тройка не была уверена; твердые большевики—Ленгник и Эссен—сидели в тюрьме; твердую большевичку Землячку (Осипова) тройка совершенно произвольно объявила выбывшей из состава Ц. К ; Ленин находился в Женеве. При таких условиях находившаяся в России тройка членов Ц. К. приняла июльскую декларацию.

В конце письма (на стр. 366 настоящего тома) Ленин говорит о проектируемом меньшевиками издании «популярного органа». Такое издание действительно было осуществлено в виде начавшей выходить с октября 1904 г. «популярной рабочей газеты» «Социал-Демократ».

Последний абзац письма в брошюре Н. Шахова «Борьба за съезд» напечатан не был.—360.

[121]) «*Июльская декларация Ц. К.*» состояла из 26 пунктов. Из них в № 72 «Искры» от 25 августа 1904 г. были опубликованы под заголовком: «Заявление Центрального Комитета» только девять пунктов; некоторые пункты были опубликованы затем в брошюре Н. Шахова «Борьба за съезд», 1904 г., стр. 90. В приложении к настоящему тому («Документы и материалы», № 3) перепечатана та часть декларации, которая имеет принципиальное значение или касается крупных организационных вопросов (в постановлении Ц. К. имелся еще ряд второстепенных пунктов). — 360.

[122]) Вопреки надеждам Ленина, протоколы Совета Р. С.-Д. Р. П., заседавшего 28 — 30 января 1904 г., «увидели свет» только 25 лет спустя: они были опубликованы в 1929 г. Институтом Ленина в «Ленинском сборнике» X (стр. 181 — 292).— 364.

[123]) Листовка «*Услужливый либерал*» вышла в «Издательстве социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина», основанном для издания литературы большинства. После того как издательство выпустило первую брошюру Галерки (М. Ольминского) «Долой бонапартизм!»—в № 73 «Искры» от 1 сентября 1904 г. появилось «разъяснение» Совета Партии: «Совет партии разъясняет товарищам, что партийной литературой является только такая, которая издана за ответственностью и от имени одной из партийных организаций. Поэтому и заголовок Р. С.-Д. Р. П. не может ставиться на изданиях, выпускаемых отдельными членами партии. Совет просит всех товарищей, в виду неоднократных уже нарушений этого, само собой разумеющегося во всякой партии, правила принять во внимание его решение». Большинство, конечно, оставило без внимания это разъяснение меньшевистского Совета.

О работах, выпущенных названным выше издательством, см. стр. 389 — 390 настоящего тома. — 368.

[124]) В статье «Пора! (Письмо к товарищам)», типичной для характеристики «примиренческих» настроений, С. Ростовец (псевдоним), написавший свое письмо в качестве одного из «рядовых» членов партии еще до опубликования июльской декларации Ц. К., высказывался за беспринципное и бесформенное объединение и примирение «большинства», «меньшинства» и «болота». Автор решительно возражал против созыва III съезда, который явится, будто бы, «съездом руководителей», «вождей», «не ответственных за свои действия перед всей партией, а кто только знает, как жаждет «борьбы» и «раскола» добрая половина этих «руководителей», тот может с уверенностью сказать, что от такого съезда нельзя ждать водворения мира внутри партии». Игнорируя принципиальные разногласия и настаивая на объединении во что бы то ни стало («плохой мир, но все-

таки мир!») во имя борьбы с царизмом, С. Ростовец писал, что «не о «партийной дисциплине», не о необходимости «подчинения меньшинства большинству», не об «анархизме» и «уклонении от работы» вредных «дезорганизаторов» должны мы говорить в своих резолюциях... Пора уже перестать мечтать о сокрушении «дезорганизаторов» — такими дезорганизаторами является половина разобравшихся в споре членов партии. Пора понять, что своими боевыми действиями в борьбе с «внутренним врагом» — мы только парализуем свои силы в борьбе с нашими «внешними врагами»!.. Мир с «анархистами» и «оппортунистами в организационных вопросах», но все таки не бессилие в борьбе с царизмом!» («Вопросы партийной жизни» — отдельное приложение к №№ 73 — 74 «Искры» от 1 и 20 сентября 1904 г.). — 369.

[125]) В № 10 «Рабочего Дела», появившемся накануне так называемого «объединительного» съезда (см. примечание 138-ое в IV томе Сочинений), происходившего 4 — 5 октября 1901 г., были напечатаны статьи А. Мартынова «Обличительная литература и пролетарская борьба» и Б. Кричевского «Принципы, тактика и борьба». Эти статьи, носившие ярко «экономический» характер, разобраны Лениным в «Что делать?» см. V том Сочинений, стр. 359.— 370.

[126]) «*Письмо к товарищам (К выходу органа партийного большинства)*» известно в нескольких списках. В первом издании собрания Сочинений, том V, оно напечатано как «Письмо для Бориса» (Борис — неизвестный товарищ, отнюдь не В. Носков-Глебов); в Собрании сочинений письмо перепечатано из «Пролетарской Революции» № 4 (16) за 1923 г. Печатаемый в настоящем издании текст письма отличается от текста первого издания большей полнотой и стилистической обработанностью. После выхода газеты «Вперед» письмо было несколько переделано и переиздано на гектографе (дата: 4 января 1905 г.). Текст этого письма см. «Рабочий Корреспондент» № 3—4, март—апрель 1924 г., и «Пролетарская Революция» № 11 (34), 1924 г. — 372.

[127]) *На сентябрьской (1904 г.) сессии Совет партии* (Плеханов, Мартов, Аксельрод, Носков-Глебов), обязанный по уставу созвать съезд, если за него высказались организации, имеющие вместе более половины решающих голосов, — с целью воспрепятствовать скорейшему созыву съезда совершенно произвольно, путем подтасовки, определил число организаций (16) и число голосов (61), необходимое для созыва съезда, всячески доказывая, что к 1 сентября за съезд высказалось якобы еще недостаточное число организаций и что поэтому «Совет не имеет основания к его созыву». Одновременно Совет пытался оспорить законность решений ряда комитетов, высказавшихся за созыв съезда (См. «Решения Совета Р. С.-Д. Р. П.» в «Вопросах партийной жизни» — отдельное приложение к №№ 73—74 «Искры» от 1 и 20 сентября 1904 г.). Направленная против созыва III съезда партии «политика» Совета разоблачена В. Воровским (Орловским) в его брошюре «Совет против партии», 1904 г., особенно гл. II «Арифметика на службе у примиренства». — 372.

[128]) «*Прокламация 19-ти*» издана Московским Комитетом Р. С.-Д. Р. П. в октябре 1904 г. под заголовком: «Обращение к членам Р. С.-Д. Р. П.», без подписи, начинается словами: «Мы «19» членов Р. С.-Д. Р. П. с удовольствием пользуемся призывом, выпущенным 22 членами нашей партии...» Прокламация дает резкую критику позиции Плеханова, занятой им в статье «Чего не делать?» (авторы прокламации характеризуют Плеханова как «политического хамелеона»), позиции меньшевистской «Искры», которая «всей своей деятельностью находится в резком противоречии со всем курсом старой «Искры», а, следовательно, и с принципиальной позицией (второго) съезда» и, в особенности, позиции примиренческого Ц. К. «В это трудное для партии время — говорится в прокламации — к сожалению, и Ц. К. наш обнаружил полную неспособность к руководительству партией. Воздерживаясь в течение восьми месяцев от вмешательства во

внутрипартийную борьбу, уклоняясь все время дать отпор всем тем нападкам на партию, которые сыпались со стороны «меньшинства», Ц. К. этим нанес непоправимый вред партии, увеличивая своей преступной пассивностью шансы дезорганизаторов. За это время Ц. К. ни разу не постарался выяснить партии, на какой точке зрения он стоит в своем стремлении примирить враждующие фракции, и многим из нас казалось, да впоследствии и оправдалось, что действия его диктуются полнейшим индифферентизмом к принципиальным вопросам и преклонением перед узко понятой «положительной работой»... Недавно появившееся заявление Ц. К. (—июльская декларация. *Ред.*) свидетельствует только о полной беспринципности его политической позиции и оно поистине достойно стать историческим памятником политики компромисса, которой наш Ц. К., очевидно, думает следовать в ближайшем будущем... Нашему Ц. К. все еще представляется, что в росте разногласий виноваты разыгравшиеся страсти и всякие дрязги и что достаточно быть корректным и уступчивым, достаточно точно формулировать разногласия, чтобы в партии установился прочный мир!.. Ц. К. окончательно порвал с заветами II съезда и старой Искры». В заключение прокламация высказывается за подготовку и созыв самими комитетами, помимо Ц. О., Ц. К. и Совета, являющегося «орудием в руках теперешней редакции Ц. О., следовательно, меньшинства», третьего съезда, который «обеспечит единство, но не механическое единство, основанное на заштопывании и стыдливом прикрывании партийных трещин, а единство, основанное на строгом и бескомпромиссном проведении принципов революционной соц.-демократии как в тактике, так и в организации».

Прокламация 19-ти вышла из среды соц.-дем., сторонников большинства, находившихся в Москве в августе — октябре 1904 г. (Е. Стасова, Ф. Ленгник, Б. Кнуньянц, Н. Бауман, С. Черномордик и др.). Московский Комитет Р. С.-Д. Р. П. тоже стоял на платформе большинства и поддерживал декларацию 22-х (свое отношение к декларации М. К. выразил в резолюции, принятой в августе. См. брошюру Н. Шахова «Борьба за съезд», 1904 г., стр. 102 — 103). — 373.

[129]) В октябре и ноябре 1904 г. состоялись три *конференции* местных комитетов, стоявших на платформе большинства: 1) Кавказская (4 комитета), 2) южная (Одесский, Екатеринославский и Николаевский Комитеты) и 3) Северная (Петербургский, Московский, Тверской, Рижский, Северный и Нижегородский комитеты). В органе большинства «Вперед» были опубликованы резолюции только Северной конференции (в № 1 «Вперед»), которая выразила недоверие центральным учреждениям партии, категорически высказалась за созыв третьего съезда, постановив в то же время запросить Ц. К., готов ли он взять, наконец, на себя немедленный созыв съезда, выразила солидарность с «литературной группой, руководимой тов. Лениным», и создала особое бюро для организации съезда. Аналогичные решения были приняты и остальными конференциями. В начале декабря сконституировалось избранное на этих конференциях *Бюро Комитетов Большинства*, взявшее на себя непосредственную работу по подготовке и созыву съезда. Состав Б. К. Б. в основных чертах был намечен в Женеве Лениным и проведен затем через конференции. Согласно воспоминаний наиболее видных работников этого периода в Б. К. Б., находившееся в Петербурге, входили: А. Богданов, М. Эссен, М. Лядов, П. Румянцев, Р. Землячка, М. Литвинов, С. Гусев, А. Рыков и др. (см. «Пролетарская Революция» № 11 за 1924 г., стр. 25 — 26). — 373.

[130]) С целью поддержать июльскую «примиренческую» декларацию Ц. К., опубликованную в № 72 «Искры» (от 25 августа 1904 г.), меньшевики созвали 2 сентября 1904 г. общее собрание всех с.-д., проживавших в Женеве, рассчитывая на этом «объединенном» собрании большевиков и меньшевиков провести соответствующую резолюцию в пользу примиренческой политики Ц. К., так как в Женеве меньшевики имели на своей

стороне значительное большинство в среде русской с.-д. эмиграции. Однако на собрание явились только меньшевики и несколько «большевиков-примиренцев» — всего 100 человек. Большевики (по расчетам меньшевиков, явно впрочем преуменьшенным,— их в Женеве было 21 чел.) отказались принимать участие в этом собрании, и представитель большевиков, огласив заявление большинства, покинул зал заседания. Собрание, происходившее под председательством Плеханова, после прений приняло резолюцию, в которой выражало «солидарность с актом Ц. К. и надежду на успешный результат начатой Ц. К. политики умиротворения партии».

Во время прений, Дан, отвечая одному оратору-примиренцу, указывавшему на недопустимые приемы полемики Ц. О. (меньшевистской «Искры») по отношению к комитетам, заявил, что, во-первых, «полемика с рабоче-дельцами велась в еще более резких формах и тем не менее признавалась многими вполне уместной» и что, во-вторых, «на этом тоне, и вообще на всем характере статей о деятельности комитетов не могло не отразиться то обстоятельство, что огромное большинство комитетов совершенно отказались от товарищеского общения с редакцией» («Краткий отчет о собрании членов Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии 2-го сентября 1904 г. в Женеве». Издание партийного клуба в Женеве, 1904 г. стр. 6). — 373.

[131]) Изданное новой «Искрой» «Письмо к партийным организациям» (ноябрь 1904 г.) содержало изложение меньшевистской тактики по отношению к земской кампании; письмо разобрано Лениным в его брошюре «Земская кампания и план «Искры»» (см. VII том Сочинений, стр. 1 и стр. 410). — 374.

[132]) «*Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией*» направлено непосредственно против трех членов Ц. К. «примиренцев» (Л. Красина-Никитича, Л. Гальперина-Валерьяна и В. Носкова-Глебова), принявших в июле известную «декларацию Ц. К.» и кооптировавших в Ц. К. сначала трех других «примиренцев» (И. Дубровинского, В. Карпова, А. Любимова), а потом, после тайных переговоров с меньшевиками, трех меньшевиков: В. Розанова, Р. Гальберштадт и В. Крохмаля. Сведения об упоминаемых в «Заявлении» фактах, именах и документах таковы: 1) в № 77 «Искры» от 5 ноября 1904 г. было напечатано за подписью Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. «Заявление» относительно «тов. N» (т.-е. члена Ц. К. Р. Землячки). Вопреки утверждению Ц. К. Р. Землячка отрицала, что она выходила из состава Ц. К.; поэтому примиренческий Ц. К. привлекал ее к третейскому суду, 2) в Южном Бюро Ц. К., распущенном примиренческим Ц. К. в августе 1904 г., за агитацию в пользу созыва III съезда, работали: В. Воровский, И. Лалаянц, П. Лалаянц-Кулябко; 3) П. — это Павлович — П. Красиков; 4) заявление заграничного представителя Ц. К. о Лидине (М. Лядове) было напечатано в № 72 «Искры» от 25 августа; 5) сообщение об издававшемся В. Бонч-Бруевичем «Рассвете» и о библиотеке и архиве Р. С.-Д. Р. П. было напечатано в № 77 «Искры» под заголовком «Заявление заграничного представителя Ц. К.».

В конце «Заявления» Ленин приводит выдержки из писем Глебова и меньшевиков. Одно из этих писем, адресованное на имя О. Пятницкого, предназначалось для Глебова, но было зашифровано шифром Пятницкого, который, расшифровав письмо, оригинал отправил Ленину, а копию — Глебову (см. О. Пятницкий «Записки большевика». Изд. Истпарта. 1925 г. Стр. 52). Вероятно, таким же путем в распоряжении большинства оказались и другие письма. Говоря в конце «Заявления» о лицах, которые «со свойственной им «моральной чуткостью» приложат все усилия, чтобы отвлечь внимание партии от содержания документов к моральному вопросу о праве на их опубликование», Ленин имеет в виду Л. Мартова, который в полемике с Рядовым (А. Богдановым) обвинил его в «отсутствии моральной чуткости» («Искра» № 70, 25 июля 1904 г. «От редакции» — примечание к статье Рядового «Наконец-то!»).

После того, как «Заявление» было издано, Ленин отправил его (в январе 1905 г.) трем членам Ц. К. в сопровождении письма, в котором он сообщал, что назначает от себя в третейский суд А. Луначарского и В. Воровского. — 377.

[133]) *Амстердамский конгресс II Интернационала* происходил 14—20 августа 1904 г. На конгрессе присутствовало 476 делегатов, но решающих голосов каждая делегация имела только по два. Основные вопросы, рассмотренные конгрессом, следующие: 1) международные правила социалистической политики (Вандервельде), 2) всеобщая стачка (Роланд-Гольст), 3) колониальная политика (Ван-Коль) и 4) страхование рабочих (Молькенбур). Наиболее серьезные дебаты вызвало обсуждение первого вопроса (ревизионистов защищал Жорес, ортодоксальную политику отстаивал Бебель), по которому конгресс принял следующую резолюцию, почти целиком воспроизводящую резолюцию Дрезденского партейтага (1903 г.) германской социал-демократии:

«Конгресс осуждает самым решительным образом ревизионистские стремления изменить нашу испытанную и увенчанную успехом тактику в таком направлении, чтобы на место завоевания политической власти путем победы над нашими противниками поставить политику уступок существующему порядку.

Последствием такой ревизионистской тактики было бы превращение партии, ставящей себе целью возможно быстрое преобразование существующего буржуазного общества в общество социалистическое,—а потому революционной в лучшем смысле этого слова,—в партию, довольствующуюся реформированием буржуазного общества.

Поэтому конгресс, в противоположность существующим ревизионистским течениям, убежденный, что классовые противоречия не ослабляются, а постоянно возрастают, заявляет:

1. Что партия отклоняет от себя ответственность за основанные на капиталистическом способе производства политические и экономические порядки и потому отказывается ассигновывать какие бы то ни было денежные средства, нужные для поддержания правящих классов у власти;

2. Что социал-демократия, согласно резолюции Каутского на международном социалистическом конгрессе 1900 г. в Париже, не может стремиться к участию в правительственной власти в рамках буржуазного общества.

Далее, конгресс осуждает всякое стремление затушевывать существующие классовые противоречия, чтобы облегчить сотрудничество с буржуазными партиями.

Конгресс ожидает, что социал-демократические парламентские фракции будут продолжать пользоваться той возрастающей силой, которая создается увеличением числа их членов и огромным приростом стоящей за ними массы избирателей, для выяснения целей социал-демократии и для того, чтобы, соответственно принципам нашей программы, со всею энергией и настойчивостью охранять интересы рабочего класса, добиваться расширения и упрочения политической свободы и равноправия, вести еще более энергичную, чем до сих пор, борьбу против милитаризма и маринизма, против колониальной и империалистской политики, против произвола, угнетения и эксплуатации во всех видах, энергично содействовать развитию социального законодательства и выполнению исторических и культурных задач рабочего класса».

Конгресс высказался далее, хотя и в осторожной форме, за допустимость применения массовых стачек, как одной из форм борьбы пролетариата; что касается резолюции о колониальной политике, то она содержала ряд положений, представлявших уступки реформизму.

Вопрос о русской декларации на конгрессе стоял в Р.С.-Д.Р.П. следующим образом: вопреки предложению Ленина, высказавшемуся за то, чтобы партию в Амстердаме представлял только Совет, меньшевики вклю-

чили в делегацию кроме членов Совета еще Дана, Засулич и Дейча, против чего Ленин возражал. Сам Ленин по болезни не мог поехать на конгресс и передоверил свой мандат П. Красикову (Павловичу) и М. Лядову (Лидину). Меньшевики пытались оспорить эту передачу мандата, но ввиду апелляции Ленина в Бюро конгресса оказались вынужденными включить Красикова и Лядова в состав русской делегации, в которой, таким образом, были представлены и сторонники большинства. По окончании конгресса Совет пытался обвинить Ленина в нарушении партийной дисциплины (апелляция к Бюро конгресса) и предложил ему явиться на заседание Совета для объяснений, но Ленин в письме к секретарю Совета заявил, что «после того, как Бюро Международного конгресса приняло передоверие мною моего мандата, я не обязан более никаким отчетом ни перед каким Советом» (О возникшей по поводу делегирования М. Лядова и П. Красикова полемике между сторонниками меньшинства и большинства см. «Вопросы партийной жизни» в отдельном приложении к №№ 73—74 «Искры» и брошюру Орловского «Совет против партии», гл. III).

Меньшевики представили конгрессу «Доклад делегации Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии Амстердамскому Международному социалистическому конгрессу» (автор доклада — Ф. Дан); большевики «Material zur Erläuterung der Parteikrise in der Socialdem. Arbeiterpartei Russlands» за подписью M. Lydin (М. Лядов); в составлении и редактировании этой брошюры принимал участие и Ленин. — 381.

УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ ПРИМЕЧАНИЙ В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ.

Амстердамский конгресс II Интернационала. — 133.
Воронежский Комитет Р. С.-Д. Р. П.— 90.
Второй съезд Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии. — 36, 47, 48, 49, 50, 108.
Второй съезд Р. С.-Д. Р. П. — 1, 3, 7, 8, 10, 11, 14, 15, 16, 25, 79, 80, 82, 86, 88.
«Заявление и документы» (брошюра). — 132.
«Искра» (меньшевистская). — 74.
Конференции большинства. — 129.
Позиция Бебеля по аграрному вопросу в 1894 — 1895 г.г. — 85.
Польская с.-д. и II съезд Р. С.-Д. Р. П. — 4.
Примиренчество. — 113, 116, 120, 121, 124.
Прокламация 19-ти. — 128.
Пятый съезд Бунда. — 29.
Рабочая организация Петербургского Союза Борьбы. — 91.
Совет Партии 28—30 января 1904 г.— 70.
Совет Партии в сентябре 1904 г. — 127.
Совещание 22 большевиков. — 115.
Совет Партии 13 и 18 июня 1904 г.— 118.
Ультиматум Ц. К. от 25 ноября 1903 г. — 98.
«Шаг вперед, два шага назад» (брошюра). — 73.

V. СЛОВАРЬ-УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

А.

АБРАМСОН — см. ПОРТНОЙ, К.

АЙЗЕНШТАДТ, И. Л. (по протоколам II съезда Р. С.-Д. Р. П. — ЮДИН) — видный бундовец. Революционную деятельность начал в студенческой народовольческой группе в Ярославле в 90-х г.г.; в 1896 г. был арестован и вскоре сослан в Восточную Сибирь на 5 лет; после ссылки примкнул к Бунду, вошел в Ц. К., состоял редактором центрального органа Бунда; на II съезде Р. С.-Д. Р. П. был делегатом Ц. К. Бунда; играл руководящую роль во всей последующей жизни Бунда; принимал участие в общерусской конференции Р. С.-Д. Р. П. в 1908 г.; в 1920 г., когда Бунд вошел в Р. К. П. (б.), А. вышел из коммунистического Бунда и участвовал в организации с.-д. Бунда, был избран в члены Ц. К.; в 1922 г. эмигрировал в Германию. — 172.

АКИМОВ, В. (В. П. МАХНОВЕЦ) (1875 — 1921) — один из самых крайних и последовательных оппортунистов в рядах Р. С.-Д. Р. П. в период «Искры». Начал революционную деятельность в 1895 — 97 г.г. в народовольческих кружках (т. н. «Группы 4-го листка»). В 1898 г. был выслан в Восточную Сибирь, откуда бежал за границу, где вступил в «Союз русских с.-д.», был лидером правого крыла Союза; виднейший представитель «экономизма»; защищал бернштейнианство; на II съезде Р. С.-Д. Р. П. был делегатом от Союза; в 1905 г. вернулся в Россию, был близок к крайнему правому крылу меньшевиков. Сотрудничал в «Последних Известиях» — органе Бунда. В 1906 г. присутствовал на IV (Объединительном) съезде с совещательным голосом. Позднее занялся кооперативной деятельностью, совершенно отойдя от соц.-дем. работы. Автор брошюр: «Материалы для характеристики развития Р. С.-Д. Р. П.» (1904 г.) и «Очерк развития социал-демократии в России» (1905 г.). — 21, 22, 95, 165 — 169, 171, 176, 182, 184, 197, 198, 206, 207, 211, 212, 218, 219, 221, 225, 228, 230 — 232, 234, 235, 240 — 242, 246, 253, 254, 256, 258, 259, 263, 266, 270 — 277, 285, 291, 294, 297, 302, 304, 305, 307, 308, 313, 315, 319, 323, 327, 328, 347, 369, 370.

АКСЕЛЬРОД, И. И. (1871—1917) — социал-демократка, искровка, литературный критик. В революционном движении начала принимать участие как народоволка; в 1893 г. эмигрировала в Швейцарию, где примкнула к Группе «Освобождение Труда», а затем стала членом Заграничной Лиги. В Швейцарии работала в качестве пропагандиста-лектора. После второго съезда Р. С.-Д. Р. П. и на съезде Лиги сторонница большинства партийного съезда; после съезда Лиги вслед за Плехановым повернула к меньшевикам; после Февральской революции 1917 г. вернулась в Россию и в том же году умерла. — 110.

АКСЕЛЬРОД, Л. И. (ОРТОДОКС) (р. 1868) — социал-демократка, искровка, впоследствии меньшевичка; философ. В 1887 г. эмигрировала заграницу; с 1892 г. социал-демократка; в 1894 г. поступила на философский факультет Бернского университета; в 1900 г. окончила университет со званием доктора философии; в 1900—1903 г.г. руководила работой группы содействия «Искре» в Берне и сотрудничала в «Заре», где помещены ее статьи: «Почему мы не хотим идти назад?» («Заря» № 2—3); «О некоторых философских упражнениях некоторых «критиков»» («Заря» № 4); после раскола партии на втором съезде А. пошла за Плехановым; в 1906 г. вернулась в Россию и работала в меньшевистской печати и меньшевистских организациях; в годы войны вместе с Плехановым занимала шовинистическую позицию; в 1917 г., после приезда Плеханова в Россию, вошла в редакцию газеты «Единство»; с 1918 г. отошла от политической деятельности и работает в области теории марксизма. «Философские очерки» А. (1-ое изд. 1906 г.) сыграли значительную роль в борьбе за материализм против философского ревизионизма. В настоящее время является одним из представителей «механистов» в философии.— 110, 294.

АКСЕЛЬРОД, П. Б. (1850—1928) — один из лидеров меньшевизма, вначале бакунист, с расколом «Земли и Воли» (1879 г.) примкнул к черно передельцам. В 1883 г. вместе с Плехановым, В. Засулич и др. основывает Группу «Освобождение Труда». Его работы 90-х г.г. высоко ценились работавшими в России с.-д. и, между прочим, Лениным. С 1900 г.— один из редакторов «Искры» и «Зари». На II съезде партии в 1903 г. вместе с Мартовым стал во главе меньшинства, дал меньшевизму принципиальное обоснование в своих статьях в «Искре» (№№ 55 и 57) и выступал с тех пор неизменно в качестве одного из самых яростных противников большевизма. А. принадлежит руководящая роль в выработке меньшевистской тактики за все время существования меньшевистской партии. В ноябре 1904 г. написал листовку: «Письмо к партийным организациям», с планом земской кампании. В 1905 г. выступал с агитацией за «Народную думу». На 4 (Объединительном) съезде Р.С.-Д.Р.П. (Стокгольм 1906 г.) выступил с программным докладом о тактике по отношению к Государственной Думе, защищая идею «политического сотрудничества пролетариата и буржуазии в абсолютистской России». Осенью 1905 г. выдвинул идею созыва «рабочего съезда». Общая идея политики А., особенно настойчиво проповедывавшаяся им с момента поражения революции 1905 г., заключалась во фракционном сплочении меньшевиков с целью произвести «партийную революцию», т.-е. «коренным образом изменить характер русской социал-демократии, как он сложился в дореволюционную и революционную эпоху, и организовать ее на тех же началах, на каких зиждется партийный строй европейской социал-демократии», т.-е. на началах реформизма и легализма. В годы реакции возглавлял «ликвидаторство» и входил в редакцию ликвидаторского органа «Голос Социал-Демократа». Участник Циммервальдской и Кинтальской конференций, где занимал крайне-правую позицию, близкую к социал-шовинизму. До последнего времени был (членом Международного Социалистического Бюро) яростным противником советской власти, проповедывавшим вооруженную интервенцию.—31, 35, 42, 55, 58, 90, 93, 110, 111, 139—141, 160, 170, 187—189, 193, 197, 202—207, 209, 211—213, 215, 216, 219, 220, 226, 232, 248, 251, 262, 270, 273, 275, 281, 286, 287, 290, 291, 293, 294, 300—303, 305, 309, 310, 312, 313, 315, 316, 318, 320—322, 324, 370.

АЛЕКСАНДРОВА, Е. М. (по протоколам II съезда Р.С.-Д.Р.П.— ШТЕЙН; «N»; «NN») (р. 1864 г.) — народоволка, потом социал-демократка, «искровка». В 1890 г. работала в группе молодежи «Народной Воли» и одновременно вела занятия в брусневском женском с.-д. кружке в Петербурге. В 1894 г. по делу «партии Народного Права» была сослана на

5 лет в Вологодскую губ. В ссылке примкнула к с.-д. В 1901 г. вошла в организацию «Искры», затем в Орг. Комитет по созыву II съезда. На II съезде примкнула к меньшевикам. В конце 1904 г. была кооптирована в Ц.К. В феврале 1905 г. была арестована в Москве на заседании Ц.К. в квартире Л. Андреева. Позднее отошла от социал-демократии.—16, 51—53, 55, 93, 94, 97, 98, 201, 222, 329, 331, 333, 335.

АЛЕКСЕЕВ, П. А. (1849—1891)—известный революционер 70-х г.г., рабочий-ткач. 16—17 лет самоучкой научился читать и писать, вскоре примкнул к московскому народническому кружку пропагандистов (Бардиной, Здановича и др.) и начал активно выступать как агитатор и пропагандист социализма среди рабочих. После ареста и двухлетнего пребывания в тюрьме судился в 1877 г., вместе с другими членами кружка, особым присутствием сената («процесс 50»). На суде отказался от защитника и в своей ярко революционной речи, получившей широкую известность, обрисовал ужасные условия, в которых жил тогда рабочий класс, закончив речь предсказанием неизбежного падения самодержавия. Был присужден к 10 годам каторги, отбыв которые, был поселен в глухом улусе Якутской области, где в 1891 г. убит якутами с целью грабежа. Речь П. А. неоднократно переиздавалась.—208.

Б.

БАЛМАШЕВ, С. В. (1882—1902)—социалист-революционер, убивший в знак протеста против свирепых репрессий правительства по отношению к общественному движению, в особенности студенческому, министра внутренних дел Сипягина, студент. Принимал активное участие в студенческом движении, был в числе 183 студентов Киевского университета, сданных в начале 1901 г. в солдаты «за учинение скопом беспорядков». По возвращении осенью с военной службы сблизился с революционными организациями и вел работу в соц.-демократических и эсеровских рабочих кружках. Террористический акт совершил в качестве члена руководимой Гершуни боевой организации партии социалистов-революционеров. Казнен по приговору военного суда.—62—64.

БАУМАН, Н. Э. (ПОЛЕТАЕВ, по протоколам II съезда Р.С.-Д.Р.П.—СОРОКИН) (1873—1905)—социал-демократ, один из активнейших членов организации «Искры», большевик. Революционную деятельность начал в Петербургском Союзе борьбы за освобождение рабочего класса в 1897 г. В 1900 г. бежал из ссылки заграницу, примкнул к группе «Освобождение Труда» и в апреле 1900 г. был участником второго съезда Союза русских социал-демократов; с декабря 1900 г. работал в России в качестве агента «Искры» и был одним из главных организаторов транспорта и техники по распространению «Искры»; неоднократно нелегально ездил в Россию по поручению «Искры»; на II съезде Р.С.-Д.Р.П. был делегатом от Московского комитета и принадлежал к группе «большинства»; принимал участие во 2-м съезде Лиги (по протоколам съезда Лиги С. Сарафский); после съезда был одним из самых активных работников большинства. Арестованный летом 1904 г. Б. пробыл в Московской тюрьме до 17 октября 1905 г., когда революция освободила его из тюрьмы. На другой день Б. был убит на улице черносотенцем. Похороны Б. превратились в грандиозную демонстрацию. В № 24 «Пролетария» напечатан некролог Б., написанный Лениным (см. VIII том Сочинений, стр. 358).—112, 169, 223, 249, 334.

БЕБЕЛЬ, АВГУСТ (1840—1913)—виднейший представитель международного рабочего движения второй половины XIX и начала XX в., один из основателей и вождей германской социал-демократии и II Интернационала, рабочий-токарь. В 1865 г. вступил в Интернационал, где стал

последователем Маркса. Вместе с В. Либкнехтом основал в 1869 г. «Соц.-дем. рабочую партию», слившуюся в 1875 г. с лассальянцами в единую «Социалистическую рабочую партию Германии», впоследствии переименованную в «Соц.-дем. партию Германии». Неоднократно избирался депутатом от соц.-демократической партии в рейхстаг. В 1872 г. был вместе с Либкнехтом за требование мира с французской республикой и за протесты против захвата Эльзаса и Лотарингии приговорен к двухлетнему заключению в крепости, несколько раз подвергался административной высылке и тюремному заключению. Постоянный участник партейтагов (партийных съездов). Играл выдающуюся роль в международном пролетарском движении. В теории всегда признавал себя учеником Маркса и Энгельса, неоднократно и резко выступал против бернштейнианства и оппортунизма в рядах партии и на международной арене. К концу жизни занял центристскую позицию. Автор ряда книг, брошюр и речей, пользовавшихся широким распространением. — 226, 227, 277.

БЕЛОВ — см. ЦЕЙТЛИН, Л. С.

БЕР (BEER), МАКС (р. 1864) — историк социализма. В молодости принадлежал к левому крылу немецкой соц.-демократии. В 1894 г. эмигрировал в Лондон, затем в Америку (1900 — 1901 г.г.); позже снова возвратился в Лондон, где стал английским корреспондентом «Vorwärts'a». На его исторических работах сказалось значительное влияние английского реформизма. В годы империалистской войны Б. вернулся в Германию, где примкнул к правым социал-демократам. Под влиянием революционных событий 1917 — 1918 г.г. вновь полевел, дав более близкие к марксизму работы («К. Маркс, его жизнь и учение»), нежели раньше. Из работ Б. на русский язык переведены: «История социализма в Англии», «Всеобщая история социализма», «Карл Маркс, его жизнь и учение». — 293.

БЕРГ — см. ШОТМАН, А. В.

БЕРНАР, ЛАЗАР (1865 — 1903) — французский общественный деятель-публицист, сионист. С начала 1890-х г.г. отдается изучению истории и современной жизни евреев, останавливаясь, преимущественно, на вопросах антисемитизма и социальных отношений внутри еврейства. В 1894 г. издал книгу «L'antisemitisme, son histoire et ses causes» («Антисемитизм, его история и причины»). В 1896 г. Б. выступил на защиту Дрейфуса и выпустил в Брюсселе (во Франции не нашлось издателя) брошюру «La vérité sur l'affaire Dreyfus» («Правда о деле Дрейфуса»), положившую начало кампании в пользу пересмотра дела Дрейфуса. Под влиянием процесса Дрейфуса Б. примкнул к сионистскому движению. Участник Базельского сионистского конгресса и делегат от Франции в Венский Исполнительный Комитет сионистов. — 84.

БЕРНШТЕЙН, ЭД. (р. 1850) — германский с.-д., в эпоху исключительного закона против социалистов редактор нелегального центрального органа партии («Social-Demokrat»). В середине 90-х г.г. выступил в теоретическом органе германской с.-д-ии «Neue Zeit» со статьями, где пытался подвергнуть пересмотру философские, экономические и политические основы революционного марксизма и заменить их теорией примирения классовых противоречий и постепенного перерастания капитализма в социализм. Более или менее связное изложение своих взглядов Б. дал в книге «Предпосылки социализма и задачи с.-д-ии», вышедшей в январе 1899 г. Выступления Б., вызвавшие тотчас же резкую критику Р. Люксембург и Парвуса, а затем Г. Плеханова и К. Каутского, послужили исходным пунктом широкой и острой полемики в среде международной с.-д-ии и привели к оформлению двух течений: ортодоксов и ревизионистов. В настоящее время Б. — один из лидеров II Интернационала. Его воззрения целиком победили в германской с.-д.-ии и нашли свое отражение в новой программе партии, принятой в 1925 г. в Гейдельберге. — 113, 114, 293, 303, 320.

БЛЮМЕНФЕЛЬД, И. С. (р. 1865) — социал-демократ, один из деятельных сторонников и сотрудников Группы «Освобождение Труда», потом член организации «Искры»; в Группе «Осв. Тр.» и в «Искре» заведывал печатанием и транспортом изданий. В марте 1902 г. был арестован на границе с транспортом нелегальной литературы; в августе 1902 г. бежал из Киевской тюрьмы (в числе 10 искровцев). После II Съезда Р.С.-Д.Р.П. — меньшевик. Был близок к редакции новой «Искры» и в эпоху реакции к редакции ликвидаторского «Голоса Социал-Демократа». — 76, 383.

БОГДАНОВ, А. А. (РЯДОВОЙ) (1873 — 1928) — литературный псевдоним А. А. МАЛИНОВСКОГО. Философ, экономист, публицист, биолог. Один из видных большевиков в период 1904 — 1907 г.г. В с.-д. движении начал участвовать с 1896 г. После раскола Р.С.-Д.Р.П. (в 1903 г.) примкнул к большевикам. Был одним из организаторов III съезда партии. На известном совещании «22», стоявших на точке зрения большинства II съезда, был избран в члены «Бюро комитетов большинства», от имени которого выступил с докладом на III съезде Р.С.-Д.Р.П. Член редакций нелегальных большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий». В «дни свободы» работал в редакции большевистской «Новой Жизни». На III, IV и V съездах избирался членом ЦК. от большевиков, а на V съезде был избран в члены «Большевистского центра». Разногласия в философских вопросах, начавшиеся между большевиками и Б. еще со времени первой революции, обострились в годы реакции, и Б. политически стал отходить от марксизма и большевизма. В 1907 г. выступил с защитой тактики бойкота 3-й Гос. Думы и настаивал на отзыве из нее социал-демократической фракции. В начале 1909 г. «Большевистский центр» открыто отмежевался в своем органе «Пролетарий» от проводившихся Б. взглядов. В то же время Б. совместно с А. В. Луначарским и при содействии А. М. Горького организовал на о. Капри партийную школу, пытаясь создать из нее ядро фракционной организации. В июне 1909 г. «Большевистский центр» (на совещании расширенной редакции «Пролетария») снял с себя ответственность за эту школу и политическую деятельность Б. После разрыва с большевиками, Б. совместно с А. В. Луначарским, А. М. Горьким и М. Н. Покровским, стал во главе группы так называемых «впередовцев», издававших свой орган «Вперед». Вскоре Б. окончательно порвал с социал-демократией. В годы войны Б. — «платонический интернационалист», сотрудник «Современника» и «Летописи». К Октябрьской революции отнесся отрицательно. В 1918 г. был одним из руководителей и вдохновителей «Пролеткульта». Под влиянием его идей (о роли организаторов и пр.) находилась группа «Рабочей Правды» (1923 г.), но сам Б. к этому времени от политической жизни уже отошел целиком. В последние годы Б. занимался вопросами естествознания, в частности проблемой переливания крови. Погиб в марте 1928 г., произведя на себе неудачный эксперимент. — 368, 374.

БОНЧ-БРУЕВИЧ, В. Д. (р. 1873) — большевик, историк сектантского движения в России; принимает участие в рабочем движении с начала 90-х г.г.; в 1896 г. выехал заграницу и вступил в группу содействия Группе «Освобождение Труда», сотрудничая в изданиях последней; позднее вошел в Заграничную Лигу Русской Революционной Социал-Демократии; в 1902 г. был секретарем группы нелегального с.-д. журнала «Жизнь»; после раскола на II съезде партии примкнул к «большинству»; по поручению II съезда Б.-Б. в 1904 г. издавал с.-д. газету для сектантов «Рассвет»; в 1904 году организовал издательство нелегальной большевистской литературы под фирмой В. И. Ленина и В. Д. Бонч-Бруевича; в 1904 — 1905 г.г. участвовал в организации большевистского органа «Вперед»: в январе 1905 г. Б.-Б. уехал в Россию и совершил объезд местных комитетов с агитацией за III съезд; во время революции 1905 г. и позднее принимал деятельное участие в издательской деятельности

партии большевиков в России, в частности, в издании «Звезды» и «Правды». После октября 1917 г. Б.-Б. был назначен управляющим делами С.Н.К.; с 1920 г. находился на хозяйственной работе. В настоящее время главный редактор издательства «Жизнь и Знание». — 9, 368, 370, 380.

БОРИС — см. НОСКОВ, В. А.

БРАУН — см. СТЕПАНОВ, С. И.

БРУКЕР — псевдоним ЛИДИИ МАХНОВЕЦ, сестры В. П. Акимова — делегатка от Петербургской рабочей организации на II съезде партии, представительница «экономического» направления в Р.С.-Д.Р.П. После съезда никакой роли в с.-д. движении не играла. — 31, 97, 165, 163, 168, 169, 176, 211, 213, 218, 219, 236, 239, 241, 257, 258, 266, 270, 271, 273, 274, 285, 294, 323, 330, 366, 369, 370.

БУЛГАКОВ, С. Н. (р. 1871) — экономист и философ, первоначально один из представителей «легального марксизма», в своих первых экономических статьях и книге «О рынках при капиталистическом производстве» (1897 г.) выступал как сторонник Маркса, затем эволюционировал от марксизма к идеализму и православию. Уже в журнале «Начало» (1899 г.) и, в особенности, в двухтомной работе «Капитализм и земледелие» Б. порвал с марксизмом и целиком стал на ревизионистскую точку зрения, доказывая ошибочность всех основных положений марксистской теории вообще и в области аграрных отношений в частности. Дальнейшая эволюция Б. получила свое выражение в статьях, помещенных в книгах и сборниках: «Проблемы идеализма» (1902 г.), «От марксизма к идеализму» (1903 г.) и «Вопросы религии» (1906 г.). В 1907 г. Б. был депутатом 2-й Государственной Думы, примыкал к кадетской партии, являлся одним из вождей общественной реакции, господствовавшей после поражения революции 1905 г. После Октябрьской революции стал священником. В настоящее время в эмиграции. — 116.

В.

ВАЛЕНТИН — см. ГАЛЬПЕРИН, Л. Е.

ВАЛЕРЬЯН — см. ЛЮБИМОВ, А. И.

ВАСИЛЬЕВ — см. ЛЕНГНИК, Ф. В.

В. В. — псевдоним В. П. ВОРОНЦОВА (1847—1917), — одного из главных теоретиков народничества 80-90-х годов. Окончив медико-хирургическую академию, В. в течение восьми лет работал земским врачем, затем занялся литературной деятельностью. Главные сочинения: «Судьбы капитализма в России» (1883); «Наши направления» (1893), «Очерки теоретической экономии» (1895). Сотрудничал во всех руководящих органах народничества — от Лавровского «Вперед» (70-х г.г.) до «Русского Богатства» Михайловского, с которым в начале 90-х г.г. разошелся. После этого стал писать в либеральном «Вестнике Европы». Решительно выступал против марксизма и был объектом критических статей чуть ли не всех первых марксистов в России. Систематическую критику взглядов В. В. дал Г. В. Плеханов в своем сочинении «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В. В.)». — 113, 118.

ВЕЧЕСЛОВ, М. Г. (р. 1869) — социал-демократ, искровец, впоследствии меньшевик; в 90-х г.г. входил в казанский с.-д. кружок, организованный М. Е. Березиным; в 1898 г. приехал кончать медицинский факультет в Берлин, где вошел в Союз русских с.-д. за границей; позднее примкнул к «Искре» и организовал в Берлине группу содействия «Искре»; летом 1901 г. ездил к Ленину в Мюнхен, а потом в Норвегию по делам транспорта «Искры» через Финляндию. После II съезда Р.С.-Д.Р.П. примкнул к меньшевикам. В настоящее время живет и работает в С.С.С.Р. — 74, 112.

ВИЛЕНСКИЙ, А. (по протоколам II съезда Р.С.-Д.Р.П. — ЛЕНСКИЙ) — социал-демократ, «искровец», делегат II съезда Р.С.-Д.Р.П. от Екатерино-

славского комитета, сторонник «большинства»; весной 1901 г. в Киеве участвовал в выпуске и распространении первомайской прокламации; будучи арестован и просидев в киевской тюрьме до начала 1902 г., В. был выслан затем в Полтавскую губ., откуда летом 1902 г. бежал в Екатеринослав; здесь В. принимал активное участие в борьбе с рабочедельцами и содействовал завоеванию Екатеринославского комитета на сторону «Искры». — 181, 219, 334.

ВИЛОНОВ, Н. Е. (МИША ЗАВОДСКОЙ) (1883 — 1910) — видный рабочий социал-демократ, искровец, после второго съезда большевик, профессионал-подпольщик. Вступил в ряды социал-демократической организации в Киеве в 1902 г. Позднее вошел в состав Екатеринославского («искровского») Комитета и играл крупную роль в проведении всеобщей политической стачки в августе 1903 г. В конце 1903 г. был арестован и после семимесячного тюремного заключения выслан в Енисейскую губ., откуда в июле 1904 г. бежал. В дальнейшем работал в Казани и на Урале, подвергался неоднократно арестам, был выслан в Николаевские арестантские роты (в Верхотурском уезде, Пермской губ.), оттуда бежал, но затем был снова заключен в тюрьму. Освобожденный из тюрьмы после 17 октября 1905 г. был председателем Самарского Совета Рабочих Депутатов. С наступлением реакции снова работал на Урале, ведая организацией подпольных типографий. Проводил агитацию за бойкот выборов в первую Государственную Думу и участвовал в подготовке «Объединительного» партийного съезда. В марте 1906 г. был снова арестован и, доведенный до отчаяния тюремной администрацией, пытался покончить жизнь самоубийством (самосожжение). В июле 1906 г. бежал из тюрьмы и после этого, уже больной, работал в Москве, Златоусте и др. местах. В 1908 г. уехал за границу на остров Капри, где вместе с Богдановым, Луначарским и Горьким принимал активное участие в организации Каприйской партийной школы, но потом порвал с «впередовцами» и примкнул к большевикам-ленинцам. Умер от туберкулеза 1 мая н. ст. 1910 г. в Давосе (в Швейцарии). — 142.

ВОРОВСКИЙ, В. В. (ОРЛОВСКИЙ) (1871 — 1923) — один из виднейших членов В.К.П.(б.). В революционное движение вступил в 1890 г., был выслан на 3 года в Вятскую губ. В эпоху бернштейниады решительно занял позицию революционного социал-демократа. В 1901 г. поместил в «Жизни» резкую статью против Струве и Бернштейна (под псевдонимом — Ю. Адамович). В 1902 г. выехал за границу и сотрудничал в «Искре». После II съезда Р.С.-Д.Р.П. примкнул к большевикам, принимал активное участие в борьбе с меньшевиками, выпустил брошюру «Совет против партии», участвовал в создании большевистской газеты «Вперед», в редакцию которой входил вместе с Лениным, Ольминским и др., участвовал в подготовке и проведении III съезда партии, входил в редакцию газеты «Пролетарий». В 1906 г. участвовал в IV «Объединительном» съезде партии, сотрудничал в большевистских изданиях, затем вел партийную работу в Петербурге и Одессе, неоднократно подвергался арестам и обыскам. Автор ряда статей в газетах и журналах: «Правда», «Просвещение», «Мысль» и др. (часть статей В. издана отдельно под заглавием «Литературные очерки»). В 1917 г. член Заграничного Бюро Ц.К.; после Октябрьской революции представитель Р.С.Ф.С.Р. в Швейцарии, в 1921 г. — полпред в Италии, представитель Р.С.Ф.С.Р. на Лозаннской конференции. Убит 10 мая 1923 г. в Лозанне фашистом Конради. — 372, 374.

ВОРОНЦОВ, В. П. — см. В. В.

Г.

ГАЙНДМАН, Г. (1842 — 1921) — видный английский социалист, основавший в 80-х г.г. Социал-Демократическую Федерацию. Один из осно-

вателей Британской Социалистической Партии (в 1911 г.). Был председателем международного социалистического конгресса в Лондоне в 1896 г. и членом Международного Социалистического Бюро (1900 — 1910). Большим влиянием на английское рабочее движение Г., однако, не пользовался. В начале империалистической войны Г. пытался занять антимилитаристическую позицию, но вскоре примкнул к открытым социал-шовинистам. — 293, 294.

ГАЛЕРКА — см. ОЛЬМИНСКИЙ, М. С.

ГАЛЬПЕРИН, Л. Е. (ВАЛЕНТИН, РУ, ПГРЕК) (р. 1872) — социал-демократ с 1898 г., искровец, работал в качестве агента «Искры» в России, принимал деятельное участие в организации Кавказского Рабочего Союза и Бакинской типографии. После II съезда партии — сторонник «большинства». Кооптированный в Ц.К., Г. вместе с Л. Б. Красиным и В. А. Носковым занял в Ц.К. по отношению к меньшевикам примиренческую позицию и вместе с названными товарищами участвовал в известном перевороте в Ц.К. («июльская» декларация Ц.К. 1904 г.), взявшем курс на безоговорочное примирение и объединение с меньшинством; в феврале 1905 г. Г. в числе прочих членов примиренческого Ц.К. был арестован на заседании Ц.К. в квартире Л. Андреева; с 1906 г. отошел от партии; в настоящее время работает консультантом в Наркомторге С.С.С.Р. и занимается литературной деятельностью. — 105, 298, 299, 341, 342, 344.

ГЕЙНЕ, ВОЛЬФГАНГ (р. 1861) — германский социал-демократ, адвокат. В социал-демократии занимал место в рядах крайних оппортунистов-бернштейнианцев. В 1898 г. был выбран в рейхстаг, но вскоре лишен мандата за отказ от участия в политической демонстрации, организованной социал-демократами. В 1903 г. вновь был избран в рейхстаг. За статьи ревизионистского характера в «Sozialistische Monatshefte» («Социалистические Ежемесячники») часто подвергался резкой критике со стороны Бебеля, Мерринга, Каутского и др. После германской революции — министр юстиции, а затем министр внутренних дел в прусском правительстве (1919 — 1920 г.г.). — 315, 316.

ГЁРЕ, ПАУЛЬ (1864 — 1928) — германский социал-демократ, оппортунист-бернштейнианец, бывший пастор. Для изучения быта рабочих прослужил 3 месяца на различных фабриках, в результате чего написал в 1891 г. книгу: «Drei Monate Fabrikarbeiter und Handwerkbursche» («Три месяца подмастерьем и фабричным рабочим»). Пытался организовать евангелическое рабочее движение, но, потерпев неудачу, перешел в 1899 г. к социал-демократам. Для объяснения этого шага выпустил брошюру «Wie ein Pfarrer Sozialdemokrat wurde» («Как пастор стал социал-демократом») (существует несколько русских переводов — 1905, 1906 г.г.). В социал-демократии примкнул к крайнему ревизионистскому крылу. 16 июня 1903 г. был выбран в рейхстаг от Саксонского округа. Через три месяца на Дрезденском партейтаге (сентябрь 1903 г.) Г. вместе с Брауном и др. подвергся жестокой критике со стороны Бебеля за сотрудничество в «Zukunft» («Будущность») — буржуазном журнале М. Гардена; вследствие чего Г. был вынужден сложить с себя депутатские полномочия. В результате так называемого «инцидента Г.» германские социал-демократы при дополнительных выборах в Саксонском округе потерпели поражение. В 1910 и 1912 г.г. — Г. был вновь избран в рейхстаг. В начале германской революции занимал пост статс-секретаря прусского правительства. — 314, 315.

ГЕРЦ — см. УЛЬЯНОВ, Д. И.

ГЛЕБОВ — см. НОСКОВ, В. А.

ГОЛЬДБЛАТ — см. МЕДЕМ, В. Д.

ГОРИН, В. Ф. (ГАЛКИН) (1866 — 1925) — социал-демократ, искровец, со II съезда партии большевик, видный практик; революционную деятельность Г. начал с участия в народовольческих кружках (в Сим-

ферополе, Харькове, Одессе, Могилеве и других городах); в 1888 г. по народовольческому делу «61» в Одессе был сослан в Якутскую область, где пробыл 10 лет; в ссылке много занимался изучением философии; после ссылки работал в саратовской организации Р.С.-Д.Р.П.; на II съезде был делегатом от Саратовского Комитета; съездом был избран в комиссию по редактированию и изданию протоколов; оставшись за границей, Г. принимал участие в борьбе «большинства» с «меньшинством»; в 1908 — 10 г.г. помогал Ленину в его борьбе с ревизионизмом в области философии; в 1910 г. вышла книга Г. «Долой материализм (Критика эмпириокритической критики)» под псевдонимом Н. Грабовский; после Февральской революции Г. вернулся в Россию и участвовал в подготовке Октябрьского восстания, работая в Военно-Революционном Комитете; в 1918 — 20 г.г. играл видную роль в организации политической работы в Красной армии; последние годы своей жизни Горин работал среди молодежи. — 26, 27, 174, 186, 329, 331, 332, 335.

ГОРСКИЙ — см. ШОТМАН, А. В.

ГОФМАН — см. КОССОВСКИЙ, В.

ГУСАРОВ, Ф. В. (ДОКТОР, МИТРОФАН) (у. 1920) — социал-демократ, искровец, после II съезда большевик; военный врач, видный работник с.-д. военных организаций; в 1903 г. работал в Вильне; после второго съезда в начале октября н. ст. был кооптирован в Ц.К.; летом 1904 г. вышел из Ц.К.; в 1906 г. в Петербурге был организатором одного из районов и представителем военной организации в Петербургском Комитете; в июне 1906 г. был арестован и приговорен к 8-летней каторге; после Февральской революции остался в Сибири, где работал до самой смерти в 1920 г. (в Омске). — 108, 341.

ГУСЕВ, С. И. (р. 1874) — видный большевик, в 1896 г. вступил в Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Участвовал в «Ветровской» демонстрации 16(4) марта 1897 г. Принимал участие в руководстве ростовской забастовкой 1902 г., а затем в организации мартовской демонстрации 1903 г., после чего уехал в Женеву. Участвовал на II съезде Р.С.-Д.Р.П. в качестве делегата от Донского комитета и решительно стал на сторону Ленина. После съезда объехал с докладом о нем южные города (Киев, Одессу, Николаев, Харьков), затем вновь вернулся за границу. За границей (Женева, Париж) оставался до ноября 1904 г. В начале декабря 1904 г. выехал в Петербург, где оставался до мая 1905 г. в качестве секретаря Петербургского комитета и Б.К.Б. Затем был секретарем Одесского комитета Р.С.-Д.Р.П. В январе 1906 г. переехал в Москву, где был членом Московского комитета Р.С.-Д.Р.П. Весной 1906 г. ездил в Стокгольм в качестве делегата московской организации на IV (Объединительный) съезд. В сентябре 1906 г. арестован в Москве. Был выслан на три года под надзор полиции в Березов Тобольской губернии. Через год переведен был в Тобольск, откуда весной 1909 г. бежал. В течение лета и осени 1909 г. по поручению Ц.К. объезжал южные города. Осенью 1909 г. приехал в Петербург, где познакомился со Свердловым и вместе с ним около 3 месяцев работал в организации, затем бежал от ареста в Териоки. Был долгое время тяжело болен. К партийной работе вернулся в 1917 г. В Октябрьские дни был секретарем Военно-Революционного Комитета Петрограда, с весны 1921 г. начальником Политуправления Республики и членом Рев. Военн. Совета Республики. С 1923 г. секретарь Ц.К. В.К.П.(б.) и член коллегии Н.К. Р.К И. С.С.С.Р. С 1925 г. заведывал отделом печати Ц.К. В настоящее время работает в Коминтерне. Член дирекции Института Ленина. — 174, 175, 185, 225, 232, 329, 335.

Д.

ДАВИД, ЭДУАРД (р. 1863) — немецкий социал-демократ, экономист, бернштейнианец. После Франкфуртского съезда (1894 г.) вошел в образо-

вавшую съездом комиссию по выработке аграрной программы с проектом, обещавшим крестьянству обеспечение и упрочение мелкой частной собственности при капитализме; Бреславльский съезд 1895 г. отверг этот проект. В 1903 г. выпустил исследование «Социализм и сельское хозяйство», где пытался доказать несостоятельность экономического учения Маркса в области сельского хозяйства. С 1903 г. член рейхстага. В годы империалистической войны крайний социал-шовинист; после революции 1918 г. вошел в первое коалиционное правительство Германской республики, в 1919—1920 г.г. — министр без портфеля. Один из видных представителей ревизионизма, проделавший типичную эволюцию от якобы «научных» поправок к теории Маркса к прямой борьбе с революционным пролетариатом в союзе с буржуазией. — 116.

ДАН, Ф. И. — псевдоним Ф. И. ГУРВИЧА (р. 1871) — один из вождей меньшевизма, врач, в половине девяностых годов работал в Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Был сослан на три года в Вятскую губернию. По окончании ссылки принимал участие в русской и заграничной с.-д. работе. В 1902 г. в качестве агента «Искры» участвовал в конференции в Белостоке, после которой был арестован и сослан в Восточную Сибирь, откуда эмигрировал за границу. Революция 1905 г. дала ему возможность вернуться в Россию. Участник партийных съездов 1906 и 1907 г.г. и ряда конференций. Публицист и редактор ряда меньшевистских изданий. Бессменный член меньшевистских О.К. и Ц.К. В годы реакции — ликвидатор, во время войны — «пацифист» и «умеренный» интернационалист («центрист»), после Февраля «революционный» оборонец и соглашатель, после Октября деятельный противник коммунистической партии и советской власти во имя буржуазной демократии. В настоящее время эмигрант, член II Интернационала. — 128, 366, 373, 381, 383, 384.

ДЕДОВ — см. КНИПОВИЧ, Л. М.

ДЕЙЧ, Л. Г. (р. 1855) — социал-демократ, к революционному движению примкнул в семидесятых годах в качестве народника-бунтаря, разделял взгляды Бакунина. В 1877 году вместе со Стефановичем организовал в Чигиринском уезде крестьянское восстание с помощью «золотой грамоты» — подложного царского манифеста о передаче помещичьей земли крестьянам; бежал из Киевской тюрьмы. При расколе «Земли и Воли» в 1879 г. примкнул к чернопередельцам и вскоре эмигрировал за границу. В 1883 г. принимал участие в организации Группы «Освобождение Труда». Был выдан Германией русскому правительству и пробыл 16 лет на каторге и поселении, откуда в 1901 г. бежал. За границей примкнул к «Искре». После II съезда — меньшевик. В 1906 году был арестован в Петербурге и сослан в Сибирь, откуда вновь эмигрировал за границу. В годы войны занял крайнюю шовинистскую и соглашательскую позицию, сотрудничал в Париже в социал-патриотическом «Призыве», издававшемся Плехановым, Авксентьевым, Алексинским и Бунаковым. В 1917 г. входил в группу «Единство». В настоящее время живет в С.С.С.Р., занимается изданием документов по истории революционного движения (особенно, документов группы «Осв. Труда»). — 94, 95, 174, 181, 205, 236, 249, 284, 285, 329, 332—335, 384.

ДОКТОР — см. ГУСАРОВ, Ф. В.

ДРЮМОН, ЭДУАРД-АДОЛЬФ (1844—1917) — известный французский антисемит, монархист и клерикал. В 1886 г. выпустил наделавшую много шума и выдержавшую в короткое время около 100 изданий антисемитскую книгу «La France Juive» («Еврейская Франция»). В 1889 г. основал «Национальную антисемитскую Лигу Франции» («Ligue nationale antisémitique en France»), которая поддерживала буланжистов и вела ожесточенную борьбу против республиканцев. В 1891 г. Д. стал во главе антисемитской газеты «Libre Parole» («Свободное Слово»), требовавшей

ограничения евреев в правах; в особенности Д. настаивал на исключении из армии всех евреев офицеров. Во время дела Дрейфуса Д. вел бешеную антисемитскую кампанию и руководил организацией целого ряда антисемитских обществ и групп. В разгар антисемитского движения Д. прошел от Алжира в палату депутатов, где организовал особую антисемитскую группу, вскоре, однако, распавшуюся. Большой роли в парламенте Д. не играл. — 84.

Е.

ЕГОРОВ — см. ЛЕВИН, Е. Я.

Ж.

ЖЕЛЯБОВ, А. И. (1861 — 1881) — вождь партии «Народной Воли» и главный организатор ее террористических актов в 1879 — 1881 г.г. Примкнул к революционному движению в 1873 г. (кружок Волховского); принимал участие в «хождении в народ»; участник процесса 193-х; на Липецком съезде «Земли и Воли» 1878 г. выступил в защиту террористической борьбы и организовал сторонников террора в новую партию «Народной Воли»; казнен за покушение на Александра II 1 марта 1881 г.— 208.

ЖОРДАНИЯ, Н. Н. (по протоколам II съезда Р. С.-Д. Р. П. — КОСТРОВ) (р. 1869) — основатель грузинской с.-д. партии, видный меньшевик, лидер меньшевиков на Кавказе. Революционную работу в рядах социал-демократии начал со второй половины 90-х годов в рабочих кружках Тифлиса; участвовал на II съезде Р. С.-Д. Р. П. с совещательным голосом: в 1906 г. был членом I Гос. Думы; на Лондонском съезде Р. С.-Д. Р. П. (1907 г.) был избран в члены Ц. К.; в эпоху реакции Ж. принадлежал к числу «левых» меньшевиков, колебавшихся между ликвидаторами и Плехановым; отстаивая необходимость ликвидации идеи гегемонии пролетариата в революционном движении, Ж. в то же время считал необходимым сохранение подпольной партии; летом 1912 г. участвовал в руководстве легальной меньшевистской газетой в Баку «Наше Слово»; в апреле 1913 г. Ж. добивался передачи редакции ликвидаторской газеты «Луч» в Петербурге в руки меньшевиков, приближавшихся по своим взглядам к Плеханову, но успеха не имел. В эпоху империалистской войны был оборонцем, участвовал в оборонческом сборнике «Самозащита» (1916 г.). В 1918 — 1920 г.г. Ж. был председателем меньшевистского грузинского правительства, заключил соглашение с Деникиным для совместной борьбы с большевиками; ныне заграницей, ярый противник советской власти, сторонник интервенционистской политики английского империализма.— 27, 185, 263.

ЖОРЕС, ЖАН (1859 — 1914) — один из виднейших вождей французского социалистического движения. Первоначально профессор философии в Тулузе, сторонник идеализма в философии, Ж. в процессе постепенной эволюции превратился в социалиста, пытавшегося примирить марксизм с идеалистической философией. В общем стоял на правом фланге французского социализма и в начале XX века поддерживал социалиста Мильерана (нынешнего буржуазного политика), принявшего портфель в радикально-буржуазном кабинете Вальдека-Руссо (1899 г.). Спор, возникший по этому поводу во французской партии между оппортунистами и марксистами во главе с Гэдом, был разрешен в пользу марксистов на Амстердамском международном социалистическом конгрессе 1904 г. Ж. впервые был избран в парламент в 1885 г. в качестве левого радикала, в 1892 г. он прошел в качестве «независимого социалиста», а с 1902 г. Ж. один из лидеров парламентской социалистической фракции. В 1897 г. Ж. вместе

с Золя и Клемансо принимал руководящее участие в известном деле Дрейфуса; в 1904 г. основал центральный орган партии «L' Humanité», который и редактировал до конца своих дней. Ж. был одним из лучших ораторов Европы и весьма искусным парламентарием. Особенно энергично он вел борьбу с милитаризмом, отстаивая идею народной милиции. Был горячим сторонником франкогерманского сближения. 31 июля 1914 г., т.-е. накануне войны, Ж. был убит шовинистом Виленом. Убийца был судом оправдан. — 316, 319.

З.

ЗАСУЛИЧ, В. И. (1851 — 1919) — сначала народница, затем социал-демократка; революционную деятельность начала в конце 60-х г.г., в 1869 г. была арестована и 2 года просидела в тюрьме, до 1875 г. была в ссылке. В 1878 г. стреляла в петербургского градоначальника Трепова за наказание политического заключенного студента Боголюбова розгами. Судом присяжных была оправдана. После Воронежского съезда «Земли и Воли» примкнула к группе «Черный Передел». В 1880 г. эмигрировала за границу, где вместе с Плехановым и др. приняла участие в основании Группы «Освобождение Труда». Принимала участие в литературной деятельности Группы и впервые перевела на русский язык несколько важнейших произведений Маркса. Ездила нелегально в Россию. Напечатала марксистские монографии о Ж.-Ж. Руссо и Вольтере, а также ряд статей о русской литературе, критике и в защиту теории Маркса. С 1900 г. вместе с Лениным и др. редактировала «Искру» и «Зарю». После раскола в 1903 г. примкнула к меньшевикам; в годы реакции солидаризировалась с ликвидаторами; во время войны и революции — социал-шовинистка, противница Октябрьского переворота, член группы «Единство». — 34, 42, 52, 58, 66, 110, 111, 230, 248, 281, 318, 334, 370.

ЗБОРОВСКИЙ, С. (по протоколам II съезда Р.С.-Д.Р.П. — КОСТИЧ) — социал-демократ, искровец, после II съезда видный меньшевик - практик; на II съезде был делегатом от Одесского Комитета; в 1906 г. был арестован в Петербурге; в январе 1908 г. участвовал в меньшевистской конференции в Женеве по вопросу о создании заграницей центрального меньшевистского органа («Голос Социал-Демократа»). — 181, 186, 212.

ЗВЕРЕВ — см. ЭССЕН, М. М.

ЗЕМЛЯЧКА, Р. С. (по протоколам II съезда Р.С.-Д.Р.П. — ОСИПОВ) (р. 1875) — видный член партии большевиков, партийный практик-профессионал; в революционном движении участвует с 90-х г.г.; в 1901 г. З. в качестве агента «Искры» была направлена в Одессу и оттуда в Екатеринослав, где пробыла до II съезда партии; на II съезде была делегатом от Одесского комитета; в сентябре-октябре 1903 г. была кооптирована в члены Ц.К.; летом 1904 г., когда определилась явно примиренческая линия большинства Ц.К., вышла из его состава; участвовала в заграничной конференции «22» большевиков летом 1904 г.; после конференции по поручению руководящей большевистской группы З. совершила объезд ряда партийных организаций, агитируя за созыв III съезда партии; затем была выбрана в Бюро Комитетов Большинства; на III съезде партии была делегатом от петербургской организации; во время декабрьского восстания в Москве в 1905 г. была секретарем Московского комитета; после восстания перешла на работу в военную организацию и в апреле 1906 г. была арестована на всероссийской военной конференции; бежав из участка, З. вернулась в Петербург, где работала до ареста Петербургского комитета в октябре 1907 г.; после года тюрьмы поехала на работу в Баку и затем по постановлению Ц.К. уехала за границу; вернулась в Россию в 1914 г.; в 1916 г. была членом Московского Бюро Ц.К.; в 1917 г. во время Февральской революции была секретарем М. К., потом организатором

Рогожско-симоновского района; после Октября была снова секретарем М. К. и организатором Замоскворецкого района; в 1918 г. З. перешла на работу в Красную армию, где пробыла до занятия Крыма, после этого была секретарем Крымского Областного Бюро; в 1921—23 г.г. работала снова в Москве секретарем Замоскворецкого района; в 1924—25 г.г. была членом Юго-Восточного Бюро Ц. К. (в Ростове н/Д); затем была секретарем Мотовилихинского райкома на Урале. В настоящее время—член Ц. К. К.—105, 260, 362—367.

ЗИНДЕРМАН, КАРЛ (р. 1869)—германский социал-демократ, реформист, в 1903 г. был председателем саксонской социал-демократической организации и членом рейхстага.—319.

И.

ИБСЕН, ГЕНРИХ (1828—1906)—крупнейший норвежский драматург, проповедник крайнего индивидуализма, в своих произведениях дал ряд ярких типов, борющихся за освобождение своей личности против всех стеснений и условностей, налагаемых государством, обществом, церковью, семьей, общепринятыми нормами морали. Попутно Ибсен нарисовал яркую картину пошлости и мещанства, господствующих в современном капиталистическом обществе. Из многочисленных драм Ибсена особенной известностью пользуются: «Бранд», «Враг народа», «Пер Гюнт», «Столпы общества», «Нора» и др.—256, 257.

ИВАНОВ—см. ЛЕВИНА, Е. С.

ИГРЕК—см. ГАЛЬПЕРИН, Л. Е.

ИКС—см. МАСЛОВ, П. П.

ИСАРИ—см. ТОПУРИДЗЕ.

К.

КАБЛУКОВ, Н. А. (1849—1919)—экономист и статистик народнического направления, профессор Московского университета, заведывал статистическим отделом Московского земства, провел ряд образцово поставленных обследований хозяйственной жизни Московской губернии. В главных своих трудах: «Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве» (1884), «Об условиях развития крестьянского хозяйства в России» (1899) пытался доказать преимущества мелкого хозяйства в земледелии. Критику его взглядов Ленин дает в «Развитии капитализма в России».—116.

КАЛАФАТИ, Д. П. (по протоколам II съезда Р. С.-Д. Р. П.—МАХОВ)—социал-демократ, участник с.-д. кружков первой половины 90-х г.г. в Николаеве и в Москве, представитель «болота» на II съезде Р. С.-Д. Р. П., где был делегатом от Николаевского Комитета, в который вошел в 1902 г.; после раскола на II съезде К. стал на сторону «меньшинства»; в ноябре 1905 г. при ликвидации заграничного издательства меньшевистской «Искры» К. ведал технико-финансовыми делами издательства; в 1906—1907 г.г. К. заведывал легальным с.-д. издательством «Новый Мир»; в настоящее время живет и работает в С.С.С.Р.—27, 167, 168, 170, 172, 174, 175, 178, 181, 182—188, 257, 258, 266, 269, 270, 273, 285, 322, 330.

КАЛМЫКОВА, А. М. (у. 1926)—общественная деятельница, издательница марксистской и вообще научно-популярной литературы. В конце 80-х г.г. вела большую культурную работу в Петербурге. Оказывала всяческую поддержку группе Ленина еще в период деятельности Петербургского Союза борьбы (1895 г.); позднее организовала финансовую помощь для издания «Искры» и «Зари» и обеспечивала их вплоть до раскола на II съезде партии. С весны 1902 г. проживала заграницей, в Дрездене.—38, 40, 66.

КАРСКИЙ — см. **ТОПУРИДЗЕ.**

КАУТСКИЙ, КАРЛ (р. 1854) — германский с.-д., один из крупнейших теоретиков марксизма эпохи II Интернационала, экономист, историк. В 1880 г. в Цюрихе работал в социалистической прессе вместе с Бернштейном. Начал свои научные работы под непосредственным руководством Ф. Энгельса. С 1883 г. редактор научного марксистского журнала «Die Neue Zeit». В конце 90-х и в начале 900-х г.г. вел борьбу против бернштейнианства. Издал «Теории прибавочной стоимости» Маркса. Еще в 1909 г. в работе «Путь к власти» К. оставался на почве революционного марксизма. С началом войны К. порывает с революционным марксизмом и занимает центристскую позицию, обосновывая социал-пацифизм теорией ультра-империализма и проповедуя единство с социал-шовинистами. Отказался от участия в Циммервальдской конференции из-за отказа организаторов ее привлечь французских социал-шовинистов. Один из основателей Независимой Социалистической партии Германии и один из организаторов Венского ($2^1/_2$) Интернационала. В 1922 г. содействовал его возвращению в ряды II Интернационала. После Октябрьской революции 1917 г., к которой К. относится враждебно, он выступил с «научной» критикой советской системы в защиту буржуазной демократии и парламентаризма (см. работу Ленина 1918 г. «Пролетарская революция и ренегат Каутский»). В дальнейшем К. еще более эволюционировал вправо, превратившись в ярого апологета буржуазии и сторонника вооруженной интервенции против С. С. С. Р. — 84, 85, 212, 255, 257, 316 — 319.

КНИПОВИЧ, Л. М. (по протоколам II съезда Р. С.-Д. Р. П. — ДЕДОВ) (1856 — 1920) — социал-демократка, искровка, впоследствии большевичка; выдающийся практик-организатор. Революционную деятельность начала в конце 70-х г.г. в качестве народоволки, примыкала к группе Рогачева и Сикорского в Гельсингфорсе (в Финляндии); в 1889 г. переселилась из Финляндии в Петербург, где, на ряду с революционной деятельностью в народовольческой организации, вела также широкую культурно-просветительную работу среди рабочих (в Комитете Грамотности и в школах для рабочих); летом 1895 г. К., примкнувшая к с.-д., была посредницей по заключению соглашения между Петербургским Союзом борьбы и группой народовольцев о совместном издании рабочей газеты и об использовании лахтинской типографии группы для печатания изданий Союза. В 1896 г. К. была арестована, долго сидела в тюрьме, потом была в ссылке в Астрахани. Когда заграницей стала издаваться «Искра», К. стала ее преданной сторонницей и много работала по созданию агентуры «Искры», по организации транспорта и распространению литературы, по закреплению за «Искрой» бакинской типографии; по окончании ссылки К. направилась на работу в Тверской Комитет для укрепления искровских позиций в Северном Союзе, от которого была избрана делегатом на II съезд Р. С.-Д. Р. П.; в 1905 г. работала в Одессе и близко стояла к Одесскому Комитету; участвовала на Стокгольмском (Объединительном) съезде; в 1905 — 08 г.г. вела партийную работу в большевистских организациях. Позднее отошла от движения. В 1917 г., после Февральской революции, К. вновь вернулась к большевикам. — 331, 333.

КНУНЬЯНЦ, Б. М. (по протоколам II съезда Р. С.-Д. Р. П. — РУСОВ) (1878 — 1911) — социал-демократ, искровец, со II съезда партии — большевик, на II съезде был делегатом от Бакинского комитета; в то же время был членом Кавказского союзного комитета; в октябре 1903 г. участвовал в областном съезде Кавказского Союза; в 1904 г., будучи членом Бакинского комитета, был арестован. В 1905 г. К. провел большую партийную работу в качестве агента Ц. К.; в октябре 1905 г. К. был избран в первый Петербургский Совет Рабочих Депутатов, где представлял большевиков; по делу Совета был приговорен к ссылке на поселение; из ссылки бежал; в 1908 — 10 г.г. жил в Баку; умер в бакинской тюрьме. В послед-

ние годы отошел от большевизма. — 174, 175, 219, 221, 229, 241, 245, 247, 248, 331.

КОЛ — см. ЛЕНГНИК, Ф. В.

КОЛЬЦОВ, Д. (Б. А. ГИНЗБУРГ) (1863 — 1920) — социал-демократ, революционную деятельность начал как народоволец, находился в сношениях с группой А. П. Ульянова, подготовлявшей убийство Александра III (неудачное покушение 1 марта 1887 г.). В 1893 году, после тюрьмы и ссылки, эмигрировал в Швейцарию, где примкнул к организованному Группой «Освобождение Труда» социал-демократическому Союзу, проделав эволюцию к марксизму еще в России. В 1895 — 97 г.г. состоял секретарем Союза и сотрудничал в «Работнике». Во время раскола примкнул к Группе «Освобождение Труда», был организатором революционной группы «Социал-Демократ», затем «Заграничной Лиги революционной социал-демократии». Сотрудничал в «Искре», во время раскола 1903 г. стал меньшевиком. После 1905 г. приехал в Россию и работал в меньшевистских организациях, участвуя в меньшевистской прессе («Рабочая Газета», «Наша Заря» — псевдонимы Л. Седов, Деринг, Ринг). Во время войны — оборонец. В 1918 — 19 г.г. работал в Петроградской кооперации. — 171, 172, 245, 246, 281.

КОССОВСКИЙ, В. (по протоколам II съезда Р. С.-Д. Р. П. — ГОФМАН) — один из лидеров Бунда; в 1894 г. вошел в виленскую с.-д. группу; в 1897 г. участвовал на I съезде Бунда от Виленской организации и был избран в члены Ц.К. Бунда вместе с Б. Кричевским. К. составлял доклад Союза русских с.-д. заграницей Парижскому конгрессу II Интернационала (в 1900 г.); доклад в 1901 г. был издан «Союзом»; в июне 1901 г. К. участвовал, в качестве представителя Заграничного Комитета Бунда, на «объединительной» конференции русских заграничных с.-д. организаций в Женеве; на II съезде Р.С.-Д.Р.П. был делегатом от Заграничного Комитета Бунда. В период реакции сотрудничал в ликвидаторской «Нашей Заре», «Луче» и др. Во время войны социал-шовинист германской ориентации, оправдывал поведение германской соц.-демократии. — 18.

КОСТИЧ — см. ЗБОРОВСКИЙ, С.

КОСТРОВ — см. ЖОРДАНИЯ, Н. Н.

КРАСИКОВ, П. А. (по протоколам II съезда Р.С.Д.-Р.П. — ПАВЛОВИЧ, «П.», «Т.») (р. 1870) — видный большевик. В 1892 г. вел марксистские кружки в Петербурге. По возвращении из Женевы в 1893 г. был арестован и в 1894 г. выслан в Сибирь. По возвращении в Россию вступил в Пскове в 1900 г. в искровскую группу и был одним из деятельных агентов «Искры», в 1902 г. вошел в Организационный Комитет по созыву II съезда партии. В 1903 г. участвовал как делегат Киевского комитета на II съезде партии и был избран вместе с Плехановым и Лениным в президиум съезда. После съезда, был направлен Ц. К. в Россию с докладом о съезде, но был арестован в Германии и освобожден из тюрьмы благодаря вмешательству К. Либкнехта. Участвовал (под именем Бельского) на Амстердамском конгрессе как делегат от большевиков. После 9 января работал в Московской организации, позже был членом Петербургского комитета. В октябрьские дни поддерживал в комитете линию участия в советах. Участвовал в первых заседаниях Совета Рабочих Депутатов в Технологическом Институте и состоял членом Исполнительного Комитета Совета Депутатов. После ареста Совета содержался в тюрьме до июня 1906 г.; вновь был арестован на партийной конференции 20(7) июля 1906 г. После Октябрьской революции был председателем следственной комиссии по борьбе с контр-революцией, затем членом коллегии Наркомюста. В настоящее время состоит прокурором Верховного Суда С.С.С.Р. — 16, 50 — 53, 92, 94, 169, 170, 173, 174, 217, 218, 221, 227, 231, 232, 234, 235, 242, 244, 246, 252, 329, 331.

КРАСИН, Л. Б. («ЛОШАДЬ», НИКИТИЧ) (1870 — 1926) — один из

видных большевиков. В 1890 г. был в петербургском кружке Бруснева. В 1891 г. выслан из столицы за участие в демонстрации при похоронах Шелгунова. В 1895 выслан на 3 года в Иркутск; по возвращении работал в качестве инженера в Баку. С возникновением «Искры» К. становится ревностным «искряком». В Баку организовал нелегальную типографию «Искры». После раскола на II съезде партии К. примкнул к «большинству» и был кооптирован в конце 1903 г. в Ц. К., где вскоре занял примиренческую позицию по отношению к меньшевикам; в июле 1904 г. участвовал в составлении направленной против Ленина декларации Ц.К. и вскоре вместе с Носковым и Гальпериным провел кооптацию в Ц.К. трех меньшевиков. После провала Ц.К. в феврале 1905 г. в квартире писателя Андреева в Москве, уцелевший от провала К. (вместе с Любимовым) признал необходимость созыва III съезда и вошел в соглашение с Б.К.Б. На III съезде К. делал отчетный доклад от Ц.К. и принимал деятельное участие в прениях и комиссиях съезда; был избран в Ц.К. Будучи талантливым инженером и организатором, К. применил свои знания в целом ряде «технических» партийных предприятий от оборудования типографий до руководства боевым техническим бюро при Ц.К. После 17 октября 1905 г. К. был одним из организаторов первой легальной большевистской газеты «Новая Жизнь». В качестве представителя Ц.К. входил в Петербургский Совет рабочих депутатов. На IV съезде вновь избран в Ц.К. В годы реакции входил некоторое время в группу «Вперед», позже, отойдя от политической деятельности, работал как крупный инженер за границей и в России. Накопленные знания и опыт К. полностью отдал партии после Октябрьской победы. В 1918 г. К. один из организаторов снабжения Красной армии, затем член Президиума В.С.Н.Х. и нарком путей сообщения. Все последние годы К. стоял на советском дипломатическом посту и вел борьбу за прорыв блокады. Им были начаты переговоры с Эстонией; в марте 1921 г. К. подписывает англо-советский договор. Затем остается полпредом в Англии; участвует на Генуэзской и Гаагской конференциях. В качестве наркома внешней торговли с исключительной энергией отстаивает монополию внешней торговли. В конце 1924 г. К., оставаясь наркомом внешней торговли, едет в качестве полномочного представителя С.С.С.Р. в Париж, в 1926 г. снова полпред Англии. На XIII съезде К. был избран в Ц.К. — 344, 379, 381.

КРЖИЖАНОВСКИЙ, Г. М. (ТРАВИНСКИЙ, СМИТ) (р. 1872) — социал-демократ, искровец, со II съезда Р.С.-Д.Р.П. большевик; видный практик-организатор; в революционном движении участвует с 1893 г.; вместе с Лениным принимал участие в организации Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса; в декабре 1895 г. был арестован и сослан в Восточную Сибирь; по возвращении из ссылки в 1901 г. К. поселился в Самаре, где при его ближайшем участии был организован искровский центр и откуда были завязаны сношения со всем Поволжьем; на псковском совещании осенью 1902 г. был избран в состав О.К. по созыву II съезда партии; на втором съезде был заочно избран в члены Ц.К.; осенью 1903 г. К. находился в Киеве; в ноябре 1903 г. по настоянию Ленина и по поручению Ц.К. приезжал заграницу для ведения переговоров с оппозицией и с Плехановым и участвовал в выработке известного ультиматума Ц.К. (на заседании 25 ноября в Женеве) об условиях соглашения с оппозицией; в мае — июне 1904 г. вышел из состава Ц.К. в 1905 г. К. в Петербурге принимал участие в большевистских партийных органах и поддерживал связь с большевистской партийной организацией. С начала Февральской революции К. работал в Московском Совете Р., К. и К. Депутатов во фракции большевиков и заведывал отделом снабжения Моск. Совета; в дальнейшем работал в Комитете Государственных Сооружений В.С.Н.Х. и в Главэлектро; с 1921 г. состоит председателем государственной комиссии по

электрификации Р. С. Ф. С. Р.; в настоящее время председатель Госплана. Член Ц. К. В. К. П. (б.). — 107, 108, 227, 253, 286, 298, 325, 330, 331, 341, 344, 363.

КРИЧЕВСКИЙ, Б. Н. (1866 — 1919) — один из первых русских соц.-демократов, публицист. После работы в с.-д. кружках в России в начале 90-х г.г. эмигрировал за границу, примкнул к Группе «Осв. Труда», принимал литературное участие в изданиях группы (Б. Наумов). Вскоре стал в оппозицию к Группе и вместе с Л. Тышко (Иогихес) образовал собственную группу для издания популярной с.-д. литературы, которой — по мнению К. и Тышко — «старики» (Плеханов, Аксельрод) не уделяли достаточно внимания. В конце 90-х г.г. К. стал во главе более широкой и более принципиальной оппозиции Плеханову, опиравшейся на новые «экономические» настроения в среде русск. с.-д-тии. Эти настроения победили в «Союзе русск. с.-д. за границей», и К., получив большинство Союза, стал редактором органа Союза «Рабочее Дело» (1898 — 1902). На Парижском Междунар. Социалист. Конгрессе 1900 г. К. возглавлял большинство русской делегации (меньшинство представляли Плеханов, Аксельрод и др.). Одновременно, К. принимал участие в жизни европейской с.-д-тии, сотрудничая в «L'Humanité» и состоя парижским корреспондентом «Vorwärts'a». Как в русских, так и в международных делах К. склонялся к бернштейнианству и жоресизму. «Искра» и «Заря» вели резкую борьбу против К. и подорвали всякое его влияние в партии. После 2-го съезда К. никакой роли в партии не играл. — 10, 305, 307, 319, 369.

КРОХМАЛЬ, В. Н. (по протоколам II съезда Р. С.-Д. Р. П. — ФОМИН) (р. 1873) — социал-демократ, искровец, со времени II съезда партии — активнейший меньшевик; в 1896 г. К. был впервые привлечен к жандармскому дознанию по делу «Союзного Совета Киевских студенческих организаций и землячеств», в 1898 г. был выслан в Уфу; здесь играл активную роль в местной с.-д. группе (А. Д. Цюрупа, А. И. Свидерский и др.), которая вела работу среди ж.-д. рабочих; весной 1901 г. К. работал в Киеве, где в феврале 1902 г. был снова арестован и привлечен по делу «Искры»; в числе 10 искровцев в августе 1902 г. бежал из киевской тюрьмы за границу и в Париже вошел в Лигу революционной социал-демократии; на II съезде партии был делегатом от Уфимского комитета и состоял в руководящей группе меньшинства; в конце 1904 г. примиренческим Ц. К. был кооптирован в члены Ц. К. от меньшинства; в феврале 1905 г. в числе прочих членов Ц. К. был арестован на заседании Ц. К. на квартире Л. Андреева; на Стокгольмском (IV) съезде Р. С.-Д. Р. П. был избран в члены Ц. К. В настоящее время работает в советских учреждениях. — 239, 285, 286, 325, 329 — 331.

КРУПСКАЯ, Н. К. (по протоколам II съезда Р. С.-Д. Р. П. — САБЛИНА) (р. 1869) — видный член партии большевиков. В начале 90-х годов принимала участие в народнических кружках в Петербурге, работала в воскресной школе для рабочих за Невской заставой, вскоре примкнула к марксистам. В 1895 — 96 г.г. член Петербургского Союза борьбы, была арестована вскоре после большой стачки ткачей. После ссылки в Сибирь К. в 1901 г. эмигрировала за границу, работала в качестве секретаря «Искры», поддерживая связь со всеми российскими организациями. Со времени ссылки и до смерти Ленина К. является его ближайшим сотрудником и помощником. В период III съезда К. была назначена секретарем заграничного Бюро Ц. К. После октябрьского манифеста К. вместе с Лениным вернулась в Россию и исполняла обязанности секретаря Ц. К. в Петербурге. В течение ряда лет К. — бессменный секретарь руководящих партийных учреждений и органов. После Октябрьской революции работает в Наркомпросе. Автор нескольких работ, главным образом, по вопросам народного образования. В настоящее время член Ц. К. В. К. П. (б.) и член Дирекции Института Ленина. — 223, 334.

КУРЦ — см. ЛЕНГНИК, Ф. В.

Л.

ЛАНГЕ — см. СТОПАНИ, А. М.

ЛЕВИН, Е. Я. (по протоколам II съезда Р.С.-Д.Р.П. — ЕГОРОВ) — один из лидеров группы «Южного Рабочего»; революционную деятельность начал в 90-х г.г. с участия в харьковской с.-д. группе Череванина (Ф. А. Липкина); в 1901 г. жил в Полтаве и вошел в редакцию «Южного Рабочего»; был членом О. К. по созыву II съезда Р.С.-Д.Р.П.; на съезде был делегатом от группы «Южного Рабочего», примкнул к меньшевикам; в октябре 1903 г. был арестован в Харькове; в годы реакции отошел от с.-д. движения. — 16, 25 — 27, 168 — 175, 177, 178, 180 — 186, 188, 196, 198, 203, 219, 229, 232, 233, 236, 237, 241, 242, 257, 258, 264, 270, 273, 277, 285, 302, 315, 329, 331 — 333, 335.

ЛЕВИНА, Е. С. (по протоколам II съезда Р.С.-Д.Р.П. — ИВАНОВ) — социал-демократка, активный член группы «Южный Рабочий». В 90-х г.г. Л. входила в харьковскую с.-д. группу Ф. А. Липкина (Неждановa-Череванина); в августе 1898 г. была арестована; написала рассказ «Мститель», который в 1901 г. был напечатан в подпольной кишиневской типографии «Южного Рабочего»; в 1901 г. жила под надзором в Полтаве; в сентябре — ноябре 1902 г. во время переговоров об объединении группы «Южный Рабочий» с организацией «Искры» Л. решительно высказывалась против объединения и отстаивала обособленное существование группы; на совещании О.К. в Орле Л. была введена в редакцию издательства О.К.; на II съезде Р.С.-Д.Р.П. была делегатом от Харьковского Комитета, после съезда примкнула к «меньшинству». — 181.

ЛЕЙТЕЙЗЕН, Г. Д. (ЛИНДОВ) (1877 — 1919) — социал-демократ, искровец; партийный литератор, сотрудник «Искры» и «Зари»; в революционном с.-д. движении принял участие с начала 90-х г.г. в Екатеринославе, первоначально в качестве члена кружка учащейся молодежи, а затем в качестве пропагандиста в рабочих кружках; во 2-ой половине 90-х г.г., находясь за границей, примкнул к Группе «Освобождение Труда», по предложению которой был принят в члены Союза русских с.-д. за границей; в апреле 1900 г. участвовал во 2-ом съезде Союза в Женеве; после раскола на съезде вместе с членами Группы «Освобождение Труда» и в числе прочих сторонников Группы вышел из Союза и принял участие в создании Революционной Организации «Социал-Демократ»; в октябре 1901 г. участвовал в так называемом «Объединительном» съезде заграничных с.-д. организаций в Цюрихе; после съезда принял участие в организации Заграничной Лиги русской революционной с.-д-тии, объединившей все искровские элементы за границей; на 1-ом съезде Лиги осенью того же года был избран в члены администрации, но ко времени 2-го съезда Лиги уже около года не принимал активного участия в работе администрации; тотчас после второго съезда партии и ко времени съезда Лиги Л. еще не определил своей позиции между большинством и меньшинством; позднее примкнул к большевикам; сотрудничал во «Вперед», «Пролетарии» и в последующих легальных большевистских органах; в эпоху реакции принимал участие в практической работе партийной организации в России; в начале 1911 г. был арестован в Туле и подлежал ссылке в Астраханскую губ. на 2 года, впоследствии замененной гласным надзором на месте; после Февральской революции 1917 г. некоторое время состоял в организации с.-д. интернационалистов; в 1918 г. вернулся в ряды партии большевиков; 20 января 1919 г. был убит на Восточном фронте, будучи комиссаром 4-ой армии. — 74.

ЛЕНГНИК, Ф. В. (ВАСИЛЬЕВ, КОЛ, КУРЦ) (р. 1873) — искровец, со II съезда Р. С.-Д. Р. П. большевик; видный практик-организатор; начал участвовать в революционном рабочем движении с 1893 г. в Петербурге, где в 1896 г. был арестован по делу «Союза борьбы за освобождение

*

рабочего класса»; просидев около 2 лет в тюрьме, Л. в 1898 г. был выслан на 3 года в Восточную Сибирь; вернувшись из ссылки в 1901 г. Л. вошел в организацию «Искры» и работал последовательно в Екатеринославе, Самаре и Киеве; после псковского совещания в ноябре 1902 г. Л. вошел в состав О. К. по созыву II съезда партии; на II съезде был заочно избран в члены Ц. К.; в сентябре 1903 г. по настоянию Ленина был направлен Ц. К. в Женеву в качестве заграничного представителя Ц. К. и члена Совета от Ц. К.; в сентябре — октябре вместе с Лениным и Плехановым участвовал в переговорах с оппозицией об условиях соглашения; присутствовал на II съезде Лиги; после отказа меньшевиков принять предложенный Ц. К. устав Лиги, объявил дальнейшее заседание съезда незаконным и вместе с группой большевиков, членов Лиги, покинул съезд. За время своего пребывания за границей вместе с Лениным отстаивал перед Ц. К. твердую линию в отношении оппозиции и боролся в Совете партии за созыв III съезда; в феврале 1904 г. Л. возвратился в Россию и вскоре был арестован по делу Северного Бюро Ц. К. Весной 1905 г. Л., освобожденный на поруки до суда, эмигрировал, но вскоре снова вернулся в Россию. После Октябрьской революции работал в Наркомпросе, в В. С. Н. Х. и Наркомвнешторге; начиная с 1923 г. (с XII партийного съезда), член Ц. К. В. К. П. (б.), а вскоре после XII съезда был назначен членом коллегии Н. К. Р. К. И. С. С. С. Р. — 105, 107, 146, 148, 151, 227, 286, 325, 330, 341, 344, 380.

ЛЕНИН, В. И. (1870 — 1924). — 22, 24, 34, 49, 57, 58, 66, 90 — 92, 104 — 106, 112, 128, 138, 146, 148, 150 — 153, 161, 190, 191, 205, 207, 211, 213 — 215, 217, 222, 239, 263, 281, 287, 289, 298, 321 — 323, 330, 332, 334, 344, 345, 368, 370, 374, 384.

ЛЕНСКИЙ — см. ВИЛЕНСКИЙ, А.

ЛИБЕР, М. И. (ГОЛЬДМАН) (р. 1880) — один из лидеров Бунда; был делегатом на II съезде Р. С.-Д. Р. П. от Ц. К. Бунда и во главе делегации Бунда занимал самую правую, антиискровскую позицию; на V (Лондонском) съезде партии был избран в члены Ц. К. от Бунда, был членом Заграничного Бюро Ц. К. до распада З. Б. (1908 — 1911); один из организаторов «августовского блока» 1912 г.; активный «оборонец» — во время империалистской войны 1914 — 1918 г.г.; наиболее яркий представитель крайнего правого меньшевизма во время революции 1917 г. («либердан» в большевистской печати того времени стало нарицательным именем для обозначения наиболее откровенного, контр-революционного меньшевизма). Влиятельный член В. Ц. И. К'а первого созыва. — 19, 21, 26, 29, 30, 181 — 183, 185 — 188, 196 — 198, 212, 214, 216 — 218, 228, 234 — 236, 241, 254, 258, 270, 271, 291, 302.

ЛИБКНЕХТ, В. (1826 — 1900) — один из вождей германской социал-демократии, отец Карла Либкнехта, принимал активное участие в революции 1848 г. С наступлением реакции эмигрировал в Швейцарию, а оттуда в Лондон, где сблизился с Марксом и Энгельсом. Возвратившись в 1860 г. по амнистии в Германию, вел упорную борьбу с тактикой Лассаля. По инициативе Либкнехта и Бебеля в 1869 г. основана в Эйзенахе соц.-дем. партия. В 1870 г. за протест против аннексии Эльзас-Лотарингии арестован по обвинению в государственной измене. Вместе с Бебелем вел борьбу против Бисмарка во время господства исключительных законов против социалистов. В 1867 — 1870, 1874 — 1888 — член германского рейхстага. Видный деятель революционного крыла партии, неоднократно выступал против оппортунизма. Был редактором центрального органа партии «Vorwärts» («Вперед»). — 226, 227, 257.

ЛИДИН — см. ЛЯДОВ, М. Н.

ЛОКЕРМАН, А. С. (по протоколам II съезда Р. С.-Д. Р. П.—ЦАРЕВ)— социал-демократ, искровец. В 1903 г. был членом Донского Комитета, участвовал в руководстве демонстрацией 15(2) марта 1903 г. в Ростове

п/Д., после которой в числе прочих членов Комитета был арестован; на II съезде Л. был делегатом от Донского Комитета и после съезда примкнул к меньшевикам; в 1912 г. жил в Ростове на Дону и поддерживал связь с руководящей (заграничной) группой меньшевиков (Ю. О. Мартов и др.). — 181, 219, 229, 247.

ЛОШАДЬ — см. КРАСИН, Л. Б.

ЛЬВОВ — см. МОШИНСКИЙ, И. Н.

ЛЮБИМОВ, А. И. (ВАЛЕРЬЯН) (1879 — 1919) — социал-демократ, принимал участие в организации Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1899 г. был выслан в Воронеж под надзор полиции. Входил в группу «американцев», организовавших «Северный рабочий союз». В 1901 г. был арестован. Выпущенный в 1902 г., перешел на нелегальное положение, ведал транспортом «Искры». В 1903 г. после II съезда занял примиренческую позицию. В 1904 г. кооптирован в Ц. К. Вместе с Красиным уцелел от общего провала Ц. К. (в Москве в феврале 1905 г.). Позднее высказался за созыв III съезда и участвовал в работах съезда. В 1908 г. был осужден в ссылку на поселение. Бежал из Сибири за границу, где занял примиренческую по отношению к меньшевикам позицию. В эпоху войны сблизился с Плехановым. В 1917 г. был членом Ц. К. организации «Единство». — 379, 381, 384.

ЛЯДОВ, М. Н. (ЛИДИН) (р. 1872) — видный большевик, профессионал-революционер, автор работ по истории русской с.-д.; революционную работу начал в народнических кружках, но затем эволюционировал к с.-д.; в 1893 г. Л. участвовал в создании и был членом первой московской с.-д. организации «Московского Рабочего Союза»; в 1895 г. руководил первой маевкой в Москве, затем был арестован, просидел 2 года в тюрьме и был выслан на 5 лет в Верхоянск; вернувшись из ссылки в 1902 г., вошел в Саратовский комитет, затем в феврале 1903 г. бежал за границу, где работал в берлинской группе искровцев; на II съезде Л. был делегатом от Саратовского комитета, отстаивал позицию большинства; после съезда был назначен агентом Ц. К. в Берлине; в начале 1904 г. был послан на работу в Россию в качестве агента Ц. К.; позже, в том же году, вернувшись в Женеву, заведывал за границей кассой Ц. К.; входил в делегацию большевиков на Амстердамском конгрессе; участвовал в большевистской конференции «22» в Женеве; осенью 1904 г. был избран в члены Бюро Комитетов Большинства и работал в России по подготовке созыва III съезда партии; участвовал на III съезде и после него объезжал с докладом о съезде заграничные с.-д. организации и российские комитеты; в октябре 1905 г. входил в Московский комитет; в феврале 1906 г. совершил объезд Сибири и Урала по подготовке Стокгольмского (Объединительного) съезда; был делегатом на нем от московской организации; после съезда работал в Петербурге и Финляндии и выполнял ряд поручений общепартийного характера; в 1906 г. написал «Историю Р. С.-Д. Р. П.»; выступал за бойкот выборов в III Государственную Думу; в 1909 г. вошел в группу «Вперед»; около того же времени был лектором в школах на Капри и в Болонье; в 1911 г. вышел из группы «Вперед» и уехал в Баку; с 1920 г. вновь вернулся в партию и работал на хозяйственной работе; с 1923 г. по 1928 г. состоял ректором коммунистического университета имени Я. М. Свердлова. В настоящее время председатель Главнауки и член коллегии Наркомпроса. — 109, 174, 259, 329, 331, 332, 335, 380.

М.

МАКАДЗЮБ, М. С. (по протоколам II съезда Р. С.-Д. Р. П.—ПАНИН) социал-демократ, искровец; делегат II съезда от Крымского Союза, после съезда примкнул к меньшевикам; принимал деятельное участие в меньш-

шевистском совещании «17», на котором была выработана тактическая платформа для борьбы «меньшинства» с центральными учреждениями партии; в мае 1905 г. на конференции меньшевиков, происходившей в Женеве одновременно с III съездом Р.С.-Д.Р.П., был избран в меньшевистский руководящий центр — Организационную Комиссию; в 1906 г. М. был активным сторонником созыва «рабочего съезда»; в 1913 г. и позднее сотрудничал в органе ликвидаторов «Наша Заря». — 229, 232.

МАЛИНИН, Н. И. (Н. ШАХОВ) (р. 1877) — социал-демократ, в революционном движении начал принимать участие в 1897 г., будучи студентом в Москве; после ареста был выслан в Вологодскую губ. на 3 года. После II съезда примкнул к «большинству». В 1904 г. М. поехал в Женеву, где под руководством Ленина написал брошюру: «Н. Шахов. Борьба за съезд» (Женева, 1904 г.), в которой были собраны документы о внутрипартийной борьбе после II съезда. Осенью 1904 г. М. был направлен для работы в Петербург и там кооптирован в комитет, но вскоре был арестован. В конце 1905 г. М. вновь принимает участие в движении и в 1906 г. переходит на нелегальное положение. В 1907 г. М. завязал связи с крестьянами в Балашовском уезде Саратовской губ. и вел среди них агитацию. Позже был выборщиком в 4-ую Гос. Думу от с.-д., но в Думу избран не был (голосами кадетов прошел Керенский). Во время войны отошел от партии. Вновь вступает в партию в начале 1919 г. Летом 1919 г. М. работал в Политотделе 9-ой армии. После демобилизации М. работает в области агитации и пропаганды. — 371.

МАЛКИН (СОКОЛОВСКИЙ; по протоколам II съезда Р.С.-Д.Р.П. — ОРЛОВ) — социал-демократ, искровец, делегат II съезда от Екатеринославского Комитета; на съезде примыкал к большинству. — 105, 174, 175, 249, 260.

МАНДЕЛЬБЕРГ, В. Е. (по протоколам II съезда Р.С.-Д.Р.П. — ПОСАДОВСКИЙ) — социал-демократ, искровец; делегат на II съезде Р.С.-Д.Р.П. от Сибирского Союза; после раскола на съезде стал меньшевиком; в настоящее время живет в Палестине. — 174, 181, 207, 246, 247, 251, 302.

МАРКС, КАРЛ (1818—1883) — см. его биографию, написанную Лениным в 1914 г., в XVIII т. Сочинений. — 21, 83, 185, 257.

МАРТОВ, Л. (ЦЕДЕРБАУМ, Ю. О.) (1873 — 1923) — один из лидеров меньшевизма. В 1891 г. вступил в студенческий революционный кружок, в 1892 г. был впервые арестован. В следующие годы работал в Виленской организации Бунда; в 1894 г. редактировал известную брошюру А. Кремера «Об агитации». В октябре — ноябре 1895 г. вместе с Лениным, Кржижановским и другими принимал участие в организации петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В начале января 1896 г. был арестован и после тюремного заключения сослан в Туруханск на 3 года. Вошел в «тройственный союз» (Ленин, Мартов, Потресов), созданный по инициативе Ленина для воссоздания партии и издания «Искры». В 1900 г. вернулся из ссылки и вместе с Лениным и Потресовым участвовал в «Псковском совещании». Затем около года работал на юге России, объезжал местные организации и организовал поддержку «Искры», весною 1901 г. приехал в Мюнхен и принял деятельное участие в работе «Искры» и «Зари». На II съезде Р.С.-Д.Р.П. стал во главе меньшинства и с тех пор до смерти оставался виднейшим идеологом и публицистом меньшевизма, неизменным участником всех центральных учреждений меньшевистской партии и редактором меньшевистских изданий. В 1905 г. после манифеста 17 октября вернулся в Россию, работал в ноябре — декабре в Совете Рабочих Депутатов и в редакции меньшевистской газеты «Начало». В 1906 г. был арестован и выслан за границу. В годы реакции редактировал «Голос Социал-Демократа», поддерживал ликвидаторов. В конце 1913 г. М. вернулся в Россию и руководил борьбой правого крыла социал-демократии против большевиков

в качестве редактора «Рабочей Газеты». В период войны был в рядах меньшевиков-интернационалистов (центрист), участвовал в Циммервальдской конференции. В эпоху Февральской революции по некоторым вопросам расходился с большинством меньшевистской партии. После Октябрьского переворота противник Советской власти, в 1921 г. эмигрировал за границу, принимал близкое участие в создании так называемого Венского Интернационала и руководил меньшевистским «Социалистическим Вестником». — 31, 43, 50, 59, 66, 67, 73, 76, 89, 90, 92, 93, 95, 99, 101 — 104, 109, 111, 112, 123, 128, 130, 149, 151, 152, 160, 164, 165 — 167, 169, 171 — 173, 176 — 182, 184, 185, 188 — 193, 196 — 198, 201, 202, 204, 206, 208 — 227, 229 — 242, 248, 257, 258, 262, 263, 269 — 273, 275 — 286, 289, 290, 291, 293 — 295, 298, 303, 310, 313, 315, 320 — 322, 324 — 335, 342, 351, 364, 370, 383, 384.

МАРТЫНОВ, А. С. (ПИКЕР) (р. 1865) — теоретик и лидер «экономизма» в русском с.-д. движении; в революционном движении принял участие с половины 80-х г.г. в организациях партии «Народной Воли»; будучи арестован в 1886 г. и просидев 2 года в Одесской тюрьме, М. был сослан на 10 лет в Сибирь и в конце 90-х г.г. вернулся из ссылки социал-демократом; в 1900 г. эмигрировал за границу, где вступил в «Союз русских с.-д.» и стал одним из редакторов «Рабочего Дела»; в 1901 — 1902 г.г. М. вел ожесточенную полемику против программных, тактических и организационных принципов «Искры»; его взгляды, как в этот период, так и позднее неоднократно подвергались жестокой критике со стороны Ленина; на II съезде партии М. был делегатом от Союза русских с.-д., после раскола на съезде примкнул к меньшевикам и вскоре вошел в состав их руководящего ядра; сотрудничал в меньшевистской «Искре» и во всех последующих легальных и нелегальных руководящих органах меньшевиков в качестве одного из их редакторов; брошюра М. «Две диктатуры», вышедшая в начале 1905 г., и развитые в ней взгляды легли в основу меньшевистской тактики и политики в эпоху революции 1905 г.; с 1905 по 1907 г.г. работал в России, в Петербурге, а затем снова эмигрировал за границу; принимал видное участие в ликвидаторском четырехтомнике; во время империалистской войны М. занимал колеблющуюся позицию по отношению к войне, примыкая к группе Мартова; в 1919 г. начал отходить от меньшевизма и затем вступил в В.К.П(б.); ныне работает в органе Коминтерна «Коммунистический Интернационал». — 21, 25, 27, 152, 165, 168, 169 — 171, 176, 182, 188, 212, 213, 241, 242, 246, 259, 263, 266, 270, 274 — 277, 294, 302, 305, 319, 369.

МАСЛОВ, П. П. (ИКС) (р. 1867) — участник ранних марксистских кружков, экономист, автор ряда работ по аграрному вопросу, ревизионист. В 1903 г. вышел его «Аграрный вопрос» (т. 1), тогда же под псевдонимом Икса в брошюре «Об аграрной программе» выступил против аграрной части проекта программы Р.С.-Д.Р.П., принятой затем II съездом. После раскола примкнул к меньшевикам и оставался постоянным сотрудником меньшевистских легальных и нелегальных изданий. В период первой революции выдвинул проект «муниципализации» земли как программное требование социал-демократии и на Стокгольмском съезде в 1906 г. защищал его против отстаиваемой Лениным «национализации». В 1908 г. выпустил 2-й т. «Аграрного вопроса». Война застала М. в России, где он сразу же стал на точку зрения обороны страны, защищая свою точку зрения в либеральных газетах доводами экономического характера. После революции 1917 г. активной политической роли не играл; с 1923 г. работает в Москве. — 25, 27, 311.

МАХОВ — см. КАЛАФАТИ, Д. П.

МЕДВЕДЕВ — см. НИКОЛАЕВ, Л. В.

МЕДЕМ, В. Д. (ГРИНБЕРГ; по протоколам II съезда Р.С.-Д.Р.П. — ГОЛЬДБЛАТ) (1879 — 1923) — один из наиболее видных лидеров Бунда,

автор брошюры «Социал-демократия и национальный вопрос», представлявшей до революции выражение принципиальных взглядов Бунда по национальному вопросу; в революционном движении участвовал с 1899 г., в 1901 г. в Минске принимал участие в постановке подпольной типографии и руководил с.-д. кружками; в сентябре 1901 г. эмигрировал за границу; в 1903 г. был избран в Заграничный Комитет Бунда, участвовал в V съезде Бунда и был делегирован от Заграничного Комитета Бунда на II съезд Р.С.-Д.Р.П.; в ноябре 1905 г. М. вернулся в Россию; в 1906 г. был избран в члены Ц. К. Бунда; участвовал в Лондонском съезде Р.С.-Д.Р.П. (1907 г.); с 1908 по 1913 г.г. был за границей; в 1913 г., вернувшись в Россию, М. был арестован в Варшаве и присужден к 4 годам каторги; после занятия Варшавы германскими войсками в 1915 г. был освобожден, но вскоре за с.-д. работу был выслан немцами из Польши; в последующие годы М. стоял во главе Бунда в Польше; в 1921 г. уехал в Америку, где и умер. — 174, 197, 228, 258, 302.

МЕРИНГ, Ф. (1846 — 1919) — выдающийся представитель революционного марксизма в Германии, сначала левый соц.-демократ, потом коммунист, историк и журналист. С 90-х г.г., со времени возникновения ревизионизма в Германии, вел резкую борьбу против оппортунизма, был редактором левой «Leipziger Volkszeitung» («Лейпцигская Народная Газета»), вместе с Каутским редактировал «Die Neue Zeit». Задолго до начала империалистской войны в рядах Германской социал-демократии наметилось левое крыло, во главе с Ф. Рингом, К. Цеткин, Розой Люксембург и К. Либкнехтом, которое вело энергичную борьбу с большинством партии, вступившим на путь оппортунизма и соглашательства. Во время империалистской войны М. примкнул к Циммервальду и принял деятельное участие в организации и руководстве союзом «Спартак». Вместе с Розой Люксембург М. организовал издание журнала «Internationale» (вышел только один номер), ставившего себе задачей борьбу с шовинизмом. В разгар войны и крайнего шовинизма в Германии, М., вместе с К. Либкнехтом и Р. Люксембург, опубликовал манифест с выражением братских чувств английским рабочим и всему рабочему Интернационалу. М., несмотря на свой 70-летний возраст, был арестован германским правительством и заключен в тюрьму. После Октябрьской революции в России приветствовал победу русских рабочих и неизменно выступал пламенным защитником советской системы. — 257.

МИЛЬЕРАН, А. (р. 1859) — французский политический деятель, проделавший эволюцию от социализма к решительной защите буржуазии; первый из социалистов, вошедший в буржуазное министерство (1899 — 1902), где оказался рядом с палачом Коммуны генералом Галлифэ. Вхождение М. в буржуазное министерство явилось практической иллюстрацией бернштейнианства и послужило поводом к острой борьбе как в рядах Французской социалистической партии, так и на международной арене. После исключения из партии (1904 г.) М. образовал с группой бывших социалистов и будущих буржуазных министров (Бриан, Вивиани) партию «независимых социалистов». Во время войны один из лидеров «национального блока», в 1920 — 1924 г.г. — президент французской республики; крайний реакционер, фактический глава французского фашизма. — 126, 319.

МИТРОФАН — см. ГУСАРОВ, Ф. В.

МОШИНСКИЙ, И. Н. (по протоколам II съезда Р.С.-Д.Р.П.—ЛЬВОВ) — социал-демократ, один из организаторов с.-д. союза горнозаводских рабочих в Донбассе в 1902 г.; был от союза делегатом на II съезде; на съезде примкнул к меньшинству. После съезда работал в Донском Комитете. В настоящее время работает в Москве, в коллегии защитников. — 180, 181.

МЫШКИН, П. Н. (1848 — 1885) — один из видных деятелей народнического революционного движения 70-х г.г., организатор нелегаль-

ных типографий и пропагандист среди крестьян. В 1877 г. привлечен по процессу «193-х» и осужден на 10 лет каторги. Пытался неоднократно бежать. Расстрелян за оскорбление тюремного смотрителя. — 208.

МУРАВЬЕВ — рабочий, фамилия не установлена (известен также под фамилией Петухова), делегат на II съезде Р.С.-Д.Р.П. от Уфимского Комитета. На съезде примыкал к большинству. — 174, 236, 237, 246—247, 249, 251.

Н.

Н — см. ДАН, Ф. И.

N — см. АЛЕКСАНДРОВА, Е. М.

NN — см. АЛЕКСАНДРОВА, Е. М.

НАДЕЖДИН, Л. (псевдоним Е. О. ЗЕЛЕНСКОГО) (у. 1905) — организатор и редактор изданий заграничной «революционно-социалистической группы» «Свобода» (1901 — 1903). В 1898 г. входил в Саратовскую социал-демократическую организацию, после ареста весной 1900 г. эмигрировал в Швейцарию, где организовал в мае 1901 г. группу «Свобода». Пытался сочетать программу социал-демократии с проповедью террора. Н. обладал незаурядным публицистическим талантом, резко высказывался против легального марксизма и бернштейнианства и обнаруживал несомненные симпатии к «политической» струе в рабочем движении против узкого экономизма. Все это заставило «Искру» и, в частности, Ленина пытаться привлечь Н. к работе «Искры». Соглашение, однако, не состоялось, и вскоре после того Н. выступил с поддержкой антиискровских групп в России (в частности в связи с расколом Петербургского Союза борьбы). После II съезда Р.С.-Д.Р.П. сотрудничал в меньшевистских изданиях. Автор ряда брошюр: «Возрождение революционизма в России», «Канун революции» и др. — 206.

НАКЭ, АЛЬФРЕД-ЖОЗЕФ (1834 — 1916) — французский общественный и политический деятель, профессор химии, по происхождению еврей. В 1865 г. Н. был лишен звания профессора и заключен в тюрьму за участие в тайном политическом обществе, ставившем своей задачей борьбу с правительством Наполеона III, и за выпуск книги «Religion, Propriété, Famille» («Религия, собственность, семья»), в которой Н. критиковал официальную религию, институт частной собственности и современную семью. Эмигрировав в Испанию, Н. посылал оттуда в парижские органы «Reveil» («Пробуждение») и «Rappel» («Призыв») резкие статьи против второй империи. В 1871 г. был избран в Национальное Собрание, где занял место на скамьях крайней левой. В Национальном Собрании Н. предложил конфисковать имущество Наполеона для уплаты военной контрибуции, позднее вел ожесточенную кампанию против Гамбетты и стал одним из лидеров радикалов. В 1883 г. Н. был избран в сенат, в 1889 г. поддерживал буланжистское движение, порвав с республиканцами. Позднее выпустил книгу «L'Humanité et la Patrie». («Человечество и отечество») 1901, проникнутую националистическими идеями. — 94.

НИКИТИЧ — см. КРАСИН, Л. Б.

НИКОЛАЕВ, Л. В. (по протоколам II съезда Р.С.-Д.Р.П. — МЕДВЕДЕВ) — социал-демократ, в эпоху «Искры» и II съезда партии сторонник группы «Южный Рабочий» и ее сепаратистской политики по отношению к «Искре». В 1895 г. Н. вошел в харьковскую с.-д. группу Ф. А. Липкина (Неждановa-Черевашина), в которой участвовали Е. Я. Левин, Е. С. Левина, А. А. Богданов и др.; во время летних провалов 1898 г. Н. в числе других членов группы был арестован и затем выслан в Вятскую губ. на 3 года; по возвращении из ссылки снова поселился в Харькове; в декабре 1902 г. Н. через Г. М. Кржижановского связался с редакцией «Искры»; в начале 1903 г. стал работать в Харьковском бюро О. К. по

созыву II съезда партии; на съезде был делегатом от Харьковского Комитета; после раскола партии примкнул к меньшевикам. — 181, 219.

НИКОЛАЙ —ОН — псевдоним Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНА (1844—1918)— экономиста 80—90-х годов. Один из наиболее ярких представителей народничества. Некоторое время в глазах широкой публики считался представителем марксизма в России. В 1893 году издал книгу «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», которая вместе с работами В. В. служила главным экономическим обоснованием народничества. Взгляды Николай—она неоднократно разбирались Лениным. — 113, 118.

НИЦШЕ, ФРИДРИХ (1844—1900) — германский философ, противник демократии и социализма, проповедник культа сильной индивидуальности, «сверхчеловека», проникнутого «волей к власти» и во имя ее отвергающего все обычные нормы права и нравственности («все дозволено»). «Переоценка всех ценностей» привела Н. к резко отрицательному отношению к современной культуре и ее «морали рабов», обезличивающей человеческую индивидуальность; этой «морали рабов» Н. противопоставляет «мораль господ». По мнению некоторых новейших исследователей, в философии Н. получил отражение зарождавшийся германский империализм. На русский язык переведены следующие произведения Н.: «Так говорил Заратустра», «По ту сторону добра и зла», «Антихрист», «Утренняя заря» и др. — 256, 257.

НОВОБРАНЦЕВ, П. — см. ПЕШЕХОНОВ, А. В.

НОСКОВ, В. А. (БОРИС, ГЛЕБОВ) (1878—1913) — социал-демократ, видный искровец, практик-организатор, принимал участие в Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», был выслан в Ярославль, затем в Воронеж, где вместе с группой «американцев» (А. И. Любимов, Н. Н. Кардашев, О. А. Варенцова и др.) принимал участие в организации «Северного Рабочего Союза». В 1901 г. Н. эмигрировал за границу, где принимал активное участие в подготовке II партийного съезда, на котором участвовал с совещательным голосом и был выбран в члены Ц. К. Во время съезда председательствовал на частных совещаниях «искровцев». Сторонник большинства. Вскоре после раскола Н. занял примиренческую позицию и повел борьбу против большинства. В феврале 1905 г. Н. был арестован на заседании Ц. К. в Москве, на квартире писателя Л. Андреева. Освобожденный по амнистии в октябрьские дни, Н. в дальнейшем отходит от активной революционной работы. Кончил самоубийством в Хабаровске. — 107, 108, 174, 224, 227, 233, 253, 277, 279, 286, 330, 331, 341, 345, 362, 379 — 381, 383, 384.

О.

ОЛЬМИНСКИЙ («ГАЛЕРКА») — псевдоним М. С. АЛЕКСАНДРОВА (р. 1863)—видный большевик. Свою революционную деятельность начал в 80-х г.г., как народоволец, в Петербурге, где вел пропаганду среди рабочих. В 1894 г. был арестован по делу группы народовольцев и сидел в тюрьме до осени 1898 г., когда был сослан в Якутскую область, где пробыл до осени 1903 г. В ссылке окончательно определился, как соц.-демократ. Печатал корреспонденции и фельетоны в иркутской газете «Восточное Обозрение». В феврале 1904 г. выехал за границу, где примкнул к большевикам. Был членом редакции газеты «Вперед», затем работал в газете «Пролетарий»; в 1905—6 г.г., по возвращении в Россию, был членом редакций большевистских газет и журналов: «Новая Жизнь», «Вестник Жизни», «Наша Мысль», «Волна», нелегальной газеты «Казарма», а также заведывал редакционной частью партийного издательства «Вперед». Со второй половины 1911 г. принимал близкое участие в большевистских

газетах «Звезда», «Правда» (член редакции) и в журнале «Просвещение». С начала войны занял последовательно-интернационалистскую позицию. В конце 1914 г. уехал в Саратов, где принимал активное участие в деятельности местной организации, работал в «Нашей Газете» и в сборнике «Под старым знаменем». В августе 1916 г. переехал в Москву, где редактировал большевистский «Голос Печатного Труда». В дни Февральской революции работал в Московском Комитете большевиков. По требованию Ц. К. выехал в Петербург для работы в редакции «Правды». По возвращении в Москву состоял членом М. К. и членом редакции «Социал-Демократа». Был избран членом Учредительного собрания. Принимал активное участие в Октябрьском перевороте. До конца 1924 г. заведывал Истпартом. В настоящее время член дирекции Института Ленина. — 368, 374.

ОРЛОВ — см. МАЛКИН.

ОРЛОВСКИЙ — см. ВОРОВСКИЙ, В. В.

ОРТОДОКС — см. АКСЕЛЬРОД, Л. И.

ОСИПОВ — см. ЗЕМЛЯЧКА, Р. С.

П.

П. — см. КРАСИКОВ, П. А.

ПАВЛОВИЧ — см. КРАСИКОВ, П. А.

ПАНИН — см. МАКАДЗЮБ, М. С.

ПАРВУС (псевдоним А. Л. ГЕЛЬФАНДА) (1869 — 1924) — русский эмигрант, в 90-х и начале 900-х годов работавший в германской с.-д. партии, примыкал к ее левому крылу, вместе с Р. Люксембург вел решительную кампанию против Бернштейна и оппортунистических течений в партии вообще. Дал ряд значительных марксистских работ по вопросам мирового хозяйства, аграрного кризиса и т. д. Сотрудничал в «Искре» и «Заре» (под псевдонимом Молотова). После раскола поддерживал меньшевиков, хотя и расходился с ними в ряде тактических вопросов. Выдвинул в применении к русской революции теорию «перманентной революции». В 1905 г. вернулся в Россию и принимал деятельное участие в первой русской революции. Входил в редакцию меньшевистского «Начала». Был сослан в Сибирь и бежал обратно в Германию. В эпоху войны — крайний социал-шовинист и прямой агент германского империализма. — 128.

ПЕШЕХОНОВ, А. В. (р. 1867) — народник, публицист, статистик, вел в «Русском Богатстве» отдел «внутреннего обозрения», сотрудничал в эсеровском органе «Революционная Россия» под псевдонимом «Новобранцев». Позже один из лидеров народно-социалистической партии и ее теоретик по аграрному вопросу. Министр продовольствия в первом коалиционном кабинете Временного правительства. В настоящее время — белый эмигрант. — 119.

ПЛЕХАНОВ, Г. В. (1856 — 1918) — крупнейший теоретик марксизма, основатель группы «Освобождение Труда». Вел в 90-х г.г. энергичную борьбу с «бернштейнианством» и его отражением на русской почве — «экономизмом». В 900-х г.г. становится одним из редакторов «Искры» и «Зари». После раскола на II съезде партии в 1903 г. примкнул первоначально к большевикам, затем к меньшевикам, но вскоре ушел и от них. После поражения декабрьского восстания 1905 г. выступил с пресловутым заявлением «не надо было браться за оружие». С нарождением ликвидаторства, в борьбе с ним, снова сблизился с большевиками. Когда разразилась империалистическая война, П. стал во главе наиболее правых оборонцев («Призыв»), продолжал ту же линию после Февральской революции («Единство»). После Октябрьской революции, оставаясь противником

Советской власти, отказался активно выступать против большевиков. — 10, 31, 34, 42, 50, 52, 54, 55, 57 — 59, 90, 92, 95, 105, 117, 120, 122, 123, 127, 129, 141, 149, 152, 167, 169, 176, 178, 184, 185, 187, 190, 204, 218, 225, 242, 248, 251, 262, 263, 274, 277 — 280, 282, 284, 288, 290, 292, 297, 299, 302, 304, 321, 323, 325, 334, 350, 364, 370, 374.

ПОЛЕТАЕВ — см. БАУМАН, Н. Э.

ПОПОВ — см. РОЗАНОВ, В. Н.

ПОРТНОЙ, К. (по протоколам II съезда Р.С.-Д.Р.П.—АБРАМСОН)— видный бундовец, по профессии народный учитель. К социал-демократическому движению примкнул в начале 90-х годов, в Вильне, где в это время работал Мартов; в 1900 г. П. был участником IV съезда Бунда; на псковском совещании О. К. в ноябре 1902 г. был введен в О. К. по созыву II съезда партии от Бунда и был членом его вплоть до созыва съезда, на II съезде был делегатом от Ц. К. Бунда; впоследствии — член Ц. К. Бунда, каковым состоит и до настоящего времени (в Польше). — 170, 229.

ПОСАДОВСКИЙ — см. МАНДЕЛЬБЕРГ, В. Е.

ПОТРЕСОВ, А. Н. (СТАРОВЕР) (р. 1869) — один из лидеров меньшевизма. В 90-х годах примкнул к марксизму, в 1894 — 1896 г.г. содействовал легальному изданию марксистского сборника «Материалы» (со статьей Ленина-Тулина) и книги Бельтова (Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и сблизился с «Петербургским Союзом борьбы за освобождение рабочего класса»; в 1898 г. сослан в Вятскую губ., откуда сотрудничал в марксистских журналах «Новое Слово» и «Начало». По отбытии ссылки эмигрировал в 1900 г. за границу и вместе с Лениным участвовал в организации «Искры» и «Зари». На II съезде Р. С.-Д. Р. П. (1903 г.) примкнул к меньшевикам и с тех пор оставался одним из виднейших сотрудников и руководителей меньшевистских изданий. После революции 1905 г. оставался в России и играл руководящую роль в легальных меньшевистских органах печати («Наша Заря»). Один из вождей ликвидаторства. В 1908 г. редактировал вместе с Мартовым и Масловым четырехтомник «Общественное движение в России в начале XX в.». Во время войны один из наиболее откровенных защитников социал-патриотизма. В 1917 г. играл руководящую роль в буржуазной газете «День», ведшей бешеную кампанию против большевиков. В настоящее время эмигрант, стоящий правее официального меньшевизма. Сторонник интервенции против СССР. — 41, 42, 57 — 59, 66, 111, 187, 224, 229, 231, 248, 251, 261, 262, 274, 281, 294, 329, 331, 334, 370.

Р.

РЕНАН, ЭРНСТ (1823 — 1892) — известный французский ученый, филолог, критик, историк религий, автор популярной работы «Vie de Jesus» («Жизнь Иисуса»), переведенной на все языки Европы и вызвавшей бурю негодования со стороны духовенства и клерикалов. После издания этой книги (в 1863 г.) Р. был лишен звания профессора древних языков (еврейского, халдейского и др.) в Collège de France и только в 1871 г. вновь получил кафедру. Р. принадлежит ряд крупных работ по истории первых веков христианства, истории еврейства, церкви, искусства и др. Из них особенно известны: «Histoire des origines du Christianisme» («История происхождения христианства», 1869 — 1882) и «Histoire du peuple Israel» («История народа Израиля», 5 тт., 1887 — 1894). Как исследователь, Р. мало оригинален и в своих работах использовал труды преимущественно немецких ученых (Бруно Бауэра и др.). — 85.

РОЗАНОВ, В. Н. (по протоколам II съезда Р.С.-Д.Р.П — ПОПОВ) (р. 1876) — социал-демократ; в 1902 г. один из руководителей газеты и

группы «Южный Рабочий»; член О. К. по созыву II съезда Р. С.-Д. Р. П. и делегат на съезде от «Южного Рабочего»; на съезде примкнул к меньшинству; в конце 1904 г. Р. был кооптирован примиренческим Ц. К. в его состав в числе прочих кандидатов от «меньшинства»; в феврале 1905 г. был арестован на заседании Ц. К. в квартире Л. Андреева в Москве; на меньшевистской конференции в мае 1905 г. был избран в члены Организационной комиссии; на Стокгольмском (Объединительном) съезде партии Р. был избран в Ц. К.; в 1912 г. в Берлине с группой меньшевиков издавал на немецком языке «Russisches Bulletin» («Русский Бюллетень»); во время империалистской войны Р. был меньшевиком-интернационалистом, после Февральской революции 1917 г. — оборонец; после октября боролся против советской власти. В настоящее время работает в Наркомздраве. — 170, 171, 175, 178, 181, 189, 191, 196, 198, 207, 212, 213, 224, 227, 230 — 233, 246, 249, 253, 259, 275, 277, 285, 286, 323, 325, 329 — 332, 383.

РОЗЕНОВ, ЭМИЛЬ (1871 — 1903) — германский социал-демократ, журналист, сотрудник ряда с.-д. газет, редактор «Chemnitzer Beobachter» («Хемницкий Обозреватель») и «Rheinische Westfalische Arbeiter Zeitung» («Рейнско-Вестфальская Рабочая Газета»). В 1898 — 1903 г.г. — член рейхстага. — 314.

РУ — см. ГАЛЬПЕРИН, Л. Е.

РУСОВ — см. КНУНЬЯНЦ, Б. М.

РЯДОВОЙ — см. БОГДАНОВ, А. А.

РЯЗАНОВ, Д. Б. (р. 1870) — один из старейших русских социал-демократов, коммунист. В 90-х г.г. организовал первые рабочие кружки в Одессе; после 5 лет тюремного заключения и 3 лет полицейского надзора, эмигрировал за границу. В эпоху «Искры» занимал промежуточную между экономистами и искровцами позицию, пытаясь примирить оба эти течения русской социал-демократии; один из основателей группы «Борьба»; выступал с критикой проектов партийных программ «Рабочего Дела» и «Искры». После II съезда Р. выпустил о работах съезда полемическую брошюру «Разбитые иллюзии»; во время революции 1905 г. Р. сначала работал в Одессе, потом в Петербурге — по организации профессионального движения; с наступлением реакции снова эмигрировал за границу, где участвовал в международном с.-д. движении. По поручению германской социал-демократии вел научно-исследовательскую работу по восстановлению и изданию литературного наследства Маркса и Энгельса и по истории II Интернационала; во время войны занимал близкую к центризму позицию; после Февральской революции 1917 г. Р. снова вернулся в Россию, участвовал в профессиональном движении и затем вошел в коммунистическую партию; принимал участие как агитатор в подготовке октябрьского переворота; после переворота сторонник «однородного социалистического» правительства. Организатор Коммунистической академии и Института Маркса и Энгельса, директором которого и состоит в настоящее время. Член Ц. И. К. С. С. С. Р., работает в Бюджетной комиссии. — 22, 51, 52, 58, 94, 170, 251, 294.

С.

САБЛИНА — см. КРУПСКАЯ, Н. К.

СМИТ — см. КРЖИЖАНОВСКИЙ, Г. М.

СОКОЛОВСКИЙ — см. МАЛКИН.

СОРОКИН — см. БАУМАН, Н. Э.

СТАРОВЕР — см. ПОТРЕСОВ, А. Н.

СТЕПАНОВ — рабочий, фамилия не установлена (по всей вероятности, К. МЯЧИН; известен также под именем АНДРЕЯ), делегат на

II съезде Р. С.-Д. Р. П. от Киевского комитета. На съезде примыкал к большинству. — 181.

СТЕПАНОВ, С. И. (по протоколам II съезда Р.С.-Д.Р.П. — БРАУН) (р. 1876) — видный большевик, рабочий, токарь по металлу. Революционную деятельность начал в Туле в 1895 г. Впервые был арестован в 1900 г. Участвовал с решающим голосом от Тульской организации на II съезде, где вошел в состав «большинства». По возвращении в Россию после съезда вновь вел партийно-организационную работу в Туле. В 1904 г. был арестован, освобожден из тюрьмы по амнистии в «дни свободы» 1905 г., после чего работал сначала в Петербурге, затем в Туле. При выборах во вторую Государственную Думу был выдвинут в качестве уполномоченного от рабочих, за что был рассчитан с завода. После работы в ряде городов (Оренбург, Луганск и др.) вернулся в Тулу, где принимал энергичное участие в организации поддержки рабочими газеты «Звезда». В связи с кампанией, которую С. провел по поводу ленского расстрела, он был арестован и выслан в Кременчуг. В 1913 г. возвратился снова в Тулу и работал на Патронном заводе. С начала мировой войны занял интернационалистскую позицию (пораженец). В 1915 С. был арестован и выслан в Иркутскую губернию. Из ссылки вернулся в Россию после Февральской революции. После Октябрьской революции проводил национализацию заводов по цветной металлопромышленности. В 1918 — 19 г. был директором медеобрабатывающего завода. При наступлении Деникина был назначен директором Тульского патронного завода (1919 — 1924 г.г.). На XIII съезде партии был избран членом Ц. К. К., после съезда — председателем Тульского губернского Исполкома. На XIV и XV съездах партии С. избран членом ревизионной комиссии Ц. К. — 260.

СТОПАНИ, А. М. (по протоколам II съезда Р.С.-Д.Р.П. — ЛАНГЕ) (р. 1871), социал-демократ, искровец, после II съезда большевик; в революционном движении участвует с начала 90-х г.г., работал в качестве пропагандиста в рабочих кружках и в кружках учащейся молодежи сначала в Казани, а потом в Ярославле, где в 1896 г. был арестован; впоследствии, переехав в Псков, организовал здесь вместе с П. Н. Лепешинским и П. А. Красиковым искровскую группу и установил связь с Северным Союзом. Участвовал в ноябрьском совещании О. К. 1902 г. по созыву II съезда Р.С.-Д.Р.П.; на II съезде был делегатом от Северного Союза; после съезда осенью 1903 г. в Ярославле организовал Северный Комитет Р.С.-Д.Р.П. и типографию; в виду провала типографии летом 1904 г. уехал в Баку, где работал в качестве организатора большевистского комитета; с осени 1905 г. работал в Костроме членом Комитета, поставил нелегальную газету «Северный Рабочий», участвовал в организации Совета рабочих депутатов, вел подготовку к Стокгольмскому («Объединительному») и Лондонскому съездам партии: участвовал в Лондонском съезде; с 1908 г. С. работал в Баку, где был арестован по костромскому делу 1905 — 1907 г.г. и отправлен в Кострому; в 1909 г. снова вернулся в Баку, где в последующие годы легально работал по экономике нефтяной промышленности и по статистике труда нефтепромышленных рабочих; в 1913 — 1914 г.г. С. участвовал в Баку в организации всеобщих забастовок; позднее, вплоть до Февральской революции, работал в кооперации; после Февральской революции стал председателем продовольственного комитета в Баку; в начале 1918 г. был комиссаром труда и промышленности в Терском Народном совете; летом 1918 г. был членом коллегии Наркомтруда, затем был на фронтах; с осени 1922 г. состоит членом Верховного суда. — 169, 185, 186, 247, 250.

СТРАХОВ — см. ТАХТАРЕВ, К. М.

СТРУВЕ, П. Б. (р. 1870) — в 90-х годах социал-демократ, автор «Манифеста Р.С.-Д.Р.П.», выпущенного по постановлению I съезда партии, участник Международного социалистического конгресса в Лондоне в 1896

году. Наиболее видный представитель «легального марксизма» 90-х г.г. Участник и редактор легальных марксистских журналов («Новое Слово», «Начало», «Жизнь»). Уже в первой своей работе («Критические заметки») заявил, что не разделяет всех взглядов Маркса. В дальнейших работах под видом «критической проверки» Маркса подменил революционные идеи марксизма идеями о сотрудничестве классов, мирной эволюции к социализму и т. д. Философию марксизма (диалектический материализм) отрицал всегда. В конце 1900 — начале 1901 г., в качестве представителя «демократической оппозиции», вел переговоры с «искровцами» о блоке, сотрудничал в первых номерах «Искры». Вскоре окончательно порвал с марксизмом и с социал-демократией и перешел в лагерь либералов, став во главе организации земцев-конституционалистов — «Союза Освобождения» (1902 — 1905 г.г.); редактировал орган этого «Союза» — «Освобождение» (Штутгарт, Париж). С образованием к.-д. «конституционно-демократической») партии — член ее Ц.К. После поражения революции 1905 года — лидер самого правого крыла либералов, скатывается к черносотенному национализму. В 1909 году участник реакционно-мистического сборника «Вехи». Во время гражданской войны принимал участие в правительстве Деникина, а затем стал министром у Врангеля. Позже редактировал в Праге журнал «Русская Мысль», объединяя в нем правых кадетов с монархистами. С 1925 по 1927 г. издавал в Париже православно-монархическую газету «Возрождение». — 119, 262, 263, 296, 368, 370.

Т.

Т. — см. КРАСИКОВ, П. А.

ТАХТАРЕВ, К. М. (по протоколам II съезда Р.С.-Д.Р.П — СТРАХОВ) (1872 — 1925) — социал-демократ, сторонник «экономизма», редактор «Рабочей Мысли» (в 1900 г.); в с.-д. движении принимал участие с 90-х г.г.; в конце 1893 г., будучи студентом, организовал в Петербурге с.-д. кружок студентов-медиков; вел пропаганду в рабочих кружках; в январе 1896 г. вместе с Ю. О. Мартовым и другими был арестован по делу Петербургского Союза борьбы, но вскоре был освобожден; в феврале 1897 г. Тахтарев был выслан из Петербурга в провинцию под надзор полиции на 3 года, но в том же году эмигрировал в Брюссель; в ноябре 1898 г. участвовал на Цюрихском съезде Союза русских с.-д. за границей в качестве заграничного представителя группы «Рабочая Мысль»; после съезда переехал в Лондон; весной 1899 г. Т. приехал в Берлин и участвовал в составлении № 7 «Рабочей Мысли», а в 1900 г. стал редактором «Рабочей Мысли» (№№ 8 — 10 за февраль—ноябрь); в сентябре 1900 г. присутствовал на Парижском конгрессе II Интернационала в качестве делегата от Петербургской Рабочей Организации, руководимой «экономистами»; позднее снова жил в Лондоне, содействовал технической организации II съезда Р.С.-Д.Р.П. (в отношении помещения для заседаний съезда, размещения делегатов и т. п.); на II съезде участвовал с совещательным голосом; Т. во время съезда не определил окончательно своей позиции в отношении партийного раскола; в октябре 1903 г. участвовал во 2-ом съезде Лиги и, продолжая оставаться нейтральным в разгоревшейся внутрипартийной борьбе, ушел со съезда после 5-го заседания; позднее сочувствовал меньшевикам, но от практической партийной деятельности отошел; написал брошюру «Рабочее движение в Петербурге (1893 — 1901 г.г.)» (изд. «Прибой», 1924 г., Ленинград). — 216.

ТОПУРИДЗЕ, ИСАРИ (по протоколам II съезда Р.С.-Д.Р.П. — КАРСКИЙ) — социал-демократ, искровец, на II съезде Р.С.-Д.Р.П. делегат от Тифлисского Комитета, входивший в группу «твердых» искровцев (ленинская группа «большинства») и голосовавший с ней по всем важнейшим

вопросам съезда, но после съезда перешедший на сторону «меньшинства»; по возвращении на Кавказ Т. был отстранен большевистским Кавказским Союзным Комитетом от работы и предан партийному суду по обвинению в нарушении партийной дисциплины (суд над Т. не состоялся); в октябре того же 1903 г. Т. участвовал в областном съезде Кавказского Союза. — 110, 185, 219, 242.

ТРАВИНСКИЙ — см. КРЖИЖАНОВСКИЙ, Г. М.

ТРОЦКИЙ, Л. Д. (р. 1879) — социал-демократ, первоначально работал в г. Николаеве, принимал участие в Южно-Русском Рабочем Союзе, в 1898 г. был арестован и сослан в Иркутскую губ., откуда в 1902 г. бежал за границу. В 1903 г. участвовал на II съезде от Сибирского Союза и, после раскола партии, оставшись с меньшевиками, принимал ближайшее участие в «Искре». В августе 1904 г. под редакцией меньшевистской «Искры» выпустил брошюру «Наши политические задачи», в которой подверг критике деятельность ленинской «Искры». В брошюре Ленину приписано желание установить «диктатуру над пролетариатом». Во время первой революции в 1905 г. работал в Петербурге. Сторонник Парвусовской теории перманентной революции. После возникновения Петербургского Совета Рабочих депутатов вошел в его Исполнительный Комитет и позднее был его председателем. После ареста Петербургского Совета был сослан на поселение в Сибирь, по дороге в ссылку бежал из Березова и участвовал на Лондонском съезде. Проживая в Вене, Т. стал во главе группы, идейным выразителем которой являлась издававшаяся им газета «Правда». В 1912 г. организует так называемый августовский блок, созданный для борьбы с большевиками. Во время империалистской войны входил в редакцию издававшегося в Париже интернационалистского органа «Наше Слово» и, приняв участие в Циммервальде, придерживался «центристской» позиции и не примыкал к Циммервальдской левой. В 1916 г. по обвинению в интернационалистской пропаганде, Т. был выслан из Франции в Испанию, откуда его вновь после ареста выслали в Америку. В 1917 г., по приезде в Петроград, примкнул к интернационалистской организации «межрайонцев» и вместе с последней на VI съезде партии вошел в большевистскую партию и был избран членом Ц. К. По завоевании Петроградского Совета Р. Д. большевиками в сентябре 1917 г. избирается его председателем. После Октября — народный комиссар иностранных дел. В споре о Брестском мире — решительный противник последнего, высказывался за тактику «ни мир, ни война». После Брестского мира — наркомвоен и председатель Реввоенсовета республики до 1924 г. В 1920 — 1921 г.г. отстаивал необходимость «огосударствления» профессиональных союзов, организовал на этой платформе фракцию. В 1923 г. стоял во главе оппозиции. В «Уроках Октября» (1924 г.) подверг ревизии ленинское учение о характере и движущих силах революции. С 1926 г. лидер «объединенной» оппозиции. Постепенно все более расходился с политикой и программой партии и Коминтерна, против которых вел резкую фракционную борьбу. В ноябре 1927 г. исключен из В. К. П. (б). В 1929 г. выслан из С.С.С.Р. за антисоветскую деятельность. Сотрудничает в английской и американской буржуазной прессе. — 29, 31, 32, 34, 35, 93, 128, 167, 169, 185—187, 198, 216, 217, 224, 234, 242, 246, 247, 253, 272, 275, 280, 281, 285, 286, 325, 329 — 331, 366, 369, 370.

У.

УЛЬЯНОВ, Д. И. (по протоколам II съезда Р. С.-Д. Р. П. — ГЕРЦ) (р. 1874 г.) — большевик, брат Ленина, в революционном движении начал участвовать в 90-х годах. В 1897 г. был арестован за пропаганду среди рабочих. С 1900 г. вошел в организацию «Искры»; на II съезде был делегатом от Тульского Комитета; по возвращении в Россию работал агентом

Ц. К. первого состава. В 1904 г. был арестован и пробыл в тюрьме около года. В 1905—6 г.г. У. работал в Симбирском Комитете (большевистском), где проводил тактику бойкота выборов в I Думу. В дальнейшем У. от практической партийной работы отошел. В 1917—18 г.г. У. сотрудничал в «Таврической Правде» (Севастополь), в 1919 г.—член Евпаторийского Ревкома, затем член Крымского Обкома и заместитель председателя Крымского Совнаркома. С конца 1921 г. по 1925 г. работал в Наркомздраве. С 1925 г. по настоящее время—член правления и заведующий медико-санитарной частью Коммунистического университета им. Свердлова.—229.

Ф.

ФОЛЬМАР, Г. (1850—1922)—германский социал-демократ, первоначально стоял на левом крыле партии, позднее—крайний оппортунист. После издания исключительного закона против социалистов (в 1878 г.) энергично отстаивал необходимость издания заграницей нелегального партийного органа, и когда в 1879 г. в Цюрихе начал выходить «Sozial-Demokrat», Ф. был назначен его редактором. Позднее Ф. был заменен Бернштейном. В 80 г.г. Ф. поселился в Баварии, где своей деятельностью привлек значительные круги баварского крестьянства на сторону социал-демократии. Это «завоевание» крестьянства было достигнуто ценою изменения классового характера местной с.-д. организации и превращения ее, под влиянием Ф., в выразителя интересов мелких собственников. Продолжавший эволюционировать вправо Ф. выступил в 1891 г. с требованием ограничения деятельности с.-д. партии борьбой за реформы, а в 1894 г. на франкфуртском партейтаге высказался за пересмотр аграрной программы с.-д., которая должна требовать сохранения и обеспечения мелкой крестьянской собственности в рамках капиталистического общества. В 1894—95 г.г. Ф. участвовал в комиссии по выработке аграрной программы (в комиссию входил Давид, Бебель, Либкнехт и др.); составленный комиссией проект по своему содержанию был близок к взглядам Ф.; Бреславльский партейтаг (1895 г.) отклонил этот проект. В дальнейшем Ф. горячо поддерживал Бернштейна, когда тот выступил с известной «ревизней» марксизма, и был одним из влиятельнейших вождей правого крыла партии. Ф.—автор книги «Der isolierte soziale Staat» («Изолированное социальное государство») (1880).—226, 227, 277, 319.

ФОМИН—см. КРОХМАЛЬ, В. Н.

Х.

ХАЛТУРИН, С. В. (1856—1882)—рабочий, один из главных организаторов «Северно-русского рабочего союза» (1878—1879), отдал все свои силы на борьбу с самодержавием. В 1880 г. по поручению Исполнительного Комитета Партии «Народной Воли» взорвал Зимний Дворец с целью убийства Александра II. В 1882 г. казнен за убийство одесского прокурора Стрельникова.—208.

Ц.

ЦАРЕВ—см. ЛОКЕРМАН, А. С.

ЦЕЙТЛИН, Л. С. (по протоколам II съезда Р. С.-Д. Р. П.—БЕЛОВ) (р. 1877)—социал-демократ, революционную деятельность начал в 1898 г. в качестве организатора рабочих кружков в Витебске; в 1901 и 1902 г.г., находясь в Москве, был связан с группой «Южный Рабочий»; осенью 1902 г. Ц. связался с Московским Комитетом и после ноябрьского провала Комитета взялся за восстановление партийной организации в Москве,

успешно выполнив эту задачу. Около этого времени Ц. примкнул к «Искре». В мае 1903 г. Ц. вместе с Н. Э. Бауманом был выбран от М. К. на II съезд партии; после раскола примкнул к меньшевикам; с середины 1904 г. до мая 1905 г. работал в Одессе в качестве члена меньшевистского комитета; во время революции 1905 г. работал в витебской объединенной организации; после декабрьского восстания в Москве был членом М. К. (меньшевиков); во время империалистической войны занимал антиоборонческую позицию, во время Февральской революции 1917 г. принимал участие в работе Московского Совета Рабочих Депутатов; в настоящее время — беспартийный, заведует отделом научно-популярной литературы ГИЗ'а. — 174, 181, 332, 335.

ЦЕТКИНА, КЛАРА (р. 1856) — революционная германская социал-демократка, один из старейших деятелей международного рабочего движения, генеральный секретарь Международного Женского Секретариата и член Исполкома Коминтерна. Вошла в немецкую соц.-демократ. партию в годы исключительного закона против социалистов. Принимала участие в борьбе с Бернштейном, работала на левом крыле германской соц.-дем. партии в тесном сотрудничестве с Розой Люксембург и Фр. Мерингом. В годы войны революционная интернационалистка. В начале войны вместе с Р. Люксембург и Ф. Мерингом выступила с протестом против социал-шовинизма. Принимала активное участие в подготовке к проведению международной женской социалистической конференции в Берне в марте 1915 г. В 1915 г. приняла участие в журнале «Интернационал», в 1916 г. вошла в группу «Интернационал», а затем в союз «Спартак»; вместе с последним вошла в германскую коммунистическую партию и была избрана членом Ц.К. На III Конгрессе Коминтерна была выбрана в Исполком Коминтерна. — 227.

Ч.

ЧЕМБЕРЛЕН (ЧЕМБЕРЛЕЙН), ДЖОЗЕФ (1836 — 1914) — известный английский политический деятель, министр колоний (с 1895 г.) в кабинете Салисбери, вдохновитель англо-бурской войны. Главной задачей Ч. было объединение всех английских владений в одну федеративную империю с общим таможенным тарифом. На этом пути Ч. встретил препятствия внутри кабинета и 9 сентября 1903 г. сложил с себя звание министра. Под влиянием его агитации кабинет был преобразован. В 1906 г. Ч. был выбран в палату общин, но значительной роли в политической жизни больше не играл. — 151.

Ш.

ШАХОВ, Н. — см. МАЛИНИН, Н. И.

ШВЕЙЦЕР, И. (1833 — 1875) — лидер лассальянцев в германском рабочем движении 60-х годов; после смерти Лассаля (1864 г.) редактировал «Социал-Демократ»; поддерживал проводившуюся Бисмарком политику объединения Германии под верховенством прусского юнкерства, что вызвало разрыв с Швейцером Маркса и Энгельса. В 1867 г. стал во главе основанного Лассалем «Всеобщего германского рабочего союза»; получив от членов союза диктаторские полномочия, вел упорную борьбу с руководимыми Бебелем и Либкнехтом «эйзенахцами». Объединение обоих течений германской социал-демократии стало возможным только после удаления Швейцера, с 1874 г. переставшего принимать участие в рабочем движении. — 229.

ШЕРГОВ, М. И. — по профессии врач, социал-демократ, искровец; член берлинской группы содействия «Искре» и член Заграничной Лиги; после второго съезда Р.С.-Д.Р.П. сторонник меньшинства; на съезде Лиги

отсутствовал, передав свой голос М. Г. Вечеслову; в настоящее время работает в Чите. — 112.

ШОТМАН, А. В. (ГОРСКИЙ, БЕРГ) (р. 1880) — видный большевик, рабочий, токарь по металлу, революционную деятельность начал в 1899 г. в Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Принимал участие в «Обуховской обороне» (1901 г.). В 1902 — 3 г.г. был членом Петербургского Комитета («искровского»), которым был затем делегирован на II съезд Р.С.-Д.Р.П., где вошел в состав «большинства». После II съезда Ш. был направлен в Смоленск в распоряжение члена Ц.К. Носкова, затем работал в Северном комитете партии. В начале 1904 г. был арестован, вышел из тюрьмы в феврале 1905 г., работал затем в Одессе, в Петербурге и Гельсингфорсе (1910 — 1912), где входил в состав Гельсингфорсского комитета финляндской с.-д. партии. В 1912 г. ездил к Ленину в Париж. В 1913 г. с поручениями от большевистского центра ездил в Вену; участвовал на одном из поронинских совещаний, был кооптирован в Ц. К. и направлен для работы на юг России. В ноябре 1913 г. арестован в Екатеринославе и сослан в Нарымский край, где и пробыл до Февральской революции. Во время войны отстаивал интернационалистскую позицию (пораженец). В июне 1917 г. работал в Петрограде и поддерживал связь с финляндской с.-д. партией. В июле и вплоть до октября Ш., используя финляндские связи, организовал переезд Ленина в Финляндию. После победы Октябрьской революции и до января 1918 г. Ш. был членом коллегии Наркомпочтеля, затем членом президиума В.С.Н.Х., председателем Урало-Сибирской комиссии совета труда и обороны (в Омске) и одновременно членом Сибревкома, председателем Карельской А.С.С.Р. (1922—1925), председателем общества радиопередачи. С XIII съезда В.К.П.(б.) — член Ц.К.К. В настоящее время Ш. — член Ц.И.К. С.С.С.Р. — 105, 181.

ШТЕЙН — см. АЛЕКСАНДРОВА, Е. М.

ШУЛЬЦЕ-ДЕЛИЧ, Ф. (1808 — 1883) — немецкий общественный деятель, идеолог мелкой буржуазии, пропагандировавший создание кооперативных товариществ, которые, по мнению Ш., способны обеспечить экономическую самостоятельность ремесленников и вообще мелких производителей, а также рабочих. В своих экономических взглядах, подвергшихся критике со стороны Лассаля, был сторонником «гармонической» теории Бастиа. — 22.

Э.

ЭЛЬМ (ФОН-ЭЛЬМ), АДОЛЬФ (1857 — 1916) — германский социал-демократ, реформист, видный кооперативный и профсоюзный деятель, один из лидеров (вместе с К. Легином) всеобщего объединения германских профсоюзов, по профессии рабочий-табачник. В 1894 — 1906 г.г. был депутатом от социал-демократов в рейхстаг. Сотрудничал в органе ревизионистов «Sozialistische Monatshefte» («Социалистические Ежемесячники»), где вел борьбу против революционной программы и тактики социал-демократии, отстаивая ту мысль, что в рабочем движении преобладающее значение должно принадлежать чисто экономической борьбе. — 319.

ЭССЕН, М. М. (ЗВЕРЕВ) (р. 1872) — партийный пропагандист и организатор. С 1892 г. начала работу в рабочих кружках Екатеринослава, затем работала в с.-д. организации Екатеринбурга. В 1899 была арестована и сослана в Якутскую обл., бежала из ссылки и в Женеве установила связь с «Искрой». Вернувшись в Россию, работала в Петербургском искровском комитете до ареста в мае 1903 г. В конце 1903 г. была кооптирована в Ц. К. После объезда ряда комитетов с докладом о II съезде была командирована за границу для информации о положении дел в России. Вернулась из-за границы с поручением агитировать за III съезд.

Летом 1904 г. была арестована и, просидев год в тюрьме, была сослана в Архангельскую губ. По дороге бежала и вновь с сентября 1905 г. работала в Петербургском Комитете сначала среди студенчества, а затем по организации боевых дружин. В 1906 г. член Московского Комитета и организатор городского района. С 1907 до 1917 активной партийной работы не вела. После Февральской революции Э. член Тифлисского Совета Рабочих Депутатов. В 1918 г. вошла в тифлисскую группу интернационалистов, которая вела борьбу с грузинскими меньшевиками; в 1920 г. Э. вместе с этой группой вступила в компартию. С 1921 г. Э. заведывала отделом агитации Ц. К. Грузии и была редактором «Известий» Ц. К. Грузии. С конца 1922 г. Э. работала в качестве зав. агитпропом Тифлисского Комитета и культотделом Совпрофа. В 1924 г. Э. была зав. агитпропом Закрайкома. С 1925 г. Э. работала в Гизе и с 1927 г. — в Истпарте Ц. К., ныне в Институте Ленина — зав. отделом местных истпартов. — 344, 345.

Ю.

ЮДИН — см. АЙЗЕНШТАДТ, И. Л.
ЮЛИЙ ОСИПОВИЧ — см. МАРТОВ, Л

VI. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ В. И. ЛЕНИНА.

(Июль 1903 — декабрь 1904 г.г.)

1903 г.

30 (17) июля.	Второй съезд Р. С.-Д. Р. П. в Брюсселе и Лондоне.
23 (10) августа.	Вл. И. принимает деятельное участие в работах съезда.
30 (17) июля.	Вл. И. присутствует на открытии II съезда Р. С.-Д. Р. П. в Брюсселе и избирается вице-председателем съезда.
31 (18) июля.	Вл. И. произносит две речи по вопросу о порядке дня II съезда.
	Речь Вл. И. о действиях Организационного Комитета.
	Вл. И. высказывается за приглашение на съезд польских социал-демократов в качестве гостей.
2 августа (20 июля).	Речь Вл. И. по вопросу о месте «Бунда» в партии.
4 августа (22 июля).	Речь Вл. И. по вопросу о программе партии.
7—10 августа (25—28 июля).	Вл. И. переезжает с делегатами II съезда из Брюсселя в Лондон.
11 августа (29 июля).	Доклад Вл. И. об уставе партии.
13 августа (31 июля).	Первая речь Вл. И. при обсуждении аграрной программы.
14 (1) августа.	Три речи Вл. И. при обсуждении аграрной программы.
15 (2) августа.	Речь Вл. И. в защиту своей формулировки § 1 устава против формулировки Мартова.
15 (2) августа или 16 (3) августа.	Вл. И. участвует в 4-ом заседании 16-ти членов организации «Искры», на котором окончательно произошел раскол внутри искровцев по вопросу, главным образом, о составе Ц. К.
18 (5) августа.	Вл. И. принимает участие в «частном совещании» большинства, на котором обсуждается вопрос о составе Ц. К.
	Вл. И. выступает на съезде по вопросу о взаимной кооптации в Ц. К. и Ц. О. (§ 12 устава).
20 (7) августа.	Речь Вл. И. при обсуждении вопроса о выборах в Ц. О. Вл. И. избирается съездом в Ц. О. Вл. И. выступает по вопросу о выборах в Ц. К.
После 23-го августа.	Вл. И. по окончании II съезда переезжает из Лондона в Женеву.

28 (15) августа — 4 ноября (22 октября).	Вышли №№ 46 — 51 «Искры» под редакцией Вл. И. и Г. Плеханова.
Первая половина сентября.	Вл. И. пишет «Рассказ о II съезде Росс. С.-Д. Р. П.», в котором подробно освещает историю партийного раскола.
25 — 28 (12 — 15) сентября.	Вл. И. совместно с Г. Плехановым принимает участие в переговорах с Ф. Даном об условиях соглашения с оппозицией. Переговоры закончились безрезультатно.
4 октября (21 сентября).	Вл. И. совместно с Г. Плехановым и Ф. Ленгником принимает участие в совещании с Ю. Мартовым, П. Аксельродом, А. Потресовым и В. Засулич по вопросу о соглашении. Совещание закончилось безрезультатно.
6 октября (23 сентября).	Вл. И. и Г. Плеханов посылают письмо от имени редакции Ц. О. Ю. Мартову и другим членам бывшей редакции, в котором приглашают их сотрудничать в «Искре» и выражают готовность кооптировать Мартова в члены редакции.
26 (13) — 31 (18) октября.	2-ой съезд «Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии» в Женеве. Съезд высказывается против позиции большинства II съезда партии. Раскол в партии углубляется.
27 (14) октября.	Вл. И. выступает с рядом предварительных замечаний к своему докладу о II съезде партии. Доклад Вл. И. о II съезде партии.
28 (15) октября.	Вл. И. после содоклада Мартова о партийном съезде оглашает заявление, в котором протестует против недостойных приемов борьбы Мартова. После этого заявления Вл. И. Г. Плеханов и сторонники большинства покидают заседание съезда.
29 (16) октября.	Вл. И. на 4-ом заседании Лиги заявляет, что вследствие перенесения Мартовым прений на «недостойную почву» он отказывается от заключительного слова по докладу о партийном съезде и от участия в прениях по данному вопросу и покидает заседание. Вместе с ним уходят и сторонники большинства.
30 (17) октября.	Вл. И. присутствует на 5-ом Заседании Лиги. Речь Вл. И. о праве Ц. К. утверждать устав Лиги согласно § 6 партийного устава. После принятия съездом резолюции Мартова, считающей организацию Лиги автономным учреждением с уставом, не подлежащим утверждению Ц. К., Вл. И. заявляет от имени сторонников большинства II съезда протест против «вопиющего нарушения устава партии».
31 (18) октября.	Г. Плеханов заявляет Вл. И-чу о необходимости пойти на уступки оппозиции. Вл. И. ставит вопрос о своем выходе из редакции «Искры».
1 ноября (19 октября).	Вл. И. на заседании Совета Партии принимает участие в обсуждении вопроса о конфликте Лиги с Ц. К. Вл. И., не желая быть помехой Плеханову в его попытках достигнуть соглашения с Мартовым и его сторонниками, и таким образом восстановить мир по партии, подает заявление в Совет Партии о выходе из Совета и редакции Ц. О.
3 ноября (21 октября).	Вл. И. в беседе с Плехановым заявляет о своем «решении» войти в Ц. К.

4 ноября (22 октября). Вл. И. вместе с Ф. Ленгником участвует в совещании у Плеханова «об условиях мира» с мартовцами. Вл. И. и Ф. Ленгник отказываются от ответа по вопросу о «мире» в партии без предварительного запроса Ц. К.

Вл. И. в письме к Ц. К. излагает условия оппозиции и предлагает Ц. К. предъявить ей «ультиматум»; в случае непринятия ультиматума — вести «войну до конца».

5 ноября (23 октября). Вл. И. пишет членам Ц. К., Носкову-Глебову и Г. Кржижановскому, о том, что Плеханов «испугался и пошел на переговоры» с мартовцами. Вл. И. высказывает мнение, что уступки Ц. К. оппозиции «дискредитировали бы» Ц. К.

Ф. Ленгник в письме к членам Ц. К. просит их ускорить кооптацию Вл. И. в Ц. К.

При свидании с Плехановым для Вл. И. выяснилась готовность Плеханова на полную передачу «Искры» мартовцам.

6 ноября (24 октября). Вл. И. сдает Плеханову все редакционные дела «Искры».

8 ноября (26 октября). Вл. И. в письме к Г. Кржижановскому пишет: «единственный шанс мира: попытать отдать им (мартовцам) редакцию Ц. О. и отстоять за собою Ц. К.».

18 (5) ноября. Вл. И. посылает в «Искру» заявление о выходе из редакции с 1 ноября (19 октября).

Ранее 25 (12) ноября. Вл. И. кооптирован в состав Ц. К. и назначен заграничным представителем Ц. К.

Вл. И. входит в Совет Партии как член Ц. К.

25 (12) ноября. Вл. И. принимает участие в совещании членов Ц. К., на котором в ответ на «условия мира оппозиции» постановлено предъявить оппозиции «ультиматум».

8 декабря (25 ноября). В № 53 «Искры» напечатано «Письмо в редакцию» Вл. И-ча.

14 (1) декабря. Последняя статья Вл. И. в «Искре» (№ 54) — «Народничествующая буржуазия и растерянное народничество».

Декабрь. Вл. И. пишет открытое письмо в редакцию «Искры» — «Почему я вышел из редакции «Искры»». Письмо вышло отдельным изданием в виду отказа редакции поместить его в «Искре».

1904 г.

Январь. Вл. И. пишет предисловие и послесловие к своей брошюре, вышедшей отдельным изданием — «Письмо к товарищу о наших организационных задачах».

28 (15) — 30 (17) января. Вл. И. принимает участие в заседаниях Совета Партии. Ряд выступлений Вл. И-ча.

28 (15) января. Вл. И. вносит проект резолюции о мерах к восстановлению мира в партии.

30 (17) января. В связи с принятой Советом Партии резолюцией о необходимости кооптации сторонников меньшинства в Ц. К. Вл. И. вносит особое мнение, в котором высказывается за экстренный созыв III съезда.

Февраль. В ряде писем членам Ц. К. Вл. И. ставит вопрос о необходимости немедленного созыва III съезда.

Февраль — первая половина мая. Вл. И. работает над брошюрой «Шаг вперед, два шага назад».

20 (7) февраля. Вл. И. пишет составителям «Комментариев к протоколам второго съезда Заграничной Лиги русск. революционной социал-демократии» письмо об обстоятельствах ухода из редакции «Искры».

14 (1) марта. Вл. И. и Ф. Ленгник заявляют о временном сложении с себя должности членов Совета Партии.

18 (5) марта. Вл. И. выступает с речью, посвященной годовщине Парижской Коммуны, на собрании колонии эмигрантов в Женеве.

22 (9) марта. Вл. И. произносит вступительное слово на собрании в память Парижской Коммуны.

Апрель-май. Против Вл. И. и большевиков выступают: Л. Мартов в статье «На очереди» («Искра» № 63), Панин (М. Макадзюб) «Т. Ленин о наших орг. низационных задачах» («Искра» № 64), Г. Плеханов «Централизм или бонапартизм» («Искра» № 65).

До 18 (5) апреля. Вл. И. пишет прокламацию к первому мая.

Май. Вл. И. вновь возвращается в Совет Партии.

19 (6) мая. Вышла из печати брошюра Вл. И. «Шаг вперед, два шага назад».

26 (13) мая. Соглашение Вл. И. с В. Носковым о выступлениях от имени Ц. К. не иначе, как за совместной подписью.

Июнь. Вл. И. вместе с несколькими большевиками селится около Chexbres (под Женевой) и начинает стягивать литературные силы большевиков в Женеву.

Против Вл. И. в № 66 «Искры» напечатано письмо Каутского.

Вторая половина июня. Против Вл. И. выступает Л. Мартов в статье «Вперед или назад» («Искра» № 67) с резкой критикой брошюры Вл. И. «Шаг вперед, два шага назад».

Июль. В «польской декларации», составленной и принятой членами Ц. К. «примиренцами», в числе тайных пунктов, не опубликованных в «Искре» (№ 72), имеются пункты об устранении Вл. И. от заведывания за границей делами Ц. К. и о разрешении ему печатания своих произведений лишь с согласия коллегии Ц. К.

Первая половина июля. Против взглядов Вл. И., развитых в брошюре «Шаг вперед, два шага назад», высказывается Роза Люксембург в статье «Организационные вопросы русской социал-демократии», напечатанной в «Искре» № 69 и одновременно в «Neue Zeit» № 42 — 43.

15 июля (31 мая). Вл. И. принимает участие в заседании Совета Партии по вопросу об участии Р.С.-Д.Р.П. в межпартийной конференции русских революционных и оппозиционных организаций.

Июль-август. Против Вл. И. выступают: П. Аксельрод в статье «К вопросу об источнике и значении наших организационных разногласий» («Искра» № 68), Г. Плеханов в статье «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция» («Искра» № 70, 71), В. Засулич в статье «Организация, партия, движение» («Искра» № 70) и др.

Начало августа. Вл. И. и сторонники большинства, вопреки желаниям заграничных меньшевиков, решают делегировать на Амстердамский Международный Конгресс тт. Красикова и Лядова. Вл. И. принимает деятельное участие в со-

ставлении и редактировании доклада конгрессу за подписью М. Лидина (Лядов) под заглавием «Материалы к выяснению партийного кризиса Социал-Демократической Рабочей Партии в России».

До 14 (1) августа. Вл. И. руководит совещанием «22-х» членов партии (Крупская, Богданов, Луначарский, Ольминский, Лепешинский, Лядов, Воровский, Землячка, Бонч-Бруевич, Гусев, Красиков и др.), стоящих на точке зрения большинства II партийного съезда. Совещание обсуждает вопрос о партийном кризисе и средствах выхода из него. Совещание обратилось ко всем российским соц.-дем. с воззванием, написанным Вл. И., в котором мотивирует необходимость созыва III съезда партии.

18 (5) августа. Вл. И. в официальном письме к члену Ц. К. Носкову-Глебову протестует против решений Ц. К. («июльской декларации»), принятых на собрании в России.

28 (15) августа. Вл. И. обращается в редакцию Ц. О. с протестом против печатания «июльской декларации», принятой на незаконном собрании Ц. К.

11 сентября (29 августа). Вл. И. на приглашение Носкова-Глебова, сделанное от имени Ц. К., вступить в редакцию «Искры», отвечает отказом.

Октябрь-декабрь. Вл. И. и Н. К. Крупская ведут большую переписку с членами партии и российскими партийными комитетами, сторонниками большинства, по вопросу о созыве III партийного съезда и другим партийным вопросам.

12 декабря (29 ноября). На собрании тесного круга заграничных большевиков под председательством Вл. И. принимается окончательное решение об издании газеты «Вперед».

22 (9) декабря. Вл. И. пишет брошюру «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией».

VII. ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ.

1903 г.

Стачечное движение на юге России. Поход правительства против земства. Развитие либерального движения.

На 2-ом съезде Р. С.-Д. Р. П. произошел раскол партии. Бойкот меньшинством центральных учреждений и в первую очередь Ц. О. «Искра» переходит в руки меньшинства.

24 — 29. VII. 4-ый съезд с.-д. Польши и Литвы в Берлине.

30. VII — 23. VIII. 2-ой съезд Р. С.-Д. Р. П. в Брюсселе и Лондоне.

31 (18). VII. Окончание всеобщей стачки в Баку.

VIII. Демонстрации в Закавказье в знак протеста против закона 25 (12) VI о конфискации армянских церковных ценностей.

3 — 6. VIII (21 — 24. VII). Всеобщая стачка в Николаеве. Массовые демонстрации рабочих. Кровавые столкновения с полицией.

5 — 12. VIII (21 — 30. VII). Всеобщая стачка в Киеве в знак сочувствия одесским и бакинским рабочим. Демонстрации рабочих. Столкновения с полицией и казаками.

8. VIII (26. VII). Массовая сходка представителей заводов Харькова за городом по поводу событий на юге России. Сходка была окружена казаками.

10. VIII (28. VII). Начало всеобщей стачки в Елисаветграде.

11 — 16. VIII (29. VII — 5. VIII). Голодовка политических заключенных в Екатеринославской тюрьме в знак протеста против постоянных обысков.

12. VIII (30. VII). Окончание всеобщей стачки в Одессе.

12. VIII (30. VII). Учреждение наместничества на Дальнем Востоке.

12 — 14. VIII. 2-ой съезд «Аграрно-социалистической лиги» за границей.

17 — 20. VIII. 2-ой съезд Финляндской с.-д. рабочей партии в местечке Фоосса.

20 — 24 (7 — 11). VIII. Всеобщая стачка в Екатеринославе.

23. VIII — 9. X. Бойкот центральных учреждений Р. С.-Д. Р. П. и в первую очередь Ц. О. заграничной оппозицией. Попытки В. И. Ленина и Г. В. Плеханова ликвидировать раскол.

25 (12). VIII. В Киеве политические заключенные в Лукьяновке объявляют голодовку в знак протеста против замены тюремных надзирателей жандармами.

28. VIII — 7. IX (15 — 25. VIII). 2-я выставка по народному образованию в Ярославле. Съезд земских деятелей.

29 (16). VIII. Назначение С. Витте председателем Комитета министров и удаление его с должности министра финансов.

Конец VIII — начало IX. Выходит № 46 «Искры» под новой редакцией В. И. Ленина и Г. В. Плеханова, избранных на 2-ом съезде партии.

1 — 5. IX (19—23. VIII). Военный суд над ростовскими демонстрантами.

7 — 15. IX. Конгресс английских трэд-юнионов в Лейстере.

10. IX (28. VIII). 75-летие со дня рождения Льва Толстого.

Середина IX. Конференция 17 сторонников меньшинства в Женеве в целях фракционного объединения и планомерной внутрипартийной борьбы за овладение центрами.

11 — 14. IX (29. VIII — I. IX). Погром в Гомеле.

13 — 20. IX. Съезд германской социал-демократической партии в Дрездене.

22 — 28 (9 — 15). IX. Всеобщая стачка типографских рабочих в Москве. Стачечники добились уменьшения рабочего дня до 10 часов и увеличения заработной платы.

27 (14) IX. Демонстрация протеста в Туле против смертного приговора ростовским демонстрантам.

27 — 29 (14 — 16). IX. 2-ой конгресс Французской социалистической партии в Реймсе.

28 (15). IX. Съезд земских деятелей в Харькове. Обсуждался вопрос об организации отделений «Союза Освобождения».

Конец IX — X. Поездка Николая II за-границу. Посещение Вены вызвало негодование австрийских рабочих против царизма. В результате кампании итальянских социалистов против Николая II он вынужден был отказаться от первоначального намерения посетить Италию.

X. Плеханов кооптирует в редакцию «Искра» 4-х бывших редакторов: П. Аксельрода, В. Засулич, Л. Мартова и А. Потресова, не избранных на 2-ом съезде партии.

X. Конференция «поалей-сионистов» в Киеве для выработки программы и тактики «рабочего сионизма».

X. Образование в Петербурге студенческой группы «партизан борьбы» с лозунгом замены самодержавного режима конституционно-демократическим.

5. X (20. IX). Опубликованы новые правила о сверхурочных работах, в силу которых обязательные сверхурочные работы определяются фабричными инспекторами.

21 (8). X. В Уфе состоялся суд по делу о беспорядках на казенных Златоустовских заводах 25 — 26 (12 — 13) марта.

23 (10). X. Начала работу комиссия по разработке вопроса «об экономическом упадке центра в связи с условиями хозяйственной жизни других частей империи» под председательством В. Коковцова.

26 — 31. X. Второй съезд «Заграничной Лиги русских социал-демократов» в Женеве. Съезд высказывается против большевиков и Ленина. Раскол в партии углубляется.

27 (14). X. Покушение в Тифлисе на жизнь наместника Кавказа кн. Голицына, игравшего видную роль в проведении закона 25 (12) июля о конфискации армянских церковных ценностей.

XI. Опубликование в № 53 «Искры» «Извещения о втором очередном съезде Российской социал-демократической партии».

XI. Выходит № 52 «Искры» под единоличной редакцией Плеханова.

XI. 2-ой нелегальный общестуденческий съезд в Одессе послал приветствие Р. С.-Д. Р. П. и высказал пожелание теснейшего сближения студенческих организаций с комитетами с.-д. и с.-р.

XI. Выходит первый номер «Вестника союза типографских рабочих», нелегально издававшегося в Москве.

3 — 4. XI. В Одессе состоялся суд по делу кишиневской тайной типографии «Искры» (Л. и М. Гольдман, М. Школьник и др.). Обвиняемые приговорены к лишению всех прав состояния и пожизненной ссылке в Сибирь.

10. XI (28. X). Демонстрация в Саратове в день похорон отца Степана Балмашева.

9—15. XI. Съезд австрийской социал-демократической партии в Вене. Единогласно принята резолюция «благодарности» итальянским социалистам за протест против предполагавшегося приезда русского царя в Италию.

15. XI (31. X). Покушение на жизнь полицеймейстера Метленко в Белостоке боевой дружиной партии с.-р.

16 (3). XI. Студенческие демонстрации в Киеве в память С. Балмашева.

18 (5). XI. Вл. И. Ленин посылает в «Искру» заявление о выходе из редакции с 1 ноября (19 октября). № 52 «Искры» вышел под редакцией одного Г. В. Плеханова.

20 (8). XI. Начало Кишиневского процесса.

25 (12). XI. Закончилась ревизия московского земства тов. министра внутренних дел Н. Зиновьевым.

29 (16). XI. Конгресс бельгийской рабочей партии, посвященной аграрному вопросу, постановил учредить центральную комиссию для руководства пропагандой в деревне.

XII. Письмо редакции «Искры» Комитетам об уходе В. И. Ленина из редакции и кооптации 4-х бывших редакторов: П. Аксельрода, В. Засулич, Л. Мартова и А. Потресова.

6. XII (25. XI). Арест в Женеве В. Л. Бурцева и П. А. Красикова по требованию русского правительства, как «анархистов».

9. XII. Норвежский стортинг единогласно отклоняет предложение о предоставлении женщинам избирательных прав.

10. XII (27. XI). Студенческая демонстрация в Харькове у здания мужской гимназии, в котором происходило заседание членов «Русского Собрания».

12. XII. В Вене состоялось студенческое собрание, созванное австрийскими украинцами для протеста против политики царского правительства в студенческом вопросе.

14 (1). XII. Сходка студентов Варшавского университета в знак протеста против возложения венка на гроб реакционного попечителя Варшавского учебного округа Апухтина от имени университета.

1904 г.

Русско-японская война. Русская армия и флот терпят поражение за поражением. Выступления и агитация с.-д. организаций против войны. Рабочие и студенческие демонстрации против войны. Экономический кризис в ряде промышленных районов. Увеличение выпуска бумажных денег и займов. Открытие «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Петербурга», руководимого Гапоном. Стачечное движение.

Рост либерального и земского движения. Поход правительства против земства после назначения вместо убитого с.-р. Плеве кн. Святополк-Мирского ослаблен. Усиление студенческого движения.

Агитация большевиков за созыв 3-го съезда встречает поддержку большинства комитетов. Обострение борьбы в партии. Борьба за представительство от большевиков на международном социалистическом конгрессе в Амстердаме.

I. Предоставление министру внутренних дел и тверскому губернатору особых полномочий по отношению к Тверскому земству. Разгром Тверского земства, настроенного оппозиционно. Массовое увольнение земских служащих. Высланы земцы П. И. Петрункевич, А. Бакунин, М. Литвинов. В виде протеста оставили службу врачи, учителя и т. д.

4. I. Сенская федерация Французской социалистической партии исключает Мильерана за голосование в палате депутатов против выступления Франции с предложением всеобщего разоружения.

5. I. После шестимесячной борьбы закончилась поражением стачка ткачей в Криммичау (Саксония).

8—18. I. (26. XII. 1903—5. I). 3-й съезд деятелей по техническому и профессиональному образованию в Петербурге. Руководящую роль на съезде играла X секция—по образованию рабочих, которая в своих резолюциях указывала на необходимость конституционного строя. Съезд закрыт правительством.

9 (22). I. Учреждение губернских комитетов по пересмотру действующего законодательства о крестьянах в губерниях, где введено положение о земских начальниках, а также губерниях Киевской, Волынской и Подольской.

14—17. I. Конгресс Французской социалистической партии (жоресистов) в Сен-Этьене.

16—18 (3—5). I. Учредительный съезд «Союза Освобождения».

17—24 (4—11). I. 9-ый пироговский съезд врачей. Съезд был закрыт полицией. На последнем заседании было запрещено оглашение резолюций. Полиция заглушала речи ораторов и протесты военной музыкой.

18—19 (5—6). I. Разгром социал-демократической организации в Тифлисе. Массовые аресты, арестована вся редакция грузинской с.-д. газеты «Квали».

19 (6). I. Запрос социал-демократической фракции рейхстага о деятельности русской политической полиции в Германии.

28 (15). I. В. И. Ленин и Ф. Ленгник на заседании Совета Партии вносят резолюцию о необходимости созыва III партийного съезда.

II. Екатеринославский соц.-дем. комитет высказывается за созыв 3-го партийного съезда.

II. Письмо П. Струве к студенчеству с призывом принимать участие в патриотических демонстрациях для превращения их в анти-правительственные.

5. II (23. I). Отставка министра народного просвещения Г. Зенгера.

6. II (24. I). Япония прерывает дипломатические сношения с Россией.

7. II. Заседание Международного Социалистического Бюро. От Р. С.-Д. Р. П. на заседании присутствовал Г. В. Плеханов. М. С. Б. приняло резолюцию протеста против преследований русских социалистов в Германии. В виду надвигающейся русско-японской войны принята резолюция с приглашением социалистов всех стран не допустить распространения войны, заставить свои страны не только не участвовать в ней, но, напротив, стараться восстановить и сохранить мир.

9. II (27. I). Объявление войны с Японией.

9. II (27. I). Начало Японией фактических военных действий против России без объявления войны. Нападение японских миноносцев на русскую эскадру в Порт-Артурской гавани. «Ретвизан», «Цесаревич» и «Паллада» вышли из строя.

9. II (27. I). Морской бой под Чемульпо.

Конец I по ст. ст.—II. Патриотические манифестации по всей России проходят при содействии полиции и участии черно-отенцев, правой части студенчества и учащихся средне-учебных заведений и обывателей.

II—III. Рабочие и студенческие демонстрации и собрания против войны.

12. II (30. I). В похоронах Н. Михайловского участвует несколько тысяч человек.

16 (3). II. На совещании четырех министров постановлено закрыть грузинскую с.-д. еженедельную газету «Квали» (Тифлис).

16 (3). II. На собрании студентов социалистов в г. Львове принимается резолюция о желательности поражения царизма в войне с Японией в интересах революционной борьбы и всеобщего мира.

20 (7). II. Опубликован манифест «О предоставлении лицам, отбы-

вающим гласный надзор полиции по политическим делам, права поступать рядовыми в войска действующей армии». «Высочайшая милость» с негодованием была отвергнута в ряде резолюций политическими ссыльными.

26 (13). II. Назначение военного министра А. Н. Куропаткина командующим Маньчжурской армией.

30 (17). II. Демонстрация в Варшаве польских рабочих и учащихся перед английским консульством. Демонстранты криками выражают сочувствие Японии и Англии.

III. Одесский соц.-дем. комитет высказывается за созыв 3-го партийного съезда.

III. Студенческие волнения в Петербургском Горном Институте.

2. III (18. II). В Кракове на массовом собрании, созванном польской социалистической партией по вопросу о русско-японской войне, принята резолюция с призывом к свержению самодержавия.

2 — 20. III (18. II — 7. III). Восстание ссыльных в Якутске против тяжелых условий ссылки и административного произвола. 57 ссыльных забаррикадировались в доме местного жителя Романова. После обстрела ссыльные были вынуждены сдаться, убит рабочий с.-д. Е. Матлахов. Участники восстания преданы суду.

4 — 8. III (20 — 24. II). Стачка на ситценабивной фабрике Морозова в Твери, охватившая 3 000 рабочих. Работы возобновились на прежних условиях.

7. III (23. II). Съезд союза земцев-конституционалистов высказывается против официального включения земцев в «Союз Освобождения».

9. III (25. II). Процесс Боевой организации социалистов-революционеров. Гершуни и Мельникову вынесен смертный приговор, замененный заключением в крепость.

9 — 18. III (25. II — 5. III). Стачка на вагоностроительном заводе в Твери закончилась поражением рабочих.

18 (5). III. Листок Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. «К русскому пролетариату» по поводу русско-японской войны.

IV. Кавказский соц.-дем. союзный комитет высказывается за созыв 3-го партийного съезда.

IV. Тверской соц.-дем. комитет высказывается за созыв 3-го партийного съезда.

IV. «Первая конференция грузинских революционных фракций» в Женеве. С.-д. покинули конференцию.

3. IV (21. III). Проводы писателя Н. А. Рубакина, высланного за «зловредную литературно-общественную деятельность».

13. IV (31. III). Гибель броненосца «Петропавловск».

20 — 26. IV. Железнодорожная стачка в Венгрии.

24 (11). IV. Открытие «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Петербурга», руководимого Гапоном.

V. Первомайские демонстрации.

V. Сибирский союзный комитет высказывается за созыв 3-го партийного съезда.

V. Открытое письмо Г. В. Плеханова Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., в котором он подтверждает обвинение Ц. К. в «бонапартизме», развитое им в статье «Централизм или бонапартизм». Ответ на письмо М. Лядова и вторичный ответ Плеханова.

1. V (18. IV). Русские войска потерпели поражение при Тюренчене на реке Ялу.

7. V (24. IV). Неутверждение Д. Н. Шипова председателем Московской губернской земской управы.

10. V (27. IV). Вооруженное сопротивление в Варшаве при аресте типографии С.-Д. Ц. П. и Л.

11. V (28. IV). Процесс писательницы А. В. Борман (Тырковой) и приват-доцента Е. Аничкова, обвинявшихся «в попытке к распространению» нелегальной литературы (журнал «Освобождение» и его издания).

13. V (30. IV). Краткосрочный внешний заем на сумму 300 милл. рублей.

14 (1). V. Порт-Артур блокирован японским флотом.

19 (6). V. Вышла из печати брошюра В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад».

28 (15). V. Японскими войсками взят Кинчау, важный стратегический пункт, заграждавший подступ к Дальнему и Порт-Артуру.

30 (17). V. Японские войска заняли Дальний.

VI. Петербургский соц.-дем. комитет высказывается за созыв 3-го партийного съезда.

VI. Екатеринославский соц.-дем. комитет высказывается за созыв 3-го партийного съезда.

5. VI (23. V). Грандиозные рабочие демонстрации против русского правительства в Гельсингфорсе, Або, Выборге и других городах Финляндии.

6 — 10. VI. Международный женский конгресс в Берлине (феминисток). Выступление против войны Берты Зутнер.

15 (2). VI. Русские войска потерпели поражение под Ва-фан-гоу.

16. VI. Смертельно ранен в Гельсингфорсе финляндский генерал-губернатор Н. И. Бобриков Евгением Шауманом.

20 (7). VI. Закон об изменении производства дел по политическим преступлениям.

25. VI. Кенигсбергский процесс группы германских социал-демократов во главе с Брауном по обвинению в содействии транспорту русской с.-д. литературы в Россию.

30 (17). VI. Назначение кн. И. Оболенского финляндским генерал-губернатором.

VII. Три члена Ц. К. (Глебов, Красин, Носков) в отсутствии Ленина принимают примиренческую декларацию, содержащую ряд уступок меньшинству. Главнейшие из них: 1) признание законности состава редакции Ц. О. после кооптации Аксельрода, Засулич и Потресова, 2) запрещение агитации за созыв 3-го партийного съезда.

VII. Открытое письмо Плеханову 37 членов с.-д. партии с выражением протеста против характеристики им на страницах «Искры» (№№ 66, 67) политики Ц. К. как «бонапартистской». Письмо напечатано отдельным листком, так как редакция «Искры» отказалась его поместить.

26. VII. Митинг революционных организаций в Лондоне по поводу избиения ссыльных в Якутске.

28 (15). VII. По приговору Боевой организации партии с.-р. убит министр внутренних дел Плеве бомбой, брошенной Г. Сазоновым.

28. VII. Подписан русско-германский торговый договор в Берлине.

VIII. Конференция «22-х» членов партии, стоящих на точке зрения большинства 2-го партийного съезда, обратилась ко всем российским с.-д. с воззванием, в котором мотивирует необходимость созыва 3-го съезда партии.

VIII. Сотрудники партийной литературной экспедиции во главе с В. Бонч-Бруевичем отказываются от работы в виду постановления Ц. К. («июльская декларация») о запрещении агитации за съезд и стремления воспрепятствовать распространению литературы большинства.

VIII. Организация большинством самостоятельного издательства в Женеве.

VIII. Опубликование «июльской декларации» в урезанном виде в «Искре» (№ 72). Главнейшие постановления неоглашенной части декларации: 1) ограничение обязанностей Ленина как заграничного представителя Ц. К. лишь обслуживанием литературных нужд Ц. К., 2) роспуск Южного бюро Ц. К. в виду несогласованности настоящей его деятельности с деятельностью Ц. К.

7. VIII (25. VII). Демонстрации в Варшаве в честь Мардина Каопржака, обвиняемого в вооруженном сопротивлении при аресте подпольной типографии С.-Д. Ц. П. и Л.

8 — 20. VIII. Международный социалистический конгресс в Амстердаме. Р. С.-Д. Р. П. представляли члены Совета Партии и Дан, Дейч, Засулич. В. И. Ленин свой мандат на съезд передал Лядову и Красикову. М. Б. С. согласилось на их включение, несмотря на протест Плеханова. К конгрессу меньшинство и большинство издало печатные доклады о положении дел в партии.

9 — 11. VIII. Третий конгресс Социалистической Партии Франции в Лилле.

12. VIII (30. VII). Выпуск внутреннего займа на сумму 150 милл. рублей для покрытия расходов на войну.

20 — 21 (7 — 8). VIII. Процесс 57 административно-ссыльных в Якутске по обвинению в вооруженном сопротивлении. 55 человек приговорены к 12 годам каторги.

24 (11). VIII. Царский манифест в ознаменование рождения наследника Алексея об отмене телесных наказаний в деревне и в войсках, о сложении с крестьян недоимок, о разрешении повсеместного жительства евреям мануфактур-советникам и отставным нижним чинам, о праве губернаторов сокращать срок ссылки и т. д.

26 (13). VIII — 3 IX (21. VIII). Стачка на Сормовских заводах из-за введения штрафов.

29 (16). VIII. Стачка в кузнечной мастерской Путиловского завода.

IX. Закончилась ревизия курского земства тов. министра внутренних дел Н. Зиновьевым.

2. IX (20. VIII). Русские войска потерпели поражение под Ляояном.

7 — 21. IX (25. VIII — 8. IX). Стачка строительных рабочих в Варшаве под руководством комитета С.-Д. Ц. П. и Л. закончилась частичной победой стачечников.

8. IX (26. VIII). Кн. Святополк-Мирский назначен министром внутренних дел.

16 — 18. IX. Всеобщая стачка в Италии в знак протеста против расстрела солдатами бастующих углекопов.

18 — 24. IX. Съезд германской с.-д. в Бремене.

21 (8). IX. В Москве состоялось первое заседание Бюро земских съездов, на котором решено созвать в ноябре съезд земских и городских деятелей.

23 (12). IX. В Белостоке большое собрание рабочих в лесу разогнано полицией, стрелявшей в бегущих («белостокская бойня»). Демонстрации протеста в ряде городов Западного края в течение сентября — октября.

30. IX — 8. X. В Париже состоялась конференция представителей революционных и оппозиционных партий России о согласованных действиях (с.-д. участия не принимали).

X. Начало издания редакцией «Искры» популярной рабочей газеты «Социал-Демократ».

2. X (19. IX). Общее собрание членов «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Петербурга», руководимого Гапоном.

12. X (29. IX). Освобождены из Шлиссельбурга В. Фигнер, В. Иванов и М. Ашенбренер и приговорены к ссылке на север на поселение.

23 (10). X. В Петербурге открылось «зубатовское» «С. Петербургское общество взаимопомощи рабочих механического производства».

27 (14). X. Массовая студенческая демонстрация в Петербурге около Выборгской тюрьмы. Проводы покончившего самоубийством в тюрьме студента Малышева.

СОДЕРЖАНИЕ *).

		стр.
	От редакции	VII
	II СЪЕЗД Р.С.-Д.Р.П *30 (17) июля — 23 (10) августа 1903 г.*	1—36
*	1. Проект резолюции о демонстрациях	5
*	2. Проект резолюции о месте Бунда в партии	6
	3. Проект резолюции об отношении к учащейся молодежи	7
*	4. Проект резолюции о партийной литературе	8
*	5. Проект резолюции об издании органа для сектантов	9
*	6. Проекты мелких резолюций	10—11
	Экономическая борьба	10
	1 мая	—
	Международный конгресс	—
	Террор	—
	Пропаганда	11
	Распределение сил	—
	7. Проект устава Росс. С.-Д.Р.П. Вариант	12
	8. Первая речь по вопросу о порядке дня съезда 31 (18) июля	14
	9. Вторая речь по вопросу о порядке дня съезда 31 (18) июля	15
*	10. Речь по вопросу о действиях Организационного Комитета 31 (18) июля	16
*	11. Речь по вопросу об участии польских социал-демократов на съезде 31 (18) июля	17
	12. Речь по вопросу о месте Бунда в Р.С.-Д.Р.П. 2 августа (20 июля)	18
	13. Речь по вопросу о программе партии 4 августа (22 июля)	21
	14. Доклад об уставе партии 11 августа (29 июля)	24
	15. Первая речь при обсуждении аграрной программы 13 августа (31 июля)	25
	16. Вторая речь при обсуждении аграрной программы 14 (1) августа	27
	17. Третья речь при обсуждении аграрной программы 14 (1) августа	29

* Звездочкой отмечены произведения, не вошедшие в первое издание Сочинений.

стр.

* 18. Четвертая речь при обсуждении аграрной программы 14 (1) августа 30
19. Речь при обсуждении устава партии 15 (2) августа . . 31
20. Речь при выборах редакции «Искры» 20 (7) августа . . 34
* ПРОТИВОРЕЧИЯ И ЗИГЗАГИ МАРТОВА 37
* ПИСЬМО А. М. КАЛМЫКОВОЙ 38
* ПИСЬМО А. Н. ПОТРЕСОВУ 41
* РАССКАЗ О II СЪЕЗДЕ Р.С.-Д.Р.П. 45
«СОРВАЛОСЬ!» 61
* ПИСЬМО А. М. КАЛМЫКОВОЙ 66
МАКСИМУМ БЕЗЗАСТЕНЧИВОСТИ И МИНИМУМ ЛОГИКИ 68
* ПИСЬМО РЕДАКЦИИ Ц. О. — Ю. О. МАРТОВУ 73
* ПИСЬМО Г. Д. ЛЕЙТЕЙЗЕНУ 74
* ПРОЕКТ ОБРАЩЕНИЯ Ц. К. И РЕДАКЦИИ Ц. О. К ЧЛЕНАМ ОППОЗИЦИИ. *Вариант* 76
ПОЛОЖЕНИЕ БУНДА В ПАРТИИ 78
II СЪЕЗД ЗАГРАНИЧНОЙ ЛИГИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ. *26 (13) — 31 (18) октября 1903 г.* . . . . . 87 — 100
* 1. Предварительные замечания к докладу о II съезде Р.С.-Д.Р.П. 26 (13) октября . . . . . 89 — 90
I 89
II . . . . . —
III 90
IV . . . . . —
2. Доклад о II съезде Р.С.-Д.Р.П. 27 (14) октября. . . . 91
* 3. Речь об уставе Лиги 30 (17) октября 100
* НЕПОДАННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ 101
* ПИСЬМО Г. В. ПЛЕХАНОВУ 105
* ЗАЯВЛЕНИЕ О СЛОЖЕНИИ С СЕБЯ ДОЛЖНОСТИ ЧЛЕНА СОВЕТА ПАРТИИ И ЧЛЕНА РЕДАКЦИИ Ц. О. 106
* ДВА ПИСЬМА Г. М. КРЖИЖАНОВСКОМУ . . . . . 107 — 108
I 107
II 108
* НЕПОСЛАННОЕ ПИСЬМО М. Н. ЛЯДОВУ 109
НАРОДНИЧЕСТВУЮЩАЯ БУРЖУАЗИЯ И РАСТЕРЯННОЕ НАРОДНИЧЕСТВО 113
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ИСКРЫ» 120
ПОЧЕМУ Я ВЫШЕЛ ИЗ РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ» 124
* ПИСЬМО Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. АДМИНИСТРАЦИИ ЗАГРАНИЧНОЙ ЛИГИ, ГРУППАМ СОДЕЙСТВИЯ ПАРТИИ И ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ, НАХОДЯЩИМСЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ 132
ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «ПИСЬМО К ТОВАРИЩУ О НАШИХ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ЗАДАЧАХ» 137
ПОСЛЕСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «ПИСЬМО К ТОВАРИЩУ О НАШИХ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ЗАДАЧАХ» 139
* ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ, ВНЕСЕННЫЙ НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА ПАРТИИ 28 ЯНВАРЯ 1904 Г. 144
* ОСОБОЕ МНЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ Ц.К. В СОВЕТЕ ПАРТИИ ПО ВОПРОСУ О РЕЗОЛЮЦИИ ПЛЕХАНОВА, ВНЕСЕННОЕ НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА 30 ЯНВАРЯ 1904 Г. 147
ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ УХОДА ИЗ РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ». 149

стр.

ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД. *Кризис в нашей партии* . . . . . 155 — 336

Предисловие 159

а) Подготовка съезда 162
б) Значение группировок на съезде 163
в) Начало съезда. — Инцидент с Организационным Комитетом 166
г) Распущение группы «Южного Рабочего» 173
д) Инцидент с равноправием языков 176
е) Аграрная программа 182
ж) Устав партии. Проект т. Мартова 188
з) Прения о централизме до раскола внутри искровцев 196
и) Параграф первый Устава 201
і) Невинно пострадавшие от ложного обвинения в оппортунизме 220
к) Продолжение прений об уставе. Состав Совета. 228
л) Конец прений об уставе. Кооптация в центры. Уход делегатов «Рабочего Дела» 232
м) Выборы. Конец съезда 243
н) Общая картина борьбы на съезде. Революционное и оппортунистическое крыло партии 264
о) После съезда. Два приема борьбы 276
п) Маленькие неприятности не должны мешать большому удовольствию 291
р) Новая «Искра». Оппортунизм в организационных вопросах 300
с) Нечто о диалектике. Два переворота 324

Приложение.

Инцидент тов. Гусева с тов. Дейчем 329

*ПЕРВОЕ МАЯ 337
*ПИСЬМО ЧЛЕНАМ Ц.К. 341
*ЗАЯВЛЕНИЕ ТРЕХ ЧЛЕНОВ Ц.К. 344
ЧЕГО МЫ ДОБИВАЕМСЯ? *К партии* 346
К ПАРТИИ 353
ПИСЬМО ГЛЕБОВУ (Б. Н. НОСКОВУ) 360
УСЛУЖЛИВЫЙ ЛИБЕРАЛ 368
*ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ Н. ШАХОВА «БОРЬБА ЗА СЪЕЗД» 371
ПИСЬМО К ТОВАРИЩАМ. *К выходу органа партийного большинства* 372
ЗАЯВЛЕНИЯ И ДОКУМЕНТЫ О РАЗРЫВЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ С ПАРТИЕЙ . . . . . 377 — 386

Приложение 383

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I. *Список изданий периода август 1903 — декабрь 1904 г., в редактировании которых принимал участие В. И. Ленин.* 389
II. *Указатель литературных работ и источников, упоминаемых В. И. Лениным в произведениях VI тома* . . . . . 391 — 397
На иностранных языках 397

стр.

III. *Документы и материалы* . . . . . 398 — 409

№ 1 Резолюции II съезда Р. С.-Д. Р. П. . . . . 398 — 405
1. О месте Бунда в партии 398
2. О центральном органе партии . . . . . —
3. О районных организациях 399
4. О местных организациях . . . . . —
5. О работе среди сектантов . . . . . —
6. О показаниях на следствии . . . . . —
7. Об отношении к либералам (Старовера) . . . —
8. Об отношении к либералам (Плеханова) . . . 400
9. О социалистах-революционерах . . . . . —
10. О демонстрациях 401
11. О профессиональной борьбе . . . . . —
12. Об антиеврейских погромах 402
13. О фабричных старостах . . . . . —
14. О постановке пропаганды . . . . . —
15. Об отношении к учащейся молодежи 403
16. Об Амстердамском конгрессе . . . . . —
17. О партийной литературе . . . . . —
18. Устав Р. С.-Д. Р. П. . . . . —

№ 2. Резолюция об очередных задачах внутрипартийной борьбы, принятая на совещании 17 сторонников меньшинства II съезда 405

№ 3. Заявление Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. 407

IV. *Примечания* 410
Указатель важнейших примечаний в алфавитном порядке . 449
V. *Словарь-указатель имен* 451
VI. *Основные вехи жизни В. И. Ленина* 485
VII. *Летопись событий* 490

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Обложка книги: «Второй очередной съезд Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии» — 1904 г. 3
Первая страница рукописи В. И. Ленина: «Рассказ о II съезде Рос. С.-Д. Р. П.» — 1903 г. 47
Титульный лист брошюры В. И. Ленина: «Письмо в редакцию «Искры»» — 1903 г. 125
Обложка брошюры В. И. Ленина: «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» — 1904 г. 135
Обложка брошюры В. И. Ленина: «Шаг вперед, два шага назад» — 1904 г. 157
71 страница рукописи В. И. Ленина: «Шаг вперед, два шага назад» — 1904 г. 199
Первая страница письма В. И. Ленина Глебову (Б. Н. Носкову) — 11 сентября 1904 г. 361

VI ТОМ

СОЧИНЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ

В. Г. СОРИНЫМ

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ:

В. В. АДОРАТСКИЙ, Д. Я. КИН, Е. И. КОРОТКИЙ,
В. Г. СОРИН

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ:

Д. К. БОГОМИЛЬСКИЙ, И. Д. ГАЛАКТИОНОВ,
К. И. ХАЛАБАЕВ

ИЗДАНИЕ НАПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ «ПЕЧАТНЫЙ ДВОР»
ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ:
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ТЕХНИЧЕСКОЙ ЧАСТЬЮ
В. П. ФЕДОТОВА,
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ОПЕРАТИВНО-ПЛАНОВЫМ ОТДЕЛОМ
Д. Ф. БУТЫШКИНА,
БРИГАДИРОВ:
А. Г. ИВАНОВА, Е. Г. ЖЕНИНА И Г. Л. ГОРОДКО,
ВЕРСТАЛЬЩИКОВ:
Н. Т. ВАСИЛЬЕВА, П. П. ЗАХАРОВА И В. П. ФЕДОРОВА,
КОРРЕКТОРОВ:
Б. А. ГУРЕВИЧ И С. М. ПАРФЕНОВОЙ,
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ПЕЧАТНЫМ ОТДЕЛЕНИЕМ
П. В. ЕГУНОВА,
ПЕЧАТНЫХ МАСТЕРОВ:
В. В. ВАСИЛЬЕВА, П. Р. КЛЮЧЕВА И Т. А. ФАДДЕЕВА,
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ПЕРЕПЛЕТНЫМ ОТДЕЛЕНИЕМ
И. С. БУХАРИНА
И ЕГО ПОМОЩНИКОВ:
Я. Ф. ГОЛУБЕВА И Я. Д. ЛЕВШИНА

Л, 2. Гив № 11548.
Ленинградский Областлит № 31963.
32 л. Тираж 35000. 15. VII. 1929.

ЛЕНИН